

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
Всеобщей Истории Российской Академии Наук

На правах рукописи

Матвеева Анна Геннадьевна

Эволюция системы власти Германской империи в 1890-1914 гг.

Специальность 5.6.2. – Всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва

2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Система государственной власти в Германии и основные этапы ее трансформации в 1890-1914 гг.	87
§1. Правовые основы и правовая культура системы власти в Пруссии по Конституции 1850 г.	87
§2. Правовой режим и особенности функционирования ветвей власти в Германской империи по Конституции 1871 г.	102
§3 Политико-психологический портрет Вильгельма II	124
§4. Начало формирования режима вильгельминизма	145
§5. Институт канцлерства и его роль во властной системе империи.	
Основныe этапы эволюции режима вильгельминизма	169
5.1. Лео фон Каприви (1890-1894)	169
5.2. Хлодвиг фон Гогенлоэ-Шиллингсфюрст (1894-1900)	199
5.3. Бернхард фон Бюлов (1900-1909)	220
5.4. Теобальд фон Бетман-Гольвег (1909-1914)	250
Глава 2. Традиционные властные структуры Германии и их трансформация в период вильгельминизма	273
§1. Пруссия как центр «гегемонистской унификации» Германской империи	273
§2. Особенности и традиции рекрутирования властной элиты империи: роль прусской земельной аристократии	320
§ 3 Формирование политического курса периода вильгельминизма и политические скандалы начала XX в. как фактор дестабилизации имперской системы	390

Глава 3. Изменение роли политических институтов и эволюция имперской модели Германии рубежа XIX – XX вв.	448
§1. Партийная система Германии: история, структура, программы	448
§2. Трансформация роли рейхстага и его становление как равноправного властного центра Германской империи	469
2.1. «Новый курс» и политика «примирения»	471
2.2. От попытки «политики единения» к превращению Центра в «правлящую партию»	501
2.3. Бюловский блок	537
2.4. От консервативно-клерикального союза к победе левых сил	575
§3 Иерархии: социал-демократия и рабочее движение в структуре политического пространства Германской империи	599
3.1. Государственная социальная политика и социальное законодательство как инструменты интеграции рабочего класса в общественно-политическую структуру империи	599
3.2. Социал-демократическая партия Германии: от «партии мятежа» к поддержке правительственного курса	614
Заключение	668
Источники и литература	679

Введение.

История Германии периода правления императора Вильгельма II не так часто становится предметом специального изучения. И для отечественных, и для зарубежных историков этот этап немецкого прошлого традиционно находится в тени более «ярких» периодов – провозглашения империи в 1871 г., конституирования Веймарской республики, страшной эпохи национал-социализма и т.д. Современные историки продолжают рассматривать историю Германской империи преимущественно в парадигме кризиса и распада, ищут и чаще всего находят в политической системе имперской Германии и предпосылки для ее скорого краха, и обусловленность тоталитарного будущего в межвоенный период. Историографическим трендом все еще является постоянное возвращение к идее об «особом пути» Германии, которая имеет однозначно отрицательную коннотацию.

Интерес последних десятилетий к судьбам империй в XIX-XX вв. не случаен и является попыткой переосмысления устоявшихся не только в литературе, но и в общественном сознании догм. «В 1990-е годы именно механизмы развала империй были в фокусе внимания историографии. Чаще всего эта тематика осмысливалась через призму теорий национализма, которые стали столь популярными в 1980-е годы. На рубеже 1990-х и 2000-х годов историки переформулировали исследовательские вопросы: их стало больше интересоваться, что делало империи столь устойчивыми в течение столетий, как была устроена система имперской власти. Похоже, теперь историки ... видят механизмы распада империй иначе, чем в начале «бума империологии»», писал ведущий отечественный исследователь имперской проблематики А.И. Миллер¹. Дефиниций империй достаточно много, их классификация также продолжает быть предметом жаркой научной дискуссии. Большая Российская энциклопедия дает шесть таких определений, наиболее всеобъемлющим на сегодняшний день является дефиниция,

¹ Миллер А.И. Модерные империи: проблемы классификации, механизмы консолидации и распада // Политическая наука. №3 2013. С. 30.

выработанная Ю. Остерхаммелем: «Империя – это большая иерархическая структура доминации, имеющая полиэтничный и полирелигиозный характер. Устойчивость этой структуры обеспечивается угрозой насилия, имперской администрацией, коллаборацией подчиненных, а также универсалистскими программами и символами имперской элиты, но не социальной и политической гомогенизацией и универсальностью гражданских прав»².

Историография Германской империи является наиболее политизированной и идеологизированной, начало чему было положено на Парижской мирной конференции в 1919 г., которая возложила на нее единоличную ответственность за развязывание Первой мировой войны. С другой стороны, ее пример (при этом очевидно, что в центре нашего исследования находится только ее метрополия и происходящие в ней процессы), что обуславливает **научную актуальность** диссертационного исследования, может рассматриваться как во многом эталонный пример при изучении изменения иерархии центров власти в системе принятия решений, эволюции имперской власти, влияния на нее демократических идей и трансформации политических институтов, связанных с вовлеченностью широких слоев населения в политическую жизнь через демократические механизмы политического участия.

Актуальность диссертационному исследованию придает и ее проблематика, связанная с формированием консолидирующей общество и власть национальной идеи, которая являлась самым значимым фактором стабильности и устойчивости имперской власти.

Оригинальность исследования обусловлена введением в научный оборот комплекса новых источников, выявленных нами в архивных коллекциях, прежде всего в фондах Архива внешней политики Российской империи МИД РФ, позволяющих провести, впервые в отечественной

² *Osterhammel J. Europamodelle und imperiale kontexte // Journal of modern European history. München, 2004. №2. P. 172.*

историографии, всестороннее изучение властной системы, а также основных направлений внутривластного развития Германии на достаточно продолжительном и принципиально важном отрезке времени. Использование этих документов позволяет рассматривать Германию как часть макросистемы империй, в которой соперничество между Россией и Германией оставалось в рамках «конвенциональных ограничений», бывших залогом стабильности мирового порядка.

Новизна исследования состоит в постановке актуальной исследовательской проблемы и в получении в результате ее разработки новых результатов. Вильгельмовский период немецкой истории рассматривается как единый процесс конституирования империи на германском пространстве, эволюции имперской системы власти, детерминированной новой внешнеполитической стратегией, ставшей национальной идеей. С новизной и актуальностью связана и основная **теоретическая значимость** исследования, которое вносит весомый вклад не только в отечественную историческую германистику, страноведение, но и дополняет имеющиеся имперские концепции, предлагая новое видение системы власти Германской империи и ее эволюции на рубеже XIX-XX веков.

Объектом диссертационного исследования является государственное строительство Германской империи в конце XIX - начале XX в. Предметом – эволюция политического режима Германской империи в период вильгельминизма.

Цель исследования - комплексный анализ процесса формирования Германской империи в период 1890-1914 гг., эволюции ее политического режима и создания внутривластных условий для реализации национальной стратегической программы.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие **исследовательские задачи**:

– проанализировать конституционную базу функционирования Пруссии и Германии в означенный период, выявить особенности основополагающих законодательных документов и противоречия, в них заложенные;

– определить причины изменения внутривнутриполитической ситуации в 1890 г., а также параметры формируемого в начале 1890-х гг. политического режима;

– проследить магистральные направления внутренней политики, выявить ее подлинные цели и задачи;

– рассмотреть изменение взаимоотношений власти и политических партий, а также значимых общественных организаций, выявить параметры и причины их эволюции;

– проанализировать процесс эмансипации рейхстага, его превращения из преимущественно дискуссионной площадки в один из важнейших центров власти в Германии;

– проследить развитие рабочего движения, социальной политики и ее воздействие на постепенное превращение Социал-демократической партии Германии из «партии мятежа» в социал-реформистскую парламентскую партию, готовую к участию в государственных процессах;

– выявить определяющие факторы формирования в Германии имперской повестки и основные параметры реализации стратегии «мировой политики».

Цели и задачи исследования определили **хронологические рамки работы**. Нижней границей диссертационной работы был определен 1890 г. как дата отставки О. фон Бисмарка и начало «постбисмарковского» или «вильгельмовского» периода в истории Германии. Эта дата ознаменовала не просто формальное провозглашение изменений во внешней и внутренней политике страны, но стала рубежом, когда подходы к реализации политического курса, а также сам курс изменились принципиально. Верхней хронологической границей исследования стал 1914 г. как год начала Первой

мировой войны, завершивший период мирного функционирования режима и сразу же повлекший за собой его принципиальные изменения.

При написании диссертации нами был использован практически весь **методологический арсенал** современной исторической науки³. В основе нашего исследования лежит *историко-генетический метод*, позволяющий проследить эволюцию режима вильгельминизма от его зарождения до высшей точки его мирного развития. Тот же метод применим и при изучении каждого элемента этого режима – монархического принципа, института канцлерства, прерогатив и места рейхстага в системе органов представительной власти и т.д. Страноведческое исследование, коим без всякого сомнения является и наша диссертация, в принципе невозможно без использования этого метода, так как история страны, и история имперской Германии здесь не исключение, является единой, взаимосвязанной, в которой последующие события детерминированы предыдущими этапами развития. Так, например, рассмотрение и анализ роли политической элиты вильгельмовского периода невозможно без экскурса в историю юнкерства, которая только и может дать ответ на вопрос, в чем причина сохранения земледельческой прусской элитой ведущей роли в политической системе Германии после того, как она потеряла свой экономический вес. Тот же методологический подход был положен в основу изучения и иных процессов – эволюции социальных групп, общественно-политических движений, властных институтов и т.д.

Тесно связан с историко-генетическим (или историческим) методом иной принцип научного познания мира, а именно – *сравнительный метод*. Собственно, выявление критериев для сравнения тех или иных явлений или процессов составляет значимую часть любого исторического исследования и наша диссертация здесь не исключение. Для того, чтобы адекватно проанализировать политический режим, и шире – систему власти в период вильгельминизма мы постоянно сравниваем ее с «бисмарковской системой», с

³ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003; Гринин Л.Е., Крадин Н.Н. Коротав А.В. О методах исторического исследования // Вестник КИГИТ. №6 2013. С. 4-29.

теми принципами, которые были в нее заложены в момент провозглашения Германской империи в 1871 г. Именно такое сравнение позволило нам выявить основные изменения, произошедшие в политической системе страны, что в свою очередь, позволяет говорить о ее существенной трансформации. Мы сравнивали не только политические режимы, но и разные этапы во взаимоотношениях исполнительной власти и политических партий, в отношениях между партиями, а также основные направления внутренней политики, присущие периоду того или иного канцлерства. Особенно наглядно и важно для нашей работы сравнение отношения к государству Социал-демократической партии Германии образца 1890 и 1914 гг. Таких примеров использования сравнительного метода можно привести бесконечное множество.

Применение *типологического метода* позволило нам «встроить» Германскую империю в макросистему империй конца XIX – начала XX в., выявить общее и особенное, и доказать, что собственно имперское строительство получило новый импульс как раз с установлением режима вильгельминизма, опровергнув тем самым аксиому, что история Германии как империи началась с ее провозглашения в Зеркальном зале Версальского дворца. Тот же метод позволил, опираясь на разработанные типологии политических режимов (Ж. Блонделя, Ч. Эндрейна, Ф. Шмиттера, Г. Голосова), как нам представляется достаточно убедительно доказать, что режим вильгельминизма ни в коей мере нельзя считать примером «личного», т.е. авторитарного режима, что он не выходит за рамки классического типа монархического режима, который в каждой стране имел те или иные особенности. Типологический подход использовался нами и при анализе немецкой формы конституционализма, также вполне укладывающегося в типологию европейского конституционализма XIX в. с некоторыми специфическими чертами, которые вовсе не делали его, вопреки принятой в немецкой историографии концепции, «недоконституционализмом». То же касается и немецкого парламентаризма, который не в большей, но и в

неменьшей степени, чем парламентские системы основных европейских империй соответствующего периода, обладал трансформационным потенциалом, что также не является общепризнанной в историографии точкой зрения.

Структурный метод, основы которого были заложены работами лингвистов (Ф. де Соссюра), социологов (Э. Дюркгейма), а также антропологов, фольклористов, этнологов (К. Леви-Стросс) применим и в исторических исследованиях. Так, он совершенно незаменим при изучении политических систем и структур власти, а именно этим проблемам и концептам посвящена значительная часть нашего диссертационного исследования. Эволюция властных структур, трансформация рейхстага из «дискуссионной» площадки в один из основных властных центров, вопросы социальной политики и ее воздействия на новые общественные силы, прежде всего, пролетариат и рабочее движение, исследовались нами с использованием методологических структурных подходов.

Поставленные в нашей работе исследовательские задачи решались на принципах *системного подхода*, что абсолютно закономерно в том случае, когда предметом исследования является система политической власти и эволюция основных элементов этой системы, а также характера их взаимодействия друг с другом и с внешней средой, что практически полностью совпадает с основными задачами, выделенными для данного метода в целом⁴. Государство в нашем диссертационном исследовании предстает как сложносочиненная, но в полной мере сбалансированная система, в которой трансформация функций одной ее части (например, рейхстага) вела к трансформации системы в целом. Те же процессы можно проследить и на ином примере – формирование «четвертой власти», средств массовой информации оказало решающее воздействие на распределение прерогатив и эволюцию властной системы в принципе, на деградацию

⁴ Гринин Л.Е., Крадин Н.Н. Коротав А.В. Указ. соч. С. 26.

«теневых» властных механизмов и перенос центра тяжести на «демократические институты», формируемые при максимальном политическом участии широких слоев населения.

Все вышеперечисленные методы, которые приняты в качестве основных для исторических исследований, создают единую теоретико-методологическую основу нашей работы, которую можно было бы определить как «принцип историзма», а можно – как комплексный подход, в котором мы постарались учесть и использовать все возможные инструменты, которые предлагает современная методология. Комплексный подход допускает использования некоторых приемов и методов иных наук – так, при анализе правовых, конституционных документов мы оперировали терминологией и системой доказательств, принятыми в юридической науке; в очень небольшой мере (например, при анализе результатов парламентских выборов) мы прибегали к статистическим методам; затрагивая вопросы финансовой, экономической, налоговой систем империи, вынуждены были использовать язык экономической науки. При изучении типов политических режимов и форм государственности мы неминуемо вторгались в исследовательское поле политологии. Поэтому, в некоторой степени, наше исследование можно определить как междисциплинарное. Впрочем, представляется, что на современном этапе развития науки серьезная историческая работа иной быть и не может.

Однако, нам хотелось бы дополнить этот анализ еще одним важнейшим «методом» – фигурой самого историка, который на основании имеющегося в его распоряжении комплекса источников и опираясь на существующую историографию, то есть накопленные до него результаты исследований, выстраивает максимально удовлетворяющую его с точки зрения логичности и доказательности конструкцию. Она должна носить, с нашей точки зрения, максимально общий характер, что позволяет в выводах подняться на тот уровень обобщений, который действительно способен обогатить наши представления и знания о прошлом, а значит и о мире как таковом.

Историография.

С темой нашей работы, в силу ее широты и большого хронологического периода, так или иначе соприкасается большинство исследований по внутриполитическим проблемам и в целом истории Германии не только имперского периода, но и новой и новейшей истории в целом. Для нас наибольший интерес и важность представляли монографии и статьи, посвященные таким традиционным для германской и российской историографии проблемам как политическая история, история государства и права, биографика, социальная история, история различных партий и общественных организаций, элитология и изучение проблем авторитаризма и парламентаризма. Структурировать историографический обзор мы посчитали нужным по проблемно-хронологическому принципу, отталкиваясь от структуры работы и основных задач, которые предполагается решить. Есть темы, по самым разным причинам малоисследованные в мировой историографии, в данном же случае у нас кардинально иная ситуация. В том множестве работ, которые уже созданы, необходимо найти не только собственный путь, но и предложить концепцию, собственные интерпретации, логику и понимание причинно-следственных связей событий и тенденций, характерных для германской истории периода вильгельминизма.

Предварительно считаем нужным сделать необходимую оговорку. Во-первых, в нашей диссертации мы преимущественно опирались на работы немецкой и отечественной историографии, что связано с несколькими факторами. Немецкая историография, для которой история Германской империи является национальной историей, не потерявшей актуальности и по сей день, самая полная, проработанная и основанная на самом широком круге источников, часть из которых недоступна зарубежным исследователям. Именно работы немецких историков представляют собой самый полный и всесторонний массив литературы в целом по истории Германской империи, и по отдельным ее сюжетам, в частности. Принимая во внимание, что всякая

национальная история, чаще всего, не только актуальна с научной точки зрения, но и является предметом общественного внимания и обсуждения, она неизбежно политизирована. Немецкая историография в этом смысле не является исключением, она также испытывает воздействие позднейших событий и идеологических оценок. Немецкие историки ищут и чаще всего находят в имперском периоде предтечу и даже первопричину периода национал-социализма, в связи с чем в центре их внимания находится спор об «особом пути» Германии в Европе и мире. При этом история Германской империи теряет свою самоценность, является лишь малозначимой (или весьма значимой) предтечей роковых и эпохальных событий XX века.

Отечественная историография, опять-таки в силу сложного комплекса причин (в том числе долгого господства единственной идеологии, которая сужала исследовательские возможности, незначительного, особенно по сравнению с новейшим периодом, интереса к истории XIX в., тем более внутривосточной, а также из-за немногочисленности историков-германистов) касалась только ограниченного круга тем и сюжетов, редко «замахиваясь» на решение крупных задач, предпочитая заниматься более локальными вопросами. Не избежала она и влияния политических клише, связанных с собственно российской историей, сложным комплексом германо-русских и особенно германо-советских отношений, а также с определенной историографической традицией, существующей в отечественной науке. К работе также привлечена англоязычная литература, но в меньшей степени в силу ее высокой политизированности, но значительно меньшей информативности.

Наш историографический очерк мы начнем с общей характеристики основных тенденций развития историографии имперского периода. Период Веймарской республики чрезвычайно беден на подобные работы. Можно назвать, пожалуй, только труды О. Хайнца и П. Рюльмана⁵, которые в

⁵ *Rühlmann P., O. Haintz* Das deutsche Kaiserreich 1871-1914. Leipzig : B. G. Teubner, 1925; *Rühlmann P.* Das deutsche Kaiserreich in seinen außenpolitischen Beziehungen (1871-1914). 4. Aufl. Leipzig: B. G. Teubner, 1928.

тяжелейшей с политической, экономической, моральной и психологической точек зрения межвоенной обстановке начинали формировать представления немцев об империи, и главное, о причинах ее краха, которые они сводили к внешнеполитическим и военным аспектам. Историографию периода национал-социализма также не стоит рассматривать с научной точки зрения, так как она практически целиком и полностью служила политическим и, главное, пропагандистским целям, обосновывая внешнеполитический курс Германии. Работы, имеющие ценность на сегодняшний момент, появились только через десятилетие после Второй мировой войны. При этом по обе стороны германо-германской границы у них была общая черта - чрезмерная политическая ангажированность, но векторы исследования они имели противоположные. В основе обеих концепций лежали, в значительной степени, работы К. Маркса и М. Вебера, однако на этой общей почве «росли совершенно различные цветы». В работах историков ГДР превалировали социально-экономические сюжеты и классово детерминированные причинно-следственные связи. Очень показательной в этой связи является, например, работа коллектива авторов из Берлинского университета им. Гумбольдта под руководством Г. Зеебера⁶. Книга, написанная на широчайшем круге источников, достаточно полно анализирует все составные части политической системы, созданной Бисмарком, которая определяется авторами как бонапартистская. Отставка канцлера рассматривается как банкротство и дискредитация системы, главным вопросом канцлерского кризиса называется социал-демократический, а действия императора и пришедшего на смену Бисмарку Каприви определяются как исключительно конъюнктурные, не имеющие серьезных последствий в политическом курсе страны. Те же проблемы, с некоторыми нюансами, но в той же общей парадигме, были рассмотрены и автором самой известной восточногерманской монографии об

⁶ *Seeber G. u.a. Bismarcks Sturz. Zur Rolle der Klassen in der Endphase der preußisch-deutschen Bonapartismus. Berlin, 1977.*

О. фон Бисмарке⁷. Э. Энгельберг доказывает, что в империи фактически вся полнота власти находилась в руках канцлера, даже бундесрат был только фикцией, которая служила «княжеской страховкой против демократии»⁸, как определял всю империю В. Либкнехт. Большинство историков ГДР, группировавшихся как раз вокруг Э. Энгельберга и созданной им в Лейпцигском университете школы по изучению новой и новейшей истории Германии, занимались в основном все-таки не историей империи, тем более не периодом вильгельминизма. К ученикам Энгельберга можно отнести Г. Шиля⁹, В. Руге¹⁰, В. Кюттлера. В центре их исследований находились история Освободительной войны 1813-14 гг., демократическое движение периода Французской революции, реформы Штейна-Гарденберга, рабочее движение, Ноябрьская революция, Движение Сопротивления, история самой ГДР и т.д.

В этой связи очень показателен вышедший в ГДР в 1985 г. сборник эссе «Картины имперских времен»¹¹, подборка которых прекрасно показывает те основные темы в истории Германской империи, которые были интересны восточногерманским ученым: монополизация различных отраслей промышленности, агрессивная внешняя политика, съезды СДПГ, стачки и забастовки, внешнеполитические кризисы с участием Германии. Интересны и хронологические рамки, если учесть, что в немецкой истории 1917 г. не был рубежным или принципиально важным. Впрочем, мы не стремимся каким-то образом принизить сделанное учеными ГДР, все те события и процессы, на которые они обращали самое пристальное внимание, имели место, и к тому же столь же принципиально игнорировались историками по другую сторону Берлинской стены. И то, и другое было идеологически детерминировано, а соединение двух подходов позволяет увидеть более объемную картину.

⁷ Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europa. Berlin, 1990.

⁸ Ibid. S. 51.

⁹ Scheel H. Deutscher Jakobinismus und Deutsche Nation. Ein Beitrag zur nationalen Frage im Zeitalter der Großen Französischen Revolution. Berlin : Akademie-Verlag, 1966; ders. Die Mainzer Republik: Die erste bürgerlich-demokratische Republik auf deutschem Boden. Berlin : De Gruyter Oldenbourg, 1989.

¹⁰ Руге В. Гинденбург. Портрет германского милитариста. М., 1982.

¹¹ Bilder aus der Kaiserzeit 1897 bis 1917. Historische Streiflichter 1897 bis 1917. Leipzig, Jena, Berlin : Urania Verlag, 1985.

Оценки социал-демократии опять-таки находились под прессом последующих событий 1918-1919 гг., поэтому относиться к ним надо чрезвычайно осторожно.

Несколько особняком стоят работы К. Каниса¹², профессора университета им. Гумбольдта, одного из немногих сотрудников времен ГДР, оставшегося на работе после воссоединения Германии. Его книги представляют несомненный интерес как привлеченным огромным фактическим материалом и взвешенностью оценок, так и неангажированной методологией, принятой в ФРГ. Темой его работ были в основном внешнеполитические сюжеты, поэтому для нас они представляют лишь ограниченный интерес.

Первые серьезные работы, посвященные имперской истории, появились в ФРГ в начале 1960-х гг. и носили в основном описательный характер¹³. Утверждение в качестве основного историографического тренда школы Билефельдской социальной истории, которая выступала за перенос центра тяжести с изучения политической истории с особым вниманием к личностям политических деятелей на изучение социальных процессов. В центре дискуссии, к которой вновь и вновь возвращаются немецкие историки с 1970-х гг. и до сегодняшнего дня является тезис об «особом пути» (т.н. *Sonderwegsthese*) Германии. Х.-У. Велер¹⁴, бывший, без всякого сомнения, одним из создателей этой исторической школы и одним из самых оригинальных мыслителей и ученых в плеяде крупнейших западногерманских

¹² *Canis K.* Bismarck und Waldersee. Die außenpolitischen Krisenerscheinungen und das Verhalten des Generalstabes 1882 bis 1890 (= Schriften des Zentralinstituts für Geschichte, 60). Berlin: Akademie-Verlag, 1980; ders. Von Bismarck zur Weltpolitik. Deutsche Außenpolitik 1890 bis 1902 (= Studien zur internationalen Geschichte. 3). Berlin: Akademie-Verlag, 1997; ders. Bismarcks Außenpolitik 1870–1890. Aufstieg und Gefährdung (= Otto-von-Bismarck-Stiftung. Wissenschaftliche Reihe. 6). Paderborn u. a.: Schöningh, 2004; ders. Der Weg in den Abgrund. Deutsche Außenpolitik 1902–1914. Paderborn u. a.: Schöningh, 2011.

¹³ *Schieder Th.* Das deutsche Kaiserreich von 1871 als Nationalstaat. Köln, 1961.

¹⁴ *Wehler H.-U.* Bismarck und der Imperialismus. Kiepenheuer & Witsch, Köln u. a. 1969; ders. Krisenherde des Kaiserreichs 1871–1918. Studien zur deutschen Sozial- und Verfassungsgeschichte. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1970; Das Deutsche Kaiserreich 1871–1918 (= Deutsche Geschichte. Bd. 9 = Kleine Vandenhoeck-Reihe. 1380). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1973.

исследователей (В.Ю. Моммзен¹⁵, В. Конце¹⁶ и др.), наполнил эту теорию следующим содержанием – немецкий особый путь на самом деле являлся выражением структурного дефицита модернизации и в конечном итоге вел к национал-социализму. Идеальное развитие, постулируемое американской теорией модернизации, было присуще либеральным обществам, которые, по принятой в западной историографии аксиоме, существовали в Англии и Франции, но никак не в Германии и России. Именно этот тезис является основополагающим, именно эту «негибкость, неготовность к необходимым изменениям» и демонстрируют все социальные, а особенно политические структуры Германской империи с точки зрения сторонников школы социальной истории¹⁷. Билефельдская школа, являясь до сих пор одной из самых авторитетных в немецкой исторической науке, по крайней мере в избранном нами исследовательском поле, постоянно расширяла сферу своих интересов. Если вначале основное значение она придавала деятельности элит, то затем более широким социальным слоям. Рисуемая ими крайне негативная картина отсталого немецкого общества и государства, не соответствующего западным образцам, постепенно стала меняться: империи дается больше прав, чем раньше. Однако до сих пор и сторонники, и противники теории «особого пути» размышляют и работают в его логике. Представляется, что главное остается неизменным, Германская империя не столько исследуется, сколько предстает перед судом. И несмотря на все уверения, что прошли те времена, когда в ней, в ее особенностях и слабостях искали объяснение событиям 1930-1940-х гг., именно поиск этих параллелей лежит в основе большинства самых новых книг и статей.

¹⁵ *Mommsen W. J.* Max Weber und die deutsche Politik 1890–1920, Tübingen: Mohr, 1959; *ders.* Das Zeitalter des Imperialismus. Frankfurt am Main, 1969; *Imperialismustheorien.* Göttingen, 1987; *ders.* Nation und Geschichte. Über die Deutschen und die deutsche Frage. München, 1990; *ders.* Der autoritäre Nationalstaat. Verfassung, Kultur und Gesellschaft im Deutschen Kaiserreich. Frankfurt am Main, 1992.

¹⁶ *Conze W.* Die Deutsche Nation. Ergebnis der Geschichte. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1963; *ders.* Gesellschaft – Staat – Nation. Gesammelte Aufsätze. Hrsg. v. U. Engelhardt. Stuttgart: Klett-Cotta, 1992.

¹⁷ Подробный анализ работ Билефельдской школы социальной истории см.: *Torp C., Müller S.O.* Das Bild des deutschen Kaiserreichs im Wandel // *Das deutsche Kaiserreich in der Kontroverse.* Hrsg. C. Torp, S. O. Müller. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2008. S. 9-30.

Самым активным и последовательным критиком подходов Билефельдской школы к имперской истории Германии был Т. Ниппердей, автор фундаментальной трехтомной работы по истории Германии в XIX в.¹⁸, а также ряда иных исследований, о которых речь пойдет ниже, которые можно характеризовать как написанные в методике «нового историзма». Он, стараясь отойти от постоянного использования в той или иной степени теории «Особого пути», доказывал самоценность имперской истории. Его работа является прекрасным примером нетривиального структурирования материала, деления событийной канвы и крупнейших, наиболее значимых проблем. Первая часть его немецкой истории в 1866-1918 гг. «Рабочий мир и буржуазный дух», как явствует из названия, посвящена классам и социальным слоям, вопросам повседневной жизни, культуры, науки и т.д., вторая же, имеющая чрезвычайно показательный заголовок «Силовое государство до демократии», условно делится на большие разделы – «Основные структуры и силы империи», затем изменения, которые эти структуры (партии, армия, различные органы и системы управления и т.д.) претерпели после отставки Бисмарка, а также более конкретная событийная канва, в основе периодизации которой лежат важные как внешне-, так и внутривнутриполитические события. Ниппердей, по его собственным словам, «не писал только историю Германской империи, ее политических структур, событий, политических условий, экономики, общества и культуры. Но при этом это и не история немцев, то есть это не история повседневной жизни, когда все политические институты отодвинуты на задний план. Это попытка найти золотую середину между “историей сверху” и “историей снизу”¹⁹, а также встроить ее в контекст истории мировой, а также собственно германской – до и после империи. Историк удалось в своей работе охватить практически все стороны немецкой жизни от частной до экономической и политической, но заданность, диктуемая

¹⁸ Nipperdey Th. Deutsche Geschichte 1800–1866. Bürgerwelt und starker Staat. München: C. H. Beck, 1983; Deutsche Geschichte 1866–1918. Bd. 1. Arbeitswelt und Bürgergeist. Bd. 2: Machtstaat vor der Demokratie. München: C. H. Beck, 1990–1992; ders. Wie modern war das Kaiserreich?: Das Beispiel der Schule. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 1986.

¹⁹ Nipperdey Th. Deutsche Geschichte 1866–1918. Bd. 2. S. 877.

методологией «недостатка модернизационного потенциала», предопределила и отбор материала, и угол зрения, под которым этот материал рассматривается. При этом, следует признать, что до сих пор в мировой историографии не было создано более всеобъемлющего и полного исследования этого периода Германской истории.

В последние годы предпринимаются различные более-менее удачные попытки рассмотреть тему с какой-то новой точки зрения. Так, например, в 2001 г. М. Фрелих собрал под одной обложкой биографии различных деятелей времен Германской империи, причем далеко не только политиков, но и ученых, художников и т.д., чтобы через них показать «портрет эпохи», что ему в общем-то удалось. Работа стала попыткой претворения в жизнь «антропологического поворота», но во многом стала возвратом к старой биографике, когда именно личности творили историю, по крайней мере в представлениях историков старой школы.

Имперскому периоду немецкой истории посвящены также крупные разделы в более общих работах по истории Германии «долгого XIX века». Одной из наиболее ранних подобных работ была книга Ф. Штерна, изначально изданная в 1955 г. в Нью-Йорке на английском языке и красноречиво названная «Крах нелиберальной политики»²⁰. В ней имперская Германия является предтечей национал-социализма, а ее история после 1878 г., по словам автора, лучше всего характеризуется словом «нелиберальная» (illiberal), то есть именно недостаток либерального начала и шире, слабость немецкого либерализма, являются причиной и ее «консерватизма, бонапартизма и авторитарности»²¹. В 2000-е вышло несколько работ, авторы которых постарались предложить новые подходы к изучению XIX в., в том числе немецкого. В книге под редакцией Н. Фрайтага и Д. Петцольда, представлены «новые перспективы рассмотрения старых вопросов»²². Раздел, посвященный

²⁰ Stern F. Das Scheitern illiberaler Politik. Studien zur politischen Kultur Deutschlands im 19. und 20. Jahrhundert. Frankfurt am Main: Propiläen Verlag, 1972.

²¹ Ibid. S. 13.

²² Das „lange“ 19. Jahrhundert. Alte Fragen und neue Perspektiven. Hrsg. von N. Freytag, D. Petzold. München: Herbert Utz Verlag, 2007.

периоду Германской империи, показывает его через призму «рекламного» фильма П. Шамони²³, помещавшего личность императора, а через него и всей империи, в массовое сознание и подчеркивающего попытки самого императора с помощью доступных ему визуальных средств, создавать легенду о себе.

Самой нашумевшей в последние десятилетия в изучении мировой истории XIX в. стала монография Ю. Остерхаммеля²⁴, который в одной работе пытается с помощью выработанных им подходов показать все взаимосвязи и взаимозависимости мировых процессов. Определяющими для него являются категории времени и пространства, отличия течения и понимания времени в XIX в. по сравнению с предыдущими и последующими периодами. Наибольший интерес для нас представляют его «панорамы» – «государства», «империи и национальные государства», «международные системы». Остерхаммелю удалось предложить действительно новые подходы, которые оказали определенное влияние и на наше исследование, прежде всего в понимании сущности концепта империи.

В центре нашего внимания находятся вопросы государственно-правовой теории, принципы формирования и функционирования той системы власти, которая существовала в Германии и Пруссии в 1890-1914 гг. Самым значительным и подробным изданием, посвященным вопросу конституционной, правовой истории Германии является многотомная «Немецкая конституционная история с 1789 г. до настоящего времени» Э. Р. Хубера²⁵, выходящая в 1970-е – 1990-е годы в Штутгарте. Практический интерес для нас представляют третий том «Бисмарк и империя» и четвертый том «Структура и кризисы империи»²⁶, который рассматривает все этапные события имперского периода, начиная с отставки О. фон Бисмарка и до Первой мировой войны, с точки зрения соответствия тех или иных шагов

²³ Schamoni P., Houwer R. Wilhelm II. – Majestät brauchen Sonne. 1999.

²⁴ Osterhammel J. Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München: C. H. Beck, 2009.

²⁵ Huber E. R. Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789. Bd. 1-8.. Stuttgart: Kohlhammer Verlag, 1981-1990.

²⁶ Ders. Bd. 3: Bismarck und das Reich, 3. Aufl., Stuttgart 1988; Bd. 4: Struktur und Krisen des Kaiserreichs, 2. Aufl., Stuttgart, 1982.

законодательству империи. Научная и преподавательская деятельность Хубера в период национал-социализма, активное членство в НСДАП, его позиции одного из ведущих специалистов по германскому законодательству и создателей т.н. Кильской юридической школы в 1935 г. стали причиной его достаточно долгого отлучения от академической деятельности после 1945 г. и часто скептического отношения коллег к его работе. Эти факты его биографии не умаляют ни значения его фундаментальной работы, ни ее влияния на последующие исследования в этой области, хотя и объясняют его приверженность борусианской школе в историографии и известный пруссоцентризм его исследования, что, впрочем, вполне обосновано при анализе истории Германской империи. Том 3 носит в основном теоретический характер, том 4 описывает реализацию конституционной модели в имперской системе власти, причем не только ее правовые, но и политико-экономические и социальные аспекты. Главным посылом Хубера является утверждение, что имперская форма государства – это не переходный этап между прусским абсолютизмом и либерально-демократической Веймарской республикой, но вполне самостоятельная форма, обладающая достаточно удачным и вполне работоспособным сочетанием политических элементов. Это делает ее одной из базовых моделей конституционного государства с разделением властей, которая нуждается в реформировании не более, чем любая другая. Для описания этой модели Хубер вводит термин «немецкий конституционализм», под которым он понимает «соответствующую системе модель политико-правовой самоорганизации», которая объединяла в себе два принципа – монархический и представительский и была «соответствующим своему времени решением немецкого конституционного вопроса»²⁷. В этой системе, по Хуберу, монарх обладал почти исключительно контрольными функциями над сферами управления, администрации, внешней политики и армии. Основное внимание в более чем 1200-страничном томе Хубер уделяет таким

²⁷ Ibid. Bd.3. S.11, 20.

дискуссионным вопросам, как канцлерский режим Бисмарка, идея государственного переворота, проблема «личного режима», социальное и экономическое законодательство. Историк считает, что говорить о режиме Бисмарка как о «диктатуре канцлера» нет оснований, отрицает бонапартистские элементы в стиле его правления, хотя и признает, что он был важнейшим фактором в период написания имперской конституции и реализации ее принципов вплоть до 1890 г. Тезисы, представляющие для нас особый интерес, посвящены содержанию и характеристикам «личного режима» Вильгельма II. Говорить о нем, по Хуберу, стоило бы только в том случае, если бы император отстранил от исполнения возложенных на них функций все основные органы управления, включая прусское государственное министерство, канцлера, прусский ландтаг и рейхстаг, и установил бы полноценный самодержавный режим, чего не происходило ни в коей мере. Историк также вполне справедливо считает, что речи императора, пусть и не всегда обдуманые, а иногда и просто глупые, еще не означают, что в стране установлен авторитарный режим. По Хуберу, возможности императора проводить собственную политику были ограничены, и чем дальше, тем больше, военной и гражданской бюрократией, которые отстаивали собственные, «ведомственные интересы»²⁸. Область, в которой император имел «свободу рук», была ограничена ослабленными Бисмарком конституционными институтами, свободой в кадровой политике, что другой выдающийся исследователь этого периода Дж. Рель считал главным признаком личного режима²⁹, а также идеологической мобилизацией народа вокруг идеи «мировой политики». Хубер доказывает тезис, что Вильгельм II, став национальным императором, превратился в интеграционный фактор, сгладивший на некоторое время «трещины» в политической и социальной системах империи. То есть, не умаляя фактора его влияния на политические

²⁸ Ibid. Bd.4. S.344-346.

²⁹ См., например, Рель Дж. К. Г. Вильгельм II. Германский император 1888–1918. URL. <https://litra.top/book/kayzery/page-25.html?ysclid=1ssmmhj018164817470> (дата обращения 10.01.2024).

процессы, Хубер выступает против его преувеличения и сведения всех внутренних проблем послебисмарковского периода просто к определению «личный режим», не вкладывая в него никакого политико-правового содержания кроме обвинений в «недемократизме».

Большой раздел работы посвящен правовым основам функционирования отдельных союзных государств в составе империи. Традиционно основное внимание уделяется вопросам избирательного права, одна из основных внутривполитических проблем в стране видится в отказе значительной части т.н. среднего класса от требований парламентаризации, понимаемой как демократизация. При этом автор утверждает, что уже в первой половине 1890-х гг. Пруссия являлась парламентским государством, так как прусское государственное министерство со времен борьбы вокруг школьного закона Цедлица в 1891-1892 гг. почти полностью зависело от консервативного большинства ландтага. Большое внимание историк уделяет также национальному вопросу (польскому и эльзас-лотарингскому) как важным факторам в предыстории Первой мировой войны. Работа Хубера, каждый раздел которой снабжен самой подробной библиографией рассмотренной проблемы, была нам важна прежде всего для понимания правовых основ тех или иных сюжетов, определяющих общие направления внутривполитического развития.

Этой монументальной работе Хубера предшествовала его монография «Национальное государство и конституционное государство», вышедшая в свет в 1965 г. Книга имеет подзаголовок «Исследования по истории современной государственной идеи», что полностью отражает ее преимущественно теоретический, правоведческий характер. В центре исследования лежит феномен конституционного государства, созданного Бисмарком, и его понимание как «пределов, которые конституционное государство накладывает на политическую деятельность, так и возможности,

которые оно открывает перед действующими политическими деятелями»³⁰. Исследователь много пишет о ценностной связи имперской и прусской конституций, утверждая, что с самого начала империю ни в коем случае нельзя считать, опять-таки с правовой точки зрения, только «расширенной Пруссией»³¹, хотя это утверждение представляется нам скорее спорным.

Отдельный раздел работы посвящен трансформации конституционного государства в период «личного режима». Хубер вступает в этом вопросе в дискуссию с Э. Эйком, автором монографии о личном режиме³², который утверждает, что вместо системы конституционного канцлерского правления в Германии после отставки Бисмарка сложился самодержавно-монархический режим.

Собственно, именно дилемма, стояла ли за фасадом конституционного государства абсолютистская по сути своей система правления, что Хубер определяет как «институциональный личный режим», или же в стране действовал «импровизированный личный режим», т.е. в каждом конкретном случае конституционная система по усмотрению и прихоти монарха «отключалась», и является одной из самых актуальных при анализе имперского периода германской истории³³. В результате подробных размышлений исследователь приходит к выводу, что главной проблемой страны было нарушение баланса между военными и политическими кругами, первые толкали Германию к войне, а вторые не имели достаточного потенциала, чтобы им противостоять, император же, ложно уверовав в то, что он сам может быть своим канцлером, не смог правильно установить этот баланс.

В 1980-е гг. вышли две работы, связанные с именем крупного исследователя конституционно-правового развития Германии Х. Болдта из

³⁰ *Huber E.R.* Nationalstaat und Verfassungsstaat. Studien zur Geschichte der modernen Staatsidee. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1965. S. 189.

³¹ *Ibid.* S. 192.

³² *Eyck E.* Das persönliche Regiment Wilhelms II Politische Geschichte des Deutschen Kaiserreiches von 1890 bis 1914. Erlenbach, Zürich: E. Rentsch Verlag, 1948.

³³ *Huber E.R.* Nationalstaat und Verfassungsstaat ... S. 231.

университета Дюссельдорфа, который издал двухтомник «Немецкая конституционная история»³⁴ и стал составителем хрестоматии, в которой были собраны основные тексты, связанные с той же темой³⁵. Работы Болдта являются глубоко фундированными скорее обзорными, чем исследовательскими сочинениями, предоставляя прекрасную фактическую базу для собственной аналитической работы.

Правовым основам империи посвящен один из разделов обзорной работы Х. Брандта «Долгий путь в демократическую современность. Немецкая конституционная история с 1800 по 1945»³⁶ под названием «Правовое государство и конституционная стагнация» (1866-1914), из которого понятно, что автор объединяет в единую систему историю Германии от Северогерманского союза до Первой мировой войны. Работа содержит подробный анализ имперской конституции, принципов, лежащих в ее основе, прерогатив основных ветвей власти. Императора, канцлера и рейхстаг Брандт относит к унитарным элементам конституции. Достоинством работы является подробное описание не только правовых норм, утвержденных в 1871 г., но и изменений, которые вносились в ту или иную статью до 1914 г. Особенно это важно в таких сложных областях как принципы формирования имперского бюджета, налоговая система, финансовые отношения империи и отдельных государств. Историк-правовед поддерживает тезис о том, что личный режим Вильгельма существовал и он нарушил сложно сконструированное, но устойчивое имперское здание, выстроенное Бисмарком, что властный механизм из императора, канцлера и бюрократии все больше дистанцировался от рейхстага, а сама власть императора была цезаристским соединением волюнтаризма и бюрократизма. Каприви и Гогенлоэ рассматриваются Брандтом как переходные фигуры, находящиеся в тени Бисмарка³⁷, а в

³⁴ *Boldt H.* Deutsche Verfassungsgeschichte, Bd. 1: Von den Anfängen bis zum Ende des älteren deutschen Reiches 1806. dtv, München 1984; Bd. 2: Von 1806 bis zur Gegenwart. München: dtv, 1984.

³⁵ Reich und Länder. Texte zur deutschen Verfassungsgeschichte im 19. und 20. Jahrhundert. Hrsg. von H. Boldt. München: dtv, 1987.

³⁶ *Brandt H.* Der lange Weg in die demokratische Moderne. Deutsche Verfassungsgeschichte von 1800 bis 1945. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998.

³⁷ Ibid. S. 164.

скандале с Daily Telegraph он видит шанс на установление в стране парламентского режима, который был упущен из-за стратегии политических партий, «которые, парализованные своими традициями, действовать не решились»³⁸. Основной вывод работы, которая из-за отсутствия справочного аппарата носит скорее обзорный, чем исследовательский характер, гласит, что вся имперская политика до 1914 г. «имела много аспектов, но всегда была политикой утерянного престижа» как внутри страны, так и вовне, война была способом преодолеть пропасть между аграрным и индустриальным обществом и представлялась народу неким катарсисом, а конституционной монархии – способом выжить. Брандт пишет о гражданском консенсусе, достигнутом немецким обществом к 1914 г., что является важным тезисом и нашего исследования.

Одним из самых новых исследований правовой системы Германии является работа М. Котуллы «Немецкая конституционная история»³⁹, в которой имперскому периоду посвящено всего 10 страниц, содержащих только самую общую информацию.

В отечественной историографии крупнейшим специалистом по государственно-правовой истории Германии второй половины XIX - первой трети XX в. был недавно ушедший из жизни тамбовский ученый, историк-правовед В.Г. Баев. Основные его работы посвящены деятельности Бисмарка и связанному с ним периоду прусской и германской истории, а также истории Веймарской конституции. Важными для понимания сути основополагающих германских правовых актов были его труды, посвященные истории развития конституционализма в Германии, прежде всего монография 2007 г. «Германский конституционализм (конец XVIII - первая треть XX в.)»⁴⁰, а также

³⁸ Ibid. S. 169.

³⁹ Kotulla M. Deutsche Verfassungsgeschichte: vom Alten Reich bis Weimar (1495 - 1934). Berlin, Heidelberg: Springer Verlag, 2008.

⁴⁰ Баев В.Г. Германский конституционализм (конец XVIII - первая треть XX в.). Историко-правовое исследование. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2007.

целый ряд статей⁴¹. Во всех этих работах автор доказывает тезис о том, что конституция 1871 г. являлась неким симбиозом традиции и прогресса, Бисмарком была сделана не очень удачная попытка установить режим «мнимого конституционализма», вектором политики при нем было сужение полномочий рейхстага, но промышленная революция, которая порождала новые силы и новые возможности буржуазии, изменяла общество, которое переросло созданную канцлером систему власти. «С другой стороны, трудно отрицать и естественно протекавшую адаптацию кайзеровской конституции к реалиям нового XX в.»⁴².

Некоторым аспектам правовых основ функционирования Германской империи и Пруссии, прежде всего избирательному праву, посвящены статьи волгоградского ученого-юриста Ю.А. Бокова⁴³. В них чрезвычайно подробно анализируется история появления тех или иных норм, их законодательное закрепление и дальнейшая практика применения. Эти работы были важны для понимания процесса обсуждения реформирования трехклассного избирательного права в Пруссии в контексте его сосуществования с избирательной системой Германии.

В определенной степени с темой взаимодействия имперских структур и демократических институтов связана статья В.П. Любина, посвященная возможности утверждения республиканского демократического режима в Германии после краха империи в 1918-1919 гг.⁴⁴

⁴¹ *Его же*. Европейский конституционализм после Наполеона (на примере Германии) // Журнал российского права. 2005. № 7 (103). С. 113-123; Парламентаризм в России и Германии: эпоха становления (последняя треть XIX - начало XX в.) // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 3. С. 175-182.

⁴² *Его же*. Генезис и развитие германского конституционализма в начале XIX - первой трети XX вв. Автореф. ... доктора юридических наук. Тамбов, 2008. URL: <https://www.dissercat.com/content/genezis-i-razvitiie-germanskogo-konstitutsionalizma-v-nachale-xix-pervoi-treti-xx-vv?ysclid=lsdjtn8j25322895343/read> (дата обращения 01.02.2024).

⁴³ *Боков Ю.А.* Прусская трёхклассная избирательная система (1849 1918 гг.) // Власть. №10. 2009; Зарождение избирательных прав пруссаков (19 ноября 1808 года – 30 мая 1849 года) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5, Юриспруденция. 2012. №2 (17). С. 99-105; Указ короля Пруссии "о проведении выборов депутатов второй палаты" от 30 мая 1849 Г.: нормативное содержание и практика реализации // Legal Concept. Правовая парадигма. -2021. - Т. 20, № 1. - С. 79-85; Этимологические, правовые и культурологические аспекты употребления терминов "подданство" и "гражданство" в Германской империи // Вопросы истории. 2021. № 1. С.94-102 и др.

⁴⁴ *Любин В.П.* О неготовности постимперского общества к демократии // Полития, №. 4 (71). 2013. С. 176-190ю

Итак, немецкие историки-правоведы, а вслед за ними и отечественные, главной темой своих исследований делают проблему выработки германской конституции 1871 г., всегда детерминированную фигурой Бисмарка, а также сильных и слабых, коих всегда больше, сторон этого документа и условий, существующих для реализации заложенных в него принципов в политической практике. Бисмарковский период всегда привлекает больше внимания, чем последовавший за отставкой первого канцлера, который традиционно определяется как «личный режим», причем, если Хубер в 1960-1980-е гг. спорил с этим определением как с установленной данностью, то более поздние исследования скорее принимают его за аксиому. Именно О. фон Бисмарку и самым разным аспектам его деятельности посвящены самые интересные работы по истории Германии XIX в. в отечественной исторической науке⁴⁵.

Второй по частоте упоминаний после Бисмарка фигурой имперского периода германской истории является Вильгельм II, собственно, и сама имперская история разделена на два этапа – бисмарковский и вильгельмовский. Один из крупнейших отечественных специалистов по германской истории и историографии новой и новейшей истории, ярославский профессор М.Е. Ерин писал, что императору в литературе даются самые разные оценки и существует несколько легенд о нем. «Одна из них гласит, что Вильгельм был великим человеком. Согласно другой, он – демон, но, несомненно, очень опасный, потому что обладает чертами гения. Третья повествует, что с падением канцлера О. фон Бисмарка в марте 1890 г. и восхождением на трон Вильгельма II начался путь по наклонной плоскости, который и привел рейх к крушению»⁴⁶. За более чем сто лет, прошедших с

⁴⁵ *Медяков А. С.* "Наш Бисмарк"? Россия в политике и взглядах "железного канцлера" Германии // *Российская история.* № 6 2015. С. 63-84; *Его же.* "На память о великом человеке". Бисмарк на немецкой почтовой открытке рубежа XIX - XX веков // *Новая и новейшая история.* N. 1 2017. С. 218-228; *Дударев В. С.* Отто фон Бисмарк: дружба "честного маклера": Уравновешивающая сила в отношениях России и Германии в XIX веке // *Родина.* № 3 2016. С. 98-101; *Его же.* Спор об императорском титуле: традиционализм Вильгельма I и политика государственных интересов Отто фон Бисмарка // *Новая и новейшая история,* № 1 2022. С. 30-43 и др.

⁴⁶ *Ерин М.Е.* Кайзер Вильгельм II и крушение Германской империи // *Франция – Россия, 1914-1918 гг.: от альянса к сотрудничеству. Материалы франко-российского colloquiuma.* М.: Росспэн, 2015. С. 86-87.

момента отречения монарха, о нем было написано более 3 тыс. книг и статей⁴⁷, но при этом тема далеко не считается исчерпанной.

Немецкая историография, отвечая на главный для себя вопрос, был ли крах 1918 г. неизбежен и предопределен, спорит, был ли он предопределен всем развитием страны с 1871 г., или, что представляется большинству историков более обоснованным, с 1890 г. Будто Бисмарк, у которого был некий «иммунитет от поражения», строил одно государство, а отстранивший его от власти император изменил не только внешнеполитическую стратегию страны, но и ее конституционные основы, сам вектор ее развития. При таком подходе, очевидно, фигура Вильгельма выходит на первый план, поэтому значительная часть работ по истории Германской империи строится вокруг фигуры императора или прямо посвящена ему.

Самым плодovitым в этом ряду был только что скончавшийся британский историк Дж. Ч. Дж. Рёль, родившийся в немецко-английской семье и потому проявляющий особый интерес к истории Германии, при этом подход, который он демонстрировал во всех своих работах⁴⁸, к личности и деятельности императора, можно назвать скорее британским. Одна из его работ, небольшой очерк, вошедший в сборник, посвященный германским императорам, был переведен и на русский язык⁴⁹. В его работах, основанных на прекрасном знании самых разнообразных источников, в том числе личного происхождения (Рёль получал доступ к личным архивам различных политических деятелей имперского периода, до сих пор хранящимся в их семьях и неизвестным не только широкой публике, но и научному сообществу) император предстает личностью с нарциссическими расстройствами:

⁴⁷ Röhl J. Ch. G. Kaiser, Hof und Staat. Wilhelm II und die deutsche Politik. München, 1995. S. 113.

⁴⁸ Röhl J. Ch. G. Germany without Bismarck. The crisis of government in the Second Reich, 1890–1900. London: Batsford, 1967; *Ibid.* From Bismarck to Hitler. The problem of continuity in German history. London: Longmann, 1970; *Ibid.* Kaiser, Hof und Staat – Wilhelm II. und die deutsche Politik. München: C. H. Beck, 1987; *Ders.* Kaiser Wilhelm II. Eine Studie über Cäsarenwahnsinn (= Schriften des Historischen Kollegs. Vorträge, Bd. 19). München, 1989; *Ders.* Wilhelm II. Bd. 1-3. München: C. H. Beck, 1993–2008: Bd. 1: Die Jugend des Kaisers, 1859–1888. 1993; Bd. 2: Der Aufbau der Persönlichen Monarchie, 1888–1900. 2001; Bd. 3: Der Weg in den Abgrund, 1900–1941. 2008.

⁴⁹ Рёль Дж. К. Г. Вильгельм II. Германский император 1888–1918 // Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры. Ростов-на-Дону, 1997.

эгоцентричной и вспыльчивой, беспокойной и импульсивной, бесчувственной и бестактной, склонной к униформе, театральным жестам и громкой риторике, восприимчивой к лести и неспособной к сосредоточенной работе. Главным посылом всех работ Рёля было представление Вильгельма как ключевой фигуры на роковом пути от Бисмарка к Гитлеру, который установил, в отличие от большинства европейских монархий, полуабсолютистскую монархическую систему правления вопреки духу времени современного индустриального общества. В центре исследования – обоснование тезиса о «личном режиме», основанном на принципе т.н. „королевского механизма“, термине, введенном Н. Элиасом⁵⁰ для обозначения придворного общества как центра власти и Ф. Эйленбурга как ядра этого центра. То, что именно Рёль был составителем и редактором публикации писем Эйленбурга, с одной стороны, раскрыло для него все тайные пружины событий, а с другой, отодвинуло на второй план другие факторы политической жизни в стране, не оставив места для встраивания в систему политических партий, рейхстага, различных союзов и организаций. Работа, а любовь Рёля к чрезвычайно обширным цитированиям предопределили огромный физический объем его книг, благодаря своей детальности, носит скорее позитивистско-описательный, чем аналитический характер, что, впрочем, не умаляет ее ценности для исследователей.

Важнейшие работы других историков как немецких, так и английских вращаются вокруг определения места императора в системе, и главное, в «иерархии виновников Первой мировой войны», то-ли он был «козлом отпущения», как считал Н. Зомбарт⁵¹, то-ли «теневым императором»⁵², который вообще не участвовал в принятии решений. Иногда делалась попытка посмотреть на императора чуть менее предвзято⁵³, но редко когда это удавалось. Колебания германской историографии были обусловлены

⁵⁰ *Elias N.* Die höfische Gesellschaft: Untersuchungen zur Soziologie des Königtums und der höfischen Aristokratie. Suhrkamp Verlag, 1983.

⁵¹ *Sombart N.* Wilhelm II. Sündenbock und Herr der Mitte. Berlin: Volk und Welt, 1996.

⁵² *Wehler H.-U.* Krisenherde des Kaiserreichs 1871–1918. Studien zur deutschen Sozial- und Verfassungsgeschichte. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1970; *Ders.* Das Deutsche Kaiserreich 1871–1918 (= Deutsche Geschichte. Bd. 9 = Kleine Vandenhoeck-Reihe. 1380). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1973.

⁵³ *Макдоно Д.* Последний кайзер Вильгельм Неистовый. М., 2004.

господствующей в обществе и науке трактовкой о единоличной виновности Германии в мировых войнах, теорией об «особом пути Германии» и спорами, которые породила книга Ф. Фишера «Рывок к мировому господству»⁵⁴, ставшая, наверное, самой обсуждаемой работой по истории Германии в современной мировой исторической науке. Все эти исследования являются глубоко политизированными работами и связано это прежде всего с тем, что с периода правления Вильгельма прошло чуть более ста лет и эти годы были наполнены событиями, которые раз за разом возвращали его фигуре, роли в истории Германии и роли Германии в мировой истории политическое измерение, связанное с культивированием в немецком обществе чувства вины. Интересный и нетривиальный взгляд на императора предлагает В. Кёнинг, в центр своего исследования поместивший отношения императора со столь любимым им миром технических новинок и новых технологий⁵⁵. Работа вполне ожидаемо делится на главы, посвященные интересам Вильгельма II, роли промышленников и инженеров в качестве советников императора. Попытки автора обосновать этими техническими интересами приверженность императора современности в самом широком, общественно-политическом, структурном смысле, выглядят не самыми убедительными, но очевидно являются новым углом зрения, под которым рассматривается старая проблема.

Английский исследователь К. Кларк, стараясь снять всю полноту ответственности за войну с Германии, пишет и об агрессивных намерениях других стран, останавливаясь, впрочем, только на двух – России и Сербии⁵⁶. В общем и целом, авторы многих работ⁵⁷ пытаются выстроить историю Германии вокруг фигуры ее императора, чем раз за разом уводят в его тень все остальные социальные, экономические и иные факторы и силы. Такой

⁵⁴ Fischer F. Griff nach der Weltmacht /Düsseldorf, 1984; в рус. переводе: Фишер Ф. Рывок к мировому господству: политика военных целей кайзеровской Германии в 1914-1918 гг. [пер.: Л.В. Ланник]; М.: Герм. ист. ин-т в Москве, 2017.

⁵⁵ König W. Wilhelm II. und die Moderne. Der Kaiser und die technisch-industrielle Welt. Paderborn, 2007.

⁵⁶ Clarck K. Kaiser Wilhelm II. London: Penguin UK, 2009.

⁵⁷ Cecil L. Wilhelm II. Vol. 1. Prince and Emperor, 1859-1900, Vol. 2. Emperor and Exile, 1900-1941. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1989; Hull I.V. The Entourage of Kaiser Wilhelm II 1888-1918. Cambridge University Press, 1982; Balfour M. The Kaiser and His Times. London, 1972 (в рус. переводе Бальфур М. Кайзер Вильгельм и его время. ЗАО «Центрполиграф» М., 2024).

«кайзероцентризм» показателен как особый феномен замены личностями процессов, придания гипертрофированного внимания роли личности в истории, что очень выгодно для всех остальных. Если роль Германии в европейской истории XX в. определили личные амбиции «бесноватых, психически неуравновешенных и т.д.» императора и фюрера, то никаких закономерных причин для повторения ситуации в иных условиях не существует. Возможно, такой подход является и ответом на жесткие схемы Билефельдской школы, захватившей в какой-то момент «командные высоты» в немецкой историографии. Свидетельством появления в отечественной историографии интереса к фигуре Вильгельма и созданной им системе власти можно считать статью, носящую явный историографический оттенок⁵⁸. Попыткой переосмысления господствующей долгое время в германской историографии идеи единства немецкой истории XIX-XX вв. стала статья одного из ведущих отечественных историков-германистов А.М. Филитова⁵⁹.

Теснейшим образом с проблемой «личного режима», личностью императора и атмосферой, царящей в стране, связана тема скандалов. Наверное, первым, кто стал ее исследовать, был Х.-У. Велер, который в своей знаменитой книге «Болевые точки империи» отдельную главу посвятил Цабернскому инциденту⁶⁰. Велер рассматривал этот скандал не только как свидетельство общего кризиса империи, что было лейтмотивом всех его исследований, но как конкретный пример бессилия высших гражданских чиновников, в том числе канцлера, и рейхстага в конфликте с военными. Велер выносит приговор императору, который «в очередной раз не справился со своей ролью посредника, который должен был следить за балансом между гражданской и военной составляющими системы». Для Велера этот «случай» является неким провозвестником будущего краха Германской империи, когда

⁵⁸ *Ватлин А.Ю., Невский С.И., Турыгин А.А.* Вильгельм II и система власти в Германии в конце XIX - начале XX века. Новая и новейшая история. № 3 2023. С. 7-27

⁵⁹ *Филитов А.М.* Бисмарк - Вильгельм - Гитлер: континуитет или разрыв традиции?. Новая и новейшая история, № 3 2022. С. 82-90.

⁶⁰ *Wehler H.-U.* Der Fall Zabern von 1913/14 als Verfassungskrise des Wilhelminischen Kaiserreichs // *Krisenherde des Kaiserreichs 1871-1918. Studien zur deutschen Sozial- und Verfassungsgeschichte*, Göttingen, 1979. S. 70-88.

власть окончательно оказалась в руках военных, а все надежды на демократизацию были потеряны.

В рамках всяческих историографических поворотов в последние годы «скандал» как часть политической жизни империи и свидетельство ее постоянно углублявшегося кризиса стал темой чрезвычайно модной, в последние десятилетия ей было посвящено несколько специальных работ, вышедших в Германии⁶¹. Предметом их были самые разные аспекты скандала, а также феномен скандала как такового. Все эти работы, по сути, встраивают Германскую империю в две тенденции – становление массового общества, превращение газет в средства массовой информации, которые в свою очередь очень быстро превращаются в «четвертую власть»; а также наличие в Германии личного режима, одним из самых распространенных доказательств существования которого как раз и был «скандал».

Книга М. Кольрауша является самой широкой по хронологии, она охватывает фактически все скандальные в той или иной мере ситуации, в которые был замешан император, включив в их число даже отставку Бисмарка. В центре исследования находятся следующие вопросы: способствовало ли развитие средств массовой информации трансформации монархии, было ли обсуждение фигуры и действий императора в прессе свидетельствами вторжения буржуазного общества в ранее закрытые для него сферы, а также каким образом менялась, если менялась в принципе, коммуникация между властью и обществом. Главный вывод, сделанный автором, заключается в следующем. Развитие СМИ, их влияние на политическую жизнь носят несомненно положительный характер, способствуя «обуржуазиванию» монархии, сокращению дилетантизма во властных структурах и снижению значения династических, находящихся вне общественного контроля, международных связей. В заключении книги Кольрауш пытается провести

⁶¹ *Kohlrausch M.* Der Monarch in Skandal. Die Logik der Massenmedien und die Transformation der wilhelminischen Monarchie. Berlin, 2005; *Bösch F.* Öffentliche Geheimnisse. Skandale, Politik und Medien in Deutschland und Großbritannien 1880-1914. München, 2009; *Winzen P.* Das Ende der Kaiserherrlichkeit. Die Skandalprozesse um die homosexuellen Berater Wilhelms II. 1907-1909. Köln, Weimar, Wien, 2010; *Domeier N.* Der Eulenburg-Skandal. Eine politische Kulturgeschichte des Kaiserreichs. Frankfurt am Main, 2010.

параллели между концепциями монархии и лидерства, а от лидерства – к фюреру, вернувшись на новом витке все к тому же вопросу «особого пути». Остальные перечисленные в этом ряду работы, на разных примерах и с разными нюансами рассматривают этот же вопрос под углом зрения, предложенным еще Томасом Манном, который видел в процессе М. Хардена против Эйленбурга победу интеллектуалов над приходящим в упадок феодализмом⁶², т.е. транснациональное медиасобытие, имевшее несомненную прогрессивную, положительную коннотацию.

Все эти исследования, не полностью удовлетворяющие нас по сделанным выводам, были важны прежде всего для понимания места данного феномена в имперской истории, а также благодаря тому огромному фактическому материалу, который был собран их авторами.

Не одним только императором ограничивалось биографическое направление исторических исследований. Наибольший интерес вызывали фигуры имперских канцлеров после О. фон Бисмарка, но опять-таки далеко не в равной степени. Л. фон Каприви редко привлекал к себе внимание историков, как нам представляется, по двум причинам. Во-первых, он не просто сменил на высших постах О. фон Бисмарка и потому находился в самой густой его тени, но и подвергался ожесточенной критике со стороны отправленного в отставку и потому смертельно обиженного «творца германского единства». Во-вторых, кроме опубликованных отдельным изданием вскоре после его отставки речей Каприви, никаких иных прямых источников он после себя не оставил. В Германии небольшая историография его канцлерства, конечно же, существует еще с XIX в.⁶³, основное внимание авторы исследований уделяют биографии Каприви и причинам его неожиданного назначения на высший пост в империи и Пруссии⁶⁴. Более

⁶² Domeier N. Op. cit. S. 363.

⁶³ Schneidewin M. Das politische System des Reichskanzlers Grafen v. Caprivi. Danzig, 1894; Held W. Caprivi und Bismarck. Leipzig, 1931.

⁶⁴ Meisner H.O. Der Reichskanzler Caprivi. Eine biographische Skizze // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft // Journal of Institutional and Theoretical Economics. Bd. 111, H. 4. (1955). P. 669-752.

современные работы встраивают канцлерство Каприви в имперский период развития страны, обращая основное внимание на параметры «нового курса», причины изменения внешнеторговой политики, отношения с различными партиями. Основной идеей книги П. Ляйбенгута⁶⁵ стало утверждение, что общий кризис старой бисмарковской системы в стране сделал неизбежным переход к иному курсу, а именно примирению с бывшими врагами империи, так как старые методы чрезвычайного законодательства результатов не дали. В одном русле, признавая очевидные успехи Каприви (внешнеторговая политика, формирование европейского рынка, создание благоприятных условий для экспорта промышленных товаров и т.п.) и указывая на очевидные просчеты и недостатки (в отношениях с рейхстагом, в неспособности противодействовать аграрной оппозиции, а главное, не оправдавшая себя попытка перейти к проанглийскому курсу), были написаны две крупнейшие работы, посвященные политическим шагам канцлера Каприви⁶⁶. Институту канцлерства как таковому, после отставки Бисмарка получившему новое измерение, посвящена работа Й. Шефера⁶⁷, содержащая большое количество приложений с выдержками из документов и других источников, что добавляет работе несомненной ценности. По сути, единственной специальной работой, посвященной Л. фон Каприви, стала наша книга о внутренней и польской политике периода его канцлерства⁶⁸.

В каталогах российских библиотек практически отсутствуют хоть какие-то упоминания о третьем канцлере Германской империи, кроме краткого очерка о нем примечательно названного «Дядюшка императрицы» в книге А.И. Патрушева о германских канцлерах⁶⁹. Нельзя сказать, что какой-то пристальный интерес питают к третьему канцлеру и немецкие исследователи.

⁶⁵ *Leibenguth P.* Modernisierungskrisis des Kaiserreiches an der Schwelle zum Wilhelminischen Imperialismus. He Probleme der Ära Caprivi (1890-1894). Köln, 1975.

⁶⁶ *Weitowitz R.* Deutsche Politik und Handelspolitik unter Reichskanzler L. v. Caprivi. Düsseldorf, 1978; *Lahme R.* Deutsche Außenpolitik 1890-1894. Von der Gleichgewichtspolitik Bismarcks zur Allianzstrategie Caprivi. Göttingen, 1990.

⁶⁷ *Schäfer J.W.* Kanzlerbild und Kanzlermythos in der Zeit des „Neuen Kurses“. Paderborn, 1973.

⁶⁸ *Матвеева А.Г.* Канцлер Каприви и поляки. «Новый курс» в политике Германии в 1890-1894. М.: ИВИ РАН, 2008.

⁶⁹ *Патрушев А.И.* Германские канцлеры от Бисмарка до Меркель. М., 2009. С. 66-73.

До недавнего времени было не более десятка посвященных ему трудов, в том числе и небольшой очерк В. Баумгарта о Х. Гогенлоэ в книге, посвященной канцлерам Германии⁷⁰. Совершенно новое понимание роли Гогенлоэ дает свежая работа о нем, являющаяся переработанной для печати диссертацией, защищенной в Боннском университете в 2005 г.⁷¹ Она призвана заполнить имеющуюся лауну в изучении его биографии, а главное, дать полное представление о том вкладе, который он реально внес в историю Германской империи. Эта книга впервые, наверное, выводит Гогенлоэ из тени императора, первого канцлера, даже его предшественника – Каприви и старается освободить от того, практически анекдотического ареола, который окружал его в истории и в исторической литературе. Представленный О. Цахау историографический очерк ясно демонстрирует, что в основе «несчастливой судьбы» Гогенлоэ в истории находились Бисмарк, который старался унижить всех, кто пришел ему на смену, и Бюлов, который напрямую присваивал себе достижения предыдущего канцлерства, например, принятие военно-уголовного кодекса и др. Автор пишет совершенно новую биографию Гогенлоэ, который предстает не слабым, безвольным стариком, канцлерским местоблюстителем, а фигурой, способной не просто работать с Вильгельмом, что, кстати, не удалось Бисмарку, а политиком, способным на самостоятельные поступки, деятельность которого имела ясную внутреннюю логику и направлена была на предупреждение конфликтов и успокоение внутренних противоречий. Эта задача была им полностью выполнена.

Б. фон Бюлов был, с нашей точки зрения, самой значительной личностью в череде германских государственных деятелей на высших имперском и прусском постах после отставки О. фон Бисмарка, а период его канцлерства – самым длительным. В историографии он является также и одним из самых хорошо изученных, особенно в сравнении с периодами

⁷⁰ Baumgart W. Chlodwig zu Hohenlohe-Schillingsfürst (1819 - 1901) // Die deutschen Kanzler : von Bismarck bis Schmidt. Hrsg. von W. Sternburg. 2. Aufl. Königstein/Ts. : Athenäum. S. 55 – 67.

⁷¹ Zachau O. Die Kanzlerschaft des Fürsten Hohenlohe : 1894 - 1900 ; Politik unter dem "Stempel der Beruhigung" im Zeitalter der Nervosität. Hamburg, 2007.

второго и третьего канцлерства, причин для чего существует достаточно много. Биография и политическая деятельность Бюлова обеспечены широчайшей источниковой базой, поэтому не вызывает удивления большое число прекрасно фундированных исследований, ему посвященных⁷². В современной российской историографии самым крупным специалистом по Б. Бюлову и, что важно не только и не столько по его внешнеполитической деятельности, что без всякого сомнения составляет главное исследовательское поле, но и по его внутренней политике, является историк из Калининграда И.П. Максимов, защитивший посвященную Бюлову диссертацию⁷³ и опубликовавший целый ряд статей по различным аспектам его деятельности⁷⁴.

Все перечисленные выше общие работы, рассматривающие различные аспекты истории Германской империи, содержат достаточно большие разделы, посвященные бюловскому периоду. В современной немецкой историографии Бюлову повезло даже меньше, чем его предшественникам. Ему, как человеку, который впервые произнес слова «мировая политика», в падении Германии в пропасть отводится одна из главных ролей. Книги П. Винцена, который в последние годы наиболее активно занимается деятельностью Бюлова, рисуют личность «большую в мелочах и мелкую в больших делах»⁷⁵, все больше и больше уходя в описание скандалов, политических, гомосексуальных, международных, пришедшихся на период

⁷² Henle A. Fürst Bülow und der Kaiser : mit e. Wiedergabe aus ihrem geheimen Briefwechsel, Reissner Verlag Dresden 1930; Fesser G. Reichskanzler von Bülow – Architekt der deutschen Weltpolitik. Leipzig: Miltzke Verlag, 2003; Winzen P. Bernhard Fürst von Bülow: Deutsche Politik. Bonn: Bouvier Verlag, 1992; Das Kaiserreich am Abgrund. Die Daily-Telegraph-Affäre und das Hale-Interview von 1908. Darstellung und Dokumentation. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2002; Bernhard Fürst von Bülow. Weltmachtstrategie ohne Fortune – Wegbereiter der großen Katastrophe. Göttingen: Muster-Schmidt Verlag, 2003; Das Ende der Kaiserherrlichkeit. Die Skandalprozesse um die homosexuellen Berater Wilhelms II. 1907-1909. Köln: Böhlau Verlag, 2010; Reichskanzler Bernhard von Bülow. Regensburg: Verlag Friedrich Pustet, 2013 и др.

⁷³ Максимов И.П. Внутренняя политика канцлера Германской империи Б. фон Бюлова (1900-1909). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Калининград, 2008.

⁷⁴ Максимов И.П. Бернгард фон Бюлов и социал-демократическое движение в Германии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2007; *Его же*. Отношение Бернгарда фон Бюлова к Рурской стачке горняков и принятие новой поправки к горному закону // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей. Калининград, 2011. С. *Его же*. Изменение партийной тактики Бернгарда фон Бюлова в 1905—1906 годах и создание «Бюловского блока» // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей. Калининград, 2012. С. 31-40; *Его же*. Межпартийное маневрирование канцлера Германской империи Б. Фон Бюлова в 1900-1906 гг. // Власть. №9, 2014. С. 157-161 и др.

⁷⁵ Winzen P. Bernhard Fürst von Bülow. Weltmachtstrategie ohne Fortune ... S. 180.

его канцлерства. Можно констатировать, что этот период требует нового взгляда на него, попытки нового осмысления.

Пятым и последним имперским канцлером, назначенным на эту должность до начала Первой мировой войны, стал уроженец Бранденбурга Теобальд фон Бетман-Гольвег, часто становившийся «героем» специальных работ. Вступительное слово к публикации документов, связанных с ним, начинается такой характеристикой: «После Отто фон Бисмарка Теобальд Бетман-Гольвег стал самым выдающимся канцлером Германской империи. Его восьмилетнее (1909-1917) правление включает в себя основополагающие решения и выработку курса во внутренней и во внешней политике, которые стали определяющими для всей последующей истории Германии»⁷⁶. Большинство исследователей занимаются периодом канцлерства Бетмана и его фигурой преимущественно, и это совершенно закономерно и естественно, во внешнеполитическом аспекте и в связи с его ролью/виной в начале Первой мировой войны. Такой подход характерен как для российских⁷⁷, так и для немецких историков⁷⁸. На этом фоне выделяется несколько публикаций, наибольший интерес для нас представляет небольшая статья Т.З. Шмидт⁷⁹, в которой анализируются усилия правящих кругов Германской империи по ограниченной модернизации политической системы в начале XX в. Наиболее значительной немецкой работой, посвященной именно внутренней политике

⁷⁶ Kraus H.-Ch. Geleitwort // Reichskanzler Theobald von Bethmann Hollweg 1909-1921. Rekonstruktion seines verlorenen Nachlasses. Hrsg. und bearb. von W. Baumgart. Berlin: Duncker&Humblot, 2021. S. V.

⁷⁷ Садовая Г. М. "Диагональ" Бетман – Гольвега // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М.: Наука, 1994. С. 192-201; Синегубов С.Н. Начало канцлерства Бетман-Гольвега и попытка заключения германо-английского флотского соглашения (июль - ноябрь 1909 г.) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки, №11 (66) /2008. С. 246-252; *Его же*. Военно-морская политика Германии при рейхсканцлерах Б. Бюлове и Т. Бетман - Гольвеге: общее и особенное // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. №. 11/1 /2014. Краснодар, 2014. С. 208-212.

⁷⁸ Hamre M. Erich Ludendorff und die Frage nach der Verantwortung. Ein Paradigma der wilhelminischen Generation für den Umgang mit der Niederlage im Ersten Weltkrieg. München, 2014; Mommsen W. J. Die italienische Frage in der Politik des Reichskanzlers von Bethmann Hollweg 1914–1915. Rome, 2016; Keller K. Deutschlands auswärtige Politik von Caprivi bis Bethmann Hollweg : ein kritischer Überblick. Leipzig; Frankfurt am Main: Deutsche Nationalbibliothek, 2017 и др.

⁷⁹ Шмидт Т.З. Неудачливый «Наследник»: штрихи к портрету рейхсканцлера Бетман-Гольвега. Вестник Пермского университета. Сер. История. 2008. Вып. 23 (7). С. 11-16.

канцлера, стала монография Х.-Г. Змарзлика, вышедшая еще в 1957 г.⁸⁰, а также несколько его политических биографий⁸¹.

Одной из самых исследуемых и важных для имперского периода в истории Германии является тема положения Пруссии и ее властных органов в общеимперской системе. Федерализм Германской империи являлся уникальным со всех точек зрения явлением. В нем не было инонационального компонента, империя была фактически мононациональной, но при этом важнейшая часть общегерманского пространства – Австрия – в империю не вошла. Один из крупнейших немецких историков, занимающихся теоретическими вопросами конституционализма, Г. Болдт, выделил 4 задачи, которые ставил перед собой Бисмарк при создании империи. «Во-первых, речь шла об обретении прочного национального, экономического и политического единства, причем не только через давно требуемое национальное представительство в рейхстаге, но и через передачу более обширных, по примеру имперской конституции 1849 г., законодательных полномочий империи для завершения экономического и правового единства. Во-вторых, обеспечение лидирующей роли Пруссии, в-третьих, обеспечение интересов других государств, особенно позднее всего присоединившихся к Союзу южнонемецких, и в-четвертых, создание механизмов, препятствующих парламентаризации империи, а тем паче прусского правительства»⁸². Эти слова подтверждают тезис, который мы полностью разделяем, что обеспечение прусских интересов и даже прусского доминирования было изначально важнейшей задачей единой Германии.

Серьезные исследования вопросов, связанных с положением Пруссии в империи, издавались еще в Веймарский период. В 1931 г. вышла книга Х.

⁸⁰ Zmarzlik H. -G. Bethmann Hollweg als Reichskanzler 1909-1914. Düsseldorf, 1957.

⁸¹ Vietsch E. v. Bethmann Hollweg: Staatsmann zwischen Macht u. Ethos. Boppard a. Rh. : Boldt, 1969; Wollstein G. Theobald von Bethmann Hollweg. Göttingen: Muster-Schmidt, 1995; Egelhaaf G. Theobald von Bethmann Hollweg der fünfte Reichskanzler. Hamburg: SEVERUS Verlag, 2011.

⁸² Boldt H. Der Föderalismus im deutschen Kaiserreich als Verfassungsproblem // Innere Staatsbildung und gesellschaftliche Modernisierung in Österreich und Deutschland 1867/71 bis 1914: Historikergespräch Österreich – Bundesrepublik Deutschland 1989. 1991, Oldenbourg-München: Verlag für Geschichte und Politik, 1991. S. 32.

Голдшмидта⁸³, которая кроме собственно исследовательской части содержала большие приложения документов и выдержек из переписки крупнейших политических деятелей Германии по тому или иному политическому поводу. Монография, построенная по хронологическому принципу, делит имперский период на три этапа (1867-1880; 1880-1890 и 1890-1918), в центре изучения находятся вопросы функционирования различных ветвей власти в условиях персональной прусско-германской унии, роль бундесрата, а также прусского государственного министерства в сложной системе обеспечения прусской гегемонии. Главной идеей Голдшмидта, по злой иронии судьбы эмигрировавшего в 1939 г. в Лондон и там через год погибшего во время налета немецкой авиации, была мысль, что федерализм Германской империи был лишь фикцией, за которой скрывалась унитарное по своей сути государство с Пруссией в качестве гегемонистского лидера.

К темам, которые постоянно оказываются в центре исследований, посвященных Пруссии в составе Германской империи, относятся следующие: «персональная уния» между прусскими и имперскими властями на высшем уровне, противоречия имперского и прусского законодательства, прежде всего избирательного права, которые стали предметом современной и чрезвычайно информативной монографии⁸⁴, прусские реформы и их неудачные попытки (финансовая, школьная, избирательная), а также превалирующее положение Пруссии в бундесрате, которое предопределило и ее чрезмерное консервативное влияние на общегерманские дела. В значительной степени все эти работы, особенно раннего послевоенного периода были детерминированы «Немецкой катастрофой» Ф. Майнеке, в которой он в 1946 г. устанавливал прямую зависимость между прусским «силовым государством» и нацизмом⁸⁵.

Другие историки, например Г. Манн или С. Хаффнер, не соглашаясь с тем, что «дух Потсдама умер в Потсдаме» утверждают, что Пруссия умерла в

⁸³ *Goldschmidt H.* Das Reich und Preußen im Kampf um die Führung. Von Bismarck bis 1918. Berlin, 1931.

⁸⁴ *Kühne Th.* Dreiklassenwahlrecht und Wahlkulture in Preussen : Landtagswahlen zwischen korporativer Tradition und politischem Massenmarkt. Düsseldorf: Droste, 1994.

⁸⁵ *Meinecke F.* Die deutsche Katastrophe. Betrachtungen und Erinnerungen. 4. Aufl. Wiesbaden, 1949.

1871 г., а дальше была только долгая агония⁸⁶. Продолжением исследования прусской гегемонии в Германской империи стало большое количество работ, достаточно показательной среди них является сборник под редакцией Д. Блазиуса⁸⁷, собравший под одной обложкой ведущих экспертов, занимавшихся ролью Пруссии в едином германском государстве.

Сборник О. Бюша и В. Нойгебауэра содержит важную для нашего исследования статью М. Штюрмера «Пруссия как исследовательская проблема»⁸⁸, являющуюся подробным историографическим обзором, охватывающим все новейшие работы по этой важнейшей для историографии Германии теме. Важно отметить, что эта книга вышла к Прусской выставке 1981 г., имеющей заголовок «Пруссия. Попытка баланса», которая должна была вернуть прусскую тему в историческую политику и историческую науку в обоих на тот момент германских государствах. Несмотря на крайне политизированное отношение к этой проблеме всегда, а особенно после упразднения Пруссии в 1947 г., прусская тема если и не находилась под запретом, то относилась к крайне маргинальным, особенно на востоке Германии, на территории собственно бывшей Пруссии⁸⁹. Интересно, что теме прусской выставки и, соответственно «реабилитации Пруссии» посвящена большая конференция, запланированная на февраль 2024 г.⁹⁰, то есть тема не потеряла своей актуальности ни в 1981, ни в 2024 г. Что бы ни говорили и ни писали ученые, вопрос Пруссии все еще скорее политический, чем исторический и научный, и связан с делящимся десятилетия стремлением немцев преодолеть прошлое, примириться с прошлым, оправдать прошлое и т.д. Пруссия в этом смысле, ее роль в истории Германии, и прежде всего

⁸⁶ Preußen. Porträt einer politischen Kultur. Hrsg. von H.-J. Netzer. München: Paul List Verlag, 1968.

⁸⁷ Preußen in der deutschen Geschichte. Hrsg. D. Blasius. Königstein/Ts., 1980; darin v.a. *Meinecke F.* Preußen und Deutschland im 19. Jahrhundert, S. 49-56; *Kaehler S. A.* Das preußisch-deutsche Problem seit der Reichsgründung, S. 57-71; *Schulze H.* Preußen als Stabilitätsfaktor der deutschen Republik, S. 311-333.

⁸⁸ *Stürmer M.* Preußen als Problem der Forschung // *Moderne Preußische Geschichte. Eine Anthologie.* Bearb. und herausgeb. von O. Büsch, W. Neugebauer. Bd. 1-3. Berlin, New York, 1981. Bd. 1. S. 74-102.

⁸⁹ *Рагозин Г.С.* «Социалистическая Пруссия»? Разрушение и реабилитация «Прусского мифа» в ГДР (1945-1990 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. №61 2019. С. 85-88.

⁹⁰ Preußen wieder chic? Die Preußenausstellung 1981 zwischen Politik, Wissenschaft und Öffentlichkeit. URL: https://www.gedenkstaettenforum.de/fileadmin/user_upload/Aktuelles/Veranstaltungen/2024/Programm_Workshop_Preußen-Ausstellung.pdf (дата обращения 13.02.2024).

имперской, продолжает быть самой острой темой в этом ряду. Спокойное академическое изучение этого прошлого пока что невозможно, хотя нельзя исключить, что господствующая сегодня либеральная идеология прогресса от «силового государства к демократии» в любой момент перестанет удовлетворять ее сегодняшних апологетов и захочется новых объяснений и новой логики.

Отдельной темой исследований прусской истории является изучение экономического положения и политической роли ведущей социальной силы прусского общества, а именно прусских аграриев, юнкерства, крупных земельных собственников, связанных главным образом с производством зерновых. Юнкерство, бывшее социально-экономической и политической опорой монархии после Октябрьского эдикта К. фон Штейна, отменившего крепостное право, испытывало большие сложности, которые особенно обострились после объединения Германии и кризиса первой половины 1870-х гг.

Экономической роли сельского хозяйства в Пруссии и Германии в XIX – XX вв. посвящена огромная литература⁹¹. Одними из самых ярких в этом ряду являются работы Х. Харниша⁹², М. Серинга⁹³ и В. Хентшеля⁹⁴, которые доказывали, что в условиях модернизации экономики и социальной структуры, сокращения доли занятых в сельском хозяйстве, роста городского населения и т.д. только протекционистская политика позволяла прусскому

⁹¹Der Boden und die landwirtschaftlichen Verhältnisse des preussischen Staates. dargest. von A. Meitzen. Frankfurt am Main: Keip. Bd. 1-8; *Henning F.-W.* Landwirtschaft und ländliche Gesellschaft in Deutschland. Paderborn, 1988; *Kiesewetter H.* Industrialisierung und Landwirtschaft. Sachsens Stellung im regionalen Industrialisierungsprozess Deutschlands im 19. Jahrhundert. Köln, 1988; *Eckart K.* Agrargeographie Deutschlands. Agrarraum und Agrarwirtschaft Deutschlands im 20. Jahrhundert. Gotha, 1998; Kluge U. Agrarwirtschaft und ländliche Gesellschaft im 20. Jahrhundert. Hrsg. v. L. Gall. München, 2005; *Schorm L.* Die deutsche Landwirtschaft in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts. Zwischen Protektionismus, Marktöffnung und Kriegsbewirtschaftung, München: GRIN Verlag, 2013 и др.

⁹²*Harnisch H.* Agrarstaat oder Industriestaat. Die Debatte um die Bedeutung der Landwirtschaft in Wirtschaft und Gesellschaft Deutschlands an der Wende vom 19. zum 20. Jahrhundert // *Ostelbische Agrargesellschaft im Kaiserreich und in der Weimarer Republik. Agrarkrise - junkerliche Interessenpolitik – Modernisierungsstrategien.* Hrsg. von H. Reif. Berlin, 1994. S. 33.

⁹³*Sering M.* Agrar- und Industriestaat // *Wörterbuch der Volkswirtschaft.* Hrsg. v. L. Elster. Bd. 1. Jena, 1911. S. 52.

⁹⁴*Hentschel V.* Wirtschaft und Wirtschaftspolitik im wilhelminischen Deutschland. Organisierter Kapitalismus und Interventionsstaat. Stuttgart, 1977. S. 44.

сельскому хозяйству держаться на плаву, без нее сохранить рентабельность было невозможно. В этих новых условиях, когда экономическая сила крупных сельскохозяйственных предприятий фактически сошла на нет, государственная политика в этой области была «нацелена не на приспособление производительной структуры к изменяющимся рыночным условиям, а на укрепление позиций изжившего себя юнкерства с помощью поддержки собственности и уровня доходов, а в конечном итоге на консервацию традиционной сельской социальной структуры»⁹⁵.

Исследования роли прусского юнкерства в социальной и политической истории имперского периода соприкасаются с тремя историческими направлениями. Они находятся, во-первых, в русле изучения «фактора Пруссии», т.е. как консервативная политическая сила, которая является главным препятствием, прежде всего через доминирование в прусском ландтаге, для широкой программы модернизации. Эта же политическая сила является донором для формирования командного состава армии (60-70% дворянских детей отправлялось на военную службу) и чиновничества (8-10%), причем как на прусском, так и на общеимперском уровне. Во-вторых, прусское юнкерство является предметом изучения как часть европейского дворянства, аристократии, как наднациональная по своей природе сила, при этом с чрезвычайно сильным национальным компонентом, получившим в литературе название «пруссачества»⁹⁶. Конечно же, эти два исследовательских поля постоянно смешиваются, пересекаются, что, например, прекрасно видно в небольшой, но емкой монографии⁹⁷ Х. Райфа об аристократии в XIX-XX вв., которая включает эти исследования в исследовательское поле элитологии. Райф является также составителем представительного сборника «Дворянство и буржуазия в Германии», несколько статей в котором, посвященных вовлечению дворянства в капиталистическую экономику, а также участию

⁹⁵ Reif H. Einleitung // Ostelbische Agrargesellschaft im Kaiserreich und in der Weimarer Republik... S. 12.

⁹⁶ Подробно об этом идеологическом и ментальном феномене рассуждает польский историк Салмонович: *Salmonowicz S. Preußen. Geschichte von Staat und Gesellschaft. Stiftung Martin-Opitz-Bibliothek, 1995. S. 357.*

⁹⁷ Reif H. Adel im 19. und 20. Jahrhundert. München, 1999.

Вильгельма II в изменениях в политической жизни после отставки Бисмарка, представляли для нас несомненный интерес⁹⁸.

Большинство современных исследователей европейских элит в XIX в. пытаются доказать, что доля прусских дворян в таких традиционных для них областях как армия и бюрократия постепенно снижалась. Райф, не отрицая этого факта, указывает на сохранение и культивирование «особого прусского духа, корпоративной общности», которая сохранялась и в новых условиях. В качестве новаторского исследовательского тезиса Райф старался объединить основные элементы аристократического самовосприятия разных эпох (принцип неравенства, семьи, самопрезентации и претензии на власть) в общую концепцию «дворянства», аналогичную подходам, применяемым при исследовании буржуазных слоев⁹⁹.

В своей работе Райф спорит с работами по данной проблематике, ставшими уже классическими¹⁰⁰. Так, например, Д. Ливен, сравнивая траектории приспособления аристократии к новому индустриальному массовому обществу в России, Германии (Пруссии) и Великобритании, говорит о нескольких стратегиях. По его мнению, немецкое дворянство было в основной своей массе невежественными пруссаками, ничего не понимающими во внешней политике и хуже русской или английской аристократии приспособившимися к новому миру: «Даже в 1914 г. Пруссия ощущала себя неуютно в имперских одеяниях. Сам Вильгельм II представлял собой соединение короля-юнкера, императора мировой державы и преуспевающего промышленного магната»¹⁰¹. Несмотря на определенную спорность всех этих эпитетов и очевидное упрощение проблемы, рациональное зерно, полезное для нашего исследования, в этой работе также присутствует.

⁹⁸ Adel und Bürgertum in Deutschland I: Entwicklungslinien und Wendepunkte im 19. Jahrhundert (Elitenwandel in der Moderne / Elites and Modernity, Berlin: Akademie Verlag, 2000.

⁹⁹ Ibid. S. 119.

¹⁰⁰ Carsten F. L. Geschichte der preußischen Junker. Frankfurt am Main, 1988; Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte, Bd. 2, München, 2. Aufl. 1989 u. Bd. 3, München 1995; Lieven D. Abschied von Macht und Würden. Der Europäische Adel 1815-1914. Frankfurt am Main, 1995.

¹⁰¹ Ливен Д. Аристократия в Европе. 1815—1914. СПб., 2000. С. 138.

Чрезвычайно важной для нас была и монография Х.-Й. Пуле¹⁰², пожалуй, все еще самое авторитетное исследование деятельности не просто аграриев как социального слоя, а их крупнейшей организации, Союза сельских хозяев (ССХ), который по численности превосходила только Социал-демократическая партия Германии.

Пуле самым подробным образом исследует историю создания и структуру ССХ, различные аспекты его программы, а также идеологию, в которой главную роль играли фёлькишские, националистические и крайние антисемитские мотивы. Большие разделы посвящены также гегемонии интересов и идеологии ССХ в программных документах и практической деятельности Немецкой консервативной партии, а также его влиянию на деятельность иных партий и рейхстага в целом. Именно этот националистический компонент воззрений аграриев был одним из важнейших двигателей агрессивных внешнеполитических планов Германии, нашедших свое воплощение в 1914 г. Не отрицая важность этого фактора, логика нашего исследования и имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют серьезно скорректировать данное утверждение или по крайней мере поставить его под большое сомнение.

Поскольку определенные логические построения нашей работы связаны с прусской и германской политическими элитами, то достаточно давняя работа Н. фон Прерадовича, посвященная сравнению ведущих общественных слоев в Пруссии и Австрии, представляет большой интерес¹⁰³. Работа является исследованием на стыке истории и социологии, сопровождается огромным количеством статистического материала о социальном происхождении представителей различных гражданских и военных ведомств. Вывод, который был сделан на основании объективных источников, выглядит следующим

¹⁰² *Puhle H.-J.* Agrarische Interessenpolitik und preußischer Konservatismus im wilhelminischen Reich (1893-1914). Ein Beitrag zur Analyse des Nationalismus in Deutschland am Beispiel des Bundes der Landwirte und der Deutsch-Konservativen Partei. Hannover: Verlag für Literatur u. Zeitgeschichte, 1967; *Ders.* Der Bund der Landwirte im Wilhelminischen Zeit – Struktur, Ideologie und politische Wirksamkeit eines Interessenverbandes in der konstitutionelle Monarchie (1893-1914) // Zur soziologischen Theorie und Analyse des 19. Jahrhunderts. Hrsg. von W. Rüegg, O. Neuloh. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1971. S.145-162.

¹⁰³ *Preradovich N. v.* Die Führungsschichten in Österreich Und Preußen (1804-1918). Wiesbaden, 1955.

образом: старое прусское дворянство превалировало во всех сферах управления, при этом те представители буржуазии и нового дворянства, которые проникали на высшие (и не только) бюрократические, дипломатические и военные должности полностью перенимали аристократические консервативные взгляды прусской земельной элиты. Это исследование подтвердило правоту нашего решения ограничить рассмотрение элиты только дворянами-аграриями, так как именно они являются тем слоем, который отправлял своих сыновей на военную службу, в органы власти и управления, а те, в свою очередь, приносили с собой соответствующую идеологию и принципы.

Современное исследование тех же вопросов, проведенное Д. Меннингом¹⁰⁴ на новом материале и новыми методами (в центре изучения находятся семейные стратегии двух групп знати: мелкого дворянства с территорий восточнее Эльбы и бывших рыцарских семей юго-запада Германии), позволяет автору сделать схожие выводы. Несмотря на размывание дворянства, изменение, причем значительное, земельных отношений и т.д., оно оставалось отдельной, по-прежнему влиятельной группой в армии и государстве и в середине XX в., что доказал заговор 20 июля 1944 г.

В российской исторической науке заслуживает отдельного упоминания работа И.Н. Новиковой¹⁰⁵, посвященная видению немецкой элитой проблемы «Срединной Европы», т.е. формированию вокруг Германии блока центральноевропейских государств, основа которого была заложена торговыми договорами первой половины 1890-х гг.

Важнейшей для нашего исследования темой является история политических партий, а также их фракций, действующих в рейхстаге и

¹⁰⁴ *Menning D.* Standesgemäße Ordnung in der Moderne. Adlige Familienstrategien und Gesellschaftsentwürfe in Deutschland 1840–1945. München: Oldenbourg Verlag, 2014.

¹⁰⁵ *Новикова И.Н.* Дискусии о "Срединной Европе" в кругах немецкой правящей элиты (1914 - 1915) // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. Вып. 5: Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, Мінск, 12 мая 2006 г. С. 191-197.

прусском ландтаге. Литература, посвященная как идеологическим и политическим направлениям, так и отдельным политическим организациям, достаточно велика, нам бы хотелось остановиться только на основных историографических тенденциях и понять, какими методами оперировали историки, прежде всего немецкие, изучая механизмы формирования партий, их политических программ, методов работы с клиентелой и с властью.

Все немецкие работы по партийной истории Германии можно разделить на две большие группы – посвященные партийной системе в целом и отдельным партиям или направлениям – консервативному или либеральному.

Историей буржуазных партий советская/российская историография занималась очень мало и всегда на очень коротких хронологических отрезках. Самой значительной работой, посвященной этой теме, является монография С.В. Оболенской¹⁰⁶, которая, опираясь на широкий круг источников (газеты, партийные документы), исследовала взаимодействие основных партий, либералов и консерваторов, составлявших «картель» друг с другом и с канцлером в 1877–1879 гг., и их позицию, прежде всего, по экономическим мероприятиям, переход от фритредерства к протекционизму. Автор касается и позиции партии Центра, ее сближения с консерваторами и складывания «консервативно-клерикального большинства», которое претворяло в жизнь новую экономическую политику Бисмарка. Короткий период создания Германской империи и политические партии в это время рассмотрены в обзорной статье Н.А. Власова¹⁰⁷. Отдельным партиям бисмарковской эпохи посвящено несколько исследований¹⁰⁸, но все они не затрагивают период после 1890 г. Подробный историографический анализ темы немецких консерваторов, представленный в статье В.Н. Лоскутовой¹⁰⁹, еще раз

¹⁰⁶ Оболенская С. В. Политика Бисмарка и борьба партий в Германии в конце 70-х годов XIX в. М., 1992.

¹⁰⁷ Власов Н.А. Политические партии Германской империи в начале 70-х годов XIX в. // Вестник СПбГУ 2004. Серия 2. История. Вып. 1-2. С. 68-73.

¹⁰⁸ Лаптев Б. Н. Германский консерватизм эпохи Бисмарка. Уфа, 1999; Устинова Ю.Н. Национал-либеральная партия в политической жизни Германии: 1871-1878 годы». Брянск, 2013; Ольховская О.В. «Партия «Центр» в Германии 70-х годов XIX века: организация, идеология, политическая практика. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Брянск, 2014.

¹⁰⁹ Лоскутова В.Н. Немецкие консерваторы в зеркале отечественной историографии // Вестник Брянского университета №1 2015. С. 126-129.

подтверждает отсутствие в отечественной исторической науке специальных работ не только по двум консервативным партиям, но и по другим традиционным партиям имперского периода. Пожалуй, единственным значимым вкладом в проблему являются упоминаемые выше статьи И.П. Максимова, но они ограничены канцлерством Б. Бюлова и посвящены в основном вопросам формирования и функционирования готтентотского блока.

Конечно, значительно более благополучно обстоят дела в немецкой исторической науке. Подлинно научное изучение партийной истории Германской империи произошло тогда, когда она перестала быть политологией и перешла в исследовательское поле исторической науки. Хотя, конечно, и здесь были исключения. Так, например, многотомная история партии Центра¹¹⁰, выходявшая в конце 1920-х – начале 1930-х гг., до сих пор полностью не потеряла своего значения, перейдя, впрочем, в значительной степени, из разряда литературы в разряд ценных исторических источников.

В 1921 г. была опубликована монография известного политического деятеля левого, демократического направления и крупного историка Л. Бергштрессера об истории политических партий в Германии, впоследствии неоднократно переиздававшаяся¹¹¹. Периоду вильгельминизма здесь посвящена одна глава, однако больший интерес представляет даже не она, а краткое изложение важнейших свидетельств современников и участников события, оформленное как приложения к каждому параграфу. Эти приложения позволяют частично использовать этот труд как краткую хрестоматию.

После Второй мировой войны в обоих германских государствах, в каждом со своими особенностями, были проведены серьезные и значимые исследования истории политических партий в империи. Самой подробной работой в историографии ГДР, которая по очевидным причинам работала

¹¹⁰ *Bachem K. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der Deutschen Zentrumpartei. Bd. I – IX. Berlin, 1927-1932.*

¹¹¹ *Bergsträsser L. Geschichte der politischen Parteien in Deutschland, München, 1921.*

строго в рамках марксистской идеологии, что накладывало определенные ограничения на трактовки и выбор сюжетов, стал подробный двухтомный справочник¹¹², вышедший в Лейпциге и организованный в алфавитном порядке. Несомненный интерес представляет также работа патриарха восточногерманских историков Э. Энгельберга¹¹³, о котором уже подробно шла речь выше. Значительную часть своей общей работы по истории Германской империи он отвел выяснению роли и месту в ее политической системе политических партий. Остальной массив исследований в данной области был посвящен различным аспектам истории германской социал-демократии, о чем подробно речь пойдет ниже.

Западногерманские исследования «буржуазных партий» были более многочисленными и разноплановыми, но отнюдь не лишены столь же жестких идеологических установок. Одной из первых крупных работ в послевоенной историографии была книга Т. Шидера о государстве и обществе в переломную эпоху¹¹⁴. Влияние Шидера на послевоенную историческую науку Германии трудно переоценить, он являлся основоположником идеи социальной истории, на которой была основана Билефельдская школа, состоящая из ученых, считавших себя его учениками. К таковым себя относили также М. Брошат и Т. Ниппердей, которые с идеями этой школы спорили, но влияния на себя Шидера не отрицали. Разгоревшийся уже после его смерти скандал по поводу его поддержки, в том числе идеологической, нацистского режима, особенно в свете его восточноевропейской специализации, вызвал опять-таки неоднозначную реакцию в профессиональном сообществе, впрочем, большинство его учеников от учителя не отреклись (В. Моммзен, Х.-У. Велер и другие). Работа Шидера о государстве и обществе во многом определила поворот в немецкой историографии к социальной и структурной истории, обновив методологию и теоретическую основу исследований. В центре ее

¹¹² Die bürgerlichen Parteien in Deutschland 1830-1945. Handbuch der Geschichte der bürgerlichen Parteien und anderer bürgerlicher Interessenorganisationen vom Vormärz bis zum Jahre 1945. Bd. 1-2. Leipzig, 1968-1970.

¹¹³ Engelberg E. Deutschland von 1871 bis 1897 (Deutschland in der Übergangsperiode zum Imperialismus). Berlin, 1965.

¹¹⁴ Schieder Th. Staat und Gesellschaft im Wandel unserer Zeit. München: Oldenbourg, 1958.

лежит не политический, а идейный либерализм, либерализм как философское течение, а также его преломление на немецкой почве, прежде всего уже после 1919 г., исторические условия формирования партий в Германии и партийность как явление, прошедшее ряд трансформаций. На вопрос, насколько декларируемая идеологическая основа (либерализм, консерватизм, католицизм) в принципе и всегда ли влияла на политическую деятельность, Шидер дает отрицательный ответ, поскольку в противном случае Германскую империю, учитывая опору Бисмарка на национал-либералов, необходимо было бы называть либеральным творением.

К работам, сохраняющим до сегодняшнего дня свою ценность и актуальность, относится прежде всего монография Т. Ниппердея¹¹⁵, написанная им в начале академической карьеры. Она внутренне разделена на отдельные направления, имеет полноценный раздел, посвященный и СДПГ, что отличает ее от других работ, которые не объединяют в одном исследовании «партии порядка» и социалистов. Идеей Ниппердея является утверждение органичности и закономерности именно такой партийной организации, которая складывалась в соответствии с «историческими, политическими, техническими и социальными условиями Германии. Эта структура соответствовала определенному социально-политическому положению, фиксировала и отражала его изменения»¹¹⁶. Все, что автор считает присущим другим партиям, он в полной мере относит и к СДПГ, которая формировалась в условиях прусско-германского властного государства и восприняла в определенной степени не только его условия, но и методы осуществления власти. Впрочем, он вовсе не отрицает совершенно иного пути ее конституирования и работы, а также определяющей роли, которую играла в случае социалистов партийная структура, оформляющаяся в других партиях далеко не сразу.

¹¹⁵ *Nipperdey Th.* Die Organisation der deutschen Parteien vor 1918 (= Beiträge zur Geschichte des Parlamentarismus und der politischen Parteien. Band 18). Düsseldorf: Droste, 1961.

¹¹⁶ *Ibid.* S. 393.

Большой интерес для исследователей представляет глубоко фундированная работа Д. Штегмана, посвященная партиям и союзам в 1897-1918 гг.¹¹⁷, особенная предложенная в ней периодизация, в качестве нижней границы предлагающая 1897 г., но не как дату провозглашения Бюловым «мировой политики», а как – лозунга, выдвинутого Й. фон Микелем для объединения всех сил в поддержку государства и его политики. Работа имеет разделы, посвященные истории, структуре и политике партий и до 1897 г., но они носят скорее вводный характер. В центре исследования находятся отношения правительства с рейхстагом и партиями его составляющими, резоны, которыми на разных этапах руководствовались та и другая стороны. Что важно, партии не действуют сами по себе, а существуют в тесной связи с социально-экономическими группами и различными массовыми внепартийными организациями, от новой Ганзы и ССХ до Флотского и Пангерманского союзов. Штегман выделяет «политику единения» как особую идеологию, воспринятую, в той или иной мере, самыми разными общественными группами и связанными с ними общественными организациями. В центре его исследования находятся не элиты, а средний класс, его идеология и ее воплощение в деятельности различных союзов.

В те же годы была издана книга гамбургского историка левых взглядов В. Тормина о немецких политических партиях¹¹⁸, являющаяся скорее подробным справочником об истории, численности партий и их парламентских фракций, а также результатах голосования по тому или иному принципиальному вопросу.

В последующие годы выходили и новые работы по истории партий и движений, но они не имели новаторского характера¹¹⁹, за исключением, пожалуй, работы англо-американского историка Д. Блэкбёрна, давно и плодотворно работающего над изучением германской истории, в том числе

¹¹⁷ *Stegmann D.* Die Erben Bismarcks. Parteien und Verbände in der Spätphase des Wilhelminischen Deutschlands. Sammlungspolitik 1897-1918. Köln, 1970.

¹¹⁸ *Tormin W.* Geschichte der deutschen Parteien seit 1848. 2. Aufl. Stuttgart u.a.: Kohlhammer, 1966.

¹¹⁹ *Auf dem Weg zur Parteidemokratie. Beiträge zum deutschen Parteiensystem 1848-1989.* Hrsg. von A. Schild., B. Vogel. Hamburg, 2002.

имперского периода¹²⁰. Блэкберн предлагает, не отказываясь от исследований по социальной и политической истории, обратиться прежде всего к истории культуры как универсального синтезирующего начала.

Достаточно подробно остановившись на работах, посвященных истории политических партий в целом, необходимо упомянуть и труды по отдельным организациям. Наибольший научный интерес историки ФРГ питали к немецкому либерализму и, соответственно, к либеральным партиям, прежде всего крупнейшей из них – Национал-либеральной, бывшей главной опорой О. фон Бисмарка в период имперского строительства.

Российских/советских работ по этой проблематике чрезвычайно мало. Стоит, несомненно, упомянуть книгу А.И. Патрушева, посвященную М. Веберу¹²¹, где его наследие рассматривается с точки зрения вклада в социальные науки.

К раннему периоду изучения немецкого либерализма можно отнести книгу В. Гагеля¹²², посвященную избирательному праву и поведению либерального электората на длительном отрезке времени, который включал несколько поворотов. В тот же период была издана работа Ф. Селя, красноречиво озаглавленная «Трагедия немецкого либерализма»¹²³. Автор, занимавшийся в 1920-е гг. историей Католической партии Центра и эмигрировавший в 1938 г. в США, написал свое исследование либерализма под несомненным влиянием американской историографии. Он разделяет политический и «духовный» либерализм, считая либералов не менее, чем, например, пангерманистов ответственными за германский милитаризм и трагедию мировой войны. Изучение немецкого либерализма в работе Селя базируется на подробном анализе биографий и взглядов его виднейших представителей Т. Барта, Ф. Наумана, Х. Дельбрюка и др.

¹²⁰ *Blackbourn D.* Landschaften der deutschen Geschichte. Aufsätze zum 19. und 20. Jahrhundert. (Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft, Bd. 217.) Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2016.

¹²¹ *Патрушев А.И.* Расколдованный мир Макса Вебера. М.: Издательство Московского университета, 1992.

¹²² *Gagel W.* Die Wahlrechtsfrage in der Geschichte der deutschen liberalen Parteien. 1848-1918. Düsseldorf, 1958.

¹²³ *Sell F.C.* Die Tragödie des deutschen Liberalismus. Stuttgart, 1953.

В 1988 г. вышла большая работа одного из ведущих специалистов по истории имперской Германии Д. Лангевисше, охватывающая всю историю германского либерализма¹²⁴. Автор традиционно останавливается на слабости и принципиальной, в этой трактовке, неизменности либерализма, который не реагировал на те общественные изменения, которые происходили в стране, что и предопределило, в значительной степени, крах Германии.

Подробный анализ проблемы немецкого либерализма невозможно провести без упоминания работы Л. Галла, крупнейшего специалиста по личности Бисмарка и его времени, чья книга «Белый революционер»¹²⁵ наделала в свое время много шума. Галль, между тем является одним из ведущих современных историков в области изучения либерализма и шире – буржуазной идеологии¹²⁶. Историк рассматривает либерализм как идеологию промышленной, а главное банковской буржуазии, прямо вытекающую из ее экономических и политических интересов, оставаясь в поле традиционных методов исследования и погружая читателя в очень ярко и подробно нарисованный буржуазный мир конца XIX – XX вв.

Одной из самых свежих работ, посвященных немецкому либерализму, является сборник «Либерализм как образ врага»¹²⁷, изданный по результатам конференции 2013 г. Три эссе из этой книги относятся к имперскому периоду и являются достаточно оригинальными как по выбору тем, так и по привлеченным источникам. Особенно это касается главы А. Хопп «Об антилиберализме дворянок: повседневная жизнь семьи Отто фон Бисмарка»¹²⁸, в которой на основе писем и дневников жены Бисмарка, двух его дочерей и невестки, доказывається реакционность семьи первого канцлера и

¹²⁴ *Langewische D.* Liberalismus in Deutschland. Frankfurt am Main, 1988.

¹²⁵ *Gall L.* Bismarck. Der weiße Revolutionär. Frankfurt am Main u. a.: Propyläen-Verlag, 1980.

¹²⁶ *Ders.* Der Liberalismus als regierende Partei. Das Großherzogtum Baden zwischen und Restauration Reichsgründung" Wiesbaden: Steiner, 1968; *ders.* Bürgertum in Deutschland. Berlin: Siedler, 1989; *ders.* Von der ständischen zur bürgerlichen Gesellschaft". München: Oldenbourg, 1993; *ders.* Bürgertum, liberale Bewegung und Nation. Ausgewählte Aufsätze. Hrsg. von D. Hein, A. Schulz, E. Treichel. München: Oldenbourg, 1996; *ders.* Krupp. Der Aufstieg eines Industrieimperiums." Berlin: Siedler, 2000; Der Bankier Hermann Josef Abs. Eine Biographie. München: C. H. Beck, 2004; Walther Rathenau. Portrait einer Epoche. München: C. H. Beck, 2009.

¹²⁷ Liberalismus als Feindbild. Hrsg. E. Grothe, U. Sieg. Göttingen, 2014.

¹²⁸ *Hopp A.* Zum Antiliberalismus adeliger Frauen: Familienalltag bei Otto von Bismarck // Ibid. S. 73-92.

также их открытое презрение к либеральным идеям. В более традиционном ключе У. Зиг пишет об «антисемитизме и антилиберализме в империи»¹²⁹, доказывая связь ослабления политического либерализма и роста антисемитизма.

Ю. Фрëлих посвятил свою работу Ф. Науману и его борьбе с политическим католицизмом и аграрным консерватизмом, т.е. с Центром и немецкими консерваторами¹³⁰. Эти статьи, прекрасно иллюстрирующие современные направления историографии, с одной стороны, расширяют исследовательское поле, предлагая нетривиальные подходы, а с другой, сужают его, предлагая перейти от больших работ и попыток осмысления явления в целом, во всем его многообразии, к вопросам во всех смыслах глубоко частным. Насколько личные взгляды жены Бисмарка важны для понимания его политики, тем более что он, собственно, никогда не скрывал своего юнкерского происхождения и консервативной прусской идеологии, вопрос не настолько простой, как может показаться на первый взгляд. Это внесение «антропологического подхода» в исторические исследования является, с нашей точки зрения, достаточно неоднозначной тенденцией, но с одним спорить невозможно, он расширяет аудиторию исторических работ и делает их более занимательными и интересными неспециалистам, что однозначно хорошо.

Кроме вышеперечисленных работ, которыми, конечно же, не исчерпывается вся историография либерализма, практически во всех упомянутых общих работах по имперскому периоду германской истории присутствуют и разделы, посвященные либеральным партиям.

Традиционно консервативное направление исследуется в Германии достаточно активно, хотя консерватизму после 1890 г. посвящено далеко не так много работ, как в предшествующий период.

¹²⁹ *Sieg U.* Antisemitismus und Antiliberalismus im Kaiserreich // Ibid. S.93-112.

¹³⁰ *Frëlich J.* „Rechts steht Rom und Ostelbien, links steht Königsberg und Weimar“. Friedrich Naumann, die Gegner und die potentielle Verbündeten des Liberalismus // Ibid. S. 113-133.

Современным, не только по дате написания, но и по идеям в нее заложенным, является во многом образцовая работа А. Шильдта, посвященная истории германского консерватизма с XVIII в. до настоящего времени¹³¹. Раздел, в котором излагается история консерватизма и консервативных партий в империи, в том числе и в вильгельмовский период очень невелик, содержит только основные, реперные точки развития, но несомненной заслугой Шильдта является попытка уйти от осуждающих оценок и в принципе оценок, а посмотреть на проблему с учетом всей ее многофакторности, не примыкая «ни к историкам, которые считали империю враждебной модернизации, неспособной к реформированию, милитаристской, авторитарной и регрессивной, ни к тем, кто видел ее динамичной, современной, буржуазной, правовой и плюралистичной»¹³². Именно такой взвешенный подход, максимально свободный от идеологических оценок, представляется нам самым продуктивным для современного исследователя. Консерватизму как политическому направлению посвящен сборник статей российских авторов¹³³, который закрывает в определенной степени имеющуюся историографическую лакуну.

Консервативным партиям посвящены разделы в уже упоминавшемся выше исследовании партий Т. Ниппердеа, а также монография Ф. Штальмана об обоих консервативных партиях, но ограниченная периодом канцлерства Бисмарка¹³⁴. Самой подробной и глубоко фундированной остается книга Х. Бумса¹³⁵, написанная еще в середине XX в. В последнее время вышли в свет еще две работы. И. Больмана¹³⁶, рассматривающего партию как организацию, которая не смогла приспособиться к росту демократизации и изменению

¹³¹ Schildt A. *Konservatismus in Deutschland – von den Anfängen im 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart*. München: C. H. Beck, 1998.

¹³² Ibid., S. 110.

¹³³ Гарбузов В.Н., Ивахник А. Г., Любин В.П. и др. *Консерватизм и развитие: основы общественного согласия*. М.: Альпина Паблишер, 2016.

¹³⁴ Stalman V. *Die Partei Bismarcks. Die Deutsche Reichs- und Freikonservative Partei 1866 bis 1890*. Düsseldorf: Droste Verlag, 2000.

¹³⁵ Booms H. *Die Deutschkonservative Partei. Preußischer Charakter, Reichsauffassung, Nationalbegriff*. Düsseldorf: Droste Verlag, 1954.

¹³⁶ Bohlmann J. *Die Deutschkonservative Partei am Ende des Kaiserreichs: Stillstand und Wandel einer untergehenden Organisation*. Saarbrücken: Südwestdeutscher Verlag für Hochschulschriften, 2012.

отношений между властью и обществом. Она была частью и одной из причин кризиса и не сумела его пережить; В брошюре М. Джона об антисемитизме¹³⁷ немецкие консерваторы признаются ответственными за распространение юдофобских идей в немецком обществе. Эти работы, при том, что, как мы уже писали выше, например, в российской историографии немецким консервативным партиям не посвящено ни одного исследования, хотя она долгое время была в числе самых влиятельных в империи и по сути, правящей в Пруссии, никоим образом нельзя считать исчерпывающими и полностью закрывающими вопрос крайне правого немецкого консерватизма.

Практически единственной специальной монографией, посвященной Свободным консерваторам стала работа М. Александера¹³⁸, которая подробно описывает историю, идеологию партии, деятельность ее фракций в рейхстаге и ландтаге, голосование по всем важнейшим законопроектам и создание неформальных парламентских объединений, а также утерю ею собственного фракционного статуса после 1912 г. и тяжелый кризис периода Первой мировой войны. Работа эта является очень подробным, основанным на широчайшем круге источников, описанием деятельности партии в период вильгельминизма, что добавляет ей особой ценности именно при подготовке нашего исследования.

Третьей крупнейшей силой в политической истории Германии, а именно католицизму, посвящено относительно большое число работ. Здесь также есть собственная традиция, наибольший интерес вызывает период конституирования империи и последующий за ним этап Культуркампа, когда католики были отнесены к врагам государства¹³⁹. Период после 1890 г. не

¹³⁷ John M. Antisemitismus im Kaiserreich: Inwieweit trug die Deutschkonservative Partei zur Propaganda des Antijudaismus und eines Rassendenkens in der Gesellschaft bei? München: GRIN Verlag, 2022.

¹³⁸ Alexander M. Die Freikonservative Partei 1890–1918. Gemäßigter Konservatismus in der konstitutionellen Monarchie. Düsseldorf: Droste, 2000.

¹³⁹ Например, Franz G. Kulturkampf: Staat und katholische Kirche in Mitteleuropa von der Säkularisation bis zum Abschluss des preußischen Kulturkampfes. München, 1954; Schmidt-Volkmar E. Der Kulturkampf in Deutschland 1871-1890. - Berlin, Frankfurt, 1962; Соколов В.К. Католическая церковь и государство в Германии во второй половине XIX столетия (историко-критический очерк немецкого культуркампа). Казань, 1912; Андреев А.А. Социальный вопрос в «Культуркампе» в Германии (1871-1878 гг.). Диссертация на соискание ... кандидата исторических наук. М., 1951 и др.

столь популярен у историков, при этом ведущие исследователи германской партийной системы в целом, такие как Г.А. Риттер и Х.-У. Велер в своих общих, уже упоминавшихся выше трудах, не обошли стороной и партию Центра. И тот, и другой, подчеркивая общую тенденцию секуляризации, видели в Центре один из основных атрибутов консервативного государства, противостоящего либеральным тенденциям. Т. Ниппердей считал, что именно политика Культуркампа была причиной сложностей в отношениях католиков с властями, т.е. партикуляризм и подчеркнутый федерализм – не причиной, а его следствием¹⁴⁰. Вильгельмовским периодом отечественная историография занималась мало, но здесь все-таки стоит назвать работы А.Б. Цфасмана, Л.Д. Ходорковского¹⁴¹, которых прежде всего интересовали отношения католиков и партии Центра с рабочим классом и СДПГ.

В истории вильгельмовской Германии и в ее историографии Социал-демократическая партия Германии стоит особняком. Она долгое время находилась в центре исследований в СССР и ГДР, но при этом больше других испытала идеологические ограничения и заданность, которые предопределили работы идеологов социалистического и коммунистического движений. Освободиться из-под спуда оценок В.И. Ленина, Ф. Энгельса, К. Каутского, Э. Бернштейна, Ф. Меринга и А. Бебеля было практически невозможно. В ситуации огромного массива литературы нами было принято решение ограничить ее обзор только периодом после отмены антисоциалистического законодательства и до Первой мировой войны.

В советской историографии четко прослеживается главная тенденция – во главу угла ставится «правильная» позиция крайне левых деятелей (К. Либкнехта и Р. Люксембург), действительно последовательно выступавших против «милитаризма и колониальных захватов». К Э. Бернштейну и связанным с его именем «ревизионизму» и идее «правильной,

¹⁴⁰ *Nipperdey Th. Religion im Umbruch: Deutschland 1870-1918. München, 1988. S. 48-49.*

¹⁴¹ *Цфасман А.Б. Католическая партия Центра и рабочий класс накануне первой мировой войны // Ежегодник германской истории. 1973. М., 1974. С. 87-104; Ходорковский Л.Д. Католицизм и рабочий класс Германии 1871-1933. М., 1978.*

социалистической колониальной политики» отношение было последовательно негативным. В то же время к К. Каутскому, с которым много полемизировал Ленин, оно было более сложным - как к колеблющемуся центристу, перед войной ставшему «оппортунистом и ренегатом», что вошло практически в поговорку и массовое сознание. В этом ключе были написаны работы Б.А. Айзина¹⁴² от самых ранних конца 1950-х гг. до конца 1980-х. Впоследствии этот исследователь сконцентрировался на вопросах историографии и изучения советскими и восточногерманскими историками «проблем германского империализма»¹⁴³. Несомненную ценность, кроме вклада в историю исторической науки, эти работы имеют благодаря собранному в них обширному фактическому материалу, что характерно в принципе для всей советской историографии.

Этому периоду был посвящен ряд работ Н.Е. Овчаренко 1970-1990-х гг.¹⁴⁴, в центре внимания которых находилось «ревизионистское направление», впервые ставшее предметом изучения, а не только порицания. Хотя негативные оценки и в этих работах преобладали, но была и попытка осмысления причин появления правого течения в СДПГ. В современной российской историографии наиболее плодотворно над этими проблемами работает С.В. Кретинин, автор монографии о К. Каутском¹⁴⁵, в которой он самым подробным образом осветил внутривнутрипартийную борьбу 1890-1900-х гг., полемику Каутского с Бернштейном, а затем его же – с Р. Люксембург. В последние десятилетия были защищены две интересные диссертации по

¹⁴² Айзин Б.А. Стачка горняков Рура в марте 1912 г. // Из истории Германии нового и новейшего времени. М., 1958. С. 108-116; он же. Борьба Карла Либкнехта против милитаризма в начале XX в. (1903-1907 гг.) // Империализм и борьба рабочего класса. М., 1960. С. 208-234; *его же*. В. И. Ленин против ревизионизма и оппортунизма в германском рабочем движении (1898-1914 гг.) // Рабочее движение в новое время. М., 1964. С. 470-543; *он же*. Марокканский кризис 1911 г. и германская социал-демократия // Ежегодник германской истории. 1973. М., 1973. С. 137-181 и др.

¹⁴³ *Он же*. Обсуждение проблем германского империализма историками СССР и ГДР // Новая и новейшая история. №6 1987. С. 218-220; он же. Альтернативы германской истории в конце XIX - начале XX века // Новая и новейшая история. №4 1992. С. 15-26 и др.

¹⁴⁴ Овчаренко Н.Е. Борьба марксизма против реформизма в германской социал-демократии в 1890-1892 годах // Из истории революционной борьбы. М., 1960. С. 181-242; *Его же*. Кризис германской социал-демократии в начале XX в. // Ежегодник германской истории. 1972. С. 96-122; *Его же*. Германская социал-демократия на рубеже двух веков. М.: Мысль, 1975; *Его же*. Две жизни Эдуарда Бернштейна // Новая и новейшая история, №№ 3-5. 1994 и др.

¹⁴⁵ Кретинин С.В. Карл Каутский, 1854-1914 гг. Воронеж, 2007.

интересующей нас проблематике. А.О. Семенова¹⁴⁶ рассматривает процесс становления ревизионизма в контексте межличностного взаимодействия членов СДПГ, прежде всего Э. Бернштейна и К. Каутского. А.А. Юршин¹⁴⁷ доказывает тезис о том, что партия за означенный период прошла путь от «революционной» до партии либерально-реформистского толка, выделяет несколько этапов, а также методов, применяемых социал-демократами для борьбы с милитаризмом – парламентскую борьбу, агитацию и дискуссии, при этом наиболее результативными, по мысли автора, были партийная пресса и агитация.

Антироссийским убеждениям крупнейших деятелей германской социал-демократии, что подтверждает наши выводы о готовности СДПГ поддержать правительственный внешнеполитический курс, посвящена статья А.С. Медякова¹⁴⁸

Сложившаяся в ГДР историческая школа изучения социал-демократии представлена именами А. Лашица¹⁴⁹, Д. Фрике¹⁵⁰, К. Оберман¹⁵¹, В. Бартеля¹⁵², которые, обладая доступом ко всем возможным материалам и привлекая широчайший круг источников, находились в плену самых жестких идеологических установок, что часто мешало смотреть на исторический процесс более объективно.

В общем-то в схожей ситуации пребывали и историки ФРГ, которые писали свои работы с принципиально иных позиций – ревизионизм и

¹⁴⁶ Семенова А.О. Возникновение и развитие ревизионизма в германской социал-демократии: конец XIX - начало XX вв. Воронеж, 2006.

¹⁴⁷ Юршин А.А. Колониальный вопрос и милитаризм в оценках германской социал-демократии: 1890 - 1914 гг. Воронеж, 2012.

¹⁴⁸ Медяков А.С. "Там, на Востоке стоит наш единственный враг": Август Бебель о России // Родина. № 5 Май. 2012. С. 86-91.

¹⁴⁹ Laschitz A. Deutsche Sozialdemokraten im Kampf für Frieden und Abrüstung 1910/11 / A. Laschitz // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. № 6. 1988. S. 498-514.

¹⁵⁰ Fricke D. Die deutsche Arbeiterbewegung 1869-1914: ein Handbuch über ihre Organisation und Tätigkeit im Klassenkampf. Berlin: Dietz Verlag, 1976; ders. Zum Bündnis des preußisch-deutschen Militarismus mit dem Klerus gegen die sozialistische Arbeiterbewegung am Ende des 19. Jahrhunderts // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. № 6. 1960. S. 1378-1395.

¹⁵¹ Obermann K. Der Ruhrbergarbeiterstreik 1889. Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. H. 2. 1956. Berlin, 1956.

¹⁵² Bartel W. Die Linken in der deutschen Sozialdemokratie im Kampf gegen Militarismus und Krieg. Berlin, 1958; ders. Unbekannte Briefe an Karl Liebknecht anlässlich seiner Ablehnung der Kriegskredite im Deutschen Reichstag am 2. Dezember 1914. Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. H. 3. 1959. S. 597-629.

трансформация СДПГ в партию реформистскую, леволиберальную по своей сути, оценивались как прогресс, в то время как левые социалисты, ставшие в конце войны основателями и идеологами Коммунистической партии, несли хаос и разрушение.

Рабочее движение и социал-демократия были темами, которые крайне интересовали Билефельдскую школу социальной истории. Крупнейшим специалистом по истории Социал-демократической партии был Г.А. Риттер, связанный с университетами Мюнхена и Западного Берлина, его перу принадлежит целый ряд работ именно по этой теме. Первые его работы по истории рабочего движения вышли в свет еще в начале 1950-х гг.¹⁵³, а он активно работал вплоть до своей смерти в 2015 г.¹⁵⁴ Во всех этих работах Риттер отстаивал несколько основных идей, которые вначале только постулировались, а в конце жизни приобрели законченность. Рабочий класс рассматривается по возможности не как особая группа с совершенно новой идеологией, на чем настаивали марксистские идеологи и позднейшие исследователи, а как часть общества, находящаяся под сильнейшим влиянием традиции. Риттер подчеркивает континуитет, присущий обществу в доиндустриальную и индустриальную эпохи. Во-вторых, он всячески отделяет «рабочий мир» от социал-демократов, подчеркивая параллельность, но не единство их путей развития. В-третьих, Риттер предлагает, особенно в работах, изданных после 1970-х гг., сконцентрироваться на культурных аспектах истории рабочих и рабочего движения, уйдя в изучение культурного влияния (театра, литературы и т.д.). Несколько работ Риттера посвящены деятельности профсоюзов, их роли в интеграции рабочего класса в существующее общество. Что касается социал-демократии, то Риттер, декларировав переход от традиционного для историографии изучения идеологии и работы центральных органов СДПГ, предложил расширить

¹⁵³ Ritter G. A. Die Entwicklung der Sozialdemokratischen Partei und der Freien Gewerkschaften von 1890-1900. Berlin, 1952.

¹⁵⁴ Ders. Der Sozialstaat: Entstehung und Entwicklung im internationalen Vergleich. Berlin: De Gruyter Oldenbourg, 2015.

изучение работы партии в разных регионах Германии, ее взаимоотношения с католическим Центром и с различными конфессиями, «встроить историю СДПГ в общую историю Германской империи»¹⁵⁵.

Автором фундаментальных работ по социальной истории, проблемам рабочего движения, предпринимательства, капитализма в целом является Ю. Кокка, плодотворно работающий с 1960-х гг. и до настоящего времени. Проблемы эти он традиционно для Билефельдской школы рассматривает с социальной точки зрения, отталкиваясь от теории модернизации¹⁵⁶. Первые его книги можно причислить скорее к истории предпринимательства¹⁵⁷, от нее он перешел к истории рабочего класса¹⁵⁸, которая полностью соответствует постулатам социальной истории. При этом идеология марксизма, по Кокке, существует совершенно обособленно от социал-демократического движения, а оно далеко не равно рабочему движению, что было аксиомой советской историографической традиции. Историей рабочего движения много занимался другой выдающийся представитель современной немецкой историографии Х.-У. Велер¹⁵⁹, который подробно писал о позиции теоретиков социал-демократии по национальному вопросу, а также об отношении СДПГ к национальным меньшинствам, прежде всего полякам, после 1914 г.

При кажущейся разработанности темы, прежде всего в немецкой историографии, остается большое количество сюжетов, исследованных в недостаточной степени, или же результаты этих исследований по разным причинам не дают ответов на интересующие нас вопросы. Переходящие из книги в книгу определения, оценки и, казалось бы, устоявшиеся схемы при

¹⁵⁵ *Ders.* Arbeiter, Arbeiterbewegung und soziale Ideen in Deutschland. Beiträge zur Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. München: C. H. Beck, 1996. S. 183.

¹⁵⁶ *Kocka J.* Sozialgeschichte. Begriff – Entwicklung – Probleme. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1986; *ders.* Historische Sozialwissenschaft: Auslaufmodell oder Zukunftsvision? München: Oldenburg, 1999; *ders.* Kampf um die Moderne : das lange 19. Jahrhundert in Deutschland. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2022.

¹⁵⁷ *Ders.* Unternehmensverwaltung und Angestelltenschaft am Beispiel Siemens 1847 - 1914. Berlin, 1969; *ders.* Unternehmer in der deutschen Industrialisierung. Berlin, 1975.

¹⁵⁸ *Ders.* Das lange 19. Jahrhundert. Arbeit, Nation und bürgerliche Gesellschaft. Stuttgart: Klett-Cotta, 2001; *ders.* Arbeiten an der Geschichte: gesellschaftlicher Wandel im 19. und 20. Jahrhundert. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011; *ders.* Kampf um die Moderne. Das lange 19. Jahrhundert in Deutschland. Stuttgart: Klett-Cotta, 2021.

¹⁵⁹ *Wehler H.-U.* Sozialdemokratie und Nationalstaat: die deutsche Sozialdemokratie und die Nationalitätenfragen in Deutschland von Karl Marx bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges. Würzburg: Holzner-Verlag, 1962.

выявлении некоторых новых источников или же в новом исследовательском ракурсе позволяют увидеть внутренние взаимосвязи по-новому. В российской историографии всеобъемлющей и даже просто подробной работы по внутриполитической истории Германской империи до сих пор создано не было. Имеющиеся лакуны в историографии определили характер основных исследовательских задач автора и выбор источниковой базы исследования.

Источниковая база исследования

Диссертационное исследование написано на основе большого массива разнообразных по характеру источников, основное место в которых занимают архивные материалы.

Основным видом источников являются документы, хранящиеся в фондах Архива внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Традиционно архивы Министерства иностранных дел историки привлекают при изучении вопросов двусторонних отношений и внешней политики, нам же представляется достаточно перспективным и интересным использовать их при анализе внутриполитических процессов, в том числе изменений в системе власти в Германии в эпоху вильгельминизма. Пристальное внимание российских дипломатов к внутриполитической жизни страны пребывания объяснялось четким запросом, пристальным интересом властей Российской империи к тому, что происходило в политической жизни Германии, которая относительно недавно вступила на путь конституционного развития и этот ее опыт был важен для России, для которой подобный переход был актуальной задачей. Содержащиеся в депешах материалы, в том числе аналитические являются важнейшим доказательством транснационального взаимодействия и межимперского соперничества ведущих мировых держав, подтверждают правомерность «мир-системного» подхода, являющегося ведущим в современном изучении феномена империй рубежа XIX – XX веков.

Очевидными достоинствами этого вида источников является их строгая хронологичность, что важно при исследовании процессов достаточно большой

длительности, совмещение текущей информации с аналитическими записками, содержащими важные наблюдения обобщающего характера, а также определенная эмоциональная отстраненность авторов депеш от будораживших политическую жизнь Германии событий. Зафиксированная в депешах непосредственная реакция дипломатов на события, вычленение ими того, что они считали главным в политической жизни страны, в совокупности с другими видами источников и литературой предопределили основные направления нашего исследования и оказали значительное влияние на его внутреннюю структуру.

Основной массив использованных нами источников хранится в Фонде 133 Канцелярия, опись 470 и содержит депеши, посылаемые в С.-Петербург из посольства в Берлине, а также из консульств в Гамбурге и Мюнхене. Документы структурированы в хронологическом порядке. До 1913 г. дела совершенно комплектны, депеши пронумерованы, никаких лагун нами обнаружено не было. Дела за 1913-1914 гг. хранятся в том же фонде, но имеют иную нумерацию и входят в разделы «политический архив» и «неполитический архив». Они содержат только отдельные депеши, некоторые из них по каким-то причинам имеются в нескольких экземплярах и хранятся в разных делах, отдельные лагуны нам заполнить не удалось, так как часть депеш обнаружена не была.

Депеши отправлялись в С.-Петербург обычно каждые две недели, если происходило что-то серьезное, то таких депеш с одинаковой датой было несколько. Размер их регламентировался исключительно важностью сообщения, от двух до нескольких десятков листов. К депешам в качестве приложений добавлялись выписки из статей в немецких газетах, публикации тронных речей, выступления канцлера и других официальных лиц в рейхстаге и ландтаге, а также особый вид документов – аналитические записки по самым важным вопросам (мы активно использовали такие записки по положению польского населения, католическому движению и позиции партии Центра, а также социал-демократическому движению, финансовой системе империи и

др.). Все депеши были написаны на имя министра или его заместителя, в том случае если министр болел или был в отпуске. Часто они содержат пометы, обычно простым или цветным карандашами, если помету оставлял государь император, то под ней делалась подпись, какого числа и где (обычно Царское село или Ливадия) она была оставлена. Эти пометы свидетельствуют о том, что российские власти чрезвычайно серьезно относились к сообщениям из Берлина и с высокой долей вероятности учитывали немецкий опыт во внутрироссийской политической стратегии, в том числе при формировании представительных органов власти и их прерогатив в середине 1900-х гг.

В том же фонде в отдельных делах собраны письма и телеграммы, посылаемые из Берлина в Петербург и обратно. Никакой периодичности их написания не существует, всегда это была информация по текущей ситуации. Все депеши после 1890 г. писались по-русски, в последние предвоенные годы рукописные документы уступили место машинописным. Почти все письма были написаны по-французски, значительная часть телеграмм зашифрована, расшифровка приложена далеко не ко всем документам.

Фонд 167 (Посольство в Берлине) состоит из 4 описей (509/1, 509/2, 509/3, 509/4), здесь документы собраны по темам, три первых описи касаются собственно условий функционирования посольства (журналы, книги регистрации, счетные книги и т.д.), четвертая опись содержит личные дела, а также некоторые вопросы русско-германских отношений. Именно здесь хранятся списки посольства, из которых мы, например, знаем, что дипломатический штат в начале XX в. состоял из 10-14 человек в разные годы.

Чрезвычайно важным для нашей работы стал Фонд 138 Секретный архив министра, опись 467. Здесь дела скомпонованы по отдельным темам. Дело 115 посвящено отставке Бисмарка и легло в основу одного из параграфов нашей работы; Дело 129 – германским делам в 1893—1894; Дело 137 – направлениям германской политики; Дело 140 – беседам посла и министра иностранных дел России с императором Вильгельмом 1895 г.; Дело 150 – отношениям с Германией в 1896 г., Дело 155 – отношениям с Германией в 1897-

1898 г.; Дело 201 – русско-германским отношениям в 1902 г., Дело 223 – русско-германскому договору 1904 г., Дело 228 – беседе с императором Вильгельмом российского военного агента по политическим вопросам; Дело 234 – секретному протоколу о международных мерах против анархистов; Дело 236 – переписке по свиданию в Бьерке в 1905 г.; Дело 255 – Багдадской железной дороге в 1907 г.; Дело 262 содержит записку Извольского о беседах с канцлером в 1907 г.; Дело 280 – записки о состоянии Германии 1909 г., Дело 315 – русско-польским отношениям 1914 г.

В Фонде 139 2-я газетная экспедиция Канцелярии, опись 476 хранятся вырезки из российской и иностранной, в частности, немецкой, печати, а также специально подготовленные обзоры

Как показывает этот перечень, посольство Российской империи в Германии создавало большое число документов по самым разным направлениям (при том, что отчеты военного и военного-морского агентов находятся в Российском государственном военно-историческом архиве и не привлекались нами к этому исследованию).

Изучение вопросов, связанных с функционированием системы власти в Германии с использованием материалов российского МИДа, является новаторским. До сих пор в таком ключе эти материалы не привлекали сколько-нибудь серьезного внимания исследователей. Поэтому одной из поставленных нами перед собой задач является введение в научный оборот новых, ранее не публиковавшихся и не использовавшихся материалов, которые были выявлены в ходе работы. Поскольку депеши писались постоянно, то они позволяют буквально по неделям проследить изменения, которые происходили в Германии в самых разных областях. Именно эта непрерывность делает данный источник особенно ценным.

Глубина анализа, лежащего в основе депеш и телеграмм из Берлина, в разное время в немалой степени зависела от того, кто в данный момент представлял российского императора при дворе Вильгельма II. В историографии личностям российских дипломатов внимание уделялось

крайне неравномерно – много работ посвящено тем, кто занимал посты в министерстве, прежде всего собственно министра, послы же, даже в такой стране первого ранга как Германия, удостоивались значительно меньшего внимания, поэтому есть необходимость дать хотя бы на краткие биографические очерки авторов использованных нами документов.

Основные материалы, касающиеся сотрудников посольства, их биографий и деталей карьеры собраны в Фонде 159 ДЛСиХД (Департамент личного состава и хозяйственных дел). Так, опись 726, дело 66 за 1912 г. содержит документы, касающиеся смерти в мае 1912 г. в Монте-Карло российского посла Н.Д. Остен-Сакена, его завещание, мероприятия по его похоронам и т.д., дело 3713а, опись 464 личное дело П.А. Шувалова, дело 2043 в той же описи – А.Б. Лобанова-Ростовского и т.д.

В изученный нами период в Берлине сменилось три посла (Павел Андреевич Шувалов (1885–1894), Николай Дмитриевич Остен-Сакен (1895–1912) и Сергей Николаевич Свербеев (1912–1914)), а назначенный на этот пост Алексей Борисович Лобанов-Ростовский (6 января 1895 – 26 февраля 1895) до Берлина не доехал, получив назначение министром иностранных дел Российской империи.

Каждый из упомянутых мной дипломатов был не просто профессионалом и «кадровым чиновником», но и очень близким к министерству и к императорскому двору представителем высшей аристократии.

В 1885–1894 гг. послом в Германии был граф Павел Андреевич Шувалов (1830–1908), происходивший из старинного рода Шуваловых, брат руководителя Третьего отделения Петра Андреевича Шувалова (1827–1889) и сын обер-камергера графа Андрея Петровича Шувалова (1802–1873) и Фёклы Игнатьевны Валентинович (1801–1873), бывшей первым браком замужем за фаворитом Екатерины Великой Платоном Александровичем Зубовым. История жизни матери П.А. Шувалова напоминает смесь приключенческого и любовного романов, к моменту встречи с Андреем Петровичем Шуваловым

она смогла из дочери небогатого польского шляхтича из Вильно стать наследницей одного из крупнейших российских состояний (по некоторым оценкам превышающего 20 млн рублей), с помощью денег (к тому же в сочетании с дарованной ей природой красотой) оказаться на равных в высшем обществе Петербурга, Варшавы и Вены. О ней в своих воспоминаниях упоминают А.О. Россет и Д. Фикельмон¹⁶⁰.

По рождению П.А. Шувалов принадлежал к достаточно узкому слою европейской аристократии, близкой как к российскому, так и к германскому двору. В дневниках советника МИД и будущего министра иностранных дел Российской империи В.Н. Ламздорфа мы встречаем многочисленные упоминания тогдашнего посла в Берлине, например, такое: «... кайзер Вильгельм лично посетил графа Шувалова и выразил ему, как сообщил наш посол, самые трогательные чувства»¹⁶¹. Министр финансов Российской империи С.Ю. Витте также пишет об особых отношениях Шувалова с германским двором: «...граф Шувалов был выдающимся послом, и его в Берлине как старый император Вильгельм, так и молодой император <...> весьма любили и ценили». Достаточно подробная биография П.А. Шувалова, написанная с использованием разнообразных справочных дореволюционных и современных изданий представлена на сайте, посвященном русской армии¹⁶². Однако, подлинного биографа-исследователя эта интересная фигура еще не дождалась.

П.А. Шувалов был женат дважды, причем первой, рано умершей супругой Петра Андреевича, была княжна Ольга Эсперовна Белосельская-Белозерская, брак с которой приумножил и без того немалое состояние графа. Образование он получил в Пажеском корпусе, участвовал в Венгерском походе 1849 г., вызванном подавлением революции в венгерской части Австрийской империи. В октябре–декабре 1854 г. во время Крымской войны

¹⁶⁰ Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989; Фикельмон Д. Дневник 1829–1837. Весь пушкинский Петербург. М., 2009.

¹⁶¹ Ламздорф В.Н. Дневник 1894–1896. М., 1991. С. 28.

¹⁶² Цит. по: <https://regiment.ru/bio/SH/71.htm> (дата обращения 12.01.2024).

находился в Севастополе, принимал участие в сражении при Инкермане и других битвах. Во время Франко-итальянской войны 1859 г. был военным агентом при Наполеоне III, участвовал в подавлении Польского восстания 1863-1864 гг. Командир лейб-гвардии Семёновского полка в 1864–1867 гг., начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. Будучи близок с Александром II, Шувалов активно участвовал в подготовке и проведении военной (член комиссий для рассмотрения вопроса о перевооружении армии (с 1867), для составления проекта положения об управлении хозяйственной частью в войсках (1871), помощник председателя Главного комитета по устройству и образованию войск (1872–1874), с 1869 г. член Главного военно-тюремного комитета) и крестьянской (в 1861 г. он был назначен директором Департамента в Министерстве внутренних дел) реформ 1860–1870-х годов. В 1872 г. он стал одним из учредителей Сибирского торгового банка. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. командовал рядом частей в сражениях при Плевне, под Правецом, при Ташкисене, Филиппополе, Адрианополе и Сан-Стефано.

Весь этот послужной список говорит о Шувалове как о человеке деятельном, близком к трону, активном стороннике реформ Александра II, ярко проявившем себя как на военном, так и на гражданском поприще. При императоре Александре III он перешел на дипломатическую службу, заняв 1 апреля 1885 г. один из ключевых дипломатических постов – Чрезвычайного и Полномочного посла при Императоре Германском, Короле Прусском и чрезвычайного посланника и полномочного министра при дворах Великих Герцогств Мекленбург–Шверина и Мекленбург–Стрелица.

Шувалов пользовался личным расположением не только Вильгельма I и Вильгельма II, как упоминалось выше, но что еще более важно, и Александра II, Александра III и Николая II. За ним закрепилась слава германофила, он являлся сторонником прочного сближения России с Германией, способствовал заключению в 1887 г. Договора перестраховки, а в 1894 г. – русско-германского торгового соглашения, прекратившего таможенную войну между двумя

странами и ставшего основой двусторонних торгово-экономических отношений вплоть до 1914 г.¹⁶³

Насколько же эти успехи можно отнести на счет личных качеств посла, а насколько они зависели от общей дипломатической линии России и были воплощением идей, генерируемых в С.-Петербурге? Как следует из дневников В.Н. Ламздорфа, а также его помет на полях документов, в этот период от личности, собственных взглядов, а главное осведомленности посла, его вхожести в кабинеты власти зависело достаточно много. Посол был не просто «функцией», «винтиком» в дипломатической машине, а важным членом «элитного клуба» людей, государственных деятелей, принимающих решения. Пребывание в Берлине делало его даже более независимым, отстраненным от петербургской жизни, что было особенно ценно как раз в 1894 г., когда и император, и министр иностранных дел Н.К. Гирс были тяжело больны, сил ни у того, ни у другого вникать во все нюансы дел подчас просто не было. «Государь полностью одобрил мысль о предоставлении ему не целиком, а в виде выдержек донесений наших послов...»¹⁶⁴, – записал В.Н. Ламздорф в своем дневнике 25 января 1894 г. По поводу состояния министра Ламздорф еще более прям и циничен, передавая обычный вопрос Д.А. Капниста: «Как умирает наш министр?»¹⁶⁵. В такой обстановке посол мог позволить себе достаточно большую, по дипломатическим меркам, конечно, свободу.

После восшествия на престол император Николай II принял решение назначить графа П.А. Шувалова на пост Варшавского генерал-губернатора вместо И.В. Гурко, возможно, имея ввиду не только заслуги графа перед троном, но и его польское (по матери) происхождение. В среду 7 декабря 1894 г. граф В.Н. Ламздорф записывает в своем дневнике: «Прибыв в воскресенье, граф в понедельник был принят государем и сразу же после этого явился к министру доложить о его беседе с его величеством. <...> воспользовавшись

¹⁶³ Подробнее см.: *Матвеева А.Г.* Русско-германский торговый договор 1894 г. в контексте «нового курса» германского канцлера Л. фон Каприви // ЭНОЖ «История». Том 10. Выпуск 11 (85). 2019.

¹⁶⁴ *Ламздорф В.Н.* Указ. соч. С. 31.

¹⁶⁵ Там же. С. 32.

случаем, обратил внимание государя на важность подбора преемника на пост посла в Берлине. В ходе развернувшейся беседы, все время напоминая, что выбор кандидатуры входит в обязанности министра иностранных дел, Шувалов сумел вместе с тем назвать фамилию Муравьева, сославшись при этом на газетные слухи...»¹⁶⁶. Далее, в качестве приемлемых для Берлина кандидатур на должность нового посла упоминаются следующие: «престарелый граф Константин Пален (?!), бывший министр юстиции, проживающий сейчас в своем курляндском имении; г-н Нелидов из Константинополя; князь Лобанов из Вены»¹⁶⁷.

Важность и значение роли графа Шувалова на посту посла в Берлине и кандидатура для назначения на его место были так понятны обоим императорам, что его отставка удостоилась отдельного упоминания в письме Вильгельма II Николаю II 5 января 1895 г.: «Дорогой Ники! Я тебе очень благодарен за объяснения и вполне понимаю побуждения, заставившие тебя принять решение по поводу графа Шувалова. В то же самое время могу тебя уверить, что я глубоко опечален тем, что лишаюсь милейшего Павла, бывшего единственным послом в Берлине, с которым я действительно был близок и который был моим «ami intime» (близким другом), насколько вообще негерманец может претендовать на такое звание. Я, несомненно, буду очень сожалеть о нем. Я надеюсь и верю, что лицо, которое ты изберешь его заместителем, будет способно вести дело с той же правдивостью и искренностью, с какой вел его Шувалов; ведь взаимные отношения наших двух стран покоятся на освященных преданием основах, совершенно отличных от тех, на которых зиждутся взаимные отношения с другими нациями, и оказывают сильное влияние на весь мир. <...> Если мне также будет разрешено высказать мое желание, то я бы выбрал заместителем, если возможно, Палена, Рихтера или Стаалья»¹⁶⁸. Интересно, что более ни один посол в письмах обоих императоров не упоминается ни разу.

¹⁶⁶ Там же. С. 99.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Переписка Вильгельма II с Николаем II, 1894–1914. Москва, 2007. С. 264–265.

Тот же В.Н. Ламздорф несколько раз упоминает «процедуру» прощания с П.А. Шуваловым в Берлине, отмечая, например, что 1 января 1895 г., вопреки заведенной практике, «из Берлина не получено ничего; Шувалов, видимо, целиком поглощен трогательными прощаниями с берлинским двором и обществом. Они не имеют ни пределов, ни прецедентов»¹⁶⁹. Еще более красочная картина была им описана 7 января 1895 г.: «С Шуваловым расставались словно со вторым Бисмарком, а не как с представителем дружественной державы. Император Вильгельм, который всегда хватает через край, начал с того, что утром 4(16) января отправился лично к послу и вручил ему бриллиантовые знаки ордена Черного Орла, потом сам принял его на торжественной аудиенции, затем на большом обеде кавалеров ордена и наконец проводил его до вокзала»¹⁷⁰.

По свидетельству В.Н. Ламздорфа, обсуждение кандидатуры нового посла проходило в ходе многократного обмена мнениями между Петербургом и Берлином – всплывали имена генерала О.Б. Рихтера и графа Н.Д. Остен-Сакена. Запись в дневнике В.Н. Ламздорфа от 9 декабря 1894 г. рисует почти анекдотическую картину лоббирования этих кандидатур: «Гирс (речь идет о сыне Н.К. Гирса Михаиле Николаевиче Гирсе (1856–1932), советнике Министерства иностранных дел. – *А. М.*) рассказывает, что вчера к его матери прибежал Шишкин и просил ее передать министру, что самый подходящий кандидат для назначения в Берлин – генерал Рихтер. Потом вбежал Шувалов и стал настаивать, чтобы господину Гирсу сообщили следующее: посол Германии Вердер получил от кайзера Вильгельма телеграмму, где тот указывает, что для него самым приятным кандидатом был бы граф Остен-Сакен из Мюнхена». Этот прекрасный пассаж автор дневников заканчивает еще более примечательной фразой: «Везде подстрекательства и интриги»¹⁷¹.

Все то время, пока в Германию не прибыл новый посол, депеши в Петербург составлял поверенный в делах в Германии Н.В. Чарыков,

¹⁶⁹ Ламздорф В.Н. Указ. соч. С. 107.

¹⁷⁰ Там же. С. 116.

¹⁷¹ Там же. С. 102.

занимавший с 1893 г. должность советника посольства. Личности этого дипломата, прежде всего, благодаря его более поздней деятельности на посту товарища министра иностранных дел и посла в Константинополе, посвящена большая литература¹⁷², однако, на должность посла в Берлине он не претендовал, и его кандидатура в этой связи не рассматривалась. Несомненно, значение деятельности Чарыкова в работе миссии довольно высоко, но я не могу согласиться с исследователем О.А. Черновым, что Чарыков при «формальном руководстве Н.Д. Остен-Сакена, де-факто вел работу дипломатической миссии, снабжая МИД России аналитическими депешами, которые позволяли адекватно оценивать внутреннюю ситуацию в Германии»¹⁷³. При Остен-Сакене посол сам «снабжал МИД депешами», а вот зимой и в начале весны 1895 г. после отъезда из Берлина П.А. Шувалова и до назначения нового посла действительно все депеши в Петербург были составлены и подписаны Чарыковым.

В конце концов при выборе кандидата на должность посла император решил остановиться на Алексее Борисовиче Лобанове-Ростовском, занимавшем до этого пост главы миссии в Вене. Н.К. Гирс поставил в известность А.Б. Лобанова¹⁷⁴ следующей телеграммой: «Поскольку император Вильгельм принял весть о Вашем назначении в Берлин с живым удовлетворением, предупредите об этом императора Франца-Иосифа...»¹⁷⁵. Биографии А.Б. Лобанова-Ростовского (1824–1896), его взглядам и даже увлечениям (он был страстным библиофилом и признанным экспертом в этой области) посвящена обширная литература, что объясняется тем, что он хоть и недолго, но занимал пост министра иностранных дел Российской империи¹⁷⁶.

¹⁷² *Арапов Д.Ю.* Русский посол в Турции Н. В. Чарыков и его «заключение» по «мусульманскому вопросу» // Вестник Евразии: Независимый научный журнал. 2002. № 2. С. 148–163; *Чернов О.А.* Н.В. Чарыков и подготовка Второй Гаагской конференции мира // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. Пенза, 2012. № 27 (Ч. 4). С. 1089–1093; *Его же.* Н.В. Чарыков в период Боснийского кризиса 1908–1909 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара, 2016. Т. 18. № 3. С. 66–70 и др.

¹⁷³ *Чернов О.А.* Н.В. Чарыков и русско-германские отношения конца XIX века. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3. Ч. 2. С. 377.

¹⁷⁴ Так в дневниках В.Н. Ламздорфа. Он практически везде опускает часть фамилии Н.Д. Остен-Сакена, упоминая его как Сакена. Также он опускает вторую часть фамилии А.Б. Лобанова-Ростовского.

¹⁷⁵ *Ламздорф В.Н.* Указ. соч. С. 112.

¹⁷⁶ *Басенко Ю.В.* Министр иностранных дел Алексей Борисович Лобанов-Ростовский (1895–1896 гг.) // Международная жизнь: проблемы внешней политики, дипломатии, национальной безопасности: ежемесячный журнал. М., 2002. № 6. С.

Алексей Борисович принадлежал к одному из старейших русских родов, ведущих свою родословную от Рюрика. Воспитывался в Москве, получил хорошее домашнее образование, в 14 лет поступил в Александровский (бывший Царскосельский) лицей, закончив который был принят титулярным советником в Министерство иностранных дел в 1844 г. Занимал вначале различные должности в русских миссиях в Париже (с 1847 г.) и в Берлине (с 1850 г.). В 1856 г. во время Крымской войны вел тайные предварительные переговоры о мире с Наполеоном III. Затем занял должность советника миссии в Константинополе, в 1859–1863 гг. – чрезвычайный посланник и полномочный министр при Порте Оттоманской¹⁷⁷. В 1863 г. Лобанов-Ростовский вышел в отставку и жил во Франции, продолжая проявлять большой интерес к дипломатическим вопросам и выполняя некоторые неофициальные поручения русского правительства. В 1878 г. в сложнейшей ситуации после окончания Русско-турецкой войны он смог быстро установить тесные связи с Портой и добиться подписания Константинопольского мирного договора 1879 г., подтвердившего все статьи Сан-Стефанского договора, не отменённые Берлинским трактатом. В 1879–1882 гг. он занимал пост посла в Лондоне, с 1882 – в Вене, 6 (18) января 1895 г. был назначен послом в Берлин.

Фактически Лобанов-Ростовский не успел приступить к своим обязанностям, 26 февраля того же года, после смерти Н.К. Гирса, он вступил в должность министра иностранных дел. Но и на этом посту ему пришлось пробыть недолго – в 1896 г., сопровождая императора в европейском турне, Лобанов-Ростовский по дороге из Вены в Киев на станции Шепетовка, недалеко от Ровно, скоропостижно скончался.

Назначение А.Б. Лобанова-Ростовского министром вновь подняло вопрос о замещении должности посла в Берлине. 28 февраля 1895 г. В.Н.

10 –115; *Данилевич Н.В.* Князь Лобанов-Ростовский: Судьба и Россия // Культурное наследие Российского государства. Вып. 4: Ученые, политики, журналисты об историческом и культурном достоянии. СПб., 2003. С. 533–551; *Ковригина С.И.* Дипломат и библиофил Алексей Борисович Лобанов-Ростовский // Книга в пространстве культуры. М., 2010. Вып. 1 (6). С. 29–32 и др.

¹⁷⁷ *Кессельбреннер Г.Л.* Кавалер ордена Св. Андрея Первозванного // Кессельбреннер Г.Л. Известные дипломаты России. Министры Иностранных Дел Российской Империи / отв. ред. А.В. Торкунов. М., 2007. С. 309.

Ламздорф записал в дневнике, что «на утреннем /докладе/ было решено назначить графа Остен-Сакена из Мюнхена на пост посла в Берлине, государь поручил Лобанову провести зондаж отношения германского двора к этому назначению при посредстве генерала Вердера. Итак, его величество полностью изменил свое мнение: речь идет о личности с немецкой фамилией, притом о таком человеке, которого ранее государь считал несостоятельным для занятия поста в Берлине. Разве неправильно говорил я моему дорогому покойному министру, что при некоторой доброй воле было нетрудно провести данную кандидатуру, а это избавило бы от всех неурядиц, связанных с временным назначением князя Лобанова в Берлин»¹⁷⁸.

Граф Николай Дмитриевич Остен-Сакен (1831–1912) находился на дипломатической службе с 1880 г., с небольшим перерывом неизменно занимал пост российского чрезвычайного посланника и полномочного министра в Мюнхене и Дармштадте. В 1896 г. вскоре после назначения в Берлин получил чин действительного тайного советника, кавалер всех высших российских орденов вплоть до ордена Андрея Первозванного, которым он был награжден в 1910 г. Был послом в Берлине и одновременно чрезвычайным посланником и полномочным министром в Мекленбург–Шверине и Мекленбург–Стрелице вплоть до своей кончины. В 1861 г. он сочетался браком с княгиней Марией Ильиничной Голицыной (1825—1907), дочерью генерал-лейтенанта князя И.А. Долгорукова, бывшей первым браком замужем за послом в Испании князем М. А. Голицыным. Этот брак, оставшийся бездетным, но бывший, несомненно, счастливым, приблизил Н.Д. Сакена ко двору. Во время болезни жены в январе 1905 г., когда он сообщил об этом в Петербург, пожелания скорейшего выздоровления высказали и император Николай II, и императрица Александра Федоровна¹⁷⁹.

Все вышеперечисленные российские дипломаты, будучи очень разными людьми, обладали некоторыми общими чертами – принадлежали к высшему,

¹⁷⁸ Ламздорф В.Н. Указ. соч. С. 164.

¹⁷⁹ АВПРИ. Ф. 133 Канцелярия. Оп. 470. 1905 г. Д. 18. Л. 374, 374 об.

близкому ко двору кругу аристократии, владели крупными личными состояниями, что позволяло не только жить на широкую ногу, но и определило их образ мыслей и политические взгляды. К сожалению, ни П.А. Шувалову, ни Н.Д. Остен-Сакену до сих пор не посвящено специальных работ, поэтому сведения о них мы можем собирать по крупицам.

Многokrатно упомянутый выше товарищ министра иностранных дел Российской империи В.Н. Ламздорф много внимания в своем дневнике за 1894–1896 гг. уделял всем послам в Германии, давая им достаточно подробные характеристики. Но если к Шувалову и Лобанову-Ростовскому В.Н. Ламздорф был весьма лоялен, то Остен-Сакена он оценивал чрезвычайно низко, приводя жесткие, даже грубые слова Н.К. Гирса: «Сакен – настоящая скотина, а его подхалимское поведение, видимо, подтверждает мнение, часто высказывавшееся Лобановым когда-то, что Сакен всего лишь «метрдетель своей собственной жены»¹⁸⁰. В записях, датированных июнем 1895 г. Ламздорф еще более категоричен, не прибегая к чужим цитатам, он пишет: «Я был прав, проявляя некоторое недоверие к его способности понимать»¹⁸¹. Вообще, подробное знакомство с дневниками будущего министра иностранных дел, позволяет увидеть в нем не только прекрасного профессионала, кадрового дипломата, удерживавшего в голове множество фактов и подробностей, которые и составляли всю подоплеку мировой политики, но и страстного, часто злопамятного, а подчас и несправедливого в своих характеристиках человека. Справедливости ради, впрочем, стоит отметить, что он вовсе не предполагал, что эти его дневники будут опубликованы и уж точно не при его жизни. Именно этим я могу объяснить сомнительность неллицеприятных оценок назначенного в Берлин посла, особенно в свете того, что, став министром, а Остен-Сакен к тому времени не помолодел, Ламздорф никогда не стремился отправить его в отставку. Да и в том же дневнике за 1894–1896 гг. все последующие упоминания посла в

¹⁸⁰ Ламздорф В.Н. Указ. соч. С. 178.

¹⁸¹ Там же. С. 215.

Берлине свидетельствуют о его профессионализме и важности сведений, от него получаемых. Так, в проекте письма министра Лобанова-Ростовского в Берлин от 20 декабря 1895 г. (1 января 1896) мы читаем: «... считаю своим долгом подтвердить, своевременное получение Вашей интересной почты от 6 (18) декабря, оно было представлено на рассмотрение государю»¹⁸².

Пост посла в Берлине, так же как аналогичные должности в Лондоне, Париже, Вене и Константинополе были ключевыми для выстраивания и корректировки внешнеполитического курса Российской империи в конце XIX – начале XX в. При этом вопрос выбора и в дальнейшем утверждения той или иной кандидатуры на эти посты зависел от множества факторов – играли роль личные связи, близость ко двору, размер состояния, благосклонность властей страны, в которую предполагалось назначить данного дипломата, а также и ряд случайностей – вовремя написанное письмо, которое обратит на себя внимание императора, или вовремя названная тому правильная фамилия и т.д. Анализируя депеши, посылаемые за подписями послов, или в редких случаях, их ближайших сотрудников, в Петербург в 1890-е и в 1900-е годы можно отметить несомненную преэминентность тем и вопросов, занимавших российский МИД, высокую степень осведомленности и хорошее знание германских реалий, характерные для всех российских представителей.

При этом очевидны и различия в указанных документах. Если П.А. Шувалов, являясь близким другом императора Вильгельма, чаще всего черпал сведения, сообщаемые в Петербург, из личных встреч и доверительных разговоров с высшими германскими сановниками, то граф Н.Д. Остен-Сакен значительно больше внимания уделял публичным выступлениям императора и канцлера, а также сообщениям прессы. Это объясняется прежде всего тем, что в начале XX века мир стал меняться стремительно, и если политика в начале 1890-х годов рождалась преимущественно в тиши министерских кабинетов и охотничьих замков Гогенцоллернов, то в новом веке новые реалии

¹⁸² Там же. С. 360.

перенесли ее на трибуну рейхстага и газетные страницы. Это изменение российские дипломаты почувствовали достаточно быстро и смогли предоставлять министерству вполне адекватную и конкретную информацию о происходящих в Германии процессах, причем не только в ее внешней, но и во внутренней политике.

Занимавший последние два года посольский пост С.Н. Свербеев (1857-1922) происходил из дворян Тульской губернии, был сыном надворного советника Николая Дмитриевича Свербеева (1829-1860), служившего чиновником особых поручений при Якутском правлении, от брака с княжной Зинаидой Сергеевной Трубецкой (1836 или 1837–1924), дочерью полковника гвардии известного декабриста С.П. Трубецкого. Закончил 1-ю Московскую гимназию (1876) и юридический факультет Московского университета со степенью кандидата прав (1880). В том же году вступил вольноопределяющимся в Кавалергардский полк, через год получил звание корнета, но вскоре уволен со службы по домашним обстоятельствам. В ноябре 1881 г. причислен к МВД с откомандированием в канцелярию министерства. С 1882 г. камер-юнкер, в 1883 г. переведён в МИД с причислением к II экспедиции при канцелярии. Работал в центральном аппарате МИДа, постепенно продвигался в Табели о рангах, с 1890 г. состоял при посольстве в Константинополе сверх штата, с 1893 г. – 2-й секретарь посольства в Вене, с 1896 г. 1-й секретарь миссии в Мюнхене, с 1897 г. 1-й секретарь, с 1905 г. советник посольства в Вене. С 1910 г. чрезвычайный посланник и полномочный министр в Греции, камергер, действительный статский советник (с 1905), тайный советник (с 1914). Был женат на А.В. Безобразовой, супруги имели четверых детей.

Назначение его, кадрового дипломата, медленно, но верно продвигавшегося по службе, на столь ответственный пост, казалось его бывшему однокашнику, а в тот момент министру иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонову вполне удачным вариантом. Выше мы писали, какие факторы, а прежде всего личные связи играли главную роль при назначении на

тот или иной дипломатический пост. Может быть, в мирное спокойное время все было бы и неплохо, но накануне войны, да еще оставшись без ближайшего сотрудника бывшего посла Н.Н. Шебеко, уехавшего посланником в Румынию, а затем послом в Австро-Венгрию, Свербеев оказался совсем не на высоте положения. Все отзывы о нем, которые опираются на самые нелюбимые высказывания В.Н. Коковцова («Остается только пожалеть, что на столь ответственный и трудный пост, не нашлось более подходящего человека и представлена была Государю такая кандидатура»)¹⁸³ и В. Лопухина («Свербеев? Этот последний императорский посол в Берлине отличался исключительной бездарностью. Он только умел прилично одеваться, прилично держать себя и произносить кое-какие русские и иностранные слова в ответ на задаваемые вопросы. Он ничего не знал, не соображал, ни о чем не думал и ничего не делал. Дипломатическое ведомство имело в своей среде немало посредственностей. Но далеко в карьере они не шли. И Сергея Николаевича не следовало пускать далее секретаря посольства, притом преимущественно поручая ему лишь механическую работу»)¹⁸⁴, крайне уничижительны, но мы прекрасно понимаем, что они вполне могли бы оказаться и не объективными. Однако наше знакомство с депешами последних двух предвоенных лет свидетельствует о том, что эти характеристики в общем и целом верны. Качество отчетов резко снизилось, депеши потеряли аналитическую глубину, поэтому и на нашем материале мы можем подтвердить, что в самый ответственный момент на одном из важнейших заграничных постов оказался крайне неподходящий для этого человек.

Все это, впрочем, вовсе не умаляет ценности источника, избранного нами в качестве основного. Можно лишь добавить, что многие документы, хранящиеся в АВПРИ, продолжают ждать своих исследователей, причем

¹⁸³ Цит. по: *Чернявский С.И.* Российские дипломаты в Первой мировой войне. Сер. Книги и брошюры ИМИ. Т. 26. М.: МГИМО-университет, 2014. С. 22.

¹⁸⁴ *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента министерства иностранных дел. М.: Нестор-История, 2008. С. 223.

занимающихся отнюдь не только внешней политикой и международными отношениями.

Еще один комплекс источников, использованных нами при написании работы, хранится в берлинском Тайном государственном архиве Прусского культурного наследия (Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, GStA). Нами были изучены документы, касающиеся отставки Бисмарка (Rep. 89) (протоколы прусского государственного министерства (Rep. 90a, Bd. 102-115), а также Коронного совета (Rep. 90a, B III, 2c, Bd. IV-V). Следует сказать, что в последние десятилетия материалы Государственного министерства были изданы и даже оцифрованы¹⁸⁵, но эти издания не содержат полных стенограмм, а только перечень обсуждаемых на каждом заседании вопросов, поэтому не могут в полной мере заменить работу в архиве. Однако оцифровка максимально облегчила историкам доступ к этому пласту чрезвычайно ценной информации.

Ко **второй группе источников** мы относим стенограммы парламентских заседаний. Наибольший интерес для нас представляли записи выступлений депутатов рейхстага¹⁸⁶, публиковавшиеся после каждого заседания и затем издававшиеся в конце периода легислатуры, а в последние годы доступные и в электронном виде¹⁸⁷. Нас интересуют стенограммы заседаний с 1890 по 1914 гг., то есть с 8-й по 13-ю легислатуру. Изначально они издавались с большим справочным аппаратом, различными указателями и приложениями, которые до сих пор чрезвычайно облегчают работу с ними.

Этот ресурс привлекался нами при анализе выступлений имперского канцлера и статс-секретарей в имперском парламенте, а также лидеров и других представителей различных фракций в ситуациях сложных дебатов по

¹⁸⁵ Acta Borussica. Neue Folge. 1. Reihe. Die Protokolle des Preußischen Staatsministerium. 1817-1934/38. Hrsg. von der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften unter der Leitung von J. Kocka, W. Neugebauer. Nildesheim, Zürich, New York: Olms-Weidmann, 1999-2003. Bd. 8/1-10. URL.

<https://webarchive.bbaw.de/default/20181026084735/http://preussenprotokolle.bbaw.de//bilder/Band%208-1.pdf> (дата обращения 20.02.2024).

¹⁸⁶ Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags.

¹⁸⁷ URL. <https://www.reichstagsprotokolle.de/bundesarchiv.html> (дата обращения 20.02.2024).

тем или иным законодательным и политическим вопросам. В качестве самого яркого примера могут служить дебаты 10-11 ноября 1908 г.¹⁸⁸ во время скандала с английской газетой Daily Telegraph. Не меньший интерес для нас представляли и стенограммы заседаний палаты депутатов прусского ландтага¹⁸⁹, принципы публикации которых были аналогичны принципам публикаций стенограмм рейхстага.

Третьим видом источников являются юридические документы. К ним, прежде всего, следует отнести тексты имперской Конституции 1871 г., а также Конституции Пруссии 1850 г., которые легли в основу двух специальных параграфов¹⁹⁰, а также иные законодательные акты, которые публиковались в специальных приложениях к стенограммам рейхстага, в официальном правительственном органе – Имперском указателе¹⁹¹ а также отдельными изданиями и в специальных сборниках¹⁹². Практически вся история социального законодательства и социальной политики Германии с момента создания Северогерманского союза представлена в многотомном сборнике документов¹⁹³, имеющем определенную ценность и для нашего исследования.

Четвертым видом источников являются речи различных государственных деятелей, которые публиковались как в прессе и в стенограммах рейхстага, так и отдельными изданиями. К этому виду можно отнести сборники речей императора¹⁹⁴, снабженные комментариями и другим справочным аппаратом. Поскольку одной из главных претензий к Вильгельму

¹⁸⁸ Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 12. Leg.-Periode 1907/09. Bd. 7. 158-159. Sitzung von 10-11 November 1908. S.5373–5439.

https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt_k12_bsb00002843_00148.html (дата обращения 20.02.2024).

¹⁸⁹ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Preußischen Landtags. Haus der Abgeordneten. Berlin, 1890-1914.

¹⁹⁰ Собрание конституционных актов. Вып. 1. М. : издание В. М. Саблина, 1905.

¹⁹¹ Reichsanzeiger 1890-1914. URL. <https://www.deutscher-reichsanzeiger.de> (дата обращения 25.08.2023).

¹⁹² Например, Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reiche. Berlin, Duncker & Humblot, 1877-1912.

¹⁹³ Quellensammlung zur Geschichte der deutschen Sozialpolitik 1867 bis 1914, IV Abteilungen. Begründet von P. Rassow, K. E. Born. Im Auftrag der Historischen Kommission der Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Mainz. 1993-2016.

¹⁹⁴ Reden des Kaisers. Ansprachen, Predigten und Trinksprüche Wilhelms II. Hrsg. von E. Johann. Deutscher Taschenbuch-Verlag, 1977 Die politischen Reden Kaiser Wilhelms II. Eine Auswahl. Hrsg. von M. A. Obst. Paderborn, 2011.

II была как раз невоздержанность в публичных высказываниях, ознакомиться с ними было совершенно необходимо для формирования адекватной картины этого периода германской истории.

Издание речей Л. фон Каприви особенно важно, так как второй имперский канцлер не только не оставил воспоминаний, но и сжег все документы личного происхождения, связанные с его пребыванием в должности канцлера¹⁹⁵. Этот сборник позволяет проследить эволюцию его взглядов на военной и политической службе. В том же ряду стоит упомянуть и опубликованные отдельными изданиями речи Б. фон Бюлова¹⁹⁶, несомненно расширяющие наши представления о нем, а также постоянно используемые историками публикации речей и других работ О. фон Бисмарка, не так давно переизданные¹⁹⁷. Выступления отдельных деятелей были собраны, например, в книге «Вильгельмовская Германия. Голоса современников»¹⁹⁸. Она разделена на несколько глав – «Вильгельм II», «Новый курс», «Германия в мировой политике», «Кто правил Германией», «Экономика и техника», «Дух и культура», «Во главе общества», «Жизнь в городе и деревне» и «Война». Этот перечень показывает все многообразие представленных тем и сюжетов.

К публикациям речей тесно примыкает **пятый вид источников**, а именно публицистические работы видных деятелей различных политических партий и направлений, прежде всего Ф. Наумана¹⁹⁹, М. Вебера²⁰⁰, а также Б. Бюлова²⁰¹ и других политиков и интеллектуалов²⁰².

¹⁹⁵ Die Reden des Grafen von Caprivi im deutschen Reichstage, preussischen Landtage und bei besonderen Anlässen. 1883-1893. Hrsg. von R. Arndt. Berlin: E. Hofmann & Company, 1894.

¹⁹⁶ Fürst von Bülow's Reden. Hrsg. von W. von Massow. Bd. 1-5. Leipzig, 1910;

¹⁹⁷ *Bismarck O. von. Gesammelte Werke – Neue Friedrichruher Ausgabe.* Bd. 1-9. Schöningh, Paderborn [u. a.]. 2004-2021; *Ders. Die politischen Reden des Fürsten Bismarck. Historisch-kritische Gesamtausgabe* besorgt von Horst Kohl. Bd. 1-14. Stuttgart: Cotta, 1892–1905.

¹⁹⁸ Das Wilhelminische Deutschland. Stimmen der Zeitgenossen. Hrsg. und kommentiert von G. Kotowski, W. Pöls, G.A. Ritter. Frankfurt am Main: Fischer, 1965.

¹⁹⁹ *Naumann F. Werke.* Bd.1-4. Berlin, 1910.

²⁰⁰ *Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко; коммент. А. Ф. Филиппова.* — М.: Прогресс, 1990.

²⁰¹ Bülow B. *Deutsche Politik.* Berlin, 1916; *Ders. Weg zur politischen Reife.* Berlin, 1917; *Ders. Deutschland und die Mächte.* Dresden 1929.

²⁰² *Das deutsche Kaiserreich 1871-1914. Ein historisches Lesebuch.* Hrsg. und eingeleitet von G.A. Ritter. Göttingen, 1994.

Шестым видом источников является периодическая печать, которая использовалась прежде всего с целью оценки общественного мнения, а также целей и методов пропаганды, которая велась на страницах периодических изданий. Ситуация с доступностью газетных публикаций чрезвычайно упростилась за последние годы, когда был оцифрован основной массив исторических немецких газет, и эта работа продолжается²⁰³. Для нас особый интерес представляли считавшаяся «официозной» в терминологии российских дипломатов *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, орган партии Центра газета *Germania*, главный рупор либералов – *Vossische Zeitung* и «карманная» газета Бисмарка *Hamburger Nachrichten*. Некоторые газеты, которые мы использовали при написании нашей работы, в вырезках присутствовали в архивных делах.

Седьмым видом привлеченных нами источников стали различные справочные издания, связанные, прежде всего, с выборами и их результатами. В 1994 г. такой справочник по выборам в прусский ландтаг с большим научным аналитическим введением был издан под редакцией крупнейшего специалиста по этим вопросам Т. Кюне²⁰⁴. Через почти полтора десятилетия вышла аналогичная публикация материалов, посвященных выборам в рейхстаг в 1890-1918 гг.²⁰⁵, содержащая полную информацию по избирательным округам, кандидатам, избранным депутатам, союзам и т.д. Эти тома прекрасно дополняют стенограммы заседаний рейхстага и прусского ландтага, тематически примыкая к ним. К этому виду источников можно отнести и различные статистические справочники, в том числе «Статистические ежегодники Германской империи»²⁰⁶, предоставляющие полную информацию по всем сторонам жизни Германии. Частично, эти издания также доступны в

²⁰³ <https://www.deutsche-digitale-bibliothek.de/newspaper> (дата обращения 20.02.2024).

²⁰⁴ *Kühne Th.* Handbuch der Wahlen zum preussischen Abgeordnetenhaus, 1867-1918: Wahlergebnisse, Wahlbündnisse und Wahlkandidaten. Düsseldorf: Droste Verlag, 1994.

²⁰⁵ Handbuch der Reichstagswahlen 1890-1918. Bündnisse, Ergebnisse, Kandidaten. Bearb. von C.-W. Reibel. Düsseldorf: Droste Verlag, 2007.

²⁰⁶ Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Berlin, 1891-1914. URL.

https://www.digizeitschriften.de/id/514401303_1910%7Clog8?tify=%7B%22pages%22%3A%5B35%5D%2C%22pan%22%3A%7B%22x%22%3A0.558%2C%22y%22%3A0.705%7D%2C%22view%22%3A%22info%22%2C%22zoom%22%3A0.411%7D (дата обращения 20.02.2024).

цифровом формате. Кроме того, при разработке понятийного аппарата работы мы использовали различные энциклопедии, в том числе Лексикон Майерса²⁰⁷ и Большую Российскую энциклопедию²⁰⁸.

Восьмым видом использованных нами источников стали различные документы, связанные с деятельностью отдельных политических партий и союзов – партийные программы, предвыборные документы и т.п.²⁰⁹ Показательным примером является Социал-демократическая партия Германии²¹⁰. Интересно изданное в ГДР собрание выступлений, партийных программ, листовок и т.д. «непролетарских демократов» в поддержку социалистов и социалистических идей под говорящим названием «Совесть бьет в набат»²¹¹. Р. Морси и Г.А. Риттер²¹² в 1959 г. основали книжную серию по истории политических партий и парламентаризма, в рамках которой издавались разные работы, в том числе и сборники документов, например по истории и политике католической партии Центра²¹³.

К **девятому виду** источников можно отнести переписку различных политических деятелей. Главными в этом ряду являются две публикации, без знакомства с которыми трудно адекватно писать о политических процессах в вильгельмовской Германии. Письма Ф. Эйленбурга²¹⁴, ближайшего друга и советника императора вплоть до их разрыва на волне скандала в 1906–1907 гг., являются непревзойденным по значимости источником, проливающим свет на тайные пружины германской политики периода правления императора

²⁰⁷ Майерс-лексикон URL. <http://www.zeno.org/Meyers-1905> (дата обращения 12.09.2023).

²⁰⁸ URL. <https://bigenc.ru/> (дата обращения 12.02.2024)

²⁰⁹ Unterm Zentrumsbanner. Werden, und Wilken der Zentrumspartei. Dokumente zur Zeitgeschichte. Hrsg. von H. Broermann, K. Grobbel. Berlin, 1926; *Salomon F.* Die deutschen Parteiprogramme. B. G. Teubner, 1931.

²¹⁰ Например, Materialien zum politischen Richtungsstreit in der deutsche Sozialdemokratie 1890-1917. Hrsg. P. Friedemann. Mit einer Einleitung von H. Mommsen. Bd. 1-2. Frankfurt am Main, Berlin, 1978 и др.

²¹¹ Sturm läutet das Gewissen. Nichtproletarische Demokraten auf der Seite des Fortschritts. Berlin: Verlag der Nation, 1980.

²¹² Handbücher zur Geschichte des Parlamentarismus und der politischen Parteien. Полный список изданий см. <https://kgparl.de/wp-content/uploads/2020/01/gesamtverzeichnis-publikationen-kgparl.pdf> (дата обращения 21.02.2024).

²¹³ Volk, Kirche und Vaterland. Wahlaufufe, Aufrufe, Satzungen und Statuten des Zentrums 1870-1933: eine Quellensammlung zur Geschichte insbesondere der Rheinischen und Westfälischen Zentrumspartei. Bearbeitet von H. Lepper. Düsseldorf: Droste, 1998.

²¹⁴ Philipp Eulenburgs Politische Korrespondenz. Hrsg. v. J. Röhl. 3 Bde. Boppard/Rhein, 1976-83.

Вильгельма II. Буквально несколько лет назад была опубликована политическая переписка Т. фон Бетман-Гольвега²¹⁵. Во время Второй мировой войны архив пятого имперского канцлера погиб, для публикации его письма были собраны в архивных фондах его корреспондентов. Эта работа в значительной степени восполняет имеющуюся лауну в обеспечении источниками предвоенного периода существования Германской империи.

К **десятому виду** источников мы относим дневники и воспоминания, т.е. документы личного происхождения. К числу таких публикаций можно с полным правом причислить дневники В.Н. Ламздорфа²¹⁶ и Ф. фон Гольштейна²¹⁷, а также мемуары С.Д. Сазонова²¹⁸, О. фон Бисмарка²¹⁹, Х. фон Гогенлоэ-Шиллингсфюрста²²⁰, Б. Бюлова²²¹, частично переведенные на русский язык²²² и Т. Бетман-Гольвега²²³, изданные при помощи молодого тогда историка П. Рассова в 1919-1921 гг. Заметки этих политиков первого ряда являются чрезвычайно ценным источником, хотя все, конечно, отдают себе отчет в их субъективности, которая подчас даже прямо искажает действительность. Но при сопоставлении с иными документами и свидетельствами они помогают нарисовать максимально полную картину.

В целом, все указанные виды источников, весьма разнообразные по характеру, дают возможность решить поставленные диссертантом задачи,

²¹⁵ Reichskanzler Theobald von Bethmann Hollweg 1909–1921. Rekonstruktion seines verlorenen Nachlasses. Herausgegeben und bearbeitet von W. Baumgart. 2 Teilbände. Duncker & Humblot, Berlin, 2021.

²¹⁶ Ламздорф В.Н. Дневник (1886-1890). Под ред. И с предисловием Ф.А. Ротштейна. М.-Л., 1926: Он же. Дневник 1894-1896. Под общей редакцией и с предисловием В. И. Бовыкина, пер. и составл. И.А. Дьяконовой. М., 1991.

²¹⁷ *Holstein Fr. A. v. Die geheimen Papiere Friedrich von Holsteins.* Gottingen, 1956. Bd.4

²¹⁸ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991.

²¹⁹ *Bismarck O. von. Gedanken und Erinnerungen.* Herbig, München 2007 Bd. 1-3; в рус. переводе Бисмарк О. фон. Мысли и воспоминания. Т. 1-3. Пер. и под ред. А.С. Ерусалимского. М., 1940.

²²⁰ *Hohenlohe-Schillingsfürst Ch. zu. Denkwürdigkeiten des Fürsten Chlodwig zu Hohenlohe-Schillingsfürst* Hrsg. von F. Curtius. Bd. 1-2. Stuttgart, 1906; в рус. переводе: Гогенлоэ Х. фон. Мемуары кн. Гогенлоэ: (с портр. кн. Гогенлоэ). Москва: Буря, 1907.

²²¹ *Bülow B. Fürst von. Denkwürdigkeiten.* Hrsg. v. Franz von Stockhammern. Ullstein, Berlin 1930/31. Bd. 1-4.

²²² Бюлов Б. Воспоминания / Бернгард Бюлов; пер. с нем. под ред. и с предисл. В. М. Хвостова. — М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935.

²²³ *Bethmann Hollweg Th. Betrachtungen zum Weltkriege.* Bde 1-2, Hobbing, Berlin 1919—1921; В рус. переводе Бетман-Гольвег Т. Мысли о войне. — М.: Госиздат, 1925. — 120 с.

однако основным кладезем информации можно по праву назвать документы, хранящиеся в фондах АВПРИ.

Положения, выносимые на защиту

1. Провозглашенная в 1871 г. Германская империя по форме, задачам и правовым основам была федерацией, союзом государств, в котором Пруссия выполняла роль центра «гегемонистской унификации». Формирование режима вильгельминизма в 1890 г. активизировало процесс имперского государственного строительства на германском пространстве.

2. Германская национальная идея возникла на романтической волне Освободительной войны 1813 г. и стала объединяющим началом в период «весны народов» в 1848 г. После провозглашения империи она постепенно трансформировалась в борьбу за внутреннее объединение, тесно связанное с идеей строительства германской политической нации. Сформулированная властью во второй половине 1890-х гг. внешнеполитическая стратегия смогла консолидировать общество на новом, имперском уровне, что позволяет применительно к периоду вильгельминизма говорить о формировании имперской нации.

3. Политический курс страны в 1890-1914 гг. был единой линией, направленной на создание собственной, отличной от прусской системы власти, которая взяла на себя реализацию новой внешнеполитической стратегии и ее превращение в национальную идею.

4. В 1871 г. элитой нового государства осталась старая прусская земельная элита, которая в результате объединения страны вокруг Пруссии, которая оставалась ее гегемонистским центром и далее, продолжала реализовывать собственные задачи. Ее дальнейшей целью было сохранение существующего положения вещей, в том числе требование неизменности исключительной поддержки государством ее экономических, в том числе и внешнеторговых требований. Единственной силой, не заинтересованной в реализации провозглашенной императором идеи «мировой политики», была та же элита, которой новая внешнеполитическая стратегия была не просто

чужда, но и враждебна, так как грозила ее размыванием в империи и возможной потерей всех предыдущих завоеваний.

5. Главным внутренним противоречием режима было то, что та же элита была практически единственной опорой трона и династии. Ни одна иная сила в их сохранении в качестве центра политической системы, и монархического принципа как основы конституции, заинтересована не была. Эволюция политического режима, впрочем, привела к постепенному размыванию этой особой роли прусского дворянства, к началу 1910-х гг. государственная поддержка этого социального слоя больше не носила обязательного характера.

6. Черeda скандалов, потрясших Германию и основы ее власти в 1900-1910-е гг., имела в своей основе целенаправленный курс стран Антанты, прежде всего Великобритании, на подрыв основ монархии и государства, что, впрочем, не умаляет собственной вины германских властей и императора в появлении скандальных поводов.

7. В политической системе страны к 1914 г. рейхстаг как парламент, формируемый на основе всеобщего (для XIX века) избирательного права, стал равноправным центром власти. Полная поддержка вступления Германии в войну со стороны основных политических партий свидетельствует, что политический курс германских властей был реализован в нужном им варианте в полной мере, а внешнеполитическая стратегия стала подлинной национальной идеей, процесс имперского нациестроительства можно считать завершенным.

Цель и основные задачи исследования предопределили его структуру, в основу которой положен проблемно-хронологический принцип. Диссертация состоит из введения, 3 глав, разделенных на параграфы (некоторые имеют подразделы), и заключения.

Научно-справочный аппарат диссертации включает: постраничные сноски и список использованных источников и литературы.

Глава 1. Система государственной власти в Германии и основные этапы ее трансформации в 1890-1914 гг.

§1. Правовые основы и правовая культура системы власти в Пруссии по Конституции 1850 г.

Своеобразие государственно-правовой ситуации империи заключалось в том, что после ее создания и вплоть до падения монархии в 1918 г. продолжала действовать практически в первоизданном виде прусская конституция 1850 г.* Важность учета основного закона Пруссии объясняется не только ее особой ролью в имперской истории Германии, но и внутренней противоречивостью самой имперской конституции, создававшейся с учетом сохранения в каждом союзном государстве собственного законодательства, которое должно было дополнять общее.

История прусской конституции прекрасно известна. Союзный акт 1815 г., принятый при создании Германского союза на Венском конгрессе, содержал обещание ввести во всех государствах-членах Союза конституции, однако требование это было выполнено отнюдь не везде. Таким нарушителем статьи 13 Союзного акта долгое время была и Пруссия, в которой конституция ни в каком виде введена не была, страна оставалась монархическим, фактически абсолютистским государством, в котором подданные не получили никаких гражданских прав. Следует сказать, что конституционные комиссии создавались в период 1818-1847 гг. неоднократно, но деятельность ни одной из них не закончилась значимым результатом. Единственными органами, которые формировались на основе более-менее широких избирательных прав, были городские советы, деятельность которых регулировалась ст. 110 Прусского городского устава²²⁴. Одним из основных требований революции

* Конституции остальных германских государств не будут подвергнуты подробному анализу в силу того, что, за редчайшим исключением, например, введения новой «Конституции» Эльзаса-Лотарингии 1911 г., они не оказывали сколько-нибудь серьезного влияния на общеимперские дела.

²²⁴ Подробнее см.: *Боков Ю.А.* Зарождение избирательных прав пруссаков (19 ноября 1808 года – 30 мая 1849 года) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5, Юриспруденция. 2012. №2 (17). С. 99-105.

1848-1949 гг. было введение конституции в тех государствах, где она отсутствовала. Ситуация в Пруссии была одной из самых острых. Попытки выработать единый документ депутатами Национального собрания и чиновниками прусского Государственного министерства не были успешными из-за диаметрально противоположных подходов к тому, каким же он должен быть. В апреле 1848 г. прусский король Фридрих Вильгельм IV на открытии Соединенного ландтага, созванного из представителей сословных собраний в соответствии с патентом от 3 февраля 1847 г. «Об организации Соединенного сейма», произнес чрезвычайно примечательную фразу, впоследствии неоднократно цитированную в литературе: «Я никогда не допущу, чтобы между нашим Господом Богом на небе и нашей страной втерся писанный лист бумаги, как второе Провидение, чтобы управлять нами при помощи своих параграфов, которые заменили бы старую святую верность... Это абсолютно не по-немецки и, кроме того, неудобно для общего блага, так как ведет к неразрешимым столкновениям с короной, которая, следуя Закону Бога и страны, должна править по своему свободному разумению, а не по воле большинства»²²⁵.

Второй Соединенный ландтаг 8 апреля 1848 г. принял избирательный закон, по которому «каждый пруссак, достигший 24 лет и не потерявший гражданских прав вследствие законного судебного приговора»²²⁶, является полноправным избирателем в той общине, в которой он живет последние 6 месяцев. Конституция, выработанная этим собранием, была отвергнута королем, ландтаг распущен 9 ноября, а 5 декабря 1848 г. король был вынужден даровать, т.е. октроировать конституцию, которая была пересмотрена в 1850 г. и стала еще менее демократичной, включив в себя установленное в мае 1849 г. королевским указом трехклассное избирательное право. Конституция вступила в силу 31 января 1850 г. и продолжала действовать вплоть до 1919 г.

²²⁵ *Huber E. Deutsche Verfassungsgeschichte... Bd. 2. S. 486.*

²²⁶ Лица, лишённые гражданских прав на основании приговора суда и получающие средства из благотворительных касс, составляли около 25 % населения Пруссии. См.: *Rohe K. Wahlen und Wählertraditionen in Deutschland: Kulturelle Grundlagen deutscher Parteien und Parteiensysteme im 19. und 20. Jahrhundert. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 1992. S. 33.*

Наш интерес к конституции именно этого германского государства вполне объясним и закономерен. Связан он, конечно, с особым положением Пруссии в единой Германии, фактическим слиянием ее исполнительной власти с имперской, влиянием прусской, преимущественно земельной аристократии на правящую династию и т.д. Важнейшим моментом в этом ряду представляется еще один фактор – конституционные основы империи и Пруссии были не просто различны, но в некоторых моментах прямо противоречили друг другу. При таком положении вещей неизбежным становилось появление точки напряжения, чреватой конфликтом и разрушением. В качестве примера аналогичной ситуации можно вспомнить коллизию сосуществования в одном государстве ничем не ограниченной российской монархии и конституционных порядков Царства Польского, что привело вначале к постоянным столкновениям двух подходов, а затем к приведению их к единому знаменателю – в российском варианте – т.е. к отмене конституции в польских землях и их интеграции в общую правовую и административную системы империи. Ситуация в Германии развивалась по-иному. Здесь очевидным трендом стало постоянное стремление одной части политического класса к приведению прусского законодательства в соответствие с общеимперским, что, однако, так и не было воплощено в политическую практику, так как встречало активное сопротивление другой его части. Мы полагаем, что этот конфликт был одним из основополагающих во всем внутреннем развитии страны.

Конституционная хартия Пруссии 1850 г. состоит из 11 разделов (титулов), содержательными из которых являются десять. Раздел II определял права пруссаков, т.е. содержала как раз тот каталог гражданских прав, который отсутствовал в имперской конституции. Он гласил: «Все пруссаки равны перед законом. Сословные преимущества уничтожаются. Общественные должности доступны всем способным занять их, под условиями, указанными в законе; Личная свобода гарантируется (ст. 5); Жилище неприкосновенно (ст. 6). Вторжение в него, домашние обыски, арест писем и бумаг могут

производиться лишь в случаях и формах, указанных законом; никто не может быть изъят от подсудности своим законным судьям. Нельзя учреждать исключительных судов или чрезвычайных комиссий; Наказания могут предписываться и налагаться лишь согласно с законом; Собственность неприкосновенна. Полная или частичная экспроприация может применяться только в интересах общественного блага под условием предварительной уплаты, в экстренных же случаях по крайней мере предварительного исчисления вознаграждения; Гражданская смерть и наказание конфискацией не могут применяться; Свобода эмиграции может быть ограничена государством лишь в силу требований воинской повинности; Свобода религии, образования религиозных обществ и домашнего или публичного отправления религиозных церемоний неприкосновенна. Пользование гражданскими и гражданско-политическими правами независимо от вероисповедания. Пользование религиозной свободой, однако, не должно стоять в противоречии с гражданскими и гражданско-политическими обязанностями; Христианская религия служит основой для тех государственных учреждений, которые представляют религиозный характер; Введение гражданского брака последует по издании особого закона; Наука и преподавание ее свободны»²²⁷.

Далее несколько статей посвящены организации системы народного образования. Оно могло вестись как в публичных, так и частных школах, было обязательным «в том объеме, который установлен для публичных народных школ», и бесплатным. Основывать и руководить учебными заведениями мог каждый, если он докажет отвечающим за народное образование государственным учреждениям «свою нравственную, научную и техническую способность». Надзор за всеми публичными и частными учебными и воспитательными заведения осуществляли назначенные государством чиновники. Учителя публичных заведений наделялись правами и

²²⁷ Собрание конституционных актов... С. 47-48.

обязанностями государственных чиновников. В народных школах предусматривалось преподавание религии, делать это должны были соответствующие религиозные общества. Конституция определяла, что управление народными школами принадлежало общине, она же совместно с государством назначала школьных учителей. Община финансировала учреждение, содержание и расширение публичных народных школ, в случае доказанного отсутствия у общины необходимых средств финансовое обеспечение брало на себя государство. Оно же гарантировало народным учителям определенное жалование, величина которого определялась местными условиями²²⁸. Содержавшееся в конституции обещание урегулировать впоследствии народное образование отдельным законом так и не было исполнено, а попытка провести школьный закон в 1892 г. закончилась отставкой Л. фон Каприви, разделением должностей имперского канцлера и прусского министра-президента, тяжелейшим министерским кризисом и серьезным конфликтом между прусскими и имперскими властями.

Конституция устанавливала широкие демократические и гражданские права и свободы, как-то: свободу слова, печати, собраний в закрытых помещениях, образования организаций «для таких целей, которые не подлежат действию уголовных законов»; гарантировала тайну переписки, право петиций, устанавливала, что «политические союзы могут быть подвергнуты ограничениям и временным запрещениям в законодательном порядке²²⁹.

Вопрос детального регулирования права собраний стал предметом специального закона, который достаточно сложно принимался в 1908 г. Тема эта была в постоянной связи с антисоциалистическим законодательством и противодействием социалистической пропаганде, которое, впрочем, было в основном предметом рассмотрения на имперском, а не земельном уровне.

²²⁸ Там же. С. 48-49.

²²⁹ Там же. Л. 49

Несколько статей было посвящено воинской повинности и прусской армии. Как и в империи, в Пруссии существовала всеобщая воинская повинность, войско делилось на действующую армию и запас, в военное время король имел право созывать ополчение. Разрешалось использование вооруженных сил «для подавления внутренних беспорядков или для исполнения закона», правда лишь в установленном законом порядке и формах и лишь по требованию гражданских властей. Подсудность военным судам ограничивалась уголовными делами и регулировалась законом. Военнослужащим запрещалось «собираться вне службы ни для совещаний, ни для других целей, иначе как по приказу. Собрания и союзы запасных чинов для обсуждения военных учреждений, приказов и распоряжений запрещаются, если они не были особо созваны»²³⁰. Военнослужащие не должны приносить присяги в верности конституции.

Статьи, касающиеся армии, воинской дисциплины и распространения на военных гражданских прав и свобод, породили в дальнейшем целый ряд проблем и потребовали самой серьезной корректировки. В принципе, военные были ограничены в избирательном праве на общеимперском уровне – на них не распространялось право участия (причем, как активного, так и пассивного) в выборах в рейхстаг. Они были фактически единственным исключением среди всего взрослого мужского населения.

Две статьи были посвящены запрету на создание ленов, роспуску Ленного союза и прекращению всех сеньориальных прав (ст. 40-42). То, что эти вопросы были актуальны для европейской страны в середине XIX в. достаточно показательно, и доказывает, что реформы Штейна-Гарденберга периода наполеоновских войн к моменту октроирования конституции не смогли полностью и окончательно покончить со всеми средневековыми нормами, правами и правилами.

²³⁰ Там же. Л. 49-50

Итак, прусская конституция гарантировала все основные гражданские права и свободы – равенство перед законом, личную свободу, неприкосновенность жилища, свободу выбора местожительства и эмиграции, свободу слова, собраний и союзов (хоть и с некоторыми, иногда достаточно существенными, ограничениями), вероисповедания и религии. Народное образование в рамках публичной школы становилось обязательным, занятия наукой – свободными, учителя выводились из-под церковного контроля и ставились под контроль государства, приравниваясь в своих правах и обязанностях к государственным чиновникам. Основной закон отменял такие пережитки феодализма как сословные ограничения и преимущества, а также ленные отношения. Большая часть раздела посвящена всеобщей воинской повинности пруссаков, праву короля созывать ополчение, военному судопроизводству, а также возможности использовать армию для подавления внутренних беспорядков (этот пункт был позднее включен и в имперскую конституцию, которая оставила его прерогативой земельных, а не имперских властей).

Третий раздел конституции – «О короле» – самым подробным образом определяет его права: «Личность короля неприкосновенна; министры короля ответственны. Все правительственные акты короля для их действительности должны быть контрассигнованы министром, который и принимает за них ответственность; исполнительная власть принадлежит одному королю. Он назначает и отзывает министров. Он предписывает обнародование законов и издает распоряжения, необходимые для их исполнения; королю принадлежит высшее командование армией; король назначает лиц на должности в армии и в других отраслях государственной службы, за исключением случаев, предусмотренных законом; король имеет право объявлять войну, заключать мир и подписывать договоры с иностранными правительствами. Торговые договоры и те трактаты, которыми возлагаются повинности для государства или частных лиц, должны, чтоб получить силу, быть одобрены палатами; королю принадлежит право помилования и смягчения наказаний.

Однако он может воспользоваться этим правом по отношению к министру, осужденному за свои действия по службе, лишь с согласия палат, возбудивших против него обвинение. Король может прекратить начатое уже следствие только на основании специального закона; король имеет право жаловать ордена и другие отличия, не связанные с привилегиями. Он имеет право чеканить монету, согласно с законом; король созывает палаты и закрывает их сессии. Он может распустить их обе одновременно или только одну. Но в таком случае он должен созвать избирателей в 60-дневный срок, следующий за распушением, и палаты в 90-дневный срок; король может отсрочить палаты. Без согласия последних отсрочка не может превышать 30-дневного срока и не должна быть повторяема в течение одной сессии; корона, согласно закону о Королевском Доме, наследственна в мужском потомстве Королевского Дома по праву первородства и в порядке агнатских линий [т.е. исключительно по мужской линии, термин заимствован из Римского права. – *А.М.*]. Король делается совершеннолетним с исполнением 18 лет. Он приносит присягу в присутствии соединенных палат твердо и нерушимо соблюдать конституцию королевства и управлять в согласии с нею и с законами; без согласия палат король не может быть государем иностранной державы; Если Король несовершеннолетний или не может в течение долгого времени сам править, то наиболее близкий совершеннолетний агнат берет на себя регентство (ст. 53). Он должен тотчас же созвать палаты, которые в соединенном собрании решат вопрос о необходимости регентства; когда нет совершеннолетнего агната и нет закона, предусматривающего этот случай, Государственное министерство (*Staatsministerium*) должно созвать палаты, которые и выбирают регента в общем заседании. До учреждения регентства дела правления отправляются Государственным министерством.

Регент осуществляет власть, принадлежащую королю от его имени. По учреждении регентства, он приносит клятву перед соединенными палатами

твердо и нерушимо соблюдать конституцию королевства и управлять в согласии с нею и с законами»²³¹.

Таким образом, по Конституции 1850 г. Пруссия является абсолютной, наследственной монархией, король обладает всей полнотой власти, включая созыв и роспуск обеих палат ландтага, назначение и отставку министров, объявление войны и заключение мира. Исключений всего два – контрассигновка распоряжений короля соответствующим министром, а также согласование с палатами заключенных торговых договоров и введенных налогов. Пресловутая «контрассигновка», которая вызывает столько споров применительно к имперской конституции, как мы уже писали выше, была прописана практически во всех германских конституциях, вступивших в силу в 1-й половине XIX в., причем как октроированных, так и принятых ландтагами. Здесь, впрочем, она является прерогативой соответствующего министра, а не главы Государственного министерства или министра-президента, что можно было бы предположить, будучи знакомым с имперской конституцией. Но и здесь мы видим вполне очевидную логику – у империи министров не было, были некие «ответственные лица», статс-секретари, мера ответственности которых была минимальной. Прусские же министры ответственность несли, причем сразу перед королем, поэтому вполне логично требование их согласия с документами, регулирующими их сферу ответственности. В этой связи, впрочем, бросается в глаза то, что раздел «О короле» не содержит статьи о его суверенитете, в отличие от более поздней имперской конституции.

Раздел конституции о министрах регулировал исключительно вопросы взаимоотношений членов министерства с обеими палатами ландтага. Министрам, а также замещавшим их государственным чиновникам предоставлялся доступ в обе палаты, которые по их требованию должны были предоставлять им слово «во всякое время». Но участвовать в прениях

²³¹ Там же. С. 50-52

министры могли только в том случае, если они состояли членами палат. Палаты же наделялись правом требовать личного присутствия министров на своих заседаниях, по решению даже одной палаты они могли обвинять министров в нарушении конституции, подкупе и измене. Разбирать такое обвинение был обязан Верховный суд Пруссии²³². Обращает на себя внимание то, что хотя исполнительная власть принадлежала только королю, министры тем не менее были упомянуты в конституции, но без указания их прерогатив и функций.

Несомненный интерес для нас представляет большой раздел, посвященный ландтагу, ибо именно различия между прусским ландтагом и германским рейхстагом были самыми глубокими и оказавшими наибольшее влияние на внутривластическое развитие Германии. Право законодательной инициативы имели король и каждая из двух палат, они же осуществляли принятие каждого закона, кроме финансовых, и государственного бюджета. Они были прерогативой ландтага, причем вторая палата их только рассматривала, а принимались или отвергались они первой палатой. Отступление от принятого порядка законотворчества допускалось лишь в тех случаях, «когда того требует сохранение общественной безопасности или устранение необычайного бедствия, и палаты не заседают». В этом случае исполнительной властью могли быть «изданы и получить законную силу распоряжения, не противоречащие конституции, под ответственностью всего Государственного министерства. Однако эти распоряжения должны быть представлены на одобрение палат в их ближайшую же сессию». Законопроекты, отвергнутые одной из палат или королем, не могли быть вновь внесены в течение той же сессии²³³.

Статьи, касавшиеся порядка формирования палат ландтага, были изменены законом 7 мая 1853. По нему первая палата образуется королевским повелением, которое может быть заменено лишь законом с согласия палат.

²³² Там же. Л. 52.

²³³ Там же. С. 53.

Первая палата составлялась из членов, назначенных королем наследственно или пожизненно. Вторая палата состояла из 350 членов (к началу XX в. – 433). Избирательные округа охватывали один или несколько уездов одного или нескольких городов. Всякий прусский подданный, которому исполнилось 25 лет и который имеет избирательное право в той общине, в которой он живет, является избирателем первой степени. Принять участие в выборах избиратель первой степени мог лишь в одной общине²³⁴. В 1855 г. были изменены названия палат: первая стала палатой господ, а вторая – палатой представителей или депутатов.

Статьи 71-75 подробно описывают содержание и принципы того самого трехклассного избирательного права, которое сохранялось в Пруссии весь период существования Германской империи. Оно противоречило общеимперскому избирательному закону и позволило вплоть до распада империи сохранить социальный и политический состав прусской палаты депутатов, не говоря уже о палате господ, практически неизменным. Этот же закон был гарантией сохранения влияния старой прусской элиты, что стало одним из основных факторов перманентного внутреннего кризиса, но он же и поставил чрезвычайно действенный заслон росту влияния социал-демократии на прусские властные органы, что, в свою очередь, стабилизировало на определенном этапе существующий монархический режим, законсервировав его.

Конституция постановила избирать одного выборщика от 250 душ населения. Избиратели первой степени делились на три разряда, «по размеру уплачиваемых ими прямых государственных налогов, таким образом, что каждый разряд в целом платит третью часть общей суммы налогов». Определялся порядок исчисления налога в зависимости от входивших в состав избирательного участка общин. Избиратели делились на первый, второй и третий разряды по размеру уплачиваемого ими налога. Каждый разряд

²³⁴ Там же.

выбирал отдельно третью часть выборщиков. Депутаты выбирались выборщиками. Срок полномочий палаты депутатов был установлен в 5 лет (это положение было введено законом 27 мая 1888). Депутатом второй палаты мог быть избран всякий пруссак, достигший 30-летнего возраста, не потерявший по судебному приговору своих гражданских прав и принадлежавший в течение трех лет к числу подданных прусского государства (закон 27 марта 1872). Президент и члены высшей счетной палаты не имели пассивного избирательного права ни в одну из палат ландтага.

Закон от 18 мая 1857 г. определил сроки созыва королем обычных сессий ландтага (между началом ноября каждого года и серединой января следующего), а также предусмотрел возможность чрезвычайных сессий. Сессии открывались и закрывались лично королем или уполномоченным им министром.

Конституция Пруссии содержала идентичные имперской конституции положения относительно прав и обязанностей депутатов из числа государственных чиновников. Нельзя было состоять в обеих палатах одновременно. Заседания палат ландтага были публичными, решения на них принимались большинством голосов, за некоторыми исключениями, упомянутыми в регламенте палаты. Кроме того, каждая палата имела право отдельно представлять адреса королю, а направленные к ней письменные обращения пересылать министру с предложением дать объяснения по поводу содержащихся в них жалоб²³⁵.

Несколько чрезвычайно значимых статей относятся к статусу, правам и иммунитету депутатов: «Члены обеих палат являются представителями всего народа. Они голосуют по своему свободному убеждению и не связаны никаким повелительным мандатом. Они не подлежат ответственности за поданные ими голоса — никогда, за выражения ими мнения — лишь в том случае, если они высказали их в самой палате и согласно регламенту палаты.

²³⁵ Там же. С. 53-55.

Никакой член палаты не может, без согласия палаты, к которой он принадлежит, быть преследуем или арестован во время сессии, за наказуемое законом действие, исключая случая, когда он захвачен на месте преступления или в следующий затем день. Согласие палат необходимо также и при задержании за долги. По требованию палаты всякое недоразумение по уголовному делу, всякое предварительное заключение или личное задержание по гражданскому делу приостанавливается на все время сессии». Члены обеих палат присягают в верности и повиновении королю, и клянутся честно соблюдать конституцию²³⁶.

В отличие от депутатов рейхстага депутаты прусского ландтага получали командировочные и суточные деньги от казначейства, причем «отказ от получения их воспрещался». И такое постановление не трактовалось как угроза независимости и самостоятельности депутатов²³⁷.

Раздел, посвященный ландтагу, его прерогативам, порядку работы и избирательному законодательству является не только одним из самых значимых, но и самых дискуссионных. Три избирательных класса, непрямые выборы, неравномерная нарезка избирательных округов и высокий имущественный ценз сделали нижнюю палату чрезвычайно консервативным собранием, не говоря уж о верхней, напрямую назначаемой королем. Основной закон максимально предусмотрел лояльность палаты монарху, что, однако, не стало препятствием для конституционного конфликта начала 1860-х годов и противодействия прусских парламентариев таможенной и внешнеторговой политике в конце XIX – начале XX века. Политическая практика показала, что ландтаг был лоялен не столько монарху, сколько своему классу, социальному слою крупных землевладельцев, что и превратилось в важнейшую ось напряжения в условиях развивающегося конфликта консерваторов-землевладельцев и либералов-промышленников.

²³⁶ Там же. С. 55, 57.

²³⁷ Там же. П. 85.

Судебная власть в соответствии с прусским конституционным законодательством «осуществляется от имени короля независимыми, не подчиняющимися другой власти, кроме закона, судами. Решения объявляются и исполняются от имени короля. Судьи пожизненно назначаются королем или от его имени. Судьи могут быть смещены или временно удалены от должности лишь на основании судебного решения и по причинам, установленным законом. Временное удаление от должности, не вытекающее из текста закона, перемещение или увольнение в отставку могут быть применены лишь по причинам и в формах, указанных в законе, и на основании судебного решения». Помимо судов общей юрисдикции, создаются коммерческие и промысловые суды повсюду, где они необходимы. Судебную систему венчал Верховный суд. Судебные заседания как по гражданским, так и по уголовным делам должны быть публичными. Закрытие заседаний могло произойти только «по постановлению суда в публичном заседании, если публичность угрожает общественному порядку или добрым нравам»²³⁸.

При отсутствии соответствующего раздела в конституции империи именно прусское законодательство в основном регулировало принципы организации судебной власти вплоть до принятия в 1877 г. Гражданско-процессуального кодекса, Закона о судеустройстве и Уголовно-процессуального кодекса, которые были дополнены изданием Германского гражданского уложения 1896 г. и Германского торгового уложения 1897 г. Все эти документы, урегулировав правовые отношения в империи, не вывели их на конституционный, более высокий законодательный уровень.

Значимым для нашего исследования является раздел VIII «О финансах», согласно которому: «Все доходы и расходы государства должны исчисляться вперед и вноситься в государственный бюджет. Последний утверждается ежегодно законом. Все возможные налоги, займы и подати могут собираться только в соответствии с законом без каких-либо привилегий. Последующее

²³⁸ Там же. С. 55-56.

одобрение обеих палат необходимо для всякого расхода сверх установленных бюджетом. Отчеты по исполнению бюджета поверяются и устанавливаются Счетной Палатой. Общий отчет по годовичному бюджету, равно как и по составлению государственного долга, представляется с замечаниями Счетной Палаты обеим палатам для облегчения (*Entlassung*) правительства. Специальный закон определяет состав и компетенции Счетной Палаты»²³⁹.

Раздел X «Общие положения» регулирует порядок изменения конституции «обыкновенным законодательным путем. В этом отношении для каждой палаты достаточно абсолютного большинства на двух голосованиях. В случае войны или восстания, если общественному порядку угрожает неминуемая опасность, применение ст. 5-7, 27-30 и 36 [то есть обеспечение основных гражданских прав. – *А.М.*] настоящей конституции может быть временно приостановлено в местностях, где это окажется необходимым»²⁴⁰.

Итак, проведенный выше анализ показал как основные правовые основания функционирования всех ветвей власти на имперском и прусском уровнях и их иерархию, так и заложенные в них противоречия²⁴¹. Именно эти противоречия в немалой степени предопределили ход немецкой истории в конце XIX – начале XX века.

²³⁹ Там же. С. 57.

²⁴⁰ Там же. Л. 57-58.

²⁴¹ Этим противоречиям в германской историографии посвящено немало исследований. См., например, *Goldschmidt H.* Das Reich und Preußen im Kampf um die Führung. Von Bismarck bis 1918. Berlin, 1931; *Kühne Th.* Dreiklassenwahlrecht und Wahlkultur in Preussen 1867-1914. Landtagswahlen zwischen korporativer Tradition und politischem Massenmarkt. Droste Verlag. Düsseldorf, 1994; Preussen in der deutschen Geschichte. Hrsg. Von D. Blasius. Verlagsgruppe Athenäum-Hain-Scriptor-Hanstein, 1980; *Moderne Preußische Geschichte 1648-1947. Eine Anthologie.* Bearb. und hrsg. von O. Büsch, W. Neugebauer. Bd. 1-3. Walter de Gruyter. Berlin, New York, 1981.

§2. Правовой режим и особенности функционирования ветвей власти в Германской империи по Конституции 1871 г.

Права и обязанности всех ветвей власти Германской империи* были прописаны в конституции, принятой рейхстагом 16 апреля 1871 г. Ее текст претерпел лишь незначительные изменения по сравнению с конституцией Северогерманского союза 1867 г., и во многих своих разделах и постановлениях, за исключением гарантировавших в либеральном духе права и свободы граждан (жителей) империи, повторял конституцию, принятую Франкфуртским парламентом в 1849 г., но никогда не вступавшую в силу²⁴².

Целью подробного анализа двух конституций, на основе которых функционировали империя и Пруссия вплоть до принятия Веймарской конституции 1919 г., не является выявление их сильных и особенно слабых сторон, а также влияния этих «слабостей» на проблемы внутреннего развития империи. Более важным представляется анализ основных положений основного закона 1871 г. с точки зрения того, чему ее творцами и «заказчиками» было уделено/не уделено внимание, что они считали нужным прописать подробно, а что только обозначить или вообще проигнорировать. Мы исходим из того, что в этом документе нет ничего случайного, Германия к 1871 г. имела достаточно длительную конституционную историю, к услугам юристов были и все существовавшие на тот момент в мире конституции, положения которых после необходимой доработки могли быть применены к общегерманским условиям. Мы убеждены, что имеем дело с тщательно продуманным документом, который содержит ровно те пункты и положения, которые хотели в нем видеть его заказчики.

Ни для кого не секрет, что у истоков конституций 1867 и 1871 г. стоял О. фон Бисмарк и его представления о форме германского государственного

* Далее по тексту мы будем использовать официальное название государства, провозглашенного в Зеркальном зале Версальского дворца.

²⁴² Подробнее об этом, см. *Матвеева А.Г.* Конституционное развитие Германии в XIX в. (на примере имперских конституций 1849 и 1871 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал История. Т. 9. Вып. 8 (72). М., 2018

устройства. Как справедливо отмечает крупнейший немецкий специалист по конституционной истории Е. Р. Хубер, «борьба Бисмарка за единство нации, его усилия по достижению благосостояния, безопасности и могущества обновленной империи осуществлялись на почве строительства конституционного государства»²⁴³, т.е. конституционные основы государства в XIX в. делали его не слабее за счет ограничения свободы действий органов исполнительной власти, наоборот, «партии, выборы, народные представители, ... являются силами, которые способны увеличить эффективность государства до его максимального предела»²⁴⁴.

В 1871 г. Германия была провозглашена империей, а не союзом государств, ее территория включила в себя кроме государств, ранее вошедших в Северогерманский союз, также государства юга Германии, за исключением Австрии, по-прежнему остававшейся основой собственной империи, и это нашло отражение в принятой тогда же конституции. Авторы конституции чрезвычайно подробно останавливаются на имперском законодательстве – т.е. тех вопросах, которые входят в компетенцию собственно империи, а не союзных государств, и которые имеют перед ними приоритет.

Вводилось понятие «права уроженцев, индигената» [глава II, ст. 3], уравнивающего в правах жителей всех государств, однако понятие имперского гражданства введено не было. То есть, житель Пруссии имел равные с местными жителями права (за исключением помощи бедным со стороны местных общин и некоторых иных частных случаев), например, в Мекленбурге, однако ни пруссак, ни мекленбуржец не становились, по этой конституции, гражданами (или подданными) Германской империи. При этом пункт о том, что «все немцы могут притязать на одинаковую защиту со стороны империи по отношению к иностранным государствам», дает все-таки общее определение – немцы, не наделяя этих немцев правами общего

²⁴³ *Huber E. R.* Nationalstaat und Verfassungsstaat; Studien zur Geschichte der modernen Staatsidee. Stuttgart : W. Kohlhammer, 1965. S. 188.

²⁴⁴ *Ibidem.*

гражданства или общеимперского подданства. Статья 4 той же главы²⁴⁵ определяет круг вопросов, находящихся в общей имперской юрисдикции и здесь «права гражданства» возникают, но в общем ряду и с исключением для Баварии. Четкого правила – что все уроженцы разных германских государства отныне являются гражданами Германской империи в конституции не прописано. Представляется, что отсутствие этих норм связано с тем, что в конституции в принципе отсутствуют статьи о гражданских свободах, кстати за двадцать лет до этого чрезвычайно подробно прописанные в Конституции Паульскирхе 1849 г. Эти нормы (как гражданства, так и прав граждан) остались прерогативой земельных конституций, в том числе и в случае Пруссии. Однако отсутствие таковых, «этого катехизиса европейских конституций с 1789 г.»²⁴⁶, в конституции Германской империи ставило ее особняком среди ей подобных и стало одной из причин возникновения дискуссии об «особом пути» Германии.

Кроме уже упомянутого «права гражданства» к вопросам общеимперской юрисдикции относилось:

- 1) «Законодательство таможенное и торговое, и установление налогов, необходимых для нужд империи». Обычной была ситуация, когда бюджеты отдельных государств были более наполненными, чем имперский бюджет: «В противоположность расшатанности имперских финансов, финансовое положение Пруссии можно назвать блестящим»²⁴⁷, писал на рубеже 1904-1905 гг. российский посол Н.Д. Остен-Сакен в своей депеше в Санкт-Петербург. Вопросы общеимперских налогов и финансов в начале XX в. приобрели чрезвычайно острый характер, когда бюджет империи, формируемый на основе т.н. матрикулярных взносов отдельных государств, был не в состоянии покрыть рост расходов, связанный прежде всего с

²⁴⁵ Собрание конституционных актов... С. 28.

²⁴⁶ *Brandt H.* Der lange Weg in die demokratische Moderne. Deutsche Verfassungsgeschichte von 1800 bis 1945. Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Darmstadt, 1998. S. 133.

²⁴⁷ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1905 год, Д. 18. Л. 10.

финансовым обеспечением претензии на «мировую политику». Эта ситуация потребовала проведения всеобъемлющей налоговой реформы, ставшей одной из важнейших задач канцлерства Б. Бюлова, провал которой, в свою очередь, стал формальным поводом к его отставке.

2) Империя унифицировала систему мер, весов и монет, декларировала единое законодательство о банках, авторском и патентном праве, почте и телеграфе (за исключением Баварии и Вюртемберга), железных дорогах (опять-таки за исключением Баварии), судоходства, общие правила медицинской и ветеринарной помощи (ветеринарный вопрос был чрезвычайно важен, например, при обсуждении импорта мяса и мясных продуктов, являясь рычагом манипулирования при ограждении внутреннего рынка в угоду аграрным производителям).

3) Под общеимперскую юрисдикцию попали «организация общей защиты германской торговли за границей, германского мореплавания и его морского флага и распределение общего консульского представительства, установленного на счет империи», «законодательство в гражданском праве, уголовное право и судопроизводство», а также армия и военный флот.

Одной из главных задач конституции, а затем и строительства империи, формирования внутреннего единства, был учет мнения, позиции различных государств и при этом выработка единого политического и экономического курса, то есть сохранения федеративного характера в условиях роста общеимперских задач. Этот вопрос стал одним из самых сложных, требующих самого серьезного осмысления и выработки специфических подходов, в том числе и к конституционному строительству. Как отмечает Е.Р. Хубер, «чтобы сохранить ядро государственности, она [конституция. – А.М.] оставила большую часть вопросов управления компетенции государств-членов»²⁴⁸.

²⁴⁸ Huber E. R. Nationalstaat und Verfassungsstaat... S. 203.

Важно отметить, что Бисмарк никогда не пытался бороться с партикуляризмом с помощью лишения их части прав или перехода к унитарной форме, хотя некоторые историки, например автор достаточно старого исследования Х. Голдшмидт²⁴⁹, считают, что империя изначально была унитарной, и только «рядилась в федеративные одежды». Мы не разделяем этого мнения, считая, что ситуация была сложнее и далеко не всегда декларируемые цели соответствовали истинным. Для него важным было повысить заинтересованность государств в единении, предоставить им механизмы, которые давали возможности участия в общегерманских процессах, но и при этом и не допустить появления силы, которая реально угрожала бы прусской гегемонии.

Задача преодоления партикуляризма (другими словами, превалирования земельных интересов перед общегерманскими) не была полностью решена за почти 50 лет существования Германской империи. Сохранявшийся дуализм общего и частного, попытка влияния на общеимперскую политику представителей разных правящих домов, политико-экономических элит будут одной из важнейших тем внутривосточного развития. И что особенно интересно, речь в данном случае идет не только о Пруссии, хотя прусский вопрос был самым сложным и важным.

Федеративный характер государства требовал его отражения в системе законодательной власти, т.е. создания специального органа, состоящего из представителей государств-членов. В Германии этот орган традиционно носит название Союзного совета или бундесрата, голоса в котором распределялись таким образом, что Пруссия, включая бывшие голоса Ганновера, Кургессена, Гольштейна, Нассау и Франкфурта, имела 17 голосов; Бавария – шесть; Саксония и Вюртемберг по четыре; Баден и Гессен по три; Мекленбург-Шверин и Брауншвейг по два; остальные 17 государств (Саксен-Веймар, Мекленбург-Стрелиц, Ольденбург, Саксен-Мейнинген, Саксен-Альтенбург,

²⁴⁹ *Goldschmidt H.* Das Reich und Preußen im Kampf um die Führung. Von Bismarck bis 1918. Berlin, 1931.

Саксен-Кобург-Гота, Ангальт, Шварцбург-Рудольфштадт, Шварцбург-Зондергаузен, Вальдек, Рейс старшей линии, Рейс младшей линии, Шаумбург-Липпе, Липпе, Любек, Бремен и Гамбург) – по одному. Всего представителей было 58. В 1911 г. после конституционной реформы в имперской провинции в состав бундесрата вошли еще три представителя Эльзас-Лотарингии, увеличив общее количество до 61.

Положение о том, что «каждый член Союза* (каждое государство) может представить столько уполномоченных в союзный совет, сколько оно имеет голосов, но все его голоса могут вотировать только в одном смысле» вводило принцип единогласия, что было, естественно, важно для государств, имеющих много голосов, прежде всего, для Пруссии. Возможное их распыление в случае отсутствия единства могло бы иметь печальные последствия для обеспечения ее превалирующего положения, поэтому в конституцию и был внесен этот принцип. Представительство Пруссии в бундесрате стало одним из краеугольных камней сохранения ее особого положения в империи.

В случае разделения в Союзном совете мнений относительно законодательных проектов, относящихся к армии, флоту и всему тому, о чем упоминается в ст. 35 о налогах и сборах, пополняющих имперский бюджет, решающим был голос президента, т.е. назначаемого императором канцлера, если он высказывается за сохранение существующего установления. Этот пункт должен был стать заслоном для изменений законодательства, которые могли бы нанести ущерб существующему положению вещей.

К прерогативам Совета относилась выработка и принятие решений по следующим вопросам:

1) о предложениях, вносимых в рейхстаг, и о принятых последним решениях;

* Считаю необходимым обратить внимание на то, что при создании Конституции Германской империи этот термин, доставшийся в наследство от Конституции 1867 г. не был изменен.

2) об административных предписаниях и инструкциях, необходимых для проведения имперских законов, если они не определены прямо каким-либо имперским законом;

3) о недостатках, которые выявляются при исполнении имперских законов, вышеозначенных предписаний или инструкций.

Решение принимается, кроме нескольких особых случаев, простым большинством голосов.

При равенстве голосов, решающим является голос президента. Если же речь шла о решении какого-либо вопроса, который, согласно конституции, не является общим для всей империи, то считаются голоса только тех союзных государств, которых касается данный предмет.

Из своей среды Союзный совет образует постоянные комитеты для армии и крепостей, морских дел, таможенных дел и налогов, торговли и обмена, железных дорог, почт и телеграфов, юстиции, счетной части. Т.е. вышеозначенные комитеты создавались во всех сферах, которые по конституции объявлялись подлежащими имперской юрисдикции.

В каждом таком комитете должны были быть представлены по крайней мере 4 союзных государства, кроме президента, и каждое государство было наделено в нем только одним голосом. В комитете, касающемся армии и крепостей, Бавария имела постоянное место; остальные члены его, точно также, как члены комитета морских дел, назначаются императором; члены других комитетов избираются Союзным советом. ... Кроме того, в Союзном совете образовывался комитет иностранных дел, состоящий из уполномоченных от королевства Баварии, Саксонии и Вюртемберга и двух уполномоченных других союзных государств, ежегодно избираемых от Союзного совета. В этом комитете председательствовала Бавария.

Каждый член бундесрата наделялся правом являться в рейхстаг, и он должен быть заслушан там, как только этого пожелает, чтобы таким образом изложить взгляды своего правительства, если даже они не одобрены большинством в Союзном совете. Члены Союзного совета находились под

дипломатической защитой императора. Не допускалось совмещение членства в Союзном совете и рейхстаге.

Главной функцией бундесрата был имперский надзор, именно через него должна была осуществляться законодательная инициатива, имперское руководство не обладало собственным правом на нее. «Правительственные проекты имперских законов, включая бюджетный, не могли быть представлены непосредственно ответственными имперскими ведомствами, а должны были быть представлены в бундесрат через Государственное министерство Пруссии как «пруссские проекты». ... Пруссские ведомства получили неадекватно высокий уровень влияния на выполнение имперских задач»²⁵⁰.

Правилам функционирования, прерогативам и выборам в рейхстаг посвящена глава V²⁵¹. Рейхстаг образуется посредством всеобщих и прямых выборов с тайной подачей голосов. Общее число депутатов конституция определила в 382 человека, в 1873 г. к этому количеству депутатов прибавилось еще 15 из имперской провинции Эльзас-Лотарингия.

В рейхстаг могли избираться государственные чиновники, не теряя при этом своего места работы. Но если член рейхстага вступал в имперскую должность с содержанием или получал новую должность, связанную с повышением чина или содержания в союзном государстве или же на имперской службе, равно как на службе у отдельного государства, то тогда он терял свое место и голос в рейхстаге. Но мог получить его вновь посредством вторичного избрания, то есть избиратели должны понимать, какую должность занимает кандидат. Нельзя было использовать свой депутатский статус, чтобы продвинуться по службе. Этот пункт был попыткой создания механизма обеспечения независимости депутатов. Пункт о том, что «члены рейхстага не получают, как таковые, никакого жалования, или вознаграждения», был прописан отдельно. Впоследствии вопрос о денежном довольствии за

²⁵⁰ Huber E. R. Nationalstaat und Verfassungsstaat... S. 204.

²⁵¹ Собрание конституционных актов... С. 33-34.

членство в парламенте неоднократно ставился на повестку дня. Аргументом против введения такого довольствия, который активно использовал император, было то, что выплата им денег из бюджета сделает депутатов зависимыми от властей.

Прения в рейхстаге имели публичный характер, и эта открытость была подкреплена регулярной публикацией стенографических отчетов заседаний. Постепенно это стало, с одной стороны, важнейшим каналом распространения информации о политической жизни страны, а с другой, столь же важным фактором политизации общества, вовлечения широких слоев, ранее далеких от политики, в актуальные политические процессы.

Рейхстаг наделялся правами законодательной инициативы в пределах имперской компетенции и передачи направленных к нему петиций Союзному совету и имперскому канцлеру. Этот пункт ясно выстраивает иерархию – зависимость рейхстага от бундесрата и тесную взаимосвязь с канцлером. С этим тесно связана тема связи рейхстага и прессы, их взаимовлияния и становления прессы как средства массовой информации, и рейхстага как одного из основных центров власти и принятия решений в империи. Эта связь, роль и значимость рейхстага на различных этапах истории Германии по сей день остаются предметом дискуссии историков²⁵².

Законодательный период рейхстага продолжается пять лет [правило действует с 1888 г., изначально период составлял 3 года. – *А.М.*]. Для роспуска рейхстага в течение этого периода необходимо решение бундесрата и согласие императора. В случае роспуска рейхстага, избиратели должны собраться вновь в течение 60-дневного периода, а новый рейхстаг – в течение 90-дневного.

Как показала политическая практика, правом досрочного роспуска рейхстага исполнительная власть воспользовалась четырежды (в 1878, 1887,

²⁵² *Biefang A.* Der Reichstag als Symbol der politischen Nation. Parlament und Öffentlichkeit 1867-1890 // *Regierung, Parlament und Öffentlichkeit im Zeitalter Bismarcks. Politikstile im Wandel.* Hrsg. von L. Gall. Paderborn, München, Wien, Zürich : Ferdinand Schöning. 2003. S. 23-42.

1893 и в 1906 гг.), то есть дважды в бисмарковский и дважды в вильгельмовский периоды²⁵³. Всегда это было связано с невозможностью добиться от палаты одобрения необходимых правительству законопроектов и надеждой, что новый состав будет более лоялен и сговорчив. При этом всегда существовала опасность, что новые выборы только усилят силы, считавшиеся априори оппозиционными правительству, т.е. прежде всего социал-демократов.

Отдельным пунктом были определены процедурные аспекты работы рейхстага: «Без согласия рейхстага отсрочка его заседания не должна превышать 30-дневного срока и не может быть повторена в ту же самую сессию. Рейхстаг ... выбирает своего президента, вице-президента и секретаря.

Рейхстаг решает абсолютным большинством голосов. Для законной силы его решения необходимо присутствие большинства законного числа членов. Члены рейхстага суть представители всего народа и не связаны никакими поручениями и инструкциями»²⁵⁴. Последнее положение стало одним из самых спорных, в нем больше, чем в чем-либо видна противоречивость буквы закона и реальной политической практики – одной из главных претензий Бисмарка и канцлеров после него была партийная ангажированность депутатов, их зависимость от электората, а, соответственно, и невозможность не только исполнять волю «всего народа», но и следовать интересам государства. Чаще всего, голосование той или иной фракции диктовалось не идеологическими мотивами, а компромиссом, который был достигнут/не достигнут между руководством фракции и канцлером по вопросу взаимных уступок и компромиссов. Отношения между фракциями и правительством в лице канцлера были одной из самых сложных проблем весь вильгельмовский период немецкой истории, а неуклонный рост значения и

²⁵³ Более подробно см.: Halder W. Innenpolitik im Kaiserreich 1871–1914. Darmstadt, 2003. S. 17-19; Nipperdey Th. Deutsche Geschichte 1866–1918. Bd. II. München, 1992. S. 104.

²⁵⁴ Собрание конституционных актов ... С. 34.

веса парламента в политической системе делали их фактически основной «горячей точкой» внутривполитического развития страны.

Конституция устанавливала депутатскую неприкосновенность: «Ни один член рейхстага никогда не может быть подвергнут законному или дисциплинарному преследованию за подачу голоса или за мнения, выраженные им при отправлении его обязанностей, и не может быть привлечен к ответственности вне собрания как-либо иначе. Без согласия рейхстага ни один член его не может в продолжение сессии быть привлечен к следствию или арестован за какое-либо наказуемое деяние, кроме того случая, если он будет схвачен при совершении этого деяния, или же в течение следующего дня. Такое же согласие рейхстага требуется при аресте за долги. По требованию рейхстага прекращается на время сессии всякое уголовное делопроизводство против какого-либо его члена и всякий следственный или гражданский арест»²⁵⁵.

Итак, собственно законотворческая деятельность рейхстага, особенности избирательного законодательства и т.д. в конституции прописаны не были. Все это регулировалось или должно было регулироваться внутренними парламентскими документами, а также специальными законами и подзаконными актами. Более того, представляется, что это было следствием вполне продуманного курса О. фон Бисмарка и других «заказчиков» конституции, направленного на обеспечение главенства Союзного совета, который играл роль верхней палаты парламента, то есть был призван превалировать над «нижней» – рейхстагом. Главенство бундесрата было еще одним механизмом обеспечения прусской гегемонии.

Рейхстагу, формируемому на самых демократичных из всех возможных в тот период принципах, противопоставлялся консервативный, сословный, тесно связанный со старыми княжескими элитами, восходящими к Священной Римской империи, бундесрат. Этот дуализм стройно и логично выглядел в

²⁵⁵ Там же.

основном на бумаге. На деле же постепенно произошло перемещение центра тяжести законодательной ветви власти в пользу рейхстага. Эта не просчитанная заранее трансформация, как нам представляется, стала важнейшим свидетельством эволюции системы, которая произошла, невзирая на заложенный в конституции дуализм, призванный обеспечить неизменность всей системы власти. Этот дуализм имел и еще один, очевидный аспект – не допустить «унитаризации» империи, постепенного снижения роли федеративного принципа, поддержания значения частей, иногда даже в ущерб целому. Это было не только признанием значения отдельных династий, но и стремлением Бисмарка «еще крепче привязать государства к империи путем усиления их влияния»²⁵⁶. Речь здесь, таким образом, идет о природе провозглашенной империи, не только форме этого государственного образования, но и самой его сути.

Глава IV конституции посвящена «президентству», т. е. прусскому королю, принимающему титул германского императора²⁵⁷, а также его взаимоотношениям с обоими органами законодательной власти – бундесратом и рейхстагом. По поводу термина «император» у Вильгельма I и Бисмарка возникла целая дискуссия, так как в Северогерманском союзе его главой был «президиум». О. Бисмарк вспоминал: «Принятие императорского титула королем при расширении Северогерманского союза было политической потребностью, ибо титул этот в воспоминаниях из времен, когда юридически он значил больше, а фактически меньше [т.е. в Священной Римской империи. – А.М.], нежели теперь, составлял элемент, вызывавший к единству и централизации; я был убежден, что скрепляющее давление на наши правовые

²⁵⁶ Huber E. R. Nationalstaat und Verfassungsstaat... S. 205.

²⁵⁷ Здесь хотелось бы объяснить использование мною терминов империя и император, применительно к германской истории после 1871 г. Очень часто в русскоязычной литературе используются германизмы – кайзер, рейх, бундесрат и т. п. В тех случаях, когда эти обозначения прочно вошли в русский язык, как было со словами рейхстаг или бундесрат, мы считаем их использование вполне правомочным. В тех же случаях, когда вместо перевода использовалась прямая транскрипция (кайзер, рейх) такая замена кажется нам совершенно не обоснованной. Для подтверждения этого тезиса можно привести примеры из других языков – французский король не называется в отечественной литературе «Руа», а королева Испании – «Рейна». Этому правилу я буду придерживаться на протяжении всей работы.

институты должно быть тем более длительным, чем сильнее прусский носитель этого давления избегал бы опасного, но присущего германскому прошлому стремления подчеркивать на глазах у других династий превосходство своей собственной. ...При одном из первых обсуждений он сказал: «На что мне более высокий ранг?» – на что я ему, между прочим, возразил: «Ведь Вы, Ваше величество, не хотите же вечно оставаться средним родом «Das Präsidium» [президиумом; здесь в смысле первенства]. В выражении «Präsidium» заложена абстракция, между тем в слове «император» – большая центробежная сила»²⁵⁸.

Следует заметить, что уйти полностью от «президентства» творцы конституции все-же не пожелали. Они оставили этот термин времен Северогерманского союза, но сразу же оговорили его принадлежность только одной династии: «Президентство [т.е. первенство, если верить приведенным выше словам Бисмарка. – *А.М.*] в союзе принадлежит королю прусскому, который носит титул германского императора. Император является представителем империи в международных отношениях; от имени империи объявляет войну и заключает мир, входит в союзы и в другие договоры с иностранными государствами, аккредитует и принимает послов. Для объявления войны от имени империи требуется согласие Союзного совета, кроме случая нападения на союзную территорию, или ее границы. Поскольку договоры с иностранными государствами касаются предметов, входящих по ст. 4 в компетенцию имперского законодательства, — для заключения их необходимо согласие Союзного совета и для законной силы их — одобрение рейхстага.

Император созывает, открывает, отсрочивает и закрывает Союзный совет и рейхстаг. Созыв Союзного совета и рейхстага совершается ежегодно, причем Союзный совет может быть созван для подготовительных работ и без рейхстага, но рейхстаг не может быть созван без Союзного совета. Созыв

²⁵⁸ Бисмарк О. Указ. соч. Т. 2. С. 107.

Союзного совета должен последовать, если этого требует одна треть всех его голосов. Председательство в Союзном совете и руководство его делами принадлежит имперскому канцлеру, который назначается императором. Каждый его член может заместить канцлера, если получит от него письменное на то уполномочие.

Предложения, которые должны быть переданы рейхстагу, по мере заключения союзного совета, вносятся туда от имени императора и поддерживаются там членами союзного совета или особыми комиссарами, назначенными от последнего.

Императору принадлежит выработка и публикация имперских законов и надзор за исполнением последних. Постановления и распоряжения императора издаются от имени империи и нуждаются для законной силы в контрассигновке имперского канцлера, который этим принимает на себя ответственность.

Император назначает должностных лиц империи, заставляет их присягать империи и дает в случае надобности распоряжение об их увольнении. Призванному к имперской должности чиновнику отдельного союзного государства принадлежат в отношении империи те же права, которые вытекают для него из его служебного положения в отечестве, если только до его вступления в имперскую должность имперское законодательство не постановило чего-либо другого.

Если государства, являющиеся членами союза, не выполняют согласных с конституцией союзных обязанностей, они могут быть принуждаемы к тому посредством экзекуции. Эта экзекуция определяется Союзным советом и приводится в исполнение императором»²⁵⁹.

Итак, глава о «президентстве» является, по сути, воплощением основы германского конституционализма – монархического принципа, при котором монарх является единственным носителем государственной власти и он, и

²⁵⁹ Собрание конституционных актов... С. 31-33.

только он обладает суверенитетом (в отличие от западноевропейских конституций того же периода, которые исходили из принципа народного суверенитета)²⁶⁰. Именно монархический принцип в его немецкой имперской форме остается главным в дискуссии об «особом пути» Германии в современность²⁶¹.

В центре современных исследований по данной проблематике находится не только вопрос соотнесения случая Германии, для которого Е. Хубер ввел специальный термин «немецкий конституционализм», и «нормального типа» конституционализма, но и попытка понять суть «монархического конституционализма» по М. Киршу²⁶². Нам хотелось бы обратить внимание несколько на другое – на распределение полномочий в системе власти, на то, кто же является ее центром, кто доминирует над другими. По конституции доминировать должен был император, парламент обладал скорее консультативными функциями при том, что надзорные функции, очевидно, принадлежали бундесрату. Доминирование императора, одной из прописанных в конституции функций которого было назначение «должностных лиц империи», из коих, впрочем, определено было только одно – имперский канцлер, было ограничено как раз функционалом «этого должностного лица», который несет ответственность перед императором, но при этом и скрепляет своей подписью «постановления и распоряжения императора, которые издаются от имени империи», т.е. обладает правом контрассигновки (знаменитая ст. 17²⁶³), которое, кстати, не было уникальным. Аналогичные статьи содержало большинство германских конституций XIX в.²⁶⁴ Эти положения конституции позволяют говорить о том, что император и канцлер составляют некий властный симбиоз, в котором обе части были

²⁶⁰ *Rauh M.* Föderalismus und Parlamentarismus im Wilhelminischen Reich. Droste Verlag. Düsseldorf, 1973. S. 37.

²⁶¹ *Biefang A.* Die andere Seite der Macht. Reichstag und Öffentlichkeit im «System Bismarck» 1871-1890. Droste Verlag. Düsseldorf, 2009. S. 19.

²⁶² *Kirsch M.* Monarch und Parlament im 19. Jahrhundert: Der monarchische Konstitutionalismus als europäischer Verfassungstyp - Frankreich im Vergleich. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 1999. S. 45.

²⁶³ Собрание конституционных актов... С. 32.

²⁶⁴ *Rauh M.* Op. cit. S. 38-39.

важны и зависели друг от друга, причем если монархический принцип априори делает ведущей силой именно императора, то политическая практика оставляла тут пространство для маневра и в разные периоды недолгой имперской истории Германии доминирующей силой оказывалась то одна, то другая сторона. Иных институтов исполнительной власти и принципов их функционирования в основном законе страны прописано не было. Определено было лишь одно – император и канцлер контролируют и напрямую руководят работой и законодательной (через Союзный совет, в меньшей степени через рейхстаг) и исполнительной (через «должностных лиц», т.е. статс-секретарей или напрямую) ветвями власти.

Третья составляющая функционирования любого современного государства – а именно, судебная власть, в конституции 1871 г. не упоминается вовсе, эти вопросы оставались в ведении отдельных союзных государств. Общеимперские кодексы вырабатывались постепенно, процесс был долгим, гражданский кодекс, например, был принят только в 1898 г. Принципы, на которых вырабатывалось общее законодательство, обсуждались каждый раз особо и чаще всего встречали активное сопротивление различных союзных государств, которые всегда воспринимали общеимперское законодательство как лишение их части принадлежащих им прав и прерогатив.

Прочие главы конституции посвящены вопросам, отнесенным к имперской юрисдикции, – таможене и торговле, железным дорогам, почте и телеграфу, флоту и мореплаванию, консульствам, – но не являющимся принципиально важными для нашего исследования, поэтому подробно на них мы останавливаться не будем.

Однако есть еще две сферы функционирования государства, которые будут иметь большое значение для его судьбы, а именно – «военное дело империи» и «финансы империи». Вопросам военной службы и организации военного дела в конституции посвящен ряд положений, из которых мы упомянем только самые важные:

«Каждый немец подлежит воинской повинности и не может заместить себя кем-либо другим для отправления этой обязанности. Расходы по общему военному делу империи равномерно падают на все государства, принадлежащие к союзу.... Каждый немец, способный носить оружие, принадлежит в течение 7 лет, по общему правилу, от 20 до 28 года от роду, к составу армии.

Три первых года он находится под знаменами, а четыре остальных в резерве. Следующие четыре года он принадлежит к местному ополчению (Landwehr). В отдельных государствах, где до сего времени закон требовал более длинного общего срока службы, чем 12 лет, уменьшение срока повинности может иметь место лишь в той мере, насколько это позволяет постоянная готовность армии. Эмиграция резервистов регулируется теми же постановлениями, что и эмиграция членов ополчения (Landwehr)»²⁶⁵.

Конституция устанавливала, что до 31 декабря 1871 г. германская армия в мирное время будет состоять из одного процента населения, по исчислению 1867 г. В дальнейшем состав армии в мирное время будет определяться имперским законодательством. Армия империи строилась на основе общего прусского военного законодательства, исключением был только военно-церковный устав. Ее обмундирование определялось цветами и покроем королевской прусской армии. Армия финансировалась за счет взносов отдельных государств союза в имперскую казну.

Чрезвычайно важным было положение, что «общая военная сила страны составляет единую армию, которая в военное и мирное время подчинена императору... Император имеет право и обязан заботиться о том, чтобы все части, составляющие германскую армию, были в полном комплекте и способны к походу, и чтобы было установлено и поддерживалось единство в организации, формировке, вооружении и командовании, в обучении солдат и в иерархии офицерских чинов.

²⁶⁵ Собрание конституционных актов... С. 41.

Император призывает под знамена, разделяет и распределяет части имперской армии, определяет организацию ополчения (Landwehr), и имеет право назначать гарнизоны в пределах союзной территории, а также постановлять о военной готовности каждой части имперской армии...

Все германские войска обязаны безусловно следовать приказаниям императора. Эта обязанность входит в военную присягу. Главнокомандующий одною частью, а также все офицеры, которые начальствуют над войсками нескольких частей, и все коменданты крепостей назначаются императором. Назначенные им офицеры дают ему военную присягу. Что касается назначения генералов и офицеров, исполняющих генеральские должности в отдельных частях, то оно зависит каждый раз от согласия императора. Император имеет право перемещать любых офицеров из всех частей армии с повышением, или без оно, назначая их на любые места службы, замещаемые по его повелению, как в прусской армии, так и в других частях.

Право возводить крепости в пределах союзной территории принадлежит императору, который ... разрешает употребление необходимых для того средств, если они являются необычными... Император может объявить каждую часть союзной территории на военном положении, если что-либо угрожает общественной безопасности».

Некоторые второстепенные права в военной области конституция признавала и за князьями и сенатами союзных государств. В их числе было назначение офицеров в своих войсковых частях, наделение их статусом шефов всех войсковых частей, принадлежащих к их территориям, право пользоваться соединенными с этим почестями, делать смотры во всякое время, получать, кроме постоянных рапортов и донесений о происходящих изменениях, также своевременные сообщения о повышениях и назначениях, касающихся их частей, для необходимого обнародования в стране. Более весомым было данное им право употреблять для полицейских целей не только их

собственные войска, но и все другие войсковые части имперской армии, которые стоят в их областях.²⁶⁶.

Внимательное знакомство с этим разделом конституции¹ позволяет сделать несколько предварительных выводов. Во-первых, его подробность, особенно в сравнении с невысокой «прописанностью» прерогатив исполнительной власти, говорит о том, что проблема армии воспринималась как чрезвычайно важная, требующая четкого определения всех составляющих (вплоть до нумерации полков и видов военной формы), что скорее было бы ожидаемо в военном уставе или ином специальном документе, но вовсе не в конституции страны.

Второе, армия изначально была общеимперским делом, возложение главнокомандования на императора было одной из наиважнейших из его прерогатив. Еще большее значение имел вопрос присяги – она приносилась также германскому императору, а не Германии как стране, что было еще одним подтверждением монархического принципа как основы государства и его конституции. Обращает на себя внимание также определение условий финансирования армии. Увеличение ее расходов, неминуемое в условиях формирования активной внешней политики, было постоянной «головной болью» имперских властей и способом давления на них и рейхстага и бундесрата, что подтверждало «дуализм» прав и обязанностей империи в целом и союзных государств по отношению к воинским контингентам.

И третье, в этом разделе наиболее отчетливо прослеживается особое место Пруссии и прусских порядков и установлений в объединенной Германии. По сути, конституция утвердила принципы построения и функционирования имперской армии именно по прусскому образцу, что для Бисмарка и императора было не менее важно, чем принадлежность императорского титула прусскому королю. Армия была основой прусского

²⁶⁶ Собрание конституционных актов... С. 41-43.

государства и должна была стать и в значительной степени стала основой Германии.

Особое значение в 1910-е годы приобретут постановления, связанные с правом использования вооруженных сил для урегулирования внутренних конфликтов, т.е. о наделении армии полицейскими функциями, что станет правовой коллизией во время Цабернского инцидента 1913 г. и будет иметь огромный общественно-политический внутренний и даже международный резонанс.

Последним важным для нас разделом Основного закона стала статья XII о финансах империи, также в будущем доставившая множество трудностей имперским властям. Она чрезвычайно кратка, особенно в сравнении с предыдущей – армейской. Конституция устанавливала гласность формирования бюджета империи, всех его доходных и расходных статей. Обязательными были его публикация и утверждение рейхстагом. Он формировался за счет общих доходов от налогов и пошлин, от железных дорог, почт, телеграфов и др. учреждений. Если расходы бюджета не покрывались этими доходами, то канцлер империи назначал подати с отдельных союзных государств, пропорциональные их населению. Имперский канцлер должен был ежегодно представлять союзному совету и рейхстагу отчет об употреблении всех доходов империи. В случаях исключительной надобности законодательным путем мог быть постановлен заем, а также принятие гарантии, обеспеченной государством²⁶⁷.

Финансовые принципы функционирования нового государства были определены очень приблизительно. Единственный, заслуживающий на данном этапе интереса пункт – чрезвычайные права, которыми в финансовых вопросах наделялся имперский канцлер, и очень расплывчатые формулировки о «доходах от налогов и пошлин, от железных дорог, почт, телеграфов и др. учреждений» – что давало огромный простор для различных толкований и

²⁶⁷ Там же. С. 44.

формировало почву для будущих конфликтов между империей и союзными государствами, а также необходимость финансовой реформы, которая сделала бы империю независимой в финансовых вопросах.

Итак, проведя подробный анализ конституции Германской империи, принятой в апреле 1871 г., мы можем говорить, что она создала в стране достаточно сложную систему, в которой сочетались 1) монархический принцип, в соответствии с которым император обладал всей полнотой власти и суверенитетом, 2) парламентский принцип с однопалатным рейхстагом, 3) максимально демократический, по меркам того времени, избирательный закон, допускавший к выборам практически все взрослое мужское население империи, 4) федеративный принцип с важнейшей ролью в политической системе бундесрата, имевшего надзорные функции и фактически выполнявшего роль верхней палаты парламента, что обеспечивало сохранение значения и роли отдельных государств и династий в управлении Германией и определении ее политического курса. Исполнительная власть в лице канцлера была независима от рейхстага, ее положение и функции подтверждали главенствующую роль монархического начала в политической системе. Еще одной особенностью, и это четко прослеживается в части глав и разделов, было закрепление «гегемонии Пруссии», вернее ее властной элиты (через соединение верховной и исполнительной властей, армию и бундесрат, в котором Пруссия превалировала).

Отсутствие в конституции таких обязательных для второй половины XIX в. элементов как каталог гражданских прав или принципы функционирования судебной ветви власти являются свидетельством особого понимания О. фон Бисмарком и обеспечивающими его заказ юристами федеративного характера Германской империи, так как эти составляющие оставались прерогативой отдельных «союзных государств» и воли их правителей, которая находила выражение, соответственно, в их конституциях и законодательстве.

Многое, что объявлялось общеимперским делом, например, принципы финансирования армии или формирования общегерманского бюджета, были прописаны весьма подробно, однако практика государственного управления показала в достаточно близком будущем, что созданный механизм недостаточен и требует доработки-корректировки, которые принципиально изменили систему.

Конституция полностью соответствовала «конфигурации» созданного в 1870 г. государства, но что это было за государство, какие задачи оно имело и как должно было развиваться его внутреннее устройство, по сию пору остается предметом исторической, а иногда и политической дискуссии.

§3 Политико-психологический портрет Вильгельма II

Фридрих Вильгельм Виктор Альберт Прусский или Вильгельм II Гогенцоллерн родился 27 января 1859 г. в Потсдаме. Он был сыном 27-летнего наследника германского и прусского престолов принца Фридриха Прусского и юной, 18-летней старшей дочери английской королевы Виктории, принцессы Виктории Аделаиды Мэри Луизы, принадлежавшей по матери к Ганноверской династии, а по отцу – к Саксен-Кобург-Готской²⁶⁸.

Его отец, Фридрих III познакомился с будущей женой в 1851 г., когда ему было 20 лет, а Виктории – 11, через пять лет они обручились в Шотландии и поженились в Лондоне 25 января 1858 г. Это был первый случай в истории, когда немецкий кронпринц сочетался браком за границей. На этом настоял английский двор, к тому же в тот момент он еще не был объявлен наследником престола, королем оставался его дядя Фридрих-Вильгельм IV, а отец Фридриха стал регентом при заболевшем брате только в октябре 1858 г. Брак без всякого сомнения был заключен по любви, у пары родилось семеро детей. Принцесса Виктория (Викки) имела большое влияние на мужа, а ее «английское» недоверие к Бисмарку и его политике оказало воздействие на кронпринца. По некоторым свидетельствам, «по отношению к мужу у Викки развилось чувство собственности в самых крайних формах, а эрцгерцог Баденский даже считал, что Фриц превратился в «почти бессловесное орудие своей супруги»²⁶⁹. Карьера и образ жизни Фридриха Вильгельма (а именно так его называли при рождении) были типичными для самого уважаемого в Пруссии социального слоя – армейского. Он лично участвовал в Датской войне 1864 г., при Кёнингтретце формально был командующим армией, при том, что реальное руководство вооруженными силами осуществлял глава армейского штаба генерал Л. фон Блюменталь. В отличие от своего отца, короля Вильгельма I, который и после победы над Францией и

²⁶⁸ Все биографические сведения взяты из книги: *Höfer M. Die Kaiser und Könige der Deutschen*. 6. Aufl. München, 2003. S. 307-314.

²⁶⁹ *Макдоно Дж. Последний кайзер: Вильгельм Неистовый*. Пер. с англ. А. Филитова. М.: АСТ, Люкс, 2004. URL. <https://litmir.club/br/?b=157506&p=8> (дата обращения 16.01.2023).

провозглашения Германской империи превыше всего ценил свой титул прусского короля, для Фридриха новое императорское достоинство значило очень много, он видел в нем новый этап в истории не только страны, но и своего рода, окончательно возвысившегося над другими немецкими династиями, даже более древними, чем Гогенцоллерны, например, Габсбурги или Виттельсбахи.

В момент провозглашения империи Фридриху был 41 год, он был полон сил, обладал достаточным жизненным и политическим опытом, чтобы возглавить страну. Его общественно-политические взгляды были ближе к либерализму жены и, главное, тестя – английского принца-консорта Альберта, чем к консерватизму отца, но впереди были долгие годы ожидания престола.

В 1887 г. у него была диагностирована опухоль гортани, однако ее злокачественный характер долгое время не подтверждался. Позиция кронпринцессы Виктории, запретившей немедленную операцию и поверившей британскому доктору М. Маккензи до сих пор является предметом споров историков – то ли она не хотела верить в худшее, а Маккензи, в отличие от ряда немецких докторов утверждал, что болезнь кронпринца не смертельна, то ли не хотела продлевать страдания мужа, доподлинно не известно. Когда же разрешение на операцию все-таки было получено и решение о ней принято, она прошла в совершенно неподходящих для этого условиях в отеле в Сан-Ремо, начался сепсис. Фридрих до конца жизни страдал от болей, бессонницы и фактически не мог говорить, общаясь письменно²⁷⁰. Через несколько недель после операции, 9 марта 1888 г. скончался, на пороге своего 91 дня рождения, император Вильгельм I. Фридрих вернулся в Берлин и принял на себя обязанности императора. Двор, увидев после долгого отсутствия в каком состоянии находится новый монарх, понял, что это царствование не продлится долго. Он не смог даже присутствовать на похоронах отца, его место за гробом занимал новый

²⁷⁰ Röhl J.C.G. Wilhelm II. Bd. 1. S. 650-657.

кронпринц – его старший сын Вильгельм. Определенная часть общества питала после восшествия на престол Фридриха либеральные надежды. Их отражением стала статья, опубликованная 31 марта 1888 г. Л. Бамбергером, одним из лидеров Национал-либеральной партии и человеком, близким к императорской чете, в газете «Нация» об отношениях императорской власти и парламента. Бамбергер писал о нерушимом единстве императорского и парламентского начал в стране, о том, что «лучшие либералы одновременно являются и лучшими сторонниками императора»²⁷¹, возлагал надежды на либерализацию системы при новом императоре, однако этим надеждам сбыться было не суждено.

Приняв имя Фридриха III, а не Первого, как если бы с момента образования Германской империи началась новая нумерация правителей, и не Четвертого, что свидетельствовало бы о продолжении традиции Священной Римской империи, против чего возможен был бы протест других германских дворов²⁷², в том числе и Венского, а именно Третьего, Фридрих подчеркнул прусскую традицию, что сблизило его с позицией отца по этому поводу.

Царствование Фридриха продлилось, как известно, только 99 дней. За это время он успел принять приехавшую с визитом в Германию королеву Викторию и выдать замуж дочь. С середины апреля император фактически не вставал с постели, страдая от боли, не мог есть. Скончался он 15 июня 1888 г. На трон вошел его сын Вильгельм.

Все авторы, писавшие о Вильгельме, выделяют несколько этапов, поворотных пунктов в его биографии, ставших важными вехами и в истории его правления. Первым таким этапом стали собственно обстоятельства его появления на свет и ранние детские и юношеские годы. Чрезвычайно красочным описанием момента рождения будущего императора начинается известная книга Э. Людвиг: «Дуновение ужаса пронеслось по комнате

²⁷¹ Цит. по: Das Deutsche Kaiserreich 1871-1914. Ein historisches Lesebuch. Hrsg. von G.A. Ritter. Göttingen, 1992. S. 255.

²⁷² Röhl J.C.G. Wilhelm II. Bd. 1. S. 789.

родильницы, женщины в страхе столпились вокруг новорожденного. Угасла радость, охватившая было весь дворец кронпринца, радость, что родился мальчик, и таким образом престолонаследие обеспечено в третьем поколении. В тяжелом обмороке лежала ... 18-летняя мать, ребенок же казался мертвым»²⁷³. Примерно в том же ключе, хоть и значительно менее театрально-драматично, начинает свою работу и Дж. Рёль, назвав первые параграфы своего трехтомника так, будто это медицинский справочник: «Родовая травма», «Приговор посвященных современников», «Медицинский комментарий сегодняшнего дня» и «Травма головного мозга». Последний параграф содержит, впрочем, знак вопроса.

Исследователи достаточно подробно описывают обстоятельства его рождения, так как они практически сразу же были изложены в письмах присутствующих врачей к матери роженицы – королеве Виктории²⁷⁴. Поскольку роды длились очень долго, после того как отошли воды прошло не менее 10 часов, ребенок находился в ягодичном предлежании и скорее всего имело место достаточно длительное обвитие пуповиной, то его шансы выжить были крайне невысоки. После того как он все-таки появился на свет, врач Э. Мартин первым делом занялся приведением в чувство матери, которая, несмотря на то что был применен хлороформ в качестве наркоза, от боли находилась без сознания. Когда же врачи привели ее в чувство, все заметили, что ребенок не дышит, прозвучали слова об асфиксии. После опять-таки длительных реанимационных мероприятий стало понятно, что ребенок, будущий наследник престола, жить будет. Дж. Рёль, опираясь на свидетельства отца ребенка, принца Фридриха, утверждает, что только благодаря усилиям доктора Э. Мартина принц был спасен²⁷⁵. Королева Виктория пожаловала профессору за благополучное появление на свет ее первого внука «драгоценное кольцо», от прусского двора он получил орден²⁷⁶.

²⁷³ Людвиг Э. Последний Гогенцоллерн (Вильгельм II). М.: Московский рабочий, 1991. С. 14.

²⁷⁴ Röhl J.C.G. Wilhelm II. Bd. 1. S. 29.

²⁷⁵ Ibid. S. 30.

²⁷⁶ Ibidem.

Дж. Рёль посвятил многие страницы медицинским тонкостям и опасностям произошедших 27 января 1859 г. во дворце в Потсдаме родов. Выводы из его исследования можно сделать следующие – даже в современных больничных условиях сложившаяся ситуация была бы угрожающей для жизни и здоровья матери (из-за возможной инфекции и кровопотери) и ребенка (асфиксия, пережатые долгое время сухожилия и т.д.), поэтому врачи оказались на высоте и сделали все, что могли.

Только через некоторое время стало понятно, что вся левая сторона тела ребенка пострадала во время родов, самые большие повреждения коснулись связок плечевого сустава, впоследствии «левую руку подвергли электризации, вызывавшей жестокие боли, но от мысли укрепить парализованную руку пришлось отказаться. Тогда мальчика заставили научиться хотя бы внешне создавать иллюзию движения ею. Он выучился ловко засовывать левую руку за пояс или в карман, переключивать в нее из здоровой руки поводья, проделывать разные манипуляции без помощи слуги²⁷⁷. Э. Людвиг приводит слова воспитателя будущего императора Г.Э. Хинцпетера²⁷⁸: «Неизлечимая слабость левой руки создавала своеобразное препятствие на пути его физического и духовного развития. Искусство и старание воспитателей оказались бы бессильными справиться с этим препятствием, если бы ребенок сам не проявил необычайной энергии и силы воли. Было необходимо преодолеть чувство физической беспомощности и связанной с ней нерешительности»²⁷⁹. О физических недостатках Вильгельма II, его левой руке, которая во взрослом состоянии была на 15 см короче правой, пишут все, кто так или иначе касался его жизни и судьбы²⁸⁰. Дж. Макдоно утверждает

²⁷⁷ Людвиг Э. Указ. соч. С. 15.

²⁷⁸ Сложность вопроса от транскрипции немецких фамилий заставляет меня сделать эту оговорку. В тех случаях, когда фамилия прочно вошла в русский язык, я буду оставлять старое написание, во всех остальных – следовать современным нормам. В переводе книги Э. Людвига 1991 г. фамилия Hinzpeter была переведена как Гинцпетер, однако я предлагаю более современное написание – Хинцпетер.

²⁷⁹ Э. Людвиг. Указ. соч. С. 15.

²⁸⁰ Lamar C. Wilhelm II: Prince and Emperor, 1859-1900. The University of North Carolina Press, 1989. S.6; Clark Ch. M. Kaiser Wilhelm II. Harlow, England; New York : Longman, 2000. S. 21; Побываев Н. Вильгельм II и Россия // Историк. 2021. URL. <https://историк.рф/posts/2021/04/02/vilgelm-ii-i-rossiya.html> (дата обращения 20.11.2023) и др.

даже, что современный диагноз гласил бы: «явления церебрального паралича в легкой форме»²⁸¹.

Однако разные историки делают совершенно различные выводы, полная дееспособность и даже психическое здоровье императора до сих пор остаются предметом дискуссии, при этом все сходятся на двойственности и амбивалентности его фигуры и деятельности²⁸².

Уже упоминавшийся выше Г. Э. Хинцпетер (1827-1907), названный в 1965 г. журналом «Шпигель» «жестким кальвинистским школьным учителем»²⁸³, стал воспитателем будущего императора, когда тому было 7 лет. За ним закрепилась характеристика «никогда не улыбающегося сухаря»²⁸⁴. Воспитателю пришлось нелегко с воспитанником: «уже с малых лет в этом необычайно красивом, несколько женоподобном мальчике поражало то сопротивление, которое он оказывал всякому давлению, всякой попытке воздействовать на его внутренний мир. Было почти невозможно направить его духовное «я» по определенному руслу. Только величайшая строгость была способна сломить его упрямство»²⁸⁵.

Его тренировали на то, чтобы он мог производить внешний эффект – чтобы рука казалась здоровой, для чего он привык на всех публичных мероприятиях, портретах, а позднее фотографиях и кадрах кинохроники располагать ее так, чтобы физического увечья видно не было; чтобы он выглядел как заправский наездник, при том, что верховая езда доставляла ему физические страдания, и так далее и тому подобное. Все это наложило отпечаток на его жизнь и характер, но вряд ли кто-то из монархов во все времена мог позволить себе быть естественным, быть самим собой. Очень трудно, не зная человека лично и не будучи психоаналитиком или психологом,

²⁸¹ Макдоно Дж. Указ. соч. URL. <https://litmir.club/br/?b=157506&p=8> (дата обращения 16.01.2023).

²⁸² См. например, *König W. Wilhelm II. und die Moderne. Der Kaiser und die technisch-industrielle Welt*, Paderborn 2007. S. 11.

²⁸³ *Güntter Th. Warum Kaiser Wilhelm II. am 2. Januar 1908 bei Eiseskälte nach Bielefeld reiste // Neue Westfälische*. 02.01.2017. URL. https://www.nw.de/lokal/bielefeld/mitte/21531077_Warum-Kaiser-Wilhelm-II.-am-2.-Januar-1908-bei-Eiseskaelte-nach-Bielefeld-reiste.html (дата обращения 21.11.2023).

²⁸⁴ *Röhl J.C.G. Wilhelm II. Bd. 1. S. 160.*

²⁸⁵ *Людвиг Э. Указ. соч. С. 16.*

говорить о том, насколько постоянное требование – «казаться, а не быть» сломало или исказило его психику.

Наверное, оно наложило определенный отпечаток, однако более важным представляется то, что ребенок-инвалид, или, говоря современным языком, человек с ограниченными возможностями должен был постоянно доказывать свою способность быть не просто «обычным», но быть самым сильным, смелым и т.д. Соответствовать своим великим предкам, а «он рано привык смотреть на историю своей страны как на историю своего рода»²⁸⁶, не посрамить чести, причем чести прежде всего военной. Все это ставило перед будущим императором сложные, подчас и просто невыполнимые задачи.

Наиболее полно на физическом, а главное на психическом состоянии императора остановился самый «подробный» исследователь его биографии – Дж. Рёль. Приводя результаты нескольких специальных современных исследований, в том числе диссертации по медицине «Император Вильгельм II. Были ли у него повреждения мозга?», он утверждает, что то негативное воздействие на мозг, которое вследствие гипоксии имело место в процессе родов, не должно было оказать заметного влияния ни на физическое, ни тем более психическое состояние, однако и полностью отрицать «невротизацию» «Вильгельма внезапного» («Wilhelm des Plötzlichen») было бы совершенно неправильно, это значило бы отрицать очевидное²⁸⁷.

При этом Рёль связывает эту «невротичность» скорее с воспитанием будущего императора и отношениями с родителями, прежде всего с матерью, чем органическими поражениями. Самый известный психиатр XX в. З. Фрейд, говоря в своих «Лекциях о психоанализе» о чувстве неполноценности и его преодолении, приводит пример последнего германского императора: «Обычно матери, которым судьба дала больного или неполноценного ребенка, пытаются восполнить эту несправедливость чрезмерной любовью. В нашем случае гордая мать повела себя по-другому, она отказала ребенку в любви из-

²⁸⁶ Там же. С. 17.

²⁸⁷ Röhl G.C.G. Wilhelm II. Bd. 1. S.36.

за его недостатка. Когда он стал могущественным человеком, то всеми своими действиями доказал, что так никогда и не простил свою мать»²⁸⁸. Отношения с матерью действительно были непростыми, еще более сложные чувства он испытывал к бабке – королеве Виктории и всему лондонскому двору, этот комплекс «любовь – ненависть», неполноценность и желание доказать свою значимость прошли через всю жизнь Вильгельма, вначале – наследного принца, а затем – императора. Справедливости ради стоит заметить, что и других своих детей Викки не любила – «вторую дочь, Викторию, Викки именовала не иначе как «дурой» и «идиоткой», сына Генриха – «уродом» и «лентяем», только младших сыновей Сигизмунда и Вальдемара она любила безусловно»²⁸⁹, но они, по злой прихоти судьбы, умерли в раннем возрасте.

По прусской традиции Вильгельм формально поступил на военную службу и ему было присвоено звание лейтенанта по достижении 10-летнего возраста в 1869 г. Приписан он был к 1-му гвардейскому пехотному полку. В 1874 г. Вильгельм был отдан в обычную, хоть и несомненно, хорошую гимназию им. Фридриха в Касселе. Это «социальный эксперимент» был вполне в духе «английского» влияния и либеральных взглядов отца мальчика, сформированного, как мы писали выше, под влиянием жены. Подробно изучая конфликт Вильгельма с родителями и противоборство «немецкого» и «английского» в его воспитании и впоследствии в характере, Дж. Рёль, пишет, что для Вильгельма речь шла о «борьбе монархического и демократического, о борьбе за душу Германской империи»²⁹⁰. Собственно, такой «демократический» вариант среднего образования не изменил «прусского» представления Вильгельма о месте и роли монарха и монархии в государственной системе. Лучше, органичнее всего он чувствовал себя в армейской среде, как писал Э. Людвиг, «среди своих товарищей»²⁹¹.

²⁸⁸ Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М., "Наука", 1989. С. 248. URL. https://akravchenko.ru/uploads/Publikacii/Freyd_Z_Vvedenie_v_psihoanaliz_Lekcii.pdf (дата обращения 18.04.2022).

²⁸⁹ Макдоно Дж. Указ соч. URL. <https://litmir.club/br/?b=157506&p=10> (дата обращения 16.01.2024).

²⁹⁰ Röhl J.C.G. Wilhelm II. Bd. 1. S. 517.

²⁹¹ Людвиг Э. Указ. соч. С. 32.

Среди ближайших советников и доверенных лиц будущего монарха с середины 1880-х гг. оказался, приложив для этого максимум усилий, генерал Альфред фон Вальдерзее. Нет смысла подробно повторять все перипетии их взаимоотношений до 1888-1890-го гг., самым тщательным образом описанные в работе Дж. Рёля, позволим себе привести только характеристику, данную генералу другим биографом императора: «Из всех генералов предшествовавшего поколения, участвовавших в трех победоносных войнах, граф Вальдерзее, пожалуй, единственный, лишенный лучших качеств Мольтке, Роона и Блументаля – прямоты, замкнутости и строгости. Взамен их ему свойственны интриги, политиканство и честолюбие, удовлетворить которое он стремится любыми путями, в том числе и хитростью». И далее: «Все мысли Вальдерзее были направлены на то, чтобы подорвать доверие принца Вильгельма к Бисмарку, к его государственной способности»²⁹². Еще более тонко действовал Вальдерзее, стараясь осложнить и без того непростые отношения Вильгельма с родителями²⁹³. Он всячески будировал идею, возникшую в 1885-1886 гг., в то время, когда ни о какой онкологии речи еще не было, что право наследования престола через голову Фридриха может сразу перейти к его сыну. Главным же аргументом была непопулярность «английской» кронпринцессы и невозможность ее восшествия на престол Германской империи, мысль, которую кроме Вальдерзее отстаивал также тайный советник Ф. фон Гольштейн, этот многолетний «серый кардинал» немецкой внешней политики. Следует заметить, что декларируемый «либерализм» кронпринца Фридриха полностью противоречил внутривластной системе, существующей в империи, и ее конституции, следовательно, никакая либерализация на практике без изменения основного закона реализуема не была. Однако декларации о необходимости некой «либерализации» настраивали властные элиты против наследника и его жены, а в сочетании с его слабым, мягким характером вели к их фактической

²⁹² Там же.

²⁹³ Подробнее см. *Röhl J.C.G. Wilhelm II. Bd. 1. S. 557-561.*

изоляции и осложнению отношений с канцлером Бисмарком, который все политические нити старался держать в своих руках, но при этом почему-то очень запоздало отреагировал на теснейшую дружбу генерала Вальдерзее с принцем Вильгельмом. Надо заметить, что ввиду сложных отношений с родителями, Вильгельм искал и нашел в Вальдерзее фактического отца, конфидента, заместителя другого близкого человека – воспитателя Хинцпетера, редко бывавшего при дворе. Иметь такого близкого человека для Вильгельма было всегда очень важно и здесь мы вступаем на поле, связанное с психологией императора, что является предметом специальных исследований.

Дж. Рёлю еще в его ранней работе²⁹⁴ удалось выделить основные черты личности Вильгельма, имеющие важное значение не только для понимания его деятельности как суверена, но и для всей политики в целом.

Итак, Рёль выделяет и доказывает несколько суждений, являющихся основными для понимания сути личности императора, на которых следует особо остановиться.

1. *Император так никогда и не повзрослел.* Даже к концу его почти тридцатилетнего правления о нем по-прежнему говорили как о «юном монархе». Ф. Эйленбург, ближайший и самый доверенный друг императора 21 июля 1899 г. писал о суверене тогдашнему статс-секретарю ведомства иностранных дел и близкому к нему человеку Б. фон Бюлову, что хотя «внешне он стал значительно спокойнее, душевно он претерпел только самые небольшие изменения. Он остается неизменным в своем взрывоопасном виде. Его индивидуальность сильнее, чем воздействие опыта»²⁹⁵. Неизменность под воздействием получаемого жизненного опыта можно трактовать двояко – как жесткую уверенность в себе, не поддающуюся воздействию обстоятельств, то есть как проявление силы уверенного в себе человека, а можно – как глупость, неспособность меняться, даже когда уже полученный жизненный опыт

²⁹⁴ Röhl J. C. G.: Kaiser, Hof und Staat. Wilhelm II. und die deutsche Politik. München, 1995. S. 19-32.

²⁹⁵ Philipp Eulenburgs politische Korrespondenz. Bd. 3. №1399.

требует этого. По свидетельствам, почерпнутым Рёлем из писем, предоставленных автору владельцами частных коллекций, император не изменился до конца жизни. Историк приводит слова З. фон Ильземанна, адъютанта бывшего императора, который оставался с ним в Доорне в 1930-е гг. «Я прочитал сейчас второй том воспоминаний Бюлова, и снова могу констатировать, как мало император изменился с тех пор. Почти все, что ему тогда было присуще, остается с ним и сейчас, с той только разницей, что его действия тогда имели большое значение и последствия, в то время как сейчас они не могут принести большого несчастья. Бюлов превозносит также и многие хорошие черты этого неординарного, уникального человека, такой сложной натуры императора»²⁹⁶.

2. *Пресловутое самомнение, тотальная переоценка собственных способностей*, которую современники называли «сумасшествием Цезаря» и которая мешала восприятию любой, даже самой конструктивной критики. Вот как об этом отзывался российский посол П.А. Шувалов в своей депеше министру иностранных дел Н.К. Гирсу в феврале 1891 г.: «Германский император на обеде, данном в его честь представителями бранденбургского окружного сейма, изложил свой образ мыслей по различным вопросам. ... содержание речи ... поражает своею неопределенностью, известной долей самоуверенности»²⁹⁷. В мае того же 1891 г. император заявил в Дюссельдорфе, что «только один является господином в империи - и это я, и я не потерплю никого другого»²⁹⁸. В том же ключе император высказывался неоднократно, что, в том числе, дало повод назвать существовавшую при нем систему управления «личным режимом». Дж. Рёль приводит несколько чрезвычайно показательных цитат, которые доказывают эту его любимую идею. Посылая, вопреки настоятельному совету имперского канцлера Т. фон Бетман-Гольвега, послом в Лондон в 1912 г. князя К.М. Лихновского, император заявил: «Я

²⁹⁶ Цит. по: *Röhl J.C.G. Kaiser, Hof und Staat. S. 19-20.*

²⁹⁷ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1891 г. Д. 16. Л. 115.

²⁹⁸ Цит. по: *Obst M.A. Die politischen Reden Kaiser Wilhelms II. Eine Auswahl. Paderborn u.a., 2011. S. 77.*

посылаю в Лондон только одного посла, который имеет МОЕ доверие, выполняет МОЮ волю и МОИ приказы»²⁹⁹. Он же цитирует анекдот, имевший хождение в Вене, что «император на каждой охоте хочет быть оленем, на каждой свадьбе – невестой, а на каждых похоронах – усопшим»³⁰⁰. В том же ключе отзывались о нем и другие наблюдатели. Так, графиня Эппингофен, бывшая фрейлиной его жены, императрицы Августы Виктории (Доны), всячески подчеркивая самодурство Вильгельма, пишет, что его лозунгом был девиз: «Я один и все для меня!»³⁰¹. Такое отношение к себе было связано, без всякого сомнения, с уверенностью в божественном происхождении его власти: «сила Гогенцоллернов дается им от Бога, их земные полномочия идут от всевышнего»³⁰², делает вывод Ж. Аррен, основываясь на публичных высказываниях самого монарха. Связано это было не только с традицией, но и с тем, что ни по конституции империи, ни по конституции Пруссии, как мы отмечали выше, суверенитет не принадлежал народу. Королевская власть шла от бога, а не от народа, поэтому и понимание Вильгельмом и своей власти, и своей миссии вполне соответствовало не только духу, но и букве конституции. Многие исследователи, описывая характеры Вильгельма и его матери, приходят к выводу об их схожести – «она любила короткие рубленые фразы типа «политику могут делать те, кто повидал мир», она часто себе противоречила. Известны слова ее брата Берти — будущего короля Англии: “Когда Викки в Германии, она хвалит все английское, когда она у нас, то для нее нет места лучше, чем Берлин”»³⁰³.

3. *Император имеет один совершенно необычный талант – он видит мир не таким, какой он есть, а таким, каким он хотел бы, чтобы он был.* Все тот же Ф. Эйленбург так описывает это свойство монарха: «Его

²⁹⁹ Цит. по: Röhl J.C.G. Kaiser, Hof und Staat. S. 20.

³⁰⁰ Ibid. S. 21.

³⁰¹ Фишер Г.В.Г. 9 лет при дворе Вильгельма II Из мемуаров графини Эппингховен. Извлеч. Н.А. Темировой. Пг., 1915. С. 13.

³⁰² Аррен Ж. Вильгельм II. Что он говорит, что он думает. Предисловие П. Адам. Пер. с франц. М.М. Тверского. М., 1914. С. 10.

³⁰³ Макдоно Дж. Указ. соч. URL. <https://litmir.club/br/?b=157506&p=14> (дата обращения 16.01.2024).

Величество все вещи и всех людей рассматривает и оценивает со своей собственной точки зрения. Объективность полностью потеряна, торжествует субъективность»³⁰⁴. Современники отмечали также, что он способен говорить самые фантастические вещи и сам же верит в них. Так, например, он на полном серьезе утверждал, что «французы и англичане – не белые, а негры, а Иисус из Назарета – не семит и ни в коем случае не еврей»³⁰⁵.

Именно такие заявления императора и заставляли усомниться в его адекватности и психическом здоровье. Нам же представляется, что он, при всей психопатической составляющей его личности, сумасшедшим, конечно же, не был. Был он человеком чрезвычайно увлекающимся, мог, особенно в публичных речах, при произнесении которых почти всегда отходил от заранее согласованного, например, с имперским канцлером текста, что часто приводило к осложнениям, а однажды – к настоящей катастрофе, «завести» себя таким образом, что начинал выдавать желаемое за действительное. Феномен Вильгельма не уникален, но все же очень показателен.

4. *Император приходил в неистовство, если сталкивался с кем-то, кто противился его воле. Он был полон мстительности в любом случае, который считал «предательством», причем любое предательство было для него глубоко личным оскорблением. Заявляя о тех карах, которые ждут «предателя», он никогда не выбирал выражений. В известной «Гуннской речи», обращенной к германским солдатам, отправлявшимся в составе международного контингента в Китай для подавления боксерского восстания, император, возмущенный и призывающий к отмщению за убийство в Пекине германского посланника барона К. фон Кетелера, напутствовал своих солдат следующими словами: «Пощады не давать! Пленных не брать! Обречён тот, кто попадёт вам в руки! Как тысячу лет назад гунны прославились под руководством короля Аттилы, который и сейчас предстаёт исполином в*

³⁰⁴ Письмо Ф. Эйленбурга Б. Бюлову от 26.07.1903 г. // Philipp Eulenburgs politische Korrespondenz. Bd. 3. №1408.

³⁰⁵ Цит. по: Röhl J.C.G. Kaiser, Hof und Staat. S.21.

преданиях и сказках, так и имя „немцы“ на тысячу лет утвердится в Китае так, что ни один китаец никогда не отважится косо взглянуть на немца!»³⁰⁶. Не касаясь в данном случае культурно-исторических стереотипов эпохи, проблем колониализма и ориентализма, идей продвижения европейской культуры и т.д., можно уверенно констатировать, что убийство германского посланника в Пекине было воспринято германским императором как выступление лично против него, как персональное оскорбление и именно это чувство вызвало столь неоднозначную, особенно с современной точки зрения, реакцию.

Во внутренней политике он оперировал аналогичными понятиями. В 1903 г., рассуждая о том, как предотвратить будущую революцию, он говорил, что всех социал-демократов надо расстрелять, но только после того, как они лишат собственности «евреев и богачей» потому, что он должен «отомстить за '48 – отомстить!!!»³⁰⁷.

Дж. Рёль пишет о планах столь же кровавой расправы по отношению практически ко всем, кого он подозревал в «измене», включая членов собственной семьи, называя родную мать и сестер – «английской колонией», а бабушку – английскую королеву – императрицей Индостана³⁰⁸. Интересны в этой связи сведения, почерпнутые нашим дипломатическим представителем в Берлине из местной печати, датируемые 1903 г. Несмотря на то, что посол Н.Д. Остен-Сакен пишет только о «слухах», тот факт, что он посчитал нужным донести их в Петербург, говорит о полном к ним доверии: «Одна из газет поспешила оповестить своих читателей, со слов своего корреспондента в Киле, будто бы император, говоря о последних выборах, выразил сожаление, что не имеет возможности расстрелять все 3 млн избирателей, подавших голоса за социалистических депутатов»³⁰⁹.

³⁰⁶ Цит. по: Баранов Н.Н. «Гуннская речь» кайзера Вильгельма II в интеллектуальном контексте эпохи // *Imagines Mundi*. Альманах исследований всеобщей истории XVI – XX вв. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 3. Екатеринбург, 2008. С. 264-266.

³⁰⁷ Письмо Ф. Эйленбурга Б. Бюлову от 9.08.1903 г. // *Philipp Eulenburgs politische Korrespondenz*. Bd. 3. №. 2098.

³⁰⁸ *Ibid.* Bd. 1. №. 153.

³⁰⁹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1903 г. Д. 14. Л. 151.

5. Все близкие к императору люди отмечают его ни с чем не сравнимый «юмор», имеющий несомненный садистский оттенок, а также небывалую страсть к шуткам и розыгрышам «на грани фола». Самым вопиющим примером такой «шутки» стала смерть главы Морского кабинета графа Г. Д. фон Хюльсен-Хээлера, наступившая от инфаркта во время его «выступления» в качестве «балерины» в императорском поместье Донаушинген 14 ноября 1908 г. Поскольку эта смерть совпала по времени со скандалом «Гарден-Эйленбург», о котором речь подробно пойдет ниже, и имела явный гомосексуальный оттенок, она стоила императору серьезного нервного срыва, но не отвратила его от подобных увеселений в будущем.

В этой связи хотелось бы только отметить, что у Вильгельма имелась еще одна слабость, опять-таки тесно связанная с любовью к внешним эффектам, страсть к форме, особенно военной, которая осталась до конца жизни. В фильме П. Шамони «Majestät brauchen Sonne»³¹⁰, основанном на документальных съемках императора, очень подробно описывается эта его страсть. На своих многочисленных парадных портретах Вильгельм предстает в самых разных военных костюмах, любимейшей, впрочем, оставалась синяя адмиральская форма, что было внешним выражением его страсти к морю и военному флоту. В эмиграцию в Нидерланды он привез с собой сотни костюмов, часть из которых больше всего подошла бы для различных исторических реконструкций – из времен великих прусских военных побед – от Великого курфюрста Фридриха Вильгельма до Фридриха II Великого. Самыми остроумными в этой связи можно считать создателей специфической игры, придуманной к 25-летию юбилею правления Вильгельма II, который пришелся на 1913 г. и стал последним большим празднеством Германской империи. Бумажные фигурки императора и императрицы сопровождались большим количеством изображенных на

³¹⁰ URL. <https://vimeo.com/features/video-player?vcid=37546> (дата обращения 22.11.2023).

бумаге костюмов, головных уборов и других аксессуаров, предполагалось вырезать их и переодевать императорскую чету по своему желанию.

Корни этой страсти лежали, конечно же, в том поклонении, которое Вильгельм с самых ранних лет питал к прусской армии, в которой он видел не только главную опору трона, принесшую Пруссии ее славу, но и залог, гарант всех своих будущих побед. Отношение к солдатам и офицерам несло на себе самую отчетливую печать архаичного, патерналистского подхода. Ж. Аррен, опираясь на слова самого императора, пишет, что «точка, опираясь на которую император готовится перевернуть всю Германию, а может быть и весь мир – это армия»³¹¹. 15 июня 1898 г., во время празднования 10-летней годовщины своего правления, Вильгельм обратился к гвардейским полкам с речью, в которой заявил: «В тяжелых заботах и условиях я принял корону, всюду во мне сомневались, всюду обо мне судили дурно; в одном только месте в меня верили и имели ко мне доверие: и это было в армии. Опираясь на нее, вверяясь нашему старому Богу я взял на себя бремя правления, зная твердо, что в армии – главная сила моей страны, главный оплот прусского трона, на который я призван волей Божьей»³¹². В его отношении к армии, к солдатам было нечто архаическое, восходящее уже не к феодальным, а прямо-таки к отношениям, характерным для древнегерманских племен: «Как я, в качестве монарха и государя, отдаю свою жизнь и свои силы отечеству, так и вы обязаны отдать за меня свою жизнь»³¹³, - заявил император на церемонии присяги флотских рекрутов 5 марта 1895 г.

Отношения с войсками, почти сакральная связь между императором и его солдатами как нельзя лучше характеризовали его представления о происхождении и границах его власти, его исторические идеалы и цели его правления, и его собственную личность в не меньшей степени.

³¹¹ Аррен Ж. Указ. соч. С. 71.

³¹² Цит. по: Аррен Ж. Указ. соч. С. 73.

³¹³ Там же. С. 75.

Представления об особенностях личности монарха дополняют уже цитировавшиеся выше воспоминания Б. фон Бюлова. Несмотря на то, что мемуары, написанные после 1919 г., преследовали вполне определенную главную цель – обелить их автора, освободить его от личной ответственности за развязывание Первой мировой войны. Сделать это можно было только переложив ее на кого-то другого – таким другим стали германский МИД, канцлер Т. Бетман-Гольвег и император Вильгельм II. Имея в виду эти цели и задачи, все-же мы скорее склонны верить тем характеристикам, которые Бюлов дает в своих мемуарах основным политическим деятелям эпохи за исключением некоторых, совсем уж тенденциозных мест. В записке, написанной в 1897 г. Ф. Эйленбургом и приведенной Бюловым почти целиком, ближайший друг и конфиденгент монарха рисует такой его портрет: «Вильгельм II ко всему относится субъективно. Только личные аргументы производят на него впечатление. Он желает поучать других, но очень неохотно позволяет поучать себя. Он не выносит скуки; тяжеловесные, сухие слишком основательные люди действуют ему на нервы и ничего от него не могут добиться. Вильгельм II хочет блистать и все делать и решать сам. То, что он делает сам, к сожалению, часто получается неудачно. Он жаждет славы, он честолюбив, ревнив. Для того, чтобы добиться от него проведения какой-нибудь идеи, надо сделать вид, что идея исходит от него. Вильгельму II все надо преподносить в удобном виде. Он охотно воодушевляет других на рискованные предприятия, но в случае неудачи оставляет их на произвол судьбы. Никогда не забывай, что его величеству время от времени нужно высказывать похвалу. Он принадлежит к тем людям, которые, не получая одобрения от авторитетного лица, впадают в дурное настроение. Ты всегда сможешь найти пути к осуществлению своих желаний, если не преминешь выразить похвалу в тех случаях, когда его величество этого заслуживает. Он благодарен за это, как доброе умное дитя. Если всегда молчать в тех случаях, когда он заслуживает одобрения, он в конце концов склонен будет

усматривать в этом недоброжелательность. Мы оба всегда будем стремиться не переходить границы, за которыми начинается лесть»³¹⁴.

Эти слова полностью подтверждают те выводы, к которым пришел в своем исследовании Дж. Рёль – император вел себя как капризное, подчас невоспитанное дитя. Обращаться с ним надо было как с подростком, с которым не хочется идти на конфликт, а проще задобрить успокоительными речами, постоянно подпитывая его эго, не переходя при этом тонкой грани, за которой начинается откровенная лесть.

Для завершения личностной характеристики императора я позволю себе привести достаточно меткие слова о различных сторонах характера Вильгельма, встречающиеся в депешах российского посольства, которые как нельзя лучше эти характеристики дополняют. Так, в октябре 1890 г. посол П.А. Шувалов пишет о «почти лихорадочной деятельности молодого императора»³¹⁵, в феврале 1891 г. о том, что «содержание речи ... поражает своею неопределенностью, известной долей самоуверенности»³¹⁶, далее в том же сообщении посол пишет, что «эта ясность и определенность отсутствуют в его [императора. – А.М.] образе мыслей и действий. Непроницаемый туман скрывает тот путь, по которому он намерен вести свой народ. ... Постоянная неуверенность в завтрашнем дне, какие-то темные намеки, частые перемены заслуженных государственных людей, неожиданные речи и заявления, все это крайне волнует все слои общества, и конечно мало внушает того доверия, на которое рассчитывает император»³¹⁷.

В 1898 г. император находился на троне уже 10 лет, эта дата позволила подвести некоторые итоги. Н.Д. Остен-Сакен отмечает «крайнюю впечатлительность монарха, выражавшуюся в частых переменах ближайших советников, его постоянные разъезды и беспрестанные речи, особенно на

³¹⁴ Бюлов Б. Указ. соч. С. 32.

³¹⁵ АВПРИ. Ф 133 Канцелярия. Оп. 470.1890 г. Д. 16. Л. 187

³¹⁶ АВПРИ. Ф 133 Канцелярия. Оп. 470. 1891 г. Д. 16. Л. 115

³¹⁷ Там же. Л. 117-118.

первых порах»³¹⁸. Та же депеша содержит и иные оценки, которые также в значительной степени отражают внутривосточную ситуацию, что, собственно, и делало императора центральной фигурой эпохи: «германское общественное мнение оценило выдающийся государственный ум своего правителя. Органы всех оттенков, исключая конечно, социалистических, сливают свои голоса в хвалебном гимне императору. ... Его величество, отменно знающее свой народ, не раз уже имело случай убедиться на почве внутренней политики, какое решающее влияние имеет на массы его слово, и нельзя не сказать, крайне удачно пользуется своим обаянием»³¹⁹.

В конце этой чрезвычайно примечательной депешы министр пишет следующее: «Вот итоги оценки десятилетнего правления Вильгельма, который стараясь в делах внутренних быть представителем прав монарха, даже с некоторой склонностью к самодержавию, вопреки конституционным рамкам, вместе с тем является в глазах народа решительным поборником мирного развития империи, ревностным охранителем достоинства и достойным преемником своего Великого деда»³²⁰.

Через 5 лет, в 15-летнюю годовщину его правления, российский посол вновь остановился на основных чертах личности монарха – характеристика эта претерпела довольно значительные изменения. Ссылаясь на отзывы «независимой», то есть неправительственной прессы, посол пишет, что «Вильгельм II не напоминает ни одного из своих предков. Его настолько же мало можно сравнить с болезненно-романтическим и нерешительным характером Фридриха-Вильгельма IV, сколько и с свободомыслящим Фридрихом Великим, царственным другом Вольтера. Не разделяя либеральных взглядов своего родителя и отличаясь юношеским пылом от величественно-спокойной и скромной личности своего маститого деда, нынешний император, с первого момента вступления на престол озадачил

³¹⁸ АВПРИ. Ф 133 Канцелярия. Оп. 470. 1898 г. Д. 17. Л. 113

³¹⁹ Там же. Л. 114-115.

³²⁰ Там же. Л. 116

своих бывших приближенных, как военных, стремившихся внушить юному принцу воинственные замыслы, так и церковно-реакционного общества графа Вальдерзее, возлагавшего на него свои надежды. Вильгельм II выступил вполне самостоятельно на политическое поприще, держась своих личных взглядов и следуя внушениям своего темперамента.

Не терпя руководства авторитетного ментора и желая быть своим собственным канцлером, он резко расстался с опытным советником своего деда, не побоясь оскорбить даже народное чувство, благоговевшее перед гигантской фигурой творца германского единства. Своей личностью и своим постоянным вмешательством в дела управления империей, Вильгельм II отодвигает на задний план значение имперского канцлера ...

Однако молодой император сумел со временем снискать себе народные симпатии. К нему мало-помалу, привыкают. Немецкое общество отдаёт справедливость его несомненным дарованиям и популярность его растёт. Обладая пленительным даром слова, завлекающим часто царственного оратора далее желательных пределов, он нередко раздражает своих слушателей и подвергается острой критике. Тем не менее слова его не проходят бесследно и всегда вызывают живую деятельность общественной мысли. Не ирония ли истории, – восклицает одна демократическая газета, – что к предкам словоохотливого императора причисляется Вильгельм Оранский, прозванный Молчаливым»³²¹.

В сообщениях 1906 г., написанных во время и сразу после Альхесирасской конференции по Марокко, наш посол сообщает о «нервном состоянии» императора, а также о том, что «при впечатлительном характере, которым отличается император Вильгельм, Его Величество испытывает очевидно непреодолимую потребность поделиться с кем-то своими мыслями и излить накопившиеся чувства досады и разочарования»³²².

³²¹ АВПРИ. Ф 133 Канцелярия. Оп. 470. 1903 г. Д. 14. Л. 122-124.

³²² АВПРИ. Ф 133 Канцелярия. Оп. 470. 1906 г. Д. 26. Л. 135-136.

Итак, все наблюдатели, а за ними и исследователи жизни императора большое внимание уделяют его психологическим особенностям, справедливо полагая, что при созданной системе управления с императором как ключевым центром власти, эти черты имеют важное значение при определении политической линии страны. Непоследовательность, непредсказуемость в сочетании с крайней самоуверенностью и надменностью делали императора «взрывоопасным» элементом системы власти, а отсутствие конституционного контроля над ним лишало другие ветви власти законного основания для оспаривания его решений. Однако, как будет показано ниже, ситуация постепенно менялась – от Вильгельма времен отправки в отставку князя Бисмарка на рубеже 1889 –1890 г. до Вильгельма периода празднования 25-летнего юбилея его царствования. Основные черты его характера трансформировались незначительно, здесь сказалась та самая черта, которую мы уже отмечали выше – Вильгельм «не вырослел», но менялся мир вокруг него, менялась Германия, менялось общество, и император вынужден был как-то к этим изменениям приспосабливаться. Получалось это у него далеко не всегда хорошо, особенно часто проблемы были следствием неводержанности в публичных выступлениях, в спонтанных проявлениях чувств и эмоций, что становилось причиной большинства скандалов, подтачивающих систему, осложнявших внутривластическое положение монархии и внешнеполитические позиции Германии. Первым резким и как многие считали опрометчивым действием молодого императора, имевшим несомненный скандальный оттенок, стал конфликт между ним и «верным сподвижником его великого деда», творцом германского единства О. фон Бисмарком.

§4. Начало формирования режима вильгельминизма

Отставка первого имперского канцлера, а также череда событий, предшествовавших ей, а главное, ее причины и следствия являются предметом изучения и интереса всех специалистов, занимающихся имперским периодом истории Германии. Несмотря на задействование в разворачивающемся конфликте самых разных сил, основных его сторон было две – Вильгельм и Бисмарк, поэтому говорить прежде всего следует об их взаимоотношениях. Дело в том, что, как представляется, первичным был не политический конфликт, не разное видение перспектив будущего страны, и тем более не различное понимание места Германии на международной арене и отношений с Россией, и даже не конфликт «старого и нового», а все-таки межличностные противоречия и психологические несоответствия.

Здесь мы подошли к важнейшим вопросам начала правления Вильгельма: каковы были взаимоотношения императора с О. фон Бисмарком и его семейством, как развивался конфликт, приведший к событиям февраля-марта 1890 г., что и кто способствовал обострению противоречий и какие далеко идущие последствия эти события имели.

При изучении этого конфликта практически все авторы используют одни и те же источники – прежде всего, воспоминания, записки и письма нескольких человек – А. фон Вальдерзее³²³, Ф. фон Гольштейна³²⁴, Ф. Эйленбурга³²⁵ и самих участников конфликта – Вильгельма II³²⁶ и О. фон Бисмарка³²⁷. Все эти воспоминания, как и любые мемуары, крайне субъективны, но в вопросе конфликта Бисмарка и Вильгельма эта субъективность, переходящая в прямое искажение фактов и движущих причин тех или иных поступков, выступает особенно явно. Справедливости ради стоит отметить, что и при их публикации издатели подчас преследовали

³²³ Walderssee A. v. Op. cit.

³²⁴ Holstein F. A. V. Op. cit.

³²⁵ Eulenburg-Hertefeld Ph. z. Op. cit.

³²⁶ Вильгельм II. Указ. соч.

³²⁷ Бисмарк О. ф. Указ. соч. Т. 3.

собственные цели, выпуская при подготовке к печати целые абзацы и даже страницы, что часто искажало их смысл. Работая в Тайном государственном архиве прусского культурного наследия и знакомясь с бумагами генерала Вальдерзее, нам привелось убедиться в этом на собственном опыте. Его записи несут на себе следы правки синим карандашом, принадлежащей издателю О. Майснеру. Часто правка настолько грубая и бесцеремонная, что восстановить изначальный вид документа вообще не представляется возможным.

Российские послы, авторы дипломатических депеш, являются, с одной стороны, чуть менее информированными лицами, но с другой, – чуть более объективными и беспристрастными, что позволяет посмотреть на ситуацию под несколько иным углом зрения.

Достаточно долгое время, по крайней мере с момента совершеннолетия Вильгельма и до середины 1880-х гг., он был с Бисмарком и его семейством, прежде всего со старшим сыном канцлера – Гербертом, очень близок. О. фон Бисмарк выступал по отношению к Вильгельму, пока тот был внуком, а затем сыном действующего императора, как ментор, государственный деятель, стремящийся воспитать в будущем монархе человека, с одной стороны, достаточно сведущего в государственных делах, а с другой, удобного и покладистого. Уверенность канцлера в своих силах и незаменимости позволили ему в приватном разговоре с одним из своих сотрудников, на который ссылается В. Чубинский, в июне 1888 г. говорить о том, что он не уйдет со своего поста, даже если его захотят прогнать; даже если ему пришлют распоряжение об отставке домой, он все равно не уйдет, так как не скрепил это распоряжение своей подписью³²⁸, намекая на нерушимость принципа контрассигновки. Когда в 1886 г. тогдашний кронпринц Фридрих протестовал против вовлечения своего старшего сына в политические дела, заявив, что «ввиду недостаточной зрелости и неопытности моего старшего сына, связанной с чрезмерным высокомерием и неумением правильно оценивать

³²⁸ Чубинский В.В. Указ. соч. С. 374.

события, я считаю просто опасным допустить его к делам иностранной политики»³²⁹, Бисмарк добился отклонения этого требования, предоставив Вильгельму доступ к государственным секретам.

После вступления Вильгельма на престол канцлер продолжал вести без каких-либо существенных изменений свою политическую линию как внутри страны, так и на международной арене, его цели оставались прежними, новому императору в существующем механизме принятия политических решений была уготована та же роль, которая предыдущие 20 лет (а в Пруссии и почти 30) вполне устраивала его деда – роль гаранта стабильности, олицетворявшего силу и мощь немецкого (но до конца преимущественно прусского) государства.

Вильгельм II вступил на престол в 29 лет, по этому поводу Бисмарк резонно пишет, что Фридрих Великий стал королем в 28 лет, а Фридрих-Вильгельм I и Фридрих-Вильгельм III – и того раньше³³⁰, но при этом все, кто говорил или писал о Вильгельме, отзываюся о нем как о «молодом человеке», взбалмошном юноше и т.д. Здесь сыграли свою роль, видимо, два фактора – во-первых, все привыкли видеть на прусском и германском престолах вначале пожилого человека, а в последние годы – глубокого старика, поэтому контраст, конечно, был разительным, а во-вторых, нервозность, порывистость, внезапность, присущие наследному принцу и после того, как он стал императором, создавали иллюзию его крайней молодости, которая часто только и могла оправдать его поступки.

Отношения между Бисмарком и Вильгельмом по крайней мере вначале внешне были безоблачными, однако подспудно напряжение нарастало. Бисмарк писал, что «мысль о том, что он не разделит со мной славы своего будущего правления, была ему внушена и усвоена им еще тогда, когда он был принцем»³³¹. Дядя императора в разговоре с одним из своих приближенных в

³²⁹ Цит. по: Людвиг Э. Указ соч. С. 27.

³³⁰ Бисмарк О. ф. Указ. соч. Т. 3. С. 4.

³³¹ Там же. С. 42.

январе 1889 г. сказал: «Пока князь Бисмарк еще нужен императору как военная маскировка»³³². Постепенно отношения осложнялись и ухудшались, причин для этого было достаточно много, но главных, как кажется, три.

Во-первых, император все больше входил в курс дел, чувствовал себя, хотя и не всегда обоснованно, все более уверенно не только во внутригерманских делах, но и на международной арене. Он считал, что многие методы «старого канцлера» устарели. Вильгельм в силу молодости и особенностей характера хотел привнести «свежую струю», которая совершенно не была нужна Бисмарку. Взаимоотношения «ментор-ученик» не могли долгое время удовлетворять амбициозного, высокомерного и крайне самоуверенного человека, он действительно хотел править сам, «взять на себя ответственность за дела»³³³. Это его желание очень тесно было связано с преклонением перед предками, пониманием себя – как прямого наследника Фридриха Великого и его военных успехов. Патерналистский подход к подданным и стремление стать монархом времен Старого порядка сочетались с огромным интересом, немного даже детским, и восхищением всяческими самыми современными достижениями научно-технического прогресса – воздухоплаванием, железнодорожным транспортом и т.д. и т.п.³³⁴

Во-вторых, Вильгельм действовал, если так можно выразиться, не в одиночку. Сложилась достаточно серьезная оппозиция канцлеру, главную роль в которой играл граф А. фон Вальдерзее. Он был близок с принцем еще с 1885-1886 гг., виделся с ним практически ежедневно, был прекрасно осведомлен обо всех его поступках, в том числе самого интимного свойства, временами играл роль сводника и затем помогал решать проблемы с дамами, если они возникали³³⁵. Не обладая какими-то выдающимися полководческими или иными военными способностями, главным его талантом было интриганство, «политиканство и честолюбие, удовлетворить которое он

³³² Цит. по: Людвиг Э. Указ соч. С. 58.

³³³ Бисмарк О. ф. Указ. соч. Т. 3. С.92.

³³⁴ Подробнее см.: *König W.* Op. cit.

³³⁵ Подробнее об этом см.: *Röhl J. C. G. Wilhelm.* Bd.1. S.494-500.

стремится любыми путями, в том числе и хитростью. Все мысли Вальдерзее были направлены на то, чтобы подорвать доверие принца Вильгельма к Бисмарку, к его государственной способности»³³⁶.

В основе принципиальных противоречий в 1886-1888 гг. между Бисмарком и Вальдерзее, занимавшим с 1882 г. пост генерал-квартирмейстера и заместителя начальника Генерального штаба Г. фон Мольтке, находилась проблема принципиальной возможности и допустимости превентивной войны в Европе, в которой главными противниками Германии стали бы Россия и Франция. Кроме того, в 1887 г. стало очевидно, что если Фридрих и взойдет на трон, то очень ненадолго, поэтому главное – это выстраивать отношения с Вильгельмом, а не с его отцом. Взаимоотношения Бисмарка и Вильгельма стали еще более осложняться после сближения Вальдерзее с Ф. фон Гольштейном и ухудшением отношений последнего с канцлером. В этом треугольнике Гольштейн в значительной степени стал центром силы и его перемещение со стороны канцлера на сторону генерал-квартирмейстера способствовало смещению Бисмарка с его постов.

Цель интриг Вальдерзее очень подробно описана не только в монографии Дж. Рёля, но и в воспоминаниях О. фон Бисмарка, который писал, что она стала очевидной после того, как тот добился практически сразу же после вступления на престол Вильгельма должности начальника Генерального штаба, для чего был отправлен в отставку великий Мольтке-старший. Справедливости ради стоит заметить, что Мольтке в тот момент было 88 лет, он достаточно долго стремился уйти на покой и окончательно даже в этом глубоко преклонном возрасте от дел отстранен не был, но вот его замещение именно на Вальдерзее, несомненно, было результатом близости последнего с новым императором. Этот опробованный путь – назначение на ключевые посты близких к Вильгельму людей, подчас без учета их профессиональных

³³⁶ Людвиг Э. Указ. соч. С. 32.

навыков и компетенций, было обычной практикой при Вильгельме, что впрочем характерно для любой монархии.

Давно возжеленное генералом назначение не было «пределом его мечтаний» – он стремился занять пост имперского канцлера и прусского министра-президента, что и было главной целью его бурной деятельности и интриг в 1888-1890 гг.

Не следует также сбрасывать со счетов и интересы «сердечного друга императора» Ф. фон Эйленбурга, который впоследствии станет причиной крупнейшего скандала, потрясшего основы Германской империи, а в начале правления нового императора всячески поддерживал в нем веру в безусловную правоту и в то, что освобождение из-под опеки канцлера пойдет на благо не только императору, но и империи.

Особую роль в возникновении и развитии кризиса сам Бисмарк в своих воспоминаниях отводит К. Г. фон Бёттихеру, его же свидетельства сопровождают книгу Г. фон Эппштейна, посвященную перипетиям этой отставки³³⁷. Бёттихер был в 1890 г. статс-секретарем ведомства внутренних дел, заместителем имперского канцлера и вице-президентом прусского Государственного министерства, т.е. фактическим заместителем Бисмарка почти во всех его должностях. При этом канцлер считал, что выдвинув Бёттихера на высшие посты, он заручился его поддержкой и благодарностью, однако это оказалось не совсем так. Неоднозначность позиции Бёттихера позволила Бисмарку обвинить его в интриганстве и даже прямой клевете: «В январе 1890 г. он говорил императору, что я все равно твердо решил уйти в отставку. В то же время он говорил мне, что император уже ведет переговоры с моим преемником»³³⁸.

Третьей причиной стал образ действий самого О. фон Бисмарка, направленных не на то, чтобы сгладить возникающие противоречия, а на то, чтобы их постоянно максимально обострять, вынуждая оппонента

³³⁷ *Eppstein G. Frh.* Op. cit.

³³⁸ *Бисмарк О. ф.* Указ. соч. Т. 3. С. 35.

безоговорочно принимать его точку зрения. Бисмарк, взяв покровительственно-поучительный тон, не собирався от него отказываться, сам прекрасно осознавая, что такое обращение раздражает принца (а затем и императора), настраивает его против канцлера: «Я же счел своим долгом в собственноручном письме, написанном, быть может, в несколько поучительном тоне, предостеречь его от происков, при помощи которых клики и отдельные лица пытались обеспечить себе покровительство наследника престола. Как форма, так и содержание ответа принца не оставляли у меня никакого сомнения, что мое несогласие с его планами и предостерегающая критика вызвали недовольство. В конце его ответа в форме, соответствующей положению принца, уже было высказано то, что позднее он сформулировал в качестве императора: кто мне противоречит, «того я уничтожу». В настоящее время, оглядываясь на прошлое, я полагаю, что в течение 21 месяца, когда я был его канцлером, император лишь с трудом подавлял свое желание отделаться от унаследованного ментора, пока, наконец, оно не прорвалось наружу»³³⁹. Противоречия между ними возникали по самым разным как внутри-, так и внешнеполитическим поводам. К ним можно отнести такие общеизвестные вещи, как вопрос продления-не продления Исключительного закона против социалистов и тайного русско-германского Договора перестраховки, так и менее известные конфликты, например, кризис осени 1889 г., связанный с возвращением в Германию представителей католического ордена редемтористов, за которое выступал канцлер, заинтересованный, в условиях осложнения отношений с партиями «картеля», в поддержке Католической партии Центра, и против которого активно боролись связанные с «картелем» Ф. Эйленбург и Ф. Гольштейн. Под их влиянием император послал канцлеру 6 ноября 1889 г. телеграмму, в которой безоговорочно потребовал «ни при каких обстоятельствах и никоим образом не допустить

³³⁹ Там же. С. 19.

возвращения редemptористов в Германию»³⁴⁰. Эта телеграмма стала началом глубокого канцлерского кризиса.

Сам канцлер, как следует из его беседы с послом П.А. Шуваловым, оценивая свои взаимоотношения с Вильгельмом, склонен был обращать внимание на два обстоятельства – молодость монарха и враждебное влияние его окружения: «Ну да, - здоровье у меня, как видите, неплохое, но я все равно чувствую себя расстроенным, - устал. Что ты хочешь! Служение 30-летнему Императору отличается от работы на 90-летнего Государя, имевшего привычку советоваться со мной во всем и обо всем, и который принимал Свои решения только после того, как тщательно обдумал и обсудил со мной до мельчайших подробностей меры, которые необходимо принять, хотя наши мнения и расходились. Все это более или менее изменилось; наш нынешний Император, мой Король, молод, впечатлителен. Это как ружье, которое обязательно выстрелит, а ты не знаешь заранее, ни когда, ни в каком направлении. Его окружает молодежь, такая же неопытная, как Он, часто льстивая. Его мнение составляется в разговорах с окружением»³⁴¹.

Предвосхищая произошедшее через несколько дней, канцлер сказал послу буквально следующее: «Моя роль Наставника становится для меня невыносимой. Я даже полагаю, - будет сказано между нами, – что мой Король не пожалеет избавиться и от этой роли! – Он слишком живой, слишком раздражительный, чтобы основывать эти действия на консультациях, часто долгих и трудоемких»³⁴².

В том же письме от 27 января (8 февраля) упоминается желание О. фон Бисмарка отказаться от прусских должностей, оставив за собой имперские ведомства и вопросы внешнеполитические: «Я хотел бы освободить себя от всякой административной деятельности, что касается Пруссии, и оставить за собой только полномочия канцлера, чтобы сохранить с этим титулом

³⁴⁰ Röhl J.G.G. Einleitung zum Buch // Philipp Eulenburgs politische Korrespondenz. Bd. 1. S. 18.

³⁴¹ Письмо П.А. Шувалова министру иностранных дел Н.К. Гирсу от 27 января (8 февраля) 1890 г. // АВПРИ. Ф. 138 Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 115/122. Л. 1.

³⁴² Там же. Л. 6-6 об.

председательство в Федеральном совете или вопросы, как вы знаете, которые решает большинством голосов все, что относится к обычаям империи, к почтам и телеграфу и т. д. и в основном к федеральной армии. ... Наконец, мне особенно хочется сохранить за собой Министерство иностранных дел, которым я руковожу уже 28 лет и которое не перестает меня сильно интересовать»³⁴³.

Конфликт между первыми лицами империи перешел в острую фазу на заседании Коронного совета 24 января 1890 г., на котором решался вопрос страхования, охраны и изменения условий труда рабочих и проведения международной рабочей конференции, а по сути – какой путь взаимодействия с социал-демократией как партией, являющейся политическим выражением рабочего движения, будет избран в дальнейшем – восстановления практики исключительных законов, против чего активно боролись либеральные партии и Центр, или же путь поэтапного удовлетворения социальных требований рабочих, что должно было снять остроту ситуации и способствовать постепенному превращению СДПГ из партии мятежа в партию порядка. Все свои рассуждения об удовлетворении требований социалистов Бисмарк строил на том, что ограничение труда рабочих (воскресный труд, труд женщин и детей и т.д.) являются своего рода принуждением – «Его величество и рейхстаг говорят об охране рабочих, в действительности же речь идет о принуждении рабочих – о принуждении меньше работать. Сомнительно, можно ли насильно заставить предпринимателей возместить сокращение доходов главы семьи: те отрасли промышленности, которые вследствие воскресного отдыха потеряют 14% производительности, быть может, окажутся неспособными к существованию, и рабочие в конце концов лишатся своего заработка»³⁴⁴. Рассуждения Бисмарка больше всего напоминают чистой воды демагогию, безапелляционную поддержку предпринимателей и отказ от любых форм участия государства в деле социального страхования. Он

³⁴³ Там же. Л. 7.

³⁴⁴ *Бисмарк О.* Указ. соч. Т. 3 С. 47.

демонстрировал нежелание идти навстречу экономическим требованиям пролетариата, также как сельскохозяйственных рабочих и крестьян, что было абсолютно осознанной попыткой законсервировать существующее положение вещей, не соглашаться на компромиссы, считая, что они являются признаками слабости. Канцлер рассуждал как представитель своего класса, отказываясь признавать новые условия, диктующие необходимость поиска примирения с социал-демократией и считая, что жесткая позиция приведет к успеху. При этом не следует забывать, что у истоков социального страхования в Германии стоял именно Бисмарк, но идти дальше и предоставлять рабочим бóльшие социальные гарантии, чем они уже имели, он считал чрезмерным и излишним. Логика канцлера была проста – любое умиротворение приведет только к росту требований, но никак не переломит ситуацию и не сделает из социал-демократов сторонников правительства и опору государства.

Позиция императора была сложнее. Он стремился и завоевать голоса рабочих в сложной электоральной ситуации, и продемонстрировать, что «новая метла будет мести по-новому», что новый император готов начать решать социальные вопросы не только с позиции силы, запретов и исключительных законов. Но главным в январе – феврале 1890 г. для него было все-таки использовать противоречия и непримиримость позиций рейхстага и канцлера по рабочему вопросу для того, чтобы иметь серьезный повод отправить первого министра в отставку.

Произошедшее на Коронном совете, а также то, что было до и после него давно уже и широко известно³⁴⁵. Несмотря на достигнутые договоренности между О. фон Бисмарком и прусскими министрами, на заседании Государственного министерства в присутствии императора они избрали путь лавирования и, поддержав императора по законопроекту об охране труда рабочих, встали на позицию канцлера в вопросе о социалистах. Такое положение вещей не устроило ни ту, ни другую сторону – Бисмарк заявил, что

³⁴⁵ Подробнее см., например, *Матвеева А.Г.* Канцлер Каприви и поляки. С. 48-50.

он «все больше замечает, что он здесь не на своем месте», а Вильгельм заявил герцогу Баденскому: «министры не являются моими, они ведут себя как министры князя Бисмарка»³⁴⁶. Бисмарк пишет об идеальном, с точки зрения императора, политическом режиме: «В то время идеалом его величества, по-видимому, был абсолютизм, опирающийся на популярность»³⁴⁷. Эту популярность ему должны была помочь снискать, в том числе, слава защитника рабочих, да и всех трудящихся, а превратиться в реальный центр власти он мог только после ухода Бисмарка со всех постов.

В уже упомянутом выше разговоре канцлера и российского посла, состоявшемся через три дня после знаменитого заседания, сквозит крайняя обида председателя прусского Государственного министерства на своих подчиненных, в преданности которых он был уверен еще несколько дней назад. При этом можно полагать, что идея разделения его должностей в Пруссии и империи была чистой воды блефом, шантажом в расчете на невозможность такого разделения, а, следовательно, и залогом сохранения статус-кво. При этом он опирался на уже имеющийся у него опыт ухода с должности прусского министра-президента в 1870-е гг., который закончился полной победой канцлера и возвращением ему всех имеющихся ранее полномочий.

Следует также учитывать, что своей отставкой он грозил постоянно, что всегда в нужном ему русле действовало на Вильгельма I, но это не могло длиться вечно. Российский посол остроумно оценил этот метод канцлера добиваться своего: «это не первый раз, когда он угрожает своей отставкой. Он так часто ею угрожал, что нынешний «Kanzler Krisis» очень напоминает басню о пастухе, овцах и волке. Как и в случае с волком, из-за того, что вы часто пугаете тем, что не случается, вы в конечном итоге верите в это только тогда, когда уже не можете ничего сделать»³⁴⁸.

³⁴⁶ Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (GStA). Rep. 89. №3582/1. Bl. 16.

³⁴⁷ *Бисмарк О.* Указ. Соч. Т. 3. С. 49.

³⁴⁸ Секретное письмо графа М.Н. Муравьева Н.К. Гирсу от 2(14) марта 1890 г. // АВПРИ. Ф. 138 Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 115/122. Л. 50.

Из писем и телеграмм П.А. Шувалова и М.Н. Муравьева (который замещал посла во время его поездки в С.-Петербург) в принципе выстраивается логика действий и объяснений этих действий обеими сторонами. Бисмарк говорит о влиянии на императора враждебных ему сил, неопытности «молодого» монарха и непонимании им всей сложности внутри- и внешнеполитического положения: «Мое положение по-прежнему очень сложное. Мой император, который в основном больше доверял своей матери, не знал, как избежать определенного английского влияния, которое она на него оказывает. Это настоящий заговор английских радикалов и немецких социалистов. Я немного представил ситуацию, когда увидел, как императрица Виктория возвращается в Берлин. Прошлой ночью я спросил себя: - Какого черта Она собирается здесь делать? Инструментом, который она использует, является г-н Хинцпетер, бывший гувернер императора, который, как я полагаю, действует, не подозревая о той роли, которую ему отводят. По либеральным убеждениям, императрица сумела монополизировать его, и именно он, Хинцпетер, на данный момент является главным советником моего государя»³⁴⁹. «Пока речь шла только о внутренней политике, я еще мог уступить; я даже был готов помочь моему Государю на том пути, на который Он встал, чтобы избавить Его от разочарований, но мои враги напали на меня во внешней политике, которую я веду уже 28 лет, и это на основании донесений некоторых дипломатов, которые не видят дальше своего носа, - и причудливых мнений некоторых генералов с Вальдерзее во главе, которые, кажется, имели в глазах императора больше веса, чем моя долгая служба и мои 28 лет опыта»³⁵⁰.

При этом канцлер особое внимание своих русских собеседников обращал на то, что вопросы внешнеполитические в конфликте с императором играли не меньшую роль, чем внутривнутриполитические – социальный и рабочий,

³⁴⁹ Pro Memoria. Отчет о разговоре с кн. Бисмарком графа Шувалова 17(24) февраля 1890 г. // Там же. Л. 17 об. – 18.

³⁵⁰ Письмо П.А. Шувалова Н.К. Гирсу от 6(18) марта 1890 г. // Там же. Л. 41 об. – 42.

прежде всего. А среди внешнеполитических разногласий важнейшими были отношения с Россией. Император ставил в вину канцлеру русофильский дух политики последнего, что должно было насторожить Петербург. Канцлер же постоянно подчеркивал особое влияние на императора матери и связанной с ней «английской партии», которое, исходя из истории их взаимоотношений, было чрезмерно преувеличено.

Этот русский сюжет, как один из главных пунктов противоречий императора и канцлера, подчеркивается всеми наблюдателями и участниками кризиса. История отставки Бисмарка, изложенная в книге Эппштейна, начинается с того, что противоречия между первыми лицами государства вначале возникли по вопросу правительственного решения о допуске русских ценных бумаг на берлинскую биржу³⁵¹.

Несмотря на то, что темой нашей работы является внутренняя политика страны, совершенно обойти вниманием вопросы внешнеполитические не представляется возможным, тем более что русская тема постоянно звучала в переговорах не только канцлера и посла, но и во взаимных обвинениях императора и его первого министра на протяжении зимы – начала весны 1890 г.

К 1890 г. фактически прекратилось действие русско-австро-германского «Союза трех императоров», существовавшего с перерывом с 1873 г. Это произошло ввиду осложнения австро-русских отношений и сложной игры, затеянной Бисмарком и направленной на то, чтобы максимально обострить русско-английские и русско-французские отношения, не допустить сближения между Лондоном, Парижем и Петербургом. И при этом максимально обеспечить австрийские интересы на Балканах и сохранить за Германией ключевую роль «нейтрального переговорщика», в руках которого находятся все нити и инструменты давления. Та же игра требовала замены разорванного соглашения иными договорами, единственным вариантом оставались

³⁵¹ Eppstein. Op.cit. S. 33.

двусторонние соглашения Германии с Австро-Венгрией и Россией. Свое название Договор перестраховки получил по цели заключения – обоюдного желания «перестраховаться» на случай возможной франко-германской войны, дальнейшего обострения русско-австрийского соперничества на Балканах или русско-английского – в Центральной Азии и на Ближнем Востоке. Заключению Русско-германского договора 1887 г. предшествовали многоступенчатые переговоры, все коллизии которых подробно описаны в дневниках В.Н. Ламздорфа³⁵². Срок действия соглашения заканчивался в июне 1890 г. и обе стороны были в принципе заинтересованы в его продлении.

В упоминавшейся уже выше большой памятной записке от 12(24) февраля, значительное место уделяется как раз обсуждению этой проблемы. «Разговор был тогда сосредоточен больше на стороне внешней политики, чем я воспользовался, чтобы внушить канцлеру, что если английское влияние, следы которого он отмечал во внутренней политике, распространится и на внешнюю, это может привести к резкому пересмотру основ политики Германии и создать совершенно новое положение. Я тут же напомнил канцлеру о существовании нашего секретного соглашения, рассчитывая, что он подтвердит мне его жизнеспособность, поскольку, в глубине души я понимал, что признак резкого изменения, произошедшего вследствие оказанного [английского. – *А.М.*] влияния, может сказаться и на внешней политике Германии. В этом случае, по истечении трех лет, как бы ни настал момент вспомнить слова Вильгельма I, который, осознавая свой солидный возраст, решил не связывать заранее обязательствами своих последователей, и предпочел три года пяти»³⁵³.

Весь последующий за этим диалог ясно показывает и позицию Германии по отношению к двум своим союзникам – Австро-Венгрии и России, и перспективы их дальнейшего сотрудничества в случае сохранения существующих договоренностей, а также отношение Петербурга к этим

³⁵² Ламздорф В.Н. Дневник 1886-1890. М.-Л., 1926. С. 44 и далее.

³⁵³ АВПРИ. Ф. 138 Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 115/122. Л.22.

перспективам. «"О! - ответил принц, - если вы спросите мое мнение, то я без колебаний отвечу, что я выбираю продление соглашения. Я готов признать вместе с вами, что наш договор сам по себе не был необходим для поддержания хороших отношений между нами, но факт остается фактом: это акт, который ясно определяет политику, которой мы придерживаемся и которая при нас не должна меняться. ... Меня совершенно не интересуют Болгария, Константинополь. Вы можете делать с ними, что хотите, я не буду вас останавливать. Мы должны защищать только целостность австро-венгерской территории. ... Австрию нельзя стереть с карты Европы, но что касается ваших споров за пределами ее территории, то меня это не касается.

– Бескорыстие, которое я исповедую в отношении Константинополя и Проливов, никоим образом не изменится. – Что касается Франции, я считаю, что страх перед тем, что мы поглотим эту страну, рассеялся. Мы никогда не сойдем с ума, чтобы начать войну, которая ничего нам не принесет!

Вот, в основном, как я вижу вещи: я не верю в предвзятую враждебность вашего Императора к Германии; Я даже не думаю, что в случае конфликта между нами и Францией вы сразу же взяли бы за оружие, чтобы бежать на помощь этой стране. Я бы даже дошел до того, что сказал бы, что сохранение Франции является необходимостью и для Германии, ввиду некоторых случайностей, которые могут произойти в наших отношениях с Англией. Когда я был в Реймсе, люди говорили мне: пусть ваш король коронуется «Императором Германии и Галлии». Я уже тогда ответил со смехом: национальности росчерком пера не стираются, - свидетельством тому польская национальность, которая сумела сохраниться, потеряв при этом свое «политическое единство»³⁵⁴.

Этот чрезвычайно интересный монолог Бисмарка не просто важен для оценки позиции германской стороны по вопросу продления Договора перестраховки – да, продлевать его следует, хотя и так отношения Германии и

³⁵⁴ Там же. Л. 23-27.

России дружественны и ничем не омрачены, но и дает вполне ясное представление о приоритетах внешней политики страны – обеспечение территориальной целостности Австро-Венгрии при сохранении договорных отношений с Россией. Канцлер всячески дает понять, что никакой заинтересованности в болгарский делах, режиме Проливов, да и в нагнетании напряженности на германо-французской границе у него нет.

Эти слова Бисмарка можно поставить под сомнение сразу по нескольким пунктам, особенно принимая во внимание содействие утверждению на болгарском престоле непризнанного Россией Фердинанда из германской династии Саксен-Кобург-Гота и франко-германскую «военную тревогу» 1887 г. Однако своим заявлением он очень четко расставил приоритеты, и посол услышал именно то, что Бисмарк хотел сказать: «Я не прерывал князя в его предположениях и мечтах о будущем, но я не скрывал от него, что, по моему мнению, наш тайный трактат решительно и недвусмысленно определил наш мир взглядов на этот предмет и не только. Подводя итог, могу сказать, что у меня осталось впечатление, что канцлер не потребует ничего, кроме возобновления наших взаимных обязательств»³⁵⁵. На полях у этого абзаца сохранилась помета Н.К. Гирса – «Я действительно думаю, что для Бисмарка наше соглашение в некоторой степени гарантия, что между нами и Францией нет письменного соглашения, а это для Германии весьма важно»³⁵⁶.

Итак, в феврале 1890 г. в разгар канцлерского кризиса основной проблемой двусторонних отношений был вопрос продления тайного Договора перестраховки, который обеспечивал баланс внешнеполитических интересов обеих держав и являлся гарантией того, что пока договор существует они не окажутся членами противоборствующих коалиций.

В ходе этой беседы была названа и та основная сила, интриги которой могут помешать сохранению особых отношений между Германией и Россией. Главным бенефициаром в случае непродления этого договора стала бы

³⁵⁵ Там же. С. 27 об.

³⁵⁶ Там же.

Великобритания, а проводниками проанглийской линии, по мысли князя, при берлинском дворе были вдовствующая императрица Виктория, старшая дочь английской королевы, и генерал А. Вальдерзее, слывший русофобом и сторонником военного решения возникающих между Россией и Германией противоречий. «Хотел бы знать, не сумеет ли английское течение, которое, по словам принца, начало появляться в советах государя, в данный момент оказать в делах внешней политики влияние, противное духу рассматриваемого акта»³⁵⁷, - пишет в заключение своего отчета посол, совершенно правильно вычлняя главную опасность, стоящую на пути продолжения союзнических отношений между Германией и Россией.

В начале февраля 1890 г., когда был составлен цитированный выше отчет, существовала большая вероятность благополучного для семьи Бисмарков разрешения кризиса, о чем Шувалов не замедлил сообщить в Петербург: «Увидев графа Герберта Бисмарка через несколько дней после моего разговора с канцлером, он сказал мне, что между императором и его отцом заключен «мир», что канцлер пока сохранит свое нынешнее положение, и что в течение трех или четырех месяцев статус-кво обеспечен»³⁵⁸, что вселяло практически уверенность в то, что договор будет продлен, а его условия останутся неизменными.

2(14) марта Н.К. Муравьев, проанализировав происходящее, отправил в Петербург достаточно интересные наблюдения: «Согласно информации из надежного источника, канцлер, хотя и считал, что оставаться на своем посту не в его достоинстве, будет изыскивать все возможные средства, чтобы сохранить свое влияние и свое положение. Пока он не нашел решения этой проблемы. Семья с княгиней Бисмарк во главе, она и двое сыновей подталкивают его к тому, чтобы оставить деятельность, будучи убеждены, что сила обстоятельств скоро вернет его к власти и что он вернется триумфатором. Это рискованный маневр, опасность которого видит канцлер, гораздо лучше

³⁵⁷ Там же. Л. 28.

³⁵⁸ Там же.

осведомленный, чем его старший сын особенно, о текущей ситуации в Берлине.

Действительно, следует ожидать, что как только император Вильгельм избавится от утомительной опеки и от своего канцлера, он больше не захочет брать на себя это бремя. Тем более, что император Вильгельм очень ревниво относится к своей власти и любит видеть ее силу»³⁵⁹.

Через три дня стало окончательно понятно, что ситуация стала необратимой и никаких поводов для оптимизма больше не было: «Я прибыл сегодня утром, и канцлер попросил меня сегодня пожертвовать ему несколько минут. Я застал его в состоянии сильного перевозбуждения. Из нашей беседы следует, что его отставка, как и отставка его сына, принята Императором и начнет действовать с часу на час»³⁶⁰. Для властей в Петербурге было принципиально важно, что, «по словам князя, одна из обид, которые ему адресует император, – русофильская политика, которую до сих пор проводил канцлер, а также то, что он систематически скрывал так называемую серьезность военных мер, которые мы предпринимали в течение стольких лет, как и их угрозу для Германии»³⁶¹.

Трудно точно оценить серьезность этих обвинений – действительно ли они звучали из уст императора, находящегося под большим влиянием главы Генерального штаба А. фон Вальдерзее, или же канцлер, отправляясь по сути в изгнание, хотел напоследок создать напряженность в русско-германских отношениях – сейчас сказать непросто, однако мы скорее склонны верить, что на этом витке противостояния центров власти в Германии был разыгран и фактор «русской угрозы», недооцененной, «пропущенной» канцлером, что должно было добавить внешнеполитический аспект в череду внутривластных «просчетов» канцлера.

³⁵⁹ Там же. Л. 42 об.-43.

³⁶⁰ Секретная телеграмма П.А. Шувалова Н.К. Гирсу от 5(17) марта 1890 г. // Там же. Л. 30.

³⁶¹ Там же.

Большие сомнения эти заявления вызвали и у посла Шувалова, он однако усмотрел в них некоторую провокацию со стороны канцлера – «мне также интересно, не является ли маневром утверждение Бисмарка, что он уходит, между прочим, потому, что император находит его слишком русофилом, чтобы спровоцировать с нашей стороны демонстрацию, которая сможет послужить ему доказательством того, что он один является гарантом хороших отношений между нашими странами»³⁶². На следующий день посол получил ответную телеграмму от министра Н.К. Гирса следующего содержания: «Серьезность новостей, переданных Вашей вчерашней телеграммой, очевидна. Ситуация требует, как вы говорите, величайшей бдительности и предельной осторожности. Наш августейший монарх глубоко сожалел бы об отстранении принца Бисмарка от дел. Не могли бы вы передать ему знак нашего сочувствия? но не упускайте из виду, что это может вызвать раздражение императора Вильгельма»³⁶³.

Итак, Санкт-Петербург крайне серьезно воспринял предостережение князя Бисмарка, понимая, что уход последнего действительно способен нанести серьезный урон двусторонним отношениям. Для того, чтобы подкрепить свой имидж сторонника русско-германской дружбы и тем самым осложнить будущие отношения между двумя странами, определять которые будут совсем другие, скорее всего враждебные к России люди, Бисмарк предпринял достаточно рискованный демарш – вручил Шувалову для передачи в Петербург свое конфиденциальное письмо императору Вильгельму I, датированное 1877 г., т.е. разгаром русско-турецкой войны 1877-1878 гг., которое должно было послужить доказательством неизменности дружественного курса Германии по отношению к России. Копия этого письма присутствует в архивном деле, хотя Бисмарк просил «вернуть его мне, так же конфиденциально, как я передаю его вам»³⁶⁴.

³⁶² Там же. Л. 31.

³⁶³ Там же. Л. 38.

³⁶⁴ Там же. Л. 42

Фактическое обнародование этого письма, кроме целей убеждения российской стороны в неизменности дружбы и поддержки Германии Бисмарка, имело, как нам представляется, и иную задачу – убедить русскую сторону в том, что союз с Австрией и Италией не является помехой двусторонним отношениям России и Германии. Оно стало и неким предостережением и даже предвестником тех грядущих скандальных публикаций в *Hamburger Nachrichten* середины 1890-х гг., в которых Бисмарк начал предавать огласке секретные соглашения, заключенные в бытность его канцлером, в том числе и тайный русско-германский Договор перестраховки, что стало важной вехой в той череде политических скандалов, которые сотрясали Германию вильгельмовского периода.

В марте 1890 г. до этого еще было далеко и Бисмарк старался убедить Шувалова, что имеющиеся у Германии договоры с Австро-Венгрией и Италией нисколько не мешают сохранению дружбы с Россией: «Моя политика в общих чертах всегда была одной и той же. ... Я отклонился, правда, от своей линии поведения, когда в 1879 году князь Горчаков занял угрожающее отношение к Германии, отношение, подтвержденное целым рядом адресованных мне тогда писем. Поэтому я настаивал на заключении договора с Австрией, а затем и с Италией. Но эти договоры обеспечивают двум странам их сохранение, их существование, не более того. Они имеют исключительно оборонительный характер. У меня нет иллюзий относительно ценности этих союзов, вся тяжесть которых ложится главным образом на Германию, которая одна достаточно сильна, чтобы противостоять в будущем возможным угрозам. Италия, – вы знаете, что там происходит! Со дня на день революция может опрокинуть существующий там порядок вещей. Австрия объединилась с Россией и Германией! Это та нация, о которой я всегда заботился, как Ты знаешь. Соглашение трех монархий, образующих дамбу, противостоит нарастающей волне социалистов и революции, охватившей Европу со всех сторон. Но что может сделать Австрия, в одиночку выдерживающая постоянные удары, направленные на расчленение страны, которую,

несомненно, подорвало бы отделение Венгрии в независимое государство. Остаются наши две страны. Чего мне было опасаться от России? Как я уже говорил вам в нашем последнем разговоре, если бы судьба втянула нас в новую войну с Францией, я бы прекрасно понимал, что в случае успеха Россия крикнула бы нам стой! в какой-то момент – и мы бы остановились. Тем временем Россия, несомненно, возобновила бы свою работу на Востоке. Мы признаем Ваши права на Болгарию, и, если бы Вы дошли до Константинополя, это тоже не наше дело»³⁶⁵.

Итак, в ходе этих двух важнейших встреч российского посла и уходящего из политики легендарного канцлера были очерчены не только все сферы «законных» национальных интересов, но и все силовые линии, все зоны опасности и напряжения, которые способны были поколебать европейский мир и привести к большой войне. Опасения канцлера оказались не напрасны, как показало дальнейшее развитие событий.

После того как отставка обоих Бисмарков (канцлера и его сына Герберта) была принята, император посчитал необходимым пригласить к себе российского посла и лично поставить в известность о произошедшем Петербург. Причины ухода канцлера император постарался объяснить главным образом его пошатнувшимся здоровьем: «Передайте же Его Величеству, что я расстался с моим старым канцлером, так как продолжать работу с ним было действительно невозможно, учитывая состояние его здоровья и перевозбуждение его нервов. Я бежал от развязки, но все было перепробовано ... сначала речь шла о сокращении работы принца, избавления его от работы в юрисдикции прусского министерства, но это оказалось невыполнимым; другие проекты были составлены и признаны столь же непрактичными, поэтому необходимо было ответить на настоятельные

³⁶⁵ Там же. Л. 43-45.

просьбы принца, и именно вчера я послал ему свой рескрипт, пожаловав ему одновременно титул герцога Лауэнбургского»³⁶⁶.

Далее в том же разговоре проскальзывает тема, которая, с нашей точки зрения, является подлинной подоплекой конфликта – «Уже сегодня я читал во французской газете (мне кажется, что Император назвал Temps) что династия Бисмарков должна была вымереть, чтобы освободить место династии Гогенцоллернов, подумайте немного о том эффекте, который производят такие инсинуации в Германии»³⁶⁷. Однако эти объяснения, конечно же не обманули российского посла – «Что бы ни говорил император, нельзя подвергать сомнению глубину недоверия, которое он испытывает в этот момент, как к принцу, так и к сыну Бисмарка»³⁶⁸.

Итак, поданные 17 марта 1890 г. князем Отто фон Бисмарком и графом Гербертом Бисмарком прошения об отставке были приняты, что вызвало переполох и настоящий шок не только в Берлине, но и во всех европейских столицах. Так, на полях письма графа М.Н. Муравьева министр иностранных дел Н.К. Гирс написал – «Мне все-таки не верится, чтобы Бисмарк ушел»³⁶⁹. Итак, отставка канцлера, в которую до конца никто не хотел верить, произошла, и это событие сопровождалось несколькими обстоятельствами, о которых следует сказать особо.

Во-первых, основной ее причиной, как мы уже писали, была психология, не зря мы так подробно остановились на психологическом портрете монарха. Отправляя в отставку канцлера, он хотел обрести свободу. Человек, всю жизнь скованный авторитетом деда и отца, нелюбимый матерью и очень зависимый эмоционально от своих «менторов», постарался уйти из-под опеки главного из них – Бисмарка. Сделать он это мог единственным способом – полностью отстранив того от дел, потому что выдерживать постоянную битву по любому

³⁶⁶ Письмо графа П.А. Шувалова Н.К. Гирсу от 9(21) марта 1890 г. // АВПРИ. Ф. 138 Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 115/122. Л. 63.

³⁶⁷ Там же. Л. 64.

³⁶⁸ Там же.

³⁶⁹ Секретное письмо графа М.Н. Муравьева Н.К. Гирсу от 2(14) марта 1890 г. // Там же. Л. 38.

вопросу не согласится ни один монарх. Здесь опять-таки важно понимать, что он, в отличие от деда, считал себя почти самодержцем, причем Пруссия в его иерархии ценностей уступала место имперскому величию – оно было главным.

В связи с этим на первый план выходит второй фактор – его империя ни в чем не должна была уступать Британской, к правящему дому которой он испытывал полную гамму чувств «любви-ненависти», при преобладании, впрочем, второй. Для того, чтобы Германия встала в один ряд с Британией, ей нужно было измениться. В чем эти изменения должны были состоять, император представлял себе еще очень приблизительно, однако первые шаги он намеревался предпринять как раз на традиционно английском поле – рабочего движения, тред-юнионизма и социального страхования во внутренней политике и строительства колониальной империи – во внешней. Бисмарк, всячески сопротивляющийся государственной колониальной политике, говорящий, что его карта Африки лежит в Европе, совершенно не подходил на роль главной опоры нового монарха, имевшего столь далеко идущие, хоть и пока крайне туманные планы.

Каковы же были главные следствия этой отставки? В первое время, казалось бы, опасения многократно превосходили реальные последствия – в середине апреля все того же 1890 г. Муравьев пишет в Петербург – «Торжественный отъезд принца Бисмарка из Берлина, который он сам сравнивал с первоклассными похоронами, кажется, действительно вывел его из числа живущих в правительственных кругах. Мы в Берлине совершенно не беспокоимся о нем, и если иногда его имя появляется в печати, то именно для того, чтобы воспроизвести его так называемые упреки в неблагодарности, которые он адресовал бы всем и каждому»³⁷⁰. Справедливости ради, стоит отметить, что обида бывшего канцлера была столь велика, что он перестал думать о благе страны, правящего дома, которому служил много лет, и начал

³⁷⁰ Строго секретное письмо графа М.Н. Муравьева Н.К. Гирсу от 13(25) апреля 1890 г. // АВПРИ. Там же. Л. 66.

череду разоблачений и раскрытия государственных секретов, которые не делают чести ни одному политическому деятелю; он начал критиковать все происходящее, связанное с императором или новым канцлером – Л. фон Каприви, причем эта критика была столь агрессивна и далеко не всегда справедлива, что через какое-то время ее постарались перестать воспринимать серьезно.

Наш тезис о желании императора получить свободу можно подкрепить и иным аргументом: главный интриган А. фон Вальдерзее, считавший, что отставка Бисмарка откроет ему путь на самый верх, был глубоко разочарован ее последствиями. Вильгельм не только не сделал его канцлером, но и через год отстранил от руководства Генеральным штабом, отправив на второстепенную должность в армии. Больше он не нуждался в менторах, он действительно хотел править самостоятельно, но, увлекаясь новинками науки и техники, слабо представлял себе те изменения, которые претерпевала в эти годы общественная жизнь. Идея о том, что в конце XIX в. единолично можно определять всю политику такой страны как Германия, была изначально обречена на провал. Исключение же из системы такого сдерживающего и направляющего фактора как Бисмарк, сделало ее иной, в чем-то более неустойчивой, но при этом и более мобильной, способной на дальнейшую если не трансформацию, то эволюцию. Впрочем, иного выхода из конфликта не существовало, Бисмарки ни при каких обстоятельствах не могли заменить собой Гогенцоллернов.

§5. Институт канцлерства и его роль во властной системе империи.

Основные этапы эволюции режима вильгельминизма

5.1. Лео фон Каприви (1890-1894)

Несмотря на то, что практически всей полнотой власти в стране по конституции обладал император, не следует отрицать значительное влияние имперского канцлера на выработку, а главное, реализацию политического курса. Отставка князя О. фон Бисмарка и уход с политической сцены его сына Герберта, занимавшего должность статс-секретаря Ведомства иностранных дел, сделал вакантными сразу несколько высших должностей в Пруссии и империи – имперского канцлера, прусского министра-президента, статс-секретаря и прусского министра иностранных дел.

На пост имперского канцлера, а соответственно и министра-президента и министра иностранных дел была избрана совершенно неожиданная для многих кандидатура генерала Каприви. Георг Лео граф фон Каприви де Капрера де Монтекукколи родился 24 февраля 1831 г. в Шарлоттенбурге, ныне входящем в состав Берлина³⁷¹. Необычная для пруссака фамилия объясняется тем, что его семья имела итальянские корни, происходила из Крайны и в XVII в. переехала в Силезию. За верную службу Священной Римской империи во время австро-турецкой войны 1683 г. Каприви было пожаловано потомственное дворянство. Интересно, что его предок Карл Леопольд Каприви (1660-1708) в начале XVIII в. стал полковником на русской службе и погиб в битве при Лесной осенью 1708 г. Лео был старшим сыном советника верховного суда и члена прусской палаты господ Юлиуса Леопольда фон Каприви. Младший брат Лео – Раймунд стал впоследствии генерал-лейтенантом. В 1849 г. Лео закончил Вердеровскую гимназию в Берлине и в

³⁷¹ Каприви, в отличие от большинства германских высших должностных лиц не оставил после себя ни дневников, ни воспоминаний, а все бумаги частного характера сжег после выхода в отставку в 1894 г. В связи с этим данные личного характера о втором имперском канцлере найти очень сложно. Наиболее подробное исследование о нем и его политике на русском языке было проведено нами в книге: *Матвеева А.Г.* Канцлер Каприви и поляки. Все биографические данные взяты из книги: *Meisner H.O.* Op. cit. P. 669-752.

том же году как доброволец принял участие в военных действиях в Шлезвиг-Гольштейне. После окончания военной академии началась успешная карьера Каприви. В 1850 г. он получил звание секунд-лейтенанта, в 1859 г. – премьер-лейтенанта, в декабре 1861 г. – стал капитаном в Генеральном штабе, летом 1866 г. – майором, в 1870 г. во время военных действий – начальником штаба 10-го армейского корпуса и подполковником. В конце 1871 г. его назначили начальником отдела военного министерства, в 1872 г. он стал подполковником, а уже через пять лет – генерал-майором, в январе 1878 г. назначен командиром 5-й бригады инфантерии, в последующие годы командовал гвардейской бригадой инфантерии и дивизией, в 1882 г. был произведён в генерал-лейтенанты. В 1883 г. область его профессиональной деятельности круто изменилась, Каприви возглавил адмиралтейство. Решение о назначении генерала сухопутных войск главой военно-морского ведомства было достаточно неожиданным. Вот что писал по этому поводу О. фон Бисмарк в своих воспоминаниях: «после состоявшегося в 1883 г. вопреки моему совету назначения Каприви командующим флотом я рекомендовал императору Вильгельму I, при сомнительных в то время перспективах сохранения мира, не лишать сухопутные войска генерала, пользовавшегося, как он, доверием в армии, не прерывать его контакта с нею в такой степени, чтобы в случае войны ему пришлось бы восстанавливать этот контакт заново»³⁷². У Бисмарка, как он пишет, была даже идея сделать Каприви заместителем Х. Мольтке-старшего в Генеральном штабе, но старый фельдмаршал выступил резко против. Этот эпизод характеризует Каприви как человека, входящего в прусскую военную, а значит и государственную элиту. Бисмарк говорил, кстати, и о его близости с «лицами, которые, группируются вокруг графа Роона и в доме тайного советника Леббина (министерство внутренних дел), приятеля Каприви»³⁷³.

³⁷² Бисмарк О. Указ. соч. Т. 3. С. 90.

³⁷³ Там же.

Каприви сразу же после назначения в адмиралтейство получил чин вице-адмирала, он не был в восторге от этого назначения, но «тщательно выполнял новые обязанности»³⁷⁴ и оставался на этом высшем военно-морском посту пять лет, проведя за это время некоторые изменения и форсировав создание новых видов судов и вооружений, например, торпедных катеров. Каприви считал, что германский флот должен, прежде всего, выполнять оборонительные задачи в случае сухопутной войны на два фронта – против России и Франции, при этом именно под его руководством были разработаны мобилизационные планы для ВМФ. В 1888 г. после вступления на престол Вильгельма II взгляды молодого императора и шефа адмиралтейства на военно-морскую доктрину Германии, а также на систему управления флотом, в которую монарх хотел внести существенные изменения, разделив отделы «командования» и «управления» в адмиралтействе, резко разошлись. Вследствие возникшего между ними конфликта³⁷⁵ по поводу военных ассигнований и строительства флота, Каприви подал в отставку, которая была принята императором и контрассигнована канцлером 5 июля 1888 г.³⁷⁶

Через пять дней он вернулся на действительную военную службу и был назначен командиром 10-го армейского корпуса, расквартированного в Ганновере. Интересно, что Бисмарк в том же году делал неоднократные попытки представления поочередно всем трем императорам Каприви в качестве кандидата на должность начальника Генерального штаба, но они не увенчались успехом. Это говорит о том, что первый канцлер считал генерала не только прекрасным профессионалом, но и если не «своим человеком», то по крайней мере лояльным, глубоко порядочным военным, которого он рассматривал как возможную альтернативу интригану А. фон Вальдерзее.

³⁷⁴ Патрушев А.И. Указ. соч. С. 57.

³⁷⁵ Die Reden des Grafen von Caprivi... S. 3.

³⁷⁶ По Указу от 1.01.1872 г. глава адмиралтейства в системе управления подчинялся канцлеру, однако как чиновник высшего ранга непосредственно был ответственен только перед императором.

Бисмарк считал Каприви «лучшей лошадей в конюшне»³⁷⁷, т.е. среди высшего офицерства.

Интересно и еще одно замечание Бисмарка о Каприви: «Для императора Вильгельма II Каприви в военной области был слишком независимым в своих суждениях, а в области политики он по своей подготовке уступал его величеству»³⁷⁸. Таким образом, Бисмарк высказал свое видение причин своей отставки – новому императору не нужен был независимый, сильный политик, он нуждался в человеке, всецело ему преданном, но раньше никогда не занимавшимся политическими вопросами, который окажется под полным его контролем и управлением и не будет пытаться проводить собственный курс. Как показал дальнейший ход событий, Каприви не совсем соответствовал этим представлениям Вильгельма.

Каприви никогда не был женат, пережив в юности несчастную любовь, он решил не связывать себя узами брака, а все свои силы и талант посвятить военной службе. На протяжении многих лет он вёл крайне замкнутый образ жизни и видел себя лишь в одной роли – честного военного, целиком и полностью преданного армии, государю и Отечеству. Писавшие о нём современники отмечали его верность долгу и очень высокие требования к себе. Будучи «застегнутым на все пуговицы человеком», он никого не подпускал к себе близко, поэтому так трудно найти свидетельства о нём людей, действительно хорошо его знавших. Получив совершенно неожиданно для себя от Вильгельма II предложение занять освободившееся место канцлера, он открыто высказал сомнение в своей компетентности. Но это абсолютно не волновало молодого императора, который заявил: «не беспокойтесь, не боги горшки обжигают, а ответственность за дела я возьму на себя»³⁷⁹. Каприви отнёсся к этому предложению как к военному приказу, отданному Главнокомандующим, и сказал Бисмарку: «если, командуя в бою

³⁷⁷ *Meisner H.O.* Op.cit. S. 673.

³⁷⁸ *Бисмарк О.* Указ. соч. Т. 3. С. 26.

³⁷⁹ Там же. С. 92.

моим корпусом, я получаю приказ, исполнение которого внушает мне опасения, что оно приведёт к потере сражения, гибели корпуса и моей собственной гибели, если представление моих, деловым образом обоснованных сомнений осталось безуспешным, мне ничего другого не остается, как исполнить приказ и погибнуть»³⁸⁰.

Все современные Каприви политические деятели отмечали одни и те же черты его характера. «Каприви нравится мне своим спокойным, объективным пониманием вещей» (Ф. Эйленбург), «Я думаю, что кайзер не мог бы сделать лучшего выбора. Каприви честный человек с твёрдым характером, к которому испытываешь огромное уважение» (А. Вольдерзее). В том же ключе высказался и князь Х. Гогенлоэ, а Б. Бюлов сказал следующее: «Оказаться на месте, которое 28 лет занимал Бисмарк, нелегко. Многие на этом посту вызвали бы лишь насмешку простым сравнением с предшественником. Но над Каприви никто не будет смеяться. В его прямоте, определённости, простоте есть что-то импонирующее»³⁸¹.

В конфиденциальном письме от 28 марта 1890 г. посол П.А. Шувалов впервые пишет министру Н.К. Гирсу о Каприви: «Генерал Каприви слывет способным, прямым человеком с практическим умом. Мы помним здесь, как лаконично и убедительно он защищал перед рейхстагом интересы своего ведомства, когда был министром военно-морского флота, в вопросах международных дел он совсем новичок. Ему приписывают твердые убеждения, очень цельный характер, и некоторые скептики задаются вопросом, будут ли эти последние качества способствовать обеспечению ему длительного пребывания на его постах!»³⁸².

Совершенно очевидно, что русское посольство в первую очередь волновали вопросы международной политики, они же имели определяющее значение и для уходящего в отставку Бисмарка. Совсем иной точки зрения

³⁸⁰ Там же.

³⁸¹ В. Bülow an Ph. Eulenburg 28.08.1890 // Philipp Eulenburgs politische Korrespondenz. Bd. 1. S. 562.

³⁸² АВПРИ. Ф. 138 Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 115/122. Л. 54.

придерживался император, ее же он внушил и новому канцлеру – первоочередные вопросы лежат в области внутривнутриполитической, именно здесь Германия сталкивается с самыми серьезными вызовами и тут надо выработать последовательный курс.

Бисмарк, к мнению которого мы так часто обращаемся при анализе обстоятельств и причин его отставки и последующих шагов императора, с одной стороны, является самым информированным источником в данных вопросах, а с другой стороны, уязвленным человеком, пестующим свои обиды и сделавшим их важнейшим фактором внутригерманской политики вплоть до своей смерти в 1898 г. Ни для кого из исследователей не является секретом и другой факт, подробно описанный в работе Х. О. Майснера с ссылками на самые разные источники, – именно Бисмарк предлагал Каприви на место своего преемника в Пруссии, предполагая возможное разделение прусских и имперских должностей, не зная при этом, что император еще в начале февраля вызвал к себе Каприви из Ганновера и предлагал ему заместить Бисмарка на всех его постах³⁸³.

Комментируя назначение нового канцлера, Бисмарк написал буквально следующее: «Насколько точно, я бы сказал, по унтер-офицерски Каприви следовал «указке», проявилось в том, что он не обратился ко мне ни с одним вопросом, ни за одной справкой о состоянии государственных дел, которые он принимал, а также о прежних целях и намерениях имперского правительства и о средствах их осуществления. Из этого я заключаю, что ему было точно приказано воздерживаться от каких бы то ни было вопросов ко мне, дабы не ослаблять впечатления, что император правил сам, не нуждаясь в канцлере. ... У меня был 40-летний опыт нашей политики, а мой преемник, переменяя должность, не стал лучше осведомлен о политическом положении, чем во время своего командования десятым корпусом»³⁸⁴.

³⁸³ *Meisner H.O.* Op. cit. S. 674.

³⁸⁴ *Бисмарк О.* . Указ. соч. Т. 3. С. 93.

Сквозившая в этих словах очевидная обида не может закамуфлировать факт очевидной правоты старого канцлера – невозможно обеспечить преемственность политического курса, если о предпринятых в прошлом шагах знаешь только понаслышке. Однако, такой подход к делу, на первый взгляд выглядящий волюнтаристским и безответственным, очень легко объясним – Каприви был приглашен и назначен на эту должность императором, присягал лично ему и только перед ним нес ответственность, что соответствует положениям и имперской, и прусской конституций. Нежелание обсуждать свое назначение ни с кем, кроме ответственных лиц, объясняется очень просто – пойдя Каприви к Бисмарку и он сразу же станет участником всего того клубка интриг, который сформировался при участии А. фон Вальдерзее, К.Г. фон Бёттихера и других уже очень давно, после восшествия нового императора на престол и обострился в период канцлерского кризиса. Да и изменения курса предполагались самые кардинальные.

Итак, после того как генерал занял важнейшие посты в Пруссии и империи, перед ним встал целый ряд первоочередных задач, которые требовали поступательного и безотлагательного рассмотрения и решения. Примечательно, что все участники событий зимы – начала весны 1890 г. полагали, что основное направление политического курса страны останется неизменным. Так, по крайней мере публично, утверждал и император: «Должность вахтенного офицера на государственном корабле досталась мне. Курс остается прежним. Полный вперед!»³⁸⁵. В унисон с ним высказывался и Бисмарк: «Каприви не сможет многое изменить в политике. Во внешнеполитической сфере изменения невозможны. Колея столь глубока, что колеса должны ехать по ней далее»³⁸⁶. Однако, очень скоро всем стало очевидно, что Бисмарка меняли не для того, чтобы оставить прежний курс неизменным. Изменения коснулись обеих сфер – и внутри- и внешнеполитической.

³⁸⁵ Цит. по: *Herwig H.H.* «Luxury» Fleet: The Imperial German Navy, 1888–1918. London, 1987. S. 17.

³⁸⁶ Цит. по: *Meisner H.O.* Op. cit. S. 676

Начало изменениям, правда в данном случае абсолютно вынужденным, положили кадровые перестановки и новые назначения. Достаточно долгие переговоры сопровождали поиски кандидата на освободившуюся после отставки Герберта Бисмарка должность статс-секретаря по иностранным делам. Вначале она была предложена посланнику в Брюсселе графу Ф. И. фон Альвенслебену, который в 1900 г. займет пост посла в С.-Петербурге, но граф не принял предложения, изначально исходившего от Бисмарка и в принципе поддержанного императором. Второй кандидат на этот высокий пост – барон А. Маршалл фон Биберштейн, о котором посол Шувалов писал, что его «навыки хвалят»³⁸⁷, принял это приглашение и стал одним из самых последовательных сторонников «нового курса», за реализацию которого вскоре взялся новый канцлер.

В связи с этим назначением хотелось бы привести несколько цитат из донесений российских дипломатов, характеризующих скорость их адаптации, равную, видимо, скорости адаптации немецких политических кругов к эпохальному уходу «творца германского единства». Вот что пишет советник русского посольства М.Н. Муравьев в строго секретном письме министру Н.К. Гирсу 25 апреля 1890 г., то есть чуть более месяца спустя после события: «Торжественный отъезд принца Бисмарка из Берлина, который он сам сравнивал с первоклассными похоронами, кажется, действительно вывел его из числа живущих в правительственных кругах.

Мы в Берлине совершенно не беспокоимся о нем, и если иногда его имя появляется в печати, то именно для того, чтобы воспроизвести его так называемые упреки в неблагодарности, которые он адресует всем и каждому. Искренние, хотя и немногочисленные, друзья экс-канцлера глубоко сожалеют о том, что он не хотел просто принять способ отставки, предложенный ему императором Вильгельмом. То есть публичное заявление о том, что он уходит по собственному желанию, гораздо больше защитило бы его достоинство, чем

³⁸⁷ АВПРИ. Ф. 138 Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 115/122. Л. 54.

показная манера, в которой он настаивал на том, чтобы сообщить всем, что он был уволен против своей воли.

Если из чувства мести он поверил, что это сделает императора непопулярным, то он ошибся в своих расчетах, потому что, напротив, тот факт, что тот смог так легко уволить такого слугу, уменьшил слугу и увеличил господина.

В Министерстве иностранных дел, как и в других ведомствах, мы очень легко свыклись с мыслью об отъезде князя Бисмарка, что же касается отставки его сына, то ее встретили с такой радостью, которую даже нельзя назвать скрытой»³⁸⁸.

«*Sic transit gloria mundi*». С этим молниеносным забвением, или по крайней мере его попыткой, которая в русские дипломатические донесения проникла конечно-же из коридоров министерства на Вильгельмштрассе, бисмарковское наследие в политике преодолено не было, но для такого преодоления было сделано достаточно много.

Внешней политики я коснусь только вскользь, хотя именно она, конечно же, является главным предметом интереса и заботы нашего посольства. В этой области первые шаги германских властей, лишившихся своего старого «рулевого», были скоропалительны и имели далеко идущие, трагические в перспективе последствия.

Сразу же после прихода к власти Л. фон Каприви будущее внушало российской стороне осторожный оптимизм: «После отъезда графа Шувалова, я [Н.К. Муравьев. – А.М.] отправился к новому канцлеру генералу Каприви и к министру иностранных дел барону Маршаллу, которого я знал в других случаях в качестве баденского министра.

Оба приняли меня самым любезным образом, и я думаю, что не ошибаюсь, утверждая, что они намерены поддерживать наилучшие отношения с императорским посольством.

³⁸⁸ АВПРИ. Ф. 138 Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 115/122 Л. 66-67.

Отправившись на следующий день в завершение своего визита к графу Берхему³⁸⁹, я счел своим долгом сказать ему, как я счастлив, что он остается в министерстве.

Он ответил, что если бы в прошлом имперское посольство было в состоянии быть удовлетворено своими сношениями с ним, то впредь это положение вдвое улучшится, что он открыт каждый день и что как только мы к нему обратимся, то это будет немедленно выполнено»³⁹⁰.

Однако, очень быстро стало ясно, что изменения коснутся в первую очередь отношений с Великобританией и Россией. Немецкий историк Б. Ульрих так охарактеризовал этот переход: «существующая система союзов оценивалась не по ее пригодности для мира, а по ее пригодности для войны. Однако, поскольку новое руководство было теперь вполне способно вести войну на два фронта и в корне не доверяло царской империи и трактовало договор [перестраховки. – А.М.] как несовместимый с принципами Тройственного союза, и было решено не продлевать его в марте 1890 г. Поворот против России должен был быть уравновешен сближением с Англией, расширением и стабилизацией Тройственного союза — прежде всего через торговые соглашения»³⁹¹. Итак, первое, что было сделано «новыми властями», и в этом случае прежде всего императором, все еще находящимся под большим влиянием русофоба Вальдерзее, в свою очередь свято верившего в возможность победоносной войны против России и принципиальной неизбежности войны на два фронта, это прекращение переговоров с российской стороной о продлении перестраховочного договора. То есть, из долго строившегося здания европейской, а значит и мировой безопасности, был вынут краеугольный камень — русско-германские договоренности, обеспечивающие, в сочетании с имеющимися союзническими отношениями с

³⁸⁹ Имеется в виду граф Максимилиан фон Берхем (von Berchem) (1841 – 1910), бывший с 1886 г. заместителем статс—секретаря по иностранным делам и отправленный в 1890 г. в отставку.

³⁹⁰ АВПРИ. Ф. 138 Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 115/122 Л. 67-68.

³⁹¹ Ulrich B. Außenpolitik und Imperialismus. URL: <https://www.bpb.de/themen/kolonialismus-imperialismus/kaiserreich/139653/ausserpolitik-und-imperialismus/> (дата обращения 25.11.2022).

Австро-Венгрией, максимальное спокойствие на восточных границах Германии, что позволяло ей в качестве единственной угрозы рассматривать Францию и отчасти Великобританию. Попыткой нивелировать или уменьшить эти угрозы стало «заигрывание с Великобританией» (сделка Гельголанд-Занзибар, попытки переговоров и т.д.), которое имело конечной целью склонить Британию к вступлению или хотя бы к максимальному сближению с Тройственным союзом. Эти попытки не закончились положительным результатом, что определило в дальнейшем расклад сил на европейском континенте, так как отказ от «перестраховочного договора» буквально «толкнул Россию в объятия Франции». Эти известные всем факты являются только необходимой внешнеполитической канвой важных для нас внутренних процессов.

Интересно, что граф А. Вальдерзее, бывший одним из главных инициаторов обострения конфликта императора и Бисмарка и надеявшийся стать главным бенефициаром отставки канцлера, вскоре сам был отправлен в отставку – Вильгельм избавлялся от всех людей, занимавших в прошлом по отношению к нему позицию ментора. «С некоторых пор звезда политика менее ценного, чем князь Бисмарк, но имевшего, тем не менее, долю влияния, которую он использовал против бывшего канцлера, заметно начала меркнуть. Я здесь говорю о графе Вальдерзее, начальнике генерального штаба армии. Этот преемник графа Мольтке, который всегда относился к нам враждебно и способности которого, по моему скромному мнению, меньше, чем он сам себе представлял, сильно раздражал императора Германии. ... командиры армейских корпусов горько жаловались Его Величеству на недостаточное обеспечение Генерального штаба в части снабжения войск и руководства интендантскими службами в целом. Император, как я вижу, сам в этом убедился», – писал российский посол граф П.А. Шувалов осенью 1890 г. министру Н.К. Гирсу в конфиденциальном письме³⁹².

³⁹² АВПРИ. Ф. 138 Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 115/122. Л. 153-154.

Таким образом, император избавился от всех высших имперских сановников, претендующих на самостоятельную роль в политике. Каприви, как предполагал суверен, на такую роль претендовать не будет. Хотя все вышло не совсем так, но при дальнейшем анализе хода событий следует помнить, что ключевую роль в выработке политического курса играл император и только он, что и обеспечивало преемственность и внутреннее единство этого курса.

Важнейшим направлением германской внешней политики при Вильгельме II стало колониальное. Произошло это далеко не сразу и причины перехода многоплановы, определяющим при этом был британский фактор. Каприви по поводу возможностей германской колониальной политики был настроен скептически, ему приписывается крылатое выражение – «чем меньше Африки, тем лучше», авторство другой его фразы не вызывает сомнений, так как она была произнесена в рейхстаге 17 февраля 1894 г. – «мы должны благодарить бога, что никто не подарил нам всей Африки»³⁹³. В связи с этим тезисом становится понятной сделка по обмену Гельголанда – маленького острова в Северном море на значительно более обширные африканские владения в Занзибаре, которая многими воспринималась как сделанная Лондону уступка в ущерб интересам Германии, но сам Каприви писал, что еще несколько лет назад он говорил Бисмарку, что без Гельголанда военное значение канала между Северным и Балтийским морями, решение о строительстве которого было уже принято, ничтожно³⁹⁴. Итак, с точки зрения колониальной политики можно говорить о большей, чем по иным сюжетам, преемственности курса Бисмарка и Каприви. Для них обоих «карта Африки лежала в Европе», оба они, правда с разных позиций и разными методами, стремились к одному – созданию в Германии политически единой нации, главной идеологической доминантой которой должна была стать

³⁹³ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 9. Legislatur-Periode 1893/94. Bd. 2. S. 1304. URL: https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt3_k9_bsb00018687_00502.html (дата обращения 28.12.2023).

³⁹⁴ Цит. по: *Meisner H.O.* Op. cit. S. 678.

государственная, общегерманская идея. Такой идеей, как мы увидим ниже, стала «мировая политика», основной составляющей которой и был колониальный тренд, вопреки личным взглядам и Бисмарка, и Каприви.

Каприви вырос и сформировался как личность в доконституционное время. Он начал свою военную карьеру в период реакции, наступившей после революции 1848–1849 годов, поэтому вполне объяснимо, что по своим взглядам он относился к консерваторам. Для него как для прусского офицера были естественны представления о государстве, полностью находящемся под властью короля, стоящего над политическими партиями. Главной функцией такого государства было поддержание внутреннего порядка и обеспечение внешнеполитической безопасности. Эта концепция «надпартийного» государства в условиях Германии была иллюзорной или, по меньшей мере, несвоевременной. Каприви одинаково чужды были и бонапартистско–плебисцитарные методы его предшественника, и парламентская форма правления, в которой «большинство» и «интересы» занимали место авторитета и компетентности.

Каприви противился изменениям в политической системе, главным образом, по одной причине. Как человек, служивший в Генеральном штабе и хорошо знавший все стратегические военные планы, он прекрасно понимал, что реализация германской внешнеполитической стратегии вряд ли возможна мирным путем. Грядущую войну, причем скорее всего в не самом благоприятном положении и возможно на два фронта, следует рассматривать как хотя и отдалённую, но реальную перспективу. Каприви не мог не понимать, что новая война не будет больше «кабинетной» войной, как войны XVIII века и даже 1864 или 1866 годов. Она потребует большого напряжения сил, причем не только военных, но и экономических, и политических, что стало особенно актуальным в связи с постепенным ростом значения рейхстага в стране, поэтому её следует всесторонне готовить и в военном, и в экономическом, и даже в психологическом отношении, нужно сделать

популярной её идею, завоевать на свою сторону общественное мнение Германии и обеспечить максимально возможное число союзников.

Для того, чтобы в будущем одержать победу Каприви необходимо было готовить страну, ее экономику и общество к будущей войне³⁹⁵. Не все на этом пути шло гладко и поступательно, часто возникали непредвиденные осложнения и препятствия, но цель оставалась неизменной, и это касается не только периода канцлерства Каприви, но и всей истории страны вплоть до 1914 г.

Именно исходя из этих задач, появилась на свет идея «примирения», являвшаяся на протяжении всего периода канцлерства Каприви константой его внутривнутриполитической доктрины «нового курса». Его представления в определённой степени перекликались с действиями императора, который своей политикой в рабочем вопросе создавал предпосылки для той же внутренней консолидации общества. Лейтмотив «примирения» характерен для отношений нового правительства с парламентом и партиями, национальными и конфессиональными меньшинствами, в какой-то степени он распространился и на социал-демократию. Необходимость проведения такой политики диктовалась также текущей ситуацией, сложившейся в стране в связи с отставкой Бисмарка. В это переходное время правительство и император должны были завоевать симпатии и авторитет в обществе. В пользу этого утверждения свидетельствуют и слова самого Каприви. На заседании прусского Государственного министерства в сентябре 1890 г. он заявил: «Для того, чтобы сделать последствия ухода Бисмарка с имперской и государственной службы менее заметными и болезненными, была выбрана политика примирения, которая уже достигла некоторых успехов»³⁹⁶. В своей первой в качестве прусского министра-президента речи в палате депутатов ландтага 15 апреля 1890 г. Каприви подчеркнул: «До сих пор чуждый

³⁹⁵ *Langewische D. Reich, Nation, Föderation. S. 154.*

³⁹⁶ *Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz. (GStA). Staatsministerialsitzungsprotokolle. 29.09.1890. Rep. 90a. Bd.103. Bl.195.*

политики, я посчитал своим долгом первым делом постараться установить личные отношения между вами [депутатами. – *А.М.*] и мной. Вы прекрасно понимаете, что в отличие от моего великого предшественника я должен приложить немалое усилие, чтобы установить с вами личные отношения, хотя бы в той мере, которая необходима для выполнения профессиональных обязанностей»³⁹⁷. Эти слова в прессе получили широкий резонанс, трактовались как объявление новой политической программы и отход от существовавшей при Бисмарке системы. При этом в той же речи Каприви выразил надежду и даже уверенность, что построенное при «гениальной силе, железной воле и глубокой любви к Родине Бисмарка здание достаточно крепко, чтобы даже в ситуации, когда поддерживающая его рука отсутствует, пережить порывы ветра и непогоды». Каприви был убежден, что члены ландтага Пруссии, «на плечах которой покоится здание империи» окажут «в этот тяжелый момент нашему молодому монарху, у которого есть способности и возможности, чтобы заполнить занимаемую ранее канцлером нишу, полную поддержку в его внутри- и внешнеполитических начинаниях»³⁹⁸.

Каприви в той же речи пытался убедить своих слушателей в том, что курс останется неизменным, о чем ранее говорил и император, приводя в доказательство своих слов то, что ключевые фигуры прусского министерства остались на своих местах, но при этом «мы будем брать всё хорошее от всех, кто нам его может дать, так как мы уверены, что именно в этом заключается воля и благо государства»³⁹⁹.

Интересно, что русское посольство никак не отреагировало, по крайней мере незамедлительно, на эту программную речь нового канцлера, тем более что некое «примирение», провозглашенное Каприви, было неясным и вначале малоосуществимым.

³⁹⁷ Die Reden des Grafen von Caprivi ... S.369-370.

³⁹⁸ Ibid. S. 370.

³⁹⁹ Ibid. 371.

Отказ от поддержки исключительного закона против социалистов был связан с несколькими моментами, но в его основе лежала сложная ситуация, сложившаяся для имперских властей в связи с расстановкой сил в рейхстаге. Именно этот фактор был, как нам представляется, одним из определяющих при объявлении политики «примирения».

Опереться на прочное парламентское большинство, как это было в 1887-1890 гг. с партиями «картеля» или позже в 1907-1909 гг. в период «бюловского блока», при Каприви было невозможно по нескольким причинам. Прежде всего, это было связано с простой арифметической данностью – партии «картеля» (обе консервативные партии и национал-либералы), которые почти целое десятилетие были «правлящим» объединением, обладали почти третью парламентских мандатов и нуждались для создания большинства лишь в 76 голосах левых либералов. В то же время партия Центра и партии, которые к ней тяготели, то есть вельфы, поляки, эльзасцы и датчане также в совокупности имели примерно треть голосов. Ещё одной причиной сложного положения Каприви были особенности немецкой партийно-парламентской системы: характер голосования той или иной парламентской фракции по предложенным правительством законопроектам чаще всего зависел от уступок со стороны исполнительной власти по определённым вопросам в адрес той или иной заинтересованной партии, считающей данный вопрос своей «вотчиной». Для консерваторов этим предметом торга были аграрные вопросы, для партии Центра – религиозные, а для либералов – военный бюджет и вооружения. Причём, добиваясь от правительства нужных им уступок, партии могли вступать друг с другом в различные временные коалиции, объединять свои усилия и голоса для противодействия тому или иному правительственному законопроекту. В этой особенности партий как неких «лоббистских группировок» и заключалось их принципиальное отличие от Социал-демократической партии Германии (СДПГ).

Причины ещё одной трудности во взаимоотношениях Каприви и парламента кроются в том, что по результатам выборов 1890 г. был

сформирован рейхстаг, отличительной чертой которого было голосование избирателей против Бисмарка и его политики. Он не обладал внутренним единством и ясностью целей в новых условиях, когда главный раздражитель – Бисмарк – был устранен, а находившиеся до этого в оппозиции партии Свободомыслящих и Центра нуждались в определённом времени, чтобы отойти от навязанного им в предыдущий период образа действий. Кроме того, следует иметь в виду и то, что Каприви не обладал ни авторитетом, ни бесцеремонностью своего предшественника.

При общей характеристике основных направлений внутренней политики Германии периода канцлерства Каприви мы исходим из убеждения, что внимание немецких политиков и русских дипломатов было приковано к одним и тем же проблемам, которые и стали основополагающими для «нового курса», провозглашенного Каприви.

Одной из таких проблем в начале 1890 г., параллельно с отставкой Бисмарка, стала коллизия с международной конференцией по рабочему вопросу, охране труда и тесно связанного с ними социального страхования. Она живо интересовала императора и правительство зимой-весной 1890 г., но уже к концу года совершенно ушла как из дипломатических донесений, так и из поля зрения правительственных чиновников, в отличие от вопроса отношений с социал-демократическим движением, сохранявшим значимость и актуальность на протяжении всего периода правления Вильгельма II. В 1890 г. информационным поводом для обращения к этой проблеме было заканчивающееся осенью действие Закона против вредных и опасных стремлений социал-демократии или Исключительного закона против социалистов. Из Берлина доносили: «1-го октября н. ст. конечный срок применения специального закона против социалистов. Закон этот, который считался государственной необходимостью бывшим канцлером князем Бисмарком, по мнению нынешнего правительства далеко не достиг своей цели и только значительно увеличил социалистическую пропаганду внутри страны. Император Вильгельм II заявил, что правительство без содействия

народонаселения не в состоянии успешно бороться с социализмом, что именно на долге граждан лежит прямая обязанность самостоятельно действовать против распространения этих пагубных учений»⁴⁰⁰.

Отказ от поддержки исключительного закона был связан с несколькими моментами, но в его основе лежала идея, что предыдущая репрессивная политика Бисмарка, основанная на введении превентивных мер против «врагов империи», не дала положительных результатов. Те, против кого эти меры были направлены – прежде всего социалисты и католики – только усилились за время действия Исключительного закона и Культуркампа, став не просто заметными, но одними из сильнейших партий рейхстага и политических сил в стране в целом. Соответственно, проведение правительственной политики и принятие важных для властей законопроектов без их поддержки было просто нереально. Вторая причина – без этих бывших «врагов государства», которые представляли мощные социальные силы, прежде всего рабочий класс, построение единого в своих устремлениях общества также было невозможно. Новая задача состояла не в том, чтобы подавить и «выключить» их из общественной жизни, а в том, чтобы если не перестроить эту жизнь с учетом интересов ранее преследуемых социальных групп, то хотя бы предпринять некие шаги для их максимальной интеграции во все сферы экономики, культуры и политики, снижения их стремления к слому и к кардинальному переустройству существующего государственного строя, создания условий, при которых они были бы заинтересованы в его сохранении. Все эти цели по большому счету сводились к одному – сформулировать идею, которая могла бы сплотить нацию, т.е. стать национальной.

Несколько особняком, однако, в том же ряду «примирения с бывшими врагами» стоят взаимоотношения между прусскими властями (данный вопрос находился в компетенции властей Пруссии, а не империи, хотя имел,

⁴⁰⁰ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1890 г. Д. 16. Л. 136.

несомненно, общегерманское значение) и польским национальным меньшинством. Национальные противоречия в принципе не были самой большой проблемой Германии, сколько-нибудь значимым в процентном отношении было как раз польское меньшинство, насчитывавшее максимально около 2 млн чел. Кроме них, были еще датчане в Шлезвиге и население Эльзаса-Лотарингии, которое условно можно было частично отнести к французам. С одной стороны, в силу своей немногочисленности инонациональный фактор не мог стать экзистенциальной проблемой для немцев, но с другой, – Германия не обладала опытом в выстраивании межнациональных отношений, сравнимым с австрийским или российским. Бисмарк относился к полякам как к населению восточных областей Пруссии, которое следует германизировать и максимально ассимилировать. Общеизвестно, что одной из важнейших причин и составных частей Культуркампа была как раз польская составляющая, так как поляки мало того, что были не немцами, так еще и католиками, то есть находились под сильнейшим влиянием внешней силы – папского престола.

Польская политика Пруссии всегда, за редкими исключениями, а особенно при Бисмарке была сугубо репрессивной, здесь достаточно упомянуть хотя бы Колонизационный закон 1886 г. и деятельность созданной на его основе Колонизационной комиссии⁴⁰¹. Каприви постарался пойти на примирение с поляками. Курс этот включал в себя несколько знаковых этапов и сфер применения. В церковной сфере на место Познанско-Гнезненского архиепископа был назначен поляк Ф. Стаблевский, была изменена политика в использовании польского языка в школах, скорректирована колонизационная деятельность, правда здесь стоит отметить, что полякам в области «борьбы за землю» удалось перехватить инициативу и с помощью созданных собственных кредитных институтов увеличить польское землевладение, в том

⁴⁰¹ Подробнее см., например: *Belgart M.* Parzellierung und innere Kolonisation in den 6 östlichen Provinzen Preußens. 1875-1906. Leipzig, 1907; *Bernhard L.* Die Polenfrage. Nationalitätenkampf der Polen in Preußen. München-Leipzig, 1920.

числе покупая участки из немецких рук, что полностью противоречило планам прусских властей. Роль и место польской политики в общей стратегии «нового курса» были уже подробно изучены нами ранее в упоминавшейся уже книге «Канцлер Каприви и поляки», поэтому специально этих сюжетов мы касаться не станем.

Важнейшей заботой правительства и одновременно его величайшим успехом стала подготовка и подписание между Германией и странами Центральной Европы, а также Россией ряда двусторонних торговых договоров, главной целью которых было укрепление германских позиций в регионе. Было решено пойти по пути, уже опробованному Пруссией при создании Германской империи, а именно создать экономическую систему, которая привязала бы соседние государства прочнее, чем любой внешнеполитический союз (как Прусский таможенный союз 1834 г. объединил значительную часть германских государств и создал экономическую основу для объединения страны по малогерманскому пути).

Русско-германский торговый договор, в этой связи, следует рассматривать только как одну из частей, хоть и из ряда важнейших, той торгово-таможенной системы, которая была создана в 1890–1894 гг. путем заключения схожих соглашений с рядом европейских государств – Австро-Венгрией, Италией, Швейцарией, Сербией, Румынией, Испанией. Кроме упомянутых уже внешнеполитических целей эти договоры должны были решить и очевидные внутривнутриполитические задачи, а именно, способствовать дальнейшей консолидации общества, создать более эффективную экономику, ослабить воздействие циклических кризисов перепроизводства на народное хозяйство страны, добившись его диверсификации. По поводу этих соглашений русский посол граф П.А. Шувалов после своей беседы в декабре 1891 г. с германским государственным секретарем по иностранным делам А. Маршаллом фон Биберштейном сообщал в Петербург следующее: «Договоры эти... являются как бы компромиссом между покровительственной системой и необходимостью облегчить вывоз германских, преимущественно

мануфактурных изделий и железа. Изложение доводов особенно напирает на чрезвычайную важность для Германии обеспечить уже завоёванные для сбыта ее произведений рынки и открыть новые, ценою взаимных уступок. Основной принцип договоров есть постоянство тарифов, с известным понижением их ставок, через что торговля приобретает столь важную для ее процветания уверенность в неизменности нового положения вещей в течении 12-ти летнего периода и тем самым, получив возможность делать расчеты на более долгие сроки, даст сильный толчок развитию национальной промышленности»⁴⁰². Государственный секретарь назвал создающуюся систему – «системой умеренного покровительства», что означало отход от принципов ультрапокровительственной экономической политики князя Бисмарка⁴⁰³.

Подписание этих соглашений стало следствием изменения основного социально-экономического тренда и обнажило сложнейшее противоречие, бывшее, с нашей точки зрения, одним из самых острых, дестабилизирующих всю государственную систему – а именно между промышленниками и землевладельцами и их клиентами со своими, подчас противоречащими друг другу задачами. При Бисмарке как до, так и после создания единой Германии, ведущей социально-экономической и политической силой страны и что было даже важнее – самой действенной опорой монархии Гогенцоллернов, были крупные прусские дворяне-землевладельцы, составлявшие особую социальную группу – т.н. аграриев или юнкеров⁴⁰⁴. Феномен прусского юнкерства включал в себя не только зависимость от него политических партий и организаций консервативной направленности, но и непомерное влияние, которое они имели на все ветви власти, прежде всего, верховную.

Диктат юнкерства, кроме экономической и династийной подоплеки, был также тесно связан с особенностью германского федерализма –

⁴⁰² АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1891 г. Д. 16. Л. 346–347.

⁴⁰³ Там же. Л. 360.

⁴⁰⁴ *Carsten F.L.* Op. cit. S. 120-153.

гипертрофированным влиянием Пруссии на общеимперские дела. Конфликт с этой экономической и политической силой стоил Каприви в 1892 г. должности прусского министра-президента, а затем, в 1894 г. – и имперского канцлера. Поводы для этих отставок были иные, но главной их причиной являлся конфликт с прусскими аграриями и связанными с ними политическими силами⁴⁰⁵.

Создание в 1893 г. Союза сельских хозяев (ССХ) как надпартийной организации, призванной лоббировать на всех уровнях интересы аграриев, стало прямым ответом на внешнеторговую политику договоров Каприви⁴⁰⁶.

В период канцлерства Л. фон Каприви правительство выступило, кроме внешнеторговых, с несколькими важными законодательными инициативами, вокруг которых разгорелись основные баталии в парламентах. Такими проектами были – военный, обсуждавшийся в 1891-1892 гг. и предусматривающий введение 2-хлетнего срока военной службы, а также проект школьной реформы в Пруссии, предполагавший усиление конфессиональной составляющей. Провал школьного законопроекта стал поводом к уходу Каприви с прусских должностей, и последовавшему за этим разделению постов канцлера и министра-президента Пруссии, что стало вторым прецедентом подобного рода после демонстративного и недолгого «ухода из Пруссии» Бисмарка в 1873 г. Такая ситуация, противоречащая и прусским, и имперским интересам, просуществовала очень недолго. Осенью 1894 г. Каприви и постоянно конфликтовавший с ним прусский министр-президент Б. Эйленбург были одновременно отправлены в отставку.

Главной проблемной областью этих четырех лет были отношения Каприви с основными парламентскими политическими партиями. Каприви, как я уже писала выше, не имел устойчивого парламентского большинства, был вынужден постоянно лавировать и идти на достаточно значительные уступки для получения поддержки отдельных фракций. Выборы 1890 г.

⁴⁰⁵ *Nipperdey Th.* Deutsche Geschichte 1866-1918. C.H.Beck, München, 1992. Bd. 2. S. 707-708.

⁴⁰⁶ *Puhle H.-J.* Agrarische Interessenpolitik und preussischer Konservatismus.... S. 28-36.

показали слабость консерваторов и национал-либералов, поэтому правительство должно было искать иную опору. К тому же конфликт с аграриями практически сводил на нет возможность поддержки правительственных законопроектов со стороны консервативных партий.

Постепенно, в результате различных парламентских комбинаций во многих вопросах опорой правительства, некой полуправительственной партией стала Католическая партия Центра. Начало этому сотрудничеству было положено еще 12 марта 1890 г. соглашением между председателем партии Л. Виндхорстом и О. фон Бисмарком. При Каприви руководство партии достаточно умело и последовательно добивалось своих целей, поддерживая правительство при проведении через парламент некоторых законопроектов и требуя взамен все новые и новые уступки (возврат иезуитов, возвращение денег из Вельфского фонда и т.п.).

Схожей с католиками тактики придерживалась партия Свободомыслящих. Её голоса требовались исполнительной власти для принятия военной реформы с сокращением срока службы до двух лет, и для поддержки торговых договоров. В 1892 г. правительство оказалась в очень сложном положении, так как обладавшая почти четвертью депутатских мандатов партия Центра резко выступила против военного законопроекта, борясь не только с увеличением армии, но и протестуя против слишком тесного сотрудничества правительства с левыми либералами – Свободомыслящими. В этот момент немецкие либеральные силы подошли к тому рубежу, когда дальнейшая поддержка правительства была равнозначна их отказу от основных политических принципов – голосование за военный законопроект означало фактически поддержку «прусского милитаризма», что грозило потерей доверия своего электората. В 1893 г. в партии Свободомыслящих произошёл раскол, и не только из-за разногласий по военному законопроекту, но и по внутренней причине. Устранение объединяющего левых либералов фактора — бисмарковской системы, в оппозиции к которой они находились, лишило партию объединяющего

стержня. Для разрыва между «старыми» и «молодыми» либералами теперь нужен был только повод⁴⁰⁷.

Левoliberalные партии в постбисмарковской Германии оказались перед дилеммой. С точки зрения социальных целей, частично идеологических установок и опять-таки частично электората их единственным логичным партнёром для сотрудничества, которое обещало успех на политической арене, были социал-демократы, но пойти на такое сближение лидерам Свободомыслящей народной партии не позволяла либеральная догма. Политика «нового курса», как показала неудавшаяся попытка сближения правительства с левыми либералами, могла опираться только на те силы из бывшей оппозиции, которые по меньшей мере были готовы на внутренние изменения, то есть на располагавшееся несколько правее Объединение свободомыслящих.

В начале 1890-х гг. в состоянии внутренней неустойчивости, внутренних противоречий между «старыми и новыми силами» оказалась партия Центра⁴⁰⁸. Хотя социальная база этой партии, которой была средняя и мелкая буржуазия, а также часть рабочего класса в областях с католическим населением, не изменилось, некоторой трансформации подвергся характер партийного руководства. Так как партия Центра не имела партийной организации с оформленным членством, а была лишь предвыборным объединением, то эти изменения в руководящих кругах оказывали на неё большое воздействие. Практически до 1890 г. доминирующее положение во фракции партии Центра занимало католическое дворянство Баварии, Вестфалии и Силезии, что сближало ее с консерваторами. При голосовании по военному законопроекту Каприви рассчитывал прежде всего на эти силы в католической фракции. Но довольно значительное ее большинство, выразителем взглядов которого с 1893 г. можно считать Эрнста Либера, придерживалось антимилитаристского курса. Проблемой для Каприви стал тот факт, что после новых выборов

⁴⁰⁷ *Langewische D.* Op. cit. S. 220-221.

⁴⁰⁸ *Bergsträsser L.* Op. cit. S. 155.

именно это крыло стало преобладать в католической фракции и выступать в поддержку заключённых договоров, но намного более решительно, чем прежде против военной реформы⁴⁰⁹. Взаимоотношения правительства и этой партии были достаточно сложными, тем более что она становилась все менее локальной и оппозиционной и превращалась постепенно в общенациональную и «правлящую».

Как уже отмечалось выше, одной из целей внутренней политики не только периода канцлерства Каприви, но и всей вильгельмовской эпохи была изоляция рабочего класса от социал-демократической пропаганды, интеграция в качестве одного из элементов уже существующей и подвергающейся определённой модернизации системы. На выборах 1890 г. социал-демократы добились значительных успехов даже в тех районах, где традиционно безоговорочно побеждал католический Центр. Поэтому интересы Центра и СДПГ пришли в прямое противоречие. Свою роль в процессе социальной интеграции пролетариата, по мнению властей, могла сыграть конфессиональная католическая партия. Огромное влияние на этот процесс оказала папская энциклика от мая 1891 г. *Rerum Novarum*, в которой папой Львом XIII была сформулирована социальная доктрина церкви, и необходимость противостояния разрушительному социалистическому движению. Антисоциализм Каприви и Центра были схожего толка, они предполагали бороться с ним не с помощью исключительных законов, а включением в сферу своего влияния социал-демократического электората. Сторону правительства эта партия занимала также по вопросу заключаемых торговых договоров. Лишь по проблеме военной реформы их позиции были непримиримо противоположны – руководство партии находилось под значительным влиянием избирателей юго-западной Германии, где демократические и антимилитаристские тенденции были традиционно очень сильны. Католическая партия на протяжении 1890-х гг. постоянно

⁴⁰⁹ *Morsey R. Die Deutschen Katholiken und der Nationalstaat zwischen Kulturkampf und Erstem Weltkrieg // Deutsche Parteien vor 1918. Hrsg. von G.A. Ritter. Köln: Kiepenheuer&Wirtsch. 1972. S. 273.*

увеличивала свой электорат, и в этом процессе немаловажную роль сыграло изменение структуры управления партией, что было отражением ее сдвига влево, хотя справедливости ради следует отметить, что левое крыло по-прежнему оставалась в меньшинстве. Важно и то, что руководство партии после вступления в должность Каприви всячески поддерживало его и очень активно стремилось к сотрудничеству. Виндхорст заявил в палате депутатов, что его фракция «относится к политике примирения, объявленной Каприви, с полным доверием и готова сделать все для сотрудничества с правительством на благо государства»⁴¹⁰. Однако для материализации стремления католической партии к сотрудничеству с правительством Каприви приходилось преодолевать сопротивление не только в парламенте, но и во властных структурах, так как традиции Культуркампа в стране были ещё достаточно сильны. Подобного рода настроения были характерны не только для национал-либералов, в том числе и Й. фон Микеля, но и самого императора, у которого страх перед Римом превратился в навязчивую идею. После смерти Л. Виндхорста в 1891 г. ведущую позицию в партии Центра занял Э. Либер, что можно было трактовать как проигрыш консервативного силезского крыла⁴¹¹.

Парламентская фракция партии Центра под руководством Либера выступила против военного законопроекта, но эта позиция была продиктована не столько борьбой с «прусской военщиной», сколько стремлением руководства сохранить единство партии, что с точки зрения партийной стратегии, было вполне оправданным шагом. Партия Центра и в дальнейшем сохранила свой проправительственный, по сути, характер. Особая роль партии отмечалась многими, например, Ф. Науманн писал: «Происходит не то чего хочет Центр, а не происходит того, чего Центр не хочет»⁴¹².

⁴¹⁰ Цит. по: *Leibenguth P.* cit. S. 143.

⁴¹¹ *Bergsträsser L.* Op. cit. S. 156.

⁴¹² *Naumann F.* Die politische Parteien // Op. cit. Bd.4. Berlin, 1910. S. 132.

Политика Каприви по отношению к левым буржуазным партиям являлась началом действительных сдвигов в политической системе, но инициатива в этом оставалась у исполнительной власти. Что действительно отличало «новый курс» от политики «железного канцлера», так это отказ от всех форм превентивной борьбы как во внешней, так и внутренней политике, а также от безусловной поддержки прусского юнкерства в ущерб интересам всего остального общества.

В заключение хотелось бы обобщить основное содержание политики «нового курса» Каприви. Пришедший к власти во многом в результате расхождений между Бисмарком и пользовавшимся поддержкой монарха широкими политическими силами по вопросам экономическим, социальным, рабочего движения и охраны труда, Каприви оказался перед необходимостью искать свой, отличный от предшественника путь решения всего комплекса внутривнутриполитических проблем. Таким путём он избрал политику «примирения», направленную на консолидацию различных социальных и политических сил с целью достижения гражданского мира и дальнейшего объединения нации.

Каприви называл себя консерватором («консерваторы – это те политические силы, к которым я по своим принципам стою ближе всего»⁴¹³), и в действительности цели и принципы именно этой партии были ему наиболее близки в силу всего его жизненного опыта и политических воззрений. Но, исходя из стратегических целей и собственных представлений о благе государства, он был вынужден сотрудничать практически со всеми буржуазными партиями, причем с консерваторами как раз в последнюю очередь. На такое сотрудничество его подталкивала расстановка сил в рейхстаге, когда для проведения того или иного законопроекта он должен был заручиться поддержкой различных фракций, которые в результате сложных комбинаций должны были составить парламентское большинство. В

⁴¹³ Caprivi an Ph. Eulenburg von 21.12.1891 // Philipp Eulenburgs politische Korrespondenz. Bd. 1. S. 739.

результате, это сотрудничество носило ситуативный, краткосрочный характер, ни о какой совместной выработке общеполитического курса, одинаковом понимании всеми сторонами стратегических целей государственного строительства и развития, речи не шло. Политические партии и их представители в парламенте достаточно умело пользовались ситуацией, вынуждая и подталкивая правительство ко все новым и новым уступкам. Особенно преуспели в этом Католическая партия Центра и польская фракция, в руках которых оказалась однажды судьба столь важного для канцлера и императора военного законопроекта.

В отношениях с парламентом Каприви часто не хватало политического опыта и авторитета О. фон Бисмарка, но те принципы и цели, которые он декларировал, были часто более популярны, чем мероприятия первого канцлера, особенно позднего периода его правления. Тем более что большинство ограничительно-запретительных мероприятий Бисмарка потерпели более или менее выраженную неудачу. Это касается и антикатолической, и антипольской, и антисоциалистической политики. Эти провалы* и заставили влиятельные политические силы искать новые подходы к решению этих и других проблем, стоящих перед страной.

Канцлерство Каприви стало необходимым переходным этапом от системы Бисмарка к системе Вильгельма II, оно страдало от всех противоречий, которые были изначально заложены в систему, но именно это время стало одной из самых ярких и последовательных попыток ее модернизации, которая затронула все сферы – от экономической и социальной до политической и международной. Это время высветило и основную ось противоречий – между промышленниками, с их заинтересованностью в новых ранках сбыта и либеральными ценностями, и прусскими аграриями, с их стремлением к консервативному сохранению существующей системы власти и охранительным мерам по отношению к внутреннему, прежде всего

* Вопрос неуспешности предпринятых Бисмарком мер представляется нам более сложным, чем это принято считать. Об это подробнее мы будем говорить ниже.

аграрному рынку. Столкнувшись с постоянной оппозицией партий в рейхстаге и став заложником безуспешных попыток лавировать между ними и их интересами и при этом еще и проводить ту политику, которую император и его канцлер считали правильными для Германии, Каприви не выдержал давления и был вынужден уйти в отставку. «Консервативные аграрии открыли кампанию против Каприви как «человека без почвы и корня». Горячий бой разыгрался вокруг торговых договоров. Эти затруднения еще более увеличивались оттого, что князь Бисмарк, отказавшись от своих прежних принципов, с присущей ему энергией принимал участие в борьбе против своего преемника»⁴¹⁴.

Уйдя в отставку, Л. фон Каприви прожил еще четыре с небольшим года. Получив известие о его смерти, тогдашний русский посол в Германии граф Н.Д. Остен-Сакен отправил министру иностранных дел М.Н. Муравьеву депешу, посвященную бывшему имперскому канцлеру, в которой констатировалось следующее: «Второй канцлер объединённой Германии граф Каприви скончался от паралича сердца в полном уединении в своём имении, не долго пережив своего Великого предшественника. ... В 1888 году он получил X корпус в Ганновере, откуда по личному почину императора был назначен в 1890 году заместителем князя Бисмарка. Не легкая выпала задача на храброго и талантливоего генерала. ореол славы, окружавший его гениального предшественника, и неудовольствие, возникшее в Германии по поводу его внезапного удаления, уже заранее как бы предназначали всякое его начинание самой едкой критике.

С другой стороны, твёрдая решимость императора идти на всех парусах по «новому курсу» вполне лишала его свободы действий, ежели бы он счёл нужным хотя бы по отдельным вопросам следовать политике первого канцлера. Тем не менее краткое управление делами графа Каприви ознаменовалось некоторыми выдающимися успехами, как-то проведением

⁴¹⁴ Вильгельм II. Указ. соч. С. 40.

военной реформы, и торговыми трактатами со многими европейскими государствами, между прочим и с Россией.

Последний особенно раздражил против него партию аграриев, во главе которой находился в то время прусский министр-президент граф Б. Эйленбург. Благодаря искусно ведённым интригам, этой партии удалось сломить доверие императора к его канцлеру и последний принужден был подать в отставку, которая и была немедленно принята. С 1893 г. и по самую свою кончину, граф Каприви жил в своём небольшом имении возле Берлина, не имея почти никаких личных средств и получая сравнительно незначительную пенсию в 12 тыс. марок, увеличенную до 18 тыс. два года тому назад. Редко бывая в Берлине, покойный довольствовался самым небольшим кругом родных и друзей, вполне отказавшись от всякого участия в политической жизни Германии, причем никакие нападки врагов его управления не могли вызвать его из его уединения и упорного молчания.

Печать и общественное мнение в один голос признают в графе Каприви рыцаря чести и человека, до безграничности преданного своему королю. Пред открытым его гробом умолкли даже его злейшие враги, аграрии, а органы представителей промышленных слоев, благодарных ему за его торговую политику, шлют его памяти самые тёплые некрологи.

В итоге с графом Каприви сошёл в могилу один из самых симпатичных деятелей новой Германии, жизненным лозунгом которого было повиновение воле своего императора и безукоризненная честность.

Вильгельм II вспомнил о своём опальном канцлере в телеграмме к его племяннику генералу фон Миллеру. Его величество оценивает его деятельность в следующих милостивых словах: «как солдат, высокоценимый своим верховным вождем, как имперский канцлер – убежденный, деятельный сотрудник, граф Каприви, и вдали от дел, сумел снискать себе признательность и благодарность своего императора»⁴¹⁵.

⁴¹⁵ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1899 г. Д. 15. Л. 19-23.

5.2. Хлодвиг фон Гогенлоэ-Шиллингсфюрст (1894-1900)

Князь Гогенлоэ стал канцлером после вынужденной отставки графа Л. фон Каприви, который хоть и не обладал авторитетом, способностями и харизмой «творца германского единства», но был политическим деятелем, способным иметь и даже отстаивать свою точку зрения, попытавшимся выработать собственный курс во внутривнутриполитическом развитии Германии, получивший название «нового».

Назначение князя Гогенлоэ стало неожиданностью и выглядело достаточно спорно. Казалось бы, после отставки «политического либерала, по-солдатски прямолинейного и крайне упрямого по своей природе»⁴¹⁶ графа Каприви, новым канцлером должен был бы стать не старый, энергичный человек, близкий по возрасту, духу и принципам императору, например, Бото цу Эйленбург или Альфред фон Вальдерзее, сыгравшие столь заметную роль во время кризиса, связанного с отставкой О. фон Бисмарка в 1890 г. Однако, император решил по-другому. Доверившись совету великого герцога Фридриха Баденского и своего ближайшего друга Филиппа Эйленбурга, он предложил должность канцлера весьма пожилому (к моменту назначения он был старше Бисмарка периода его отставки) государственному деятелю и дипломату.

Хлодвиг Карл Виктор князь Гогенлоэ-Шиллингсфюрст, герцог фон Ратибор, принц Корвей, родился 31 марта 1819 г. в Ротенбурге на Фульде и принадлежал к старому аристократическому франконскому католическому роду, который был медиатизирован в начале XIX века и разделился на баварскую и вюртембергскую ветви. Получив юридическое образование в университетах Гейдельберга, Гёттингена, Лозанны и Бонна, в 1843 г. сдал экзамены на юриста и сразу поступил на прусскую государственную службу. Впоследствии практически неизменно оставался в фарватере прусской

⁴¹⁶ Baumgart W. Op. cit. S. 57.

политики. Унаследовав владение и титул князя Шиллингсфюрста, стал членом верхней палаты баварского ландтага. Во время работы Франкфуртского Национального собрания в 1848-1849 гг. был назначен его послом в Лондон, поддерживал принятие имперской конституции в 1849 г. После поражения революции выступал за объединение Германии по малогерманскому пути, что поставило его в прямую оппозицию к курсу главы баварского правительства Л. фон Пфордтена. После австро-прусской войны 1866 г. стал министром-президентом Баварии, реформировал армию по прусскому образцу, способствовал вхождению южногерманских государств в Северогерманский союз. В 1870 г. по настоянию обеих палат баварского ландтага, считавших, что деятельность министра-президента идет вразрез с интересами страны, был вынужден уйти в отставку⁴¹⁷. С 1871 г. депутат рейхстага от пробисмарковской Либеральной имперской партии, одним из создателей которой он являлся⁴¹⁸. Во времена Культуркампа вновь поддержал Бисмарка в его борьбе против ордена иезуитов, несмотря на прочные связи с католической церковью – брат Хлодвига, Густав Адольф, был куриальным кардиналом и папским сановником в Риме. В 1874 г. занял пост германского посла в Париже, где приложил максимум усилий для преодоления вражды и реваншистских настроений в отношении Германии и немцев во французском обществе. В 1885 г. князь Гогенлоэ был назначен наместником в присоединенной к Германии в 1871 г. Эльзас-Лотарингии, где ситуация была крайне острой и требовала такта, спокойствия и дальновидности. Эти последние назначения явно свидетельствуют о его недюжинных способностях, вряд ли Бисмарк назначал бы его на ключевые посты, если бы он был «полнейшим ничтожеством» и «карликовой фигурой, выступающей во всем убожестве»⁴¹⁹, как характеризовал его известный отечественный историк-германист.

⁴¹⁷ Подробнее см.: *Гогенлоэ-Шиллингсфюрст Х.* Указ. соч. С. 133-135.

⁴¹⁸ *Власов Н.А.* Указ. соч. С. 70.

⁴¹⁹ *Патрушев А.И.* Указ. соч. С. 67.

При этом следует отметить еще несколько немаловажных фактов из биографии князя, которые имели значение для его служебной карьеры. Во-первых, он был светским человеком, близким ко двору. К роду Гогенлоэ принадлежала мать императрицы Августы Виктории, жены Вильгельма II, что и позволяло называть его «дядюшкой императрицы». Император так характеризовал его спустя годы: «Князь Гогенлоэ был типом старого знатного вельможи. Очень светский и по своему поведению, и по своим манерам, человек острого ума, сквозь который проглядывал легкий оттенок тонкой иронии с устоявшимися, благодаря его возрасту, взглядами, он был спокойным наблюдателем и проницательным ценителем людей. Несмотря на большую разницу в возрасте между нами, он уживался со мной очень хорошо. Это и внешне подчеркивалось тем, что императрица и я обращались с ним, как со своим дядей, благодаря чему вокруг нас, когда мы были вместе, создавалась атмосфера известной фамильярной дружественности. В беседах со мной, особенно при обсуждении кандидатур чиновников, он давал очень меткие характеристики этих людей, часто связанные с философскими рассуждениями, обличавшими в нем глубоко продуманное отношение к людям и жизни и основанную на житейском опыте зрелую мудрость старого человека»⁴²⁰.

Таким образом, назначение Гогенлоэ на ключевой пост в империи в значительной степени было «семейным делом». Зная его родословную, вполне можно объяснить и преданность Бисмарку, которую Гогенлоэ демонстрировал на предыдущих должностях. Эту преданность А.И. Патрушев трактовал как подобострастие и беспринципность – «будучи послом в Париже и наместником Эльзас-Лотарингии, он слепо повиновался Бисмарку, хотя порой и с отвращением»⁴²¹. Мне кажется, что лояльность Гогенлоэ – это скорее лояльность и преданность трону и Германии, тем более что ни у кого не вызывает сомнений, что Бисмарк, собственно, в неменьшей степени

⁴²⁰ Вильгельм II Указ. соч. С. 43

⁴²¹ Патрушев А.И. Указ. соч. с. 68.

олицетворял Германию и действовал в ее интересах, чем Вильгельм I Гогенцоллерн.

Несомненным плюсом Гогенлоэ, при этой его преданности трону и династии Гогенцоллернов, было его непрусское происхождение: «Вчера вечером меня позвали к Бисмарку. ... Он сказал, что находится в большом затруднении, относительно избрания послов; прусские гранд-сеньоры мало пригодны для этого, и он предпочел бы им человека другой национальности»⁴²². Мы часто забываем, что и после объединения Германии в 1870/1871 гг. принадлежность к тому или иному государству оставалась важным фактором.

Назначение послом в Париж или наместником в Эльзас-Лотарингию не пруссака было не случайностью, а принципиальным для выстраивания германо-французских отношений действием. Как уже сказано выше, Гогенлоэ был первым и единственным имперским канцлером до 1918 г., имевшим непрусское происхождение. Он был в меньшей, чем другие, степени ангажирован прусскими юнкерами, его окружал ореол либеральной «надпартийности». Имидж либерала тянулся за Гогенлоэ со времен Франкфурта и имел мало общего с его государственным взглядами 1890-х годов.

Еще одним фактором, учитывавшимся императором при назначении Гогенлоэ, были его связи с Россией. Жена князя, принцесса Мария фон Сайн-Витгенштейн, принадлежала к влиятельному русско-германскому роду Витгенштейнов, наследников огромного состояния Радзивиллов, включавшего Несвижскую ординацию. В августе 1888 г. Гогенлоэ ездил в Петербург для улаживания вопроса с земельной собственностью, встречался с министром финансов И.А. Вышнеградским, который посоветовал решить вопрос следующим образом – один из сыновей Гогенлоэ мог бы принять российское подданство и тогда бы вопрос продажи имений не стоял так остро.

⁴²² Гогенлоэ Х фон. Указ. соч. С. 156-157.

Из записей Гогенлоэ становится понятно, что для него это был главным образом вопрос финансовый. О встрече с российским императором Александром III, которому немца представил министр иностранных дел Н.К. Гирс, Гогенлоэ вспоминал следующее: «Я не скрыл от него, что доставшееся нам в наследство имение крайне обременено долгами, и что мы приняли его только в знак памяти о князе Петре Витгенштейне, и государь высказал мне сожаление по этому поводу»⁴²³. Кстати, вопрос об этом земельном владении вновь поднимался в переписке российского посольства в Берлине с министерством иностранных дел в Петербурге через несколько лет. «Каприви призывает меня заступиться за вас, если бы это было возможно, в пользу Гогенлоэ в деле о ликвидации Витгенштейна. Для большей части земли обязательство продать ее уже выполнено скрупулезно, и в настоящее время Гогенлоэ просит об отсрочке, чтобы продать то немногое, что осталось. Гогенлоэ и его группа в парламенте поддерживают торговый договор, и Каприви, кажется, придает очень высокую цену запрошенной услуге». На полях телеграммы посла графа П.А. Шувалова от 9(21) февраля 1894 г. Н.К. Гирс сделал помету: «Ему дают отсрочку ещё на 1 год»⁴²⁴.

Несмотря на все вышесказанное, нельзя оспаривать тот факт, что Гогенлоэ был «переходной фигурой» и именно так воспринимался не только историками, но и современниками. Однако зачем такая переходная фигура была нужна императору? Уже назначение Каприви, военного до мозга костей, на важнейшую государственную должность было достаточно спорным. Но, принимая во внимание желание Вильгельма II править самому, о чем он недвусмысленно заявлял в 1890 г., а также военный опыт Каприви, привыкшего повиноваться приказам, это как раз было большим плюсом.

По поводу назначения Гогенлоэ, император писал буквально следующее: «И снова стоял я перед тяжелой задачей выбора канцлера. Его деятельность должна была протекать приблизительно в той же обстановке и

⁴²³ Там же. С.232.

⁴²⁴ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1894 г. Д. 18. Л. 33.

при тех же условиях, как и деятельность его предшественника. Только теперь выдвигалась на первый план тенденция, чтобы это был более опытный государственный деятель, который мог бы внушить князю Бисмарку больше доверия, чем простой генерал. Такой государственный деятель сумел бы лучше следовать по политическому пути князя и давал бы Бисмарку меньше простора для критики и нападков»⁴²⁵. Итак, Вильгельм выбрал в канцлеры человека, с которым ему было комфортно работать, от которого он ожидал поддержки своих действий, а не сопротивления и постоянной борьбы. Это сопротивление в полной мере продолжал оказывать отставленный Бисмарк, который через газеты, прежде всего, *Hamburger Nachrichten*, разоблачал и высмеивал фактически все политические шаги своих преемников, что создавало значительные осложнения не только внутри страны, но и на международной арене. При назначении Гогенлоэ Вильгельм надеялся, что «к этому преемнику неприязнь князя не будет так велика. Выбор этого канцлера был сделан, таким образом, под сильным влиянием личности Бисмарка и инспирированного им общественного мнения»⁴²⁶.

Итак, император назначил на важнейший имперский пост удобную ему фигуру, фактически члена семьи, при этом питая надежду, что Гогенлоэ не вызовет активного отторжения у двух сторон – Бисмарка, который сам при создании конституции Германской империи придал должности канцлера непомерно большой вес, в ущерб всем остальным властным институтам; а также у парламентских партий, что поможет создать в рейхстаге более или менее устойчивую поддержку правительственным законопроектам. Насколько же эта «переходная» фигура будет соответствовать требованиям времени, в конце 1894 г. в полной мере оценить было невозможно, на «объективную оценку» могут претендовать только позднейшие исследователи, видящие историческую перспективу и всю многофакторность картины. Вообще складывается впечатление, что эти «требования времени» формировались

⁴²⁵ Вильгельм II. Указ. соч. С.43.

⁴²⁶ Там же. С. 44.

собственно «с течением времени» и в 1895 г. не было четкого представления, а тем более уверенности, к чему Германия придет к 1900, а тем более к 1914 г.

В 1890-1900 гг. произошел слом эпох. Конечно, такие вещи не случаются в один миг, любой исторический процесс всегда достаточно длительный, но какое-то событие все равно должно стать рубежом, точкой отсчета. Обычно, когда речь идет о политической истории Германской империи, таким рубежом считается уход в отставку Бисмарка, т.е. 1890 г. При этом, позволю себе предположить, что период канцлерства Каприви, по многим параметрам был как-бы продолжением предыдущего, «бисмарковского» периода, а назначение князя Гогенлоэ-Шиллингсфюрста совпало (именно совпало, а не стало причиной) с совершенно новым этапом в развитии страны, который через очень короткое время превратился в «бюловский». При этом, и мы постараемся доказать это в результате нашего исследования, вильгельмовский период германской истории был единым, неразрывным процессом, большинство мероприятий в области внутренней политики служили единой цели – обеспечение внутренних условий для реализации внешнеполитических задач.

Основным содержанием нового этапа стала «мировая политика», активная вовлеченность Германии в передел мира, строительство морского флота, который должен был обеспечить не только торговые, но и военные интересы страны в новых условиях. В 1895 г., и это отчетливо прослеживается по депешам русского посольства в Берлине, германским императором был взят курс на активную колониальную политику. Причин для этого, с нашей точки зрения, было несколько. Из внутренних, прежде всего, постоянно растущее социальное давление, нерешенность рабочего вопроса, страх перед социал-демократией и желание направить эту социальную энергию вовне. Из внешних – противостояние с Великобританией. Чтобы завоевать ведущие позиции в Европе, а именно это было основной германской целью, пришлось вступить на путь колониальных захватов и тем самым получить разменные карты для давления и торговли с Лондоном. Кроме всего прочего, и это как раз

лежит на поверхности, колониальные захваты сулили прибыль и новые рынки германской промышленности и торговле, то есть должны были способствовать смягчению остроты конфликта между промышленниками и аграриями.

В этот период основным в экономике страны становится смена ее аграрно-индустриального характера на индустриально-аграрный. Широко известны цифры занятости в сельском хозяйстве и в промышленности в этот период. Доля сельскохозяйственных рабочих год от года падала, занятость в промышленности росла, равновесие было достигнуто в 1895 г., в 1907 г. в аграрном секторе трудилось 32%, в индустрии – 37% рабочих⁴²⁷. Следствием этих процессов было появление, укрепление и выход на политическую арену класса промышленных рабочих и растущее год от года влияние германской социал-демократии не только внутри страны, но и в международных социалистических и коммунистических организациях. Рассматривая любые политико-экономические процессы в Германии времен империи, необходимо постоянно учитывать социалистический фактор как важнейший, причем не только для внутренней, но и для внешней политики. Эти экономические процессы стали причиной изменения внешнеэкономической стратегии, начало которой было положено заключением двусторонних торговых договоров, в том числе, и не в последнюю очередь, с Россией⁴²⁸. Следует отметить, что новая торгово-таможенная политика хоть и была важным шагом, но вовсе не окончательной победой промышленных кругов над аграрными, за которыми стояли значительные силы Консервативной партии с фигурой первого канцлера на заднем плане. Отставка Каприви была шагом, временно примирившим аграрные круги с правительством.

И здесь мы подходим к главной задаче, стоявшей перед страной и правительством в этот период. Канцлерство Каприви и меры им

⁴²⁷ Baumgart W. Op. cit. S. 55.

⁴²⁸ Подробнее см.: Матвеева А.Г. Русско-германский торговый договор 1894 г. в контексте «нового курса» германского канцлера Л. фон Каприви // ЭНОЖ История. Вып. Том 10 Выпуск 11 (85). М., 2019. DOI 10.18254/S207987840008076-2.

предпринимаемые, были продолжением реализации задач, которые были поставлены Бисмарком, хоть и несколькими иными средствами. Эту задачу я бы определила как «национальную», т.е. создание единого государства по национальному принципу и строительство этой самой единой нации. Этот процесс начался достаточно давно, в той или иной степени он шел почти весь XIX в. и вступил в новый этап в момент объединения страны, но ни в коей мере в 1871 г. не завершился. Интеграционной цели служили и все основные мероприятия 1870–1890 гг. от Культуркампа до Закона против социалистов. Каприви решал их несколько по-иному – с помощью примирительной политики «нового курса», привлечения на сторону правительства всех партий «порядка» и максимального завоевания социал-демократического электората с помощью развития системы социального страхования, использования потенциала христианских партий, прежде всего Католической партии Центра и т.д.

На сломе эпох постепенно стала оформляться новая задача. Сформулированная внешнеполитическая стратегия – «мировая политика» – должна была стать национальной идеей, чтобы превратиться в интегрирующий фактор для всех основных социальных и политических сил. Попутно с этой должны была решаться и другая задача – модернизация государства и его системы власти. Созданная Бисмарком система с превалированием исполнительной власти над законодательной и непомерной ролью имперского канцлера не была, по мысли либералов и социалистов, сбалансированной и прочной. Весь последующий период истории Германии до 1914 г. эта система постоянно эволюционировала – роль канцлера уменьшалась, а рейхстага все увеличивалась⁴²⁹.

Заключение торговых договоров стало только временной «победой» промышленных кругов над аграрными. В 1895 г. последние сделали очередную попытку реванша, постоянно педалируя вопрос о бедственном

⁴²⁹ *Osterhammel J.* 1880 bis 1914 // Informationen zur politischen Bildung №315. 2012. S. 56.

положении сельского хозяйства в империи и о необходимости выработки мер его государственной поддержки.

Вскоре после назначения Гогенлоэ канцлером советник российского посольства Н.В. Чарыков встретился со статс-секретарем по иностранным делам А. Маршаллом фон Биберштейном. В своей депеше в Санкт-Петербург на имя Н.К. Гирса в январе 1895 г. Чарыков пишет, что, по мнению статс-секретаря, кризис в сельскохозяйственной отрасли не связан с заключением торговых договоров, «... не только в России, но и в Германии, а равно и во всех остальных странах с парламентским правлением интересы земледелия были до самого последнего времени в загоне, и заботы, и щедроты правительства были обращены преимущественно на пользу обрабатывающей промышленности. Это объясняется конечно тем, что при парламентских выборах богатые промышленники играли гораздо более влиятельную роль, чем земледельцы»⁴³⁰. Признание бароном Маршаллом важности аграрных интересов явно свидетельствует не столько о повороте правительства в сторону аграриев, сколько о его попытке сгладить противоречия, постараться достичь баланса между интересами двух важнейших экономических групп. Российская сторона, постоянно опасавшаяся за судьбу русско-германского торгового договора, видела в этом «сближение нынешнего правительства императора Вильгельма с крайней консервативной партией прусских аграриев»⁴³¹.

Слова министра, поставившего на одну доску Россию и Германию, можно рассматривать только как некий реверанс в сторону российского представителя. Россия не являлась страной с парламентским правлением и конечно же не ставила во главу угла интересы промышленников. При заключении торгового договора Петербург интересовали как раз вопросы вывоза сельскохозяйственной продукции, прежде всего хлеба.

⁴³⁰ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1895 г. Д. 17. Т. 1. Л. 13.

⁴³¹ Там же. Л. 15.

Некий поворот в сторону аграриев, о котором говорил Маршалл, вдохнул новую жизнь в т.н. проект графа Каница* «об учреждении в Германии государственной хлебной монополии»⁴³². По сути, он «требовал передачи всей торговли иностранным хлебом в руки государства на началах монополии и законодательного установления минимальной цены на различные сорта хлеба, продаваемого государством»⁴³³. Новый министр сельского хозяйства Пруссии Э. Гаммерштейн-Локстен при обсуждении бюджета министерства земледелия в прусском ландтаге коснулся проекта графа Каница: «Я был противником торгового договора с Австрией, но коль скоро договор этот был заключён, последующие договоры были неизбежны, а тарифная война с Россией, если бы она затянулась, поставила бы Восточную Пруссию в невыносимое положение. Помочь нынешнему сельскохозяйственному кризису можно двояко: 1) понижением расходов производства; 2) повышением хлебных цен. Нынче ввозные пошлины на иностранный хлеб влияют в этом смысле на всём пространстве Германской империи. Ту же цель преследует проект графа Каница»⁴³⁴. Далее министр признал, что этот проект противоречит всем торговым договорам и согласовать их друг с другом не представляется возможным.

Прения по поводу этого законопроекта, затянувшись на целый год, вновь показали остроту конфликта между промышленным и аграрным капиталом. В январе 1896 г. «большинством голосов против 97 пресловутый проект был отвергнут. Свободомыслящая фракция, партия Центра, социалисты, гвельфы и большинство национал-либералов уничтожили последние надежды аграрной группы и консервативных сфер на осуществление предложенной графом Каницем меры»⁴³⁵. Голосование

* Ганс Вильгельм Александр граф фон Каниц-Поданген (Kanitz-Podangen) (1841–1913), немецкий политик, юрист по образованию, член Немецкой консервативной партии, депутат прусского ландтага в 1885-1913, рейхстага в 1869-1871 и в 1889-1913.

⁴³² Там же. Л. 23.

⁴³³ *Патрушев А.И.* Указ. соч. С.68.

⁴³⁴ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1895 г. Д. 17. Т. 1. Л. 24-25.

⁴³⁵ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1896 г. Д. 19. Л. 15.

однозначно продемонстрировало, что консервативные силы в рейхстаге находятся в меньшинстве, и это подтверждало пассаж статс-секретаря о превалировании в имперском парламенте промышленных групп интересов.

Понимание необходимости преодоления этого конфликта стало причиной новых правительственных шагов по оказанию помощи сельскому хозяйству. Предлагалась программа “*kleine Mittel*” (малых дел), осуществляемых «по мере возможности»⁴³⁶. К таким «малым делам» относится создание «сельскохозяйственных палат», которые должны были дополнить организованный еще при Каприви Союз сельских хозяев (ССХ), ставший главной организацией, представляющей интересы аграриев в Пруссии и Германии. В августе в Петербург сообщали: «Означенные палаты должны оказать сельскому хозяйству ту же пользу, которую существующие уже давно в Германии торговые палаты (*Handelskammern*) оказывают промышленности и торговле. Земледельческие палаты имеют право входить к местным властям с выработанными ими проектами и представляют сообщения и заключения по всем вопросам, касающимся земледелия и лесоводства. Им предоставлено право взять на себя управление местными учебными и иными техническими сельскохозяйственными учреждениями и впоследствии принимать участие в управлении сельскохозяйственными биржами и рынкам»⁴³⁷.

Власть не готова была прибегать к каким-то радикальным мерам, так как это могло бы, по мнению российских дипломатов, «подать мысль о своевременности коренного преобразования всего общественного строя, к чему клонит все социалистическое движение»⁴³⁸.

В ряду мер по законодательному регулированию экономической деятельности в стране в современных условиях особое место должен был занять т.н. биржевой закон, подготовка которого специальной комиссией

⁴³⁶ Там же. Л. 18.

⁴³⁷ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1895 г. Д. 17. Т. 1. Л. 271-272.

⁴³⁸ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1896 г. Д. 19. Л. 18.

началась еще в 1892 г., а в рейхстаг он был внесен в 1896 г. Одним из главных пунктов данного законопроекта было регулирование деятельности сельскохозяйственных бирж и предполагаемое запрещение *Terminhandel* [торговли фьючерсами. – *А.М.*], применённое к зерновым и хлебным товарам. Это объясняет особый интерес к данному проекту именно аграриев, которые с помощью нового закона пытались выработать рычаги влияния на хлебные цены. Российский посол замечает, что «угождая аграриям и урезывая законопроектом поле спекуляции, правительство наносит, однако, ощутимый удар по торгово-промышленным слоям населения, не говоря уже о той доле недоверия, которой задеваются купеческие сферы таких центров как Гамбург, Бремен и проч.»⁴³⁹.

В мае-июне 1896 г. российское посольство вновь подробно информирует Санкт-Петербург о ходе прений по законопроекту. Аграрии постарались извлечь максимальную пользу из обсуждаемого проекта и придать «внутренней финансовой мере... острый политический оттенок. В здешних же финансовых сферах замечается сильное раздражение против уступчивости правительства, пожертвовавшего в угоду аграрным вождениям важными интересами торговых и промышленных классов»⁴⁴⁰.

Биржевой закон был принят в июне 1896 г. и должен был вступить в силу с 1 января 1897 г. Кроме «регулирования биржевой спекуляции, определения более точным образом положения биржевых маклеров, третейских судов и т.д.» закон предусматривал «преобразование самой биржевой администрации введением в биржевые комитеты представителей аграрной партии». Правительство, предвидя осложнения, связанные с введением закона в действие, опубликовало его лишь за два дня до вступления в силу. Однако эта предусмотрительность не помогла. Биржевики решились на крайний шаг – бойкотировать деятельность бирж, не останавливаясь перед громадными

⁴³⁹ Там же Л. 104-107.

⁴⁴⁰ Там же. Л. 123-124.

личными потерями, посчитав, что «лучше прекратить сделки вообще, чем согласиться на столь тягостные для их свободы условия»⁴⁴¹.

Таким образом, принятие важного законопроекта и его претворение в жизнь закончилось большим скандалом и стало ощутимым провалом правительства. Позиция биржевиков заставила власти разрешить деятельность бирж в части фьючерсных сделок с хлебными товарами в обход закона. В 1908 г. этот пункт биржевого закона вовсе стал необязательным к исполнению.

История с принятием биржевого закона, с одной стороны, вновь обнажила острые вопросы противостояния аграрных и промышленных групп, каждая из которых защищала свои интересы, отказываясь видеть картину в целом, что и позволяло представителям и русской, и немецкой исполнительной власти постоянно повторять, что только они и стоящий над схваткой монарх способны действовать в интересах государства и народа. Так по поводу отклонения ряда правительственных законопроектов в 1895 г., российский посол писал: «парламент на этот раз доказал всю свою несостоятельность и не был на высоте своего призвания. Этот строгий приговор высказывается на столбцах всех независимых органов печати и находит сочувственный отголосок в общественном мнении, возмущённом бесцельными разглагольствованиями парламентских корифеев слова, озабоченных их личными и партийными интересами в ущерб народного блага»⁴⁴². С другой стороны, она стала еще одним шагом на пути юридической и экономической консолидации Германии, создании общеимперского законодательства.

Биржевой закон стал далеко не единственной мерой, направленной на унификацию законодательства Германской империи. В том же 1897 г. было принято Торговое уложение Германии (*Deutsches Handelsgesetzbuch*), в соответствии с которым вводилось единое правовое регулирование торговли

⁴⁴¹ Там же. Л. 255-257.

⁴⁴² АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1895 г. Д. 17. Т. 1. Л.184.

во всей Германии, а местные законодательные нормы должны были ему соответствовать.

В 1896 г. рассматривался также вопрос реформирования финансовой системы империи, связанной с матрикулярными взносами, т.е. взносами отдельных государств в общеимперский бюджет. Российское посольство очень внимательно следило за обсуждением этого вопроса. Помощник секретаря посольства титулярный советник Василий (Вильгельм-Александр-Яков) Яковлевич Фан-дер-Флит составил специальную записку о финансовой ситуации в Германской империи, которая была направлена в Петербург. Автор записки отмечает, что «финансовые отношения империи к союзным государствам составляют одну из важнейших сторон многосложного государственного механизма, зиждущегося на федеративном начале политического строя Германии. ... 70-я статья конституции постановляет, что государственные расходы империи в случае недостатка намеченных сумм, проистекающих из косвенных налогов – почт и телеграфов, – должны покрываться матрикулярными взносами союзных государств, взимаемых соразмерно численности населения. До 1879 г. имперское правительство нуждалось в таковой поддержке со стороны союзных государств»⁴⁴³.

Проведенная в 1879 г. таможенная реформа и введение табачного налога, сборы от которого шли в общеимперскую казну, в значительной степени увеличили имперские доходы, снизив роль в ней матрикулярных взносов. «Мысль о возможности полной экономической независимости империи от финансов союзных государств вызвала, однако, противоречие со стороны некоторых парламентских фракций. Партия Центра усматривала в финансовой самостоятельности империи упадок федеративного начала, либералы же опасались за бюджетное право парламента ввиду того, что, располагая самостоятельными средствами и обходясь без матрикулярных взносов, имперское правительство не нуждалось бы при составлении

⁴⁴³ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1896 г. Д. 19. Л.77.

государственного бюджета в одобрении народного собрания, призванного блюсти экономические интересы отдельных союзных государств»⁴⁴⁴.

Закон о таможенном тарифе 1879 г. установил, что годовой доход от таможенных сборов, налога на табак, гербовых сборов (с 1881 г.) и акциза на спирт, превышающий 130 млн марок, должен передаваться имперским правительством отдельным союзным государствам согласно численности их населения. Таким образом, вновь усилилась роль матрикулярных взносов. Все эти меры сделали систему, регулиующую финансовые отношения империи и союзных государств, чрезвычайно запутанной.

В 1896 г. лидер партии Центра и ее фракции в рейхстаге Э. Либер внес в парламент проект закона, который предусматривал ассигнование половины возвращаемой союзным государствам суммы на погашение долгов империи, при этом вторая половина должна была по-прежнему оставаться у союзных государств. Принятие этого закона стало «важным фактором экономической жизни, отмечающим новый фазис в развитии финансовых отношений между империей и союзными государствами»⁴⁴⁵. Эти меры позволили имперским властям почувствовать большую независимость от решений рейхсрата и обеспечили большую свободу рук общегерманским органам.

Еще одним и, пожалуй, важнейшим шагом на пути унификации внутренней системы страны стало принятие общегерманского Гражданского уложения в 1896 г. Кодекс, который начал разрабатываться еще в 1874 г., отмечалось в депеше из Берлина, «является результатом многолетних трудов всей учёной и мыслящей Германии и означает знаменательный исторический момент ее национального самосознания»⁴⁴⁶. Кстати, Уложение вступило в силу 1 января 1900 г. и продолжает действовать (конечно, с большим количеством изменений и уточнений) вплоть до настоящего времени⁴⁴⁷.

⁴⁴⁴ Там же.

⁴⁴⁵ Там же. Л. 86.

⁴⁴⁶ Там же. Л. 21.

⁴⁴⁷ Полный текст Уложения: Deutsches Reichsgesetzblatt. Bd. 1896, №21, S. 195–603.

Полностью оно не было отменено ни в период национал-социализма, ни в послевоенное время.

В ходе его подготовки редакторы кодекса отказались от постулата полноты, поэтому он сразу же стал сопровождаться целым рядом дополнительных и специальных имперских законов, в частности: законом о платежах в рассрочку 1894 г., законом против нечестной конкуренции 1896 г., законом о принудительной продаже с торгов и о принудительном управлении имуществом 1897 г., законом о поземельных книгах 1897 г., законом о купле-продаже животных 1899 г. и др.⁴⁴⁸.

Парламентские прения показали наличие двух подходов. К первому относились речи сторонников Уложения, в которых отражался подъем национального духа и девиз «ein Kaiser, ein Reich, ein Recht» (от нем. – один император, одно государство, одно право). Ко второму можно причислить те фракции, которые проект критиковали. Эта критика касалась, преимущественно, двух вопросов – о гражданском браке и о политических собраниях.

В первом вопросе партия Центра требовала упразднения в Германии этого института как подрывающего авторитет церкви. К мнению Центра примкнуло несколько консерваторов, осуждающих принципиально сведение брака до гражданского договора.

Социалисты и радикальные фракции были весьма озабочены стеснительными мерами нового гражданского кодекса относительно сходов и собраний, преследующих политические цели, и поэтому яро выступали против всего проекта.

При обсуждении проекта членами германского парламента он претерпел лишь незначительные изменения. Сущность его осталась неизменной, несмотря на оппозицию со стороны крайне левых демократов. Депутаты, проникнутые важностью предложенной реформы и энергично поддержанные

⁴⁴⁸ *Виноградова О.П.* Германское гражданское уложение 1896 г. как образец буржуазной кодификации права // Вестник Уральского юридического института МВД России. Екатеринбург. №4. 2015. С. 83.

прессой всей Германии, отнеслись серьезно к своей задаче. Уложение было в июне 1896 г. принято 222 голосами против 48 (при 18 воздержавшихся)⁴⁴⁹.

В это же время в рейхстаге обсуждался и другой законопроект, вызвавший много споров – проект реформы военно-уголовного судопроизводства, предусматривавший введение принципов гласности и открытости в судебные заседания в армии – в этом «государстве в государстве». Реформа начала обсуждаться в 1895 г., в декабре 1896 г. Гогенлоэ, выступая в рейхстаге, заявил, что проект выработан на основании новых правовых принципов.

Сложностью проекта было то, что он, как отмечали российские дипломаты, «должен объединить три отдельных судопроизводства для трех контингентов германской армии, а именно прусское (1845 г.), вюртембергское (1818 г.) и баварское (1889 г.), а с другой стороны, слить их все вместе с гражданским общегерманским уголовным судопроизводством (1-го февраля 1877 г.) в единое общее реформированное судопроизводство для германских армии и флота»⁴⁵⁰. Внутренний конфликт, связанный с вопросом либерализации военного судопроизводства, привел к отставке двух ключевых прусских министров – в декабре 1895 г. министра внутренних дел Э. фон Кёллера, выступавшего против открытости суда с участием военных, а в 1896 г. из-за разногласий с прусским военным кабинетом был вынужден оставить свой пост военный министр В. Бронзарт фон Шёллендорф, как раз поддерживающий реформу.

Новые правила военного судопроизводства все-таки были приняты рейхстагом и вступили в силу в 1900 г. Однако, дебаты, разгоравшиеся вокруг этого вопроса, были еще одним подтверждением сложности унификации законов различных германских государств, особенно в таком болезненном

⁴⁴⁹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1896 г. Д. 19. Л. 141-142.

⁴⁵⁰ Новый германский устав военно-уголовного судопроизводства (пер. статьи Dr. Benedix'a, Deutsche Juristen-Zeitung, 1899 г. № 13) // Вестник права. Журнал юридического общества при Императорском С. Петербургском университете. XXIX. Октябрь 1899. № 8, С.215-216.

вопросе, как открытость прусской армии, допущение гласности в ее внутреннюю жизнь.

К концу 1897 г. властям Германии удалось сделать многое в области внутренней консолидации империи, прежде всего на пути ее законодательной унификации. При этом общество продолжало поляризоваться в социальном и политическом смыслах, о внутреннем единстве не было и речи. Поляризация шла не только между аграриями и промышленниками, но, в первую очередь, между рабочим классом и выражавшей его интересы СДПГ и «силами порядка». Внутри периода канцлерства Гогенлоэ есть водораздел, связанный с событиями лета 1897 г., – отставкой целого ряда ключевых министров, прежде всего статс-секретаря по иностранным делам А. Маршалла фон Биберштейна и статс-секретаря по внутренним делам, заместителя имперского канцлера в Союзном совете и рейхстаге и вице-президента прусского министерства К. Г. фон Бёттихера, сыгравшего одну из ключевых ролей в кризисе зимы 1890 г.

После их ухода на основные посты пришли прусский министр финансов Й. фон Микель и посол в Риме Б. фон Бюлов. И хотя в 1897–1900 гг. Бюлов был только главой имперского ведомства иностранных дел, именно он стал основным проводником «мировой политики» императора Вильгельма II, главными внешнеполитическими целями которой стали колониальная экспансия и строительство морского флота. Бюлову, специалисту в вопросах внешней политики и международных отношений, нужно было время, чтобы разобраться во внутривнутриполитических хитросплетениях и наладить отношения с основными партиями рейхстага. Князь Гогенлоэ, оставаясь имперским канцлером до 1900 г., все больше отстранялся от общественно-политической жизни, становясь скорее ширмой для новых людей, определяющих новую политику.

Такая позиция канцлера вряд ли была результатом его собственного выбора, если принять во внимание те серьезные задания, с которыми он справлялся в предшествующий период. С одной стороны, как человек,

мыслящий имперскими категориями, преданный трону, обладающий навыками лавирования между различными социальными и политическими силами, он дал Вильгельму II возможность без спешки подобрать новую «правительственную команду», определиться с ее лидером и дать Б. Бюлову время для подготовки на роль умелого исполнителя воли императора. Но может быть и другое объяснение, часто встречающееся в литературе. Канцлер в силу возраста просто перестал интересоваться политическими вопросами, хотя страницы его воспоминаний скорее говорят в пользу первого предположения. При этом ему удалось то, что оказалось не по плечу Бисмарку, а именно, работать, причем без публичных скандалов и серьезных противоречий, с императором 6 лет и решить все задачи, которые перед ним стояли. Время это стало, пожалуй, самым спокойным за весь «постбисмарковский» период.

Умер Гогенлоэ летом 1901 г. в возрасте 82 лет и русский посол Н.Д. Остен-Сакен дал ему такую характеристику: «Вся долголетняя жизнь покойного была посвящена общественно-государственной деятельности, причём он постепенно занимал места баварского министра-президента, посла в Париже, наместника в Эльзас-Лотарингии и наконец, имперского канцлера. Повсюду он оставался по мере сил, верен либеральным тенденциям, что и повело к его падению в Баварии, но зато несомненно послужило к увеличению его популярности вообще, так как не безызвестны были его постоянные стремления к объединению Германии и усилия, которые он напрягал, чтобы заставить Баварию идти по новому, намеченному гением Бисмарка пути. ... В бытность свою на трудных и щекотливых постах посла в Париже и наместника в имперских землях, покойный князь постоянно действовал примирительно, что по достоинству оценено ныне французской печатью, которая посвящает ему прочувственные некрологи.

Далеко не обладая дарованиями князя Бисмарка, ни блестящим ораторским талантом графа Каприви, третий канцлер и на своём последнем посту сумел вселить к себе уважение всех партий, не исключая и социалистов,

крайне благотворно действуя на пылкую натуру императора. Вообще можно смело сказать, что редко государственный деятель оставляет по себе столь много симпатий и столь безупречную репутацию, не отмечаясь в то же время, выдающимися способностями»⁴⁵¹.

⁴⁵¹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1901 г. Д. 14. Л. 159-161.

5.3. Бернхард фон Бюлов (1900-1909)

Бернхард фон Бюлов был, с нашей точки зрения, самой значительной личностью в череде германских государственных деятелей на высших имперском и прусском постах после отставки О. фон Бисмарка, а период его канцлерства – самым длительным. Его можно считать ключевым в имперской истории Германии, прежде всего потому, что была предпринята попытка модернизировать ее социально-политическую структуру, изменить основной вектор внутривнутриполитического развития в принципиально изменившихся внешнеполитических условиях перехода к «мировой политике». «Именно с рейхсканцлером Бернхардом Бюловым (1900 – 1909) связывают последнюю серьезную попытку трансформации Германской империи в монархию парламентского типа», писала пермский исследователь Т.З. Шмидт⁴⁵². Не вызывает сомнений и тот факт, что канцлерство Бюлова было временем расцвета режима Вильгельма II, но и периодом его жесточайшего кризиса, связанного с чередой скандалов, в которые прямо и косвенно был вовлечен император. Рассматривая период его канцлерства, важно понять, какие стратегические цели во внутренней политике преследовал Б. Бюлов, какие шаги он предпринял и насколько успешными/неуспешными его действия оказались.

Бернхард Генрих Карл Мартин фон Бюлов⁴⁵³ родился 3 мая 1849 г. в местечке Клайн-Флотбек в Гольштейне в дворянской мекленбургской семье, корни которой уходят в XII столетие. Отец Бернхарда чиновник и дипломат Бернхард Эрнст фон Бюлов, мать – дочь крупного гамбургского купца Иоахима Рюккера, Викторина Луиза. Отец состоял на датской дипломатической службе, с 1851 г. представлял датские герцогства Гольштейн и Лауэнбург в Союзном совете, где сблизился с О. фон Бисмарком. В 1862 г. после назначения последнего прусским министром-президентом Бюлов-старший перешел на службу к германскому герцогу Мекленбург-

⁴⁵² Шмидт Т.З. Указ. соч. С. 11.

⁴⁵³ Патрушев А.И. Указ соч. С. 74-93.

Стрелицкому, возглавил министерство, затем представлял Мекленбург в бундесрате Северогерманского союза, активно поддерживал политику Бисмарка.

Бернхард изучал юриспруденцию в университетах Лозанны, Лейпцига, Берлина и Бонна, проявлял большой интерес к литературе и искусству. В 1870 г. добровольцем вступил в королевский прусский гусарский полк, принимал участие в боевых действиях против Франции, проявил мужество и получил чин лейтенанта. В 1872 г. закончил университетское образование и поступил на службу чиновником в Мец.

В 1873 г. Бисмарк назначил Бюлова-старшего статс-секретарем ведомства иностранных дел, в том же году и его сын поступил на дипломатическую службу. Под руководством отца и при покровительстве Бисмарка началось быстрое продвижение последнего по карьерной лестнице, он занимал различные должности в германских посольствах в Риме, Петербурге и Вене.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был временным поверенным в Афинах. В 1878 г. – секретарем германской делегации на Берлинском конгрессе, во время которого сблизился с О. фон Бисмарком и с Х. Гогенлоэ, что позволило ему после конгресса получить назначение вторым секретарем посольства в Париже, где послом был все тот же Гогенлоэ, будущий третий имперский канцлер. Бюлов провел в столице Франции шесть лет, проявил себя чрезвычайно способным дипломатом с задатками государственного деятеля, что позволило Гогенлоэ сделать очень точный прогноз: «Однажды он станет имперским канцлером»⁴⁵⁴. Для понимания личности Бюлова важно отметить и тот факт, что он всегда полностью поддерживал линию Бисмарка на недопущение войны с Россией, даже тогда, когда превалировать стала точка зрения А. фон Вальдерзее, А. Шлиффена и Л. фон Каприви, что войны на два фронта избежать не удастся и цель политики –

⁴⁵⁴ Цит. по: там же. С. 76.

сделать эту войну как можно менее затяжной, а для этого решиться на превентивный удар против восточной соседки⁴⁵⁵.

В 1886 г. Бюлов женился на разведенной итальянке Марии Анне Розалии фон Дёнхоф, урожденной княгине ди Кампореале из старинного болонского рода, роман с которой у него длился к тому моменту около 10 лет. Она была близка к Гогенцоллернам, сам Бюлов, передавая свой разговор с императором во время своего назначения на должность статс-секретаря, приводит такие слова монарха: «Дорогой Бернгард, мне очень жаль вас, а еще больше контессину (так издавна называли мою жену вдовствующая императрица и ее дети)»⁴⁵⁶. Этот комментарий лучше любых слов иллюстрирует близость Бюлова и его семьи к трону. Жена Герберта Бисмарка однажды даже заметила, что у нее всегда было впечатление, будто Бюлов «стал европейцем только благодаря жене».

В 1888 г. Бюлов получил назначение на первый самостоятельный пост, став послом в Румынии и много сделал для заключения германо-румынского торгового договора 1893 г. и дальнейшего сближения между двумя странами.

Развитию карьеры Бюлова, которая после смерти отца в 1879 г. могла замедлиться, способствовали два основных фактора – личные недюжинные способности и дружба с упоминавшимся уже выше Ф. Эйленбургом, ближайшим и самым доверенным другом императора, а в дальнейшем виновником самого громкого скандала, потрясшего основы монархии. Однако до скандала было еще далеко, а Бюлов прекрасно понимал, что близость к «Филли» является залогом успешной карьеры. На его кандидатуру на пост будущего канцлера оба – император и его ближайший советник – обратили внимание еще в 1895 г., в письме от 25 декабря император пишет буквально следующее: «Бюлов может стать моим Бисмарком, и также как тот вместе с

⁴⁵⁵ *Fesser G.* Bernhard von Bülow (1849-1929) // *Das Kaiserreich. Portrait einer Epoche...* S. 218.

⁴⁵⁶ *Бюлов Б.* Указ. соч. С. 36.

моим дедом разгромили внешних врагов Германии, также и мы оба сможем очистить страну от бардака парламентаризма и партийных шаблонов»⁴⁵⁷.

Интересно, что император в этих словах сформулировал стоящую перед Бюловым в дальнейшем в качестве первоочередной не внешнеполитическую, а сугубо внутреннюю цель достижения единства власти и общества, препятствием для которого монарх считал партикуляристские интересы партий и парламента, из них состоящего. В 1896-1897 гг. в целом спокойная внутривластная ситуация обострилась настолько, что речь шла о государственном перевороте «сверху», на который был готов пойти император. Муссировались слухи о возможной отмене конституции Германской империи, отказе от всеобщих бесцензовых выборов в рейхстаг и принятии чрезвычайных законов, которые поставили бы социал-демократов вне закона и лишили бы их парламентской трибуны. В коридорах власти, а главное при дворе всерьез обсуждался вариант введения антисоциалистического чрезвычайного законодательства, то есть ровно того, на чем настаивал Бисмарк и что было поводом к его отставке. Сам Бюлов в своих «Воспоминаниях» достаточно подробно описал ситуацию в стране в то время, когда он занимал пост посла в Риме и объективно не был в курсе всего происходящего в Берлине, поэтому ему пришлось обратиться к письмам близкого ему дипломата А. Монтса, который снабжал его сведениями из Мюнхена и Берлина примерно такого содержания: «Общество представляет собой картину разложения, многочисленные неразумные поступки императора приносят сейчас свои плоды. Кроме придворной челяди и состоящих при нём военных у него, к сожалению, нет настоящих друзей, да и эти хороши. Благодаря пристрастному (неодинаковому) отношению к князькам он потерял и последние остатки симпатии высшего дворянства. Мелкое аграрное дворянство, и так уже сильно озлобленное, ещё более обижено невниманием, проявляемым императором в обществе. Среди

⁴⁵⁷ *Eulenburg-Hertefeld Ph. zu. Op. cit. S. 1621*

берлинских тайных советников имеется много превосходных людей, которым только начальство и парламентаризм обрезали крылья. Наконец нехорошо настроение военных кругов. В гвардии всем кажется, что они служат только игрушкой. Способности высшего руководства вызывают многочисленные серьезные сомнения. Офицерский корпус в большинстве своем живёт выше своих средств. Яд социал-демократии все больше проникает в массы рядовых солдат. О парламентских неприятностях я могу вам не рассказывать. Из всех этих неприятностей, на фоне которых, конечно, очень выгодно выделяется примирительная внутренняя политика Гогенлоэ, которую не следует недооценивать, с моей точки зрения вытекает необходимость быть всюду очень осторожным. До тех пор, пока Гогенлоэ и Гольштейн крепко держат бразды внешней политики в своих руках, мы можем ещё хорошо лавировать, несмотря на случайные вмешательства императора. Но что будет дальше? При дворе и в обществе всё ещё говорят о государственном перевороте. Когда возражают, что это было бы концом империи, то следует ответить: тем лучше, тогда мы опять будем иметь великую Пруссию с тридцатью пятью – сорока миллионами ненадёжного населения вместо империи, в которой на десять-двадцать миллионов больше*. Слава богу, его величество настроен всецело в немецком и имперском духе»⁴⁵⁸.

Понятно, что такие оценки выглядят по меньшей мере преувеличенными, однако очень хорошо иллюстрируют общее чувство неуверенности и нестабильности, при этом главным фактором этой нестабильности был, собственно, сам император и с этим можно было только смириться и попытаться научиться взаимодействовать, так как устранить его было невозможно, «мне предстояло непосредственно соприкасаться с императором в прозаической повседневной политической работе,

* Так в русском переводе, в немецком издании 1930 г. фраза звучит по-другому – «будем иметь великую Пруссию с 35–40 миллионами, вместо империю, в которой на 10-20 миллионов больше, но это население не надёжно». (*Bülow B. Denkwürdigkeiten. Bd. 1. S. 39*).

⁴⁵⁸ *Бюлов Б. Указ. соч. С. 49-50.*

предупреждать его слишком быстрые скороспелые решения, исподволь направлять его на путь известного постоянства»⁴⁵⁹, - писал далее Бюлов.

В июле 1897 г. Бюлов был вызван в Киль к императору, где получил предложение занять пост статс-секретаря по иностранным делам, освободившийся в результате ухода в отставку Маршалла фон Биберштейна. На это назначение русское посольство откликнулось очень сдержанно, так же, как и либеральные круги. В Петербург была переслана вырезка из *Freisinnige Zeitung*: «На место барона Маршалла приходит Бюлов, выдвинувшийся дипломат, более ничего. Ни раз он не проявил никакой политической самостоятельности». Впрочем, столь же скептично свободомыслящий орган оценивал и деятельность канцлера Гогенлоэ: «Вроде бы за все несёт ответственность канцлер, но все понимают, что от него почти ничего не зависит»⁴⁶⁰.

Здесь совершенно необходимо кратко остановится на внешнеполитической сфере, которую, во-первых, император и Бюлов считали главной для функционирования государства и превращения его в мировую державу, а во-вторых, в 1897-1900 гг. Бюлов занимал пост статс-секретаря по иностранным делам, лишь через три года став канцлером и министром-президентом Пруссии, а новым статс-секретарем иностранного ведомства был назначен О. фон Рихтгофен, хотя определять внешнеполитический курс продолжали император и Бюлов. На его политическом пути были как успехи, так и очевидные провалы, чреватые будущими поражениями, но в историю он вошел прежде всего как автор концепции «мировой политики».

Б. Бюлову удалось выработать новую внешнеполитическую стратегию, не уступающую по сложности «игре с пятью шарами» Бисмарка. Провозглашенная им «мировая политика» стала заявкой Германии на превращение страны в мировую, одну из пяти великих держав, выход страны из европейских рамок. Эта стратегия отвечала национальным притязаниям

⁴⁵⁹ Там же. С. 50.

⁴⁶⁰ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1897 г. Д. 21. Л. 146.

немцев, их экономическому и военному потенциалу, должна была удовлетворить их амбиции, которые столь долго оставались нереализованными, то есть превратиться в консолидирующую национальную идею. Отсюда знаменитое: «Прошли те времена, когда немец уступал одному из своих соседей землю, другому — море, а себе оставлял небо, где господствует чистейшая теория. Мы никого не хотим отодвигать в тень, но требуем и себе места под солнцем»⁴⁶¹. Сказано это было во время парламентских дебатов по поводу флотского закона, а также расширения колониального присутствия, в данном случае речь шла о Гаити и китайской бухте Киао-Чао. Контекст этой речи был следующий – мы должны заявить о себе, мы можем и будем претендовать на равные права в колониях с другими великими державами, при этом все прекрасно понимали, что речь идет прежде всего о Великобритании, а потом уже о Франции и других странах. При этом позволим себе высказать гипотезу, что для Германии по-прежнему важна была Европа, но она перенесла давнишнее соперничество и противостояние с англосаксами в Африку и Азию.

Для того, чтобы заставить Великобританию считаться с собой, Германия должна была начать играть «на ее поле» – колониальном. Такой переход, расширение сферы национальных интересов за пределы европейского континента был не прост, он сталкивался с серьезной оппозицией, но имел верного апологета, инициатора и последовательного сторонника – императора Вильгельма II. Для него «мировая политика» была возможностью стать великим государем, добиться того, на что не могли замахнуться дед и иные великие предки из рода Гогенцоллернов – превзойти в могуществе британцев. Кроме несомненных экономических, финансовых и социальных причин вступления Германии в колониальную гонку одним из важнейших аргументов, по крайней мере для императора и его ближайших «сотрудников», был вопрос

⁴⁶¹ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstags. 9. Legislaturperiode 1897/98. Bd. 1. 4. Sitzung von 6. Dez. 1897. S. 60 URL. https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt_k9_bsb00002771_00000.html (дата обращения 21.11.2023).

престижа, желания «выйти из тени» и претензия на по меньшей мере равные с Великобританией вес и влияние в мире.

Чрезвычайно быстрое развитие страны, потрясающие результаты в промышленном производстве, науке и технике внушали уверенность, что Германия может стать «новой Британией», в то время как сама Англия несколько утратила тот необыкновенный «расширительный импульс», который она демонстрировала в первой половине XIX в., пожиная плоды ранней промышленной революции.

Тема «мировой политики» и колониальных претензий Германии как никакая другая находится под гнетом последующих событий, прежде всего катастрофических результатов Первой мировой войны и еще более страшных для немцев, как и для всего мира, последствий Второй. Любой экспансионизм чреват самыми непредсказуемыми последствиями, и хотя экспансионизм Великобритании не был чем-то принципиально иным и даже современная историография, всячески стараясь вынести на первый план «цивилизующую роль» западных держав, вряд ли кто-то может утверждать, что подавление восстания гереро и готтентотов было более кровавым и бесчеловечным, чем разгром восстания сипаев. Не стараясь выступить защитником «германского империализма и колониализма», мы все-же предлагаем посмотреть на ситуацию несколько шире – Бюлов не предлагал ничего необычного, он действовал в той же парадигме, что и его коллеги в Лондоне и Париже, и рассматривать его действия стоит именно в таком ключе.

Вначале на этом пути все удавалось, самым простым объяснением для этого было то, что немецкую угрозу просто не воспринимали всерьез. В 1897 г. удачей закончилась высадка немецкого десанта в китайской бухте Киао-Чао, Китай был вынужден отдать бухту в аренду и согласиться на установление германского протектората над провинцией Шаньдун. В 1898 г. был одобрен первый флотский законопроект, в 1900 г. – еще один, и этот второй вызвал в Лондоне значительно более серьезные опасения, чем первый. В 1899 г. были приобретены у Испании, прощающей со своей колониальной империей

после поражения в испано-американской войне, Каролингские и Марианские острова, а также остров Палау, что расширило германское влияние в азиатско-тихоокеанском регионе.

Продвижение на Ближний и Средний Восток и усиление позиций в Османской империи были связаны с получением концессии на Багдадскую железную дорогу и путешествием Вильгельма II в Палестину в 1898 г.⁴⁶² Успешность этих акций вызвала обеспокоенность в европейских столицах и была одной из главных причин того, что в 1904 г. Великобритании и Франции удалось забыть о непримиримости своих противоречий и заключить договор, вошедший в историю как *Entente cordiale*, который дополнил существовавший с 1891 г. русско-французский союз (само наличие которого стало достоянием гласности как раз в 1897 г.). В 1905 г. Германия в условиях ослабления России после поражения в войне с Японией и внутривосточных потрясений, посчитала себя в силах попробовать уравнивать свои права на Марокко с французскими. В марте был осуществлен «прыжок Пантеры», по сути, попытка повторения удачного во всех отношениях десанта в Киао-Чао. В депеше от 18(31) марта 1905 г. посол Н.Д. Остен-Сакен сообщал в Петербург, что «в последних парламентских заявлениях графа Бюлова относительно Марокко, так и в Лиссабонской речи императора [речь идет о выступлении Вильгельма II в географическом обществе в Лиссабоне. – А.М.] обнаруживается стремление дать понять в Лондоне и в Париже, что Германия не склонна признавать в Марокко или Португалии исключительного влияния других держав. Все это несколько обостряет англо-германские отношения, которые вообще за последнее время не отличались особенной искренностью»⁴⁶³. Русское посольство пристально следило за стремлением Германии укрепиться в Северной Африке, справедливо полагая, что одной из целей Германии является негативно повлиять на англо-французское

⁴⁶² Подробнее об этом путешествии см. *Шаповалов М.С.* Путешествие кайзера Вильгельма в Палестину в 1898 г. По материалам Архива внешней политики Российской империи // *Христианство на Ближнем Востоке.* 2020. № 2. С. 75–90.

⁴⁶³ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1905 г. Д. 18. Л. 84-85.

соглашение и попытаться «вбить клин» между ними, а это при наличии союзнических отношений Франции с Россией, напрямую затрагивало и ее интересы.

В январе–апреле 1906 г. состоялась созванная по инициативе самой Германии Альхесирасская конференция, ставшая для нее большой неудачей. Император посчитал ее результаты унижением для страны и для себя лично. Во время конференции отношения России и Германии сильно осложнились. В депеше от 10(23) марта 1906 г. посол сообщает, что публикация в парижской газета Temps циркуляра В.Н. Ламздорфа о поддержке на конференции притязаний Франции привела к сильнейшему «возбуждению общественного мнения в крайне негативном для России ключе»⁴⁶⁴. Провал германских планов, очевидное объединение Великобритании, Франции и России на антигерманской почве ясно продемонстрировали Берлину, что широкой поддержки или хотя бы благожелательного нейтралитета ни от одной из великих европейских держав ему ждать не приходится. Бюлов отреагировал на сложившуюся ситуацию крайне болезненно в прямом смысле этого слова – в депеше от 24 марта [6 апреля] сообщается, что во время речи Бюлова в рейхстаге о результатах Альхесирасской конференции и отказе Германии от участия в русском займе, ввиду недружелюбной позиции России, «Бюлов упал в глубокий обморок и не смог закончить заседание»⁴⁶⁵. Врачи констатировали физическое переутомление и настояли на длительном отдыхе. 17 мая Бюлов уехал поправлять свое здоровье на остров Нордерней, где находился до конца сентября⁴⁶⁶. Таким образом, в тяжелой международной ситуации имперский канцлер на длительный срок «выпадает» из политической жизни, частично теряя политический вес и оперативное влияние на ситуацию.

По сути, что бы ни писал бывший канцлер в своих мемуарах о том, что действия и политика Бетман-Гольвега и, конечно, императора, привели

⁴⁶⁴ Там же. 1906 г. Д. 26. Л. 78.

⁴⁶⁵ Там же. Л. 98.

⁴⁶⁶ *Максимов И.П.* Изменение партийной тактики ... С. 33.

Германию к поражению 1918 г., невозможно оспорить тот факт, что уже к моменту отставки самого Бюлова в 1909 г. ситуация в мире складывалась далеко не в пользу Германии. Завершение оформления Антанты в 1907 г., колебания в ее сторону Италии, продемонстрированные ею все на той же Альхесираасской конференции, несмотря на сохранявшиеся союзнические отношения с Германией и Австро-Венгрией, а также слабость последней, завершали картину «окружения» Германии, которое стало совсем уж неизбежным при следующем канцлере.

В области внутривластной ситуация по-прежнему была сложной, ее основные тенденции, линии напряжения также принципиально не изменились, при том, что количество и острота задач и конфликтов только росла.

Одной из основных проблем оставалось отсутствие в Германии правительственной партии. В этом было ее принципиальное отличие, например, от Великобритании с ее двухпартийной системой и формированием правительства по результатам парламентских выборов. В Германской империи выборы и состав рейхстага, а также расстановка сил внутри него не имели никаких точек соприкосновения с составом правительства и задачами, стоящими перед ним. Повторюсь, канцлер по-прежнему назначался императором и был единственным ответственным министром, причем эту ответственность он нес только перед монархом, но никак не перед парламентом. Статс-секретари, по сути, были техническими сотрудниками, не имеющими никакой политической не то что самостоятельности, но даже намека на нее. Отсюда вытекает постоянная сложнейшая задача – поиск поддержки правительственным законопроектам у парламентских партий, создание, чаще всего искусственное, проправительственного большинства. Л. фон Каприви был вынужден постоянно лавировать, между католиками, консерваторами и либералами, тот же сложнейший выбор стоял и перед Х. Гогенлоэ. Единственной неизменной оппозиционной силой, по крайней мере в публичной риторике и неизменных программных установках, оставались социал-демократы, усиливавшиеся от выборов к выборам. В этих условиях

политические партии больше всего напоминали лоббистские группировки, которые «выторговывали» себе правительственную помощь и поддержку в тех вопросах, которые они считали важными, предоставляя взамен лояльность и поддержку правительству в принципиальных уже для него вопросах. Такая ситуация мешала обеим сторонам реализовывать свои задачи, а главное – формировать стратегический курс развития страны. Основные силы забирала борьба между ветвями власти, постоянный поиск «сдержек и противовесов», лавирование, политический шантаж и угрозы.

Отношения между основными парламентскими силами и канцлером Бюловым прошли несколько этапов. Еще в период обсуждения первого флотского закона, принятого рейхстагом 28 марта 1898 г., Бюлову удалось установить достаточно хорошие отношения с парламентариями, подняв престиж имперского правительства, а также завоевать симпатии прессы, что было не менее важно в немецких условиях⁴⁶⁷. Первой крупной задачей Бюлова уже на посту имперского канцлера было принятие закона о тарифах, который повышал ввозные пошлины прежде всего на сельскохозяйственную продукцию. Этими мерами правительство пыталось примирить аграриев с заключенными ранее, прежде всего в интересах промышленников, двусторонними торговыми договорами. В определенной степени этот план удался и острота «аграрного протеста правительственному экономическому курсу» была снижена. Добиться поддержки рейхстага в этом важнейшем вопросе Бюлову удалось только путем целого ряда уступок и компромиссов. Так как вначале его поддерживали лишь свободные консерваторы и часть национал-либералов, то правительству необходимо было заручиться поддержкой Центра, оставшихся частей консерваторов и национал-либералов, что позволяло принять закон, несмотря на активное сопротивление СДПГ и левых либералов. В конце концов компромисс достичь удалось, но недовольство аграриев, составлявших основную часть правящей элиты

⁴⁶⁷ Fesser G. Op. cit. S. 220-221.

Пруссии, а значит и в значительной степени Германии, хоть и уменьшилось, но вовсе не исчезло. Это противостояние аграриев и промышленников в борьбе за преференции и государственную поддержку было одной из важнейших особенностей внутривластного развития вильгельмовской Германии. При Бюлове оно было несколько сглажено, однако промышленники считали, что аграриям дали слишком много, а аграрии – что слишком мало, поэтому полностью не была удовлетворена ни та, ни другая сторона.

В момент борьбы за тарифный закон в 1902 г. российские дипломаты, ссылаясь на высокопоставленных чиновников ведомства иностранных дел, так оценивали взаимоотношения между исполнительной и законодательной ветвями власти – «несмотря на положительный отказ канцлера пойти на какие бы то ни было уступки по вопросу о тарифе, и с другой стороны на упорное сопротивление, отказываемое внесённому законопроекту большинством рейхстага, в печати за последнее время стали появляться слухи о предстоящем тем не менее каком-то соглашении между правительством и партиями. Запрошенный мною о возможности такого решения вопроса товарищ статс-секретаря по иностранным делам решительно отверг намерение союзных государств искать соглашения с народными представителями путём уступок и особенно с подобным рейхстагом - «трупом» как он выразился. По словам же барона Рихтгофена, положение представляет страшный контраст между открытой оппозицией принятию тарифного проекта и закулисными искательствами депутатов большинства найти почву соглашения с правительством»⁴⁶⁸. Эта цитата прекрасно подтверждает все вышесказанное о характере взаимоотношений ветвей власти и чрезвычайных трудностях, которые сопровождали прохождение через парламент любого мало-мальски значительного законопроекта.

Тарифный закон был в конце концов принят 202 голосами Католической партии Центра, консерваторов и части национал-либералов, что стало победой

⁴⁶⁸ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1902 г. Д. 14. Л. 190.

правительства. Император хотел возвести канцлера в княжеское достоинство, но тот отказался, ссылаясь на то, что столь «великая милость вслед за победой правительства в вопросе чисто внутренней борьбы, могла бы произвести не совсем благоприятное впечатление в стране. Тогда император пожаловал канцлеру цепь Гогенцоллернского ордена, а его главным сотрудникам высокие знаки отличия⁴⁶⁹.

Эта первая «проба пера», опыт взаимодействия с парламентом, показали Бюлову всю сложность и принципиальную стратегическую бесперспективность такого бесконечного «торга». Он отчетливо понимал, что в будущем ему необходимо будет получать поддержку разноплановым правительственным законопроектам, связанным не только с увеличением финансирования и кадрового состава армии и строительством во все возрастающих объемах флота, но и с оздоровлением и коренной перестройкой финансовой системы империи, которая в большей степени, чем это было логично на данном этапе и соответствовало новым общегерманским задачам, зависела от взносов отдельных германских государств и позиции бундесрата. Поэтому возникла идея «политики сплочения»⁴⁷⁰, в которой Бюлов пытался на новом этапе повторить основные идеи «политики примирения» Каприви. То есть, опираясь на все «здоровые», «системные» политические силы консолидировать общество, прежде всего, объединить интересы промышленников и аграриев, что было чрезвычайно важно в виду грядущих потрясений, неизбежность которых становилась все более и более очевидной.

Само устройство системы власти в стране ставило правительство в эти сложнейшие условия, и только Б. Бюлову, первому после Бисмарка с его партиями «картеля», удалось создать проправительственное объединение, причем еще на предвыборном этапе, соединив две силы-антагонистов – консерваторов и либералов. Создание блока было настолько этапным событием, что позволило Т. Ниппердею сделать 1906 г. рубежом при анализе

⁴⁶⁹ Там же. Л. 229.

⁴⁷⁰ *Nipperdey Th. Deutsche Geschichte 1866–1918. Bd. 2. S. 725.*

всего бюловского периода⁴⁷¹, посчитав, что в 1907 г. начинается перманентный кризис, не разрешившийся вплоть до 1914 г.

И.П. Максимов выдвигает тезис, что создание блока имело одну главную цель – вместо попытки приручить социал-демократов была выбрана тактика их политической изоляции путем создания проправительственного блока, что и было осуществлено в 1907 г.⁴⁷², то есть он считает, что главной целью создания Готтентотского блока 1907-1909 гг. была изоляция СДПГ и ее фракции в рейхстаге. Представляется, что идея была шире и на острие борьбы были не только социал-демократы, но и католический Центр, и примкнувшие к нему поляки, то есть именно те силы, которые еще Бисмарком были признаны «врагами империи», «партиями мятежа», с которыми первый канцлер боролся с помощью чрезвычайного законодательства – Закона против социалистов 1878 г., мероприятий Культуркампа 1870-1880 гг. и антипольского Колонизационного закона от 26 апреля 1886 г. Бюлов действовал в совершенно новых условиях, либералы, будучи яркими противниками любых исключительных законов, никогда бы не поддержали превентивно-репрессивный курс правительства, поэтому была выбрана совершенно иная тактика.

Между СДПГ и Католической партией Центра было намного больше общего, чем это могло показаться на первый взгляд. Во-первых, обе они пострадали от политики Бисмарка, во-вторых, обе представляли крупные международные силы и организации (международное рабочее движение и Интернационал, Католическую церковь и Святой престол), поэтому с этими силами всегда была связана опасность внешнего вмешательства во внутренние дела государства, что для национального правительства было недопустимо. В-третьих, и в этом во многом был залог их успехов, они обладали самой развитой партийной организацией, в которой царил партийная дисциплина⁴⁷³.

⁴⁷¹ Ibid. S. 729.

⁴⁷² Максимов И.П. Межпартийное маневрирование ... С. 160.

⁴⁷³ Подробнее см. Матвеева А.Г. Католическая партия Центра в политической системе Германии (1870-1914) // Европейский альманах 2003. М., 2003 С. 19-32.

В-четвертых, они были самыми массовыми партиями, влияние которых год от года возрастало, социалисты на каждых следующих выборах били предыдущие рекорды и занимали, несмотря на крайне невыгодную им систему нарезки избирательных округов, все большее число мест в рейхстаге. Католики были долгое время ведущей политической силой, что абсолютно не соответствовало конфессиональному составу империи, а тем более преимущественно протестантской Пруссии. Поэтому деятели Католической партии ставили перед собой задачу – сделать ее общенациональной. Предвыборная программа партии 1903 г. зафиксировала эту тенденцию: «Центр не был и не мог быть партией какого-либо одного социального слоя или класса. Нашей гордостью должно быть то, что мы являемся истинно народной партией, которая объединяет все сословия и классы»⁴⁷⁴. Эта задача оказалась партии вполне по плечу. Обе силы претендовали на общенациональный характер, но различие между ними было принципиальным – католики существующий государственный строй поддерживали, а социалисты, по крайней мере в 1890-1900-е годы, открыто и громко призывали к его слому и строительству нового общества и государства.

Важнейшей целью оставалось противодействие социал-демократии, а если точнее, воздействие на ее электорат, интеграция пролетариата в существующие традиционные общественные структуры, в том числе и в «партии порядка», а также выработка путей и методов, которые должны были способствовать трансформации СДПГ в пусть и оппозиционную, но все-таки вполне «системную» силу, взаимоотношения с которой должны и могут строиться по тем же принципам, что и с другими оппозиционными партиями – левыми либералами или Центром после 1907 г. Достичь этого можно было, опираясь на реформаторское движение внутри самой партии, прежде всего, «ревизионистов» во главе с Э. Бернштейном.

⁴⁷⁴ Цит. по: Untern Zentrumsbanner... S. 53.

Итак, роспуск рейхстага, новые выборы и формирование проправительственного партийного блока стали следствием серьезного кризиса, возникшего «вследствие отклонения им [рейхстагом. – А.М.] ассигнований правительству 29 млн марок дополнительных кредитов на содержание в текущем фискальном году германских войск в африканских колониях. Этому предшествовало бурное заседание, причём против правительства высказались ораторы Центра, социал-демократов и польской фракции. Со стороны правительства в защиту внесённого законопроекта говорили дважды имперский канцлер и начальник Колониального отдела г. Дёрнбург»⁴⁷⁵. Канцлер, защищая необходимость принятия законопроекта, говорил о национальных интересах страны, о невозможности сейчас сойти с выбранного пути: «Я задал вопрос, к чему мы придём, если у нас войдёт в привычку ставить военные мероприятия во время войны, ставить жизнь и здоровье наших войск, честь нашего оружия в зависимость от фракционных постановлений и партийных соображений. Я напомнил, с какой решимостью, не моргнув глазом, вели другие народы – англичане, французы и голландцы – свои колониальные войны. Я заявил, что никогда не говорил приписываемых мне глупых слов: «Только, чтобы не было внутренних кризисов!» К этому я добавил: «Бывает положение, когда страх перед кризисом свидетельствует о недостаточном мужестве, недостаточном чувстве долга. Если вы хотите, то вы получите кризис». Я закончил свою речь словами: «Какое впечатление получится внутри страны и за границей, если правительство капитулирует в таком положении и по такому вопросу, если оно не найдёт в себе достаточно сил, для того чтобы выполнить свой национальный долг. Мы выполним наш долг, полные веры в немецкий народ». При последовавшем затем поименном голосовании правительственное предложение было отклонено 177 голосами против 168. Тогда я попросил слово, поднялся и заявил: «Я должен сообщить рейхстагу императорский указ». Когда я вынул красную папку, с правых

⁴⁷⁵ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1906 г. Д. 26. Л. 323-323 об.

скамей раздались бурные аплодисменты – национал-либералы и свободомыслящие били в ладоши. Социал-демократы, который неверно рассчитывали на бóльшую победу на выборах, кричали от удовольствия, Центр молчал, смущенный и раздраженный»⁴⁷⁶. Посол Н.Д. Остен-Сакен писал, что «ближайшим поводом к разрыву правительства с католиками послужили разоблачения в рейхстаге Начальника Колониального отдела г. Дёрнбурга о закулисных происках Центра, ставившего правительству условия голосовать за или против его предложений в зависимости от мелких партийных или даже личных целей депутатов этой партии»⁴⁷⁷.

На новых выборах имперскому правительству было чрезвычайно важно не допустить повторения успеха СДПГ 1903 г., когда им были отданы максимальные 31,7% голосов избирателей и только своеобразная нарезка избирательных округов не позволили партии сформировать крупнейшую фракцию. В парламенте созыва 1903-1906 гг. ей принадлежал 81 депутатский мандат, а сильнейшей фракцией оставался Центр (100 мест), за который проголосовало лишь 19,7% избирателей. Тогда окрыленные этим успехом социалисты даже приняли решение отказаться от бойкота выборов в прусский ландтаг, однако в этом суперконсервативном оплоте юнкерства успех им пока не сопутствовал.

Итак, рейхстаг был распущен, что удовлетворяло основных политических игроков: социалисты были уверены, что увеличат свое присутствие в парламенте, а правительство надеялось, что, назначив выборы на 25 января 1907 г., оно не дает почти никаких шансов партиям развернуть серьезную предвыборную агитацию.

Возвращаясь к вопросу, против кого же был направлен правительственный блок, мы исходим из убеждения, что блок консервативных и либеральных партий не был специально направлен против кого-то, он был

⁴⁷⁶ Бюлов Б. Указ. соч. С. 325. Сравн.: Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 11. Legislatur-Periode 1905/1906. Bd. 5. Sitzung von 13. Dez. 1906. S. 4379. URL: https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt_k11_bsb00002828_00796.html (дата обращения 10.01. 2024).

⁴⁷⁷ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1906 г. Д. 26. Л. 324.

единственно возможным вариантом для правительства добиться в парламенте поддержки проектов национальной важности, связанных с укреплением обороноспособности и военной мощи страны, а также расширением колониального присутствия. «Предательство» Центра, его отказ от поддержки правительственного курса фактически не оставил канцлеру иных вариантов, а возможный дальнейший рост социал-демократической фракции и, соответственно, рост ее влияния угрожал самим основам германского государства.

Сам канцлер в разгар предвыборной борьбы «призывал все благомыслящие партии к борьбе за честь и достояние народа против социал-демократов, поляков, вельфов и Центра»⁴⁷⁸. Российские наблюдатели так оценивали возможности Бюлова повлиять на ход предвыборной борьбы: «В его распоряжении имеется два лозунга для выборов. Один из них — продолжать ли Германии колониальную политику и сохранить свои заморские колонии — настолько чужда массе населения, что не может обеспечить успешности выборов. Другой лозунг представляет более данных для успеха и заключается в том, что разоблачениями Начальника Колониального отдела г-на Дёрнбурга закулисных происков партии Центра обнаружено стремление этой партии образовать, наряду с законной властью, власть побочную /*Nebenregierung*/, оказывающую своё влияние на ход всей германской политики. Но и в лучшем случае, если лозунг этот возымеет своё действие на выборщиков, партия Центра потеряет в стране десятков-другой голосов, но голоса эти могут перейти не к какой-либо сочувствующей правительству партии, а к социал-демократам»⁴⁷⁹.

Ситуация была почти патовой: «Борьба с партиями Центра и социал-демократов одновременно настолько серьёзна, что лишь объединение⁴⁸⁰ всех остальных, как консервативных, так и либеральных политических партий на

⁴⁷⁸ Там же. Л. 343.

⁴⁷⁹ Там же. Л. 326 об.-327.

⁴⁸⁰ Это слово в тексте подчеркнуто простым карандашом, видимо, российским министром иностранных дел А.П. Извольским.

время выборной кампании с целью проведения своих кандидатов, может привести к потере Центром и социал-демократами большего или меньшего числа мест в парламенте. Как слышно, в настоящее время делаются попытки к такому объединению, но ввиду коренного различия программ и убеждений объединяющихся партий, успех подобного предприятия, хотя бы только на время выборов, представляется все-таки сомнительным. Одновременно с этим, в печати распространяются слухи о заявленной будто бы правительством решимости, в случае неблагоприятного для него исхода выборов, не остановиться перед вторичным роспуском рейхстага»⁴⁸¹.

Таким образом, всем было вполне очевидно, что единственным вариантом формирования парламента и его дальнейшей деятельности было то самое «объединение» диаметрально различных партий, о возможности которого с таким скептицизмом отзывались все наблюдатели. Еще более невозможным такой блок казался социал-демократам, которые до последнего надеялись воспользоваться разрывом Центра с правительством и развить свой предыдущий успех.

Широкие общественные слои, по оценкам российских дипломатов, отнеслись к возможности политического поворота достаточно благосклонно: «Всего благожелательнее к нему отнеслись просвещенные средние круги населения, из среды коих вербуются национал-либералы, Свободомыслящий союз и Свободомыслящая народная партия. Особенно провинциальная печать радостно приветствует поворот в отношении правительственной власти к Центру, долгая гегемония коего, часто страдавшая узостью и эгоизмом, давно становилась невыносимой для либерально мыслящей Германии. Консервативные сферы, в свою очередь, охотно становятся под знамя вновь объявленного, категорического и авторитетного похода против социализма. В новой формуле есть много привлекательного для всех патриотически

⁴⁸¹ Там же. Л. 329 об.

настроенных партий Германии, и в комментариях канцлера предвидится возможность их мирного сочетания между собой для практической работы»⁴⁸².

Весь период краткой избирательной кампании канцлер Бюлов лично и очень активно в ней участвовал. На торжественном обеде Колониально-политического комитета 19 января «князь Бюлов ещё резче оттенил ныне необходимость, в которую поставлено было правительство распустить парламент, с одной стороны ввиду непатриотичности, проявленной в колониальных вопросах Центром и социал-демократами, а с другой стороны, ввиду ответственности перед нацией, которая ложится прежде всего на лиц, стоящих у власти. Исходя из Гётевского изречения, что долгом является исполнение требований дня, канцлер взывает к созданию политического большинства, неуклонно идущего за правительством в национальных вопросах, так как для Германии именно в этом заключается требование дня. Для достижения означенной цели нужна совместная работа национально настроенных политических партий, как консервативного, так и либерального лагерей»⁴⁸³.

Согласованные действия либеральных и консервативных партий при поддержке правительства принесли ощутимые результаты. Несмотря на то, что количество избирателей, отдавших свои голоса за СДПГ, сократилось лишь на 2,8%, они потеряли почти половину мандатов, получив 43 вместо 81, что было достигнуто в основном благодаря тактике проправительственных партий во втором туре. Было назначено много перебаллотировок, и консерваторы с либералами объединили усилия, чтобы социалисты не получили ни одного дополнительного голоса. Центр даже несколько увеличил свое представительство (105 мест вместо 100), хотя число проголосовавших за него избирателей практически не изменилось, а даже сократилось, хоть и всего на 0,3%.

⁴⁸² Там же. Л. 344.

⁴⁸³ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1907 г. Д. 17. Л.4 об. – 5.

Либерально-консервативный союз был вынужденным объединением в ситуации, которая не давала иной альтернативы, и изначально было очевидно, что он вряд ли может быть долгосрочным. Как только возникнет необходимость принятия закона, который будет противоречить коренным, основополагающим принципам и интересам той или иной силы, блок распадется. Но, справедливости ради стоит сказать, что такой крайней ситуации удавалось избегать почти два года. При этом созданная Бюловым комбинация, повторяющая в общих чертах «картель» Бисмарка, постоянно требовала уступок, причем сразу обоим противоположным политическим лагерям, что было схоже с цирковой эквилибристикой. Вильгельм II писал в своих воспоминаниях: «Бюлову все же удался в конце концов трудный фокус объединения консерваторов с либералами для обеспечения значительного большинства за партиями, поддерживающими правительство. При этом в самом блестящем свете выявились большие способности канцлера, его ловкость, политическое искусство и проницательное знание людей. Крупные заслуги его в связи с достигнутым им успехом завоевали ему полное признание и благодарность и с моей стороны, и со стороны отечества»⁴⁸⁴.

25 февраля 1907 г. на первом заседании вновь избранного рейхстага Бюлов сформулировал свою программу на ближайшее время: проведение нового закона о союзах и собраниях, реформа уголовного права и ограничение действия закона об оскорблении императора, поправки в биржевом законодательстве, продолжение социальной политики и даже сокращение расходов на армию. Программа Бюлова имела целью удержать в блоке в первую очередь либералов, хотя главное их требование, реформа избирательного права в Пруссии, не нашло отражения в выступлении канцлера⁴⁸⁵.

Первые сложности и противоречия между лагерями блока возникли по вопросу реформирования прусского избирательного права. Достижение

⁴⁸⁴ Вильгельм II. Указ. соч. С.73.

⁴⁸⁵ Максимов И.П. Бюлов и «готтентотский блок» 1907-1909 годов. ... С. 91.

компромисса в этом вопросе между либералами и консерваторами было попросту невозможно. В конце концов вопрос был снят с повестки дня, что нанесло первый ощутимый удар по единству блока. Прусская тема будет предметом нашего специального рассмотрения. Но совершенно очевидно, что реформирование существовавшей цензовой системы создало бы угрозу доминированию аграриев–консерваторов в Пруссии и затронуло их интересы, в том числе и в масштабах империи, было с одной стороны назревшим, а с другой, фактически неразрешимым вопросом. В рамках имперского периода германской истории реформа так и не была проведена.

Тезис о том, что в 1907 г. Германия вступила в фазу кризиса, подтверждает череда политических скандалов. Вильгельм II неоднократно, причем именно в период канцлерства Бюлова, оказывался причастным к различным скандалам, в том числе к развивавшемуся на протяжении 1906–1908 гг. процессу против его ближайшего и самого доверенного товарища (часто в прессе, да и в научной литературе звучит слово «фаворит») Ф. Эйленбурга. Осенью 1908 г. в Германии разразился скандал, связанный с публикацией британской газетой *Daily Telegraph* интервью императора. Скандалы конца XIX – начала XX в., которым в современной историографии посвящены специальные исследования⁴⁸⁶, отрицательно сказывались на политическом престиже и авторитете императора, но в истории с английской газетой он сам был его первопричиной.

Ход скандала прекрасно известен. Текст беседы Вильгельма журналистом был передан на согласование в канцелярию имперского канцлера, который, по его словам, не читая, отдал его в соответствующий отдел ведомства иностранных дел, который, в свою очередь, дал заключение об отсутствии принципиальных возражений. Статья была напечатана и разразился международный скандал.

⁴⁸⁶ *Bösch F.* Op. cit.; *Winzen P.* Op. cit. и др.

Общественное мнение и политические круги Великобритании были возмущены заявлениями, что именно Вильгельм разработал победоносный для англичан план войны против буров, Япония и Россия изумились заявлению, что германский флот строится исключительно для Дальнего Востока, а немцы тем, что все они, кроме императора, настроены крайне враждебно к Англии и англичанам. Бюлов считал, что император может винить в случившемся только собственную глупость, при этом он писал, что Вильгельм II вполне принял его объяснения и не держал на него зла. Император вспоминал ситуацию по-другому: «ко мне явился канцлер и, прочитав лекцию о моих политических прегрешениях, потребовал подписания мной официального заявления, которое затем и было передано прессе. Я подписал это заявление так же молча, как молча терпел нападки прессы на меня и на корону. Канцлер своим поведением нанес тяжелый удар прочному доверию и искренней дружбе, связывавшим нас до сих пор. Я прекратил личное общение с Бюловым, ограничиваясь только деловыми и официальными встречами»⁴⁸⁷. Наблюдатели придерживались также отличного от канцлерского мнения. «Все германские газеты за исключением «Кельнской газеты» — органа Ведомства иностранных дел – усилили свои нападки на германское правительство, в лице, главным образом ответственного руководителя внешней политики – имперского канцлера, не щадя, впрочем, и особы самого монарха. Даже считавшиеся до сего времени официозами князя Бюлова органы и державшиеся сдержанного положения независимые газеты, как например, Фоссова газета, не находят достаточно резких выражений для осуждения как опубликования разговора императора, так и характера официального разъяснения, несколько не смягчающего произведённого статьей Daily Telegraph тяжелого впечатления и лишь раскрывающего перед всеми крупные неустройства, царящие в высших правительственных кругах Германии. По мнению печати, лишь отставка канцлера ещё до открытия

⁴⁸⁷ Вильгельм II. Указ. соч. С. 78.

рейхстага, могла бы избавить правительство от неминуемого запроса в парламенте»⁴⁸⁸.

Заседания парламента 10-11 ноября 1908 г., превратившиеся в немыслимое в новейшей германской истории судилище над монархом и имевшее результатом фактическое ограничение его свободы слова, по крайней мере, в публичном пространстве, вызвало у российских дипломатов крайне неоднозначную реакцию. «Впервые за все время существования германского рейхстага предметом обсуждения была особа императора, характер и деятельность коего были подвергнуты самой строгой критике. Ораторы всех партий единодушно сходились в признании вреда, причиняемого интересам империи частными политическими разговорами императора Вильгельма с различными посторонними лицами, преимущественно иностранцами, с коим Его Величеству доводится встречаться. На долю канцлера выпала нелегкая задача отвечать на эти нападки и при помощи бывших в его распоряжении весьма скромных и туманных заверений удовлетворить парламент и удержать на стороне правительства с таким трудом и искусством созданное им консервативно-либеральное большинство»⁴⁸⁹.

Канцлер пытался исправить положение. Выступая в самом начале января 1909 г. в прусском ландтаге, он попытался опровергнуть, по его словам, те ошибочные толкования, которые ему приходилось встречать в печати о своём поведении по отношению к верховной власти. Причем сделал он это при обсуждении палатой государственной росписи, т.е. вопроса, не имевшего никакого отношения к теме скандала. Бюлов заявил, что он никогда не уклонялся от обязанности ответственного канцлера прикрывать особу императора от нападков парламента. Он напомнил сказанные им пять лет тому назад в ландтаге слова о высоких качествах императора Вильгельма и о том, что все нарекания на политику императора должны быть направлены по его адресу. Поэтому он как только почувствует, что ему не по силам нести эту

⁴⁸⁸ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1908 г. Д. 13. Ч. 1. Л. 269 (об).

⁴⁸⁹ Там же. Л. 273 об. – 274.

ответственность, не задумываясь подаст в отставку. Он вспомнил и об услугах, оказанных Пруссии домом Гогенцоллернов, которому королевство и вся Германия обязаны своим нынешним величием, в самых горячих словах описал достоинства главы государства и результаты его деятельности, неизменно направленной на благо Германии. Канцлер сделал особый упор на то, что «подъем и расцвет торговли и промышленности, науки и техники, создание флота и наконец, сохранение мира — всем этим империя обязана своему нынешнему государю». По сообщению российской дипломатической миссии, именно эта часть речи была встречена шумными одобрениями ландтага. Это выступление дипломаты объясняли желанием «князя Бюлова укрепить вновь свое пошатнувшееся положение и войти в доверие как монарха, так и правых политических партий, до сего времени не прощающих канцлеру его пассивного отношения во время нападков в рейхстаге на политику императора Вильгельма»⁴⁹⁰.

Но его усилия оказались тщетными, а будущее – предопределено. Как показал предыдущий почти двадцатилетний опыт, залогом удачной карьеры Бюлова было доверие и расположение императора. Это вытекало из конституции и правового положения канцлера, поскольку он назначался, отправлялся в отставку и в принципе нес ответственность только перед сувереном. Т. Ниппердей даже считает, что Бюлов «был канцлером „личного режима“ и в этом была и его сила, и его слабость»⁴⁹¹, то есть он даже больше, чем другие канцлеры зависел от императора. Поэтому, как только Бюлов потерял доверие Вильгельма II, посчитавшего себя преданным своим ближайшим сотрудником, отставка последнего была только вопросом времени и выбора подходящего момента. Следует заметить, что истинная подоплека этого скандала и роль в нем, вольная или невольная, канцлера до сих пор остаются предметом дискуссии историков. Насколько Бюлову было выгодно публичное унижение императора, выбрал ли он этот путь с тем, чтобы

⁴⁹⁰ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1909 г. Д.20. Л. 2-3.

⁴⁹¹ *Nipperdey Th. Deutsche Geschichte 1866–1918. Bd. 2. S. 724.*

добиться ограничения монархической власти, или же дело действительно было в несогласованности действий различных ведомств, точно до сих пор сказать достаточно сложно.

Последним законопроектом, который Бюлову удалось частично провести через рейхстаг, была давно назревшая имперская налоговая реформа, внесенная в парламент 19 ноября 1908 г. Камнем преткновения стал вопрос введения налога на наследство, который должен был принести в общегерманскую казну примерно 92 млн марок из планируемого увеличения на 472 млн. При этом почти 80% дополнительных доходов должны были быть получены путем сбора новых потребительских налогов, то есть падали на широкие слои населения, и только менее 20% ложилось на плечи крупных собственников, прежде всего земельных.

Вопрос финансовой реформы вновь до крайности обострил одно из основных внутривнутриполитических противоречий имперской Германии – между консерваторами-аграриями и остальной частью политической элиты, связанной с промышленными кругами, тяготевшими к либералам. К этому времени стало понятно, что постепенное снижение экономической роли сельского хозяйства шло вразрез с традиционной ролью юнкеров как властной элиты, которая основывалась на старых связях в государственном аппарате и при дворе. Время менялось, задачи стояли совершенно новые, но решать их приходилось в условиях борьбы юнкеров со всем, что они считали умалением их интересов. А интересы эти все чаще и чаще противоречили общегосударственным, что стало главной проблемой всего имперского периода. Их позиция поставила окончательный крест и на карьере Бюлова. «Это голосование было направлено лично против князя Бюлова как инициатора изменения выборного законодательства в Пруссии. Князь Бюлов заручился содействием либералов в рейхстаге, суля им в будущем прусскую избирательную реформу, но эти-то обещания и были причиной вражды к нему консервативных партий, видевших в нем, пока он канцлер, постоянную угрозу

узким интересам прусского юнкерства»⁴⁹², - писал посол Н.Д. Остен-Сакен министру А.П. Извольскому в депеше от 26 июня (9 июля) 1909 г.

При окончательном голосовании 24 июня 1909 г. статья о наследстве была отклонена 195 голосами нового парламентского большинства – объединившихся консерваторов, католиков и поляков (за проголосовало 187 депутатов), что привело к распаду блока и отставке Бюлова, последовавшей 4 июля. Как справедливо отмечал А.И. Патрушев, ссылаясь на слова лидера прусских консерваторов Э. фон Хейдебранда, «консерваторы отказались одобрить этот налог потому, что не увидели политических гарантий своих позиций»⁴⁹³. Г. Фессер в своем биографическом очерке о Бюлове пишет, что целью консерваторов не было смещение Бюлова, они стремились лишь к тому, чтобы помешать разработке прусской избирательной реформы, так опрометчиво обещанной императором⁴⁹⁴. Как бы то ни было, блок был «взорван», повод – найден, политическая карьера Бюлова подошла к концу.

Реакция на его отставку, о которой пишут российские дипломаты, в немецкой прессе и общественном мнении была довольно единодушной: «Официозная печать, а за ней и либеральные, независимые и отчасти консервативные органы называют князя Бюлова талантливейшим немецким канцлером после князя Бисмарка. Ученик и последователь железного канцлера, князь Бюлов применял, однако, совсем другие методы и вся деятельность его носит яркий отпечаток его свойств и способностей. Уходя на покой, он оставляет своему преемнику Германию сильную извне, но взволнованную внутренними раздорами политических партий. Призрак железного кольца держав вокруг федеральной империи, пугавший ещё так недавно умы германских политиков, ныне, по словам газет, совершенно рассеялся, и князю Бюлову удалось вернуть Германии ее прежней международное влияние. ... Хотя внутреннее политическое положение и не

⁴⁹² АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1909 г. Д.20. Л. 184.

⁴⁹³ Патрушев А.И. Указ. соч. С. 89.

⁴⁹⁴ Fesser G. Op. cit. S. 225.

так удовлетворительно, большинство печати признаёт за князем Бюловым и в этой отрасли большие заслуги: попытку объединить путём взаимных уступок интересы консерваторов и либералов и тем сгладить все обостряющуюся рознь между земледельческой Восточной Пруссией и промышленным Югом империи, и упорядочение имперских финансов. Финансовая реформа прошла иначе, чем того хотел князь Бюлов, а распадение блока было делом личной вражды реакционных партий к четвёртому канцлеру и не умаляет нисколько важного государственного значения этой политики»⁴⁹⁵.

С этими оценками можно согласиться, хоть и не вполне. Бюлову удалось многое, и, возможно, он мог бы еще послужить Германии после отставки. Во время Первой мировой войны было сделано несколько попыток использовать его авторитет и связи на международной арене для укрепления Тройственного союза, но его деятельность в качестве немецкого посла в Италии в 1914-1915 гг. не помешала вступлению последней в войну на стороне Антанты, а значит не была успешной.

Умер Б. Бюлов в любимом им Риме 28 октября 1929 г. После его смерти вышли в свет четыре тома воспоминаний, вызвавшие настоящий скандал во властных кругах Веймарской республики. Был издан даже сборник «Фронт против Бюлова»⁴⁹⁶, авторы которого пытались опровергнуть ряд тезисов и разоблачений, сделанных им в мемуарах (справедливости ради стоит, однако, сказать, что публикации воспоминаний Бисмарка и Гогенлоэ также вызвали скандалы и опровержения упомянутых в них лиц).

Канцлерство Бюлова было одним из самых длительных, насыщенных событиями и в целом позитивных для развития Германии периода империи. Часть планов реализовать удалось, часть – нет, но основная задача – создание широкого фронта общественной и политической поддержки правительственным мерам в долгосрочной перспективе реализовать он не смог, хотя такая попытка предпринята была и на некоторое время ее можно

⁴⁹⁵ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1909 г. Д.20. Л.192-193.

⁴⁹⁶ Front wider Bülow. Hrsg. Von F. Thimme. München, 1931.

признать успешной. Первая в истории страны широкая коалиция «меньшинства», без участия сильнейших партий рейхстага – социал-демократов и Католического Центра, – могла существовать и существовала только до тех пор, пока на ее пути не возникла проблема, затрагивающая основополагающие интересы консерваторов.

5.4. Теобальд фон Бетман-Гольвег (1909-1914)

Пятым и последним имперским канцлером, назначенным на эту должность в мирное время, до начала Первой мировой войны, стал уроженец Бранденбурга Теобальд фон Бетман-Гольвег. Он появился на свет 29 ноября 1856 г. в обширном поместье Хоэнфинов в 50 км от Берлина. Его отец происходил из Гессена и не принадлежал по рождению к остэльбским юнкерам, но прекрасно влился в круг прусской элиты, стал ландратом и членом Свободной консервативной партии. Большое влияние на внука оказал дед, профессор права Боннского университета Мориц Август Бетман-Гольвег (1795-1877), придерживавшийся значительно более либеральных взглядов, чем отец Теобальда. «Фамилия Бетманов упоминается уже с 1416 года в списках города Гослара, но особенного благосостояния и известности достигла она во Франкфурте-на-Майне. Основателем теперешней ветви был некто Иоган-Якоб Гольвег, женившийся в 1780 году на дочери одного из франкфуртских банкиров Бетманов и присоединивший к своему имени и эту фамилию. Сын его, дед нынешнего канцлера, был в середине прошлого столетия известным прусским министром вероисповеданий, возведённым в 1840 г. в дворянское достоинство»⁴⁹⁷.

Мать будущего канцлера была дочерью швейцарского офицера, воспитывала детей в строго протестантском духе и почти спартанских условиях. В 12-летнем возрасте Теобальд поступил в одну из элитных гимназий в саксонской Пфорте, близ Наумбурга, после ее окончания отслужил в армии, затем получил высшее юридическое образование в университетах Лейпцига и Берлина (1876-1879), работал юристом, защитил диссертацию и поступил на государственную службу. Карьера Бетман-Гольвега развивалась стремительно, в 1886 г. он стал ландратом, а в 1899 г. – обер-президентом Бранденбурга – самым молодым чиновником такого ранга в истории Германии. В 1889 г. Теобальд женился на Марте фон Пфуль-Вилькендорф, что

⁴⁹⁷ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1909 г. Д. 20. Л. 197 об. – 198.

еще теснее связало его со старым остэльбским дворянством. Жена Бетмана представляла собой «образец настоящей немецкой женщины, обладала скромным благородством, которое вызывало к ней уважение каждого посетителя; ее обаятельная сердечная доброта распространяла вокруг себя атмосферу редкой теплоты», - писал о ней император⁴⁹⁸. В этом браке родилось четверо детей. В 1900 г. после смерти отца будущий канцлер унаследовал поместье Хоэнфинов⁴⁹⁹.

Принципиальное значение для стремительной карьеры Бетмана имела его личная, почти семейная близость с императором Вильгельмом, чем он повторял судьбу двух своих предшественников. Вот, что тот сам писал об этом в воспоминаниях: «господин фон Бетман-Гольвег был мне хорошо знаком еще со времен моей молодости. Когда я в 1877 году заканчивал первый период моей действительной военной службы в чине лейтенанта 1-го гвардейского полка, часть последнего была расквартирована в Гогенфинове (Хоэнфинове) у старого господина фон Бетмана, отца будущего канцлера. Я чувствовал себя вовлеченным в симпатичный семейный круг, во главе которого стояла достойная и обаятельно умная жена фон Бетмана, урожденная швейцарка. Впоследствии я, еще будучи принцем, а позднее и кайзером, часто приезжал в Гогенфинов, навещая старика Бетмана. Каждый раз при этом встречал меня молодой Бетман. Мы оба тогда не подозревали, что он когда-то станет моим рейхсканцлером»⁵⁰⁰.

Путь Бетмана на самую вершину государственного управления начался в 1905 г., после его назначения, причем по настоянию канцлера Б. Бюлова, на должность прусского министра внутренних дел. Вот что по этому поводу сообщал в Петербург российский посол Н.Д. Остен-Сакен: «На место скончавшегося на прошлой неделе от разрыва сердца прусского министра внутренних дел барона фон Гаммерштейн-Локстена назначен обер-президент

⁴⁹⁸ Вильгельм II. Указ. соч. С. 85.

⁴⁹⁹ Wollstein G. Theobald von Bethmann Hollweg (1856-1921) // Das Kaiserreich. Portrait einer Epoche in Biographien. S. 250.

⁵⁰⁰ Вильгельм II. Указ. соч. С. 85.

Бранденбурга Д.Т.С.* фон Бетман-Голльвег [такое написание в тексте, впоследствии его фамилия стала писаться принятым у нас способом. – А.М.]. Вновь назначенный министр внутренних дел был, по слухам, уже в 1901 году кандидатом на этот пост после вызванного отклонением в прусском сейме пресловутого проекта о канале** министерского кризиса. Назначение не состоялось тогда, в виду будто бы некоторых требований политического характера, от которых фон Голльвег ставил в зависимость принятие им портфеля. Он, как утверждают, стоит весьма близко к консервативно-аграрным сферам, которые имеют в нем ревностного покровителя. Фон Бетман-Голльвег кроме того *persona gratissima* при дворе и пользуется, как бывший товарищ императора по Боннскому университету, личными симпатиями монарха»⁵⁰¹. То есть назначение на этот важный прусский пост не прошло мимо российских наблюдателей и характеристика, данная ими Бетману, совершенно совпадает с оценками позднейших исследователей. В сложной внутривластной ситуации в Пруссии, сложившейся во время стачки горняков в Руре в 1905 г., Бетман-Гольвег смог успокоить общественное мнение и в дальнейшем показал себя высококлассным управленцем, способным решать достаточно сложные задачи. «По всеобщим отзывам, новый канцлер отличается прямотушием, выдающейся способностью к труду, основательным знанием своего дела, стойкостью убеждений и настойчивостью при достижении поставленных себе целей. Он недурной оратор, но красноречие его не имеет ничего общего с блестящими ораторскими способностями князя Бюлова. Зато оно, может быть, глубже по мысли и содержанию», - писал в июле 1909 г. российский посол в Петербург⁵⁰².

25 июня 1907 г. император Вильгельм уволил, согласно прошению, имперского статс-секретаря по внутренним делам графа Посадовского-Венера

* Действительный тайный советник.

** Речь идет о долгих сложных дебатах по поводу строительства Средненемецкого канала, соединившего реки Рейн, Везер, Эльбу и Одер.

⁵⁰¹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1905 г. Д. 18. Л. 88-88 об.

⁵⁰² АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1909 г. Д. 20. Л. 198.

и прусского министра народного просвещения господина фон Штудта от занимаемых должностей, с сохранением за обоими звания государственных министров. На место первого переведён бывший до сих пор прусским министром внутренних дел, д-р фон Бетман-Гольвег с одновременным назначением его вице-председателем прусского Совета министров (Staatsministerium)⁵⁰³. Комментируя это событие, Сакен пишет, что особое внимание обращает на себя факт назначения Бетмана на пост вице-председателя прусского правительства, который «оставался незамещённым после г-на фон Микеля и по праву старшинства принадлежал бы министру финансов барону Рейнбабену, получившему, в виде компенсации, на основании того же императорского повеления, Орден Чёрного орла»⁵⁰⁴.

Относительно политических взглядах новых назначенцев российский посол сообщал следующее: «Император Вильгельм, увольняя двух видных деятелей, в сущности далёк от мысли дать решительное направление влево государственному кораблю: “Я не хочу править с либералами”, так выражался, как мне передавали, Его Величество. И надо сказать, что три новых министра, являющихся для будущей политики пока неиспытанными общественными деятелями, лишь в официозном освещении выставляются категорическими носителями либеральных идей. Ни правая, ни левая печать не согласна признать их таковыми. Но все сходятся во мнении, что канцлер продолжает удачно проводить своё направление»⁵⁰⁵.

В этой стремительной карьере Бетмана определяющими были два фактора – его несомненные бюрократические, управленческие способности и близкое знакомство с сувереном. При выборе кандидатуры на должность император руководствовался прежде всего одним – личной преданностью ему того или иного претендента. Хорошо, если эта личная преданность сочеталась хоть с какими-то способностями. Бывало, что дело обстояло иначе, как,

⁵⁰³ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1907 г. Д. 17. Л. 169-169 об.

⁵⁰⁴ Там же. Л. 170.

⁵⁰⁵ Там же. Л. 170 об.

например, с младшим Мольтке, который в самый важный момент, возглавляя Генеральный штаб, оказался совсем не на своем месте. Как справедливо отмечает Г. Вольштейн, «Бетман взаимодействовал с императором, являющимся центром власти, с неизменной лояльностью, но старался не посвящать его в текущую политику»⁵⁰⁶. Именно эти принципы кадровой политики легли в основу принятого в историографии определения режима правления Вильгельма II как личного или «персонального», что с нашей точки зрения не является достаточным основанием.

По мнению самого авторитетного биографа Т. фон Бетман-Гольвега, при назначении его канцлером, он «не был желательным кандидатом, а был аварийным помощником»⁵⁰⁷. Бетман, придя к власти после краха бюловского либерально-консервативного блока, унаследовал от своего предшественника все основные внутривластные противоречия. Да и задачи, стоявшие перед ним, были схожи с бюловскими – поиск парламентской поддержки правительственных инициатив и попытка примирения интересов различных групп политических и экономических элит (прежде всего, аграрных и промышленных). «Что же касается до политики внутренней, - продолжал российский посол, - то здесь думают, что господин фон Бетман-Гольвег будет продолжателем политики князя Бюлова. Если это мнение оправдается, то правительство может в скором времени прийти к столкновению с большинством рейхстага, так как уже теперь органы консервативных партий диктуют новому канцлеру ту политику, аграрную и реакционную, которой он, по мнению консерваторов, должен следовать, и грозят ему, в противном случае, и весьма недвусмысленно участием его предшественника. Интересен также вопрос, как отнесётся Бетман-Гольвег к требуемой всеми либеральными фракциями реформе прусского избирательного закона, признанной в прусской Тронной речи, при открытии прошлой осенью ландтага, насущной потребностью. В прежних речах своих канцлер считал нежелательным и

⁵⁰⁶ Wollstein G. Ein deutsches Jahrhundert 1848-1945. Hoffnung und Hybris. Franz Steiner Verlag, 2010. S. 225.

⁵⁰⁷ Ibid.

неосуществимым распространение на прусское королевство имперского избирательного закона. Враждебное отношение к этой реформе консерваторов послужит и здесь серьезным препятствием правительству»⁵⁰⁸.

Главным отличием периода правления Бетман-Гольвега от всех предшествующих этапов развития «вильгельминизма» было то, что внешнеполитическая ситуация все более и более накалялась, а времени на необходимую модернизацию становилось все меньше. При назначении Бетмана канцлером все наблюдатели сходились на том, что, будучи специалистом во внутривластных делах, он мало что смыслил в вопросах внешней политики, что полное незнание Бетман-Гольвега с внешней политикой увеличивало *de facto* в ущерб канцлеру значение статс-секретаря по иностранным делам, игравшего при князе Бюлове второстепенную роль⁵⁰⁹.

Вероятной внутривластной программе нового канцлера была посвящена отдельная депеша, отправленная из Берлина в Петербург 1 октября 1909 г. Важно привести ее полностью (с небольшими купюрами), что даст возможность оценить как имеющийся замысел программы, так и полноту ее позднейшей реализации: «Наступившее здесь после кризиса политическое затишье продолжается до сих пор и даёт канцлеру возможность не открывать пока своих карт. Волнения вызывают среди либералов смутные слухи о существующем будто бы намерении правительства отложить на два года осуществление прусской избирательной реформы. Такая отсрочка обозначала бы окончательное поражение стремлений германских либеральных партий, более двух лет принимавших участие в правительственном блоке, в твёрдой надежде получить за свои услуги эту реформу. Пред лицом подобной опасности, делаются попытки объединить и сплотить все германские либеральные партии. Начало было положено собравшейся недавно в Вюртемберге комиссией всех трёх фракций и сближением их с национал-либералами. Победа же на последнем социалистическом съезде в Лейпциге

⁵⁰⁸ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1909 г. Д. 20. Л. 198 об.-199.

⁵⁰⁹ Там же.

ревизионистов, то есть представителей более умеренного направления, даёт некоторым либералам надежду привлечь к себе и часть социал-демократов. Впрочем, мало вероятно, что удастся объединение либеральных партий, не прекращающих свои счёты и раздор, несмотря на растущую оппозицию политике нынешнего имперского правительства.

С другой стороны, новый канцлер не пользуется особым доверием и партии Центра, никогда не считавшей его своим человеком, но выжидавшей первых его выступлений в области внутренней политики. Однако, уже теперь Центр грозит господину фон Бетман-Гольвегу участием его предшественника, если он вздумает идти по стопам князя Бюлова и проводить враждебную католической партии политику.

Тот же вопрос об изменении избирательного закона в Пруссии волнует и консерваторов. Всякая попытка канцлера демократизировать этот кастовый прусский закон встретит сильный отпор со стороны всемогущих аграриев. А что они умеют ревниво и успешно оберегать свои интересы, как это показал и неуспех правительственного законопроекта о наследственном налоге и падение князя Бюлова, потерявшего симпатии прежде близких ему аграриев отчасти за намерение провести в Пруссии избирательную реформу.

Таким образом, положение нового канцлера среди сталкивающихся интересов политических партий весьма незавидное, ему придётся приложить немало усилий и способностей, чтобы провести в жизнь намеченную им, но пока не обнародованную политическую программу»⁵¹⁰.

Что за идея была положена в основание политической программы Бетман-Гольвега? Как и перед предшествующими кабинетами – формирование национальной стратегии на перспективу. Четко сформулированной идеей, которая презентовалась властями как национальная, была «мировая политика». Но как показывает изучение документов, в том числе голосования в рейхстаге по проектам, напрямую

⁵¹⁰ Там же. Л. 236-237.

связанным с подготовкой к реализации этой стратегии, она не пользовалась к 1909 г. поддержкой всех, и даже большинства партий. Стратегия, имеющая целью активную колониальную политику, что неминуемо - и вот это как раз понимали все - будет сопряжено с большой войной, имела как сторонников, так и противников, и подлинной объединяющей идеей еще не стала.

Начиная с 1911 г., т.е. с Агадирского кризиса и «прыжка “Пантеры”», стало совершенно очевидно, что большая война неизбежна. Для победы в этой войне необходимо было решить целый комплекс задач: внешнеполитических, связанных прежде всего с попытками оторвать Великобританию от Тройственного согласия и не допустить присоединения к нему Италии; военных – максимально тщательной подготовки войны на два фронта, которую еще недавно считали невозможной, а теперь делали все, чтобы она стала победоносной; экономических – не только построить современные армию и флот, способные решать самые сложные задачи современной войны и на равных бороться с сильнейшими мировыми державами, но и обеспечить запас прочности экономике империи, ее продовольственную и промышленную безопасность. Решение всех этих очевидных задач было невозможно без реализации главной – достижения внутреннего единства и максимальной общественной поддержки властных инициатив и правительственного курса в целом. При этом комплекс внутренних, прежде всего социальных противоречий «всех со всеми» вынуждал власти постоянно лавировать, учитывая диаметрально противоположные интересы рабочих и аграриев, аграриев и промышленников, промышленников и рабочих, католиков и протестантов, консерваторов и социалистов и т.д. и т.п. «Мировая политика» стала тем стержнем, который был призван всех их объединить.

Все основные проблемы, стоявшие перед правительством в 1909 г., оставались актуальными и в последующие годы, только острота проблем год от года нарастала. Обещанная в тронной речи реформа прусского избирательного права, как уже говорилось выше, осуществлена не была. Единственная из проведенных важных реформ в области отношений империи

и ее составных частей касалась изменения статуса имперской провинции Эльзас-Лотарингия. Ее ландтаг получил широкие конституционные права, а «новые подданные империи», т.е. жители присоединенных по результатам войны 1870/71 гг. территорий, приобрели, что вызвало особое возмущение либеральных сил, больше прав, чем имели жители «сердца Германии», важнейшей ее части – Пруссии. Интересно, что демократизация режима в имперской провинции не дала сколько-нибудь значимого положительного эффекта в деле завоевания поддержки или хотя бы лояльности местного населения по отношению к германской администрации и к Германии в целом. Это явственно продемонстрировал т.н. Цабернский инцидент 1913 г. и возникший в связи с этим серьезный внешне- и внутривнутриполитический кризис, нанесший очередной сильнейший удар по авторитету и престижу императора и военной элиты страны.

Неудача реформы прусского законодательства как ничто другое продемонстрировала, что всякая попытка в общеимперских интересах ущемить интересы старой прусской элиты – юнкеров/аграриев, обречена на неудачу.

В 1912 г. сложилась совершенно новая ситуация в отношениях с политическими партиями. В результате прошедших в этом году выборов в рейхстаг его крупнейшей фракцией стали социал-демократы. Внутривнутриполитический кошмар, преследующий всех германских политических деятелей, начиная с Бисмарка, воплотился в жизнь. «Самой характерной чертой результатов выборов является победа социалистов, которая превзошла всякие ожидания. Здесь учитывали возможность и даже вероятность увеличения числа представителей социал-демократов, но никто не предполагал, чтобы число их превысило сотню; выбранными же оказалось 110 социалистов, которые являются таким образом в новом парламенте партией,

значительно превышающей все остальные»⁵¹¹, - писал Н.Д. Остен-Сакен в депеше от 2 февраля 1912 г.

В той же депеше российский дипломат подробно описал общую ситуацию, сложившуюся в результате этих выборов в парламенте. Главной проигравшей стороной стал консервативно-клерикальный блок (т.е. блок консервативных партий и католического Центра), бывший в 1909-1911 гг. главной опорой правительства. Прежнее правительственное большинство потеряло 44 мандата и теперь имеет лишь 164 места. Даже в случае привлечения к нему всех мелких партий, т.н. черно-синий блок с трудом набирал 192-194 депутата, в то время как левые партии располагали более чем 200 голосами.

Этот успех левых российский дипломат объяснял удачной пропагандой крайнего либерального крыла против консервативно-клерикального блока. «Пароль «Der Front gegen Rechts “ впервые данный Berliner Tageblatt, одной из самых распространённых здесь газет, - писал он, - сплотил в последнюю минуту перед перебаллотировкой либеральные партии всех направлений к борьбе против правых. Насколько можно судить, однако, из газетных статей и отзывов политических деятелей, такая взаимная поддержка, оказанная друг другу либералами и социалистами, не скрывает за собой каких-либо принятых лидерами этих партий обязательств на будущее время, а явилась лишь следствием общего недовольствия по отношению к консервативному элементу»⁵¹².

Результаты голосования были вполне закономерными, показав недовольство широких слоев населения консервативным курсом, и фактический отказ от прусской избирательной реформы сыграл здесь принципиально важную роль. Хотя этот вопрос находился в юрисдикции прусских властей и прусского ландтага, но особая роль Пруссии в империи и

⁵¹¹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1912 г. Д. 18-19. Л. 22.

⁵¹² Там же. Л. 22 об. - 23.

совмещение Бетманом имперских и прусских высших должностей делали его вопросом общеимперским.

Социалисты наконец добились своего. Они стали ведущей политической силой, хоть это и не означало, конечно же, социалистического диктата или принципиального изменения политического курса и политической системы. Российские дипломатические представители справедливо отмечали, что «среди соединённых левых партий только в редких случаях будет полное единомыслие и правительству без особого труда удастся воспользоваться громадной разницей в программах левых фракций, чтобы во многих вопросах заставить их идти друг против друга»⁵¹³.

В свете результатов парламентских выборов 1912 г. важно подчеркнуть, что то, что еще совсем недавно было главным жупелом германской, да и в целом европейской политики, вдруг потеряло свой антигосударственный, антисистемный характер. Усиление в партии умеренного крыла («ревизионистов», группирующихся вокруг Э. Бернштейна и Г. Фольмара, центристов и последователей К. Каутского) сделало возможным сотрудничество с ними властей. Именно поэтому депеша Остен-Сакена была выдержана в успокоительном тоне: «Правительство вполне ... спокойно относится к исходу выборов; имперский канцлер, пользующийся по всем признакам полным доверием императора, имеет даже довольный вид. Фон Бетман-Гольвег высказал, в разговоре со мной, полную уверенность, что новый рейхстаг не даст ему особых хлопот»⁵¹⁴.

Конечно же, в новых политических условиях канцлер должен был выработать иные подходы для взаимодействия с рейхстагом. Хотя он по своим симпатиям и принадлежал к консерваторам, но всегда старался доказать, что не опирается на какую-либо партию и не ведёт партийной политики. И теперь, прогнозировал российский посол, «эта тактика окажет ему, без сомнения,

⁵¹³ Там же. Л. 23 об.

⁵¹⁴ Там же. Л. 24.

услугу и можно со значительной долей уверенности предсказать, что ему удастся провести все нужные правительству законопроекты»⁵¹⁵.

К числу таких важнейших законопроектов относилось в тот момент увеличение ассигнований на военные нужды, и здесь правительство особых затруднений не ожидало. В оценке ситуации, сложившейся после выборов, российское посольство проявило очень высокую степень прозорливости и оценивало ситуацию, с нашей точки зрения, совершенно верно: «Изменение в составе партий в парламенте вряд ли отзовется на вопросах внешней политики Германии и международных ее отношениях. Ликование части заграничной печати, главным образом французской, видящей в этих выборах ослабление Германии, совершенно не оправдываются действительным положением вещей. Как я только что заметил, новый рейхстаг не будет тормозом для усиления военной мощи Германии; кроме того, нужно всегда иметь в виду, что немецкие социал-демократы только в теории последователи Маркса, на самом же деле не лишены патриотического чувства. Затем из числа вновь избранных депутатов, по-видимому многие принадлежат к фракции, держащейся наиболее умеренных воззрений, выразителем которых является известный социал-демократический деятель Бернштейн»⁵¹⁶. Как показало недалекое будущее социалисты действительно не стали тормозом для осуществления германских военных планов: «В последних моих депешах я уже имел случай отметить, что в правящих кругах относятся вполне спокойно к создавшемуся последними выборами положению, которое не помешает правительству в осуществлении общегосударственных его задач», - писал российский посол⁵¹⁷.

Анализируя результаты парламентских выборов 1912 г., следует сказать, что ситуация, возникшая в момент отставки Б. Бюлова, принципиально отличалась от прежнего положения вещей. По сути он, подавая в отставку, повел себя как глава правительства, ответственного перед парламентом. В

⁵¹⁵ Там же.

⁵¹⁶ Там же. Л. 25.

⁵¹⁷ Там же. Л. 35.

момент распада «правительственного» либерально-консервативного блока он не инициировал роспуск парламента, как сделал бы любой из его предшественников, а сложил свой мандат сам. Его уход с канцлерского поста был прежде всего следствием потери доверия к нему со стороны императора из-за скандала с интервью английской газете в 1908 г. Но так же уходили в отставку его предшественники. Новым моментом было другое: позиция парламентских фракций в момент скандала, знаменитые парламентские слушания 10-11 ноября 1908 г. и обстоятельства отставки Бюлова в 1909 г. демонстрировали абсолютно новые отношения между императором, канцлером и парламентом, давая последнему надежду на кардинальное изменение соотношения ветвей власти. Де-факто такое изменение уже произошло, парламент играл не просто более заметную роль, он постепенно становился реальным центром власти и центром принятия решений, при этом де-юре ситуация оставалась неизменной, о чем Бетман-Гольвег еще раз вполне определенно заявил вскоре после формирования последнего довоенного состава рейхстага.

Депеша российского посла подробно излагает суть выступления канцлера перед новым составом рейхстага в середине февраля 1912 г.: «Обращаясь к предъявляемым всеми левыми партиями требованиям пересмотра конституции, канцлер самым определенным образом заявил, что, даже признавая некоторые несовершенства в распределении избирательных округов, он не согласится на еще большую демократизацию избирательного закона и не допустит посягательств на основы имперской конституции. Затем он категорически отверг требования ответственности канцлера перед рейхстагом. Победа социалистов и неясное положение либералов не есть, по мнению Бетман-Гольвега, основание к изменению распределения компетенций между императором, Союзным советом и парламентом. Зависимость имперского канцлера только от императора, – есть необходимый противовес столь широкому избирательному праву, установленному в Германии. Мировое же ее положение требует стройной организации, и мир

всегда нарушался лишь тогда, когда она находилась во внутренней дезорганизации. В заключение канцлер заявил, что правительство не будет колебаться вправо и влево, так как Германия не может быть управляема ни реакционно, ни радикально»⁵¹⁸.

Таким образом, Бетман отверг всякую возможность законодательной модернизации политической системы, оставив, по сути, в неизменном виде созданное Бисмарком здание. Ввиду грядущих потрясений, в наступлении которых никто уже не сомневался, внутривнутриполитические изменения, по мнению императора и канцлера, были не только нежелательны, но и крайне опасны.

Важное значение для понимания логики внутривнутриполитического развития имела обострившаяся в 1910-е годы тенденция – общий дрейф влево партий, представленных в рейхстаге при сохранении ведущих позиций консерваторов в прусском ландтаге и прусском Государственном министерстве. Как справедливо заметил крупнейший специалист по политике Бетман-Гольвега, «исполнительная власть с канцлером во главе стояла между этими двумя властными группировками, которые все сильнее отходили друг от друга. Но выполнять свои задачи их представители могли только в сотрудничестве друг с другом. Между властями Пруссии и империи было достаточно трений и конфликтов, которые серьезно подрывали сотрудничество. Их масштабы, однако, не были таковы, чтобы немедленная и радикальная перестройка государственного аппарата была единственным решением. В сложившихся обстоятельствах функционирование государственного аппарата лучше всего могло быть обеспечено за счет максимально возможного укрепления позиций канцлера в рамках существующей конституции»⁵¹⁹. Этот пассаж ясно показывает, что при Бетмане особое значение приобрела задача соотнесения общего и частного: сосуществования в одном государстве различных

⁵¹⁸ Там же. Л. 47-48. Сравн.: Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 13. Legislatur-Periode. 1912/14, 1. 9. Sitzung von 19. Febr. 1912. S. 146-147 URL. https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt_k13_bsb00003350_00154.html (дата обращения 1.08.2023).

⁵¹⁹ Zmarzlick H.-G. Op. cit. S.23.

политических моделей – максимально демократичного принципа формирования общеимперского парламента и сословного принципа выборов в прусский ландтаг, который обеспечивал безраздельное господство в нем консервативных сил, теснейшим образом связанных с прусским юнкерством. Необходимость реформирования прусской системы была очевидна и при этом абсолютно нереализуема, что стало важнейшим показателем кризиса, приобретшего особую остроту накануне Великой войны.

В этой связи на первый план выходит еще одна проблема, изначально также присущая скорее Пруссии, но имевшая огромное значение на протяжении всей новой немецкой истории, а именно положения и роли, которую играла в государстве и обществе армия.

Тема эта сложная и многообразная, она многократно становилась предметом самых разнообразных исследований и при этом политизирована даже больше, чем другие проблемы, связанные с имперским периодом германской истории.

«Прусский милитаризм» – это устоявшееся выражение, практически фразеологизм, который приходит в голову любому человеку, читающему что-либо про Пруссию, но причины этой особой роли армии в истории этого государства до сих пор являются проблемой дискуссионной. Хотелось бы здесь выделить только несколько основных аспектов.

Во-первых, нельзя обойти стороной традиционное уважение и даже пиетет перед людьми военной профессии, а также ее высокий престиж в обществе, берущий свое начало со времен Фридриха Великого. Не имея больших природных и иных богатств, Пруссия смогла встать в ряд великих держав прежде всего силой оружия. Не случайно Вильгельм II все самые важные свои речи произносил перед военными. Именно военную службу он считал главным этапом в своем образовании и становлении как государственного деятеля, не говоря даже о его безумной любви к форме – в изгнание в голландский Доорн он уехал, увозя с собой сотни мундиров и

других предметов, связанных с военной службой. Однако, все это хоть и важные, но все-же внешние атрибуты.

Во-вторых, и это чрезвычайно важно в связи с анализом политической системы страны, – главной поддержкой монархии и исполнительной власти была именно армия, а также чиновничество, т.е., так или иначе «служилые люди», теснейшим образом связанные с прусским дворянством, старой земледельческой элитой. Не имея проправительственной партии, будучи вынуждена постоянно лавировать между интересами различных политических партий и социальных сил, верховная и исполнительная власть именно в армии видели свою опору и ту социальную силу, на которую они могут рассчитывать. Не стоит подробно останавливаться на той очевидной роли, которую играли вооруженные силы в условиях активизации колониальной политики, строительства колониальной империи, подавления мятежей и восстаний на ее окраинах. Еще большее значение сухопутные и особенно морские вооруженные силы получили в условиях перехода к «мировой политике», гонки вооружений, все новых и новых военных ассигнований, которые должны были уравнивать немецкие армию и флот с сильнейшими вооруженными силами в мире – британскими, французскими и русскими. Именно армия, наряду с процветающей экономикой, должна была превратить Германию в ведущую силу на европейском континенте. Военные занимали в стране особое положение, представляли собой абсолютно закрытую касту, максимально далекую от всех демократических веяний. В те времена, когда Бисмарк пришел к власти в Пруссии, доля буржуазного элемента среди прусского генералитета составляла 21%, к 1890 г. она равнялась уже 31%, а к моменту отставки Б. Бюлова – 41%⁵²⁰. И только во время Первой мировой войны численность людей, принадлежащих к буржуазным слоям или получившим личное дворянство превысила половину, составив 55%⁵²¹.

⁵²⁰ Preradovich N. v. Op. cit. S. 125-126.

⁵²¹ Ibid. S. 128.

Хотя постепенный процесс демократизации затронул армейское командование, это было скорее свидетельством общих социальных сдвигов, чем изменений в чрезвычайно сплоченной, иерархически организованной и тесно связанной со старой прусской правящей элитой армейской организации. Это не меняло атмосферы в армии, приходящие в нее буржуазные элементы воспринимали царящие в ней порядки. Закрытость армейской касты была отчетливо продемонстрирована обществу во время обсуждения военной судебной реформы и введения гласности в военное судопроизводство в 1896-1898 гг., на чем настаивала либеральная южная Германия и чему активно сопротивлялась Пруссия и император. Принят был компромиссный вариант, но спор, переросший в конфликт Вильгельма II и Гогенлоэ, ясно продемонстрировал крайнюю позицию императора, не допускавшего распространения на военных общегражданских законов и правил. К чему прусская армия готова не была совершенно – так это к вторжению в ее жизнь и сферы ее ответственности газет и журналов, все больше берущих на себя роль средств массовой информации. Цабернский инцидент, острый национально-политический конфликт в ноябре-декабре 1913 г. между населением эльзасского города Цаберн и расквартированными в имперской провинции Эльзас-Лотарингия военными прусской армии, вызвавший масштабные акции протеста и спровоцировавший внутривластный кризис в Германской империи, а также способствовавший дальнейшему обострению франко-германских отношений, стал примером такой неготовности к новым условиям. Впервые действия военных стали не просто предметом публичного скандала, но и, вызвав волну возмущения по всей стране, причиной специальных слушаний в рейхстаге и вмешательства императора. По своему тону и общей последовательности действий, скандал 1913 г. чрезвычайно напоминает осенний скандал 1908 г., связанный с публикацией Daily Telegraph. В обоих случаях в его центре оказались неприкосновенные до сих пор силы – император, а теперь военные. Не стараясь преуменьшить вину, недальновидность, да и просто глупость

прямых виновников этих скандалов, из них можно сделать несколько важных наблюдений, характеризующих не только общий политический климат в стране, но и стремление стран Антанты нанести максимальный урон внутреннему единству Германии накануне войны. Во-первых, этими скандалами были затронуты основные столпы германского государства, удар по которым неминуемо сказывался на общей политической атмосфере в стране, лишая людей основных нравственных ориентиров. Если можно устроить публичное судилище над монархом в парламенте, а слушания в рейхстаге носили именно такой характер, значит он больше не может быть непререкаемым авторитетом и даже сакральной фигурой. Власть императора была серьезно ограничена по решению рейхстага, а роль имперского канцлера наоборот возросла. Здесь речь не идет об изменении системы де-юре, но определенные сдвиги в этом направлении произошли.

Следующий серьезный удар был нанесен по прусской армии, оказавшейся в центре политического скандала с националистическим оттенком, да еще на тех территориях, в лояльности населения которых имперские власти были заинтересованы чрезвычайно. В ситуации уже разгоравшегося скандала, причиной которого стали глупые, высокомерные и необдуманные слова 20-летнего юнца в прусской форме, император вновь повел себя недальновидно, да и говоря прямо, просто глупо, не понимая всей серьезности происходящего. Он пытался остаться в стороне, а военные стали спасать честь мундира, отказавшись осудить слова и действия лейтенанта Форстнера. Вынесенный большинством рейхстага в связи с этим инцидентом вотум недоверия правительству Бетман-Гольвега хоть и не имел законной силы, так как канцлер по-прежнему не нес ответственности перед ним, но создал новый прецедент. Фактически действия парламента можно признать антиконституционными, подрывающими основы существующего государственного строя, однако роспуска рейхстага не последовало, что было бы совершенно немыслимо ранее. Все эти события создавали в стране острое

ощущение кризиса власти, нестабильности системы, что без всякого сомнения играло на руку противникам Германии из числа стран Антанты.

Эта нестабильность была той реальностью, которая вытекала из целого комплекса неразрешимых противоречий, бывших «родовыми чертами» созданного в 1871 г. государства. К ним относится несогласованность законодательства, прежде всего избирательного, Германии и отдельных ее частей, в том числе Пруссии. Преобладание в единой империи прусской властной элиты, связанной с крупным аграрным производством и армией, которая требовала сохранения всех своих привилегий даже в ущерб тем силам, от благосостояния и устойчивого положения которых в социальной и экономической структуре страны зависело ее будущее. И речь здесь идет не только о рабочем классе, но и о промышленниках, прежде всего крупных, связанных с международным бизнесом, с иностранными рынками и требовавшими продолжения той политики торговых договоров, начало которой было положено в 1891-1894 гг. Этот список можно продолжать еще очень долго, задачей же канцлерства Бетмана, по большому счету, была не модернизация, не изменения, которые могли бы устранить эти противоречия, а «умиротворение», ситуационное примирение противоборствующих сторон с помощью уступок то одним, то другим, чтобы получить максимально широкую поддержку внешнеполитической стратегии.

Ситуация июля-августа 1914 г., когда в ответ на провозглашение «гражданского мира» все значимые политические силы, в том числе и еще недавно бывшие в вечной оппозиции социал-демократы, безоговорочно поддержали вступление Германии в войну, вотировав все требуемые правительством военные кредиты, доказывает, что этот внутривнутриполитический курс правительства был успешен и достиг своих целей. Хотя, несомненно, важнейшим фактором здесь был патриотический подъем, скорее даже истерия, охватившая все основные европейские страны, вступавшие в войну. В Германии гражданский мир сохранялся достаточно долго, по сути, до 1916-1917 гг., то есть фактически все время канцлерства Т. фон Бетман-Гольвега. С

этой точки зрения можно считать, что свою основную задачу последний «мирный» канцлер выполнил.

Итак, выявление основных узлов внутривластных противоречий, сохранявших актуальность вне зависимости от смены фигур на высшем управленческом посту, а также изменений, которые каждый следующий канцлер вносил в сложившуюся политическую систему страны, позволяет сделать ряд важных выводов.

Подробный анализ конституционных документов империи и Пруссии позволил определить законодательные основы, на которых было выстроено здание Германской империи, и которые оставались неизменными все время ее существования. Оба эти документа, при всей кажущейся противоречивости, были результатом трезвого расчета, целями которого были:

1. Обеспечение незыблемости федеративного характера страны;
2. Распределение прерогатив между федеральным и местными центрами власти;
3. Сохранение особого места Пруссии и прежде всего ее властной элиты в Германии, что являлось главным гарантом неизменности монархического характера государства;
4. Превалирование исполнительной власти над законодательной и ее неподконтрольность никому, кроме монарха, при некотором контроле, который канцлер своим правом контрассигновки, имел над главными решениями императора.

Изучение основных событий и тенденций 1890-1914 гг. в политической жизни Германии позволило выделить несколько основных, сквозных тем, которые определяли развитие страны и сложности этого развития и которые стали предметом анализа в двух следующих главах.

Основной тенденцией в политической жизни империи стала эволюция властной системы. На протяжении всего периода вильгельминизма, несмотря на неизменность его конституционной базы, публичные органы – то есть

партии и парламент – играли все возрастающую роль, став к 1914 г. основным центром власти. Одновременно шел противоположный процесс – силы, которые в 1890 г. доминировали в политической системе, постепенно утрачивали свои позиции. Происходила эта трансформация далеко не безболезненно, часто не благодаря, а вопреки действиям и намерениям политических сил, но тенденция прослеживается достаточно четкая и последовательная. В этом же крылось и одно из главных внутренних противоречий всей системы – не меняющиеся правовые основы все меньше и меньше соответствовали реальной расстановке сил.

Главными проблемами, по которым велась общественно-политическая дискуссия и которые отражали желаемые направления модернизации были следующие:

1. Ограничение власти монарха до уровня, который условно можно назвать «британским». Несмотря на то, что в литературе прочно утвердилось название всего периода германской истории с 1890 по 1914 г. как «вильгельмовского», говорить о некой форме личного режима Вильгельма, что является общим местом в историографии, нельзя, более того власть императора постепенно сокращалась, а значение канцлера и рейхстага постоянно росло.

2. Введение ответственности канцлера перед рейхстагом. Несмотря на то, что формально вплоть до принятия Веймарской конституции в 1919 г. канцлер нес ответственность, назначался на должность и увольнялся с нее только императором, по сути, уже уход Бюлова в отставку выглядел как следствие распада правительственной коалиции. Власти, зайдя в тупик и не имея возможности провести через рейхстаг необходимый им законопроект, не решились на ожидаемый и привычный в такой ситуации шаг – роспуск парламента и назначение новых выборов.

3. Устранение превалирования исполнительной власти над законодательной, что критики политической системы Германии

называли одной из основных слабостей системы, созданной Бисмарком. Этот диссонанс имел глубокие корни, восходил еще к Конституционному конфликту 1860-х годов, он все же уменьшался, так как и без формального изменения конституции роль парламента на практике постепенно возрастала. В добавок к этому демократический избирательный закон в рейхстаг стал причиной неуклонного его полевения и все большего влияния самых широких общественных слоев на политическую жизнь страны.

4. Реформирование избирательной системы в Пруссии. Необходимость в этом, с одной стороны, бесспорно назрела, а с другой, была абсолютно нереализуема из-за двух совершенно непреодолимых препятствий – позиции императора и позиции прусской властной аграрной юнкерской элиты, которые в случае реформы потеряли бы свои доминирующие позиции. В этой коллизии кроется, с нашей точки зрения, основное противоречие имперского периода германской истории. Идея «мировой политики», положенная в основу внешнеполитической стратегии, превратилась в национальную идею, вокруг которой произошла консолидация практически всех социально-политических сил, за одним, но чрезвычайно важным исключением – тех самых прусских аграриев. Свою мегазадачу им удалось реализовать в 1871 г., превратив Пруссию в Германскую империю и сохранив свои ведущие позиции в экономике, армии и государственном аппарате.

«Мировая политика» не просто не могла стать их целью, она угрожала их положению, их экономическим и политическим интересам, растворяя Пруссию в империи, а старую элиту – в новой, связанной с промышленностью и заинтересованной в колониальных рынках. Перестать же учитывать интересы старого прусского дворянства власть не могла, так как именно они и только они были опорой монархии Гогенцоллернов. Никакая другая сила в ее сохранении в неизменном виде заинтересована не была.

Вильгельмовский период германской истории является внутренне единым, его можно рассматривать как поступательное движение от появления идеи, имевшей неясные очертания, до ее четкого формулирования, а затем реализации. Обеспечивал последовательность курса именно Вильгельм II, будучи единственной неизменной фигурой во всей властной системе.

Глава 2. Традиционные властные структуры Германии и их трансформация в период вильгельминизма

§1. Пруссия как центр «гегемонистской унификации» Германской империи

Особая роль Пруссии как государства и аграриев как наиболее могущественной силы в ее социальной, политической и экономической системах были одними из самых значимых, но при этом и дестабилизирующих факторов в имперской истории страны. Пруссия периода ее превращения в Германскую империю, а затем, если так можно выразиться, их «сосуществование» в едином «теле», в одном государственном «организме» больше всего напоминает сиамских близнецов – у каждого есть собственные органы, а сердце и мозг (правлящий дом, высшая бюрократия, военное командование, политическая и отчасти экономическая элита и т.д.) едины. Отношения части и целого были стабильными и развивались поступательно, пока их интересы совпадали, пока Пруссия формулировала повестку, а собственных интересов у «Германии» не было. Когда же интересы части и целого, их цели и задачи совпадать перестали, а иногда и вступали в прямое противоречие друг с другом, что было особенно видно и ощутимо в экономической, да и в политической сферах, ситуация перестала быть стабильной и стала требовать корректировки. При этом, когда мы говорим о «Пруссии», то вовсе не имеем в виду ни ее население и даже территорию, которая, кстати, занимала почти 65% площади (348 тыс. км² из 540 тыс. км²) и более 60% населения (24,6 млн из 41 в 1871 году и 40,1 млн из 64,9 млн в 1910 г.) Германии. Речь идет почти исключительно о ее властной элите и тех вопросах, в которых их интересы не совпадали или противоречили имперским задачам.

Тема положения Пруссии и ее властных органов в общеимперской системе без всякого сомнения является чрезвычайно объемной, многоплановой, давно и прочно вошедшей в мировую историографию.

Федерализм Германской империи - уникальное во всех отношениях явление. В нем не было национального компонента, империя была фактически и формально мононациональной (доля национальных меньшинств составляла не более 5% населения), но при этом важнейшая часть общегерманского пространства – Австрия – в империю не вошла.

Один из крупнейших немецких историков, занимающихся вопросами конституционализма, Г. Болдт, выделил четыре задачи, которые ставил перед собой Бисмарк при создании империи: 1) обретение прочного национального, экономического и политического единства, причем путем не только обеспечения национального представительства в рейхстаге, но и передачи более обширных, по примеру Имперской конституции 1849 г., законодательных полномочий империи для завершения экономического и правового единства; 2) обеспечение лидирующей роли Пруссии; 3) обеспечение интересов других государств, особенно позже всего присоединившихся к Союзу южно-немецких; 4) создание механизмов, препятствующих «парламентаризации» империи, а тем паче прусского правительства⁵²². Таким образом, обеспечение прусских интересов и даже прусского доминирования было изначально важнейшей задачей единой Германии.

Следует также сразу же оговорить еще один принципиальный момент – на заседаниях прусского ландтага и Государственного министерства поднимались и рассматривались вопросы, относившиеся к прусской, а не имперской юрисдикции. Депутаты ландтага зорко следили, чтобы имперские органы, прежде всего рейхстаг, не вторгались на прусское правовое поле, считая любое подобное вмешательство покушением на федеративные основы государства. Но при этом, по меткому выражению М. Вебера, прусский ландтаг был «тайной второй палатой» рейхстага⁵²³.

⁵²² *Boldt H. Der Föderalismus im deutschen Kaiserreich als Verfassungsproblem // Innere Staatsbildung und gesellschaftliche Modernisierung in Österreich und Deutschland 1867/71 bis 1914: Historikergespräch Österreich – Bundesrepublik Deutschland 1989. Oldenbourg-München: Verlag für Geschichte und Politik. 1991. S. 32.*

⁵²³ Цит. по: *Ibid.* S. 34

В первой половине 1890-х гг. главными, касающимися внутреннего положения в Пруссии вопросами были финансовый и налоговый, что было обусловлено разработанной министром финансов Й. фон Микелем⁵²⁴ прусской налоговой реформой и комплексом проблем, связанных с польским национальным меньшинством в прусских провинциях Познань и Западная Пруссия*. Целью реформы Микеля было «наведение порядка» в финансовой сфере, унификация податной системы, что должно было привести к росту государственных доходов и более справедливому распределению расходов. Реформа включала в себя введение элементов подоходного налога, налогов на имущество и прибыль. Закон о подоходном налоге от 24 июня 1891 г. отменил разделение налогоплательщиков на классы, каждый из которых формировался на основании получаемых доходов и платил в казну фиксированную сумму, и заменил ее прогрессивной налоговой ставкой. Ставка подоходного налога

⁵²⁴ Й. фон Микель (нем. Johannes von Miquel)(1828-1901), прусский и германский государственный деятель. Пятый сын придворного медика-католика французского происхождения, никак не связанный с прусской элитой. Во время Революции 1848-1849 гг. принадлежал к радикальному демократическому крылу студенческого движения в Гёттингене, был связан с руководством Союза коммунистов, находящимся в эмиграции в Лондоне, до 1857 г. переписывался с К. Марксом. Получил экономическое образование. Благодаря своим знаниям и ораторскому таланту выдвинулся на руководящие должности в органах местного управления в Гёттингене. Сблизившись с Р. Беннигсеном, стал одним из основателей либерального Немецкого национального союза (1859). В 1863 г. избран депутатом нижней палаты в Ганновере, один из лидеров либеральной оппозиции. В 1865 г. избран бургомистром Оснабрюка. Во время Австро-прусской войны 1866 г. выступал за нейтралитет Ганновера и других мелких и средних германских государств, однако в ее ходе высказал идею включения Ганновера в состав Пруссии при сохранении локальных правовых норм и органов управления. Эта идея была поддержана О. фон Бисмарком, Микеля пригласили в Берлин, где он играл роль посредника между прусским министром-президентом и ганноверскими либералами. Сыграл важную роль при конституировании общегерманской Национал-либеральной партии, ставшей одной из составных частей т.н. картеля, главной партийной опоры режима Бисмарка. В период грюндерства – член руководства и один из владельцев крупного немецкого банка (Disconto-Gesellschaft), что обеспечило ему финансовую независимость. Один из разработчиков финансового общеимперского законодательства и авторов системы финансовых взаимоотношений империи и союзных государств. Депутат нижней палаты прусского ландтага и германского рейхстага до 1877 г. После распада союза Бисмарка с либералами занял пост бургомистра Франкфурта-на-Майне (1880), организовал в городе систему социальной поддержки малоимущих, которая произвела большое впечатление на Вильгельма II, посетившего город вскоре после восшествия на престол. После этой встречи император предложил Микелю занять пост министра финансов Пруссии, по оценкам современных исследователей, он стал самой значительной фигурой на этом посту, был избран на пост вице-президента Государственного министерства (второй по значимости пост в Пруссии). Автор проекта реформирования налоговой системы Пруссии, значительно оздоровившей финансовую систему страны. Пытался найти баланс между интересами промышленников, аграриев и среднего класса. Был вынужден уйти в отставку в 1901 г. в результате конфликта императора и прусских консерваторов по вопросу строительства Средненемецкого канала, ввозных пошлин на сельскохозяйственную продукцию и неременной поддержки аграрных интересов. Скончался вскоре после выхода в отставку.

* Польский вопрос, являющийся крайне важным с национальной, религиозной, экономической, культурной и внешнеполитической точек зрения, уже был предметом нашего специального изучения в упоминавшейся выше книге «Канцлер Каприви и поляки», поэтому сейчас мы оставим его за скобками нашего исследования.

увеличилась и составляла от 0,6%, до 4% (за годовой доход более 100 000 марок)⁵²⁵. Как отмечает Д.В. Зорилэ, «Микель применил, таким образом, принцип налогообложения в соответствии с экономической эффективностью (*Leistungsfähigkeit*), ставший фундаментом современного подоходного налогообложения Германии»⁵²⁶.

Очевидными причинами проведения реформы были стремление увеличить налоги, получаемые государством на свои растущие нужды, а также унифицировать налоговые сборы в Пруссии, чтобы затем приступить к реформированию финансовой системы империи. Реформа эта имела и очевидный социальный аспект, понятный в русле уже описанного нами «нового курса» Каприви, одним из целей которого было ослабление экономической, и как следствие политической роли крупных аграриев в государстве при поддержке не только промышленников, но и мелких и средних сельхозпроизводителей для обеспечения продовольственной безопасности страны. Новые законы, как отмечалось российскими дипломатами в Берлине, «касясь главным образом насущных интересов преимущественно сельского населения, служат как бы первым, хоть и косвенным ответом на заявленное вождями социал-демократии намерение производить впредь свою агитацию среди сельского населения Германии»⁵²⁷.

Второй этап прусской налоговой реформы затрагивал коммунальное налогообложение и был нацелен на решение проблемы недофинансирования коммунального хозяйства при чрезмерной налоговой нагрузке на жителей. Согласно закону о коммунальных податях от 14 июля 1893 г. повышенные налоги на строения, землю, промыслы перестали взиматься в пользу государства и стали напрямую поступать в бюджет общин. Общины могли

⁵²⁵ *Fuisting B.* Das preußische Einkommensteuergesetz vom 24. Juni 1891 und die Ausführungsanweisung vom 5. August 1891, mit Erläuterungen und einer Einleitung: Die geschichtliche Entwicklung des preußischen Steuersystems und systematische Darstellung der Einkommensteuer. Zweite vermehrte und verbesserte Auflage. Berlin: Heymann. 1892, S. 190. URL. https://digital.staatsbibliothek-berlin.de/werkansicht/?PPN=PPN646877941&PHYSID=PHYS_0212 (дата обращения 20.07.2023).

⁵²⁶ Зорилэ Д.В. Особенности развития коммунального налогообложения в Германии в XIX веке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. №2. 2021. С. 24

⁵²⁷ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1891 г. Д. 16. Л. 221 об.

либо устанавливать процентные надбавки к налогам, которые по-прежнему взимались в бюджет земель, либо автономно взимать свои собственные реальные налоги (Realsteuern) по своему усмотрению⁵²⁸. Как отмечают исследователи, этот закон признал и развил принцип специального обложения. Причина тому – необходимость переноса акцента на налогообложение недвижимости, отказа от перекладывания податного бремени на плательщиков подоходного налога и привлечения собственников недвижимости к несению податных тягот соответственно получаемым ими выгодам⁵²⁹.

Это новое, более справедливое во всех отношениях налогообложение, должно было осложнить положение социал-демократов, как раз в это время приступавших к широкой агитации в сельской местности. Император на закрытии сессии прусского ландтага в 1893 г. заявил, что с «удовлетворением отметил преобразование податной системы, имеющей доставление значительного облегчения землевладельческим и промышленным классам, и распределение податей наиболее справедливо, согласно платежным силам населения»⁵³⁰. К тому же, увеличение поступлений в местные бюджеты расширяло их возможности, в том числе и в реализации социальных программ, что также должно было изменить ситуацию и снять социальное напряжение, особенно в сельской местности.

Очередные выборы в прусский ландтаг в ноябре 1893 г. показали сохранение в нем прежней расстановки политических сил, несмотря на сдвиги на общеимперском уровне. Причиной этого было трехклассное избирательное право, противоречащее в своих основных принципах общегерманскому. В связи с этим следует напомнить, что избирательные системы в различных германских государствах значительно отличались друг от друга. Все они претерпели изменения в сторону демократизации во время Революции 1848-

⁵²⁸ Зорилэ Д.В. Указ. соч. С. 24.

⁵²⁹ Там же. С. 26.

⁵³⁰ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1893 г. Д. 17. Л. 144.

1849 г., когда практически везде были введены всеобщие выборы (для мужчин), чаще всего прямые и с единственным цензом для участия в них – уплатой налогов. Например, в Баварии, Бадене и других южногерманских государствах эта ситуация оставалась неизменной вплоть до 1918 г. Иным образом избирательное право менялось, например, в Саксонии. Здесь существовало вполне демократическое избирательное право (ценз составлял 10 талеров ежегодных налогов), но в условиях роста представительства в палате депутатов левых партий и прежде всего социал-демократов консерваторы добились в 1896 г. введения трехклассной системы по образцу прусской. Новый состав палаты слабо отражал существовавшую в Саксонии ситуацию, левые партии неизменно требовали проведения контрреформы, которая состоялась в 1909 г., фактически уравнивая саксонское и имперское законодательство в данном вопросе. Это сразу же увеличило явку на выборы, а либералы получили преобладание в палате.

Из этого чрезвычайно краткого анализа ситуации понятно, что она была очень разной, иногда даже нелогичной и противоречивой, но общую тенденцию все же выделить можно⁵³¹. В 1848 г. избирательное право практически всех германских государств было максимально демократизировано, однако наступление послереволюционной реакции изменило ситуацию, особенно там, где конституции в начале 1850-х годов были октроированы монархами. Нижние палаты преимущественно двухпалатных представительных собраний стали избираться по высокоцензовым принципам. К тому же нарезка избирательных округов всегда производилась в интересах консерваторов. Постепенно реакционный «запал» иссякал и избирательные системы приходили в соответствие с меняющейся социальной структурой общества. Везде, но не в Пруссии.

Прошедшие в ноябре 1893 г. прусские выборы продемонстрировали большой успех консерваторов, представлявших преимущественно интересы

⁵³¹ Подробнее см. *Kühne T. Op. cit. S. 25.*

крупных землевладельцев. Это голосование было особенно показательным в условиях фактического наступления на их особые права канцлера Л. фон Каприви и его поражения в противостоянии с ними, ставшего причиной его вынужденного ухода с поста министра-президента Пруссии. Аналогичным образом оценивали этот консервативный успех (209 мест в палате из 409) и российские дипломаты. «Консерваторы остаются на пять лет вершителями судеб Пруссии. Если эта будущность имеет мало привлекательного для чисто прусской внутренней политики, то тем менее она благоприятна для имперской политики графа Каприви. Консервативный состав ландтага, несомненно окажет, хоть и косвенное, влияние на судьбу торгово-договорной политики канцлера ... местные ландтаги всегда оказывают давление на представителей германских государств в союзном совете»⁵³², - писал посол П.А. Шувалов в ноябре 1893 г.

Упомянутое смещение Каприви с поста прусского министра-президента без всякого сомнения стоит в том же ряду особой роли Пруссии в империи и дестабилизирующего характера этой роли. Нет смысла еще раз повторять перипетии этой отставки, поводом к которой стал провал школьного законопроекта, а причиной – конфликт между большинством ландтага и частью прусских министров, с одной стороны, и министром-президентом, с другой. Интересно, что комментируя устранение Каприви с высшего прусского поста, левый либерал О. Рихтер цитировал речь О. фон Бисмарка 1877-1878 гг., в которой тот заявлял, что совмещение постов необходимо «не потому что это приведет к потере влияния Пруссии в империи, а потому, что представительство империи в Пруссии должно быть таким сильным, что гарантировать его может только главный, а не рядовой министр»⁵³³. Ситуация осложнялась тем, что, лишившись должности министра-президента, Каприви не мог больше председательствовать в прусском Государственном

⁵³² АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1893 г. Д. 17. Л. 263.

⁵³³ Цит. по: *Goldschmidt H.* Das Reich und Preußen im Kampf um die Führung. Von Bismarck bis 1918. Carl Heymanns Verlag. Berlin, 1931. S. 100

министерстве и в итоге терял один из важнейших властных рычагов. Изменения коснулись положения и других министров, так как сразу же возник вопрос о персональной связи между заместителем имперского канцлера и вице-президентом государственного министерства, то есть о положении К. Бёттихера. Для урегулирования этого вопроса понадобилось решение императора. Каприви сохранил за собой пост министра иностранных дел, побоявшись, что эту должность может занять А. фон Вальдерзее, что негативно скажется и на внешней политике страны, и на ситуации в министерстве. Интересно, что в отличие от современных исследователей, которые единодушно считают события весны 1892 г. крайне негативными для устойчивости системы власти в стране, значительная часть современников, особенно осведомленных о реальной ситуации, оценивали найденный выход из кризиса скорее позитивно. Бисмарк, в характерном для него после отставки ключе, крайне саркастично заявлял, что это не имеет никакого значения, так как император, будучи «сам себе канцлером», и так решает единолично все вопросы. Й. фон Микель в разговоре с саксонским посланником графом фон Хоэнталем сказал, что разделение должностей имперского канцлера и министра-президента Пруссии ему по большому счету симпатично, так как он считает, что «особые прусские интересы часто страдали в решениях канцлера, принимаемых преимущественно по политическим мотивам. В случае, если должности все-таки будут разделены, Пруссия в бундесрате сможет даже выступить против имперского канцлера»⁵³⁴.

Таким образом, и Бисмарк в 1870-е, и Микель в 1890-е гг. говорили практически в унисон – не империя страдает от доминирования Пруссии, а Пруссия оказывается на задворках имперской политики, что сказывается на ней крайне негативно. То есть признается важнейший факт – интересы Германии и Пруссии часто вовсе не совпадают, постоянно идет борьба за приоритеты, за главенство. Пруссия вовсе не обязана подчиняться

⁵³⁴ Der Brief der Sächsische Gesandte Graf von Hohenthal an den sächsischen Minister für die auswärtigen Angelegenheiten von Metzsch von 22.03.1892 // Goldschmidt H. Op. cit. S.322.

общегерманским целям, она имеет собственные, и хорошо бы ей никто не мешал в их реализации.

Современные исследователи оценивают и взаимоотношения империя – Пруссия, и двухлетний период частичного распада их «персональной унии» с противоположных позиций. Как считает С.А. Келер, «единство внутренней политики часто было утеряно и это положение уже рассматривалось как ординарное. Правительство находилось не над противоречиями, чтобы их сглаживать и чтобы поставить их на службу единым целям, а между ними и использовало их для того, чтобы объединяться то с теми, то с другими партийными группировками для решения сиюминутных задач»⁵³⁵. В те два года, когда главой прусского правительства был Б. Эйленбург, Каприви напоминал «хромую утку», не имея влияния, или, скорее, имея ограниченное влияние на 60% территории страны. А учитывая еще и непростые отношения между политиками, вопрос отставки обоих был вопросом близкого будущего. Хотя с точки зрения возможностей императора и его ближайшего круга играть на этих противоречиях, ситуация была для них удобной, тем более что Вильгельм в этот период самым активным образом реализовывал ту программу, о которой говорил О. фон Бисмарк, «сам был своим канцлером».

В конце все того же 1893 г. оппозиция прусской элиты «новому курсу» Каприви, прежде всего политике торговых договоров, в частности с Россией, а также примирению с поляками и иными бывшими «врагами империи» стала достоянием гласности. П.А. Шувалов сообщал министру Гирсу о том, что граф Б. Эйленбург был вынужден через газету, ссылаясь на указ от 4 января 1882 г., уведомить консерваторов, значительная часть которых находилась на высоких должностях, что правительство не желает видеть своих чиновников в рядах оппозиции. Означенный указ был в своё время подписан императором Вильгельмом I и контрассигнован князем Бисмарком. Тогда он служил ответом на либеральную оппозицию, «теперь он обращен против аграриев из

⁵³⁵ Kaehler S. A. Das preußisch-deutsche Problem seit der Reichsgründung // Preußen in der deutsche Geschichte. S. 63.

консервативной среды и, само собой разумеется, не был встречен консервативной печатью с тем одобрением, что 11 лет назад. По мнению Крестовой газеты этот указ выражает лишь волю короля прусского и не может иметь значения для всей империи. Однако слова „Такова моя воля, чтобы как в Пруссии, так и в законодательных учреждениях империи не существовало бы сомнения касательно предоставленного мне и потомкам моим права лично руководить политикой моего правления...“ ясно выражают волю государя»⁵³⁶. Сложилась очень тревожная для монарха ситуация, трудно представимая в предшествующий период. Главная опора трона и государства, прусские консерваторы, выступили против курса, инициатива в проведении которого принадлежала непосредственно императору. Граф Шувалов делает из этого противостояния вывод, что «руководящая роль Пруссии постоянно возрастает»⁵³⁷. Мне такое умозаключение кажется по меньшей мере нелогичным, скорее можно говорить о том, что Пруссия (точнее ее аграрно-чиновничья элита) отчаянно сопротивлялась потере этой руководящей роли. Интересно и замечание либеральной прессы, которое Шувалов счел нужным сообщить в Петербург: «как бы ни были резки нападки аграриев, все-таки они дорожат более должностями и прочими монаршими милостями, которые они и их сыновья привыкли получать от двора и правительства, нежели сравнительно ничтожными выгодами от хлебных пошлин»⁵³⁸. Эти слова как нельзя лучше подчеркивают генетическую связь прусских аграриев и бюрократии, доказывая внутреннее единство и общность идеологии.

Следующей темой, которая стала маркером противоречий между интересами и задачами Пруссии и Германии, явился вопрос строительства так называемого Средненемецкого канала (Mittellandkanal)⁵³⁹. Коллизия с

⁵³⁶ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1893 г. Д. 17. Л. 325.

⁵³⁷ Там же. Л. 326.

⁵³⁸ Там же.

⁵³⁹ Средненемецкий (Среднегерманский) канал связывает Рейн через канал Рейн – Херне и канал Дортмунд – Эмс с реками Эмс, Везер, Эльба и дальше через бранденбургские реки и озёра с р. Одер. Начато строительство в 1905 г., полностью введен в эксплуатацию в 1938 г. В современной Германии имеет огромное хозяйственное значение, являясь центральной судоходной артерией между Западной и Восточной Европой.

одобрением строительства канала, который проходил по территории Пруссии и поэтому находился в ведении ее властей и соответственно требовал одобрения прусского ландтага, состояла в том, что против него выступали все те же прусские аграрии. Для Германии этот канал, кроме очевидного хозяйственного, имел еще более значимое военное значение. Из посольства России в Берлине доносили: «При сооружении Средне-Германского канала имелось ввиду соединить реки Рейн с Эльбой и через дальнейшие соляные пути – с Вислой. Наравне с важным экономическим значением, канал предназначался служить первостепенным стратегическим целям, облегчая транспорт провианта и народное продовольствие и создавая, помимо существующей железнодорожной сети, удобное водяное сообщение между крепостями Майнцем и Данцигом, и такими важными военными заводами, как Эссен и Шпандау»⁵⁴⁰.

В августе 1899 г. ландтаг не поддержал проект строительства канала, что было очевидной антиправительственной демонстрацией, так как до этого за проект публично высказался император. Российские дипломаты писали, что «консервативная и аграрная группы, руководимые личными интересами, являются единственно ответственными за понесённую правительством неудачу. Странно видеть ныне традиционных защитников престола яркими противниками правительственного предложения в прусском ландтаге»⁵⁴¹. В поддержку проекта в ландтаге звучали выступления, в которых подчеркивалось его военное значение, что было чрезвычайно важно в условиях начала реализации имперских планов «мировой политики». Консервативное большинство ландтага принимало в расчет только собственные, партикулярные интересы. Главной причиной их протеста были опасения, что новый путь облегчит проникновение в страну более дешевого хлеба и другой сельскохозяйственной продукции, а это напрямую затрагивало

⁵⁴⁰ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1899 г. Д. 15. Л.129-129 об.

⁵⁴¹ Там же. Л. 129.

их экономические интересы⁵⁴². Именно на этом аспекте конфликта делали акцент российские дипломаты: «Экономическое значение канала явилось главным камнем преткновения. Опасаясь дальнейшего понижения цены на сельскохозяйственные продукты и занесения в большом количестве иностранного зерна в Пруссию удешевлённым водяным путём, аграрии высказались против сооружения Средне-Германского канала. Равным образом, предложенный партией Центра компромисс об исполнении Дортмунд-Рейнской ветви, не нашёл должной поддержки, и консерваторы вышли победителями»⁵⁴³.

Во время обсуждения проекта один из лидеров консервативной фракции в ландтаге граф Ф. цу Лимбург-Штирум заявил, обращаясь к прусскому министру финансов Й. фон Микелю, «что министр много сделал вообще для аграриев, но что он не был достаточно силён, чтобы не поддаваться иногда требованиям некоторых иностранных правительств, во вред интересам прусских сельских хозяев»⁵⁴⁴. То есть все, что было сделано Микелем для Пруссии, а он принадлежал как раз к противникам Каприви в прусском государственном министерстве, демонстрируя постоянную лояльность только императору, оказалось недостаточным. Аграрии хотели «всего», даже минимальное или кажущееся нарушение их особого положения в стране моментально приводило к самому активному сопротивлению со стороны большинства прусской палаты.

Это сопротивление проекту породило даже слухи о возможном роспуске ландтага «с целью сломить оппозицию аграриев, односторонние и эгоистические взгляды которых все менее согласуются с современным направлением политики императора»⁵⁴⁵. Ландтаг, правда, распущен не был, но вся коллизия, которая продлилась еще достаточно долгое время, является

⁵⁴² Подробнее см.: *Horn H.* Der Kampf um den Bau des Mittellandkanals. Eine politologische Untersuchung über die Rolle eines wirtschaftlichen Interessenverbandes im Preußen Wilhelms II. Köln, Opladen, 1964.

⁵⁴³ Там же. Л. 130 об.

⁵⁴⁴ Там же. Л. 131.

⁵⁴⁵ Там же. Л. 132.

прекрасной иллюстрацией нашего тезиса, что основным дестабилизирующим фактором в Германии была позиция аграрной части прусской элиты, которая стала ставить свои первоначально экономические интересы, очень быстро превратившиеся в политические, партикуляристские, выше интересов империи в условиях новой стратегии «мировой политики».

В конце августа 1899 г. князь Гогенлоэ как прусский министр-президент, закрывая летнюю сессию ландтага, выразил надежду, что следующей сессией проект канала будет принят без применения жестких мер или даже угрозы обращения к ним. По мнению российских дипломатов, было несколько причин такой позиции исполнительной власти: «Во-первых, подобный шаг привёл бы, как следует предвидеть, к нежелательному усилению либеральных элементов на счёт консервативных фракций. С другой стороны, личное заступничество императора за проект канала приписывается в консервативных сферах отчасти мгновенному пылу царственного оратора. Окружённый, во время северного путешествия приверженцами аграрно-консервативной партии [т.е. ближайшим придворным кругом. – *А.М.*], монарх решил почтить своим присутствием открытие Липпи-Дортмундского канала и оглушенный неподдельным восторгом вестфальского населения признал, в торжественную минуту, за новым сооружением более широкое значение, чем сам раньше предполагал. ... понесённая правительством неудача не вызвала – как ожидали – гневного настроения монарха, которое имело бы последствием крутое обращение с ландтагом и прусскими министрами. Монарх предпочёл предоставить консерваторам время обдумать своё решение и пощадить их преобладающее положение. Главным советником императора называют в настоящем случае, прусского министра финансов фон Микеля, мнение которого в Коронном совете восторжествовало над суждениями остальных его прусских коллег»⁵⁴⁶.

⁵⁴⁶ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1899 г. Д. 15. Л. 137.

Итак, император предпочел из двух возможностей – распустить ландтаг, что, возможно, привело бы к увеличению представительства либеральных партий на следующих выборах или постараться преодолеть сопротивление консервативного большинства, – выбрать вторую, надеясь, что, пойдя на уступки, ему и на этот раз удастся получить поддержку консерваторов.

Оставить без внимания откровенную фронду консерваторов власти все-таки не могли, тем более что, как уже говорилось, многие из них находились на государственной службе и занимали высокие посты. Правительство обнародовало официальное сообщение, которое «должно напомнить состоящим на государственной службе лицам, преимущественно выборным представителям, что они первым делом обязаны содействовать осуществлению правительственных предначертаний и не должны вдаваться в оппозицию»⁵⁴⁷.

Российские дипломаты констатировали, что это обращение практически аналогично тому, что рассылал в 1893 г. министр-президент Б. Эйленбург, чтобы сломить аграрную оппозицию торговым договорам. «Тогда, равно как и теперь, многие аграрии, не смущаясь своим положением официальных представителей в провинции, упорствовали в своих личных взглядах и шли прямо против правительственной власти блюстителем которой они сами были поставлены. Все это рисует некоторое брожение внутренних порядков, проистекающее из постоянных противоречий в Пруссии между несокрушимостью монархического принципа и конституционным строем»⁵⁴⁸. Представляется, что этот очевидный конфликт является не столько следствием противоречий монархического и конституционного строя, сколько подтверждением высказанной выше мысли о неготовности старой элиты хоть в чем-то поступаться своими интересами. Еще больше усугублял ситуацию тот факт, что совмещение в одном лице позиции выборного депутата, главной задачей которого является одобрение бюджета и законодательное обеспечение

⁵⁴⁷ Там же. Л. 140.

⁵⁴⁸ Там же. Л. 141 об. – 142.

политического развития страны, и чиновника, назначаемого на должность вышестоящим (иногда и верховным) начальством и призванного стратегический, да и тактический курс монарха формировать и реализовывать. Если в первом случае политические, но уж никак не личные, партикуляристские, экономические интересы важны и имеют право на существование и декларирование, то во втором случае они вредны и противоречат самой сути и профессиональной задаче чиновника. Совмещение это можно объяснить только уже высказанным выше тезисом, что эти люди, преимущественно представители прусского высшего класса, были единственной опорой трона, что круг их был достаточно узок, а традиция совмещения различных функций была сформирована еще в те времена, когда политические цели и национальная идея прусского дворянства и прусского государства не просто совпадали – прусское дворянство и было прусским государством. Не зря возможность такого совмещения нашла отражение и в прусской, и в имперской конституциях. В 1899 г. их цели не только разошлись, а вступили в прямое противоречие друг с другом, так как империя все больше и больше поглощала Пруссию, а не наоборот. Росла не роль Пруссии, росла роль империи, которая собственной, отличной от прусской, элиты не имела, и в этом и были главные проблема и противоречие.

Ситуация, связанная с наказанием не поддержавших идею строительства канала лиц, разрешилась быстро. 31 августа 1899 г. в *Reichsanzeiger* было опубликовано распоряжение обер-президентам прусских провинций, что «те чиновники, кто выступает против мероприятий правительства, не в полной мере исполняют свои обязанности. Это касается не только высших чиновников, но и ландратов. Они являются проводниками политики его величества и никем другим, их личные интересы не могут влиять на их позицию. Это противоречит всем традициям прусского управления»⁵⁴⁹. Российские дипломаты доносили в МИД, что 9 сентября 1899 г. «более

⁵⁴⁹ *Reichsanzeiger* №205 от 31.08.1899.

двадцати ландратов были отставлены королевским указом от занимаемых должностей, ввиду обнаружившегося во время парламентских прений по каналу, независимого и оппозиционного отношения этих лиц к правительственным предначертаниям. Настоящей мерой прусское правительство доказало, что оно требует от своих чиновников беспрекословного повиновения и слепого следования не только в кругу служебных обязанностей, но и в сфере парламентской деятельности»⁵⁵⁰. По этим причинам были отправлены в отставку два прусских министра – внутренних дел барон Густав фон дер Реке фон дер Хорст и министр народного просвещения и культов доктор Р. Боссе, занимавший эту должность с 1892 г.*

Следующий раз обсуждение проекта канала возникло на страницах дипломатических депеш в апреле 1901 г. вслед за прениями в ландтаге. Проект был вновь провален. Правительство решило досрочно закрыть парламентскую сессию, но не распускать ландтаг, по сообщению российских наблюдателей «ввиду необходимости прибегнуть к новым выборам, при полной оппозиции со стороны консерваторов и таким образом открыто признать серьезные недоразумения, возникшие между короной и ее вернейшей опорой в стране, - обстоятельство, которое несомненно не преминули бы должным образом эксплуатировать крайние левые фракции»⁵⁵¹. Выступление консервативного

⁵⁵⁰ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1899 г. Д. 15. Л. 145 об. - 146

* Российские наблюдатели расценивали этот шаг как первую серьезную попытку сломить оппозицию сильных в Пруссии аграриев, однако дальнейшая судьба барона фон дер Реке свидетельствует о том, что он вовсе не потерял симпатий монарха. При отставке ему был пожалован Большой крест Ордена Красного Орла, он получил также назначение обер-президентом Вестфальской провинции. Бывший же обер-президент Вестфалии фон Студт был назначен преемником Боссе на должности министра просвещения. То есть выглядело это не как наступление на позиции аграриев, а скорее как некая ротация кадров внутри одной, чрезвычайно замкнутой системы, и по сути в этой системе не меняла ничего.

В октябре того же года разразился небольшой скандал, также связанный с одним из высокопоставленных прусских чиновников, бароном О. фон Цедлицем-Нойкирхеном, который возглавлял Общество морской торговли (Seehandlungsgesellschaft). Общество это было государственным, созданным по указу Фридриха Великого еще в 1772 г. и постепенно, в течение XIX в. трансформировавшееся в банк (с 1918 г. – Прусский государственный банк). Коллизия заключалась в том, что Цедлиц, занявший свое место при поддержке министра финансов Микеля, был автором наиболее враждебных проекту канала статей, появлявшихся на столбцах консервативного органа Post. Самым неприятным было то, что достоянием общественности этот факт сделала публикация в социалистической газете Vorwärts. Микелю в этот раз удалось выйти без потерь из сложившейся ситуации, Цедлиц был отправлен в отставку, но вопрос канала решен так и не был.

⁵⁵¹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1901 г. Д. 14. Л. 113 об.

большинства ландтага против правительственного, а точнее сказать, императорского проекта, привело к серьезному министерскому кризису и уходу в отставку сразу трех ключевых министров (из восьми) – министра финансов Й. фон Микеля, министра земледелия барона Э. фон Гоммерштейн-Локстена и министра торговли Л. Брефельда. Самой большой потерей, конечно, была отставка Микеля, творца финансовой реформы и действительно выдающегося государственного деятеля и экономиста, карьера которого, как мы подробно писали выше, была «несколько странная: начав на баррикадах во Франкфурте в 1848 г., он покидает политическую арену потомственным дворянином, украшенным всеми прусскими орденами до Чёрного орла включительно, и ныне, как сказано в указе о принятии его прошения об отставке «ввиду особого монаршего доверия», призван заседать пожизненно в верхней палате (Herrenhaus)»⁵⁵².

Эта мера выглядела как отставка министров, ответственных перед парламентом, которые не получили поддержки своего проекта и столкнулись с оппозицией, преодолеть которую они на данном этапе не смогли. Однако российские дипломаты смотрели на ситуацию по-иному: «Главной его [Микеля – А.М.] заслугой по управлению министерством является реорганизация финансовой системы и ему в значительной степени обязано Королевство своим нынешним экономическим положением. Крайне честолюбивый и глубокий оппортунист, он – бывший либерал, за последнее время перешёл в аграрный лагерь и, принужденный официально защищать правительственный законопроект, как слышно, под рукой интриговал против его проведения, что, по всем вероятностям, и вызвало его падение»⁵⁵³.

Таким образом, отставка Й. фон Микеля, которая выглядела как отставка ответственного перед парламентом министра, на самом деле была вполне в русле прусского и имперского законодательства. Она была принята королем Пруссии, а скрытые ее пружины и причины остались исключительно на

⁵⁵² Там же. Л. 114.

⁵⁵³ Там же. Л. 114 об.

уровне слухов. К таким слухам относилось и то, что именно Й. фон Микель был самым вероятным кандидатом на замещение высших прусской и имперской должностей, которые занимал Б. Бюлов. Однако положение канцлера и прусского министра-президента было прочно как никогда, император доверял ему всецело, а курс на «мировую политику», четко и публично им сформулированный, имел все составляющие, чтобы превратиться в новую, объединяющую основные социальные силы, национальную идею. Поэтому рассматривать эти отставки следует, прежде всего, в русле попыток правительства справиться с аграрной оппозицией столь важному для властей, в том числе и с военной точки зрения, проекту.

Следующий раз тема канала возникла в политическом поле Пруссии и, соответственно, в депешах российского посольства в 1904 г. Весной проект был вновь внесен на форум ландтага, но с серьезными изменениями. Авторство компромиссного варианта принадлежало партии Центра, которая взяла на себя роль посредника между правительством и консервативной фракцией, что должно было подчеркнуть ее особую роль в политической системе страны. Изменения в проекте, сообщали дипломаты в Петербург, заключались в том, «что канал не должен являться более соединением Рейна с водной системой Восточной Пруссии, а будет доведён только до Ганновера. Парламентская комиссия изыскала способ, предложением правительственной монополии для тяги идущих по каналу судов, отнять у водяного, более дешевого внутреннего сообщения возможность конкурировать с железнодорожной сетью. На этих основаниях был принят на днях комиссией проект нового канала в первом чтении, и вслед за окончательной его разработкой он будет вновь представлен в начале будущего года на одобрение ландтага»⁵⁵⁴.

Этот проект был назван «компромиссным» только потому, что строительство канала в принципе получало шанс на одобрение, во всем

⁵⁵⁴ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1904 г. Д. 16. ч. 1. Л. 195 об.

остальном он был фактической капитуляцией инициаторов его строительства. Дипломаты доносили: «Настоящей постановкой вопроса подрываются в сущности первоначальные экономические цели проектирования канала и все ярче выступает на вид его политическая сторона, т.е. непосильная прусскому правительству борьба с аграриями. Роль посредника в этом деле выпадает вновь на партию Центра, предложившую в парламентской комиссии вышеупомянутый компромисс. Либеральные партии, ухватившиеся в своё время без задней мысли за первоначальный проект правительства о сооружении канала, надеялись оказываемой поддержкой сломить силу аграрно-консервативной партии и усугубить, по мере возможности, разлад между нею и правительством. Последнему не удалось, как известно, вопреки всем, даже крутым мерам, справиться со строптивыми юнкерами и, не решаясь дойти до открытого разрыва, правительство, пользуясь услугами Центра, начинает, как в деле торговых договоров, сдавать и в вопросе канала требованиям аграриев»⁵⁵⁵.

Окончательно проект был принят в январе 1905 г. в устроившем аграриев урезанном виде. Его содержание теперь сводилось к прорытию канала, соединяющего реки Рейн и Везер и доходящего до Ганновера; созданию водного пути от Берлина до Штеттина; урегулированию водной системы между реками Одер и Висла; канализации рек Мозель, Саар и Лан и к сооружению давно намеченного Мазурского канала⁵⁵⁶.

Правительство, комментировали дипломаты на основании высказываний прессы, очевидно надеялось, что в будущем наступят более благоприятные времена и канал будет сооружен в предполагавшемся изначально виде⁵⁵⁷. Так в общем и произошло, но построен он был уже в иных условиях и по большому счету, совсем в другой стране.

⁵⁵⁵ Там же. Л. 196.

⁵⁵⁶ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1905 г. Д. 18. Л. 26 об.

⁵⁵⁷ Там же. Л. 27.

История с обсуждением строительства канала, который кроме военных задач, должен был принести (и, кстати, приносит до сих пор) большую выгоду торговле и экономике Германии в целом, как нельзя лучше характеризует отношения Пруссии (и ее политической элиты) и империи. Что касается консерваторов/аграриев/юнкеров, то эта старая прусская элита, превращенная волей первого имперского канцлера формально в имперскую, по своим задачам и менталитету осталась прусской. Она имела всё, поэтому ей было глубоко чуждо стремление к колониальным захватам (ее рынок сбыта лежал в Европе, а не в Африке), а идея мировой политики с неизбежностью вела к столкновениям с соседями, с которыми она привыкла договариваться и торговать с выгодой для себя. А если и воевать, то только за собственные интересы и территориальные приращения метрополии.

Идея и цель прусской элиты была реализована в 1871 г., ее дальнейшие усилия были нацелены только на одно – укрепление своих позиций и консервацию своих привилегий. Она не собиралась не только ни с кем ими делиться, но и ставить их под угрозу уничтожения (что в значительной степени и произошло в 1918 г.). Задача старой элиты была сугубо охранительной, и её она готова была реализовывать даже вопреки главе правящего дома, который полностью воспринял и в значительной степени инициировал формирование новой государственной стратегии и национальной идеи.

Сложнее обстояло дело с имперской властью. Правительством, которое объявило в 1897 г. курс на «мировую политику» и достаточно последовательно, хоть и не всегда успешно начав реализовывать его во внешней политике, свои усилия внутри страны направило на то, чтобы сделать эту внешнеполитическую стратегию национальной идеей. С точки зрения пропаганды, все шло достаточно неплохо. Сразу же заявив о законности и обоснованности требований «места под солнцем», постоянно муссируя тему враждебного окружения, фактически отказавшись в этой сфере от всех сложных комбинаций Бисмарка, которые в достаточно высокой степени нивелировали сложность и невыгодность географического положения

Германии, власти страны не просто начали активную колониальную политику, но и столь же активно приступили к подготовке к войне. Несмотря на все надежды, что можно будет ограничиться локальными войнами в колониях, трезвомыслящим политикам, а Б. Бюлов несомненно относился к таковым, вероятность того, что «мировая политика» приведет к «мировой войне», хотя такого термина еще не существовало, была почти очевидна, сколько бы впоследствии он это ни отрицал. Добиться единства страны к 1914 г. в значительной степени удалось, а вот добиться поддержки прусской элиты на всех этапах продвижения по этому пути не удавалось никак. Для того, чтобы консервативная элита, по крайней мере в ландтаге, растворилась, размылась другими социальными и политическими силами, которые в большей степени были заинтересованы в поддержке правительственных начинаний, необходимо было изменить прусское избирательное законодательство. То есть в избирательной реформе объективно были заинтересованы прежде всего власти, а затем уже все остальные – социалисты, либералы и т.д. и т.п. Как же развивался этот ключевой для Пруссии сюжет в начале XX в.?

В русле общеполитического развития в Германии и под несомненным влиянием революции 1905 г. в России дискуссия о несовременности, недемократичности и несправедливости прусского избирательного законодательства стала одной из главных тем в немецком обществе. В 1906 г. социал-демократы попробовали перенести дискуссию, точнее сказать, прямые требования изменения законодательства, на улицы, организуя массовые демонстрации под политическими лозунгами. Попытки эти были достаточно жестко пресечены, и обсуждение вернулось в стены парламента, после чего наступило достаточно длительное затишье, которое Т. Кюне назвал «прагматичной стабилизацией трехклассного избирательного права»⁵⁵⁸. Надо сказать, что вопрос изменения избирательных законов касался не только Пруссии. В это же время в некоторых южно-германских государствах -

⁵⁵⁸ Kühne T. Op. cit. S.479.

Баварии и Вюртемберге – избирательные права были расширены, а одновременно в Гамбурге – ограничены⁵⁵⁹.

В январе 1906 г. фракция СДПГ в рейхстаге выступила с предложением «о желательности преобразования избирательных законов Союзных государств и Эльзас-Лотарингии в смысле предоставления всеобщего, равного, прямого и тайного права голоса всем германским гражданам, достигшим 20-летнего возраста, без различия пола, в месте их жительства, независимо от подданства тому или другому союзному государству»⁵⁶⁰. Предложение это содержало главный посыл – унификацию избирательного законодательства в рамках империи, включая и имперскую провинцию Эльзас-Лотарингию, то есть ее фактическое уравнение в правах со всей остальной Германией, по крайней мере, в этом вопросе. Интересно замечание автора российской депеши, что, выдвигая это предложение, социалисты рассчитывали на поддержку вовсе не либералов, а партии Центра, «которая, как известно, приняла за последнее время по отношению к правительству довольно недружелюбное положение»⁵⁶¹.

Центр, примирившись с правительством на почве достигнутого между ними компромисса, СДПГ не поддержал, при этом его представитель заявил, что такая реформа, несомненно желательная с разных точек зрения, может быть проведена «только в спокойное время и по почину бундесрата и правительства»⁵⁶². Еще более показательной была позиция иных партий, которые практически в полном составе предложение не поддержали: «некоторые, как например консерваторы, вообще оспаривали право рейхстага вмешиваться во внутренние дела Союзных государств, а другие, в том числе национал-либералы, категорически отказались идти в этом вопросе «на

⁵⁵⁹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1906 г. Д. 26. Л. 32.

⁵⁶⁰ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 11. Legislatur-Periode 1905/06 Bd.2. 37 Sitzung von 7.02.1906. S. 1067 ff. URL. https://www.reichstagsprotokolle.de/Band_k11_bsb00002825.html (дата обращения 12.10.2023).

⁵⁶¹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1906 г. Д. 26. Л. 32 об.

⁵⁶² Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 11. Legislatur-Periode 1905/06 Bd.2. 37 Sitzung von 7.02.1906. S. 1080 URL. https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt_k11_bsb00002825_00181.html (дата обращения 12.10.2023).

буксире» революционной социал-демократии. Лишь маленькие группы свободомыслящих высказались за предложение, при условии, однако, повышения 20-летнего возраста выборщиков и устранения от избирательного права женщин»⁵⁶³. То есть, вопреки расхожему мнению о недовольстве либералов прусским избирательным законодательством, их готовности бороться за его изменение, при появлении реальной возможности по крайней мере развернуть серьезную дискуссию и постараться оказать влияние на бундесрат и на высших имперских чинов, они отказались от ее реализации. Единственной силой, реально боровшейся за демократизацию прусской системы, были социал-демократы, имевшие одну цель – получить возможность попасть в ландтаг, что при сохранении существующей системы было невозможно.

Самый большой интерес для нас, однако, имеет позиция правительства, которую озвучил статс-секретарь по внутренним делам А. фон Посадовский-Венер. В изложении российских дипломатов она выглядела так: «Принципиально он сознался в ненормальности того глубокого различия, которое существует в Германии между избирательными законами империи и отдельных государств, но затем перешёл к критике всеобщего избирательного права и весьма искусно доказал, сколь опасным оно может оказаться именно для интеллигентных слоев населения, которые ныне так горячо за него ратуют»⁵⁶⁴. Развивая эту свою мысль, статс-секретарь далее заявил, что князь Бисмарк, вводя в Германской империи всеобщее избирательное право, действовал главным образом под влиянием своего недоверия к либералам, унаследованного ещё со времён конфликта. Он стремился этим путём создать многочисленную, сочувствующую правительству партию, которая готова была бы поддержать его политику и давать все необходимые средства на государственную оборону. Его ожидания в этом отношении не оправдались, так как всеобщее голосование, «в романских странах являющееся могучим и

⁵⁶³ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1906 г. Д. 26. Л. 33 об.

⁵⁶⁴ Там же. Л. 34.

послушным орудием в руках строго централизованного правительства, в Германии послужило лишь на пользу социалистам, которые в вопросах усиления военно-морского могущества империи оказывают правительству сильнейшее сопротивление»⁵⁶⁵. Что же касается распространения всеобщего избирательного права, в частности на Пруссию, то граф Посадовский напомнил, что своим современным могущественным положением и процветанием королевство обязано более всего династии Гогенцоллернов. «При таких обстоятельствах, - закончил оратор, обращаясь к социалистам, - вы открыто провозглашающие свою ненависть к нашему государственному строю и приверженность республиканской форме правления, не можете, конечно, серьезно рассчитывать на то, чтобы мы добровольно согласились на свою же голову, предоставить вам в нашем парламенте то влиятельное положение, которого вы добились в рейхстаге»⁵⁶⁶.

Итак, главным опасением правительства, что совершенно очевидно и объяснимо, являлся страх перед дальнейшим ростом влияния социал-демократов, что было как никогда актуально в тот момент, когда на имперском уровне зарождалась идея формирования либерально-консервативного бюловского блока, направленного и против влияния СДПГ. На данном этапе власти видели в изменении избирательной системы опасность усиления левых в ландтаге, а вовсе не возможность ослабить там консервативное сопротивление.

Трактовка этого сюжета только как сопротивления монархической системы усилению социал-демократического движения в целом и социал-демократической фракции в рейхстаге в частности в качестве основного тренда вильгельмовской Германии недостаточна. На поверку оказывается, что противодействие правительственному курсу, причем в самых важных, реперных его точках, в большей степени оказывала старая прусская элита, эта почти единственная опора трона, как всегда было принято считать.

⁵⁶⁵ Там же.

⁵⁶⁶ Там же. Л. 34 об.

То есть, политический режим с 1890 до 1914 гг. испытывал схожие сложности, что и послевоенный режим Веймарской республики – постоянное давление справа и слева, что вынуждало его опять-таки постоянно идти на компромиссы и стараться договориться. И в том, и в другом случае властям казалось, что договороспособность правых значительно выше, чем левых, оба раза это оказалось в общем-то иллюзией, и оба раза привело к краху – в 1918 и в 1933/1945 годах. Эти параллели являются основным исследовательским полем немецкой историографии, мы же только заметим, что при всех различиях, игнорировать очевидное не стоит.

Итак, вернемся к сюжету о назревшей, что признавалось в принципе всеми, избирательной реформе в Пруссии. Предложение социал-демократов было снято с повестки дня. Через месяц, в марте 1906 г., прусское правительство внесло в ландтаг предложение о частичном изменении избирательного закона. Ключевыми здесь были оба момента, и что проект исходил от прусского правительства, и что он был внесен именно в ландтаг. Имперские власти не стали ставить вопрос об унификации избирательного законодательства во всей Германии, а вернули его в юрисдикцию прусских властей, предложив самой палате «совершить харакири», то есть консервативному большинству одобрить демократизацию избирательных правил и тем самым положить конец собственному доминирующему положению. Это было тем более нереализуемо, что никакой «настоятельной» необходимости, революционной ситуации или каких-либо событий, требующих незамедлительной реакции, не было.

Предлагаемый проект не затрагивал сути существующего закона «о разделении выборщиков на три класса по имущественному цензу, а потому совершенно не отвечает желаниям тех общественных кругов, которые за последнее время столь усиленно стремятся к введению в Пруссии всеобщего голосования»⁵⁶⁷. В чем же тогда заключалось правительственное

⁵⁶⁷ Там же. Л. 86.

предложение? Российские дипломаты констатировали, что «предполагается лишь разделить некоторые избирательные округа, население коих несоразмерно возросло, на несколько самостоятельных округов, вследствие чего общее число депутатов должно будет увеличиться на 10 человек (443 вместо 433 как было до сего времени). Из числа этих 10 лишних депутатов, пятеро выпадают на долю города Берлина и его окрестностей. Вторая часть законопроекта имеет ещё более специальный характер и касается некоторого упрощения самой процедуры выборов»⁵⁶⁸. По большому счету такой проект не мог удовлетворить никого – социал-демократы и часть либералов видели в нем подтверждение давно устаревших, дискриминационных правил, а консерваторы считали, что в сложившейся обостренной общественной ситуации, когда в обсуждение необходимых изменений вовлечены большие силы, в принципе лучше не поднимать этот вопрос. Свободомыслящая фракция, единственная из всех, кто хотя бы частично поддержал социалистический проект в рейхстаге, попыталась внести аналогичный в прусский ландтаг, однако и он, содержащий предложение о введении всеобщего избирательного права, был отклонен ландтагом 188 голосами против 81⁵⁶⁹.

Через полтора года, в начале января 1908 г., сразу после рождественских каникул началось обсуждение нового проекта реформы, снова выдвинутого свободомыслящей фракцией. Проект этот в первом своём параграфе предлагает введение всеобщего, равного, прямого и тайного выборного права, а во втором – говорит о необходимости реорганизации избирательных округов и изменения числа депутатов⁵⁷⁰. В поддержку реформы социал-демократы вывели на улицы значительное число демонстрантов. Манифестации проходили вполне мирно, в них участвовало много женщин, что особенно бросалось в глаза наблюдателям, причем прошли они не только в Берлине, но

⁵⁶⁸ Там же. Л. 86 об.

⁵⁶⁹ Там же. Л. 109 об.

⁵⁷⁰ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1907 г. Д. 17. Л. 341.

и по всей Пруссии⁵⁷¹. Как писал посол Н.Д. Остен-Сакен, это давление было направлено на палату, в которой «замечалось известное возбуждение», которое было естественным, так как «отношение правительства к вопросу об избирательном праве, давно уже стоящему на очереди в Пруссии, до последнего времени оставалось совершенно не выясненным»⁵⁷². Это утверждение российского дипломата выглядит сомнительным, ибо за время, прошедшее с 1906 г., в принципе в этой сфере не изменилось ничего кроме авторства нового проекта, вместо социалистов его представили ландтагу свободомыслящие, впрочем, также не в первый раз. Князь Б. Бюлов, на этот раз в своей ипостаси прусского министра-президента, категорически отверг леволиберальный проект. «Он признал, что в существующем прусском выборном праве есть недостатки, но заявил о невозможности проведения в королевстве избирательной системы, действующей в империи, в частности о недопустимости тайного голосования. Речь его сопровождалась с правой стороны знаками одобрения, а с левой — беспокойством и протестами. В последующих дебатах некоторые ораторы категорически выражали опасения насчёт возможного разложения блока [речь идет о либерально-консервативном бюловском блоке на имперском уровне. – А.М.], в виду сказавшегося ныне направления политики правительства. Князь Бюлов вторично выступил с речью, в коей упомянул о сегодняшних демонстрациях и заявил, что таковые не заставят правительство ни на йоту отклониться от направления, которое оно считает правильным»⁵⁷³.

Из этого выступления министра-президента совершенно очевидно вытекает один непреложный факт. Бюлов боялся еще сильнее обострить отношения с консерваторами в ландтаге, даже если это грозило ему осложнениями на имперском уровне. И это не ускользнуло от внимания российских дипломатов, которые завершили процитированную выше депешу

⁵⁷¹ Kühne T. Op. cit. S. 520.

⁵⁷² Там же. Л. 341 об.

⁵⁷³ Там же. Л. 342.

примечательным пассажем: «Итак, давно ожидавшийся конфликт на почве прусской избирательной реформы, ныне выступил наружу и несомненно отразится также на внутренней имперской политике»⁵⁷⁴.

Таким образом, как сообщали российские дипломаты, прения 10 января 1908 г. в ландтаге закончились «временным торжеством князя Бюлова: предложение свободомыслящих было отклонено парламентом. Но самый вопрос не только не сошёл с очереди, а наоборот, принял более острую форму, отчасти благодаря уличным демонстрациям, а главным образом, благодаря перенесению его на почву общеимперской политики»⁵⁷⁵. При этом они оценивали уличные демонстрации как в общем-то незначительный эпизод, говоря о том, что огнестрельное оружие полицией не было применено ни разу. Впрочем, такие оценки скорее связаны с российскими, чем с немецкими реалиями. Все-таки стрельба на улицах Берлина была бы чем-то экстраординарным, поэтому избежать ее стремились обе стороны – и правительство, и социалисты. При этом канцлер осудил образ действий социалистов, заявив, что «не в обычае немцев выносить политику на улицу»⁵⁷⁶.

Для нашего исследования важнее другая оценка выступления Бюлова, а именно то, что оно стало ударом, не первым, впрочем, но и не последним, по единству либерально-консервативного блока. Естественно, консерваторы были против любых принципиальных изменений. Иное дело либералы. В посольском донесении в МИД России их позиция характеризовалась следующим образом: «Даже национал-либеральная, т.е. весьма умеренная партия, далеко не согласна с его точкой зрения на выборный закон в Пруссии и на текущей неделе назначила особую комиссию для рассмотрения вопроса о введении прямого и тайного голосования. Ещё далее идут свободомыслящие, руководители которых приняли на днях в Берлине резолюцию о необходимости открыто выразить недоверие князю Бюлову. ... Ещё более

⁵⁷⁴ Там же. Л. 342 об.

⁵⁷⁵ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1908 г. Д. 13. Ч. 1. Л. 2.

⁵⁷⁶ Там же. Л. 4.

оппозиционное настроение по отношению к политике князя Бюлова сказалось на собрании свободомыслящих в Магдебурге, где принципиально осуждено было всякое дальнейшее сотрудничество с правительственным блоком»⁵⁷⁷.

То есть для либералов за два года ситуация изменилась кардинально. В 1906 г. они за редким исключением выступили против проекта социалистов, теперь же готовы были разрушить с таким трудом поддерживаемый блок, по крайней мере, декларировали такую возможность. Социалисты сделали в рейхстаге запрос – на каком основании канцлер считает не соответствующим благу одного из Союзных государств тот выборный закон, который действует в империи. Канцлер фактически его проигнорировал, тогда социалисты, католики и свободомыслящие, то есть оппозиция и примкнувшие к ней левые либералы, проголосовали за то, чтобы по этому запросу были назначены прения, что вновь свидетельствовало о непрочности блока.

На заседании рейхстага 26 марта 1908 г. князь Бюлов выступил с пространной речью по поводу запроса об унификации избирательного права в империи, всех союзных государствах и Эльзас-Лотарингии. Его выступление разительно отличалось от речи в ландтаге в январе, когда он решительно отмел даже самую возможность проведения реформы. В рейхстаге, да еще в процессе обсуждения бюджета, тон канцлера был иным. Как сообщали российские дипломаты, он «не отвергал уже потребности изменить прусскую избирательную систему, отрицая лишь необходимость ввести в Пруссии имперский выборный закон с прямой, всеобщей и тайной подачей голосов»⁵⁷⁸. Более того, он остроумно заметил, что благосостояние государства не зависит исключительно от той или другой формы его конституции и управляется ли Мекленбург хуже, чем Гаити, где введена всеобщая, равная и прямая подача голосов? Для лучшего понимания двойственности положения канцлера и прусского министра-президента, и тех резонов, по которым правительство

⁵⁷⁷ Там же. Л. 3.

⁵⁷⁸ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 12. Legislatur-Periode 1907/09. Bd. 5. 131. Sitzung. S. 4287 ff. URL. https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt_k12_bsb00002841_00835.html (дата обращения 13.10.2023).

отклоняло явно назревшую, по крайней мере в глазах общества, избирательную реформу, постараемся достаточно точно изложить эту речь. Заметим только предварительно, что запрос по поводу реформы всегда касался не Пруссии, а именно унификации избирательного законодательства во всех союзных государствах, хотя даже и кратком регистре обсуждаемых в рейхстаге тем и вопросов он обозначен как избирательное право в Пруссии. Канцлер подчеркнул, что не критиковал и не критикует имперского избирательного закона и никогда не собирался предлагать его изменение, потому что всякая страна имеет свои особенности и сообразно им должна иметь и особый государственный строй. Что касается задач германской империи и прусского королевства, то они совершенно различные. В рейхстаге обсуждаются общие национальные задачи, вопросы армии, флота, колоний, в связи с чем приходится обращаться к национальному самосознанию. Прусский же ландтаг ведет лишь дела местного хозяйства, податное обложение, школы, церкви, больницы. Поэтому имперский избирательный закон построен на более широких основаниях, и прусская выборная система составляет низшую ступень его. Пруссии незачем давать простор классовой и партийной борьбе. Введение излишне либерального выборного закона грозит развитием радикальных идей, особенно в прусском общинном управлении, которое до сего времени могло служить примером образцового учреждения. Либеральные партии, повторяющие слова французов о необходимости пройти красное море радикализма, чтобы создать страну, текущую молоком и медом, должны помнить, что в этом красном море гибнут все, кем не предводительствуют Моисей и Аароны. Социал-демократия, пользующаяся ныне услугами либеральных партий для достижения своих целей, поглотит их окончательно, как только осуществляются проповедуемые ныне этими партиями идеи. Нельзя забывать, что социал-демократы – смертельные враги всякого гражданского общества и национального государства. «Я заявляю прямо, - добавил канцлер, - что прусское правительство признаёт необходимость подходящей избирательной реформы и проведёт ее, но оно отклоняет все

требования, ведущие к потрясению прусского государства, приведшего германский народ к единству, мощи и величию, и без которого не может существовать Германская империя»⁵⁷⁹.

Речь эта, с одной стороны, не лишила либералов совершенно надежды на реформу, но, с другой, фактически успокоила консерваторов, что их положению в Пруссии ничего не угрожает. Любопытна попытка убедить, причем складывается такое впечатление, что не депутатов, а широкие общественные слои, которые смогут ознакомиться с этим выступлением по обязательно публикуемому парламентскому отчету, что прусский ландтаг, также как и земельные палаты в других германских государствах, решает исключительно узкие, местные задачи и его прерогативы не выходят за пределы коммунальных вопросов. В мелких государствах так и могло быть, по крайней мере решения, которые они принимали, действительно имели значение только для местного населения. Иное дело Пруссия. Если бы дело действительно обстояло так, как говорил Бюлов, то власти не сопротивлялись бы так отчаянно попыткам демократизировать местную избирательную систему.

В июне 1908 г. состоялись очередные выборы в прусский ландтаг. Их результаты были вполне прогнозируемы. Приведем их в сравнении с результатами предыдущих выборов 1903 г.:

	1903	1908
Консерваторы	143	151
Свободные консерваторы	61	59
Центр	96	104
Национал-либералы	78	66
Свободомыслящая Народная партия	24	28
Свободомыслящее объединение	9	8
СДПГ		7
Поляки	13	15
Датчане	2	2

⁵⁷⁹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1908 г. Д. 13. ч. 1. Л. 75-76. Сравн. Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 12. Legislatur-Periode 1907/09. Bd. 5. 131. Sitzung. S. 4288–4290. URL. https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt_k12_bsb00002841_00836.html (дата обращения 13.10.2023).

Независимые	7	3
Всего	433	443

Из таблицы видно, что несмотря на агитацию либеральных партий за реформу, черно-синий блок, выступавший против нее, усилил свое представительство, в отличие, например, от национал-либералов. Усиление правого блока позволило многим наблюдателям, в том числе М. Веберу и Г. Дельбрюку, утверждать, что «в народе сильно движение не за реформу, а как раз против нее»⁵⁸⁰.

Однако главным результатом выборов стало даже не это, а появление в ландтаге депутатов от социал-демократической партии. Их было всего 7, но мы помним, что и количество новых округов в городах с особенно быстрым ростом населения, то есть в крупнейших промышленных центрах составляло 10 (из которых 5 приходились на Берлин). То есть появление этих 7 стало результатом той небольшой реформы, которая была проведена в 1906 г., что подтвердило всем политическим силам, что полномасштабная реформа избирательного права кардинально изменит состав прусской палаты. Это заставляло одних бороться за нее, а других – всячески ей сопротивляться.

В октябре 1908 г. открылась сессия ландтага нового созыва. На ее открытии прусский король Вильгельм II традиционно выступил с тронной речью, в которой, в частности сказал, что правительство признает необходимость дальнейшего развития прусского избирательного закона в соответствии с экономическим развитием страны, распространением образования и политического самосознания в Пруссии. Российские дипломаты увидели в этих словах, с одной стороны, реверанс в сторону либералов, навстречу требованиям которых готово пойти правительство, а с другой стороны, обещания эти были столь туманны и неконкретны, что допускали самые разные толкования.

К январю 1909 г. стало понятно, что кампания по изменению прусского законодательства не привела к какому-либо результату. Все предложения

⁵⁸⁰ *Delbrück H. Preußische Jahrbücher № 133 (1908). S. 172.*

различных фракций (поляков, свободомыслящих и национал-либералов) натолкнулись на сопротивление консервативной части палаты. Новые уличные демонстрации также не имели последствий. На заседаниях ландтага по вопросу об избирательном праве министр внутренних дел Прусского королевства фон Мольтке вновь, как в свое время Бюлов, сказал о решении правительства провести в будущем известные изменения действующей системы, но затем добавил, что в виду сложности совершающейся ныне подготовительной работы правительство не может принять участие в теперешних прениях. Результатом парламентских дебатов явилось отклонение всех внесённых в палату законопроектов, не только радикального предложения о введении в королевстве имперской системы выборов, но и умеренных предложений национал-либеральной партии касательно нового распределения избирательных округов⁵⁸¹. Таким образом, и этот раунд боя за избирательную реформу закончился безрезультатно. Но всем было понятно, что когда-нибудь она будет проведена, так как левые силы ни за что не оставят своих попыток⁵⁸².

Здесь необходимо сделать еще одно важное замечание. Отставка Бюлова, в «анамнезе» которой, несомненно, находится разрушение его отношений с императором на фоне дела Daily Telegraph осени 1908 г., теснейшим образом связана также с дискуссией по вопросу прусской избирательной реформы и противодействием ей прусских аграриев-консерваторов. Опасения, что реформа может быть со временем все же проведена, сыграли не последнюю роль в возникшем в 1908-1909 гг. напряжении между ними и правительством, что в конце концов привело к распаду блока и отставке Бюлова. Вопрос о налогообложении наследства, который имел для землевладельцев значительно меньшее значение, чем судьба избирательного законодательства, стал только поводом к открытому конфликту, в котором победа осталась за аграриями, а Бюлов покинул высшие

⁵⁸¹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1909 г. Д. 20. Л. 33 об. – 34.

⁵⁸² Kühne T. Op. cit. S. 528.

посты в империи и в Пруссии. После Каприви второй рейхсканцлер был свергнут консервативной аграрной фрондой⁵⁸³.

Новое, как оказалось финальное обсуждение прусской избирательной реформы, состоялось в 1910 г. В тронной речи, от которой ждали «разъяснение вопроса об отношении нового правительства к прусской избирательной реформе, неотложность коей была признана и возведена год тому назад с высоты престола», император чрезвычайно аккуратно коснулся этой «серьезной задачи», заявив, что «подготовительные работы по преобразованию избирательного права близятся к концу и законопроект будет через несколько дней представлен на обсуждение палат»⁵⁸⁴. Либеральная печать, мнение которой приводится в депеше российского посольства, «приходит к убеждению, что новый прусский министр-президент намерен лишь для вида идти в этом деле по пути своего предшественника и что вся реформа ограничится, вероятно, частичным изменением прусского избирательного закона, оставив неприкосновенным его кастовый и замкнутый характер»⁵⁸⁵.

Проект нового закона был внесен на обсуждение палаты в первой половине февраля 1910 г. В отчете российского посольства сообщалось, что его самым существенным изменением является предположение ввести прямые выборы. По мнению правительства, способ избрания депутатов выборщиками устарел. Распространение печати, улучшение сообщений и политическое развитие населения дают ему возможность указывать непосредственно на желаемого представителя в палате. Кроме того, прямые выборы, усиливая у населения интерес к политической жизни, существенно увеличивают количество подаваемых голосов. Не меняя прежнего деления избирателей на три класса сообразно величине уплачиваемых ими налогов, законопроект несколько смягчает имущественный характер этого подразделения, позволяя

⁵⁸³ Kühne T. Op. cit. S. 529

⁵⁸⁴ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1910 г. Д. 18. Л. 14.

⁵⁸⁵ Там же. Л. 15.

переход из низшего класса в высший в зависимости от определенного образовательного или служебного ценза, принадлежности к рейхстагу или ландтагу; участия в общественном или городском самоуправлении и т.п.

С целью ослабить подавляющее влияние крупнейших капиталистов, принадлежащих к 1-му классу, правительственная реформа вводит так называемое «максимирование», то есть определение того максимума платимых налогов, превышение коего не принимается уже в расчёт при разверстке избирателей на классы. Сумма эта определена в 5 тыс. марок в год, взимаемых с доходов приблизительно в 40–42 тыс. марок. Большим состоянием, по подсчетам правительства, обладают в Пруссии около 13 тыс. избирателей, которые отныне сравнены с плательщиками налогов в 5 тыс. марок. Таким образом, реформа предполагала значительное увеличение количества избирателей 1-го класса. И последним изменением существующей системы стал подсчёт голосов не по отдельным местностям, а по всему округу, что даёт возможность голосованием меньшинства каждой местности влиять на окончательный исход выборов в округе⁵⁸⁶.

Как справедливо отмечают все наблюдатели, новый проект не содержал двух основных требований либералов, а именно введения тайного голосования и нового деления избирательных округов сообразно изменившемуся соотношению между городским и сельским населением⁵⁸⁷.

Российские дипломаты ожидали, что либеральные, особенно леволиберальные партии окажут проекту самое серьезное сопротивление и вряд ли удастся провести его в жизнь без существенных изменений. Министр-президент Т. Бетман-Гольвег на заседании ландтага при представлении правительственного проекта произнес пространную речь, в которой утверждал, что проект нового закона максимально отвечает требованиям либералов. Дальнейшая демократизация избирательного законодательства пошла бы на пользу только социал-демократам, которые стремятся в ландтаг,

⁵⁸⁶ Там же. Л. 39–40.

⁵⁸⁷ Там же. Л. 41.

чтобы подорвать прусскую государственность. Либералы, требуя введения в Пруссии имперского закона, рассуждают сугубо теоретически, не понимая всех пагубных последствий, в том числе и для собственного представительства в ландтаге. Бетман убеждал, что «существующая в Пруссии трехклассная система не мешает несколько прогрессивным элементам проникать в ландтаг, как не мешает она и самому ландтагу проводить по финансовым, политическим и общественным вопросам либеральные требования. Несправедливы даже упреки, будто прусское правительство служит исключительно интересам аграриев. Правительство не будет и не должно быть партийным, так как преобладание в стране одной какой-либо партии обозначало бы распад тех коренных основ монархизма, на коих создалась сильная Пруссия и выросла за нею мощь Германской империи»⁵⁸⁸. Министр-президент отверг также обвинение в партийности и пристрастности прусского провинциального чиновничества, а затем обрушился на популизм и негативные стороны парламентаризма, который сопровождается борьбой партий и распущенностью печати, отравляющей здравый смысл населения и приучающей его к погоне за сенсацией или скандалам в политической жизни. Тайное голосование также несколько не защищает от давления извне и не дает избирателю самостоятельности. «Напротив, связанное с ним отсутствие ответственности побуждает гораздо легче склоняться на агитацию крайних партий, чем и объясняется большая подача голосов за социалистов на выборах в рейхстаг, чем в ландтаг прусского королевства»⁵⁸⁹.

Отказ от унификации законодательства в рамках всей империи Бетман, вслед за Бюловым, объяснял особенностями развития каждого германского государства, подчеркивая «особый путь» каждого из них, а Пруссии – в особенности, так как она получила особые преимущества, сыграв главную роль в деле германского объединения. «Это не значит, конечно, что она может обречь себя на неподвижность, она должна, напротив, идти сообразно

⁵⁸⁸ Там же. Л. 44.

⁵⁸⁹ Там же. Л.44 об.

особенностям своего быта, вместе с веком и сохранять и впредь свою силу на благо не только прусского королевства, но и германской империи»⁵⁹⁰, - заключил Бетман-Гольвег свою речь и призвал депутатов не игнорировать при обсуждении реформы доводы правительства.

Главное изменение правительственного проекта, на котором настаивали все фракции кроме консерваторов, это введение тайной подачи голосов, что и стало той темой, вокруг которой строилась главная дискуссия. Отмена трехклассной системы уже не обсуждалась, часть либералов видела положительный момент в том, что к исключительно имущественному цензу добавились такие критерии как уровень образования и общественно-активная позиция, что, без сомнения, являлось признаками демократизации, но никак не могло удовлетворить социалистов, присутствие которых в ландтаге было минимальным. Социалистическую позицию полного отрицания проекта вполне ожидаемо поддержали свободомыслящие. И здесь они слились с консерваторами, которые отвергали проект по той простой причине, что он в принципе существовал и претендовал на изменение системы, которую они предпочли бы видеть неизменной.

Консерваторы в своем противодействии правительственному законопроекту уповали на свою преобладающую позицию в палате, левые (социалисты и свободомыслящие), не имея этого ресурса, обратились к общественности и вновь призывали людей выйти на улицы, что им отчасти удалось. Дело даже дошло до использования армии для противодействия демонстрантам, что свидетельствует, прежде всего, о степени влияния социалистов, которые считали реальное изменение прусского избирательного права, его приведение в соответствие с имперским, своей главной и совершенно неотложной задачей. Влияния в рейхстаге им было мало, для того, чтобы реально влиять на ситуацию в стране им нужно было значительное

⁵⁹⁰ Там же. Л. 45.

представительство и в прусской палате. Этот факт как нельзя лучше свидетельствует о подлинной силе Пруссии и ее органов.

При обсуждении в комиссии создался союз, имевший абсолютное большинство в палате, – консерваторов и католического Центра, при этом обеим партиям пришлось пойти на компромисс, но цель была достигнута – все левые требования были заблокированы. Был отвергнут проект прямых выборов, они остались двухступенчатыми, но было введено тайное голосование при избрании выборщиков и открытая подача голосов при выборе этими последними депутатов. Правительство, чей проект содержал как раз обратные предложения, выразило готовность принять эти изменения, что и произошло – при голосовании за высказались 238 депутатов консерваторов и Центра, а против 138, причем к противникам этих изменений относились не только либералы и социалисты, но даже и свободные консерваторы. По сути, возникло невиданное ранее противостояние, когда блоку консерваторов и католиков противостояли свободные консерваторы и национал-либералы. Такой расклад сил, связанный с крайней поляризацией партийных позиций⁵⁹¹, мог привидеться О. фон Бисмарку разве что в ночном кошмаре, да и правительство Бетман-Гольвега скорее было готово, если бы имело такую возможность, вообще снять с повестки законопроект, чем оказаться между этих двух сил. Национал-либералы к тому же продолжали настаивать не только на прямых и тайных выборах, но и на новом делении существующих избирательных округов при сохранении, впрочем, трехклассной системы. При таком раскладе сил закон был передан на рассмотрение и утверждение в прусскую палату господ.

Верхняя палата, вначале одобрявшая большую часть закона, отклонила его §6, касавшийся деления избирательных округов, а также все предложенные партиями поправки к этому параграфу. Выступивший в палате Бетман-Гольвег заявил, что правительство достигло предела уступок и ни на

⁵⁹¹ Kühne T. Op. cit. S. 545.

какие новые компромиссы идти не готово. В результате проект был похоронен в верхней палате ландтага. «Королевское правительство потерпело в этом первостепенном вопросе чувствительное поражение, которое не может не отразиться на всем ходе внутренней политики прусского королевства и самой Германской империи», - констатировало российское посольство в Берлине⁵⁹².

Итак, реформа, более двух лет стоявшая на повестке дня, бывшая самой горячей темой не только в ландтаге и рейхстаге, но и выведшая людей на уличные демонстрации, ставшая одной из основных причин распада правительственного блока и падения канцлера Б. Бюлова, так и не была проведена. Один из самых консервативных, сословных по своей сути и форме, фактически средневековых избирательных законов в Европе дожил до конца Первой мировой войны.

В депеше, датированной началом июня 1910 г., российский посол Н.Д. Остен-Сакен подводит итоги неудавшейся дискуссии и анализирует причины провала прусской избирательной реформы. Он констатирует, что правительственный законопроект не удовлетворял ни одну политическую партию. «С одной стороны, национал-либералы, настаивая на тайной подаче голосов, упрекали правительство в излишней уступчивости прусской реакции, с другой — крайние левые партии, не примиряясь с отсутствием в реформе более широких демократических начал, осуждали правительство за то, что оно не считается с требованиями общественного мнения и упускает будто бы из виду современные условия внутреннего развития Пруссии»⁵⁹³.

Совершенно обратными доводами мотивировали свои нападки на правительственный законопроект прусские аграрии, клерикалы и консерваторы, являвшиеся противниками преобразований выборного строя в либеральном духе. В боязни лишиться депутатских мест и тем самым потерять своё преимущественное влияние на ход парламентских работ, «консервативно-клерикальный» блок совершенно исказил внесённый

⁵⁹² АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1910 г. Д. 18. Л. 171 об.

⁵⁹³ Там же. Л. 183.

правительством законопроект и сумел провести большинством голосов видоизменённый проект, который предусматривал сохранение двухстепенных выборов и введение тайного голосования для избрания выборщиков, а также открытой подачи голосов для выбора этими последними депутатов. «Однако правительство не сочло возможным решиться на проведение реформы в жизнь вопреки желанию двух «средних» партий / национал-либералов и свободных консерваторов/ и пошло навстречу оппозиции путём внесения поправок, навязанных министром-президентом верхней палате»⁵⁹⁴. Поправки эти заключались, главным образом, в увеличении тех округов, по которым производится деление избирателей на три класса по сумме уплачиваемых ими налогов. При этом правительство исходило из того, что партии, представляющие по преимуществу крупную буржуазию, то есть свободные консерваторы и национал-либералы, тяготеют к округам более крупным, и эта поправка должна была служить для них приманкой. «Таким образом, судьба избирательной реформы всецело зависела от того, какое положение займёт в этом вопросе партия национал-либералов. Однако надежда правительства, что законопроект, с внесёнными в него некоторыми изменениями в более либеральном духе, одобренными в верхней палате, будет принят также в нижней палате не только национал-либералами и свободными консерваторами, но и консервативно-клерикальным большинством — не оправдалось. Консерваторы ... присоединились в угоду клерикалам к их требованиям о сохранении более мелких округов, обеспечивающих в значительной степени их партийные интересы при выборах в ландтаг. Положение получилось крайне невыгодное, и правительство не замедлило отказаться от дальнейшего обсуждения своего проекта. Результатами сложной игры партий довольно осталось только консервативно-клерикальное большинство, которому удалось таким образом, доказать воочию правительству, что ему приходится либо опираться на его поддержку, либо

⁵⁹⁴ Там же. Л. 183 об.

считаться с его оппозицией, но что во всяком случае ни Центр, ни консерваторы не склонны подать более руку к возрождению «либерально-консервативного» блока, созданного князем Бюловым»⁵⁹⁵.

Проект реформы обсуждался не только в палате, но и критиковался самыми широкими общественными кругами, что также способствовало внесению в него существенных изменений.

Итак, многолетняя коллизия, в которую были вовлечены не только все политические силы Пруссии, но и ее верховная власть, вокруг проекта реформы, необходимость которой признавалась почти всеми и которая, как мы уже писали выше, позволила бы правительству значительно эффективнее действовать, провалился.

Как нам представляется, выводы, которые можно сделать из этого, далеко не однозначны. На поверхности лежит несколько очевидных умозаключений. Во-первых, аграрии смогли воспрепятствовать каким-либо изменениям в избирательной системе, то есть этот провал – их очевидная победа. Их аргументы против были продиктованы страхом за свою превалирующую роль в палате депутатов, которая уже никак не соответствовала ни социальному составу, ни политическим предпочтениям населения. Во-вторых, социалисты и свободомыслящие, настаивая на самой радикальной демократизации закона, имели совершенно очевидные цели – увеличить свое представительство, довести его в процентном отношении до доли в рейхстаге. Это, конечно же, как нельзя лучше соответствовало бы социальной структуре населения, но главное, к чему они стремились, – получить на прусские дела влияние, аналогичное тому, что они имели на имперском уровне. Если бы они превалировали в обоих парламентах, то их влияние на политику и даже политическую систему страны возросло бы многократно. В-третьих, расклад сил при голосовании по §6 совершенно отчетливо показал реальную расстановку сил – Центр и консерваторы, забыв

⁵⁹⁵ Там же. Л. 184-185

недоверие друг к другу, все старые обиды и противоречия, сделали всё, чтобы торпедировать закон. Как пишет Т. Кюне, «даже если нет формальных доказательств долгосрочного блока консерваторов и клерикалов, Центр с 1909 г. поддерживал политическую программу консерваторов. Еще в январе 1910 г. Цедлиц-Нойкирх заподозрил, что такое соглашение было заключено и что оно станет препятствием для какой-либо реформы вообще»⁵⁹⁶.

На другом фланге находились все остальные силы (свободные консерваторы, национал-либералы, левые либералы, социалисты и даже национальные меньшинства, обычно идущие в фарватере Центра). Эти силы, так или иначе связанные с промышленным капиталом, средним классом, пролетариатом, и были как раз той частью общества, которая была движущей силой «мировой политики», именно ее интересам эта стратегия и отвечала в первую очередь. То есть, при обсуждении избирательной реформы четко выявились те, кто поддерживал правительство и те, кто выступал против его стратегического курса. И против оказались не социалисты и свободомыслящие, которые готовы были пойти на уступки и проголосовать за мягкий, компромиссный проект, а консерваторы и Центр, «опора трона» и фактически «правлящая партия», коей на протяжении длительного времени были католики. Впрочем, не следует игнорировать и еще один факт, а именно, раскол внутри национал-либеральной партии. Ее правое крыло, представленное крупными рейнско-вестфальскими промышленниками, резко выступало против самой идеи отказа от трехклассной системы, так как это грозило ему потерей округов на Рейне и в Руре в пользу СДПГ. Левая же часть партии блокировалась с прогрессистами и социалистами, считая, что крах половинчатой реформы – скорее хорошо, чем плохо, так как дает надежду, что через не очень продолжительное время более радикальная реформа все-таки будет проведена⁵⁹⁷.

⁵⁹⁶ Kühne T. Op. cit. S. 347.

⁵⁹⁷ Ibid. S. 551.

А что же собственно правительство? Его готовность раз за разом идти на уступки может иметь двойное толкование. Или же Бетман был готов на все, чтобы реформа была осуществлена, или же наоборот, страх перед усилением демократических элементов, опасения, что падение влияния консерваторов самым пагубным образом скажется на положении монархии, заставили правительство занять пассивную позицию. По выражению Г. Шмоллера, правительство не было готово к столь открытому противостоянию «между королевской властью и феодализмом»⁵⁹⁸. С одной стороны, и это неоспоримо, правительство опасалось радикализации общества в связи с дискуссией о реформе. С другой стороны, оно так сильно было озабочено отношениями между партиями, попытками восстановления консервативно-либерального блока, сохранением единства национал-либералов и недопущением их дрейфа влево, борьбой с Центром и т.д., что в этой борьбе, как нам представляется, совершенно упустило из вида два момента. Во-первых, собственную стратегическую линию, задачу, поставленную перед страной, реализацию объявленной внешнеполитической стратегии, которая становилась национальной идеей. Для ее реализации при явном отсутствии поддержки со стороны старой, «феодальной» прусской элиты необходимо было приложить все силы к формированию новой элиты и тогда уже давать ей все, что она потребует. Такой элитой могли стать уже упомянутые выше «промышленники Рура и Рейна», которые вполне разделяли «мировую стратегию», но они совершенно не были заинтересованы в сохранении существующей формы монархического государственного строя.

Во-вторых – а зачем эта реформа была нужна правительству и была ли она вообще ему нужна. Тут на передний план выходит вопрос о способности системы к модернизации и запросе на модернизацию. И вопрос этот не так прост и однозначен, как это может показаться. Двигаясь, не сворачивая, по

⁵⁹⁸ *Schmoller G.* Die preußische Wahlrechtsreform von 1910 auf dem Hintergrunde des Kampfes zwischen Königtum und Feudalismus // *Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reiche.* 34. Band, 3. Heft, S. 1261-1279. URL. <https://www.projekt-gutenberg.org/schmoller/20jahre/chap006.html> (дата обращения 8.12.2023).

пути, проложенному Бисмарком, то есть видя в социалистах врагов государства, в католиках и левых либералах – дестабилизирующий фактор, а в консерваторах – фактически единственную опору трона, правительство не отреагировало на тот поворотный момент, когда с формулированием новой национальной стратегии сменились силы, которые выступали за и против ее реализации. Для одних она стала своей, пусть и с массой оговорок, допущений и т.д., а для других – чуждой и даже представляющей угрозу в экономическом и политическом смысле. В этот момент возникло одно из главных противоречий – прусские консерваторы-аграрии, фактически единственная сила, заинтересованная в сохранении сложившегося типа монархического режима, выступили против курса, автором и самым последовательным сторонником реализации которого был император с его фанатичным стремлением к строительству флота и проведению активной «мировой политики». А воспринята эта идея была теми, кого режим считал своими противниками или к кому он относился с недоверием.

Вопрос избирательной реформы поднимался еще дважды – в 1911 и 1913 гг., но она так и осталась неосуществленной. До начала войны к ней больше не возвращались, а демократизация системы в 1918-1919 гг. состоялась уже совсем в иных исторических условиях и другими силами. Результат выборов 1913 г. лишь незначительно сдвинул палату депутатов влево, и авторы депеши в Петербург справедливо заметили, что «в новом ландтаге по-прежнему будут господствовать правые и все останется без изменений»⁵⁹⁹.

Завершая сюжет избирательной реформы, можно сделать несколько промежуточных выводов. Прусско-германское противоречие крылось не только и не столько в разнице избирательных законов, совмещении высших должностей и т.д., на что обычно указывается в данном случае. Проблема, с нашей точки зрения, несколько в ином. Прусская элита все свои цели реализовала в 1870-1871 гг., возглавив объединение Германии и получив от

⁵⁹⁹ АВПРИ. Ф. 138 Канцелярия. Оп. 470. Д. 36. Политический архив. 1913 г. Л. 9.

этого все возможные преференции – как экономические, так и политические. При этом имперской элитой она не стала, также как и Вильгельм I вплоть до своей смерти оставался прежде всего королем Пруссии, этот титул был ему дорог и важен, именно ему соответствовало его самосознание. Есть все основания считать, что и Бисмарк вплоть до своей смерти оставался прежде всего министром-президентом Пруссии. Именно поэтому такую конфигурацию имела конституция Германии, именно с этой точки зрения строилась ее внутренняя и даже частично внешняя политика. Пруссия становилась «Германией», этим можно объяснить очень многое – от теснейшей связи с консерваторами и национал-либералами, которые изначально были именно прусскими партиями, до политики, например, Культуркампа, важнейшей составляющей которого было решение внутрипрусской польской проблемы. Бисмарк стремился консолидировать Германию вокруг прусского ядра. На той же, прусской основе строилась и его внешняя политика, его «жонглирование пятью шарами» выстраивало безопасную среду для Пруссии, только увеличившейся в масштабе, несколько вышедшей за собственные границы, но по сути своей оставшейся Пруссией. С этим в значительной степени связан и упорный отказ Бисмарка от проведения активной государственной колониальной политики.

Иная ситуация сложилась с приходом к власти Вильгельма II. Его «мировая политика», превратившаяся из внешнеполитической стратегии в национальную идею, причем единственную, требовала и новой политической элиты, которая стала бы опорой трона. И вот тут произошло роковое «раздвоение». Вильгельм, а именно он находился в центре всей системы, одной ногой шагал в будущее, а другой как цепью был прикован к прошлому. Это видно даже по внешним атрибутам его царствования. С одной стороны, он испытывал огромный, почти детский интерес ко всем техническим новинкам, железным дорогам, аэропланам и воздушным шарам, а с другой – постоянно обращался к прошлому, в своей тяге к форме, плюмажам и орденам

он старался сравняться в блеске с Фридрихом Великим и совершить что-то столь же великое, как его дед, ставший императором единой Германии.

Сформулированная при Бюлове «мировая» идея очень быстро нашла себе поддержку среди самых широких слоев общества всей империи, объединила ее лучше, чем все мероприятия, проводимые в 1870-1880-е гг. Бисмарком. Выкристаллизовались те экономические силы, прежде всего связанные с международной торговлей крупные и средние промышленники и предприниматели, которые были кровно заинтересованы в выходе Германии на мировые рынки. Но эти силы не стали, или не смогли стать политической элитой. Опасения либералов были вызваны прежде всего тем, что демократизация прусской системы принесет главные выгоды не им, а социалистам, в которых они видели угрозу для себя, причем не только в стенах рейхстага, но и на их собственных предприятиях и в фирмах.

Трон же по-прежнему считал своей единственной поддержкой и опорой именно прусских юнкеров, аграриев-консерваторов. Только они, по большому счету, были заинтересованы в сохранении той формы монархического режима с не несущей ответственности перед парламентом исполнительной властью, который был выстроен в Германии. Формальную гегемонию этой социальной силы в политической системе Пруссии обеспечивало как раз трехклассное избирательное право. Но именно консерваторы не просто не были заинтересованы в проведении «мировой политики», но и отчаянно сопротивлялись большинству из подготовительных мер – от торговых договоров, которые обеспечивали складывание вокруг Германии блока тесно связанных с ней экономически, и как следствие политически, государств, до борьбы против новых транспортных коммуникаций, которые имели не только торгово-экономические, но и военные цели. Будучи «опорой трона», они делали все, чтобы трон не мог на них опереться. Они требовали от него, чтобы все свои усилия верховная власть направляла на реализацию их задач и сохранение их положения в Пруссии, и как следствие, в Германии, которая не должна была формулировать собственную повестку. Именно в этом, с нашей

точки зрения, и состоит главное противоречие в отношениях империи и Пруссии в период вильгельмизма.

§2. Особенности и традиции рекрутирования властной элиты империи: роль прусской земельной аристократии

Как уже неоднократно отмечалось выше, одним из основных противоречий периода вильгельминизма во внутренней структуре и политике государства было сопротивление старой прусской элиты (ее мы вслед за российскими дипломатами этого периода условно называем «аграриями») новой внешнеполитической стратегии, выработанной Вильгельмом II и его ближайшими сотрудниками, которая, обретя характер национальной идеи, получила название «мировой политики».

Юнкерство, бывшее социально-экономической и политической опорой монархии после Октябрьского эдикта К. фон Штейна об отмене крепостного права, испытывало большие сложности, особенно обострившиеся после объединения Германии и аграрного кризиса первой половины 1870-х гг. Цены на зерно падали⁶⁰⁰, одновременно снижалась цена земли и росла задолженность хозяйств. В этих условиях с 1880-х гг. особое значение приобрели защитные пошлины, которые с 1870-х гг. в условиях развития мирового хозяйства, стали важнейшим налоговым инструментом государственной аграрной политики⁶⁰¹. Другими словами, только протекционизм позволял немецкому, прежде всего, прусскому сельскому хозяйству держаться на плаву, без него сохранить его рентабельность было невозможно⁶⁰².

Последняя четверть XIX в. характеризовалась ускоренными модернизационными процессами во всех отраслях экономики, включая сельское хозяйство, быстрым изменением его производственной и социальной структуры – если в 1882 г. доля занятых в сельском хозяйстве составляла

⁶⁰⁰ В 1869-1876 гг. тонна пшеницы на берлинской бирже стоила 223 марки, в 1877-1884 -204 марки, в 1894-1900 гг. – 154 марки. (*Puhle H.-J. Agrarische Interessenpolitik... S. 17*).

⁶⁰¹ *Harnisch H. Agrarstaat oder Industriestaat. Die Debatte um die Bedeutung der Landwirtschaft in Wirtschaft und Gesellschaft Deutschlands an der Wende vom 19. zum 20. Jahrhundert // Ostelbische Agrargesellschaft im Kaiserreich ... S. 33.*

⁶⁰² *Sering M. Agrar- und Industriestaat // Wörterbuch der Volkswirtschaft. Hrsg. v. L. Elster. Bd. 1. Jena, 1911. S. 52.*

42,5%, то в 1896 г. – 35,8%; за тот же период доля населения, занятого в промышленности, горном деле и строительстве выросла с 35,5% до 39,1%⁶⁰³.

В условиях, когда экономическая сила крупных сельскохозяйственных предприятий фактически сошла на нет, государственная аграрная политика была нацелена не на приспособление производственной структуры к изменяющимся рыночным условиям, а на укрепление позиций изжившего себя юнкерства путем поддержки собственности и уровня доходов, а в конечном итоге консервации традиционной сельской социальной структуры⁶⁰⁴.

Сохранение в неизменном виде этой прочнейшей связи между юнкерством, или аграриями, и прусско-германским государством в лице его правительства, а главное монарха обеспечивалось охранительной государственной таможенной политикой, без которой зерновое производство Германии к концу XIX в. утратило бы свою конкурентоспособность даже на внутреннем рынке. При этом сохраняли актуальность две другие важнейшие государственные задачи, затрагивавшие аграрную сферу. Во-первых, задача внутренней колонизации, особенно остро вставшая после 1886 г. и принятия Колонизационного закона, направленного на германизацию областей проживания польского национального меньшинства⁶⁰⁵, во-вторых, задача сохранения прежней сельской социальной структуры в целях недопущения проникновения в деревню социал-демократической пропаганды, которую государство считало смертельно опасной для себя.

Правительство адекватно понимало значимость сельского хозяйства для существующей политической системы. Канцлер Х. Гогенлоэ делает в январе 1896 г. следующую запись: «П. утверждает, что Германия становится все более и более промышленным государством. Это ведет к усилению той части

⁶⁰³ *Hentschel V.* Wirtschaft und Wirtschaftspolitik im wilhelminischen Deutschland. Organisierter Kapitalismus und Interventionsstaat. Stuttgart, 1977. S. 44.

⁶⁰⁴ *Reif H.* Einleitung // Ostelbische Agrargesellschaft im Kaiserreich... S. 12.

⁶⁰⁵ *Puhle H.-J.* Agrarische Interessenpolitik... S. 34. Подробнее см. *Матвеева А.Г.* Польское меньшинство в Германской империи — аграрный аспект государственной политики и противодействие польского населения в конце XIX — начале XX в. // ЭНОЖ История. Т. 12 Вып. 6 (104) 2021.

населения, на которую корона опереться не может, население больших городов и промышленных районов. Действительной поддержкой монархии может быть только сельское население. Если дело и дальше пойдет так, то монархия тогда превратится в республику или в подобную английской теневою монархию. Я ответил, что разделяю эти опасения, но я не смог до сих пор найти средства укрепления сельского населения. Мы не можем поддержать чрезмерные требования аграриев»⁶⁰⁶. Еще более определенно высказался экономист из Фрайбурга К. Диль в 1901 г., в самый разгар дебатов о том, каким же все-таки государством является и должна быть Германия – аграрным или промышленным: «Когда экономисту предлагают определиться в вопросе торговой политики и в выборе системы торговли, т.е. свобода торговли или охранительные пошлины, он переходит границы науки и становится политиком»⁶⁰⁷.

Ставя вопрос правительственной поддержки/неподдержки аграриев во главу угла, говоря о главных проблемах и противоречиях имперского периода, следует иметь ввиду прежде всего социальную опору государственной власти. Вслед за князем Гогенлоэ мы должны признать, что промышленники, новые экономические элиты, тесно связанные с международной торговлей и банковским капиталом, ориентированные на мировые рынки и свободную конкуренцию, не были заинтересованы в консервации существующей политической модели. То же самое можно сказать и о связанных с ними политических силах и партиях, т.е. о либералах.

При этом следует учитывать, что отношения монархии и аграриев-консерваторов (политические интересы юнкерских кругов выражали консервативные политические организации, прежде всего Немецкая консервативная партия)⁶⁰⁸ были отнюдь не простыми и не безоблачными. Эти силы, на которые режим традиционно оперался, легко позволяли себе

⁶⁰⁶ *Hohenlohe-Schillingsfürst Ch.* Op. cit. Bd. 2. S. 523.

⁶⁰⁷ Цит. по: *Mombert P.* Geschichte der Nationalökonomie. Jena, 1927. S. 482.

⁶⁰⁸ Подробнее см. *Puhle H.-J.* Agrarische Interessenpolitik... S.14.

выдвигать, как писал имперский канцлер, «чрезмерные требования» к правительству. Интересно в этой связи замечание крупнейшего немецкого экономиста Г. Шмоллера, который писал в 1910 г., что «вся внутренняя история Пруссии с 1415 г. по настоящее время имеет ... содержание в борьбе монархии и созданного ею чиновничества с юнкерством»⁶⁰⁹. Правда, согласиться с этим утверждением можно только частично. Правительство, несомненно, по крайней мере в рассматриваемый нами период, находилось в состоянии перманентной борьбы с аграриями, но вот чиновничество, в том числе и высшее, по своему происхождению и по идеологическим воззрениям преимущественно принадлежало как раз к юнкерству и подчас ставило интересы своего класса (и даже собственные экономические выгоды) выше интересов государства. Именно с этим были связаны и громкие отставки в прусском Государственном министерстве, и требования лояльности, публикуемые в официальных правительственных органах. Слова Шмоллера, однако, подтверждают наш тезис о сложности и неоднозначности этих отношений, особенно в период вильгельминизма, слома эпох и формирования новых целей и идей.

Впервые тема ущемления аграрных интересов со стороны правительства возникла в депешах российского посольства в период обсуждения торговых договоров, вначале с Австро-Венгрией в 1891 г., а затем с Россией в 1893–1894 гг., который должен был стать венцом торговой политики Л. фон Каприви.

Особенностям торговых отношений Германии с другими странами посвящена достаточно большая литература, в том числе и в отечественной историографии⁶¹⁰. Для понимания сути внутригерманского сопротивления

⁶⁰⁹ *Schmoller G.* Op. cit. URL. <https://www.projekt-gutenberg.org/schmoller/20jahre/chap006.html> (дата обращения 20.10. 2023).

⁶¹⁰ Например, *Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в 1875–1914 гг.: очерки правительственной политики. СПб: Наука, 1978; *Субботин Ю.Ф.* Россия и Германия: партнеры и противники (торговые отношения в конце XIX века – 1914). М.: ИРИ, 1996; *Жильцова Ю.В., Жильцова А.В.* Русско-германская таможенная война и торговые договоры 1893 и 1904 годов. Часть I // *Международный бухгалтерский учет.* – 2018. – Т. 21, № 7. – С. 852 – 866; *Котов Б.С.* Экономическая кооперация и соперничество в эпоху империализма: российско-германские отношения в сфере хлебной торговли на рубеже XIX–XX вв. // *Империи, нации, регионы. Имперские концепции в России и Германии в начале XX в. Сообщения Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений / Под ред. А.О. Чубарьяна и А. Виршинга.* Берлин,

этим соглашениям, того нового, что Каприви собирался внести во внешнеторговый курс страны, следует охарактеризовать те принципы, на которых этот курс базировался до 1890-х гг. Начнем с того, что в 1870-е гг. в Германии был введен покровительственный тариф, в тот момент устраивавший все заинтересованные стороны. Как писал немецкий экономист И. Эслен, в стремлении к введению покровительственных пошлин сошлись две группы интересов, между которыми до 1875 г. была резкая вражда: крупные землевладельцы восточной Германии и протекционистски настроенные фабриканты западной и южной Германии. Обе эти группы до тех пор в целом были солидарны с экономической политикой либералов за исключением вопроса о таможенных пошлинах. Аграрии были противниками экономических и политических стремлений либералов, но разделяли их точку зрения в вопросе о свободной торговле. Выборы в рейхстаг в 1878 г. создали протекционистское большинство, состоявшее из консерваторов, представителей партии Центра и протекционистски настроенных либералов, которые впоследствии объединились в партию национал-либералов. Промышленники согласились предоставить сельским хозяевам аграрные пошлины, а те, в свою очередь, согласились на утверждение пошлин на промышленные изделия. Правительство оказывалось в выгоде, – его доходы повышались благодаря введению пошлин. В таких условиях был создан таможенный тариф 1879 г., приведший к повышению уже существовавшего таможенного покровительства для промышленных изделий, к восстановлению целого ряда пошлин, отмененных после 1865 г., и к началу решительного аграрного протекционизма⁶¹¹. В этот период еще не были введены пошлины на ввоз сырья, что благотворно сказывалось на развитии обрабатывающей промышленности. В середине 1880-х гг. Германия повысила свои пошлины,

Гёттинген: De Gruyter Oldenbourg, 2018. С. 80-96; *Матвеева А.Г.* Русско-германский торговый договор 1894 г. в контексте «нового курса» германского канцлера Л. фон Каприви // ЭНОЖ «История». 2019 Выпуск 11 (85). URL. <https://sochum.ru/s207987840008076-2-1/?ysclid=lrqfxqqcb7146345708> (дата обращения 23.01.2024) и др.

⁶¹¹ *Эслен И.* Политика внешней торговли. М., 1927. С. 181.

что вызвало противодействие других стран, прежде всего Франции. Австро-Венгрии, России и Соединенных Штатов Америки. Начиная с 1885 г. Россия все более затрудняла ввоз к себе готовых промышленных изделий, и вместо них ввозила «фабрикаты», необходимые для производства этих товаров. Соединенные Штаты ввели в 1890 г. высоко-протекционистский тариф Мак-Кинли. Австро-Венгрия и Румыния также стали затруднять ввоз германских изделий. Таким образом возникла угроза, что 1 февраля 1892 г. Германия столкнется в большинстве стран с высокими общими тарифами, и ее экспорт, и без того в 1880-х гг. слабый, существенно сократится⁶¹². Экономическая конъюнктура не благоприятствовала Германии. В 1891 г. во всей Европе случился неурожай, Россия запретила вывоз хлеба, и «германская пошлина, в размере 5 марок за двойной центнер, в тот год впервые полностью выявилась в цене на хлеб»⁶¹³. В этих условиях канцлер Каприви решился порвать с прежней автономной торговой политикой и добиться понижения иностранных таможенных ставок для германских промышленных изделий, взамен чего и Германия должна была сделать уступки, главным образом в отношении ввоза сельскохозяйственных продуктов. Как отмечает Эслен, «было бы неправильно усматривать в этом поворот к свободной торговле. То была лишь попытка устранить уже – начавшиеся и угрожавшие – таможенные войны»⁶¹⁴.

В 1891 г. в связи с готовящимся австро-германским торговым договором глава партии и парламентской фракции свободомыслящих О. Рихтер внес в рейхстаг законопроект о снижении хлебных пошлин с 5 до 3 марок. Проект этот был отвергнут 210 голосами против 106 (свободомыслящих и социал-демократов), что вполне можно было трактовать как безусловную победу аграриев. Однако российские дипломаты посчитали эту победу пирровой и призрачной. Просто Рихтер несвоевременно внес свое предложение, объединив его с двумя другими вопросами (сахарной премии и водочной

⁶¹² Там же. С. 184.

⁶¹³ Там же.

⁶¹⁴ Там же. С. 185.

реформы) и т.п. Сам вождь свободомыслящих заявил, что «законопроект будет иметь едва ли более трети голосов парламента, но что, по крайней мере, народ узнает, кто его истинные друзья»⁶¹⁵.

Сложилось впечатление, что целью предложения Рихтера было вовсе не снижение ввозных пошлин, поскольку законопроект «казался даже сочувствующим ему людям антипатриотичным»⁶¹⁶. Так что же усмотрели здесь российские представители? «Свободомыслящие и социал-демократы, будучи заранее уверены, что в настоящую минуту предложение об отмене пошлин на хлеб, особенно в том виде, в каком оно было ими представлено, никаким образом не будет принято рейхстагом и, с другой стороны, хорошо зная всю ненависть низшего, особенно рабочего класса, против этих пошлин, пожелали раз и навсегда заручиться сочувствием избирателей и, указывая на все остальные партии, заклеить их позорным названием врагов немецкого народа, отказавшихся из-за личной корысти, облегчить его тяжелую участь»⁶¹⁷.

Интересно в этой связи и еще одно наблюдение, содержащееся в депеше: «политический манёвр свободомыслящих и социал-демократов был главным образом направлен против национал-либералов, как наиболее опасных для них соперников перед избирателями»⁶¹⁸, то есть на первый план вышла не экономическая или политическая суть проблемы, а завоевание электоральной поддержки. Такой подход давал повод представителям исполнительной власти говорить, что только монархия, а не парламентаризм и партийное правительство, способна обеспечивать поступательное развитие страны и защищать национальные интересы, ибо горизонт ее планирования не ограничен одним избирательным циклом. В этих словах в тогдашних германских реалиях был очень большой смысл. Российские наблюдатели предполагали, что если аналогичное предложение поступит от правительства,

⁶¹⁵ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1891 г. Д. 16. Л. 23 об.

⁶¹⁶ Там же. Л. 20.

⁶¹⁷ Там же. Л. 24.

⁶¹⁸ Там же. Л. 25.

то оно скорее всего будет принято: «... правительство пустило в ход своё влияние, дабы провалить несвоевременное предложение господина Рихтера, оставляя за собой, однако же, право под иным видом и в иное время вновь возбудить затронутые свободомыслящими представителями жгучие вопросы экономической будущности Германии»⁶¹⁹. И действительно, в 1891 г. Каприви заключил так называемые «декабрьские договоры» с Австро-Венгрией, Бельгией, Румынией и Швейцарией. По этим договорам Германия понижала пошлины на хлеб с 5 до 3¹/₂ марок за 100 килограмм. Кроме того, был понижен ряд других таможенных ставок⁶²⁰.

В феврале 1893 г. подходили к завершению германо-русские переговоры и стороны были близки к соглашению. Российское посольство волновал не только ход переговоров, но и общественное мнение в Германии. Под ним конечно же имелись в виду не какие-то широкие общественные слои, а те группы экономической и политической элиты, которые были заинтересованы в определенном содержании договора и могли реально влиять на процесс и обсуждения, и принятия окончательного решения. Такое влияние две основные группы, представляющие интересы «агровладельцев» и «промышленников», могли оказывать двумя способами – публичным – через дебаты в рейхстаге и ландтаге, и закулисным – через личные встречи с основными государственными деятелями, то есть германским канцлером, прусским министром-президентом (в этот период, как уже отмечалось выше, эти две должности были разделены), а также министрами торговли и финансов, ну и как последний аргумент, они могли, используя личные связи, попробовать повлиять в желательном для себя духе непосредственно на монарха.

Как сообщали российские дипломаты, публичное обсуждение содержания переговоров, когда каждая из сторон считала, что уступки, на которые она идет, значительно превышают уступки противоположной

⁶¹⁹ Там же. Л. 21.

⁶²⁰ Эслен И. Указ. соч. С. 184.

стороны, шло чрезвычайно бурно: «Оба сейма, имперский и прусский, служили в течение пяти дней ареной горячих прений между прусскими сельскими хозяевами, так называемыми «аграриями» и правительством»⁶²¹. Российские дипломаты совершенно справедливо видели в этом сопротивлении правительственному проекту не политическую или идеологическую подоплеку, а нечто иное: «если большинство этой партии с таким негодованием восстаёт против одной возможности экономического сближения с Россией, то в этом факте, мне кажется, следует видеть не столько политическую подкладку, сколько защиту ее личных, материальных интересов в ущерб интересам большинства немецкого народа. Эту мысль имперский канцлер развил в одном из заседаний парламента, отвечая на упреки аграриев, будто сельское хозяйство приносится в жертву промышленности»⁶²².

Важно напомнить в этой связи о еще одном факторе, подробно рассмотренном выше, который, по нашему убеждению, являлся и краеугольным камнем здания Германской империи, и одновременно бомбой замедленного действия, заложенной в его основание – а именно, прусский вопрос. «Особенно сильна партия «аграриев» в прусском сейме, где несмотря на противодействие правительства, заявившего устами министра финансов Й. фон Микеля, что обсуждение общеимперских вопросов, каковым является вопрос заключения торговых договоров, не подлежит ведению ландтага, большинство депутатов голосовало следующее предложение: правительству надлежит озаботиться при торговых переговорах с Россией об охране интересов сельского хозяйства и промышленности в Пруссии»⁶²³. Даже то, что совсем не входило в прусскую компетенцию, но напрямую затрагивало интересы ее элиты, становилось предметом обсуждения в ландтаге, а тем самым и инструментом давления на правительство. Эти дебаты заставили

⁶²¹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1893 г. Д. 17. Л. 24.

⁶²² Там же. Л. 25.

⁶²³ Там же. Л. 26.

прусского министра-президента графа Б. Эйленбурга взять слово и «заявить в прусском сейме, что «аграриям» никогда не удастся принудить правительство к изменению его настоящей торговой политики и что для Германии крайне существенно ввести по всем ее границам однообразный тариф»⁶²⁴. Это выступление графа Эйленбурга заслуживает определенного интереса, так как его личные отношения с Каприви были достаточно натянутыми, что в конце концов стало важнейшей причиной их одновременной отставки с двух важнейших постов в империи. Но в этом вопросе он всецело поддержал не столько канцлера, сколько новый внешнеполитический курс, инициатором которого был император.

Поняв, что существующие политические структуры, прежде всего Немецкая консервативная и в определенной степени Свободная консервативная партии, не могут в должной, с точки зрения аграриев, мере защитить их «чрезмерные» интересы, было решено создать особую организацию, сыгравшую в дальнейшем роль главного глашатая и защитника интересов землевладельцев – Союз сельских хозяев (ССХ).

Этой организации посвящена достаточно серьезная литература, самым известным ее исследователем являлся уже упоминавшийся историк Х.-Ю. Пуле⁶²⁵, преподававший в университетах Билефельда и Франкфурта-на-Майне; не могли обойти ее вниманием и специалисты, писавшие общие работы по истории Германской империи⁶²⁶. Исследователи сходятся во мнении, что истоки организации стоит искать в дебатах по австро-германскому торговому договору и убеждении аграриев, что консерваторы ради устойчивых отношений с правительством готовы «предать аграрные интересы». Об этом, например, писал бывший статс-секретарь по

⁶²⁴ Там же. Л. 27.

⁶²⁵ *Puhle H.-J. Agrarische Interessenpolitik...; Puhle H.-J. Der Bund der Landwirte im Wilhelminischen Reich. Struktur, Ideologie und politische Wirksamkeit eines Interessenverbandes in der konstitutionellen Monarchie 1893–1914 // Zur soziologischen Theorie und Analyse des 19. Jahrhunderts. Hrsg. von W. Ruegg & O. Neuloh, Göttingen 1971, S. 145–162.*

⁶²⁶ *Ullmann H.-P. Das Deutsche Kaiserreich 1871–1918. Darmstadt 1997, S. 129; Nipperdey Th. Deutsche Geschichte 1866–1918. Bd. 2. S. 583–588; Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 3. S. 855–858.*

иностранным делам и консервативный деятель граф Ф. Лимбург-Штирум, что впоследствии стоило ему политической карьеры. Крупные сельхозпроизводители с момента подписания торгового договора с Австро-Венгрией всячески нагнетали атмосферу, максимально преувеличивая бедственность своего положения. Пуле приводит очень показательную в этом смысле цитату из статьи в одной из провинциальных газет: «Мы должны перестать жаловаться, мы должны кричать, чтобы нас услышала вся страна, мы должны кричать, чтобы наши голоса дошли до самых ступеней трона. ... мы должны начать проводить политику собственных интересов, и возможно тогда мы спасем нынешнее сельское хозяйство. Поэтому мы должны перестать быть либералами, ультрамонтанами [речь идет о членах Католической партии Центра. – А.М.] или консерваторами и перестать их выбирать, мы должны объединиться в свою собственную большую аграрную партию и тогда попытаться получить большее влияние на парламент и законотворчество»⁶²⁷. Итак, контекст создания организации понятен. Аграрии посчитали себя преданными монархом, правительством и теми политическими силами, которые они считали близкими себе, в момент обсуждения договора с Россией. Российская империя была крупнейшим на материке производителем зерновых, без защитных пошлин конкурировать с более дешевым российским, а также румынским зерном немецкие производители не могли⁶²⁸. Эта ситуация не была новой, уже достаточно продолжительное время сельское хозяйство, особенно связанное с крупным землевладением восточнее Эльбы, рентабельным не было. Именно это и было причиной повышения ввозных пошлин до 5 марок в 1887 г., что привело к таможенной войне между Россией и Германией и потребовало изменения двусторонних торгово-экономических отношений.

Российское посольство незамедлительно отреагировало на создание новой организации, что было обусловлено не столько весом аграриев в

⁶²⁷ Цит. по: *Puhle H.-J. Agrarische Interessenpolitik... S.33.*

⁶²⁸ *Harnisch H. Op. cit. S. 34.*

обществе, сколько тем, что их позиция реально угрожала возможности согласования и подписания русско-германского договора. Интересно замечание авторов депеши, что «настоящим противоположительственным движением сельских хозяев негласно руководит князь Бисмарк. Он поощряет через свои органы вмешательство местных сеймов в дела империи и советует им влиять на своих представителей в союзном совете в смысле противном всякому торгово-экономическому сближению с Россией»⁶²⁹. «Фактор Бисмарка», бывший особо значимым вскоре после его отставки, в период канцлерства его преемника нельзя сбрасывать со счетов, прежде всего в вопросах, связанных с поддержкой аграрных интересов, конкретнее – прусских крупных землевладельцев-юнкеров. Главной опорой бисмарковского режима были именно они, составляя большинство в прусском ландтаге, и отказ Каприви от их безусловной поддержки был самой важной причиной неприятия первым канцлером политики второго. Российские дипломаты доносили в Петербург: «Во всех концах империи собираются съезды помещиков, принимающие враждебные графу Каприви решения; со всех сторон Германии сотни петиций стекаются в имперскую канцелярию с протестом против отмены дифференцированных пошлин. Имперский канцлер обвиняется в том, что своими торговыми договорами он разорил сельское хозяйство и теперь готов нанести ему смертельный удар подобным же соглашением с Россией. Вчера ещё в Берлине состоялся съезд 7000 помещиков из всех государств Германии, положивших основание «Союзу сельских хозяев», в члены этого союза принимаются лица без различия их политических убеждений с единственной целью противодействовать экономической политике графа Каприви и торговому соглашению с Россией и защищать интересы земледельцев»⁶³⁰.

ССХ должен был «соединить в одно германских помещиков без различия политических взглядов и величины их земельной собственности, и

⁶²⁹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1893 г. Д. 17. Л. 28.

⁶³⁰ Там же. Л. 29-30.

тем самым приобрести влияние на законодательство империи, посылая в парламент представителей, обязанных защищать интересы сельского хозяйства»⁶³¹. Составляя чрезвычайно подробный отчет об учредительном съезде ССХ, посол П.А. Шувалов увязал его с прохождением через рейхстаг торгового договора с Россией. Он процитировал резолюцию ССХ – «сельское хозяйство в Германии есть главная точка опоры благосостояния империи и каждого отдельного союзного государства. Наша главнейшая и первая обязанность — защищать интересы этой отрасли государственной экономики, так как от ее процветания зависит дальнейшее развитие Германской промышленности. Вследствие этого союз:

- 1) требует охрану сельского хозяйства достаточными пошлинами;
- 2) высказывается против всякого торгового договора как с Россией, так и с прочими государствами, если сей договор заключает уменьшение ныне существующих хлебных пошлин;
- 3) предлагает защиту всех отраслей, особенно крестьянского хозяйства, через посредство улучшения податной системы»⁶³².

О том, что ССХ собирается стать действительно массовой организацией, а вовсе не клубом крупных землевладельцев, свидетельствует факт, также отмеченный российскими представителями, что сразу же после его создания к нему пожелал присоединиться "Германский крестьянский союз" (Deutsche Bauernbund), насчитывающий до 40 тыс. членов и располагающий значительными денежными средствами, а также сельскохозяйственное общество «Преобразователи податной и экономической системы» графа Мирбаха. Кроме этого «из провинции также ежедневно приходят вести о новых съездах помещиков и сельскохозяйственных ферейнов, заявляющих желание вступить в члены ССХ»⁶³³. В феврале 1893 г. Союз объединял 162 тыс. чел., в середине февраля 1894 г. его численность достигла 178 939 чел. и

⁶³¹ Там же. Л. 40.

⁶³² Там же. Л.41.

⁶³³ Там же. Л. 42 об.

продолжала возрастать, достигнув к началу 1914 г. 330 тыс. чел., т.е. почти удвоилась⁶³⁴. В создании ССХ участвовали землевладельцы-аграрии со всех концов страны, причем процент членов союза от провинций восточнее Эльбы вначале был примерно равен числу помещиков из Западной Германии и постепенно все более уступал ему. В 1895 г. число западногерманских землевладельцев составляло 89 тыс. чел., а восточногерманских – 99 тыс., в 1896 эта пропорция уже изменилась – 93,2 тыс. представляли государства западнее Эльбы и 91,0 тыс. – восточнее; в 1909 г. – 178 тыс. западные и 134 тыс. – восточные. Поэтому говорить о ССХ как о союзе «остэльбских» юнкеров неправомерно. Другое дело, что экономические интересы западно- и восточногерманских землевладельцев были идентичны, а политическое влияние последних – неизмеримо выше. Как отмечалось в депеше от 12(24) февраля 1893 г., депутация сельскохозяйственных центральных обществ восточных областей Пруссии была даже принята императором. Впрочем, в ответ на ее призыв оказать «содействие к улучшению положения прусских помещиков» Вильгельм, продемонстрировав полную поддержку курса Каприви, «заявил о своём желании облегчить трудности, встречаемые сельскими хозяевами в восточных областях. Для сего, сказал его величество, требуется прежде всего мир, для поддержания коего вы можете принести свою дань, способствуя усилению наших военных сил. Желания ваши будут подвергнуты тщательному рассмотрению и по возможности удовлетворены. Император высказал уверенность, что прусские помещики во всякое время окажутся верными своей испытанной преданности»⁶³⁵. Слова императора, что Германии нужен мир, а значит усиление военной мощи, свидетельствовали, что первоочередной задачей он считал в тот момент развитие промышленности.

⁶³⁴ Все цифры, связанные с деятельностью ССХ, приводятся по: *Puhle H.-J. Agrarische Interessenpolitik...* Он, в свою очередь, опирается на ежегодно публиковавшиеся Союзом отчеты – *Bundes-Kalender / Bund der Landwirthe : für das Jahr .. Berlin, 1894-1920.*

⁶³⁵ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1893 г. Д. 17. Л.43 об. – 44.

Положение Каприви было чрезвычайно сложным. В 1893 г. истек срок закона о численности армии и канцлер надеялся, что либеральные партии, поддерживающие его торговую политику, одобряют увеличение вооруженных сил, тем более, что он согласился на сокращение срока военной службы с 3 до 2 лет, на чем десятилетиями настаивали либералы. Эти надежды не оправдались – после полугодичного обсуждения законопроект был отклонен в середине марта 1893 г. специальной комиссией как в первом, так и во втором чтении. Поляризация позиций парламентских политических партий была чрезвычайно высока. Консерваторы проект скорее поддерживали, в отличие от либералов, у которых, особенно у Свободомыслящей партии были серьезные контраргументы. Но одобрения не получили и предложения оппозиции. Масла в огонь подливала позиция Бисмарка, который выступил против проекта, считая, что Германии не грозит война ни на западе, ни на востоке, и только неумелые действия нынешних властей, провоцирующие Россию, могут стать причиной обострения ситуации. Войны с Россией желают только «пресса, поляки и евреи»⁶³⁶. Бисмарк развернул против Каприви настоящую войну в печати, обвиняя его в том, что он является «канцлером Центра», а Католическая партия обвинялась им в том, что она поддерживает все реформы, которые ведут к ослаблению империи⁶³⁷.

В такой ситуации главное, что было нужно императору и канцлеру – это получить поддержку сил, традиционно бывших опорой трона. Но в условиях оппозиции аграриев, которую демонстрировал только что созданный ССХ, верховная власть лишалась возможности долгосрочного планирования и, по сути, становилась заложницей экономических и политических интересов противоборствующих сил. Она могла только маневрировать, а не твердо идти вперед по избранному курсу. Невозможность достичь компромисса привела к роспуску рейхстага и к новым выборам, на которых консерваторы и Центр в основном сохранили свои позиции, национал-либералы резко усилились (с 44

⁶³⁶ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1892 г. Д. 16. Л. 123.

⁶³⁷ Hamburger Nachrichten. 11.10.1892.

до 53 мест), левые либералы, напротив, потеряли более трети голосов (с 66 до 37), возросло присутствие социал-демократов (с 35 до 44) и, что особенно показательно, антисемитов* (с 5 до 16). Важнейшим следствием этих выборов стал раскол Свободомыслящей партии, что сказалось на устойчивости всего либерального лагеря и усилило позиции консерваторов и связанного с ними и антисемитами ССХ.

Германско-российские переговоры по торговому договору шли весь 1893 г. и все это время аграрии пытались не допустить его подписания или по крайней мере воспрепятствовать ратификации. В этой связи нас интересуют не столько внешнеполитические и внешнеторговые связи Германии, сколько аргументы аграриев против повышения пошлин, ответ имперских властей и то, как эти противоречия в позициях влияли на общее положение дел и на их взаимоотношения.

ССХ, будучи выразителем целей и основных принципов земледельческого населения, позиционировал себя не просто как силу, на которой зиждется экономическое благосостояние страны, как демократическую организацию, в которой голоса крупных землевладельцев и мелких земельных арендаторов равны и одинаково слышны, но и как главную опору трона и государства, самый действенный заслон наступлению социал-демократии в крестьянской среде. В связи с последним, как сообщали российские дипломаты, «представители ССХ рисуют страшную картину будущего, когда немецкий крестьянин, потеряв свой последний грош, силой обстоятельств будет брошен в объятия поглощающей пролетариат социал-демократии»⁶³⁸. Правительство в полной мере осознавало, что в этом послыле аграрных кругов много преувеличений, попыток манипулировать и влиять на

• Антисемитами в Германской империи назывались представители ряда партий, в программах которых антисемитизм был важнейшей составляющей, в том числе Немецкая социальная партия (с 1889); Немецкая партия реформы (с 1890 г., до 1893 г. носила название Антисемитская народная партия); Немецкая социальная партия реформы (1894–1900); Христианская социальная партия (с 1878). После выборов 1903 г. в рейхстаг представители нескольких антисемитских партий, а также ССХ объединились во фракцию Экономическое объединение, просуществовавшее до 1918 г.

⁶³⁸ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1893 г. Д. 17. Л. 329.

общеполитический курс, но и реальной оценки ситуации. Поэтому ограждение 35-40% связанного с аграрным сектором экономики населения от социал-демократического движения, которое в 1890-е годы декларировало свой не только антимонархический, но и в целом антигосударственный характер, требуя слома его основных институтов, было для властей задачей первоочередной.

Было бы совершенно неправильно говорить о том, что правительство не стремилось найти компромисс между интересами промышленников и аграриев. Впрочем, наверное, правильнее было бы говорить даже не о поисках компромисса, а о попытке вести национальную политику в условиях, когда две крупнейшие экономические группы не стремятся действовать заодно, а постоянно ищут поводы требовать от правительства все больших уступок своим узким, по сравнению с государственными, интересам.

Сразу же после создания ССХ имперский канцлер выступил с примечательной речью: «Я думаю, что это движение идет очень глубоко. Уже более года назад я со всей определенностью, которая только возможна, заявлял, какое значение придают союзные правительства процветающему сельскому хозяйству. Но несмотря на это, все время возникает сомнение, так ли это? Собирается ли имперское правительство способствовать исправлению этого неудовлетворительного состояния? ... в предыдущие годы я пошел даже дальше, я не просто признаю ценность сельского хозяйства как такового, более того, я считаю поддержку родов и семей, которые занимаются сельским хозяйством, важной составляющей государственных интересов. Я признаю также огромную моральную ценность чувства отечества, патриотизма, которое воспитывается в процессе работы на земле»⁶³⁹. Далее, посетовав на то, что его слова никто не слышит, а если и слышит, то не хочет верить, канцлер обвинил аграриев в эгоизме, в том, что вместо того, чтобы разбираться в действительных причинах проблем, они занимаются какими-то мелочами и

⁶³⁹ Заседание рейхстага 17 января 1893 г. // *Reden des Grafen Caprivi ...* S. 304.

говорят, что если правительство не удовлетворяет наши желания, значит оно ничего не делает для сельского хозяйства. «Такие же претензии вы высказываете и прусскому министру земледелия, который сам является землевладельцем, то есть он вышел из рядов тех же господ, которые сейчас составляют оппозицию⁶⁴⁰. Каприви перечислил такие предпринятые правительством меры по улучшению положения сельского хозяйства и землевладельцев как изменения в условиях аренды, прусская налоговая реформа и др., но которые последние, однако, считают недостаточными или признают ничтожными⁶⁴¹.

Эти эмоциональные высказывания имперского канцлера имеют, с нашей точки зрения, единственную цель, убедить слушателей, что правительство действует в интересах всех классов общества, ему одинаково близки задачи как сельского хозяйства, так и промышленности. Смысл его выступления был следующим: ищите подлинные причины ухудшения положения сельского хозяйства и не думайте, что правительство, забыв все свои иные цели и задачи, начнет выполнять все ваши, мало чем обоснованные требования, тем более что на диалог и компромиссы вы идти не хотите.

Хотя Каприви и демонстрировал достаточную жесткость позиции в отношении аграриев, у нас нет достаточных оснований для утверждения, что после отставки Бисмарка правительство заняло однозначно антиаграрный курс, сделав выбор в пользу промышленности. Нет, курс этот многократно менялся, в той же степени, как и корректировались требования, например, ССХ, который несколько раз видоизменял свою программу и декларируемые в ней цели и задачи (хотя следует признать, что основополагающие политико-экономические аграрно-консервативные принципы союза оставались неизменными).

В середине 1890-х гг. главной своей задачей ССХ считал борьбу против торгового договора с Россией и внешнеторговой политики Каприви в

⁶⁴⁰ Ibid. S. 305.

⁶⁴¹ Ibid.

принципе, а также продвижение «проекта Каница», введение системы биметаллизма и биржевую реформу. Реализация этих целей входила в т.н. комплекс «больших мер» (Grosse Mittel).

Аграрии даже были готовы одобрить правительственный проект договора с Россией в случае согласия с выдвинутым ими «проектом Каница», который заключался в следующем: «Продажа и покупка иностранного зерна, предназначенного для реализации в таможенной зоне, в том числе и мельничная продукция, происходят исключительно за счет имперского бюджета. Цена продажи должна быть не менее 250 марок за тонну пшеницы и 165 марок за тонну ржи»⁶⁴². То есть, аграрные круги требовали от государства монополизации хлебной торговли, что должно было обезопасить их интересы и сделать их независимыми как от международной конъюнктуры, так и от снижения ввозных пошлин, а значит, большего притока более дешевого иностранного хлеба на внутренний рынок империи. «В лице графа Каница аграриями была сделана ... последняя попытка протестовать против понижения цен на хлеб. Проект графа Каница предлагал правительству создать правительственную монополию для торговли заграничным хлебом и мукой, и обязать правительство покупать продукты эти не дешевле известной цены, значительно превышающей нынешние рыночные цены. Таким образом аграрии думали вознаградить себя за понесённые ими за последнее время в парламенте поражения и видели в этом единственный исход из бедственного положения немецкого сельского хозяйства»⁶⁴³, - писал 8(20) апреля 1894 г. Н.В. Чарыков Н.К. Гирсу. Однако, продолжал Чарыков, правительство ни на какие уступки в этом вопросе идти не собиралось, «граф Каприви не щадил своих противников. Искусственное повышение цен на хлеб, по мнению имперского канцлера, могло бы дать лишь существенный барыш крупным, уже без того достаточным землевладельцам, мелкие же собственники, долженствующие закупать для посевов и личного потребления хлебные

⁶⁴² Цит. по: *Puhle H.-J. Agrarische Interessenpolitik S. 230.*

⁶⁴³ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1894 г. Д. 17. Л. 68 – 68 об.

товары, значительно бы пострадали от таковой меры. Не только они, но и рабочие классы должны были бы в этом случае дороже платить за свой насущный хлеб. Такое несправедливое обогащение крупных помещиков на счёт бедняка-рабочего не допустимо, и принятие предложения графа Каница естественно стало бы опасным рычагом в руках социалистов в деле «противоправительственной агитации»⁶⁴⁴.

Предложение Каница было отвергнуто 159 голосами против 46, что свидетельствует об очень низкой поддержке такой инициативы, никому кроме консерваторов, бывших, собственно теми самими аграриями, которые выступили с этой инициативой, проект выгоден не был. Интересно, что данный проект либералы отвергали как «социалистический», предполагающий широчайшее вмешательство государства в экономику, супердирижистский, а социалисты, наоборот, как «псевдосоциалистический», играющий на руку только землевладельцам.

Правительство, выступившее против того, чтобы брать на себя все риски и в очередной раз действовать исключительно в интересах землевладельцев, при этом прекрасно понимало, что сельское хозяйство требует определенной поддержки, и такая поддержка была ему обещана: «во время прений в рейхстаге о русско-германском торговом договоре германское правительство заявило о своём намерении предпринять ряд мер, направленных к улучшению положения сельскохозяйственной промышленности», - писал 20 мая (1 июня) 1894 г. Н.В. Чарыков⁶⁴⁵. Собственно, путь, избранный правительством для такой поддержки, был «зеркальным» аналогичным мерам, принятым самими аграриями. Было решено создать в Пруссии сельскохозяйственные палаты (Landwirtschafts Kammern). Справедливости ради стоит заметить, что прусская сельскохозяйственная палата была отнюдь не первой такой организацией в германских государствах. Впервые Сельскохозяйственная палата (Kammer für Landwirthschaft) была создана в Бремене еще в 1849 г., но в Пруссии вплоть до

⁶⁴⁴ Там же. Л. 69-69 об.

⁶⁴⁵ Там же. Л. 93.

середины 1890-х гг. аналога ей не было, так как сельское хозяйство и сельхозпроизводители, особенно крупные, в дополнительной опеке государства не нуждались. Совершенно очевидно, что эта необходимость возникала только ввиду острого конфликта между земельными собственниками и правительством, возникшего вследствие торговой политики, проводимой канцлером Л. фон Каприви и особенно подготовленного в ее русле торгового договора с Россией, который прекращал действие покровительственных пошлин в отношении сельхозпродукции.

«Сущность принятой прусским правительством меры заключается в том, чтобы придать впервые сельскохозяйственной промышленности в Германии сплоченную организацию с правительственным оттенком, подобно тому, как уже издавна организованы фабричная промышленность и торговля. К столь крупному нововведению прусское правительство приступило крайне осмотрительно, определив пока лишь основания новой организации и предоставив разработку подробностей последующему опыту»⁶⁴⁶. Создание этих палат стало поводом для написания и отправки в Петербург отдельной аналитической записки, составление которой было поручено сотруднику посольства коллежскому секретарю Д. Фан-дер-Флиту. Сам факт ее написания говорит о чрезвычайной важности этого шага прусского правительства и особого интереса к теме с российской стороны.

Проект этот на протяжении 4-х месяцев обсуждался прусским ландтагом и специальной комиссией, был принят 213 голосами против 126 и утверждён прусской Палатой господ*. Целью создания палат, которые в российских депешах часто именовались советами, что соответствовало их функционалу, была «корпоративная организация сельскохозяйственного сословия» в рамках каждой провинции Пруссии (в некоторых случаях в одной провинции их

⁶⁴⁶ Там же. Л. 94.

* Созданные в XIX в. по образцу промышленных и торговых палат сельскохозяйственные палаты существуют в Германии по сей день, выполняют все те же функции, по-прежнему организованы по территориальному (земельному) принципу и объединены в Союз сельскохозяйственных палат. - <http://www.landwirtschaftskammern.de/>

могло быть несколько). Предполагалось «предоставить им обсуждение всех, касающихся сельского и лесного хозяйства вопросов. Одной из главных задач является подготовка материалов для реформы поземельного кредита»⁶⁴⁷. Авторы проекта ожидали «сплочение остальных сельских центральных и частных обществ и союзов и полное их слияние с новыми учреждениями», а также «влияние советов на рыночные цены продуктов сельскохозяйственной промышленности»⁶⁴⁸. Авторы закона подробнейшим образом разработали алгоритм принятия уставов данных советов, которые должны были формироваться на основании имущественного ценза, «основанного на размере поземельной подати». Членами палат могли стать «собственники, временные владельцы и арендаторы земельных или лесных участков, дающих известный доход; участки с полевым хозяйством должны по меньшей мере производить необходимое для домашнего потребления количество зерна, лесные же участки — приносить доход, обязывающий собственника или временного владельца подать в размере 150 марок (Grundsteuerreinertrag), а также лица, прослужившие 10 лет членами сельских правлений или чиновниками сельскохозяйственных обществ, союзов или кредитных учреждений»⁶⁴⁹. Выборы должны были проходить «на окружных съездах под руководством ландратов», то есть под прямым контролем чиновников, кроме того «предвидено также участие одного правительственного чиновника в заседаниях советов»⁶⁵⁰. При этом предполагалось поставить право голоса «в зависимости от размера подати, платимой с поземельных доходов, сделать выборы непрямыми и допускать к выборам более мелких собственников и арендаторов»⁶⁵¹.

Участие в деятельности советов было безвозмездным, а расходы должны были покрываться из бюджета или от налоговых отчислений. Условия

⁶⁴⁷ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1894 г. Д. 17. Л. 96 об.

⁶⁴⁸ Там же. Л. 97.

⁶⁴⁹ Там же. Л. 98 об. - 99.

⁶⁵⁰ Там же. Л. 100 об.

⁶⁵¹ Там же. Л. 100.

выборов и осуществления деятельности их членов делали советы собраниями средних и крупных землевладельцев, т.е. именно тех, кто составлял большинство в ССХ. Интересно, что в первоначальном правительственном проекте учреждение таких палат было обязательным для каждой провинции, но ландтаг одобрил только факультативный, необязательный их характер.

В процессе обсуждения ландтагом были также значительно скорректированы процедуры определения круга избирателей и голосования. «Выработанный комиссией проект избирательного порядка, основанный исключительно на доходности поземельных участков, был отвергнут в виду несомненного преимущества в этом случае крупных землевладельцев над мелкими поземельными собственниками. Одинаковая участь постигла предложения депутатов Центра Герольда и Цедлица. Первый предлагал строгую классификацию собственников на крупных, средних и мелких землевладельцев, причём каждой из этих трёх групп предоставлялось право избрания выборщиков, долженствующих участвовать в выборах членов сельскохозяйственных советов. Проект депутата фон Цедлица устанавливает только различие между крупными и мелкими собственниками и отстаивает прямую выборную систему. Проект этот встретил сильное возражение в палате прусских депутатов в виду своего якобы политического характера, несогласного с учреждениями, имеющими исключительной целью представительство сословно-экономических интересов. Поэтому отыскание компромисса стало крайней необходимостью ввиду господствовавшего в прусском ландтаге среди фракций консерваторов, Центра и национал-либералов желания прийти к успешному разрешению вопроса»⁶⁵².

Вывод российских дипломатов, что «аграрное движение начинает терять свой оппозиционный характер и уступает место более хладнокровным рассуждениям о том, какими административными мерами можно поднять уровень земледельческого сословия в Германии»⁶⁵³ выглядит несколько

⁶⁵² Там же. Л. 103 об. - 104 об.

⁶⁵³ Там же. Л. 105.

преждевременным. Аграрный протест против экономического (и не только) курса правительства несколько поутих только в период канцлерства Б. Бюлова, в 1890-е гг. аграрии по большинству важных вопросов находились в оппозиции к правительству.

Попытки установления диалога с аграриями, налаживания контактов вне рейхстага и достижения консенсуса предпринимались властями и в дальнейшем. Практически одновременно с учреждением прусской сельскохозяйственной палаты, в конце мая-начале июня 1894 г. прусский министр земледелия В. фон Хейден-Кадов созвал в Берлине сельскохозяйственную конференцию, пригласив к участию в ней всех видных ученых-агрономов Германии, наиболее крупных землевладельцев и сельских хозяев-практиков. Главными на ней были финансовые вопросы: 1) каким образом облегчить все возрастающую задолженность поместий, и 2) каким образом ликвидировать задолженность в случаях, когда она превосходит стоимость имения вследствие права владельца производить неограниченные займы. Помимо этих вопросов первостепенной важности, участники конференции обсуждали и другие важные проблемы сельского хозяйства, как-то: сельскохозяйственный кризис и порождаемые им угрозы для Пруссии, а также меры борьбы с ним; право наследования; улучшение организации поземельного кредита и т.д.⁶⁵⁴. Российские наблюдатели отмечают, что дискуссия носила скорее теоретический характер и никаких конкретных решений принято не было. «В существовании сельскохозяйственного кризиса все согласились, но когда зашёл вопрос о мерах к его устранению, то разногласия обнаружились в весьма резкой форме; особенно сильной критике подверглось, со стороны ученых-теоретиков, прусское законодательство о наследстве; спорили также немало относительно предела, до которого может быть допустима задолженность имения»⁶⁵⁵. Эта конференция примечательна прежде всего как попытка привлечения к диалогу экспертов, «компетентных в

⁶⁵⁴ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1894 г. Д. 17. Л. 139.

⁶⁵⁵ Там же. Л. 139 об. – 140.

этом деле лиц», как писал Чарыков, что должно было, видимо, составить противовес «непомерным требованиям аграриев» и перевести их сетования о бедственном положении в практическое русло – в чем, собственно, эта бедственность заключается, какую ответственность за сложившееся положение несет правительство и заключенные им договоры и каковы могут и должны быть конкретные шаги по выходу из реально существующего кризисного положения.

Российское посольство, информируя Петербург о ситуации с аграрным протестом в Пруссии уже после заключения торгового договора с Россией и отставки Каприви осенью 1894 г., достаточно подробно описывает состоявшийся по этому поводу разговор между Чарыковым и статс-секретарем по иностранным делам А. Маршаллом фон Биберштейном и те изменения, которые произошли в образе мыслей статс-секретаря. Он полагал, что причиной кризиса ни в коем случае не являются заключенные Германией торговые договоры, даже напротив «германская земледельческая промышленность находится, именно благодаря нашим торговым трактатам, в более благоприятном положении, чем таковая тех государств, которые вывозят хлебные продукты, так как пользуются фиксированной этими трактатами у нас ввозной пошлиной на иностранный хлеб»⁶⁵⁶. Чрезвычайно примечателен и другой пассаж Маршалла, на который Чарыков обратил особое внимание: «Нельзя не признать, что не только в России, но и в Германии, а равно и во всех остальных странах с парламентским правлением, интересы земледелия были до самого последнего времени в загоне и заботы и щедроты правительства были обращены преимущественно на пользу обрабатывающей промышленности. Это объясняется конечно тем, что при парламентских выборах богатые промышленники играли гораздо более влиятельную роль чем земледельцы. Однако теперь в этом отношении наступает поворот и аграрные интересы требуют для себя с полной

⁶⁵⁶ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1895 г. Д. 17. Т. 1. Л. 12 об. -13.

справедливостью, по крайней мере равноправности с прочими отраслями производства»⁶⁵⁷.

Слова эти прозвучали совершенно неожиданно из уст человека, бывшего ближайшим сотрудником и единомышленником Л. фон Каприви, буквально через полтора месяца после отставки последнего. Аналогичное удивление вызвали они и у секретаря российского посольства: «мысли эти, коим барон Маршалл до сих пор был чужд, свидетельствуют как бы о новом повороте в направлении высшей германской политики все более и более сближающем нынешнее правительство императора Вильгельма с крайней консервативной партией прусских аграриев»⁶⁵⁸.

Сближение это было кажущимся и свидетельствовало скорее о попытке найти новый баланс сил и интересов, точку опоры, что было особенно важным в условиях изменений в высших прусских и имперских властных коридорах. Интересен и иной акцент – «в России, Германии и в остальных странах с парламентским правлением». Если Германию к таким странам, хоть и с некоторыми оговорками, отнести еще можно, то назвать Россию образца 1895 г. парламентским государством нельзя ни при каких условиях. Объяснить эту странность можно только недостатками перевода, так как беседа между двумя дипломатами велась по-французски, а депеша составлена по-русски и не является ни в коей мере стенограммой беседы, так что перечисление в этом ряду России, видимо, не более чем оговорка, ошибка.

Не только российские дипломаты, но и политики в самой Германии считали, что отклонение весной 1894 г. проекта государственной монополии на торговлю зерном и мукомольной продукцией поставило окончательный крест на «проекте Каница». Аграрии ненавидели не только политический курс Каприви, но и его самого, видя в нем защитника идей «антинемецкого либерализма» и виня во всех своих проблемах, даже тех, которые проявились не только после его отставки, но даже после его физической смерти –

⁶⁵⁷ Там же. Л. 14 об. - 15.

⁶⁵⁸ Там же. Л. 15 об.

например, в исходе выборов в прусский ландтаг в 1903 г.⁶⁵⁹ Х. О. Мейснер в своей биографии Каприви пишет даже о «смертельной вражде этих кругов к канцлеру»⁶⁶⁰. Отставка Каприви произошла, как мы уже писали выше, главным образом именно вследствие стремления аграриев уничтожить «систему Каприви», главными же камнями преткновения были торговые договоры и военная реформа.

Окончательно вопрос отставки графа Каприви был решен, когда император заключил с аграриями «сепаратный мир», сблизился с Бисмарком и произнес 6 сентября 1894 г. в Кёнигсберге известную речь, в которой призвал бороться с «партиями мятежа», то есть вернулся к бисмарковской риторике. Отголоском этого изменения и были те самые слова Маршалла, которые так удивили в беседе с ним Н.В. Чарыкова. При этом следует отметить, что после падения Каприви ССХ всю свою ненависть перенес на его ближайших сотрудников, еще остававшихся во власти – Маршалла и Бёттихера⁶⁶¹.

На этой волне изменений, которые внушили аграриям мысль о возможности возвращения к суперпокровительственной в отношении них политике правительства, они решили вновь обратиться к отвергнутому проекту. Российские дипломаты информировали Петербург следующим образом: «Падение графа Каприви, назначение прусским министром сельского хозяйства Г. Гаммерштейн-Локстена и недавняя заметная склонность императора Вильгельма к сближению с крайней прусской консервативной партией снова оживили надежду аграриев. В начале нынешней сессии рейхстага граф Каниц выразил намерение снова внести в оный свой законопроект. Текст его, слегка изменённый против прежнего, ныне обнародован»⁶⁶².

Намерение внести в рейхстаг этот проект заставило высказаться нового министра земледелия, который был далеко не столь категоричен, как совсем

⁶⁵⁹ Bund der Landwirte. №27 от 4 июля 1903 г.

⁶⁶⁰ Meisner H. O. Op. cit. S. 685.

⁶⁶¹ Puhle H.-J. Agrarische Interessenpolitik S.237.

⁶⁶² Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1895 г. Д. 17. Т. 1. Л. 24.

недавно его предшественник: «я был противником торгового договора с Австрией, но коль скоро договор этот был заключён, последующие договоры были неизбежны, а тарифная война с Россией, если бы она затянулась, поставила бы Восточную Пруссию в невыносимое положение»⁶⁶³. Помочь нынешнему сельскохозяйственному кризису, по мысли министра, можно было двояким путем:

- 1) понижением расходов производства – министр при этом перечислил служащие к сему меры;
- 2) повышением хлебных цен. Нынче ввозные пошлины на иностранный хлеб влияют в этом смысле на всём пространстве Германской империи.

Далее Гаммерштейн заявил, что проект графа Каница преследует ту же цель. «Если бы проект этот был принят рейхстагом, то правительству пришлось бы спросить себя: возможно ли согласовать этот проект с нашими торговыми договорами. Все же прочие требования графа Каница оным противоречат. Я не могу сказать, что правительство отклонит проект графа Каница. Может быть, в нем найдётся что-нибудь, чем можно было бы воспользоваться»⁶⁶⁴.

Мы видим отчетливое изменение риторики, теперь представитель прусского правительства не говорит о «непомерности требований аграриев», теперь речь идет о вынужденности заключения двусторонних внешнеторговых договоров, череду которых открыл договор с союзной, близкой во всех отношениях и почти родственной Австрией, сделавший все остальные аналогичные соглашения «неизбежными». Апелляция к тому, что договор с Россией по сути спас хозяйство Восточной Пруссии, этого важнейшего оплота аграрного движения, также было важным «посланием» для членов ССХ. Ну и обещание еще раз рассмотреть проект, не отметать его с порога и попытаться найти в нем полезное зерно также должно было

⁶⁶³ Там же. Л. 25.

⁶⁶⁴ Там же. Л. 25 об.

повернуть аграриев лицом к правительству и несколько сгладить остроту противоречий.

В этот раз решили не вносить проект сразу же на обсуждение имперского парламента, так как позиция большинства партий, выступавших против него, в общем и целом осталась неизменной. Поэтому было решено обсудить его в прусском Государственном министерстве.

В другой речи того же времени Гаммерштейн-Локстен заявил, что: «он не верит в возможность помочь сельскому хозяйству каким-нибудь единичным мероприятием и что он, напротив, сторонник «малых мер» (*kleine Mittel*)»⁶⁶⁵. Прусский министр прямо процитировал программу ССХ, которая наряду с подробно рассмотренными нами «большими мерами», к которым, в частности относился и проект Каница, пропагандировала и иной подход – т.н. малых мер. Они включали в себя попытки, в рамках существующего экономического курса, добиться изменений в законодательстве, а также принятия иных мер, которые должны были бы служить на пользу сельскому хозяйству. Одними из самых дискутируемых шагов, которые должны были бы воспрепятствовать оттоку сельского населения в города, что также негативно сказывалось на аграрном производстве в целом, были вопросы социального страхования для сельскохозяйственных рабочих, который, впрочем, так и не был решен⁶⁶⁶, или защиты скотоводства, который в рейхстаге кроме консерваторов могли поддержать представители партии Центра и национал-либералы. С 1898 г. и вплоть до войны они ежегодно начинали «возню по поводу мясного дефицита»⁶⁶⁷. Эта и другие схожие темы постоянно должны были будоражить общественность, пугать ее продовольственным дефицитом, если не голодом, и оказывать давление на правительство, которое, якобы, не способно обеспечить продовольственную безопасность страны.

⁶⁶⁵ Там же. Л. 26.

⁶⁶⁶ *Stöcker G.* Agrarideologie und Sozialreform im Deutschen Kaiserreich. Heinrich Sohnrey und der Deutsche Verein für ländliche Wohlfahrts- und Heimatpflege 1896–1914. Göttingen, 2011. S. 246.

⁶⁶⁷ Подробнее см. *Puhle H.-J.* Agrarische Interessenpolitik... S. 244.

Возвращаясь к проекту графа Каница, интересно отметить важное замечание, сделанное Н.В. Чарыковым при его повторном обсуждении в январе 1895 г.: «Если бы даже монополизация хлебного ввоза в Германию действительно не противоречила букве нашего торгового договора, что впрочем спорно, она однако не могла бы, во всяком случае, остаться без влияния на установившийся со времени заключения договора этого, ход нашей торговли хлебом с Германией. Вместе с тем, сосредоточение покупки хлеба в руках правительства могло бы предоставить для нас известные выгоды, о которых проект графа Каница упоминает»⁶⁶⁸.

Во второй раз, видя изменение общей политической обстановки в стране и отношение к аграриям императора, представители российского посольства отнеслись к той же инициативе значительно более внимательно, предполагая, что в новых условиях у нее больше, чем ранее шансов быть принятой рейхстагом.

Дальнейшее развитие событий подтвердило это предположение. 18 февраля 1895 г. в Берлине состоялось собрание ССХ, депутация которого перед его началом была принята императором «для поднесения его величеству адреса, в коем, представляя печатные труды союза, он [председатель Союза Б. фон Плётц (1844-1898). – А.М.], от имени 200 000 германских земледельцев, ходатайствовал в общих выражениях о милостивом покровительстве и помощи императора германскому крестьянству, борющемуся за существование»⁶⁶⁹. Император не дал аграриям никаких конкретных обещаний, но «выразил свою всегдашнюю готовность выслушивать заявления о нуждах всех своих подданных, упомянул об огорчении, вызванном в нем перешедшей пределы дозволенного агитацией минувшего года, заявил, что ... надеется достигнуть благоприятных земледелию результатов»⁶⁷⁰. Аграриев совершенно не удовлетворили результаты встречи с Вильгельмом, который

⁶⁶⁸ Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1895 г. Д. 17. Т. 1. Л. 28.

⁶⁶⁹ Там же. Л. 48.

⁶⁷⁰ Там же. Л. 48 об.

«беседовал подробно с депутацией главным образом о лёгких местных железных дорогах»⁶⁷¹, то есть о своей любимой железнодорожной теме.

Ход собрания, как свидетельствует депеша российских дипломатов, показал решимость его участников добиваться учета правительством их интересов. Не прислушавшись к просьбе, больше похожей на требование, не прибегать к агрессивной агитации против экономического курса правительства, «ораторы, обращаясь к собранию, стали высказывать самые крайние и неслыханные до сих пор среди рассудительных германцев мысли и вожеления. Они требовали:

- 1) замены существующей монетной системы биметаллизмом;
- 2) введения государственной монополии для торговли хлебом (предложение гр. Каница);
- 3) ограничения биржевых операций и прекращения сделок на срок и
- 4) нарушения Германией заключённых ею торговых трактатов.

Общий смысл программы заключался в том, что экономический и политический строй жизни Германской империи должен быть переделан в пользу земледельцев, составляющих 42% общей цифры населения»⁶⁷².

Требования аграриев носили ультимативный характер, «предложение ... принять проект Каница только в той мере, насколько он будет не противоречить существующим торговым договорам, было отринуто. При этом было прямо высказано, что государь страны не должен колебаться нарушить данное слово, если оно оказывается невыгодным и было провозглашено «да здравствует правительство, если оно таково, каким оно должно быть»⁶⁷³.

Почувствовав в 1895 г. после отставки Каприви свою силу, аграрии готовы были идти ва-банк, требуя не только от правительства, но и императора удовлетворения своих требований даже ценой международных осложнений и потери государственного престижа. Противники ССХ резонно обвинили их в

⁶⁷¹ Там же.

⁶⁷² Там же. Л. 50-50 об.

⁶⁷³ Там же.

том, что движение носит «революционный характер, тщетно прикрываемый личиной верноподданства», что «агитация аграриев угрожает прочим сословиям империи», что в предложениях германской аграрной партии «отсутствуют практичность и деловитость»⁶⁷⁴.

В этой связи необходимо еще раз повторить, что практически все время существования Германской империи ее власти боролись с партиями или силами «мятежа». В разное время к таким относили то социалистов (практически весь имперский период), то католиков и партию Центра, то «анархистов», и т.п. Однако подлинной «мятежной партией» были прежде всего как раз аграрии, которые готовы были оказывать небывалое давление на власть во имя удовлетворения интересов 200-тысячного ССХ в почти 60-миллионной стране. Такое положение вещей логично вытекает из высказанного нами тезиса, что главной силой, не заинтересованной в «мировой политике» и даже в первых шагах в этом направлении, были как раз аграрии, но характер их взаимоотношений с правящей династией не давал ей возможности применения каких-либо репрессий по отношению к ним.

Достаточно подробно в депешах российского посольства освещалась 8-дневная работа вышеупомянутого «правительственного совета», занимающегося оценкой и обсуждением проекта Каница, чьи результаты были опубликованы в официальном *Deutsche Reichsanzeiger*. Прежде всего, Чарыков успокоил Петербург, что еще при открытии Совета император заявил о нерушимости заключенных Германией договоров. Далее, он особо отметил тот факт, что в стане землевладельцев отнюдь не было единогласия – «на предложение графа Каница возразил представитель саксонских аграриев Г. фон Гельдорф, который заявил, что землевладельцы саксонской провинции не нуждаются в предложенных графом Каницем мерах»⁶⁷⁵. Отсутствие единства в «земледельческом классе» давало вполне реальные шансы на то, что проект в самом «крайнем виде» принят не будет. Результаты работы Совета были

⁶⁷⁴ Там же. Л. 51.

⁶⁷⁵ Там же. Л. 78

неутешительны для Каница и его сторонников, придерживавшихся самых крайних взглядов. «Проект графа Каница и сходные с ним крайние предложения отвергнуты. Для удовлетворения же нужд сельского хозяйства предложен ряд «малых мер», а также одобрено заявление имперского канцлера о созыве международной монетной конференции»⁶⁷⁶.

Буквально сразу же после фактического отклонения проекта в Совете 29 марта 1895 г. началось его окончательное обсуждение в рейхстаге. Вначале выступил инициатор проекта граф фон Каниц-Поданген, который вновь, максимально нагнетая обстановку, говорил о том, что если срочно не предпринять меры для спасения сельского хозяйства, то кризис станет необратимым, что статистика по задолженности имений удручает, а бедственное положение в аграрной сфере негативно влияет на все остальные отрасли хозяйства, прежде всего мелкую и среднюю промышленность, торговлю и ремесло. В отличие от предыдущих своих выступлений, в этот раз он признал, что даже те страны, которые сохраняют высокий покровительственный тариф для продукции своего сельского хозяйства, не смогли избежать аграрного кризиса, поэтому главной составляющей своего предложения он считает введение фиксированных высоких цен на зерновые, например 165 марок за тонну ржи и т.д., так как в настоящее время себестоимость зерновых выше их цены на рынке. Землевладельцы не могут самостоятельно повышать цены на свою продукцию, «что признал и министр земледелия в своей программной речи в прусском ландтаге», в наших силах только бороться за снижение себестоимости путем интенсификации и модернизации сельского хозяйства, что также требует капиталовложений, которые нам не по силам. «В промышленности все по-другому. Например, за последние десятилетия потребности рынка в металле или в каменном угле удвоились без каких-либо дополнительных усилий со стороны их

⁶⁷⁶ Там же. Л. 83.

производителей⁶⁷⁷. «Подъем цен до уровня производственных затрат – это предварительное условие для любых мероприятий в сельскохозяйственной области»⁶⁷⁸. Далее Каниц говорит о том, что во многих странах мира (он даже утверждает, что во всех), наблюдается переизбыток сельскохозяйственной продукции, что ведет к тяжелейшему кризису перепроизводства. Что же следует предпринять, чтобы не допустить этот кризис? Оратор прибегает к интересной аргументации: «Речь не идет об экзотических странах, а только о высококультурных европейских государствах – чем выше культурный уровень, тем выше требования, которые цивилизованное государство должно предъявлять своим гражданам, отсюда непомерная перегрузка, отягощаемая всяческими налогами, которую испытывает сельское хозяйство в старых культурных странах»⁶⁷⁹. Оратор рассуждает о том, что немецкое сельское хозяйство, испытывая конкуренцию сельскохозяйственного производства «менее культурных стран», не сможет выжить без поддержки. «От зернового производства зависит, выстоит или рухнет немецкое сельское хозяйство, а от сельского хозяйства зависит, выстоит или рухнет Германская империя»⁶⁸⁰.

Итак, эти слова графа Каница, даже если сделать скидку на запал оратора и пресловутое «красное словцо», совершенно отчетливо показывают не столько то, какое место в экономике империи занимал сельскохозяйственный сектор и какую долю ВВП давало именно производство зерна, а скорее то, как видели себя и свою роль не только в экономике, но и в политике Германии те, кто, как они считали, и обеспечивал это производство, а именно «пруссские юнкеры», аграрии. Причем, речь здесь даже не идет о политике в чистом виде, аграрии апеллируют к тому, что именно они и являются экзистенциальной основой государства, краеугольным камнем и важнейшим фактором сохранения Германии. При этом совершенно очевидна и еще одна коннотация

⁶⁷⁷ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstags. 9. Legislatur-Periode 1894/95. Bd. 3. S. 1776-1777 URL. https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt3_k9_bsb00018725_00060.html (дата обращения 25.09.2023).

⁶⁷⁸ Ibid. S. 1777.

⁶⁷⁹ Ibidem.

⁶⁸⁰ Ibidem.

– государство в данном случае равно монархии, а Германия – Пруссии. Собственно, в одном этом предложении, сказанном в 1895 г. на заседании рейхстага одним из создателей и наиболее видных деятелей ССХ, кроется не только вся подоплека деятельности Союза, но и основные проблемы, лежащие в основе перманентного кризиса Германской империи периода вильгельминизма. Эта их заявка на основополагающее значение в судьбе Германии имеет еще одну сторону – она самым тесным образом связана с фёлькишской идеологией, истоки которой не в последнюю очередь проявились в программе и целях ССХ, а впоследствии стали связующим звеном всех националистических правых движений в межвоенный период.

Правительство как раз в середине 1890-х гг., начинает осознавать, что юнкеры из его главной опоры превращаются в его главную помеху. Осознание это было далеко не «одномоментным» и безоговорочным. Те меры, которые предпринял Каприви, заключив торговые договоры если не в ущерб, то уж точно не в поддержку и помощь аграриям, были в определенной степени скорректированы шагами, прежде всего императора, направленными на примирение с юнкерами. К таким шагам в первую очередь относятся отставка Каприви и декларации о приоритетности интересов сельского хозяйства и безусловной необходимости выработки мер по его поддержке. При этом, назначение на высшие прусский и имперский посты Х. фон Гогенлоэ, который издавна имел репутацию либерала, было свидетельством очередного отступления в сторону промышленников, т.е. антиконсервативных сил (на самом деле, причины этого назначения лежали в иной плоскости, скорее личных пристрастий императора, но определенное влияние на политику личные взгляды Гогенлоэ все-же имели). По крайней мере отката в отношениях с аграриями к бисмарковскому курсу не произошло, хотя значительные предпосылки для этого были.

В момент описанного выше вторичного обсуждения в рейхстаге проекта Каница канцлер смог занять более-менее жесткую и последовательную позицию. В своем выступлении он подчеркнул, что проект предложен

подлинными патриотами Германии и его реализация является необходимостью для немецкого сельского хозяйства, но затем, как бы с сожалением, заявил, что в данный момент он не может быть принят из-за его противоречия заключенным ранее внешнеторговым договорам. Имперский канцлер не разделял уверенность авторов проекта, что это противоречие может быть улажено путем переговоров. Он говорил, что государственная монополия на торговлю иностранным зерном ограничит свободу торговли, пойдет во вред торговцам, сузит их рынок, устранит свободную конкуренцию и в конечном счете прекратит всякую торговлю такого рода продукцией. В случае принятия проекта государству пришлось бы создать специальное имперское ведомство с большим штатом сотрудников, которое должно было бы заменить существующих сейчас торговцев. Такое вмешательство государства в одну из торговых сфер нанесет удар по всей системе торговли, подорвет единый, взаимозависимый торговый организм империи – принять его - «это как выкачать всю кровь из сердца»⁶⁸¹. Все его последующие рассуждения служили доказательством неосуществимости проекта по целому ряду объективных и субъективных причин, тому, что его реализация, даже в ограниченном виде, нанесла бы серьезнейший урон всей экономике Германии.

Российское посольство в Берлине обратило также внимание на предложения правительства, призванные хотя бы частично удовлетворить требования аграриев, как-то биржевая реформа, ограничивающая спекуляцию хлебом, изменение законов о налогах на производство спирта и сахара, вопрос монетной реформы, тарифы на железнодорожные и водные перевозки, финансовая поддержка мелким сельским хозяйствам (Rentengueter)⁶⁸².

В связи с цитируемой выше речью графа Каница необходимо обратить внимание еще на один момент, который он считал чрезвычайно важным в политическом отношении как для аграриев, так и для правительства и страны в целом. Решительно отвергнув как несостоятельные прозвучавшие в адрес

⁶⁸¹ Ibid. S. 1783.

⁶⁸² АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1895 г. Д. 17. Т.1. Л. 96.

проекта обвинения в его «социалистической направленности», он подчеркнул, что его предложение преследует прямо противоположную цель. Только созданием сильного сельскохозяйственного класса, «крепкого среднего класса», по выражению оратора, будет возведен подлинный барьер против общественно опасных стремлений социал-демократии, только благосостояние крестьянства является действенной защитой от социалистической пропаганды. Лишь защита немецкого сельского хозяйства в состоянии «усилить тот единственный фундамент, на котором надежно покоится крепостная стена против социал-демократии»⁶⁸³. Именно этот аргумент должен был напомнить правительству о важнейшей функции сельскохозяйственного населения (читай, помещичьего класса), которая сохранялась и в условиях новой индустриальной Германии.

После отклонения проекта монополизации торговли иностранным зерном правительство в августе 1895 г. вернулось к идее сельскохозяйственных палат, о создании которых было объявлено годом ранее. Был разработан и принят их устав, опубликованный в *Reichsanzeiger* и ожидаемо привлечший внимание российских дипломатов. Они следующим образом информировали МИД об уставных задачах палат: ведать совокупностью интересов земледелия и лесоводства в данной провинции и «содействовать учреждениям, имеющим целью подъем положения землевладения, техническим успехам земледелия и дальнейшей корпоративной организации земледельческой промышленности». Земледельческие палаты получили право предлагать местным властям выработанные ими проекты, производить экспертизу и представлять «сообщения и заключения по всем вопросам, касающимся земледелия и лесоводства», управлять местными учебными и иными техническими сельскохозяйственными учреждениями, а в будущем участвовать в

⁶⁸³ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstags.9. Legislatur-Periode 1894/95. Bd. 3. S. 1781. URL. https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt3_k9_bsb00018725_00065.html (дата обращения 28.09.2023).

управлении сельскохозяйственными биржами и рынками (Produktenbörsen und Märkte)⁶⁸⁴.

Посол М.Д. Остен-Сакен пишет, что «учреждение земледельческих палат является... одной из тех «малых мер» борьбы с сельскохозяйственным кризисом, которые германское правительство противопоставило радикальным требованиям господина Каница и его единомышленников»⁶⁸⁵. Представляется, что здесь правительство реализовывало по крайней мере несколько задач. Во-первых, старалось выстроить связи и наладить контакты с менее радикально настроенной частью землевладельцев, пытаясь снизить накал противостояния и апеллируя к тем, кто был готов идти на компромиссы и сотрудничество с властями, тем самым уменьшив в этих кругах поддержку оппозиционного ССХ. Во-вторых, продемонстрировать готовность к диалогу и принятию необходимых мер для улучшения положения в сельском хозяйстве, которое, конечно же, было далеко не радужным, но при этом отнюдь не таким бедственным, как его представляли, а главное транслировали в общественное пространство функционеры ССХ. И в-третьих, усилить государственное присутствие, а тем самым и государственный контроль не столько над экономическими, сколько над социальными процессами в аграрной сфере.

Поскольку, как явствует из *Reichsanzeiger*, палаты были созданы для всех прусских провинций, в том числе для Познани и Западной Пруссии, они призваны были также снизить накал польско-немецкого противостояния в аграрной сфере, так как одной из важнейших целей деятельности этих организаций было регулирование вопросов, связанных с кредитованием сельскохозяйственного производства – именно большая задолженность была главным аргументом при оценках ССХ состояния зернового производства как катастрофического.

Интересно, что буквально в следующей депеше в Петербург Чарыков пишет, правда без каких-либо цифр или ссылок на них, что «общее

⁶⁸⁴ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1895 г. Д. 17. Т.1. Л. 271 об. - 272 об.

⁶⁸⁵ Там же.

экономическое положение Германии несомненно улучшилось за последнее время. Это явствует неопровержимо из новейших статистических данных, указывающих, что в общем в Германской империи проявилось возрастание потребления и что это усиление спроса, по самым разнообразным отраслям экономической жизни страны, находит себе достаточное удовлетворение»⁶⁸⁶.

Важно, что палаты были созданы не только для землевладельцев, в тот же самый период, в конце 1895 – начале 1896 г. в рейхстаге обсуждалось создание на тех же условиях и по тому же территориальному принципу ремесленных палат. Главной целью их создания было облегчение деятельности ремесленников и их организаций, а также установление более тесных связей с органами власти, прежде всего на местах, четких и ясных каналов коммуникации между ними. Законопроект⁶⁸⁷ был внесен в рейхстаг 3 декабря 1895 г., обсуждался в декабре, затем была создана парламентская комиссия, деятельность которой не увенчалась успехом. Ремесленные советы были созданы только после принятия 26 июля 1897 г. изменений в Ремесленный кодекс Германии.

16 января 1896 г. граф Каниц внес в рейхстаг новое предложение – установить на время действия торговых договоров «средние цены» на иностранную зерновую продукцию. Эта была третья и в этот раз последняя попытка провести законопроект, отвечающий исключительно интересам крупных землевладельцев, производящих зерновую продукцию. Законопроект обсуждался 16-17 января и привлек чрезвычайное внимание русского посольства, опасавшегося, что его возможное принятие нарушит договоренности, прописанные в русско-германском торговом договоре. Если предыдущие обсуждения освещались в депешах достаточно скупо, то в этом случае отчет был практически полным, скорее всего это связано с тем, что все ведущие государственные деятели, начиная со статс-секретаря по

⁶⁸⁶ Там же. Л. 273.

⁶⁸⁷ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstags. 9. Legislatur-Periode 1895/97. Bd. 9. Anlage №17. S.72-78. URL. https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt_k9_bsb00002764_00123.html (дата обращения 28.09.2023).

иностранным делам и заканчивая прусским министром земледелия, приняли участие в прениях.

Согласно сообщению из Берлина, граф Каниц обосновал новую редакцию своего предложения следующими соображениями: «принятие его проекта не послужит к вздорожанию цен на хлеб; нормировка цен, по его словам, предупредила бы повышение их во времена дороговизны, таким образом бедное народонаселение было бы ограждено от возможных случайностей.

Затем оратор указал на значение новой редакции, предусматривающей возможное соглашение с государствами, связанными с Германией торговыми трактатами, и дал понять, что главным образом германский хлебный рынок наводняется зерновыми товарами Аргентины и Чили, между тем как хлебный вывоз из России и Австрии не повысился со времени новой торгово-экономической политики, осуществлённой графом Каприви. Что касается третьего пункта, то автор законопроекта категорически отрицал социалистический оттенок своего предложения, мотивируя выводы мыслью, что всякая мера, имеющая целью обеспечить материальное благосостояние сельского сословия, сама по себе носит уже консервативный оттенок и далека от социалистических влияний времени»⁶⁸⁸.

Все остальные ораторы, что видно и из стенограмм заседаний и абсолютно адекватно отражено в депеше, повторили свои доводы полугодовой давности: о нерушимости международных договоров, необходимости соблюдения принципов свободы торговли и «равноправного обращения на германских рынках местных и иноземных хлебных товаров, происходящих из государств, с которыми Германия заключила договоры»⁶⁸⁹. Далее статс-секретарь возложил на аграриев ответственность за создание того неудовлетворительного, с их точки зрения, положения, в котором все они

⁶⁸⁸ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1896 г. Д. 19. Л. 16-17.

⁶⁸⁹ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstags. 9. Legislatur-Periode 1895/97. Bd. 1. S. 357. URL. https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt_k9_bsb00002756_00364.html (дата обращения 29.09.2023)

оказались: «причины бедственного положения немецкого сельского хозяйства кроются в целом ряде неблагоприятных условий. Между прочим и в критическом положении большинства землевладельцев, не безвинных отчасти в своём разорении»⁶⁹⁰. Правительство уже предложило программу «малых мер» и даже начало ее реализовывать (речь, очевидно, шла о создании земледельческих палат и некоторых других шагах, например, начале обсуждения будущей биржевой реформы). Маршалл не остановился даже перед фактически прямым обвинением аграриев в том, что их политика перекликается с деятельностью «партий мятежа» и тем самым способствует популяризации идеи государственного переворота: «Прибегать же к радикальным мерам вроде проекта Каница означало бы осознание правительством полной несостоятельности существующего порядка вещей, что могло бы в свою очередь подать мысль о своевременности коренного преобразования всего общественного строя, к чему клонит все социалистическое движение»⁶⁹¹.

Еще дальше в своих обвинениях и предостережениях пошел министр Э. Г. Гаммерштейн-Локстен, считавшийся ставленником как раз консервативных аграрных кругов⁶⁹². Поддержав выводы барона Маршалла о неосуществимости предложения Каница, министр заключил свою речь советом консервативным фракциям воздерживаться от агитаторских средств в борьбе за сельскохозяйственные интересы, ибо такова прямая обязанность всякого честного подданного, особенно в настоящее время «ввиду избытка горючего материала, который не должен быть умножен ещё и с так называемой консервативной стороны»⁶⁹³. Это последнее обидное выражение вызвало взрыв негодования. Аграрии, задетые за живое, осыпали оратора личными обвинениями.

⁶⁹⁰ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1896 г. Д. 19. Л. 17 об.

⁶⁹¹ Там же. Л. 18.

⁶⁹² *Wehler H.-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 3. S. 1006.

⁶⁹³ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstags. 9. Legislatur-Periode 1895/97. Bd. 1. S. 391. URL. https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt_k9_bsb00002756_00398.html (дата обращения 29.09.2023)

Тон и содержание дискуссии ясно показали, что провести проект через рейхстаг, причем неважно, какого созыва (между летним и зимним обсуждениями прошли выборы в парламент и его состав поменялся), совершенно невозможно. Проект был отклонен 219 голосами против 97⁶⁹⁴. В поименном голосовании против ожидаемого высказались свободомыслящая фракция, партия Центра, социалисты, вельфы и большинство национал-либералов.

Российское посольство не скрывало своего удовлетворения подобным исходом прений. Посол Н.Д. Остен-Сакен отдает «главную заслугу снятия с очереди столь опасного в международном отношении проекта» статс-секретарю по иностранным делам Маршаллу фон Биберштейну⁶⁹⁵. Если для российских дипломатов и для германского ведомства иностранных дел важен был прежде всего международный аспект, то для самих депутатов, причем с обеих сторон – защитников и противников проекта – скорее его даже не экономическая, а внутривполитическая составляющая.

Добившись ухода ненавистного Каприви, который позволил себе всего лишь уравнивать в праве на защиту со стороны германского правительства «промышленников и аграриев», последние, почувствовав возвращение бывшего влияния в Пруссии и империи, захотели закрепить его законодательными мерами. Но тут на их пути встала германская избирательная система. Если бы подобный законопроект находился в ведении прусских властей и соответственно, прусского ландтага, его провал был бы далеко не столь очевиден, даже принимая во внимание позицию высших чиновников. А они, по крайней мере прусский министр земледелия, сам принадлежащий к старейшему и чрезвычайно разветвленному дворянскому роду, чьи корни лежали на Рейне, а со второй половины XVII в. – в Нижней Саксонии,

⁶⁹⁴ Ibid. S.416. URL. https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt_k9_bsb00002756_00423.html (дата обращения 29.09.2023).

⁶⁹⁵ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1896 г. Д. 19. Л. 19 об.

основной упор делали на то, что позиция, а вернее оппозиция аграриев является разрушительной для всего государственного здания в целом.

Здесь уместно привести слова Н. Чарыкова, который писал в 1895 г., что «нынешнее правительство ... ведёт внутреннюю борьбу на два фронта, с одной стороны, против аграриев, а с другой, против социалистов»⁶⁹⁶. Российские наблюдатели, отмечая, что предложения, подобные проекту графа Каница «подрывают принцип существующего государственного и общественного строя», очень четко уловили опасности, таившиеся в требованиях аграриев⁶⁹⁷. Фактически две диаметрально противоположные, но при этом влиятельнейшие силы парламента и соответственно, общества, требовали слома существующего государственного строя, одни призывая к неизвестному будущему, другие – к давно ушедшему прошлому. Все это и было той основой, с которой приходилось иметь дело власти по крайней мере с середины 1890-х гг.

Потерпев поражение проекта в рейхстаге, его авторы отнюдь не оставили попыток заставить правительство вернуться, хотя бы частично, к бисмарковскому курсу. Правительство же, как и обещало, приступило к исполнению своих обязательств в рамках т.н. малых мер. В депеше от 23 февраля (6 марта) 1896 г. посол Н.Д. Остен-Сакен сообщает, что в рейхстаг 1 февраля был внесен «проект сахарного налога, который является одним из требуемых крупными немецкими землевладельцами средств для обеспечения сельскохозяйственного производства»⁶⁹⁸. Речь шла об изменении закона 1891 г. и стимулировании производства сахарной свеклы с помощью «вывозных премий» на сахар⁶⁹⁹. Такая практика была общемировым явлением. Так как практически все «страны, в которых производство сахара превышало его внутреннее потребление, всячески поощряли вывоз сахара за границу, прежде

⁶⁹⁶ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1895 г. Д. 17, т. 1. Л. 273.

⁶⁹⁷ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1896 г. Д. 19. Л. 20.

⁶⁹⁸ Там же. Л. 57.

⁶⁹⁹ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstags. 9. Legislatur-Periode 1895/97. Bd. 10. Anlage №112. S. 1029-1042 URL. https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt_k9_bsb00002765_00182.html (дата обращения 08.10. 2023).

всего, с помощью введения таких премий»⁷⁰⁰. Несмотря на то, что, во-первых, это были обещанные правительством «малые меры» поддержки сельского хозяйства, а во-вторых, они находились абсолютно в русле мировых тенденций (также действовали правительства Франции, России и США), это предложение, внесенное в рейхстаг от имени императора канцлером Х. фон Гогенлоэ, вызвало активное сопротивление тех же фракций, которые месяцем ранее провалили проект введения фиксированных цен на зерновую продукцию.

Наиболее резко против обсуждаемого проекта высказался депутат из фракции свободомыслящих Рихтер, усматривавший в нем применение проекта графа Каница к сахарному производству. Так как главные сахарные заводы находились во владении крупнейших германских земельных собственников, то большинство Центра, польская партия и либералы, не говоря уже про радикальные фракции, разделяли мнение Рихтера, утверждая, что такая «подачка пришлась бы только на долю капиталистов», а мелкое сельское хозяйство ничего не выиграло бы от проектированных премий. Правительство же в лице министра земледелия Гаммерштейна-Локстена всеми силами отстаивало его, стремясь выказать засвидетельствованное им неоднократно желание поддерживать аграрные интересы программой «мелких средств»⁷⁰¹. В конце концов, закон с некоторыми изменениями, на которых особенно активно настаивал депутат Рихтер, был принят в третьем чтении 15 мая 1896 г. 144 голосами против 124⁷⁰². В новой редакции закона страховая премия была уменьшена, однако сам факт одобрения этого акта говорит об определенной победе аграрного лобби, которую оно одержало после полного провала предыдущего законопроекта. Главной причиной этого, кроме уже упомянутой выше общемировой тенденции и реальной

⁷⁰⁰ Калиничева Е.Ю. Из истории развития сахарной промышленности // Всероссийский экономический журнал ЭКО. Новосибирск, 2010. №8 (434) С. 176.

⁷⁰¹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1896 г. Д. 19. Л. 58 об. -59.

⁷⁰² Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstags.9. Legislatur-Periode 1895/97. Bd. 3. S. 2324. URL. https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt_k9_bsb00002758_00778.html (дата обращения 08.10. 2023).

необходимости поддержки сахарного производства, является то, что инициатива изменения законодательства в желательном для сельхозпроизводителей ключе исходила от правительства, которое таким образом реализовывало свою программу «малых мер».

Практически аналогичным образом в январе 1896 г. развивался сюжет с обсуждением проекта биржевой реформы, которая также принадлежала к тем аргументам канцлера и его ближайших сотрудников, с помощью которых они смогли хоть немного успокоить аграриев. Как отмечали российские дипломаты, главные статьи этого проекта «касаются надзора правительства над биржевыми рынками и правительственных комиссаров, призванных блюсти за правильностью и законностью совершенных операций. Котировка курса обставлена строгими предписаниями и распоряжения, относящиеся к допущению иностранных процентных бумаг, свидетельствуют о желании предохранить легковерную публику от увлечения экзотическими фондами». Закон, одобренный большинством голосов еще во втором чтении, был воспринят как свидетельство несомненной победы аграриев, поскольку «главный... центр тяжести предлагаемой реформы кроется в проектированном запрещении сделок на время (*Terminhandel*, т.е. фьючерсов. – *А.М.*), применённом к зерновым и хлебным товарам и распространённом на некоторые отрасли торговли банковскими билетами. Этот отдел проекта весьма симптоматичен, так как он характеризует влияние аграрных течений на редакцию нового закона»⁷⁰³. Российские дипломаты объясняют такую заинтересованность землевладельцев тем, что запрет на эти сделки явится препятствием для возможного снижения хлебных цен («запрет таковых сделок ведёт скорее к повышению рыночных цен на зерновые товары»), а также чрезвычайным интересом к вопросам биржевых сделок и спекуляций, так как именно им «сельскохозяйственные кружки приписывают отчасти причину своего печального экономического положения»⁷⁰⁴. И хотя эти шаги можно

⁷⁰³ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1896 г. Д. 19. Л.105-106.

⁷⁰⁴ Там же. Л. 106 об.

было рассматривать в позитивном ключе, как все ту же реализацию программы «малых дел», посол Остен-Сакен увидел в них и другую сторону: «угождая аграриям и урезывая законопроектом поле спекуляции, правительство наносит, однако, ощутимый удар по торгово-промышленным слоям населения, не говоря уже о той доле недоверия, которой задеваются купеческие сферы таких центров как Гамбург, Бремен и проч.»⁷⁰⁵.

В том же русле «малых мер», заботы государства о сельхозпроизводителях без нарушения или тем паче денонсации торговых договоров, можно рассматривать закон, принятый рейхстагом в мае 1900 г. о санитарном осмотре мяса. Он ввел достаточно жесткие условия, которые предъявлялись к ввозимому в страну мясу, что должно было привести к сокращению импорта и ограждению внутреннего рынка страны от иностранной конкуренции⁷⁰⁶. Ограничения эти действовали до 31 декабря 1903 г., то есть до окончания срока действия торговых договоров.

В начале 1897 г. в рейхстаге аграриями был вновь поднят вопрос о возможном введении автономного таможенного тарифа и непродлении, в связи с этим, торговых договоров по истечении срока их действия, т.е. в 1901-1904 гг. В 1897 г. это была еще достаточно отдаленная перспектива, но правительство не стало демонстративно игнорировать мнение крупных сельхозпроизводителей о необходимости отказаться от продления договоров. Это продемонстрировал чиновник имперского уровня – статс-секретарь финансового ведомства и будущий статс-секретарь по внутренним делам граф А. фон Посадовский-Венер, который «не только не отверг доводов оратора, но напротив того, как бы поддержал последнего, заметив, что быть может, действительно правительству придётся отказаться от возобновления договоров в 1903 г., и что он, со своей стороны, нашёл бы подобное решение вполне целесообразным»⁷⁰⁷. Более предсказуемой и не вызвавшей такого

⁷⁰⁵ Там же. Л. 107.

⁷⁰⁶ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1900 г. Д. 17. Л. 112-113

⁷⁰⁷ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1897 г. Д. 21. Л. 14 об.-15

удивления была реакция прусского министра земледелия, который в прусском ландтаге, признав тяжелое положение крупных земельных собственников, заявил, «что ... и уже ранее был, и остался теперь противником трактатов, как по форме, так и по содержанию»⁷⁰⁸. В данном случае, прусский министр был, как это ни странно, лицом более значимым, а слова его – более весомыми, поэтому именно они вызвали у российских представителей серьезные опасения, что курс на сближение с аграриями будет долгосрочным и сулит серьезные осложнения русско-германским торговым отношениям и русской хлебной торговле, в частности.

Такой видимый отход правительства от «нового курса» Каприви ожидаемо не мог не взволновать либеральные силы, видящие в нем серьезную угрозу основам империи. «Либеральная печать в полном негодовании и призывает все прочие партии дать наконец серьезный отпор требованиям прусского юнкерства (Junker-Partei), которые грозят окончательно уронить промышленность и подкосить нынешнее либеральное государственное устройство империи»⁷⁰⁹, - писал в той же депеше российский посол министру иностранных дел графу М.Н. Муравьеву.

Неактуальность вопроса о продлении торговых соглашений и отсутствие резонансных проектов и предложений со стороны аграриев временно отодвинули этот вопрос в тень. В следующий раз сельскохозяйственная тема в депешах посольства возникла только через год, в марте-апреле 1898 г. В одной из депеш, имевшей скорее вид аналитической записки, чем отчета о текущих и актуальных событиях, анализировался принципиальный для будущего Германии вопрос, должно ли ее правительство, идя навстречу требованиям аграриев, вернуться к строго протекционистской политике по отношению к сельскому хозяйству, или же ему следует оставаться на почве существующих торговых договоров и добиваться их продления после истечения срока действия. Автор записки

⁷⁰⁸ Там же. Л. 16.

⁷⁰⁹ Там же. Л. 17.

отмечал, что по сравнению с 1870-ми гг., когда около 80% ее жителей занимались земледелием, Германия 1890-х гг. «сделалась великою промышленной державой». Уже в 1895 г. сельским хозяйством занимались лишь 36% всего населения, а за счет промышленности и торговли жил 51%, «вследствие чего империя должна была прибегать к значительному ввозу продуктов земледелия извне. В настоящее время сумма ввоза последних достигает 2000 миллионов марок, следовательно 1/3 суммы, приходящейся на долю всей германской почвенной производительности. Последняя находится в таком положении, что ее продуктов, в виду огромного прироста народонаселения, не хватает на прокормление приблизительно 13 млн человек, которые в случае преследования правительством аграрной политики, были бы вынуждены к выселению их из отечества. Ввоз продуктов земледелия, к которому ещё присоединяется ввоз колониальных товаров, рыбы и т.д. достигает в общем суммы в 4500 млн марок, которая должна была бы быть уравнена вывозом, чего на самом деле не достигается.

Так в 1896 году вывезено из Германии ткани на 800 млн, железа и стальных изделий (включая машинное производство) дали 600 млн, а прочие произведения промышленности 2330 млн. Итого, общий вывоз в 1896 году равняется 3750 млн и, следовательно, на 750 млн не достигает суммы ввоза». Из проведенного анализа был сделан вывод, что «правительству следует позаботиться об увеличении вывоза, развивая промышленность и всячески помогая последней путём трактатов, отнюдь не увлекаясь узкими, подчас чисто личными интересами прусских аграриев»⁷¹⁰.

В принципе ничего нового эта депеша не сообщает. Структура экономики и занятости населения на протяжении 1890-х, а особенно 1900-х гг. менялась только в сторону сокращения аграрного сектора в пользу промышленного и торгового, влияние же их представителей, даже богатейших на политическую жизнь было несоизмеримо меньше, чем у аграриев.

⁷¹⁰ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1898 г. Д. 17. Л. 65-67 об.

О том, насколько внимательно российская сторона отслеживала соотношение сил между консерваторами и либералами в Пруссии свидетельствует донесение посла Н.Д. Остен-Сакена о результатах выборов в прусский ландтаг в 1898 г., отправленное в Петербург, видимо, еще до завершения окончательного подсчета голосов. Узнав результаты выборов в Берлине, он поспешил написать, что «недовольные почти исключительным влиянием, которое приобрели на их решения аграрии и отчасти испуганные требованиями последних, часть консерваторов не воспользовалась правом голоса или же подала голос за представителей наиболее умеренных либеральных фракций. ... победа либералов по крайней мере в столице полная, так как во всех 4-х участках Берлина большинство получили свободомыслящие»⁷¹¹. Но окончательные результаты, конечно, его разочаровали, консерваторы привычно стали сильнейшей фракцией ландтага, завоевав 145 мест, что было даже больше, чем в составе палаты депутатов предыдущего созыва. Выборы практически не изменили, как бы того ни хотелось российскому посольству, реальной расстановки сил и направления деятельности прусского ландтага оставшегося на консервативных, проаграрных позициях.

Российские дипломаты и в дальнейшем отслеживали все проявления борьбы сторонников продления/непродления договоров. Так, в июне 1900 г. российский посол писал о многолюдном «митинге» в помещении Ремесленного союза в Берлине, на котором депутаты рейхстага от либеральных партий и представители организаций промышленников предостерегали власти об опасности отказа от внешнеторговой политики канцлера Каприви, а депутат Барт* «предсказывал полное разорение германской торговли, которое произойдет от этого близорукого следования аграрным вождениям и предостерегал, что стоит России и Америке

⁷¹¹ Там же. Л. 193.

* В.Т. Барт (1849-1909), юрист по образованию, один из лидеров Свободомыслящего объединения, депутат рейхстага в 1881-1884; 1885-1898 и в 1901-1903 гг.; член прусской палаты депутатов в 1898-1903 гг.

«согласиться между собой и закрыть нам, хотя бы на время, «свои» границы, и нужно будет много лет, чтобы снова исправить печальные для нас последствия, которые неминуемо повлечёт за собой подобная мера»⁷¹².

Сохранение влияния аграриев на правительство и связанные с этим «опасения быть принесенными в жертву все более и более требовательным прусским юнкерам», которые испытывало большинство либеральных политиков, были отражением реальной ситуации, сложившейся в самом конце XIX и в первые годы XX века. Это было связано, прежде всего, с непрекращающимся поиском правительством поддержки своим самым значимым проектам (строительства флота, активной колониальной политики и т.д.) в рейхстаге. При этом постоянная оппозиция аграриев вызывала даже у императора желание порвать с ними и не идти на дальнейшие уступки. Так, Б. Бюлов приводит в передаче Ф. Эйленбурга слова императора, который в разговоре с ним 15 июля 1900 г. выразил «опасения ... что он может порвать со всеми старыми прусскими традициями и действительно решиться на враждебное выступление против консерваторов и броситься в объятия либералов, чтобы разбить консерваторов». Эйленбург, комментируя слова Вильгельма, сказал, что они «представились мне как нечто вполне актуальное. Я не могу выразить этого иначе, как сказав, что я заглянул в бездну ненависти и озлобления, которых ничем устранить нельзя. У меня такое ощущение, что если еще раз в чем-нибудь проявится оппозиция аграриев и консерваторов, то чаша переполнится»⁷¹³.

Именно этим настроением обусловлено осуждение непокорных консерваторов-аграриев в выступлении Бюлова в августе 1899 г. при обсуждении в прусском ландтаге вопроса о введении нового таможенного тарифа⁷¹⁴. Но несмотря на недовольство императора и канцлера, было понятно, что давление со стороны крупных зерновых производителей будет не

⁷¹² АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1900 г. Д. 17. Л. 139.

⁷¹³ Бюлов Б. Указ. соч. С. 201.

⁷¹⁴ Вестник Европы. 1899. № 9. С. 368-380.

ослабевать, а только нарастать по мере приближения сроков продления торговых договоров.

В конце весны 1901 г. Бюлов председательствовал на секретном совещании имевших отношение к таможенной политике высших чинов различных ведомств, а также представителей наиболее крупных союзных государств. Сам канцлер впоследствии писал, что именно тогда он в конфиденциальном разговоре с баварским министром финансов Риделем обговорил основные положения будущего таможенного тарифа и получил одобрение Баварии на то, чтобы повысить таможенные ставки на зерно, скот и мясо, но не очень высоко, чтобы «не вызвать значительное повышение цен на пиво» и не сильно удорожить «продовольствие рабочего населения в больших городах»⁷¹⁵. На основе этих договоренностей был разработан таможенный тариф, который в декабре того же года был внесен в рейхстаг.

Обсуждение в парламенте, а также в целом в публичном пространстве стало очередным поводом к конфликту и осложнению взаимоотношений консерваторов-аграриев, либеральных партий и их парламентских фракций и правительства. Дебаты в рейхстаге совпали по времени с обсуждением в прусском ландтаге проекта строительства Срединного канала, о котором мы подробно писали выше, против которого активно выступали как раз аграрные силы. Поскольку проект канала был «столь близок сердцу императора»⁷¹⁶, то бытовало мнение, что если не сейчас, то в следующую сессию ландтага он обязательно будет принят, несмотря на самое ожесточенное сопротивление консервативных сил. Поэтому вопрос таможенного тарифа приобретал дополнительный смысл. Российские наблюдатели отметили заявление канцлера в прусской палате депутатов об осознании им необходимости повышения тарифов на хлеб, посчитав это заботой о внутривосточной жизни. В связи с этим они напомнили, что «ещё раньше граф Бюлов высказал то же мнение, но в исправленных и одобренных стенографических отчетах

⁷¹⁵ Бюлов Б. Указ. соч. С. 216.

⁷¹⁶ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1901 г. Д. 14. Л. 113.

заседаний ландтага упоминалось лишь о выраженном им намерении «обеспечить» (sichern), а не повысить (steigern) хлебный тариф. Без сомнения, этот шаг канцлера нельзя не признать чем-то вроде капитуляции перед всемогущими аграриями, которые, почуяв под ногами твёрдую почву, простирают свои вождения до требования повышения пошлин на хлеб до чрезвычайно высоких пределов»⁷¹⁷. В процессе обсуждения этого вопроса в рейхстаге в 1901-1902 гг. аппетиты аграриев не уменьшались, а только росли, и это при том, что, как считали российские эксперты, новый немецкий таможенный тариф ведёт к: «1) подорожанию необходимых предметов всеобщего народного потребления; 2) увеличению доходов землевладельцев и крестьян; 3) ухудшению условий для крупной промышленности»⁷¹⁸, т.е. выгоден только сельхозпроизводителям.

Обсуждение условий нового тарифа шло в Германии достаточно сложно. В специально созданной для его разработки и обсуждения комиссии рейхстага, что отвечало обычной практике принятия любого значимого закона, единства не было. Причиной тому было не только несогласие с правительственным предложением либеральных членов комиссии, но и недовольство им «крайних представителей аграрной партии»⁷¹⁹. Либералы считали, что любое повышение ввозных пошлин на хлеб и другие сельскохозяйственные продукты неминуемо приведет к ответным мерам со стороны основных производителей зерна, прежде всего России, что с неизбежностью скажется на возможности и условиях экспорта немецкой промышленной продукции. Аграрии же полагали, что те меры, которые предлагает правительство, слишком ничтожны и не смогут улучшить ситуацию, которую они по-прежнему определяли как бедственную. Правительственный проект предлагал повышение пошлин на разные виды

⁷¹⁷ Там же. Л. 27.

⁷¹⁸ Иностранное обозрение от 1 августа 1901 года // Вестник Европы. 1901. № 8. С. 808-820. Как и ожидалось, в ответ на введение нового таможенного тарифа Германией на зеркалажные меры пошло российское правительство. 13 мая 1903 г. Николай II подписал закон о новых таможенных тарифах на германский экспорт.

⁷¹⁹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1901 г. Д. 14. Л.26.

зерна до 5-6,5 марок за двойной центнер, ССХ требовал 7,5 марок вне зависимости от вида зерновых⁷²⁰.

Изначально канцлер Бюлов старался твердо отстаивать цифры, вошедшие в проект, заявив на банкете ССХ в феврале 1901 г.: «Ладья переполнена, и малейшая прибавка груза ее потопит»⁷²¹. В другой депеше от 1(10) февраля российское посольство представляло отчет о прошедшем в цирке Буша собрании ССХ (одном из 9000, созванных в период обсуждения таможенного тарифа), на котором выступил канцлер. «Состоялось ежегодное, на сей раз особенно многолюдное (до 8000 человек) собрание сельских хозяев, которые в единогласной резолюции отвергли правительственные предложения о повышении тарифа, признав их недостаточными и далеко не соответствующими бедственному положению земледельческих классов Германии. Ораторы сельскохозяйственного Союза в своих речах резко нападали на графа Бюлова, обвиняя его в равнодушии к их интересам»⁷²². «Вестник Европы» сообщал, что петицию против нового тарифа подписали к началу декабря 1901 г. 3,5 млн человек, что составляло свыше 8% населения страны⁷²³.

Невзирая на такое массовое протестное движение и предостережения Бюлова и Посадовского о невозможности для правительства ещё более поднять таможенные пошлины на сельскохозяйственные продукты в проектированном новом тарифе, комиссия рейхстага приняла предложенный депутатом Гарольдом компромисс, признав недостаточными предполагаемые правительством повышения⁷²⁴.

Российские дипломаты оценили сложившуюся в связи этим ситуацию для канцлера как неприятную и наносящую ему значительные репутационные потери: «С одной стороны, ему не удобно, пойдя на компромисс с аграриями,

⁷²⁰ Bund der Landwirte №38 за 19.09. 1901 г.

⁷²¹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1902 г. Д. 14. Л.26 об.

⁷²² Там же. Л. 29.

⁷²³ Иностранное обозрение от 1 января 1902 года // Вестник Европы. 1902. № 1. С. 378-391.

⁷²⁴ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1902 г. Д. 14. Л.49

отказаться от только что и столь торжественно сделанных им заверений, с другой, несговорчивость их может вызвать нечто вроде конфликта между этой партией, считающейся по справедливости оплотом престола, и правительством, и подобное положение вещей неминуемо поведёт к ещё большему и столь опасному усилению социал-демократов»⁷²⁵.

В депеше от 24 мая (6 июня) 1902 г. российское посольство сообщает, что ситуация вокруг тарифа продолжает обостряться. Аграрии попробовали перенести обсуждение в прусский ландтаг, где они имели абсолютное большинство голосов. «Граф Бюлов отвечал решительным отказом, мотивируя последний не компетенцией означенной Палаты входить в разбор вопроса, подлежащего исключительно кругу деятельности рейхстага. Сделав это своё заявление, министр-президент и все прочие члены кабинета демонстративно покинули зал заседаний, преследуемые свистками и смехом консерваторов. Несмотря на это удаление представителей правительства, депутаты продолжали обсуждение запроса, и постановили резолюцию, в которой, вопреки заявлению графа Бюлова, признали вопрос вполне подлежащим их компетенции»⁷²⁶.

Российский посол приводит в своем отчете слова одного из ораторов, которые представляют для нас особый интерес и являются провозвестником событий 1907-1908 гг.: «Особенно характерно то обстоятельство, что во время прений, некий барон Вангейм, вожак сельскохозяйственного союза и убежденный юнкер, произнёс речь, в которой высказал сожаление о направлении, принятом правительством за последние 20 лет вообще, и клонящемуся к постепенному умалению влияния столь преданной престолу и Отечеству партии консерваторов. Несмотря на то, что подобным заявлением, оратор правой ... задел самого императора, речь его была покрыта единодушными рукоплесканиями аграриев»⁷²⁷.

⁷²⁵ Там же. Л. 49 об.

⁷²⁶ Там же. Л. 123

⁷²⁷ Там же.

Канцлер до последнего стремился, по крайней мере внешне, переломить позицию аграриев, а соответственно и консерваторов и настоять на предложениях правительства. В начале мая 1902 г. рейхстаг ушел на каникулы, которые, по желанию имперских властей были в этот раз чрезвычайно краткими, всего один месяц, что должно было помешать правым силам переманить на свою сторону другие партии, прежде всего Центр. Из Берлина сообщили, что канцлер «вновь категорично заявил о своём непреклонном намерении не идти на дальнейшие уступки касательно сельскохозяйственных продуктов в проектируемом тарифе, чем весьма встревожил германских консерваторов. Хотя их органы до сего времени отличаются сдержанностью, не желая вероятно натягивать струн по отношению к канцлеру, решимость которого они по-видимому все ещё надеются поколебать, это настроение явствует из нескрываемого удовлетворения, высказываемого за последнее время, либеральной печатью»⁷²⁸.

Российские дипломаты, вслед за немецкими либералами предполагали, что в основе этих заявлений канцлера лежит его желание в принципе максимально оставить тарифы прежними и постараться не менять их кардинально в преддверии продления торговых договоров, существование которых, несомненно, шло на пользу германской промышленности и экономике в целом. «Так, например, Фосская газета*, отмечая кратковременность парламентских вакаций, столь неудобную аграриям, сомневается даже в искренности желания графа Бюлова в проведении нового тарифа вообще и, указывая на крайний оппортунизм, коим проникнута вся деятельность канцлера, полагает, что заветная его мечта состоит в продлении существующих трактатов без изменения»⁷²⁹. Здесь все-таки, наверное, выдается желаемое за действительное. Способность правительства проводить

⁷²⁸ Там же. Л. 84.

* Vossische Zeitung, самый авторитетный либеральный орган, старейшая берлинская газета, основанная в 1722 г.

⁷²⁹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1902 г. Д. 14. Л. 85.

избранный им политический курс, прежде всего во внешней политике, настолько зависела от голосов консерваторов, что пойти на разрыв с ними канцлер не мог себе позволить. К тому же он был уверен, что даже такое повышение тарифа, которое требуют аграрии, не нанесет германскому хозяйству никакого урона. Конечно, он не мог предвидеть тяжелого положения России в момент переговоров по продлению договора, связанного с русско-японской войной, и заинтересованности Петербурга в сохранении партнерских отношений с Берлином. Поэтому позиция Бюлова на переговорах была значительно более прочной, чем у С.Ю. Витте.

Для канцлера внутривластная ситуация и одобрение консерваторами законопроектов по строительству флота и улучшению инфраструктуры на случай будущей войны, к которым, без сомнения, относился и Срединный канал, были значительно важнее, чем увеличение пошлин со стороны государств, с которыми Германия была связана двусторонними договорами. Здесь, кстати, следует напомнить, что, во-первых, русско-германский договор, конечно же, был не единственным и, возможно, не самым важным, хотя и являлся для аграриев «красной тряпкой»; во-вторых, система конвенциональных торговых договоров, которыми были связаны друг с другом с середины 1890-х гг. все основные европейские страны, была более-менее единой, выстроенной по одним и тем же принципам, и соответственно отдельные ее части были взаимозависимы. Бюлов прекрасно отдавал себе отчет, что повышение автономного немецкого тарифа приведет к зеркальным мерам со стороны других стран, прежде всего производителей сельскохозяйственной продукции, но готов был идти на эти возможные осложнения и издержки, чтобы взамен получить поддержку со стороны аграриев.

При открытии рейхстага после летних каникул в октябре 1902 г. и возврата к обсуждению тарифного закона во втором чтении, Бюлов выступил перед депутатами с пространной речью, в которой, как доносили российские дипломаты, «повторил многое уже раньше им сказанное о стремлении

правительств союзных государств примирить в новом тарифном законе установление покровительственных мер, требуемых немецким сельским хозяйством и промышленностью, с возможностью заключения долгосрочных торговых договоров, возобновление которых германское правительство считает весьма желательным и полезным в своих же интересах. ... не может быть и речи о предпочтении промышленности на счёт сельского хозяйства или последнего на счёт первой, так как Германия не есть чисто аграрное или промышленное государство, а является одновременно тем и другим. Новый же тарифный закон образует золотую середину, «среднюю линию» между всеми противоречащими требованиями»⁷³⁰. Речь канцлера должна была показать, что правительство не намерено идти на дальнейшие сделки с аграриями.

В октябре 1902 г. в рейхстаге прошло второе чтение тарифного законопроекта, во время которого канцлер твердо заявил, что правительство ни в каком случае не согласится утвердить предложенное комиссией повышение и увеличение числа минимальных ставок⁷³¹. Бюлов старался убедить парламентариев, что, во-первых, правительство делает все возможное в интересах Германии, в том числе и в интересах аграриев, и «не скоро найдётся другой канцлер, который решился бы сделать столько для сельского хозяйства, как он сам, доказавший это внесением тарифного законопроекта», а во-вторых, «что предлагаемые правительством тарифные ставки согласованы им с действительными интересами страны, но что по этому предмету имперское правительство не входило в предварительные переговоры с иностранными державами»⁷³². Все эти доводы, однако, не убедили рейхстаг, который отказался одобрить правительственный законопроект во втором чтении. Российские дипломаты делают вывод, что «отклонением правительственного проекта создалось в настоящее время весьма затруднительное положение, из которого нелегко найти удовлетворительный

⁷³⁰ Там же. Л. 175-176.

⁷³¹ Там же. Л. 178.

⁷³² Там же. Л. 179.

исход. Правительство не может, не пошатнув своего престижа, согласиться на какие-нибудь новые компромиссы, большинство же рейхстага, стоящее за работой комиссии, вряд ли откажется от своей победы. С другой стороны, правительство не спешит взять назад своё предложение»⁷³³. Многие зависело от позиции партии Центра, и наблюдатели считали, что правительство скорее откажется вообще от внесенного им самим законопроекта, чем согласится изменить тарифные ставки, снова пойдя на поводу у консерваторов-агров.

В депеше от 8(21) ноября посол Остен-Сакен сообщает, ссылаясь на информацию из ведомства иностранных дел Германии, что все еще есть возможность одобрения правительственной редакции закона, что будто бы обещают переговоры канцлера с вождями партии Центра.

В декабре тарифный закон наконец был одобрен рейхстагом голосами большинства консерваторов, Центра и национал-либералов. Установленные ставки пошлин были ближе к требованиям агров, чем к изначальному правительственному проекту и составили до 7-7,5 марок, однако правительство и император посчитали такое развитие событий своим успехом. Вильгельм II собирался даже возвести канцлера в княжеское достоинство, но тот посчитал, что «столь Великая милость вслед за победой правительства в вопросе чисто внутренней борьбы, могла бы произвести не совсем благоприятное впечатление в стране»⁷³⁴.

Итак, агров очевидно добились своего, причем в вопросах пошлин на зерновые и условий ввоза скота и мяса. Канцлер оставил за союзными правительствами право введения санитарно-полицейских мер для защиты скота от занесения заразных болезней из-за границы. Такой оговоркой меры эти оказывались в ведении отдельных германских государств, а не империи, что было в интересах прежде всего Пруссии, ландтаг которой находился по-прежнему под полным контролем аграрного лобби.

⁷³³ Там же. Л. 180.

⁷³⁴ Там же. Л. 229.

То, что правительство пыталось преподнести как свою победу, на самом деле было в значительной степени его отступлением под давлением аграриев. Это должно было обеспечить их поддержку правительственному курсу, по крайней мере создать предпосылки для такой поддержки в будущем. Как показало дальнейшее развитие событий, эти надежды и расчеты не были совсем беспочвенными и дали в достаточно отдаленной перспективе свои плоды.

При этом часть ССХ считала, что аграрии пошли на поводу у канцлера. Речь даже шла о расколе в рядах Союза – «главными вожаками Союза, каковыми являются барон Вангенгейм и д-р Ган, было высказано отречение от сообщничества с умеренными аграрными элементами, решившимися пойти в тарифном вопросе на сделку с правительством»⁷³⁵, - писал в депеше в Петербург в начале января 1903 г. российский посол. До раскола дело не дошло, напротив, в конце весенней сессии «аграрии поторопились восстановить в глазах страны свою солидарность с консервативной партией, нарушенную разногласиями во время минувших бурных прений по тарифному вопросу. Кроме того, аграрно-консервативные фракции желали найти партийный лозунг ввиду предстоящих новых парламентских выборов»⁷³⁶. Депутатом от аграрной группы графом Лимбург-Штируммом вновь был поднят вопрос денонсации торговых договоров. В этот раз отпор ему дали сначала от имени канцлера статс-секретарь ведомства внутренних дел граф Посадовский, а затем депутат от свободомыслящих Барт, который в пространной речи «старался доказать благодеяние политики торговых договоров в течение последних 10 лет, которые способствовали расцвету германской промышленности, не причинив вместе с тем вреда сельскому хозяйству. С другой стороны, оратор предостерегал от пагубных последствий возможной таможенной войны, к которой неминуемо должна привести тактика

⁷³⁵ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1903 г. Д. 14. Л. 33.

⁷³⁶ Там же. Л. 89.

аграриев»⁷³⁷. В том же духе выступили депутаты Центра и либералы⁷³⁸, но консерваторы вновь заняли позицию противников правительственного курса ввиду якобы притеснений и обид, которые им были нанесены с момента заключения в середине 1890-х гг. пресловутых торговых соглашений с рядом европейских стран. «Правительство же доказало вновь своё снисходительное отношение к «опорам престола», не желая преждевременно восстанавливать их против себя, в виду готовящейся выборной кампании, и оставило открытым вопрос о времени возобновления торговых соглашений с иностранными державами»⁷³⁹, писал все в той же депеше Н.Д. Остен-Сакен.

Летом 1903 г. прошли очередные выборы в рейхстаг. Их результаты были ошеломительными для правительства, а также и для всех «партий порядка» как для либералов, так и для консерваторов. Все они потеряли часть мандатов, хоть и очень небольшую, но эти небольшие потери в 2-11 голосов позволили Социал-демократической партии увеличить свое представительство на 25 мест (с 56 до 81) и стать второй по величине фракцией парламента, уступая пока только католическому Центру. В депеше российского посольства сообщалось, что самое значительное поражение понес ССХ, его четыре лидера не были переизбраны, «протест народной воли против аграрной агитации является, по мнению умеренной печати, самым отрадным фактом в общей картине выборов»⁷⁴⁰. Российские аналитики высказали убеждение, что успех СДПГ не был для правительства катастрофическим, так как «несмотря на опасный прирост социалистической партии, состав нового парламента представляет довольно удобную почву для правительства. Оно может рассчитывать на успешное проведение новых проектов по армии и

⁷³⁷ Там же. Л. 90.

⁷³⁸ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstags. 10. Legislatur-Periode 1895/97. Bd. 10. S. 9157ff URL. https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt_k10_bsb00002798_00645.html (дата обращения 11.10.2023).

⁷³⁹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1903 г. Д. 14. Л. 90 об.

⁷⁴⁰ Там же. Л. 137-138.

флоту, равно как и найти сочувственную поддержку среди радикальных фракций для принятия новых торговых договоров»⁷⁴¹.

Выборы показали, что общество устало от бесконечных требований прусских аграриев, интересы и «насущенные и неотложные нужды» которых глубоко чужды основной массе немецкого населения. Однако осознание этого факта, а вернее тенденции, начало которой было положено достаточно давно, с одной стороны, не изменило политики ни аграриев, ни правительства по отношению к ним, а с другой, и не могло изменить.

В начале 1904 г. пришло время продлевать или перезаключать торговые соглашения с рядом европейских стран, в том числе и с Российской империей, договор с которой, по вполне понятным причинам, особенно интересовал как аграриев, так и российских дипломатов. Новый состав рейхстага вновь вернулся к обсуждавшемуся до окончания предыдущей легислатуры вопросу прекращения действия этих договоров. Российское посольство чрезвычайно подробно описало ход парламентского обсуждения вопроса, вновь поднятого от имени аграрной группы все тем же графом Каницем⁷⁴². От имени правительства по этому вопросу выступал граф А. Посадовский. Заверяя депутатов, что правительством сознается тяжелое положение, в котором находится немецкое сельское хозяйство, он одновременно заявлял о неготовности дать требуемые разъяснения о ходе торговых переговоров⁷⁴³. Ответ статс-секретаря, по сути, сводился к следующему – правительство ведет переговоры, вполне осознает все насущные требования различных экономических сил и государства в целом, прекрасно помнит про принятый автономный тариф и минимальные таможенные тарифы на сельхозпродукцию⁷⁴⁴.

⁷⁴¹ Там же. Л. 139.

⁷⁴² Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstags. 11. Leg.-Periode. 1903/05 Bd.1 S. 330-360/ URL. https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt_k11_bsb00002807_00336.html (дата обращения 11.10.2023)

⁷⁴³ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1904 г. Д. 16. Т. 1. Л. 14.

⁷⁴⁴ Там же. Л. 14 об.

Предостережения и уверения статс-секретаря, что все идет по плану и не следует публично обсуждать незавершенные международные переговоры не оказали должного воздействия на депутатов. В ходе шумных прений по этому вопросу выступили представители практически всех фракций. Часть из них ратовала за торговые договоры, хоть и с некоторыми оговорками (Центр, либералы), социалисты «высказались против всякого торгового соглашения, в который будут включены минимальные ставки». Только в двух моментах выступавшие были едины – в неприятии позиции аграриев и в «разочаровании по поводу туманных и неудовлетворительных разъяснений, данных представителем правительства»⁷⁴⁵.

В конечном итоге новые договоры были заключены, все иностранные контрагенты Германии также приняли собственные автономные тарифы, легшие в основу новых соглашений⁷⁴⁶.

После достижения соглашения, которое всеми политическими силами было признано безусловной победой канцлера Б. Бюлова, тема аграриев как политической силы ушла со страниц дипломатических депеш на достаточно длительное время, так как их политическая активность значительно снизилась – не было темы, которая бы так болезненно затрагивала их интересы.

Зато правительство не забывало об аграриях как одной из главных опор политического строя. В феврале 1906 г. на ежегодном банкете ССХ канцлер произнес речь, в которой «указал на неустанные старания, приложенные им во время пребывания у власти к улучшению положения землевладельцев... несмотря на все затруднения, он неуклонно придерживался и будет впредь придерживаться раз намеченной цели, сделать Германию в сельскохозяйственном отношении независимой от заграницы и упрочить в этих видах экономическое положение земледельческого населения. Действуя таким образом, канцлер, по его словам, руководствуется не только соображениями экономическими и финансовыми, но главным образом

⁷⁴⁵ Там же. Л. 15-15 об.

⁷⁴⁶ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1905 г. Д. 18. Л. 32-32 об.

социально-политическими, ибо класс землевладельцев является надежнейшей опорой существующего государственного строя и преградой против натиска революционных элементов»⁷⁴⁷.

Эти слова Бюлова являются, во-первых, с нашей точки зрения вполне искренними и отвечают реальному положению дел, во-вторых, со всей очевидностью подтверждают наши наблюдения и выводы о подлинной подоплеке проаграрной политики имперских и прусских кабинетов. Вопрос был не экономический и даже не политический, а в полной мере экзистенциальный. Поэтому режим и был готов идти им почти на любые уступки. Правительство прекрасно понимало, что помешать социалистической агитации в деревне могли только две партии – в протестантских областях консерваторы-аграрии, а в католических – Центр. Этот фактор, с точки зрения правительства, по мере роста влияния СДПГ в стране и в парламенте становился все более значимым. Этим можно объяснить старания канцлера убедить своих слушателей в важнейшем значении для режима их антисоциалистической миссии: «Я питаю глубокую уверенность, что доколе германский хозяин и немецкий крестьянин сидят на своих участках и им предоставлена возможность вести сносное существование, — социал-демократии никогда не удастся захватить в свои руки господство между Балтикой и Альпами»⁷⁴⁸.

Интересно впечатление, которое российские наблюдатели вынесли из другой речи канцлера, буквально на той же неделе произнесенной перед собранием промышленников и торговцев. По мнению посла Остен-Сакена, Бюлов был далеко не столь убедительным, и, признавая несомненные успехи германской промышленности и призывая идти и дальше по пути ее развития, «пытался оправдать исключительное покровительство германскому сельскому хозяйству ссылкой на то, что по его твёрдому убеждению,

⁷⁴⁷ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1906 г. Д. 26. Л. 50 об.

⁷⁴⁸ Там же. Л. 51.

упрочение его будет только способствовать вящему расцвету торговли и фабрично-заводской промышленности империи»⁷⁴⁹.

При этом российские дипломаты отметили, что «общественное мнение» (то есть газеты самой разной направленности) оценило это последнее выступление высшего германского чиновника достаточно критически – «указывают на то, что об одновременном процветании сельского хозяйства и промышленности не может быть и речи до тех пор, пока все мероприятия правительства, клонящиеся к поощрению первого, прямо направлены против интересов торговых и промышленных классов, выражаясь в искусственном повышении цен на съестные припасы и в затруднении сбыта произведений германской промышленности за границу»⁷⁵⁰.

Главная заслуга в создании передовой германской промышленности принадлежит, по оценкам российских дипломатов, которые ссылаются на все те же не названные источники и «общественное мнение», торговым договорам, заключенным графом Каприви, которые «послужили основой для современного могущества и преуспевания империи; поддержание же оных на нынешней высоте едва ли окажется по силам земледельческому классу, составляющему значительно меньшую половину всего населения страны»⁷⁵¹.

Аналитические материалы российского посольства в Берлине свидетельствуют, во-первых, о тенденциозности российских дипломатов во всем, что касается российско-германских торговых отношений и мер, принятых Германией для затруднения допуска на ее внутренний рынок сельскохозяйственной продукции из России. При этом заметно, что российский импорт немецкой промышленной продукции волновал российских дипломатов в меньшей степени. Во-вторых, и немецкие политики, и российские дипломаты излишне категоричны в оценках поддержки правительством той или иной экономической группы. Несомненно, торговые

⁷⁴⁹ Там же. Л. 51 об.

⁷⁵⁰ Там же. Л. 52.

⁷⁵¹ Там же.

договоры 1890-х гг. не были столь уж антиаграрными, а их возобновление/продление в 1900-е годы – антипромышленным. Совершенно очевидно, что имперское правительство старалось проводить максимально сбалансированный курс, но задачи обеспечения государственной стабильности, получения поддержки в прусском ландтаге и частично в германском рейхстаге перевешивали в эти годы чашу весов в пользу аграриев. Значительной частью общества это воспринималось как попытка консервации доиндустриальных общественно-политических отношений, а главное, основ власти в условиях, когда Германия уже прошла этап аграрно-индустриального развития и вступила в индустриально-аграрный период с перспективой дальнейшего неуклонного роста как раз промышленного сектора. Но руководство страны не учитывало этой трансформации. Об этом свидетельствует также выступление Бюлова на аналогичном собрании ССХ в 1907 г., в котором он вновь констатировал проаграрную политику своего кабинета⁷⁵².

1907-1909 гг. были одними из самых спокойных и стабильных в имперской истории Германии. Впервые после отставки О. фон Бисмарка канцлеру удалось создать «правительственный блок», на который он мог стабильно опираться в проведении через рейхстаг всех важных законопроектов. Однако было одно принципиальное «но». Блок этот состоял из представителей консервативных и либеральных партий, интересы которых, объективно говоря, по многим вопросам не совпадали, а цели иногда были диаметрально противоположными. Поэтому такое партийное объединение очевидно не могло быть долговечным и действительно, распалось, столкнувшись с противоречиями по вопросу отдельных пунктов имперской финансовой реформы. Но какое-то время и либералы, и консерваторы были удовлетворены сложившейся ситуацией и старались воспользоваться статусом «правительственной партии» в полной мере.

⁷⁵² АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1907 г. Д. 17. Л. 75. О том, что в речи Бюлова не было новых моментов говорит и краткость поступившей по этому поводу в Петербург депеши из посольства в Берлине.

Отставка Бюлова в 1909 г. не была целью аграриев, хотя такое впечатление и складывается, да и причина ее крылась в осложнении отношений между императором и его первым министром, но все-таки невозможность прийти к соглашению с этой фракцией по вопросу о налоге на наследство сыграла определенную роль в усугублении положения канцлера*.

Эта коллизия ясно показала, что аграрии не готовы были встать на одну доску со всеми остальными классами общества, требовали особого отношения к своим узкословным интересам, не допуская малейшего ограничения своих прав и привилегий.

В 1909 г. для борьбы с аграриями и ССХ как инструментом давления на правительство был создан «широкий антифеодальный фронт»⁷⁵³ – Ремесленный, торговый и промышленный Ганзейский союз (РТПГС). Здесь следует оговориться, что организации промышленников возникли в Германии даже раньше, чем ССХ. В 1876 г. был создан Центральный союз немецких промышленников (СДИ), объединивший в основном представителей тяжелой промышленности и поставивший перед собой цель добиться покровительственных пошлин для своей продукции. В 1895 г. уже как ответ на организацию ССХ возник Союз промышленников (ВДИ). В отличие от СДИ он позиционировал себя как союз, призванный защищать интересы мелкой и средней индустрии, поддерживать тесные отношения с профсоюзами и рабочими организациями. Ведущую роль среди этих двух организаций, благодаря прежде всего своему финансовому положению и лоббистским возможностям, играл СДИ. Его позицию обеспечивали связи с высшей бюрократией, в то время как ВДИ ориентировался прежде всего на взаимодействие с партиями рейхстага. Основную поддержку оба союза получали у свободных консерваторов и национал-либералов. Обе эти

* Реформа, впрочем, все-таки была проведена, а деньги, недополученные из-за отклонения налога на наследство, были предусмотрены в других статьях (акцизные сборы и т.д.).

⁷⁵³ *Ullrich V. Op. cit. S. 179.*

организации по своему влиянию на государственные институты и участию в системе принятия решений даже не приблизились к таковым у ССХ.

РТПГС призван был изменить это соотношение сил, объединив в своих рядах представителей крупного бизнеса, старого и нового «среднего класса». К 1911 г. этот союз почти догнал ССХ по количеству членов и местных организаций – 634 областных союза, 1500 местных руководителей и 250 000 членов, в том числе 740 отдельных промышленных и ремесленных корпораций⁷⁵⁴. Целью Союза, по словам его председателя Я. Рисера, была борьба «против односторонне-демагогического направления, которое хочет неравномерно делить обязанности и права в государстве», т.е. против аграриев, в отличие от которых, «трудящаяся немецкая буржуазия хочет завоевать положение в законодательстве, управлении и в руководстве государством, соответствующее ее экономическому значению»⁷⁵⁵.

Очевидное покровительство, которое Т. фон Бетман-Гольвег оказывал РТПГС, показало, что ситуация действительно начала меняться, и причина тут была совершенно очевидна. В преддверии большой войны, подготовка к которой при Бетмане шла уже полным ходом, для немецких властей, и прежде всего для императора, на первый план вышли новые задачи. Строительство флота и перевооружение армии требовали ускоренных темпов индустриального развития, вопросы аграрных требований и достижения консенсуса с ними перестали иметь первоочередное значение. «Мировая политика», провозглашенная Бюловым еще в далеком 1897 г., в перспективе расширяла возможные рынки сбыта германской продукции, европейский рынок перестал быть единственным, что снизило и остроту постоянного аграрного протеста. Кроме этого, «мировая политика» превратилась в подлинную национальную идею и в этом качестве была воспринята практически всеми социальными слоями и группами, то есть существенно расширила и социальную базу монархии в ее существующей форме. Аграрии

⁷⁵⁴ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1911 г. Д. 18. Л. 139.

⁷⁵⁵ Цит. по: *Ulrich V. Op. cit. S. 179.*

к этому времени перестали быть ее единственной опорой и потому власти могли себе позволить действовать без постоянной оглядки на них. Роль рейхстага постоянно возрастала, а роль камарильи, лоббистских групп, в том числе и ССХ, наоборот снижалась, и это стало важнейшим трендом предвоенного этапа вильгельмовского периода.

К 1912-1913 гг. у правящих кругов Германии, также как и у основных ее политических сил не оставалось сомнений относительно расстановки сил на континенте и состава противостоящих военно-политических блоков. В этой связи судьба торговых договоров, также как и таможенных тарифов потеряла свою остроту как для политиков, так и для дипломатов, хотя сроки действия соглашений заканчивались как раз в 1914 г. Новый российский посол в Берлине С.Н. Свербеев только однажды коснулся этого вопроса в депеше, датированной началом февраля 1913 г. Донося в Петербург о выступлении императора Вильгельма на ежегодном собрании Германского сельскохозяйственного совета, посол констатирует, что «целью Его Величества было доказать, что Германия путём улучшения своего сельского хозяйства не только могла бы, но и должна быть в состоянии обойтись собственным мясом и хлебом, принимая даже в расчёт ее все увеличивающееся народонаселение. Не может представлять сомнения, что такие убеждения, исходящие с высоты престола, придадут здешним аграрным элементам ещё большую энергию в борьбе против ввоза в Германию продуктов нашего сельского хозяйства и скотоводства. Аграрно-консервативная печать уже высказывается в том духе, что столь правильные мысли монарха могут осуществиться только в том случае, если правительство сохранит и ещё усилит меры к сохранению местного сельского хозяйства»⁷⁵⁶.

С.Н. Свербеев, заступивший на свой пост в Берлине только в середине 1912 г. после смерти Н.Д. Остен-Сакена, не имел ни времени, ни способностей для того, чтобы полностью войти в курс дел, а тем более сосредоточиться на

⁷⁵⁶ АВПРИ. Ф. 138 Канцелярия. Оп. 470. 1913 г. Д. 48. Политический архив. Л. 22.

чем-то помимо текущих вопросов русско-германских отношений, но и здесь суждения его были поверхностны и достаточно прекраснотушны. Он искренне полагал и писал в Петербург, что тучи рассеются и Россия с Германией будут мирно сосуществовать, продлевать торговые договоры и обмениваться высочайшими визитами. К тому же депеши 1914 г. в полном виде в АВПРИ нам обнаружить не удалось, возможно, эвакуируясь летом этого года из Берлина, посольство не смогло вывезти все бумаги. Может была и какая-то иная причина, но даже если бы они и сохранились в полной мере, уровень первого лица посольства значительно уступал в осведомленности его предшественнику, поэтому ожидать полноценного анализа внутриполитической ситуации не приходится.

Итак, анализ взаимоотношений правительства и аграриев в 1890-1914 гг. позволяет сделать несколько важных для понимания внутриполитического развития страны и его сложностей выводов.

Именно аграрное лобби и его требования были одной из основных причин перманентного кризиса внутриполитической системы империи. При этом правительство, и шире – власти, понимая, что бесконечные уступки аграриям расшатывают эту систему, все же не могли их не делать. И прежде всего из-за отсутствия на протяжении длительного времени иной реальной опоры монархического режима. Ни либеральная буржуазия, ни тем более рабочие-пролетарии – в монархии не нуждались. И только прусские юнкеры были жизненно заинтересованы в сохранении существующей системы, оставались опорой престола (российские наблюдатели и брали это словосочетание в кавычки, намекая на чрезвычайную его условность). Более того, они предпринимали максимум усилий для того, чтобы, по сути, и оставаться этим режимом. Но делать это в изучаемый нами период аграриям было чрезвычайно сложно. Их задачу, казалось, облегчало то, что они составляли с монархией взаимозависимую систему, обе части которой по большому счету не могли существовать друг без друга. Но с конца XIX в. эта система входила в противоречие с социальными последствиями ускоренного

превращения Германии в индустриально-аграрную державу, выведившего на авансцену политической жизни буржуазию и пролетариат. Парадоксом вильгельмовской Германии было то, что аграрии, требуя закрепления и возобновления своих привилегий, периодически объективно превращались из опоры трона в оппозиционную ему силу, «партию мятежа», также как и те партии, которые стремились к коренному слома и изменению системы. Только вектор этого слома был у социалистов и аграриев разнонаправленным, одни стремились уничтожить монархию, другие – парламентское правление и всеобщее избирательное право. Но результат такого слома был бы одинаковым – уничтожение той системы власти и того государства, которое было создано О. фон Бисмарком. Если же в государстве нет ни одной реальной социально-политической силы, заинтересованной в сохранении его основополагающих принципов, то оно обречено на скоротечную историю, что в результате и произошло с Германской империей.

Если анализировать проблему с этой точки зрения, то постоянный поиск императором и его ближайшими сотрудниками компромисса с аграриями вовсе не лежал ни в плоскости экономической, ни в плоскости парламентской расстановки сил и создания коалиций. Это был вопрос или взаимного существования, или взаимного несуществования обеих частей системы – монархии и ее опоры-базы – прусского крупнопоместного дворянства, бывшего опорой Гогенцоллернов, которые сами были плоть от плоти именно этого класса. Этот тандем вызывал стойкую ненависть к аграриям со стороны фактически всех политических сил империи, но в то же время обеспечивал им устойчивую поддержку со стороны органов исполнительной власти, прежде всего прусской.

§ 3 Формирование политического курса периода вильгельминизма и политические скандалы начала XX в. как фактор дестабилизации имперской системы

Логика исследования эволюции властной системы Германии отчетливо показала, что получение репрезентативной картины этого процесса совершенно невозможно без изучения причин и следствий такого интереснейшего феномена как «скандалы вильгельмовского периода», связанные с именем императора. В литературе им отводится роль одного из важнейших аргументов при определении существовавшей в Германии после 1890 г. системы как «личный режим» Вильгельма II. Они же были тем аргументом, который доказывал и глубину кризиса, и необходимость назревших изменений и был свидетельством того, что эти изменения уже произошли, независимо от воли и желания всех участников политического процесса.

Термин личный (персональный) режим впервые был использован Б. Бюловым и лидерами парламентских фракций в пылу парламентской борьбы, став частью политического лексикона. Затем он перекочевал в историографию. Причины нашего интереса к термину и процессам, которые за ним стоят, несмотря на то что мы с ним принципиально не согласны, совершенно очевидны. Речь идет об адекватном определении системы, в которой император занимал положение центральной фигуры в системе управления. Доказывая, что после 1890 г. политический режим претерпел принципиальную трансформацию, защитники этой теории обосновывают ее тем, что Вильгельм II взял на себя часть управленческих функций канцлера и ведущих министров, вел волюнтаристскую кадровую политику, связанную почти исключительно с его личными предпочтениями, главным критерием которой была личная преданность, а главное – стремился почти единолично формулировать государственную стратегию во внутренней и внешней политике. Все это, по мнению большинства исследователей, стало одной из основных причин внутренней нестабильности государства. А тот факт, что носителем этой

личной власти был человек психологически лабильный, обладавший взрывным темпераментом, увлекающийся и, как считал Рёль и вслед за ним другие историки, не очень умный, недальновидный и непоследовательный, в определенной степени предопределило будущий крах режима.

С этих позиций изучается феномен публичного скандала, в который раз за разом оказывался непосредственно вовлечен монарх, что является важным маркером нарастающего кризиса.

Можно предположить и иную причинно-следственную связь, которая представляется нам вполне логичной. «Раскручивание» скандалов было следствием продуманных действий со стороны как внешних, так и внутренних сил, заинтересованных в ослаблении Германии и ее отказе от реализации объявленных целей. С этими сюжетами связан и еще один – были ли скандалы признаками качественных изменений в политической системе страны, которая представлялась принципиально не подлежащей никакому реформированию, но при этом столь же очевидно эволюционировала. Не зря же излюбленным вопросом германской историографии второй половины – конца XX в. был вопрос – способна ли была Германская империя к реформированию и трансформации. Тут хотелось бы сделать еще одну оговорку – в данном конкретном случае не стоит смешивать эти два понятия – к реформированию она, видимо, способна не была, по крайней мере в своих основополагающих началах без кардинального изменения конституции, которое было возможно только в результате государственного переворота. А вот трансформации, вернее как мы уже писали выше – эволюции, причем достаточно активной, она подвергалась постоянно и чаще всего вне зависимости от политики или даже намерений ее государственных деятелей.

Кроме обстоятельств и причин возникновения того или иного скандала, нас интересует, оказал ли он серьезное влияние на механизм принятия решений и принципы функционирования политического режима вильгельминизма и были ли эти изменения для него фатальны.

В качестве основных «скандалов» такого рода мы рассмотрим следующие – дело Лекерта-Люцова 1896-1897 гг., Эйленбурга-Гардена-Мольтке 1906-1909 гг., скандал с Daily Telegraph 1908-1909 гг. и Цабернский инцидент 1913 г.

Скандалы важны для понимания того постоянно развивавшегося процесса трансформации, который можно условно назвать демократизацией системы власти, то есть перенос центра тяжести политики из кулуарной, придворной сферы, в сферу публичную, в достаточной степени контролируемую обществом.

Следует сказать, что российские дипломаты достаточно рано заметили перемены в системе власти в Германии, последовавшие после отставки Бисмарка. В январе 1891 г. в Петербург министру иностранных дел Н.К. Гирсу была отправлена депеша с приложенной к ней запиской, посвященной партии Центра, которую можно считать первым свидетельством о начале формирования системы вильгельминизма. Ее автором был сотрудник посольства Львов. Записка содержала наблюдения и прогнозы, важные для характеристики начального этапа правления «молодого» императора: «... во внутренней политике Германии отчасти произошло, отчасти готовится произойти целый ряд коренных преобразований. Юный император, страстно относящийся к вопросам внутреннего управления страной, затрагивает все основы, на которые опиралась Германия, можно сказать на протяжении целого столетия, и по-видимому, он не намерен останавливаться перед той оппозицией, которая обнаруживается пока ещё довольно умеренно против некоторых его начинаний, например, в вопросах земского управления, рабочем, школьном и т.д. Какие плоды дает преобразовательная деятельность императора, пока ещё положительно неизвестно. Целые годы должны пройти, прежде чем можно будет судить о результатах этих преобразований. Многие серьезные люди, однако, высказывают опасения, как бы от всеобщего сотрясения не поколебались основы всего государственного здания, и как бы проявляемая императором поспешность видеть на месте старых одни лишь

новые учреждения и порядки, лихорадочно разработанные и установленные, не повредила их устойчивости и пригодности заменить то, что так внезапно устраняется. Не знаю, будет ли Каприви в состоянии привести в исполнение и ввести в жизнь те предначертания своего монарха, часто выражающиеся в одних отрывочных, брошенных мимоходом мыслях, несмотря на то что император требует со стороны канцлера их немедленного осуществления. Само собой разумеется, что суетливо нервная деятельность Вильгельма II невольно передаётся и законодательным собраниям страны и отражается особенно на деятельности парламента, состав которого хоть и остаётся по сие время один и тот же, но в котором правительство должно ежечасно изыскивать новые сочетания партий, для сохранения в своих руках государственного управления»⁷⁵⁷.

Записка рисует картину лихорадочной, нервной деятельности, что было обусловлено двумя, как нам кажется, причинами. Во-первых, особенностями психологического склада монарха, о чем уже достаточно подробно говорилось выше, а во-вторых, масштабом задач, которые он перед собой поставил.

Выстроенная в 1870-е гг. система имела главным элементом фигуру Бисмарка, соединявшую, воплощавшую, решавшую и т. д. Теперь же необходимо было на прежнем конституционном фундаменте построить совершенно новое здание, в котором этот центр отсутствовал. Не то чтобы Германия оскудела политическими деятелями, даже если учитывать, что людей, масштаба Бисмарка в принципе много быть не может. Дело несколько в ином – Вильгельм не собирался искать равноценную замену первому канцлеру, он совершенно не стремился, устранив оригинал, подыскивать копию. Его задачей было построить новую систему, в которой ни один чиновник, ни один политический деятель не мог бы даже претендовать на то место и роль в системе, которую до этого занимал «железный канцлер». При этом совершенно несправедливо было бы обвинять императора в том, что он

⁷⁵⁷ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1891 г. Д. 16. Л. 50-52а.

строил несовременный, архаичный режим с монархом в центре, не отвечающий текущей политической практике. Ведь существовавшая 20 лет система, построенная вокруг Бисмарка, функционировала вполне успешно, то есть принципиально она вполне имела право на существование. Признать же, что ему не хватало личных качеств, например, ума, дальновидности, опыта и т. п., Вильгельм, конечно, не мог, ведь за ним стояли многие поколения предков, к которым он постоянно мысленно обращался, которые смогли создать, сохранить и превратить Пруссию в великую европейскую державу – Германию. То есть, историческое обоснование его претензий было вполне веским.

Вначале, и этот момент российские дипломаты отметили сразу же, его задачей было только изменить то, что существовало до него, глобальная цель этих изменений была сформулирована позднее, и она вполне встраивалась в формируемую императором систему приоритетов и задач. Дипломаты в эти первые годы отмечали, что речи императора «поражают своею неопределенностью, известной долей самоуверенности», при этом «Вильгельм II требует от немецкого народа безусловного доверия к его деятельности и поддержки всеми благонамеренными партиями его настоящей политики. При этом император не упускает случая ещё раз кольнуть старого Бисмарка»⁷⁵⁸. Эти оценки подтверждают сказанное нами выше, главным было уничтожить бисмарковскую систему, а вот очертания новой, вильгельмовской еще только возникали в «непроницаемом тумане, что скрывает тот путь, по которому он намерен вести свой народ»⁷⁵⁹.

«Постоянная неуверенность в завтрашнем дне, какие-то темные намеки, частые перемены заслуженных государственных людей, неожиданные речи и заявления, все это крайне волнует все слои общества, и конечно мало внушает того доверия, на которое рассчитывает император»⁷⁶⁰, - писал П.А. Шувалов в

⁷⁵⁸ Там же. Л. 115-116.

⁷⁵⁹ Там же. Л. 117.

⁷⁶⁰ Там же. Л. 117 об.

той же депеше. Эти слова можно оценивать и по-другому – император начал формировать «свою команду», избавляясь раз за разом от людей, бывших «людьми Бисмарка» или, как А. фон Вальдерзее, претендовавших на самостоятельную роль, на то, чтобы стать «новым Бисмарком». Шувалов так оценивал те причины, которые привели к громкой отставке последнего: «по-видимому, граф Вальдерзее имел неосторожность представить на благоусмотрение императора свои соображения, осуждавшие некоторые из введённых в этом году как в армии, так и в главном штабе преобразований, быть может даже, что граф Вальдерзее порицал также и известные мероприятия в области внутренней политики Германии, во всяком случае он наткнулся на непоколебимое убеждение императора, не терпящего не только противоречия, но даже малейшего разногласия с его взглядами по какому бы то ни было вопросу»⁷⁶¹. Вальдерзее был не просто отправлен в отставку, он был назначен командиром 9-го армейского корпуса, что было не просто понижением, а пощечиной бывшему «наставнику». Для того, чтобы освободить место для Вальдерзее, в отставку был отправлен бывший командир этого корпуса, генерал П. Лещинский (1830-1918), который также пострадал не просто так, он «пал жертвой хороших отношений с Фридрихсруэским отшельником»⁷⁶², т.е. с Бисмарком.

Итак, на примере событий 1891 г. вокруг Вальдерзее, можно сделать определенное обобщение – в отставках первых лет была вполне определенная логика, которая позволила Вильгельму, устранив из власти всех апологетов предыдущего периода, попытаться «начать с чистого листа», постепенно нащупывая новый путь, который должен был привести к превращению Германии из крупнейшей центральной европейской державы в державу мировую. Эта новая цель была совсем не очевидна не только наблюдателям

⁷⁶¹ Там же. Л. 45.

⁷⁶² Там же. Л. 48.

(«но каков именно этот путь? Весь вопрос заключается в этом»⁷⁶³), но, как нам кажется, и самому императору.

Отношения Вильгельма II и Каприви были достаточно подробно описаны выше. Здесь же хотелось бы обратить внимание на несколько основных моментов. Во-первых, внешнеторговая политика Каприви была направлена на создание вокруг Германии некой зоны государств, экономически с ней связанных, а частично даже зависимых. Кроме очевидных экономических выгод это имело и далеко идущие политические последствия – эти государства-партнеры при благоприятных условиях могли стать и внешнеполитическими, и даже военными союзниками. Во-вторых, эта деятельность была направлена на обеспечение поддержки пока еще точно не сформулированным планам императора со стороны торгово-промышленных кругов, ориентированных на экспорт своей продукции, и шире – на мировые рынки. Они должны были стать новой элитой и заменить ту «старую прусскую» элиту, о которой мы подробно уже писали. Понятно, что это разделение является очень упрощенным и грубым, но это упрощение позволяет более четко определить основных сторонников и противников «нового курса» Каприви. Говорить о том, что в эти годы существует, или даже формируется, полноценный «личный режим», по нашему мнению, не приходится. Каприви был достаточно самостоятельной фигурой, причину же его отставки мы видим в том, что ему удалось настроить против себя ту самую старую элиту, которая продолжала испытывать к нему и к инициированным в период его канцлерства договорам жгучую и непроходящую ненависть, не исчезнувшую даже после его смерти.

Х. фон Гогенлоэ-Шиллингсфюрст был фигурой компромиссной, удобной, близкой ко двору и династии, при этом человеком с репутацией либерала, но одновременно и близкого к католической церкви. Эти факторы должны были сделать его приемлемым для всех основных политических сил –

⁷⁶³ Там же. Л. 121

консерваторов, либералов и католиков. Его функцией было «примирение» уже не только политических партий, но всех элементов системы, ее уравнивание, т.е. стабилизация. За прошедшие 4-5 лет курс, который в 1890 г. только намечался, стал приобретать более четкие очертания. В январе 1895 г. после т.н. парламентского вечера с участием императора, членов и руководства всех основных фракций рейхстага, а также представителей некоторых имперских ведомств, П.А. Шувалов сообщил Н.К. Гирсу о речи, произнесенной Вильгельмом II. Речь эта примечательна двумя, по крайней мере, моментами. Во-первых, император говорил о колониальных целях Германии и связанном с ними проекте увеличения флота. То есть контуры будущей «мировой политики» были уже очерчены достаточно отчетливо. Во-вторых, призывая фракции поддержать военно-морской проект, император неожиданно апеллировал к авторитету О. фон Бисмарка. «Доставьте князю Бисмарку, основателю колониальной политики Германии, удовольствие к его 80-ти летнему дню рождения, вотируя в парламенте необходимые для сего средства»⁷⁶⁴. Конечно, в этих словах было лукавство и даже прямое передергивание фактов, так как Бисмарк не только не поддерживал, но и прямо сопротивлялся германской государственной колониальной политике в том виде, как ее предполагал реализовывать Вильгельм. Показательно не это, а то, что теперь Бисмарк был не пугалом, а связи с ним – не черной меткой. Наоборот, для придания веса своему плану Вильгельм посчитал возможным и необходимым обратиться к авторитету первого канцлера, достигнув как раз в это время собственного «примирения» с Бисмарком, которое было широко разрекламировано и живо обсуждалось в обществе и печати. Нам представляется, что вышесказанное не свидетельствует о непоследовательности и спонтанности императора. Наоборот, это говорит в пользу того, что Вильгельм почувствовал свою силу, самостоятельность, теперь обращение к авторитету первого канцлера не умаляло его достоинства,

⁷⁶⁴ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1895 г. Д. 18. Л. 3.

а напротив, придавало еще больший вес, легитимизировало новый внешнеполитический курс.

Российские дипломаты верно оценили место и роль колониальной идеи в общеполитическом курсе правительства, однако те надежды на изменение расстановки сил внутри страны, которые они, вслед за императором, возлагали на колониальную политику, оказались тщетными. «Вопрос об увеличении флота и пробуждение нового интереса к колониальной политике несомненно следует понимать как главнейший пункт программы настоящего курса. В своей первой речи в парламенте новый имперский канцлер сказался уже поборником колониальных интересов. Принимая теперь во внимание вожеления аграрной группы и требования промышленных сфер, воспрянувших при режиме графа Каприви, надо сказать, что совместное поощрение землевладельческим и промышленным классам мыслимо только в том случае, если будут открываться все более обширные районы для сбыта произведений обрабатывающей промышленности, вне пределов европейского материка. Тогда интересы промышленности и земледелия не будут враждебно сталкиваться. Эта черта многозначительна для обрисования программы настоящего курса»⁷⁶⁵.

Колониальная политика рассматривалась, в том числе, как интеграционный фактор, который сможет примирить все основные социальные и политические силы, а также группы экономических интересов. Удалось это если не в полной, то в очень значительной степени, и момент, когда курс приобрел отчетливые очертания, – скорее всего 1895 год. В 1896 г. на торжествах, посвященных 25-летию образования Германской империи, император произнес речь, «изображавшую Германию как мировую империю (Weltreich) ... Говоря о будущем этой увеличенной империи, его величество призвал всех на помощь в деле все большего сплочения оной»⁷⁶⁶. Эта речь была примечательна тем, по крайней мере так ее восприняли слушатели, что стала чистой воды импровизацией, первые слова ее даже «испугали канцлера

⁷⁶⁵ Там же. Л. 4-5.

⁷⁶⁶ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1896 г. Д. 19. Л. 7.

Гогенлоэ», не ознакомленного заранее с содержанием выступления императора. Это обстоятельство как раз перекидывает для нас «мостик в будущее», является провозвестником обстоятельств будущих скандалов и необдуманных, несогласованных публичных выступлений. Из этих слов понятно и другое, автором концепции «мировой империи», которая проводит «мировую политику», был сам император и его ближайшее окружение, и озвучена она была впервые в начале 1896 г. Еще год спустя она обрела окончательный вид и началось ее превращение в национальную идею «мировой политики».

В том же 1896 г. на страницах российских дипломатических депеш впервые встречается и упоминание скандала, связанного, правда, еще не с императором, а со статс-секретарем по иностранным делам бароном А. Маршаллом фон Биберштейном, который инициировал процесс против журналистов Г. Лекерта и К. Люцова, обвинив их в умышленном искажении речей российского и германского императоров в Бреславле (т.е. Вроцлаве. – *А.М.*), что повредило репутации статс-секретаря в глазах общественного мнения⁷⁶⁷. Речь шла о статьях авторства этих двух журналистов, которые содержали информацию, порочащую Маршалла, а также двух прусских министров – фон Келлера и Бронсара фон Шеллендорфа, что привело к вынужденной отставке обоих. Скандал содержал несколько интересных и важных для нашего исследования моментов.

Во-первых, он был связан с публикациями в газетах, в результате чего достоянием публики стали те сведения, которые ранее никогда бы не попали в публичное пространство. Во-вторых, в ходе процесса выявилась связь журналистов с комиссаром политической полиции фон Таушем, по заказу которого якобы эти статьи и были напечатаны, а Люцов состоял негласным агентом полиции. Далее же началось самое интересное, фон Тауш заявил, что

⁷⁶⁷ Подробнее см.: Der Prozess Leckert-Lützow : verhandelt vor dem Landgericht I zu Berlin vom 2. bis 7. Dezember 1896 : nach der amtlichen stenographischen Aufnahme in Verbindung mit anderen Berichten. Berlin, 1896. URL. <https://archive.org/details/derprozesslecker00leck> (дата обращения 10.11.2023).

за ним стоит никто иной как Ф. Эйленбург, в то время гофмаршал и посол в Вене, ближайший друг и советник императора, а впоследствии и главный фигурант другого громкого скандала, в который был вовлечен уже непосредственно Вильгельм II. Во время процесса Лекерта-Люцова всплыли сведения, касающиеся Либенбергского кружка, т.е. узкого круга доверенных лиц императора, в определении которого уже в 1896 г. встречается термин параллельного или побочного правительства (*Nebenregierung*). Газетные публикации касались также интриг этого «кружка», созданного Ф. Эйленбургом, связанных с событиями, предшествующими отставке канцлера Каприви. Еще одним важным пунктом, который был предан огласке в ходе процесса, было утверждение, что искажение речи российского императора было опосредованно вызвано английскими интригами. Сент-Джеймский кабинет надеялся, будто бы, что обида царя воспрепятствует дальнейшему сближению Петербурга и Берлина, которое могло бы принести большие проблемы и осложнения британской политике в Европе. Это первое свидетельство о «британских ушах», торчащих из «немецких скандалов», представляет для нас несомненный интерес, и связывает эту первую «скандальную ласточку» со всеми последующими.

В связи с процессом в обществе возникли слухи о неких разногласиях, будто бы имеющих место среди членов прусского кабинета по поводу процесса. Они были столь настойчивы, что министр-президент князь Х. Гогенлоэ посчитал нужным выступить в январе 1897 г. в прусском ландтаге, чтобы постараться уверить депутатов, что правительство едино в своей поддержке статс-секретаря Маршалла, что «сам император не опасается гласности», а вызов из Вены Эйленбурга для дачи показаний в суде «соответствует государственным интересам»⁷⁶⁸. Российские дипломаты доносили в Санкт-Петербург, что все органы печати в основном поддерживают правительственную позицию и только *Hamburger Nachrichten*, карманная

⁷⁶⁸ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1897 г. Д. 21. Л. 10-11.

газета Бисмарка, «продолжает строго критиковать министерство за возбуждение процесса и соединённую с последним гласность, которая, будучи не в традициях старо-прусского режима, неминуемо подрывает, по мнению ганзейского органа, уважение к преобладающей власти»⁷⁶⁹.

Эти инспирированные Бисмарком публикации представляют двойной интерес. Во-первых, тем, что впервые часть тайных пружин, стоящих за его и Каприви отставками, стала достоянием гласности и даже темой судебного заседания, которое, кстати, закончилось победой обвинителей и присуждением подсудимым небольших сроков заключения и достаточно больших штрафов. Во-вторых, Бисмарк порицает правительство за то, что оно использовало легальные, публичные методы в борьбе прессы и чиновников, не продумав до конца всех очевидных последствий этого шага. Слухи об отсутствии единства в Государственном министерстве также, конечно же, имели под собой почву. Влияние кружка Эйленбурга не могло не беспокоить членов министерства. В борьбе с ним, а также с Ф. Гольштейном гласность и максимальная публичность были, как представляется, единственным средством. Пока что опасность того, что эта публичность грозит разрушением не части системы, а ее полным сломом, была не очевидна. Бисмарк же предлагал оставить все как есть – тайное тайным, а публичное – публичным. В некотором роде именно в 1896-1897 гг. джинн был выпущен, вернее сам вырвался из бутылки, и повернуть процесс вспять было уже нельзя. То есть, мы позволим себе поспорить с многочисленными, закрепившимися в литературе утверждениями, что в 1890-1900 гг. формировался личный режим⁷⁷⁰, а затем наступил его кризис. Процесс Люцова-Лекерта стал скорее свидетельством иной тенденции. Уже в середине 1890-х гг. общественность через газеты, которые постепенно превращались в средства массовой информации, начинает получать ту самую информацию о происходящем в коридорах власти. Пока что

⁷⁶⁹ Там же. Л. 9.

⁷⁷⁰ Röhl J. G. C. Wilhelm II. Der Aufbau der Persönlichen Monarchie 1888-1900. München: C.H.Beck. 2001; Nonn Ch. Das Deutsche Kaiserreich. Von der Gründung bis zum Untergang. München: C.H. Beck Verlag. 2017. S. 67-71 и др.

она еще не имеет значительных рычагов для того, чтобы оказывать какое-либо влияние на процессы, но ее осведомленность постепенно становится фактором политической жизни. То есть, начинается еще очень неявный кризис существующей системы, раздаются «первые звонки» будущих потрясений.

В 1898 г. в Германии достаточно широко праздновался 10-летний юбилей правления Вильгельма II. В этой связи хотелось бы привести только некоторые оценки этого периода, данные российскими дипломатами. Первые шаги императора после отставки Бисмарка они оценивают как неудачные, причем как во внутренней, так и во внешней политике, и резюмируют: «Крайняя впечатлительность монарха, выражавшаяся в частых переменах ближайших советников, его постоянные разъезды и беспрестанные речи, особливо на первых порах звучавшие крайне непривычно, создали и в самой стране беспокойство, которое нашло поддержку в лице князя Бисмарка». Но «ныне картина вполне поменялась», а «германское общественное мнение оценило выдающийся государственный ум своего правителя. Органы всех оттенков, исключая конечно, социалистических, сливают свои голоса в хвалебном гимне императору. ... Популярность императора ещё более выросла за последнее время ввиду блестящего выполнения Киао-Чауской экспедиции, так как никому не тайна, что последняя была выдумана и приведена в исполнение по исключительному почину императора»⁷⁷¹.

Эта оценка как нельзя лучше демонстрирует главный тренд этих 10 лет. Предложенный императором курс, связанный с колониальными приращениями и «мировой политикой», был с удовольствием воспринят основной частью немецкого общества, его трансформация в национальную идею шла достаточно быстро, а речь Бюлова, в которой эта идея была окончательно сформулирована, была фактически констатацией уже идущего полным ходом процесса.

⁷⁷¹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1898 г. Д. 17. Л. 113-116.

Забегая несколько вперед, в связи с вышесказанным хотелось бы остановиться на одной примечательной речи императора, произнесенной им в Бремене в марте 1905 г. перед отплытием в Средиземное море. Эта речь иллюстрирует его тогдашние представления о месте и роли Германии в мире, ее внешнеполитической стратегии и то, как эту стратегию она хотела бы представить мировому сообществу. Не зря посол России воспринял ее как «государственную программу и идеал мирового владычества Германии, каким он является в глазах самого императора»⁷⁷².

Вильгельм заявил, что при вступлении на престол он поклялся, насколько это будет от него зависеть, оставить в покое штыки и пушки. Сохранение мира является главной его задачей, повторил он неоднократно и добавил, говоря о создаваемом им флоте, что каждое новое германское военное судно, спущенное на море, призвано служить этой цели, ибо тем самым противники все менее будут желать ссоры с Германией и дружба ее как союзницы будет все более цениться. «Мировое же царство, о котором я мечтал, – сказал император, – это воссоединённая Германская империя, пользующаяся полнейшим доверием всех как спокойный, честный и миролюбивый сосед, и если однажды история будет говорить о мировом владычестве Гогенцоллернов, то таковое не должно быть создано мечом, а основано на взаимном доверии стремящихся к одинаковым целям народов»⁷⁷³. Ключевыми в данной речи, конечно же, были слова о мировом владычестве Гогенцоллернов, именно это, а не просто слава и мощь Германии были главной целью и приоритетом императора. Рассуждения же о мирном пути достижения этой цели – вряд ли уловка, Вильгельм вполне мог всерьез рассматривать вариант мирного достижения основных своих целей, или по крайней мере – путем ограниченной, локальной войны, но никак не мирового конфликта, тем

⁷⁷² АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1905 г. Д. 18. Л. 66.

⁷⁷³ Norddeutsche Allgemeine Zeitung. 24.03.1905. URL: <https://www.deutsche-digitale-bibliothek.de/newspaper/item/IHQBAABHYF5RWNGQN42OUD5SSEALXZNT?issuepage=1> (дата обращения 12.01.2024).

более что сложности России в Азии и на Дальнем Востоке открывали Германии неплохие перспективы.

В ходе празднования 10-летнего юбилея император выступал перед самыми разными аудиториями, но две речи российские дипломаты посчитали нужным отметить особо. Во-первых, речь перед полками Потсдамского гарнизона, в которой Вильгельм повторил мысль, которая была для него чрезвычайно важна – именно армия, прусская армия является главной, и хорошо если не единственной действенной опорой престола, опорой династии Гогенцоллернов и его, Вильгельма II, режима. Вторая речь была не менее примечательной, но в то же время и совершенно неожиданной. Обращена она была к артистам королевских театров и сказано в ней было буквально следующее: «Театр должен служить оплотом против надвигающегося материализма и рассадником идеалистических стремлений в духе чисто национальном». Посол Остен-Сакен так комментирует это высказывание: «до сих пор подобное обращение коронованного лица к артистическому сообществу, придающее деятельности последнего характер государственный, ещё никогда не встречалось в театральных летописях»⁷⁷⁴. Выступление это, по сути, является свидетельством серьезной идеологической работы с обществом. В другом месте Вильгельм сказал, что «театр — это ещё одно мое оружие, наряду со школами и университетами»⁷⁷⁵. Считая наступившее время «веком науки и техники, а не философствования»⁷⁷⁶, придавая огромное значение развитию технических новинок⁷⁷⁷, он вместе с тем понимал, что театр и вообще зрелищные мероприятия имеют большое значение в воспитании национального патриотического чувства*.

⁷⁷⁴ Там же. Л. 121.

⁷⁷⁵ Berliner Tageblatt от 21.06.1898.

⁷⁷⁶ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1902 г. Д. 14. Л. 213.

⁷⁷⁷ Подробнее см. *König W.* Op. cit.

* Была и еще одна причина для увлечения Вильгельма театром. Во внешних атрибутах его царствования было очень много помпезно-театрализованного, страсть к пышным нарядам и переодеваниям была особенностью его личности, но и признаком декадентского, маскарадного *fin de siècle*, присущего всему высшему европейскому обществу, стоит только вспомнить Русский бал 1903 г. и празднование 300-летия Дома Романовых в 1913 г.

Патриотизм и другие качества, которыми в полной мере надлежало обладать немцам, должен был воспитываться не только с помощью театра, но и спорта. В 1906 г., выступая перед членами Северогерманского гоночного союза в Куксхафене, император повторил вновь, что «будущее Германии лежит на море» и заявил, что парусный спорт имеет «серьезное значение в деле вящего укрепления мужественности, являющейся отличительной чертой немецкого народного характера. Способности немецких граждан могут находить себе многообразное применение на военной, гражданской и общественной службе, но нигде они не проявляются так ярко как на море, точнее, по характерному выражению Его Величества „на соленой воде“.

„Поэтому, — сказал император, обращаясь к членам гоночного союза, — я приветствую в лице каждого из вас моего соратника и сотрудника в деле нравственного воспитания наших мужей, дабы эти последние имели возможность с ясным взглядом на будущее направить все свои мысли и стремления на службу родине“»⁷⁷⁸. Культ тела, физической силы, мужественности и т.д., как мы видим, появился задолго до 1930-х гг. и был причислен императором к нравственным основам немецкого национального характера, что чрезвычайно показательно для понимания этого характера в целом.

Летом 1903 г. император праздновал уже 15-летие своего правления. Это событие отмечалось достаточно скромно, но российское посольство посчитало нужным отправить в Петербург отчет о газетных публикациях по этому поводу, среди которых наибольший интерес для нас представляет следующая констатация: «Своей личностью и своим постоянным вмешательством в дела управления империей, Вильгельм II отодвигает на задний план значение имперского канцлера, и будь то граф Каприви, князь Гогенлоэ или новый фаворит граф Бюлов, все они более или менее являются перед общественным мнением лишь исполнителями его монаршей воли»⁷⁷⁹. Как представляется, эти

⁷⁷⁸ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1906 г. Д. 26. Л. 172.

⁷⁷⁹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1903 г. Д. 14. Л. 123.

слова достаточно точно отражают существующее положение вещей. Император являлся главным «инициативным центром», хотя Каприви, Бюлов или Гогенлоэ имели возможности проявлять самостоятельность, обладали «правом голоса» и при выработке курса и при реализации императорских инициатив. Тем самым для современников было очевидно, что центральную роль во всей системе власти играл император. Это вовсе не означает государственного переворота и установления авторитарного режима, но дает возможность ответственность за все неудачи, провалы и скандалы, к которым имели отношение властные структуры, пресса и формируемое ею общественное мнение, возлагать на императора.

Эта возможность облегчалась психологическими особенностями характера Вильгельма II. Во-первых, император был очень несдержан в своих публичных высказываниях. Часто во время выступлений он настолько увлекался, что переставал следить за корректностью своих слов. Принимая во внимание, что, как правило, все его речи публиковались не только в официальном *Reichsanzeiger*, но и в других газетах, они были известны практически повсеместно. Часть прессы, особенно социал-демократические органы были настроены к императору недоброжелательно и способствовали созданию его негативного имиджа. Свидетельства этого можно увидеть даже в максимально «дипломатичных» дипломатических депешах: «заслуживают некоторого внимания беспрестанно проявляющиеся и вымышлено приписываемые императору Вильгельму изречения, которые вызывают постоянные процессы по обвинению в оскорблении Величества. Одна из газет поспешила оповестить своих читателей, со слов своего корреспондента в Киле, будто бы император, говоря о последних выборах, выразил сожаление, что не имеет возможности расстрелять все 3 млн избирателей, подавших голоса за социалистических депутатов». И таких примеров было достаточно. Эти статьи, которые часто были действительно прямыми инсинуациями, а частично результатом, мягко говоря, запальчивости императора, мало способствовали «сохранению в народных массах обаяния верховной власти,

среди и без того расшатанного в Западной Европе монархического принципа»⁷⁸⁰.

Во-вторых, общественность в предыдущее царствование была приучена к тому, что император является почти сакральной фигурой, он достаточно редко появляется на публике, не часто выступает публично, а говорит за него всегда канцлер. Того, каковы же отношения были между ними в действительности, и кто какую роль играл – за пределами очень узкого круга самых высокопоставленных чиновников и людей, близких к династии, известно не было. В-третьих, в германской политике как раз в это время происходил переход от полностью кулуарных методов работы к частично открытым, что было обусловлено понятными экономическими, социальными, образовательными и др. изменениями.

Однако, не приходится говорить о том, что политика в XX и даже в XXI веке стала полностью публичным делом. Поэтому невозможно согласиться с оценками периода вильгельмизма как личного или персонального режима императора, что всегда несет в себе негативную коннотацию. Мы видим суть вильгельмизма в ином. Да, император в определенной степени реализовал свое намерение 1890 г. – взял ответственность за дела на себя. Но главной характеристикой периода было не это, а то, что рейхстаг, формируемый на основе максимально демократичной для своего времени избирательной системы, постоянно расширял де-факто сферу своего влияния. Центр принятия решений начал смещаться в сторону парламента, который во все большей степени если не определял политический курс, то влиял на возможности/невозможности его реализации.

В-четвертых, и эти обвинения критиков личного режима были самыми серьезными, речь шла о чрезвычайно сильном влиянии на императора узкого круга лиц, который получил название Либенбергского кружка, камарильи и т.д., связанного с именем графа Ф. Эйленбурга. Занимаемые им должности

⁷⁸⁰ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1903 г. Д. 14. Л. 151.

были вполне высокими, но все же формально не соответствовали тому влиянию, которое он имел на императора и, следовательно, на политику империи.

В связи с этим необходимо остановиться на основных событиях, этапах скандала Эйленбург-Гарден и связанного с ним ряда судебных процессов. Осенью 1906 г. в журнале *Die Zukunft* появилась статья М. Гардена*, двусмысленно озаглавленная «Прелюдия», в которой он намекал на интимные отношения между императором и Ф. Эйленбургом и на создание последним т. н. кружка Либенберга (по названию его поместья недалеко от Берлина). Император любил проводить там время в сугубо мужской компании, в которую кроме Эйленбурга входили также князь Р. цу Дона-Шлобиттен, генерал-интендант прусского придворного театра Г. фон Хюльзен-Хезелер, флигель-адъютант и комендант города Берлина К. фон Мольтке, скульптор граф Э. фон Шлиц, посол Вюртемберга в бундесрате барон А. Фарнбюлер. Близок к ним был и имперский канцлер Б. фон Бюлов, в значительной степени обязанный своим назначением именно Ф. Эйленбургу, о чем мы писали выше. Обвинения в прессе повлекли за собой, с одной стороны, несколько судебных процессов как против Гардена, на которых его обвиняли в клевете, так и против людей, которых он обвинял в двух основных преступлениях – гомосексуализме, который был в то время в Германии, также как и в большинстве европейских стран, уголовным преступлением (статья 175 уголовного кодекса), а также в лжесвидетельстве под присягой. В результате этих обвинений приближенные к императору фигуранты процесса лишились монаршего расположения, вынужденно ушли в отставку и эмигрировали из Германии. Более того, эти скандальные разбирательства как в прессе, так и в суде, нанесли самый серьезный урон и монархическому режиму, и престижу Вильгельма II, и

* Максимилиан Гарден (Harden) (20. 10. 1861, Берлин – 30. 10. 1927, Монтана, Швейцария), немецкий журналист, публицист, критик (еврейского происхождения, настоящая фамилия Витковский), в 1892-1922 гг. редактор и издатель еженедельного журнала *Die Zukunft*, на страницах которого он публиковал в 1906-1908 гг. свои разоблачительные статьи.

династии, и Германской империи в целом, причем как внутри страны, так и за рубежом.

Общепринятым фактом считается, что толчком к началу кампании Гардена стало унижение Германии на Альхесирасской конференции 1906 г. и недовольство части политических кругов, с которыми якобы был связан Гарден, достаточно мягкой позицией императора и его отказом от немедленного военного ответа, что было воспринято как свидетельство слабости и неспособности Вильгельма к решительным действиям. Император получил прозвище «миролюбивый», что имело в тогдашних условиях совершенно очевидную отрицательную коннотацию. Это то, что лежало на поверхности. Кроме этого, было еще несколько вопросов, которые до настоящего времени являются предметом не только научной дискуссии, но и политического спора. Во-первых, кто стоял за Гарденом, в чьих, собственно, интересах была затеяна вся эта кампания. Отвечая на этот вопрос, надо понимать, что далеко не всегда инициатор какого-либо конфликта в дальнейшем может им управлять и получать те преференции, на которые рассчитывал изначально. В литературе в качестве такого инициатора рассматриваются несколько фигур – семья Бисмарка, прежде всего бывший статс-секретарь ведомства иностранных дел Герберт Бисмарк, который якобы таким образом мог мстить Эйленбургу за его активное участие в событиях февраля-марта 1890 г.; Ф. фон Гольштейн, отправленный в отставку в 1906 г. и получивший свое прозвище «серого кардинала» немецкой внешней политики как раз от Гардена. Он мог мстить как за свое устранение из активной политической жизни, так и просто интриговать за место, максимально близкое к трону. Третьим кандидатом на роль силы, стоящей за Гарденом, является Б. Бюлов, и эту версию отстаивает П. Винцен автор самой подробной современной монографии, посвященной делу Эйленбурга-Гардена⁷⁸¹. Свою позицию он обосновывает тем, что Эйленбург во время полугодовой болезни

⁷⁸¹ Winzen P. Op. cit. S. 10-11.

Бюлова начал подыскивать ему замену, что грозило канцлеру отставкой как с имперских, так и с прусских постов. Кроме того, канцлер, по мысли Винцена, фактически задумывал захват власти путем устранения всех, кто был рядом с императором, чтобы занимать эту позицию единолично и получить максимальное влияние на трон и на весь комплекс властных институтов⁷⁸². Не отметая всех этих вариантов, мы все-таки склонны выдвинуть несколько иную версию.

Во-первых, вряд ли можно было предположить, что ящик Пандоры, открытый этими публикациями, будет легко захлопнуть так, чтобы скандал затронул только некоторых «фигурантов дела» и безболезненно прошел для других. Совсем сбрасывать со счетов такую версию нельзя, так как вся сила воздействия на общество современных средств массовой информации была еще не очевидна ни для правительственных сфер, ни даже для журналистов. «Четвертая власть» только становилась реальным властным центром, и ее силу все склонны были скорее преуменьшать, чем преувеличивать. Во-вторых, очевидно, начиная прямо с первой публикации, что Эйленбург был скорее средством, чем подлинной целью этой газетной кампании. Целью ее изначально был сам император, и ни Бюлову, ни Гольштейну, ни даже Г. Бисмарку дискредитация монарха, которая могла привести не только к падению «личного режима», но и к ослаблению, вплоть до краха, династии в целом, выгодна совершенно не была. Все эти люди, придерживавшиеся самых разных взглядов на внутреннюю политику или внешнеполитический курс, были патриотами своей страны, участвовали в выработке этого самого курса и прекрасно понимали, что в сложившихся условиях император является одним из краеугольных камней системы, устранение которого обрушит все здание. Каждый из них мог стремиться к корректировке режима, но не к его кардинальному слому. Все они, кстати, и по своему социальному

⁷⁸² Ibid. S. 344-345.

происхождению относились к высшему дворянству, на плечах которого изначально существовало прусское государство.

В-третьих, использование в качестве «темы» именно нетрадиционных сексуальных отношений, с намеками на участие в соответствующих «оргиях» императора, ставило его не просто в положение уголовного преступника, но в центр обсуждения темы, максимально табуированной обществом и могущей нанести самый значительный ущерб репутации. Люди, вовлеченные в такого рода отношения, теряли, по самому распространенному мнению, всю свою мужественность, становясь слабыми, безвольными, неспособными к жестким решениям, что якобы и продемонстрировал император во время конференции по Марокко, не решившись на жесткий ответ Франции. Скандал этот вызвал общественную дискуссию, поиск гомосексуалистов во всех сферах общественной жизни, прежде всего в армии, вел к их преследованию, больше всего напоминающему средневековую охоту на ведьм.

В-четвертых, у скандала была еще одна составляющая – антисемитская. То, что Гарден и его адвокат, а также другие издатели и редакторы либеральных и социалистических газет и журналов были евреями, давало повод их противникам говорить о сионистской клике, стремящейся к разрушению Германии. Эта тема и раньше была важна для немецкого общества, не зря же в рейхстаге десятилетиями были представлены партии и организации, имевшие общее название «антисемитских», причем число их депутатов в имперском парламенте год от года только возрастало. Поэтому использование именно Гардена в качестве инициатора кампании против императора и общественных устоев неминуемо вело к усилению антисемитских настроений в обществе, а также к его дальнейшей поляризации и по еврейскому вопросу в том числе. Антисемитизм был и частью официальной программы ССХ, что опять-таки обостряло конфликт между аграриями и левыми силами.

Итак, исходя из всего вышесказанного, если оставить без рассмотрения возможность того, что Гарден действовал самостоятельно и никто за бутылкой вина не «сливал» ему информацию, то встает вполне резонный вопрос – кому

было выгодно ослабление Германской империи изнутри, полная компрометация фигуры императора и монархии в целом. В этом случае на первый план выходят две силы – социал-демократы, которые были вполне заинтересованы в том, чтобы представить Вильгельма недееспособным, находящимся под влиянием, почти под контролем уголовных преступников, аморальность которых доведена до предела. Второй возможностью были внешние силы, самой правдоподобной из которых выступает не Россия или Франция, а Великобритания. Ниже мы постараемся ответить на вопрос, есть ли в источниках, которыми мы располагаем, подтверждение одной из этих двух версий и является ли оно весомым, логичным и имеющим право на существование в научном исследовании. К тому же вполне обоснованным представляется и предположение, что этот скандал, а также последующие (*Daily Telegraph* и *Цаберн*) являются звеньями одной цепи и тесно связаны друг с другом.

Осенью 1907 г. процесс по обвинению бывшим комендантом Берлина генералом графом К. Мольтке журналиста М. Гардена в клевете и оскорблении чести впервые был упомянут в депешах российского посольства. Судебное разбирательство, проходившее к тому же в открытом режиме, закончилось оправданием Гардена, но приняло размеры небывалого в истории германской империи скандала. Российское посольство доносило в Петербург: «Суд придал всему делу политическую и в высшей степени грязную в нравственном смысле окраску, допустив свидетельские показания, не имевшие прямого отношения к делу и затронувшие самые сокровенные стороны частной и общественной жизни лиц, занимавших высокое положение при дворе и в армии, представителей высшей германской аристократии, близко стоявших к особе самого императора. Распространённые по всей Германии газетные отчеты о судебных заседаниях, переполненные гнуснейшими подробностями показаний Гардена и его защитника, а также вызванных им свидетелей, произвели по всей стране такое глубокое возбуждение, что печать и общество поняли наконец, что скандал принял чересчур большие размеры и что процесс, начатый во имя

оздоровления германской жизни, потрясёт на самом деле основы государственности, династии; подрывая дисциплину в армии, возбуждает ненависть одной части населения против другой и, наконец, оказывает самое пагубное влияние на нравственность населения, жадно набросившегося на сенсационные разоблачения о распущенности высших классов страны». И далее автор депеши прямо пишет о двух силах, упомянутых нами выше, как о возможных участниках, вольных или невольных, этого скандала: «Однако знаменательнее всего в этом деле является использование его враждебными канцлеру органами партии Центра и социал-демократов, злонамеренно подчеркивающими выгоды, которые может извлечь князь Бюлов от смертельного удара, нанесённого этим процессом влиянию придворной камарильи, зачастую столь неудобному для самого канцлера. Что же касается отклика заграничных газет, то достойно внимания негодование газеты Times на допущенное германским правительством и оставленное без возражений оскорбление на суде аккредитованного в Берлине французского дипломата Г. Леконта, которое представляет небывалое в истории международных сношений явление и нарушает все существующие на этот счёт международные обычаи»⁷⁸³.

То есть, по мнению российских дипломатов, Бюлов, пока еще напрямую не вовлеченный в скандал, является скорее пострадавшей стороной, в то время как его враги (а дело, напомним, происходит осенью 1907 г. в момент еще вполне прочного существования либерально-консервативного блока и перехода Центра в оппозицию, где давно уже находилась и СДПГ) стараются извлечь из разворачивающегося скандала какие-то преференции. Что же касается ведущей английской газеты, то тут примечательно даже не столько то, что она попыталась использовать скандал, чтобы обострить германо-французские отношения и в принципе вывести сугубо внутреннее дело в сферу международных отношений, а то, что эта публикация в принципе заслужила

⁷⁸³ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1907 г. Д. 17. Л. 241 об. – 242 об.

упоминания в российской депеше, в то время как никакие другие органы иностранной прессы такого внимания не удостоились.

В ноябре того же 1907 г. в Петербург были посланы еще две депеши, по интересному совпадению связанные с теми же сюжетами. Но если первый из них вполне логичен и является донесением о заседании рейхстага, на котором один из вождей католической фракции доктор Шпан, коснувшись процесса Мольтке – Гарден, начал говорить о «сильном заражении нескольких полков германской армии», то есть о проникновении в святая святых, в армию, нравов, сходных с нравами «языческого мира». Католиков поддержали консерваторы в лице депутата Рихтгофена, после чего пришлось выступать имперскому канцлеру: «князь Бюлов ... категорически отверг огульное обвинение армии: виновных не много, и против раскрытого зла военные власти будут действовать *ferro et igni* (т.е. железом и огнем. – *А.М.*). Далее канцлер объяснил своё личное отношение к недавнему процессу, указав, что инициатива для доклада монарху о столь нашумевших статьях Гардена не могла входить в круг его обязанностей, так как статьи опирались на недоказанные слухи. Имперскому же кронпринцу, из чувства сыновней преданности, естественнее было довести до сведения монарха о проникших в гласность обвинениях против близких ему лиц. Затем канцлер отверг всякое соотношение между известными произнесенными им в рейхстаге словами о «камарилье» и нападками Гардена. Он подтвердил, что при дворе императора Вильгельма никакой «камарильи» существовать не может уже в силу индивидуальных качеств монарха. В заключение своей речи князь Бюлов опроверг обвинение, будто прошлогодний роспуск парламента вызван был соображениями, находящимися в связи с той же «камарильей», с личными интригами и тому подобными обстоятельствами»⁷⁸⁴.

Речь здесь идет о том, что о статьях Гардена императору сообщил не канцлер, а кронпринц, а также о наличии или отсутствии «личного режима» и

⁷⁸⁴ Там же. Л. 270 об. – 271 об.

круга приближенных, которые теперь оказались в центре скандала. То есть, и депутатов, и иностранных дипломатов волновал один вопрос – является ли канцлер самостоятельной, хотя бы до известной степени, фигурой, или же он только ширма, а страной правят люди, не облеченные никакими полномочиями и не несущие вообще никакой ответственности ни перед кем. Бюлов пытался, причем не очень убедительно, отрицать само существование такого круга лиц, влияющих на политику империи, из этого, впрочем, не вытекает, что это влияние было определяющим и заменяло прописанные в конституции властные институты.

Вторая тема, которая обращает на себя внимание в сообщениях российских дипломатов из Берлина, связана опять-таки с Англией. Императорская чета посетила Туманный Альбион и вернулась оттуда, полная надежд на «восстановление между Германией и Англией тех же добрых отношений, какие существовали между ними в старые годы». В ответ на эти надежды в *Hamburger Nachrichten*, которые и после смерти О. фон Бисмарка и даже его сына Герберта продолжали отстаивать свойственный им образ мыслей и действий, как образ мыслей значительной части прусской земельной элиты, появилась статья, основанная на высказываниях Бисмарка, что «Англия всегда и во всем становилась поперёк пути немецким интересам и что, не вернись в 1814 году Наполеон с острова Эльбы, даже Венский конгресс окончился бы войной Англии, Франции и Австрии против России и Пруссии». То есть, никаких добрых отношений между Англией и Германией никогда не существовало и восстанавливать, соответственно, нечего. Газета только надеется, что «для большинства германского народа мнение покойного канцлера будет авторитетнее мнения господина фон Шена»⁷⁸⁵. При этом официальная печать, по свидетельству Н.Д. Остен-Сакена, глубоко удовлетворена итогами императорского визита и считает, что «недоразумения между обоими государствами отныне совершенно улажены, и впредь

⁷⁸⁵ Там же. Л. 250.

германская политика найдёт в Англии более правильную оценку, хотя ни с одной, ни с другой стороны не выражаются, конечно, требования о подчинении политики обеих стран чужим интересам»⁷⁸⁶. Отношения ни с одной другой страной, за исключением только России, не привлекали такого внимания российского посольства и немецкого общественного мнения как отношения с Великобританией. Это вполне объяснимо и ее весом в Европе и мире, и особым отношением к ней Вильгельма II, о чем мы подробно писали выше. Все это имело и обратную сторону: чрезвычайную заинтересованность Англии в германских делах, ее стремление превентивно ослабить своего эвентуально главного конкурента и противника в будущей войне.

В середине декабря все того же 1907 г. российские дипломаты вновь вернулись к делу Мольтке-Гардена в связи с очередным судебным разбирательством по нему. Первое, что сделал суд, это перевел процесс в закрытый режим, что вызвало недовольство в обществе и печати и одобрение в дипломатических кругах. Дипломаты замечают, что этот шаг снизил общественный интерес к процессу, который был вызван обнародованием «жареных» фактов и простым любопытством людей к скандальным подробностям чужой жизни вообще, а власть имущих – тем паче. К тому же Гарден стал вести себя несколько более спокойно, не видно «прежней вызывающей самоуверенности»⁷⁸⁷. В той же депеше впервые в этой связи упоминается имя графа Ф. Эйленбурга и возможность инициирования им нового процесса «против Гардена и Бернштейна [адвокат Гардена – А.М.], оскорбительно относившихся к нему в течение октябрьского судопроизводства»⁷⁸⁸. В 1907 г. под занавес года Гарден был приговорен к 4-месячному тюремному заключению и к уплате судебных издержек. Граф Мольтке полностью «обелён от всех возведённых на него Гарденом обвинений», ему было даже «предоставлено право в течение шести недель

⁷⁸⁶ Там же. Л. 250 об.

⁷⁸⁷ Там же. Л. 318 об.

⁷⁸⁸ Там же. Л. 319 об.

напечатать решение суда во всех немецких газетах за счёт Гардена»⁷⁸⁹, а номера журнала *Zukunft*, содержащие инкриминированные статьи, подлежали конфискации, а наборные доски – уничтожению.

В судебном заседании было признано право Гардена как публициста бороться всячески со своими политическими противниками, но при этом ему «следовало бы поостеречься касаться чувственной их жизни тем более, что обвинения были сделаны легкомысленно, на основании не заслуживающих веры доказательств»⁷⁹⁰. По свидетельству российского посольства, основные органы печати и, соответственно, общественное мнение поддержали такое судебное решение, за исключением только некоторых сил – «лишь близко стоявшие к обвинению еврейские органы и печать социал-демократическая заступаются за Гардена, в котором они хотят видеть «борца за права угнетённого привилегированным классом народа». Помещённая в газете *Vorwärts* в этом духе статья заканчивается прямым призывом к пролетариату встать на защиту своих погрязших прав»⁷⁹¹. В чем заключалось поправление прав – не очень понятно, а вот то, что любой скандал, к тому же направленный против ненавистной социалистам монархии, был выгоден и максимально использовался их пропагандой – факт очевидный. То, что этот скандал может поколебать не только авторитет представителей высшей аристократии и бюрократии, но сами основы государства – понятно все еще не было. В 1908 г. Германия вступала в ожидание новых процессов, связанных с «делом Гардена» – не только графа Эйленбурга, обвинявшего в клевете Гардена и Бернштейна, но и привлечения к военному суду графов В. фон Гогена и Й. цу Линара на основании разоблачений в их адрес, сделанных во время предыдущего разбирательства.

Итак, наблюдатели понимали, что эти процессы – только начало, но российским представителям казалось, что перенос разбирательства в закрытое

⁷⁸⁹ Там же. Л. 330.

⁷⁹⁰ Там же. Л. 330 об.

⁷⁹¹ Там же. Л. 331.

заседание и удовлетворительные для властей результаты последнего процесса, являются залогом благополучного выхода из всего скандала. Они считали, что пресса в Германии имеет слишком много свободы, но о том, что за Гарденом кто-то стоит и кому-то кроме журналистов это выгодно, пока что речи не шло.

1908 год стал самым турбулентным в этом отношении, произошедшие события изменили облик монархии. В марте-апреле 1908 г. правительство смогло убедиться в силе новой ветви власти – средств массовой информации. В рейхстаге между представителями прессы, аккредитованными в палате, и депутатами произошел конфликт, «депутат Центра Эрцбергер сказал в своей речи между прочим, что негр также человек и имеет бессмертную душу», что вызвало смех на трибуне журналистов, а дальше разгорелся конфликт*. Оскорбленные журналисты объявили забастовку и отказались печатать отчеты о заседаниях парламента, к ним присоединилось также крупнейшее германское телеграфное агентство Вольфа. В дело вмешался имперский канцлер, намеревавшийся произнести речь о внешней политике. Бюлов заявил, что «он будет говорить не для депутатов, а для страны и для Европы, а потому сделает это лишь после улаживания конфликта. Конфликт был улажен, депутат Гребер выразил сожаление, отчеты вернулись в газеты, а журналисты в рейхстаг»⁷⁹². Этот небольшой сюжет показывает, как за последние десятилетия изменилась ситуация, насколько власти стали зависимы от прессы, каковы были ее сила и влияние.

К лету в деле Ф. Эйленбурга произошел кардинальный поворот – граф был арестован. Дело развивалось следующим образом: «выступив в ноябре минувшего года в качестве свидетеля в деле журналиста Брандта*, привлеченного к ответственности за клевету на имперского канцлера князя Бюлова, князь Эйленбург заявил под присягой на суде, что он не только не

* Примечательно, что это был тот самый Маттиас Эрцбергер, который впоследствии поставит подпись со стороны Германии под Версальским договором и будет убит как предатель немецких интересов.

⁷⁹² АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1908 г. Д. 13. Т. 1. Л. 72.

* Адольф Бранд (1874-1945), журналист, один из первых ЛГБТ активистов, издатель первого ЛГБТ журнала «Der Eigene». В ноябре 1907 г. Бранд был обвинен в клевете на канцлера Б. Бюлова, связанной опять-таки с его якобы гомосексуальной ориентацией.

совершал предусмотренных параграфом 175 преступлений, но вообще никогда не занимался никакими пороками этого рода. Между тем, свидетельские показания выставили против князя Эйленбурга столь тяжкие обвинения в противоестественных наклонностях, что суд признал нужным привлечь князя к ответственности не по обвинению в нарушении параграфа 175, так как с тех пор истекла всякая давность, но за дачу ложных показаний под присягой». Российский посол сообщает также о ситуации, которая лучше всего показала, что император верит обвинениям, – он потребовал через канцлера Ордена Черного орла (высшей награды Германской империи) вернуть на хранение все знаки этого ордена, принадлежащие князю. «На предложение Эйленбурга возвратить все имеющиеся у него прусские ордена было сообщено, что вопрос идёт только о Чёрном Орле, другие же ордена могут оставаться пока у их владельца»⁷⁹³.

Все это было воспринято Эйленбургом как предательство императором их дружбы, князь испытал сильнейшее унижение, стресс, заболел, был отправлен в клинику Шарите, где вначале его допросы были продолжены, но затем прекращены до выздоровления обвиняемого. Впрочем, вплоть до смерти Эйленбурга в 1921 г. этот процесс больше не возобновлялся. Именно такой исход предполагали российские наблюдатели: «Как кончится громкий процесс — видимо, возможны три исхода. 1) Полное прекращение дела в случае близкой смерти князя Эйленбурга, все ещё очень больного; 2) возобновление дела при выздоровлении князя и 3) как здесь думают, самый вероятный исход, заключающийся в том, что процесс так и останется незаконченным в течение более или менее долгого времени, потому что навряд ли здоровье обвиняемого может оправиться настолько, чтобы врачи признали его способным вновь предстать перед судом. В последние дни появились сообщения: что вследствие предписанной врачами перемены воздуха, князь Эйленбург будет перевезён в свой замок Либенберг»⁷⁹⁴.

⁷⁹³ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1908 г. Д. 13. Т. 1. Л. 184 об.

⁷⁹⁴ Там же. Л. 186 – 186 об.

Это не был последний процесс, связанный с публикациями Гардена, но последний с непосредственным участием Эйленбурга. Несмотря на отсутствие прямых результатов судебного разбирательства, сделанные разоблачения нанесли ощутимый удар по монархии, подорвав авторитет императора и династии. Удар был нанесен по ближнему кругу Вильгельма, а, зная его психологическую нестабильность и сложности в выстраивании отношений с людьми, это должно было сильно поколебать его способность принимать решения, в том числе и политические. Единственным ближайшим сотрудником императора, облеченным официальной властью, в этот момент остался Б. Бюлов, что и делает его возможным кандидатом на роль закулисного кукловода всего скандала. Роль Бюлова в этой череде скандалов, имевших поистине катастрофические последствия, до сих пор не выяснена до конца.

Разоблачения Гардена не стали последними в череде скандалов с политической подоплекой. 27 октября 1908 г. в английской газете Daily Telegraph появилось интервью императора, ставшее поводом к самому громкому международному скандалу предвоенного времени. Приведем достаточно полный перевод основных пассажей этого интервью: «Вы, англичане, - сказал он, - безумны, безумны, безумны, как мартовские зайцы. Что на вас нашло, что вы так всецело поддались подозрениям, совершенно недостойным великой нации? Что еще я могу сделать сверх того, что уже сделал? В своей речи в Гилдхолле я заявил [...], что мое сердце стремится к миру и что одно из моих заветных желаний - жить в наилучших отношениях с Англией. Я когда-нибудь нарушал свое слово? Ложь и увеливание от истины чужды моей натуре. Мои действия должны говорить сами за себя, но вы прислушиваетесь не к ним, а к тем, кто неверно истолковывает и искажает их. [...] Я раз за разом говорил, что я друг Англии, а ваша пресса - по крайней мере, значительная ее часть - призывает народ Англии отказаться от моей протянутой руки и намекает, что в другой руке у него кинжал. Как я могу убедить нацию против ее воли?»

"Я повторяю, - продолжил Его величество, - что я друг Англии, но вы все усложняете для меня. ... Преобладающие настроения среди значительной части среднего и низшего классов моего собственного народа не являются дружественными по отношению к Англии. Поэтому я, так сказать, в меньшинстве на своей родине, но это меньшинство лучших элементов, как в Англии по отношению к Германии. Это еще одна причина, по которой я возмущен вашим отказом принять мое обещание, что я друг Англии. Я неустанно стремлюсь улучшить отношения, а вы в ответ называете меня вашим заклятым врагом".... В Англии принято считать, что на протяжении всей войны в Южной Африке Германия была враждебна к ней. Мнение Германии, несомненно, было враждебным - крайне враждебным. Но что же с официальной Германией? Позвольте моим критикам спросить себя, что привело к внезапной остановке и, по сути, к полному краху европейского турне бургских делегатов, которые стремились добиться европейского вмешательства? Их чествовали в Голландии, Франция оказала им восторженный прием. Они хотели приехать в Берлин, где немецкий народ увенчал бы их цветами. Но когда они попросили меня принять их - я отказался. Волнение немедленно утихло, и делегация вернулась с пустыми руками.

"И снова, когда борьба была в самом разгаре, правительства Франции и России пригласили правительство Германии присоединиться к ним в призыве к Англии положить конец войне. ... Я сказал, что Германия пока не присоединяется к каким-либо согласованным европейским действиям по оказанию давления на Англию и приведению к ее падению, Германия всегда будет держаться в стороне от политики, которая может привести ее к осложнениям с такой морской державой, как Англия. Когда-нибудь потомки прочтут точные условия телеграммы, которая сейчас хранится в архивах Виндзорского замка, в которой я информировал суверена Англии об ответе, который я вернул Державам, которые тогда пытались ускорить ее падение. Англичане, которые сейчас оскорбляют меня, сомневаясь в моем слове, должны знать, каковы были мои действия в час их невзгод.

"И это было не все. ... в декабре 1899 года, когда бедствия быстро следовали одно за другим, я получил письмо от королевы Виктории, моей уважаемой бабушки, написанное в печали и огорчении и несущее явные следы тревог, которые терзали ее разум и здоровье. Я сразу же ответил с сочувствием. Нет, я сделал больше. Я попросил одного из моих офицеров предоставить мне как можно более точный отчет о количестве комбатантов в Южной Африке с обеих сторон и о фактическом положении противостоящих сил. Используя представленные мне цифры, я разработал то, что считал лучшим планом кампании в данных обстоятельствах, и представил его своему Генеральному штабу для критики. Затем я отправил его в Англию, и этот документ также находится среди государственных бумаг в Виндзорском замке, ожидая сурового беспристрастного вердикта истории. И, по любопытному совпадению, позвольте мне добавить, что план, который я сформулировал, во многом совпадал с тем, который был фактически принят лордом Робертсом и приведен им в успешное действие. Было ли это, повторяю, поступком человека, который желал Англии зла? Пусть англичане будут справедливы и скажут!

"Но, скажете вы, что же с немецким военно-морским флотом? Несомненно, это угроза Англии! Против кого, как не против Англии, готовятся мои эскадры? Если немцы, стремящиеся создать мощный флот, думают не об Англии, то почему Германию просят согласиться на такое новое и тяжелое налоговое бремя? Мой ответ ясен. Германия - молодая и растущая империя. У нее быстро расширяющаяся торговля по всему миру, и законные амбиции патриотически настроенных немцев отказываются ставить какие-либо границы. Германия должна обладать мощным флотом для защиты своей торговли и своих разнообразных интересов даже в самых отдаленных морях. Ее горизонты простираются далеко. Она должна быть готова к любым непредвиденным обстоятельствам на Дальнем Востоке. Посмотрите на подъем

Японии, подумайте о возможном национальном пробуждении Китая. Вполне возможно, что однажды Англия будет рада тому, что Германия имеет флот»⁷⁹⁵.

Итак, слова были сказаны и напечатаны. Публикации предшествовали события, также многократно описанные в литературе. Дав интервью, император запросил его текст на согласование. Газета текст прислала, император отправил его канцлеру, который, по его словам, не глядя, передал его в ведомство иностранных дел, откуда он снова вернулся к канцлеру, а затем был отправлен в печать. Далее, как писал Э. Людвиг, «документ прочли только кайзер и тайный советник, – первый с отеческим чувством автора, второй – с бесчувственностью филолога; между этими двумя инстанциями пять дипломатов держали документ в руках, с поручением или с морально-политической задачей прочесть его, – один канцлер, два статс-секретаря и два посла, – но ни одного из них ни ответственность, ни служебный долг, ни даже любопытство не заставили посмотреть то, что через две недели вся Европа должна была прочесть как подлинные слова кайзера!»⁷⁹⁶

Бюлов в своих воспоминаниях очень подробно описывает цепь событий, приводя несколько тезисов из интервью, которые его «ужаснули»: «1) Будто бы император не только отклонил предложение русского и французского правительств присоединиться к ним, чтобы спасти бургские республики и «унизить Англию до последней степени», указав, что Германия никогда не будет ссориться с такой морской державой, как Англия, но что тотчас же сообщил английской королеве дословное содержание секретной французской и русской нот и свой ответ на упомянутые ноты; 2) В декабре 1899 г., в самый мрачный период для Англии за все время южноафриканской войны, он не только выражал своей бабушке свое глубокое и сердечное участие, но и выработал для англичан лучший, по его мнению, план похода. Является «удивительным совпадением», что выработанный план был очень близок к

⁷⁹⁵ Приведено по: URL. <https://archive.org/details/jstor-20665611/page/n1/mode/2up> (Дата обращения 11.11.2023).

⁷⁹⁶ Людвиг Э. Указ. соч. С. 157.

принятому в действительности и с успехом выполненному лордом Робертсом. Другими словами, собственно, не лорд Робертс, как думали до сих пор, победил и уничтожил буров, а Вильгельм II; 3) Германия строит свой флот совсем не против англичан, а для Дальнего Востока и Тихого океана. Это конечно относилось к японцам, которым таким образом было заявлено, что в один прекрасный день Германия рука об руку с Англией может объявить им войну»⁷⁹⁷. Далее Бюлов пишет, что он со статьей знаком не был, а сотрудник, которому было поручено с ней ознакомиться, некто Клемент, ответил ему, что «у него было положительное и определенное впечатление, что его величество император лично желает опубликования статьи и как раз этих, вызывающих теперь мой протест, сильных мест»⁷⁹⁸. Далее Бюлов пишет, что он потерял самообладание и спросил: «Вы еще не поняли, что личные желания его величества по временам бывали глупостью?»⁷⁹⁹

Это официальная версия, которой придерживаются, с теми или иными нюансами, все участники событий. Объяснения, однако, они дают разные. Бюлов пишет, и эта его версия подтверждается официальным сообщением, опубликованным в *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, что «император переслал набросок статьи рейхсканцлеру, который передал статью иностранному ведомству с указанием подвергнуть последнюю тщательному исследованию. После того как в донесении иностранного ведомства не было приведено никаких возражений, последовала ее публикация. Когда рейхсканцлер после опубликования статьи в *Daily Telegraph* ознакомился с ее содержанием, он объяснил его величеству императору, что он сам не читал черновика статьи, в противном случае она возбудила бы в нем сомнения и он отсоветовал бы ее печатать»⁸⁰⁰. После этого канцлер подал в отставку, которая принята не была.

Император несколько иначе вспоминал об этом «инциденте с так называемым интервью, целью которого было улучшение англо-германских

⁷⁹⁷ Бюлов Б. Указ. соч. С. 341.

⁷⁹⁸ Там же.

⁷⁹⁹ Там же. С. 342.

⁸⁰⁰ Там же. С. 343.

отношений. Через представителя Министерства иностранных дел господина фон Иениша я передал предложенный мне черновик на рассмотрение канцлера. В примечаниях я указал на некоторые места, которые, по моему мнению, не годились и их следовало вычеркнуть. Однако из-за целого ряда недосмотров со стороны Министерства иностранных дел этого при прохождении по инстанциям не было сделано. В прессе разразилась буря. Канцлер выступил в рейхстаге. Однако он защищал кайзера от нападков не так энергично, как я ожидал, и заявил, что в будущем он будет препятствовать проявлению обнаружившейся в последние годы склонности кайзера к личной политике»⁸⁰¹.

То есть в обоих случаях подоплекой скандала является недосмотр. В принципе, скорее всего так оно и было, но совершенно очевидно, что статья как таковая появилась не случайно. Это была очевидная провокация со стороны Британии, которая, при большем усердии и профессионализме германских должностных лиц могла и не удалась, но все сложилось так, как сложилось.

Проявил ли в данном случае канцлер только безалаберность, или же он, мельком просмотрев бумагу, не увидел в ней ничего предосудительного, или же хотел использовать очередную «глупость» императора в своих целях, тут мы вступаем в область чистой воды предположений. Он мог хотеть, после устранения такого конкурента по степени влияния на монарха как Эйленбург, уменьшить возможности императора вмешиваться в политические дела и процессы, мог, обостряя внешнеполитическую ситуацию, добиваться большего внутреннего единства – вариантов здесь может быть сколь угодно много. Поэтому обратимся к тем комментариям, которые российское посольство отправило в Петербург «по горячим следам».

Российские наблюдатели посчитали, что действия официальных кругов уже после разразившегося скандала не выдерживают никакой критики.

⁸⁰¹ Вильгельм II. Указ. соч. С. 35. URL. <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/250727-35-vilgelm-ii-memuary.html#text> (дата обращения 11.11.2023).

Практически все без исключения газеты усилили свои нападки на германское правительство, канцлера и императора и «не находят достаточно резких выражений для осуждения как опубликования разговора императора, так и характера официального разъяснения, нисколько не смягчающего произведённого статьей Daily Telegraph тяжелого впечатления и лишь раскрывающего перед всеми крупные неустройства, царящие в высших правительственных кругах Германии. По мнению печати, лишь отставка канцлера ещё до открытия рейхстага, могла бы избавить правительство от неминуемого запроса в парламенте»⁸⁰².

Столь же малополезными для восстановления общественного спокойствия были сообщения в официальной Norddeutsche Allgemeine Zeitung, о которых с таким удовлетворением писал Бюлов. В самых первых числах ноября главной для правительства была ситуация в рейхстаге: «князь Бюлов ставит свою судьбу в зависимость от поддержки, которую может оказать правительственный блок его разъяснениям в рейхстаге по настоящему вопросу. Если такая поддержка не будет оказана князю Бюлову, то по собственному мнению канцлера, ему останется лишь только подать вторично в отставку»⁸⁰³.

Несколько последующих депеш посвящены скандальным заседаниям имперского парламента 10-11 ноября 1908 г. Опуская все подробности, которые прекрасно известны по стенограммам и литературе и уже приводились нами выше, стоит сразу обратиться к основным тезисам обсуждения, результатам этих заседаний и выводам, которые можно из них сделать.

Итак, главное, что произошло в рейхстаге – в центре обсуждения оказался не канцлер, хотя он и стоял на трибуне в качестве «ответчика», а впервые – император. Рейхстаг был почти единодушен, что политические разговоры Вильгельма с разными лицами как внутри страны, так и за рубежом,

⁸⁰² АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1908 г. Д. 13. Т. 1. Л. 269 об.

⁸⁰³ Там же. Л. 270 об.

чрезвычайно вредны Германии, соответственно, необходимо ограничить его возможности делать публичные заявления, то есть свобода слова на императора распространяться не должна.

Единственный аргумент, который заставил партии бюловского блока поддержать канцлера и не потребовать его отставки (хотя формально он продолжал сохранять независимость от рейхстага), это расстановка сил внутри парламента, опасение восстановления доминирующей роли партии Центра и дальнейшего роста влияния социалистов. Только свободомыслящие были последовательны и заявили о полной невозможности выразить доверие канцлеру, хотя никакого практического результата их позиция все равно не имела.

Представляется чрезвычайно важной позиция самого канцлера, отчетливо выявившаяся во время заседания рейхстага. Бюлов вел себя так, как будто ответственность исполнительной власти перед парламентом уже введена, и именно перед депутатами он должен держать ответ за все действия носителя верховной власти, которая с этого момента является не совсем уже верховной, а вполне себе подконтрольной парламенту, избранному на основе всеобщего избирательного права. Как иначе можно трактовать слова канцлера о его убеждении, «что последние события приведут императора к сознанию необходимости соблюдать большую сдержанность в своих частных беседах. Коли же этого не будет, то, по словам Бюлова, ни он, ни кто-либо из его преемников, не будет в состоянии принять на себя за это ответственность»⁸⁰⁴. И хотя из-за сопротивления консервативной партии императору не был отправлен адрес с подробным изложением позиции рейхстага по данному вопросу, политическая система претерпела в этот момент принципиальное изменение.

⁸⁰⁴ Там же. Л. 275 об. Сравни. Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 12. Legislatur-Periode 1907/09 Bd.7. S. 5396. URL. https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt_k12_bsb00002843_00171.html (дата обращения 09.12.2023).

По ближнему кругу императора был нанесен решающий удар. Несмотря на то, что место Эйленбурга было вскоре занято другими «фаворитами», никто из них, видимо, не стремился активно влиять на политику, то есть можно утверждать, что системность существования неподконтрольных публичным институтам пружин власти, которые определяли курс, закончилась с уходом Ф. Эйленбурга. Система действительно стала меняться, парламента постепенно приобретал характер основного центра власти. Процесс этот был не быстрым и не линейным, но очень отчетливым и явным и шел рука об руку с ростом значения прессы, которая, почувствовав свою силу, стала все больше и больше воздействовать на общество, требуя расширения демократических механизмов, будучи убежденной, что они являются залогом построения справедливого общества и участия максимального количества людей в политических процессах.

Одним из главных деятелей, глашатаев этой тенденции стал публицист, журналист, депутат от партии свободомыслящих и крупнейший общественно-политический деятель предвоенного периода Ф. Науман*, статьи которого оказывали большое воздействие на общественное мнение и призывали к поиску решений, которые стали бы препятствием к повторению инцидентов, схожих с последними скандалами. «Вся прогрессивная пресса, а равно и некоторые консервативные органы, например, *Hamburger Nachrichten* требуют изменения имперской конституции в смысле установления ответственности министров перед парламентом, введения партийного кабинета и большего ограничения личного вмешательства императора в дело назначения канцлера и министров. Требования эти, которые отныне стали лозунгом многих германских либеральных и радикальных партий, повторялись почти всеми ораторами в последних заседаниях рейхстага»⁸⁰⁵, – резюмировали эти настроения российские дипломаты.

* Науман (Naumann) Фридрих (1860-1919), либеральный германский политический деятель, публицист, один из основателей Немецкой демократической партии и «Немецкого Веркбунда», автор концепции «Срединной Европы», депутат рейхстага с 1907 г. Монархист, поддерживал германскую «мировую политику», говорил о необходимости её соединения с демократизацией и социализацией собственности.

⁸⁰⁵ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1908 г. Д. 13. Т. 1. Л. 281.

Во время следующего публичного выступления на праздновании столетнего юбилея введения в Пруссии городского самоуправления, одной из самых значимых реформ, проведенных правительствами Штейна и Гарденберга после поражения в войне с Наполеоном Бонапартом, император выступил с речью, текст которой был демонстративно передан ему канцлером и только зачитан монархом: «впервые применяемый способ этот должен был лишней раз подтвердить общественному мнению, что император Вильгельм намерен отныне воздержаться от всяких проявлений личной политики и действовать впредь во всех обстоятельствах в согласии с имперским канцлером»⁸⁰⁶.

Ситуация, конечно, стала двойственной, нелогичной, а система не более управляемой, чем была ранее. Лишение императора, центра политической системы и в конце концов главнокомандующего, свободы слова не могло удовлетворить никого из участников политической жизни. Одни считали, что это слишком много, другие – что слишком мало. Одна сторона (часть парламента, политических партий, прессы) требовали оформления нового положения вещей законодательно, то есть изменения конституции и введения полноценного парламентского режима. Другие (император, высшее чиновничество, консерваторы-аграрии) искали пути возвращения к прежним порядкам и преодоления кризиса наименее травматичным для системы образом.

Самой уязвимой фигурой, мишенью критики и «козлом отпущения» для обеих сторон должен был стать и стал имперский канцлер. В последних числах декабря российские дипломаты, описывая ситуацию в Германии, сообщали, что «политические противники канцлера и главным образом его непримиримый враг – партия Центра, стараются использовать неосторожность официальной полемики, придавая ей характер личной борьбы между императором Вильгельмом и князем Бюловым и приписывая даже этому

⁸⁰⁶ Там же. Л. 292.

последнему искусственное создание недавнего кризиса, раздутого будто бы канцлером для собственной выгоды»⁸⁰⁷.

Даже если эти статьи и слухи инспирировал не Центр, хотя он конечно же был самым очевидным кандидатом в инициаторы борьбы с канцлером, подлинные, глубинные цели этого перманентного скандала были совершенно очевидны – сделать Германскую империю внутренне неустойчивой, максимально ослабить ее структуру, какой бы демократической риторикой эти цели ни камуфлировались. Мы уже писали выше, что Бюлов без всякого сомнения был второй по значению после Бисмарка фигурой на высших постах в имперской истории Германии. Устранить его, лишить императора опоры на политика, имеющего возможности для стратегического планирования, для реальной и планомерной подготовки к грядущей войне, несмотря на все слабости и просчеты, которые были им допущены, отвечало интересам только тех сил, которым в недалеком будущем предстояло стать противниками Германии на театрах военных действий. Мы не утверждаем, конечно же, что все эти действия были инспирированы Антантой и, в частности, Великобританией, но то, что ей удавалось «подливать масла в огонь», максимально раздувать пожар из любой искры, а внутригерманская ситуация подкидывала таких искр в избытке – с этим также спорить не приходится. В результате этих скандалов произошли изменения и эти изменения были скорее негативными, чем позитивными – на смену не самой современной, но стабильной и сбалансированной системе пришла система, в которой полномочия и прерогативы отдельных ее частей не регулировались в должной мере на законодательном уровне. Довести же изменения до логического конца, привести систему в соответствие с требованиями реального парламентаризма, не позволяли две основные силы – собственно династия и зависящая от нее старая прусская элита, те самые консерваторы-аграрии, о которых мы так подробно писали ранее. Все вышесказанное конечно же не отменяет иных

⁸⁰⁷ Там же. Л. 328 об.

историографических выводов – от глупости, недальновидности, невыдержанности в публичных речах Вильгельма II до политических интриг немецкого истеблишмента, тем более что недостатка в мастерах таких интриг в Берлине не было.

Существует еще одно вполне правдоподобное и логичное объяснение выбора тех или иных адресатов скандальных разоблачений. Совершенно очевидно, и мы достаточно подробно писали об это выше, что опорой вильгельминизма была старая прусская элита, консерваторы-аграрии, выходцы из которой составляли большинство в германском аппарате государственного управления и в прусской/германской армии. Именно из ее рядов рекрутировались основные кадры этих двух структур. Вначале был нанесен удар по высшей бюрократии, и канцлер Бюлов вскоре оказался непосредственно втянутым в «охвостье» скандала Эйленбург-Гарден, а затем по армии, причем в самом проблемном и одном из ключевых регионов, в Эльзасе.

В начале 1909 г. Б. Бюлов в качестве прусского министра-президента выступил в ландтаге, стараясь оправдаться за недостаточную, как казалось многим, поддержку императора во время слушаний в рейхстаге. Однако попытка вновь привлечь на свою сторону «представителей знати и крупных собственников», то есть той самой прусской консервативной элиты, провалилась. Комментарий российского посольства к этой речи представляет для нас несомненный интерес, подтверждая многие сделанные нами выводы: «Сказанная с целью вернуть канцлеру доверие консерваторов речь его не имела в этом отношении никакого успеха. Напротив того, она как будто обостряла и вывела наружу затаенную вражду прусских аграриев к князю Бюлову. Равным образом, собравшийся на этих днях в Данциге, уже после речи канцлера, съезд консерваторов Западной Пруссии высказался в чрезвычайно резких выражениях как против политики канцлера, так и против него самого,

отклонив даже посылку ему обычной приветственной телеграммы»⁸⁰⁸. Не убедив консерваторов, эта речь обострила отношения канцлера с левым флангом своего блока, что имело очевидные негативные последствия. Еще больше напряжения добавили туманные обещания Бюлова ужесточить курс по отношению к социал-демократии, что было воспринято как вероятность введения чрезвычайного законодательства, против чего выступали все партии левее консервативных, включая и католическую.

Весной 1909 г. Б. Бюлову удалось договориться с Гарденом (и даже по некоторым данным выплатить ему из особого фонда канцелярии канцлера некую достаточно большую сумму, которая покрыла его судебные издержки), чтобы не допустить нового разбирательства, в ходе которого всерьез предполагалось затронуть уже непосредственно фигуру канцлера⁸⁰⁹.

Итак, к середине весны 1909 г. мир, по крайней мере внешне, между императором и канцлером был восстановлен, но внимательные наблюдатели понимали, что отставка последнего не за горами, что и произошло летом того же года.

В мае-июне 1910 г. был поднят вопрос об увеличении гражданского листа короля, то есть суммы, которую Вильгельм II получал на содержание двора, представительские расходы, причем не только в масштабах Пруссии, но и империи в целом, а также на все субсидии, которые выдавались двором на различные научные и художественные учреждения. Сумма эта не менялась с 1888 г., то есть с момента его вступления на престол, и составляла 15,7 млн марок, увеличить ее предполагалось на 3,5 млн, а вотировать это должен был прусский ландтаг, в юрисдикции которого находились эти вопросы. Нижняя палата после небольшого и скорее демонстративного сопротивления малочисленной социал-демократической фракции одобрила это повышение. В Петербург из Берлина поступило сообщение, что «благополучный исход прений по этому законопроекту в нижней палате был предрешён ещё на

⁸⁰⁸ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1909 г. Д. 20. Л. 9 об.

⁸⁰⁹ Подробнее см.: *Domeier N.* Op. cit. P. 249 – 260.

совещании собравшихся у прусского министра-президента представителей различных политических фракций, высказавшихся в пользу внесённого правительством законопроекта»⁸¹⁰.

25 августа 1910 г. император, решив, что его больше не связывают никакие договоренности осени 1908 г., произнес в Кенигсберге речь, вновь поставившую его в центр скандала, к которому никакая внешняя сила в этот раз точно отношения не имела. Долго рассуждая о великой роли Восточной Пруссии в германской судьбе, об истории династии Гогенцоллернов и своих великих предках, о своем деде, «корона которого принадлежит ему Божьей милостью, а не решениями парламентов, народных собраний и народных установлений, и что он видел себя избранным инструментом небес и исходя из этого понимал свои обязанности правителя и властителя»⁸¹¹. Далее он пропел дифирамбы королеве Луизе, которая всей своей жизнью указала народу путь, по которому он должен идти. Остановившись затем на том, чему немцев должен научить пример королевы Луизы, император сделал основной упор на воинской доблести, присущей германским мужчинам, заявил, что пришло время все силы отдать отечеству, что это должно стать единственной целью всех немцев, все они должны работать на благо родины. А о себе он заявил следующее: «Считая себя орудием Господа, невзирая на сиюминутные мнения и взгляды, я иду своим путем, который посвящен исключительно благу и мирному развитию нашего отечества»⁸¹².

Выступление это было расценено печатью как вызов, брошенный императором либеральным и всем левым партиям, как противопоставление народа и монархии, как презрение ко всем выборным институтам, прежде всего к рейхстагу. Социалисты потребовали созыва рейхстага для обсуждения «нового проявления «самодержавных стремлений» императора Вильгельма. Менее резко, но равным образом отрицательно, отнеслась к словам императора

⁸¹⁰ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1910 г. Д. 18.Л. 190.

⁸¹¹ Вырезка из Wolffs Telegraphenbureau. К депеше №84 // Там же. Л. 267.

⁸¹² Там же.

умеренная пресса, протестуя против самого содержания речи и опасаясь ее губительного влияния на внутреннее положение страны. Даже многие консервативные органы, «быть может и разделяющие высказанные Его Величеством воззрения, признают Кенингсбергскую речь в высшей степени несвоевременной и способной ещё более разжечь политические страсти и расширить пропасть, отделяющую императора Вильгельма даже от убежденных монархистов»⁸¹³.

Ситуация накалилась до такой степени, что официальная *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* была вынуждена напечатать правительственное сообщение, по сути, дезавуирующее высказывания монарха и «которое толкует речь императора как изложение личных убеждений Его Величества, не имевшего при этом ни малейшего намерения вмешиваться в борьбу партий и придавать своим словам абсолютистское значение»⁸¹⁴.

Эта ситуация, которая была несколько сглажена следующим выступлением Вильгельма в Мариенбурге, является свидетельством двух тенденций. Во-первых, дебаты 10-11 ноября 1908 г. «открыли шлюзы», фигура императора перестала быть сакральной и неприкасаемой, и теперь почти все политические силы, включая уличные толпы, которые также превратились в политическую силу и бурно реагировали на все, происходящее в стране, готовы были обвинять именно его во всех сложностях и неудачах. Это, впрочем, вполне логично, ведь именно Вильгельм II в 1890 г. говорил, что берет на себя всю ответственность, теперь все воспринимали эти слова буквально. Во-вторых, император никак не мог принять это новое свое положение, он видел себя реинкарнацией Фридриха Великого и Вильгельма I, но никак не современным политическим деятелем, все слова которого, во-первых, сразу же разлетаются по миру, а во-вторых, рассматриваются пристально и часто с недоброжелательных позиций. Читая раз за разом его публичные выступления, понимаешь, что в основном тезисе Дж. Рёля о

⁸¹³ Там же. Л. 265.

⁸¹⁴ Там же. Л. 268.

глупости последнего германского императора, есть определенная доля истины. Эта глупость выражалась, прежде всего, в несоответствии мира, в котором жил император и о котором он говорил в своих речах, с реальностью вокруг него. Все его выступления о божественности происхождения его власти и т.п. несколько не умаляли реального роста влияния парламента, да и вообще происходящих помимо его воли и желания социальных и политических процессов. Но они давали повод раз за разом «сажать его на скамью подсудимых», что, как мы видим, началось задолго до Версаля. В отличие, например, от Бисмарка он не был хитроумен, он производит впечатление человека наивного и прямолинейного, что для главы государства – погибель.

В ноябре 1910 г. рейхстаг рассматривал запрос социал-демократов, «о нарушении, будто бы, недавними речами императора Вильгельма сделанного им князю Бюлову в 1908 году заявления о соблюдении им впредь строго конституционной роли»⁸¹⁵. То есть, император обещал вообще не выступать с самостоятельными речами на политические темы, но слово свое нарушил. Однако в ситуации вне скандала, в достаточно спокойной общественной обстановке большинство рейхстага социалистов не поддержало. К тому же у нового канцлера Т. Бетман-Гольвега уже был опыт и время, чтобы подготовить убедительное выступление, которое доказывало, что социалисты не являются защитниками действующей конституции, напротив, они ее злейшие враги, они стремятся к изменению не только основного закона, но и государственного строя в целом. «Фон Бетман-Гольвег указал именно на то, что прусский король не может себя чувствовать подчиненным «суверенитету» народа и что прусская конституция не допускает подобного воззрения, так как не народ, а Гогенцоллерны сами, своим неустанным трудом и своими дарованиями создали Пруссию, опираясь на лояльное содействие подданных. Посему, закончил канцлер, прусский король является по отношению к своему народу монархом по собственному праву. Глубокое монархическое чувство, которым

⁸¹⁵ Там же. Л. 351.

проникнута речь канцлера, придаёт ей особенно симпатичный оттенок. Все партии, за исключением радикальных, сочувственно откликнулись на слова канцлера»⁸¹⁶. Это явная отсылка к заложенному в конституции монархическому принципу, остававшемуся неизменным все время существования империи.

В условиях обостряющейся внешнеполитической обстановки в результате локальных кризисов (Марокканского, Боснийского), осложнения международных отношений в целом и положения Германии в частности росло понимание того, что вбить клин в единство Антанты не получится. Следовательно, придется не просто воевать на два фронта, а справляться с ситуацией почти полного «окружения», о чем все чаще говорят дипломаты и политики. В связи с этим внутреннее единство страны было необходимо не только ее властям, но и тем политическим силам, которые в той или иной мере восприняли национальную идею «мировой политики», то есть практически всем, за исключением крайне правых и крайне левых.

Исходя из этой тенденции на собирание, а не распыление сил и ресурсов, необходимо рассматривать и «последний большой структурный кризис позднеимперского предвоенного периода»⁸¹⁷. Это был т.н. Цабернский инцидент 1913 г., конфликт, имевший острый национально-политический характер, произошел в эльзасском городе Цаберн между прусскими войсками, расквартированными в имперской провинции Эльзас-Лотарингия, присоединенной к Германии по результатам Франко-германской войны 1870-1871 гг. Владение этой территорией было не простым делом во всех отношениях: ее пограничный характер и нелояльность, если не сказать враждебность населения таили в себе угрозу серьезных сложностей в случае конфликта с Францией, который чем дальше, тем больше становился не просто вероятным, а практически неизбежным. Именно эти причины заставили власти Германии в 1911 г. провести в провинции конституционную реформу,

⁸¹⁶ Там же. Л. 352-352 об.

⁸¹⁷ *Wehler H.-U. Krisenherde des Kaiserreichs...* S. 71.

главными вопросами которой были форма избирательного закона (приближенная к имперскому или к прусскому образцам) и представительство провинции в бундесрате. При уравнивании Эльзаса-Лотарингии с другими германскими землями она должна была быть представлена четырьмя голосами, а это увеличило бы представительство южно-германских государств и снизило преобладающее влияние Пруссии, Уравнение провинции в правах с остальными землями Германии завершало период ее существования в качестве фактически оккупированной территории. Конституция Эльзас-Лотарингии была одобрена рейхстагом 211 голосами против 93. При обсуждении ее текста против двухпалатного ландтага выступали консерваторы, социал-демократы и эльзасцы, за – национал-либералы, Центр и часть левого крыла либералов. 31 мая 1911 г. конституцию подписал император. Провинция получала двухпалатный ландтаг, прерогативой которого было одобрение всех местных законов. Нижняя палата формировалась на основе прямых и всеобщих выборов (право голоса имели мужчины старше 25 лет) в составе 60 депутатов: 40 от Эльзаса и 20 от Лотарингии. То есть избирательный закон был приближен к имперскому, т.е. был максимально демократичным. Однако формируемая на его основе нижняя палата была ограничена существованием верхней (первой), в которую входили (без выборов, «по должности») представители основных религиозных конфессий, крупнейших городов, Страсбургского университета, а также администрации «имперской провинции» — всего 26 человек, вдобавок к которым император своей волей назначал еще 18 доверенных лиц. Эльзас-Лотарингии было предоставлено три места в бундесрате, при этом действовала норма, по которой голоса от Эльзас-Лотарингии не учитывались, если большинство при голосовании достигалось только благодаря им. Голоса представителей имперской провинции в бундесрате не учитывались и в случае голосования по изменению германской конституции⁸¹⁸. Таким образом, эти

⁸¹⁸ Подробнее см. *Бодров А. В.* Историческое значение «Конституции» Эльзас-Лотарингии 1911 года // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2014. № 13. С. 113–128; *Wehler H.-U.* Krisenherde... S. 23-69.

пункты новой конституции имели компромиссный характер, вводилась максимально демократическая система при формировании второй палаты и суперконсервативная – первой. Больше всего общественность уже после введения конституции в действие возмущало то, что в имперской провинции, только что бывшей самой дискриминируемой территорией, управлявшейся напрямую из Берлина без какого-либо участия местных жителей в земельных органах, эти самые жители теперь получили больше политических прав, чем жители Пруссии – этого ядра империи и ее основной силы и опоры.

Не только прусские либералы были недовольны половинчатостью и двойственностью правительственных решений. И в самой имперской провинции националистические, антигерманские тенденции не снизились, а наоборот стали возрастать. В мае 1912 г. возник небольшой скандал, спровоцированный словами императора по поводу будущего имперской провинции, ландтаг которой несколько раз демонстративно предпринял шаги, направленные не столько против Пруссии или Германии, сколько против императора и его двора. Российские представители писали: «Бюджетная комиссия ландтага постановила при новом замещении поста наместника сократить ассигновку на представительство с 200 до 100 тыс. марок. Равно было высказано пожелание уменьшить специальный императорский фонд с будущего бюджетного года. Комиссия постановила земли, бесплатно отводимые под охоту двора близ Обергаслаха, впредь сдавать в аренду»⁸¹⁹. Разозленный император будто бы сказал бургомистру Страсбурга: «Если это будет далее продолжаться, я уничтожу вашу конституцию. Вы меня знали до сих пор только с хорошей стороны, но вы можете меня узнать и с другой. Если положение в стране не изменится, то я обращаю Эльзас-Лотарингию в прусскую провинцию»⁸²⁰. Сообщение об этом разговоре появилось во французской прессе и вызвало бурю в Берлине, причем ожидаемого всеми официального опровержения этих слов не последовало. Бетман-Гольвегу пришлось в своем

⁸¹⁹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1912 г. Д. 18. Л. 96.

⁸²⁰ Там же. Л. 97.

выступлении в рейхстаге объяснить, «что император никоим образом не имел ввиду посягнуть на конституционные права Эльзас-Лотарингии, а лишь в разговоре с местными властями желал напомнить им, что имперская область входит в состав германской империи, а поэтому всякая попытка к антигерманской политике должна быть подавлена в корне. Правительство не намерено... вносить ныне какие-либо конституционные изменения в форме внутреннего управления имперской областью, однако, если обстоятельства того потребуют, то не исключена возможность, что имперская власть, совместно с Союзным советом и рейхстагом, в поддержке коих она уверена, будет вынуждена направить свои силы для водворения правильного течения жизни в имперской области, являющейся неотъемлемой частью германского отечества»⁸²¹.

Все эти обстоятельства ясно свидетельствуют, что ситуация в провинции была беспокойной, даже напряженной. Более того, она усугублялась присутствием здесь контингента прусской армии, который очень многими воспринимался как оккупационный корпус. Прусские солдаты также не чувствовали себя на своей территории, смотрели на местное население скорее как на вражеское. Все эти обстоятельства дали о себе знать в ходе разразившегося конфликта.

Инцидент был спровоцирован оскорбительными по отношению к эльзасцам высказываниями 20-летнего лейтенанта прусской армии барона Г. фон Форстнера (1893-1915), который «обозвал бранным прозвищем Wackes эльзасское население и даже заставляет новобранцев, уроженцев имперской области, при явке к рапорту откликаться этим прозвищем. Кроме того, этот офицер советовал будто бы своим солдатами в случае недоразумений с местными жителями не стесняясь пускать в ход оружие, за что от него они получают лишь награду»⁸²². Эти слова, которые при желании можно объяснить молодостью, неопытностью, да и просто глупостью молодого поручика,

⁸²¹ Там же. Л. 98.

⁸²² АВПРИ. Ф. 138 Канцелярия. Оп. 470. 1913 г. Д. 43. Политический архив. Л. 2.

сказанные при свидетелях, вызвали совершенно ожидаемо и объяснимо возмущение, которое вылилось в масштабные акции протеста местных жителей, которые, кстати говоря, были преимущественно этническими немцами.

Гражданские власти провинции требовали перевести Форстнера на другое место службы, но армейское командование, защищая честь мундира и принцип неподсудности военных чинов гражданскому правосудию, потребовало, наоборот, наказать военнотружущего, который предал этот инцидент огласке. Эти действия только усилили протесты, начались столкновения местных жителей и военных, причем последние даже использовали оружие. Не обошлось и без курьезов, о которых российские дипломаты с удовольствием доносили в Петербург. Во время стычки военный патруль решил арестовать нападавших, но те быстро разбежались. А арестованными оказались члены суда, выходявшие на улицу из его здания. Этих арестованных не только не отпустили или передали полицейским, что соответствовало бы закону, а оставили до утра под контролем военных, да еще и содержали в сыром подвале. Это привело к новому витку конфронтации.

Небольшой эпизод превратился в серьезный конфликт и большую проблему. Армия всячески демонстрировала свою неподсудность, свою власть, свое положение выше любого гражданского закона, свои совершенно особое место в государстве и отношения с верховной властью. Баварский депутат Мюллер-Майнинген так сформулировал существо конфликта: «Важнейший конституционный вопрос состоит в том, является ли армия частью нашего общего государственного организма, или она является государством в государстве»⁸²³.

28 ноября кризис стал предметом парламентского запроса фракций партии Центра, СДПГ и прогрессистов к канцлеру. «Во всей имперской

⁸²³ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 13. Legislatur-Periode 1912/14 Bd.12. S. 8501 URL. https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt_k13_bsb00003390_00614.html (дата обращения 12.12.2023).

области не только коренное население, но и пришлое немецкое, единодушно возмущено образом действий военных властей. В Страсбурге и в других городах Эльзас-Лотарингии городские советы единогласно высказались против их незаконного действия и обратились к штатгальтеру имперскому канцлеру с телеграфными просьбами прекратить «бесчинство». Рядом с этим германская печать всех направлений, исключая строго консервативных органов, подняла целую кампанию против недопустимого режима и незаконных действий представителей военного ведомства. ... В правительственных сферах, по-видимому, не сразу поняли серьезность положения. Вызванный 30 ноября императором к докладу в Донаушинген [охотничье имение, поскольку император решил, что нет причин прерывать охоту. – *А.М.*] военный министр, как здесь предполагают, представил все дело как затрагивающее престиж армии, по-видимому, получил одобрение действий военного начальства. По крайней мере на следующей же день появился приказ полкового командира, начальника гарнизона Цаберна, с благодарностью полку за хорошую службу»⁸²⁴.

Все наказание поручику Форстнеру ограничилось 6-дневным домашним арестом, которому он подвергся не сразу, а только на очередном витке беспорядков. Самым показательным и при этом возмутительным для общественного мнения Германии, подготовленного уже всей чередой предыдущих скандалов, было поведение императора и династии в целом. «Наследник германского престола кронпринц Вильгельм направил начальнику цабернского гарнизона полковнику Рейтеру, одному из виновников скандала, поздравительную телеграмму. В ней содержался призыв маршала Блюхера “Всегда твердо вперед!” – будто речь шла о борьбе с армией неприятеля, а не с безоружным гражданским населением собственной страны. Император Вильгельм II демонстративно наградил Рейтера орденом Красного Орла третьей степени. Такое открытое одобрение “диктатуры сабли и штыка” со

⁸²⁴ Там же. Л. 3.

стороны правящей династии вызвало бурное негодование в немецком обществе: массовые митинги протеста, организованные социал-демократическими организациями и католическими профсоюзами, в декабре 1913 г. охватили многие промышленные центры Германии»⁸²⁵.

Российское посольство, также как и позднейших исследователей Цабернского конфликта интересовал главным образом другой сюжет – а именно, разбирательство по его поводу в германском рейхстаге. В своей речи⁸²⁶ 3 декабря 1913 г. Бетман-Гольвег признал непозволительность слов поручика, но во всем остальном «канцлер старался оправдать действия военных властей», в том же ключе выступил и военный министр, который «в самых определенных выражениях обвинил печать в натравливании общественного мнения и стремлении систематической бранью оказать незаконное влияние на решения надлежащих властей»⁸²⁷. Оба эти выступления вызвали негодование практически всех фракций, за исключением консерваторов. Было решено, воспользовавшись §33а регламента парламента, поставить на голосование вопрос о выражении недоверия канцлеру. Голосование состоялось 4 декабря после повторной речи Бетмана, рейхстаг поддержал вотум недоверия 293 голосами против 54 и 4 воздержавшихся.

Конфликты между исполнительной властью и рейхстагом происходили в Германии и раньше, но никогда парламент не чувствовал в себе силы, чтобы столь откровенно высказываться в адрес высших должностных лиц. И опять-таки практически вся эта кампания была направлена не столько против канцлера, сколько против императора, ведь именно он отвечал за назначение и удаление от должности своего «первого министра». Однако, это давление не было результативным, канцлер остался в кресле, хотя вполне возможно, что, не начнись через полгода война, его карьера могла бы закончиться раньше.

⁸²⁵ Котов Б.С. «Германия или Пруссия?» Цабернский инцидент 1913 года в отражении русской прессы // Новая и новейшая история. 2010. № 4. С. 192.

⁸²⁶ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. Stenographische Berichte ... Deutschen Reichstags. 13. Legislatur-Periode 1912/14 Bd.9. S. 6155-6158 URL.

https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt_k13_bsb00003387_00221.html (дата обращения 12.12.2023).

⁸²⁷ Там же. Л. 4 об.

Важным следствием конфликта стало принятие в марте 1914 г. закона, запрещающего армии в случае возникновения беспорядков применять оружие без санкции гражданских властей, который действовал в Германии до 1936 г.

Итак, в центре этого последнего скандала оказалась армия, причем армия прусская – главная гордость страны, основа ее идентичности, основная, а к 1913 г. и почти единственная опора монархии. Армия, вернее ее офицерский корпус не просто традиционно рекрутировался из представителей старой прусской дворянской элиты, но и был воспитан, даже если по происхождению к ней не относился, в ее традициях, разделял ее систему основополагающих ценностей, среди которых верность королю была равна верности Отечеству.

В новых политических условиях, когда национальная идея Германии была связана с идеей «мировой политики», возникало экзистенциальное противоречие. Армия, защищавшая традиционные ценности, требовала от государства защиты своих привилегий, истоки которых лежали во временах правления солдатского короля Фридриха Вильгельма I и Фридриха II Великого, и которых совсем недавно с пиететом вспоминал Вильгельм II в своей наделавшей столько шума Кёнингсбергской речи. Предательство интересов этой группы, которое в официальной риторике звучало как «умаление престижа армии»⁸²⁸, расценивалось как посягательство на офицерскую честь, на сами основы государства.

В этом конфликте столкнулись не просто интересы разных групп – политиков и военных, либералов и консерваторов, немцев и эльзасцев, Германии и Франции. В данном случае произошло столкновение старого и нового, традиции и модерна, старой элиты и новых сил, ставших доминантами современного общества. Конечно же, дело было вовсе не в глупости провинциального поручика, дело было в схватке старой и новой элит, а также старых порядков, которые мы условно назвали «теневыми механизмами

⁸²⁸ Там же. Л. 12.

власти», с новыми силами, которые воплощали в себе эти новые механизмы с партиями и парламентом во главе.

Вильгельм II должен был выбирать, на кого он станет опираться в будущем. Всем своим поведением в конце ноября – начале декабря 1913 г. он показал, что выбирает традицию, что опорой государства для него по-прежнему является старая прусская элита и ее часть, составлявшая костяк офицерского корпуса. Только далеко не все уже зависело от императора, его ясно выраженная позиция никак не сказалась на голосовании в рейхстаге, практически все партии, за исключением консерваторов, которые были теми же самыми представителями старой прусской элиты, позицию монарха и его правительства не поддержали.

Говоря о скандалах периода вильгельминизма, нельзя обойти вниманием роль прессы, которая была основным инструментом распространения не только информации, но и слухов, орудием пропаганды взглядов, не всегда стремящихся к выявлению истины. Пресса становилась мощнейшим агитационным ресурсом, чем пользовались как сторонники правительства, так и значительно чаще его противники, для которых это был основной рычаг влияния на власть. С такой новой ролью прессы власти империи еще не умели работать, каждый раз скорость и широта распространения информации становилась неожиданностью, чем постоянно пользовались противники власти не только в стране, но не редко и вне ее. Чем ближе было начало войны, чем яснее очерчивались контуры, а затем уже и расстановка сил в Европе в целом, тем активнее становились страны Антанты. То, что из скандалов с Ф. Эйленбургом и Daily Telegraph «торчат» английские, а из Цабернского инцидента – французские «уши», вполне очевидно. Была ли это заранее продуманная операция, что в случае с английской газетой выглядит вполне правдоподобным, или же власти стратегических противников умело пользовались представившимися возможностями – как это было в Эльзасе, в данном контексте не является принципиальным вопросом. Главное, что система, которая должна была защищать себя, оказалась к этому неспособна.

Именно это является признаком ее серьезного, все более и более углубляющегося кризиса, и в этой связи можно говорить и о том, что война была, в том числе, попыткой найти выход из этого управленческого тупика.

Задачи, которые мы перед собой поставили при написании этой главы были следующие. Показать те властные центры, институты и силы, которые являлись основой созданного Бисмарком в 1871 г. государства, получившего название Германской империи. Государственной стратегией Бисмарка, которую ему удалось сделать национальной идеей большинства немцев, было создание единого государства под эгидой и при гегемонии Пруссии, а прусское дворянство было ее главным носителем, его особая роль в государстве была не просто оправданна, но и созидательна. Именно это и делало дворян-землевладельцев главной опорой династии Гогенцоллернов. Эта поддержка, кроме идущей со времен средневековья традиции поддержки вассалами сюзерена, сулила им и очевидные экономические выгоды, а превосходство в экономике давало право на ведущую роль в политике. Несмотря на масштабность всего, что сделал Бисмарк в 1870-1871 гг., этот процесс не требовал создания новой элиты, для осуществления курса на объединение страны хватило имеющегося у него властного потенциала. В тот период незаменима была роль Пруссии, «предоставившей» тот бюрократический и военный аппарат, который стал основой системы власти нового государства. Именно это и было залогом ее особой роли в государстве, к тому же закрепленной в законодательстве.

Шло время, а старая прусская элита по сути своей почти не менялась, ее ценности и представления о своей роли в политике оставались прежними, так как какие-либо изменения просто не были востребованы. Принципы ведения дел как внутри страны, так и на внешнеполитическом поле качественно не менялись, ибо по большому счету в 1870-1890 гг. Бисмарк продолжал решать старую задачу – достижения единства Германии, только теперь внутреннего,

создания в стране единой нации на основании именно прусских принципов и ценностей.

Этот тренд стал меняться с уходом Бисмарка в отставку. Император начал формулировать, вначале очень туманно, а затем все более четко и открыто новые цели для Германии: выйти из прусских рамок после чего можно будет всерьез говорить о переходе к «мировой политике».

Изменения начались с экономической сферы. Л. фон Каприви сместил центр тяжести хозяйственной политики с аграрного сектора на промышленный. Не отказываясь от поддержки крупного сельскохозяйственного производства, он поставил его в один ряд с другими отраслями, уравнив промышленников с аграриями в праве на правительственную поддержку. Этим канцлер посягнул на исключительные привилегии прусской элиты. Он приступил к выработке не просто «нового курса», а абсолютно новой повестки, когда интересы Германии ставились даже не просто выше интересов Пруссии, они стали формулироваться как абсолютно особые, не зависящие от Пруссии как отдельной государственной единицы в принципе. Именно это сделало его главным врагом аграриев. Торгово-экономическая политика Каприви смогла запустить механизм серьезных внутренних изменений, так как была не одномоментным действием, а основой серии торговых договоров с целым рядом государств, которые заключались на достаточно длительный, 10-летний период.

Торговые договоры были только первым шагом к формулированию внешнеполитической концепции, которая легла в основу новой национальной идеи. Естественно, что новая идея потребовала и новой элиты. Противоречия между Пруссией и империей заключались не столько в различных принципах формирования рейхстага и ландтага, сколько именно в смене национальных задач, в новизне идеи, которая лежала в основе этих задач и, соответственно, в привлечении новых сил, которые эту идею должны были реализовывать. Всякий слом болезненен, но если изменения затрагивают принципиальные, фундаментальные основы, а элита остается старой, то это приводит к краху,

прекрасным примером этого является, например, история Веймарской республики. Строительство нового государства предполагает формирование и новой элиты, это всегда не менее, а иногда даже и более важно, чем создание новой системы власти. Старая элита свои привилегии не отдает добровольно. Для этого всегда необходимо усилие, серьезная борьба и даже революция. Если же в тех силах, которые сформулировали новую национальную идею и готовы ее реализовывать нет единства, если их связи со старой элитой слишком прочны, если они являются «плоть от плоти и кровь от крови» этих сил, то и возникает та самая двойственность, то внутреннее противоречие, которое, с одной стороны, не дает создавать новое и двигаться дальше, а с другой, разрушает старое изнутри, разъедает его, поскольку внутренний конфликт становится перманентным и по сути своей не имеет хорошего решения.

Еще одним обстоятельством, существенно определяющим углубление возникшего конфликта, стало то, что иной опоры, социальной базы кроме прусской элиты, основными составляющими которой были аграрии, армия и чиновничество, у монархии Гогенцоллернов не существовало. Никто другой не был заинтересован в сохранении монархического режима в столь своеобразном виде, который был создан в Германии после 1871 г. Все остальные актеры политической сцены стремились к расширению своих прав, то есть требовали изменений, а как раз эти изменения противоречили целям, которые ставил перед собой Вильгельм.

Именно такая ситуация сложилась к началу XX в. в Германии, и мы подробно рассмотрели процесс «размывания» старой системы, во главе с Пруссией и аграриями, центром которой был император, свидетельством чего являлись и «политические скандалы» последнего предвоенного периода.

Глава 3. Изменение роли политических институтов и эволюция имперской модели Германии рубежа XIX – XX вв.

§1. Партийная система Германии: история, структура, программы

Германская империя с самого начала обладала разветвленной системой партий, различавшихся между собой как программами, идеологией и членской базой, так и территориальным охватом. Кроме того, согласно общепринятому критерию деления партий, они занимали правую, центральную (среднюю) и левую части политического спектра.

Правый лагерь был представлен Немецкой консервативной (Deutschkonservative Partei, НКП) и Свободной консервативной (Freikonservative Partei, СКП) партиями. НКП была создана в 1876 г. и просуществовала до 1918 г.⁸²⁹. Основана она была прусскими консервативными кругами, прежде всего аграрными, прусским юнкерством, однако уже в принятой партией в момент создания программе декларировала «объединение всех консервативных элементов в империи с целью достижения больших общих целей»⁸³⁰. Несмотря на то, что к созданию общегерманской единой консервативной партии призывали представители различных германских государств, ядро, основа партии оставались прусскими. Консервативные силы католического Юга и Юго-Запада Германии тяготели, скорее, к Католической партии Центра.

Эту тенденцию подтверждают цифры, которые приводит немецкий исследователь Х. Бумс по представительству прусских и непрусских депутатов от НКП в рейхстаге⁸³¹

⁸²⁹ Подробнее о партии см.: *Booms H.* Op. cit.; *Nipperdey Th.* Die Organisation der deutschen Parteien... S. 241-264.

⁸³⁰ Цит. по: *Salomon F.* Die deutschen Parteiprogramme. B. G. Teubner, 1931. Hf. 2. S. 1.

⁸³¹ *Booms H.* Op. cit. S. 6-7.

годы	мандаты	Прусские всего / Восточнее Эльбы /Западнее Эльбы	непруские
1887	74	61 /49/12	13
1890	68	54	14
1893	62	48 /45/3	14
1898	56	48	8
1903	51	45	6
1907	58	51 /45/6	7
1912	43	39	4

Не менее интересны и другие данные, приведенные тем же исследователем, – сколько прусских депутатов представляли округа восточнее Эльбы, а сколько – западнее в прусском ландтаге. В 1880 г. из 104 депутата 77 были представителями восточноэльбских провинций, в 1883 г. – 87 из 114, в 1886 г. – 102 из 132, в 1893 г. – 114 из 145, в 1913 г. – 125 из 143⁸³². Таким образом, состав не только партии, но и парламентских фракций был практически гомогенным и неизменным, несмотря на свои планы, НКП оставалась в основном восточно-прусской, заэльбской. Депутатами парламента от партии были почти исключительно крупные землевладельцы, представители высшего чиновничества и офицерского корпуса, что вновь подчеркивает наш тезис о принципиальном единстве этих сил. Партия, как было показано выше, активно выступила против политики Каприви, направленной на преимущественную поддержку промышленников, что стоило ему его поста, не поддержала проект Срединного канала и введение налога на наследство, что было поводом к отставке теперь уже Б. Бюлова. Ее позиция была полностью солидарна с позицией ССХ, созданного близкими к партии силами крупных прусских землевладельцев в 1893 г. и ставшего к 1910-м гг. второй по значению, после СДПГ, политической организацией в

⁸³² Ibid. S. 7.

Германии⁸³³. Но даже эта партия, находящаяся на самом правом фланге политического спектра, постепенно меняла свой социальный состав, если в 1887 г. из 74 депутатов рейхстага 53 были титулованными дворянами, то в 1907 г. – только 29 из 58⁸³⁴. Руководство партии принадлежало к высшему слою прусской аристократии, к самым титулованным фамилиям – граф Каниц, граф Шверин, фон Рихтхофен, граф Вестарп и др.

Приведенные выше цифры электоральных результатов ясно демонстрируют постепенное снижение влияния партии в рейхстаге, что, очевидно, было связано с системой имперских выборов, при том, что в прусском ландтаге их представительство год от года только возрастало.

На примере немецких консерваторов весьма отчетливо проявляется то расхождение в политических трендах между Пруссией и империей, о котором мы писали выше, а также становится еще более понятной борьба, возглавляемая этим большинством прусского ландтага, против всех попыток изменения прусского избирательного закона.

Второй крупной партией, связанной с консервативным направлением в немецкой политике, была Свободная консервативная, или Имперская партия, как именовала себя ее фракция в рейхстаге⁸³⁵. Она была создана в 1867 г. из Свободного консервативного объединения и части бывших членов Прусской консервативной партии. По оценке современного исследователя ее деятельности М. Александера, «Свободная консервативная партия видела себя как принципиально компромиссная партия, которая в своей программе и политической деятельности не ограничивалась только негативной политикой, т.е. критикой и отклонением всех правительственных проектов без выработки собственных предложений, что было присуще всем германским политическим партиям. Более того, она прилагала усилия, чтобы быть посредником,

⁸³³ *Nipperdey T.* Interessenverbände und Parteien in Deutschland vor der Ersten Weltkrieg //Politische Vierteljahresschrift. Zeitschrift der Deutschen Vereinigung für Politische Wissenschaft. 2. Jahrgang. 1961. Н. 3. Köln und Oppladen: Westdeutscher Verlag. 1961. S. 273.

⁸³⁴ *Booms H.* Op. cit. S. 8.

⁸³⁵ Подробнее о партии см.: *Alexander M.* Op. cit.

действуя в основном в интересах правительства, между Немецкой консервативной партией, с одной стороны, и Национал-либералами, а время от времени и левыми либералами и Центром, с другой стороны»⁸³⁶. Эту роль она играла по крайней мере до 1912 г. Будучи одной из опор протекционистской политики О. фон Бисмарка на протяжении 1870-1880-х гг., одной из основных партий «картеля», она и после ухода Бисмарка в отставку принципиально отказывалась от сближения с бывшими «партиями мятежа», но если Центр после отказа от политики Культуркампфа стал рассматриваться свободными консерваторами как партия «пригодная для сотрудничества», то с социал-демократами или поляками примирения так и не произошло.

Представительство СКП в рейхстаге выглядело следующим образом:

1890	1893	1898	1903	1907	1912
20	28	23	21	24	14

В тот же период в прусском ландтаге количество ее депутатов было несоизмеримо выше, хотя также постепенно снижалось:

1888	1893	1898	1903	1908	1913
64	63	58	61	59	53

Вплоть до 1908 г. едва ли можно говорить о партийной структуре и центральных органах партии свободных консерваторов, скорее речь все-таки шла о своего рода предвыборном объединении, а также фракциях в ландтагах и в рейхстаге. СКП не выработала собственной партийной программы и более чем другие партии и организации зависела от руководства фракции, а также от предвыборных комитетов, которые были сильны, например, в Силезии, Саксонии, а также некоторых городах – Галле, Марбург и др.⁸³⁷ Ее деятельность почти исключительно сосредотачивалась в стенах представительных органов. Эта особенность в принципе характерна для большинства германских политических партий, за исключением социал-демократов и Центра, но в случае свободных консерваторов этот принцип был

⁸³⁶ Ibid. S. 15.

⁸³⁷ Stegmann D. Die Erben Bismarcks. Parteien und Verbände in der Spätphase des Wilhelminischen Deutschlands. Sammlungspolitik 1897-1918. Köln, 1970. S. 24.

доведен почти до абсолюта. Т. Ниппердей в своей работе об организации немецких политических партий отдельно ее вообще не рассматривает, утверждая, что собственной партийной структуры СКП не имела и оставалась «партией отдельных личностей»⁸³⁸.

В самом конце 1907 г. партия в качестве своих основных целей провозгласила «общую защиту от социалистических, радикальных и реакционных устремлений»⁸³⁹, а во внешней политике – «единство и силу Германской империи». Партия выступала также за укрепление среднего городского и сельского класса, а также за одинаковую «защиту интересов сельского хозяйства, промышленности, торговли и ремесла»⁸⁴⁰. Можно говорить о максимально расплывчатых партийных целях, основным было посредничество, примирение позиций, в том числе политических, различных экономических групп, главным образом промышленников и прусских аграриев, интересы которых, соответственно, представляли НКП и национал-либеральная партия. Только после 1910 г. можно говорить о том, что в поле ее интереса действительно попал и средний класс, средние промышленные слои⁸⁴¹. Тесно связан с партией был уже упоминавшийся, существовавший с 1876 г. Центральный союз немецких промышленников (CDI), объединявший в основном представителей тяжелой промышленности и во многом противостоявший ССХ.

Центристский (либеральный) лагерь в Германской империи также был представлен несколькими партиями, однако он был более многочисленным и сложноорганизованным, чем консерваторы, которые при всей узости своей социальной базы оказывали вплоть до Первой мировой войны непомерно большое влияние на политическую жизнь страны.

Самыми «правыми» из либералов были Национал-либералы (НЛП), оформившиеся в самостоятельную партию в 1867 г., выйдя из состава первой

⁸³⁸ *Nipperdey Th. Die Organisation der deutschen Parteien ... S. 241.*

⁸³⁹ *Stillich O. Die politischen Parteien. Leipzig, 1908. Bd.1. S. 248.*

⁸⁴⁰ *Stegmann D. Op. cit. S. 25.*

⁸⁴¹ *Nipperdey Th. Die Organisation der deutschen Parteien ... S. 241.*

либеральной партии Пруссии – Германской прогрессистской партии. Национал-либералы, «партия создания империи», главная опора Бисмарка в 1867-1878 гг., бывшая ведущей силой рейхстага первых созывов, выражала интересы, прежде всего, интеллектуалов, университетской профессуры, части промышленников и банкиров. Наиболее сильные позиции она имела в Центральной и Северной Германии, после ухода с поста главы партии Р. фон Беннигсена в 1888 г. НЛП постепенно стала сдвигаться вправо. Наиболее значительными фигурами в партии были прусский министр финансов Й. фон Микель и известнейший историк Г. фон Трейчке. Вплоть до 1909 г. отказывалась от какого-либо сотрудничества с ССХ, продолжая теснейшим образом быть связанной с крупными промышленниками, прежде всего, Рейнланда, Вестфалии, Саара и Верхней Силезии. При этом партия подвергалась значительному воздействию со стороны ССХ, «который ее терроризировал, так как политическое положение партии основывалось на электоральной поддержке в сельских округах в Гессене, Ганновере, Франконии, Вюртемберге и Пфальце»⁸⁴². После 1907 г. позиции в рейхстаге усилили представители ЦСНП во главе с Г. Штреземаном и крупные банкиры, в том числе председатель партии с 1905 г. Э. Бассерман, а также силы, связанные с Германским флотским союзом⁸⁴³.

Национал-либеральная партия, также как и свободные консерваторы, принадлежала к т.н. *Honoratiorenpartei*, т.е. к партиям, чей электоральный успех зависел от избирательных союзов на местах, которые в свою очередь ориентировались на «неформальных лидеров общественного мнения», продвигали не политические идеи, а поддерживали конкретных личностей или общественные организации, связанные, в первую очередь, с крупным промышленным капиталом. Т. Ниппердей справедливо замечает, что национал-либералы после распада «картеля» и ухода Бисмарка, в значительной степени ориентировавшегося в своей политике именно на эту

⁸⁴² *Nipperdey T. Interessenverbände und Parteien in Deutschland ... S. 273.*

⁸⁴³ *Stegmann D. Op. cit. S. 27.*

партию, упустили инициативу и «отдали свое политическое поле внепартийным радикальным политическим организациям, располагавшимся справа»⁸⁴⁴.

Представительство национал-либералов в рейхстаге выглядит следующим образом:

Выборы	Голоса	%	Мандаты
1871	1 125 942	28,97 %	117
1874	1 394 250	26,86 %	147
1877	1 440 266	26,67 %	127
1878	1 291 161	22,41 %	97
1881	617 752	12,12 %	45
1884	987 355	17,44 %	50
1887	1 651 288	21,90 %	98
1890	1 130 842	15,64 %	38
1893	943 410	12,29 %	51
1898	997 147	12,86 %	48
1903	1 301 473	13,71 %	50
1907	1 666 705	14,80 %	56
1912	1 651 115	13,53 %	45

Таблица наглядно демонстрирует несовершенство избирательной системы, нарезки избирательных округов и распределения мандатов. За исключением явных провалов 1881-1884 и 1890 гг. электорат партии был удивительно стабилен и даже увеличивался, но далеко не в той же степени, как за этот же период росло население страны.

Особо хочется отметить, что национал-либералы в процессе развития системы вильгельминизма сохраняли свою центристскую позицию, однако их правое и левое крылья все больше дистанцировались друг от друга и над

⁸⁴⁴ Nipperdey T. Interessenverbände und Parteien in Deutschland ... S. 275

партией постоянно висела угроза раскола, что было в принципе характерно для всего либерального политического направления в стране.

Либеральный лагерь в империи не ограничивался НЛП. Левые либералы последовательно организовывались в несколько политических партий: до 1880 г. это была Прогрессистская партия (создана в 1861 г. в прусском ландтаге, после объединения страны превратилась в общегерманскую); с 1884 по 1893 г. – Немецкая свободомыслящая партия, возникшая в результате объединения Прогрессистской партии и Либерального объединения; в 1893 г. при ее распаде возникло две организации – Свободомыслящее объединение и Свободомыслящая народная партия, которые в 1910 г. объединились с Немецкой народной партией и организовали Прогрессистскую народную партию, которая просуществовала до 1918 г. В основе деятельности всех этих партий лежали одни и те же принципы, их политические цели и социальная база также были едины. Леволиберальные партии выступали за увеличение влияния граждан на государственные дела, создание правового государства, в котором главенство будет принадлежать закону, требовали введения ответственности правительства перед парламентом, усиления местного самоуправления, равенства всех вероисповеданий, отделения церкви от государства и т.д. Деятели партии были промышленники, чье производство было ориентировано на экспорт, как, например, Г. Сименс из семьи Сименсов, который был в числе основателей Deutsche Bank и был связан с железнодорожным строительством (Багдадская железная дорога, Northern Pacific Railway в США), а также интеллектуалы, публицисты, сторонники Манчестерской экономической школы Ф. Науман и О. Рихтер. Серьезную социальную и электоральную базу левых либералов составляли активисты гражданского движения на местном уровне, деятели различных коммунальных органов самоуправления и разнообразных движений, выступающих за развитие гражданского общества.

Социальные изменения, приход в политику широких масс, не оказали существенного влияния на партийную структуру и деятельность партии в

целом⁸⁴⁵. Главным вопросом для левых либералов была возможность/невозможность сотрудничества с социал-демократами, при том, что Ф. Науману принадлежит крылатая фраза о «блоке от Бассермана до Бебеля»⁸⁴⁶, идея эта, впрочем, была отвергнута ими обоими. Но именно поддержке левых либералов социал-демократы в значительной степени обязаны своей сокрушительной победой на выборах в рейхстаг в 1912 г. При этом при Б. Бюлове они входили в консервативно-либеральный Готтентотский блок, то есть при определенных условиях были готовы к сотрудничеству с партиями, находящимися как слева от них, так и справа. Электоральные результаты левых либералов на имперском уровне выглядят следующим образом:

	1871	1874	1877	1881	1884	1887
Прогрессистская партия	46	49	35	60	-	-
Либеральное объединение	-	-	-	46	-	-
Свободомыслители	-	-	-	-	67	32

	1890	1893	1898	1903	1907	1912
Левые либералы	66	37	41	30	42	42

Оба либеральных направления значительно быстрее, чем консерваторы эволюционировали в достаточно массовые партии с фиксированным членством и относительно тесными контактами между партийной верхушкой и рядовыми членами.

Впрочем, почти до самого начала Первой мировой войны и консервативные, и либеральные партии оставались преимущественно предвыборными объединениями, основная деятельность которых протекала в рейхстаге и ландтагах, а основными задачами были продвижение, поддержка или наоборот сопротивление правительственным инициативам в собственных

⁸⁴⁵ Nipperdey T. Die Organisation der deutschen Parteien ... S.181.

⁸⁴⁶ From Bassermann to Bebel. The Grand Bloc's Quest for Reform in the Kaiserreich, 1900–1914. By Beverly Heckart. New Haven and London: Yale University Press. 1974.

интересах. Причем носителями этих собственных интересов был даже не столько электорат партии, сколько партийная верхушка, то есть достаточно узкий круг людей, заинтересованных по той или иной причине, причем чаще экономической, чем политической, в сотрудничестве с правительством. Постепенно эта ситуация менялась.

Несколько отличалась от всех вышерассмотренных партийных организаций конфессиональная Католическая партия Центра. Она получила свое название по местоположению депутатов католической фракции в зале заседаний прусского ландтага, где в 1850-е годы она объединяла 54 депутата. Нельзя точно сказать, когда католическая фракция окончательно превратилась в политическую партию. Одни исследователи называют 1867 г., другие 1870-1871 гг., хотя точная дата в данном случае не столь важна, так как идеологическая база, а также политические цели и задачи, которые она ставила перед собой, стали прямым продолжением, без каких-либо серьезных изменений, политической линии католической фракции. Избирателями партии Центра в это время были широкие слои населения католических областей Германии, главным образом на Юге и Юго-Западе, а также часть польского католического населения Пруссии. В 1870-е годы, да и позже значительная часть рабочих-католиков также голосовала не за социалистов, а за Центр, что было важно в общем русле борьбы против социал-демократии и перетягивания части ее электората на сторону других партий. В руководстве партии преобладали дворяне, католическое духовенство, средняя и крупная буржуазия⁸⁴⁷. Фактическим лидером партии вплоть до своей смерти в начале в 1890 г. оставался Л. Виндхорст, значительным влиянием пользовались так достаточно долгое время не занималась разработкой и не публиковала своей партийной программы. Это делалось вполне сознательно, хотя, начиная с 1848 г., раздавались формулируемые избирательными комитетами требования гражданских прав и свобод, с особенным упором на церковные свободы:

⁸⁴⁷ Оболенская С.В. Указ. соч. С. 23.

«Наряду с сильным королевством, бóльшая свобода народа». В социальной сфере требования касались реформы ремесла и фабричного хозяйства, мероприятий социальной защиты нетрудоспособных и безработных. В подобных документах 1852 и 1859 гг. католические депутаты прусского ландтага поддерживали церковно-политические и общегражданские требования, но не выдвигали собственной общей политической программы.

В 1870 г. одновременно появились несколько предвыборных программ Центра, так называемая Зоэстерская (Soester) и Эссенерская (Essener) программы, а также «Программа фракции Центра» в прусской палате депутатов, которые по основным своим параметрам были практически идентичны. Лозунгом партии стал девиз «За правду, права и свободу», а основными политическими целями и требованиями:

1. конституционное признание самостоятельности и прав церкви, защиты от любых посягательств на независимость церковных органов и развитие религиозной жизни;
2. непризнание любых попыток ведения гражданской регистрации брака и защита конфессиональной школы;
3. защита федеративного государства как основного принципа империи. Государство едино только в необходимых вопросах, в остальном должна быть сохранена самостоятельность отдельных земель;
4. равенство интересов промышленного и сельскохозяйственного капитала, а также предпринимателей и землевладельцев, с одной страны, и рабочих, с другой, путём создания и укрепления сильного среднего класса, состоявшего из самостоятельных горожан и крестьян;
5. свобода всех усилий, не выходящих за конституционные рамки, направленных на решение социальных задач⁸⁴⁸.

⁸⁴⁸ Unterm Zentrumsbanner... S. 26-27.

Этот документ оставался политической программой Центра вплоть до 1922 г. Из объявленных основных программных целей совершенно отчетливо вырисовываются главные приоритеты партии – защита традиционных ценностей, связанных с религиозной основой жизни, и федеративного принципа, то есть отстаивание интересов католических государств Юга и Юго-Запада Германии после их вхождения в Северогерманский союз, основное население которого было протестантским. Тут четко выявляется спектр проблем, приведший в конце концов к противостоянию государства и католических организаций в период Культуркампа. Нашей целью не является изучение его причин и основных этапов, об этом написано много работ⁸⁴⁹, нам бы только хотелось определить несколько «линий напряжения», которые стали его основополагающими причинами. Важно для нашего исследования это только потому, что именно Культуркампф сформировал партию, заложил принципы ее взаимоотношений с государством и линию поведения в рейхстаге.

Объединение страны по малогерманскому пути устранило с общегерманского пространства преимущественно католическую Австрию, к которой тяготели государства Юга и Юго-Запада. Оказавшись в государстве, где ведущую роль играла протестантская Пруссия, население этих регионов, опасаясь, как оказалось не беспочвенно, ущемления своих интересов, заняло изначально агрессивно-оборонительную позицию, блюдя принцип федерализма как защиту от гегемонистской прусской политики, хотя сама Пруссия веками была оплотом европейской веротерпимости. Поэтому можно говорить, что все-таки в основе этих противоречий лежали вопросы не религиозные, а политические. Кроме целей ассимиляции польского меньшинства, чье стремление к восстановлению утерянного национального государства и антинемецкие (наряду с преобладающими антирусскими)

⁸⁴⁹ См. например: *Franz G. Kulturkampf. Staat und katholische Kirche in Mitteleuropa.* Verlag Georg D. W. Callwey, München 1954; *Löhde W. Das päpstliche Rom und das Deutsche Reich: eine Dokumentation.* Struckum, 1991; *Der Kulturkampf / Hrsg. von R. Lill.* Paderborn u. a., 1997.

настроения были сильны все время существования польских провинций Пруссии, перед империей стояла задача интеграции католического населения Эльзаса и Лотарингии, в которых были чрезвычайно сильны сепаратистские и реваншистские идеи. Третьим политико-религиозным фактором был Ватикан и возможность, вполне реальная по мысли Бисмарка, что он и государства с ним связанные будут пытаться оказывать деструктивное влияние на внутригерманские дела. Главная опасность здесь заключалась в провозглашении Пием IX в 1870 г. догмата о «непогрешимости папы», т.е. любое высказывание папы по религиозному или моральному вопросу не могло подвергаться сомнению и было обязательно для исполнения для любого католика, что, по мнению имперских властей, вело к фактическому «соправлению», через католических священнослужителей, папы в Германской империи. Главной целью Бисмарка, и это является одним из тезисов нашей работы, было решение задачи ограждения интересов Пруссии от «размывания» на общеимперском пространстве. Эта цель была Бисмарком достигнута, в отличие от других, которые он открыто декларировал.

Культуркампф был достаточно кратковременным явлением, продлившись с лета 1871 г., когда был упразднен католический департамент в прусском министерстве культов, до 1879 г., когда постепенно антикатолическое законодательство, апогеем которого стало принятие т.н. майских законов 1873 г., стало смягчаться и к 1887 г. было практически отменено, что позволило папе Льву XIII заявить, что Культуркампф закончен.

Стоит заметить, что антикатолические мероприятия Бисмарка скорее способствовали, чем препятствовали упрочению политических позиций партии Центра, которая постоянно, год от года увеличивала, или же сохраняла, свое представительство как в прусском ландтаге, так и в рейхстаге. Здесь я несколько выйду за рамки хронологии своей работы, чтобы показать степень влияния партии, в том числе и в период канцлерства О. фон Бисмарка.

Прусский ландтаг		Германский рейхстаг	
год	Число мест партии Центра и ее сторонников	Год	Число мест партии Центра и ее сторонников
1866	15	1871	63
1867	–	1874	91
1870	58	1877	93
1873	88	1878	94
1876	89	1881	100
1879	97	1884	99
1882	99	1887	98
1885	98	1890	106
1888	98	1893	96
1893	95	1898	102
1898	100	1903	100
1903	97	1907	105
1908	104	1912	91

Интересно почти полное совпадение цифр в обоих представительных органах, несмотря на различия в общем количестве депутатов (в прусской палате их количество в 1850-1906 гг. менялось от 352 до 443, а в рейхстаге заседали 397 депутатов), избирательных системах и т.п. Антикатолическая политика правительства способствовала тому, что партия долгое время являлась самой влиятельной силой в имперской палате. Она была единственной партией, которая за весь имперский период ни разу не подвергалась внутреннему расколу или серьезному кризису. Центр сыграл значительную роль в перипетиях, связанных с отставкой Бисмарка зимой-весной 1890 г., когда на февральских выборах сокрушительное поражение потерпели партии «картеля». В этой ситуации Бисмарк постарался выстроить новые отношения с Центром, заключив 12 марта 1890 г. соглашение с его лидером Л. Виндхорстом, которое, впрочем, не оказало уже никакого влияния на канцлерскую судьбу Бисмарка, но заложило основу для сотрудничества с правительством, пришедшим ему на смену. Этот союз имел не только внутривластный, но и внешний аспект, сближая Берлин через Ватикан с

Римом, укрепляя тем самым и Тройственный союз. Центр, оставался ключевой фракцией рейхстага весь период вильгельминизма, даже тогда, когда находился в оппозиции, т.е. в период Готтентотского бюловского блока, направленного в значительной степени именно против Центра. Собственно, появление этого блока было вызвано прежде всего тем, что Бюлову не удалось договориться с вождями католической партии о поддержке и он был вынужден искать опору в других силах. Он же играл важнейшую роль в недопущении распространения социал-демократической пропаганды, на что принципиально важное влияние оказала уже упоминавшаяся нами папская энциклика 1891 г. *Rerum Novarum*, легшая в основу социальной доктрины церкви. В 1909 г. именно Центр был застрельщиком антиправительственной кампании, которая закончилась провалом финансовой реформы и смещением канцлера. Здесь уместно будет еще раз вспомнить слова Ф. Наумана о том, что «происходит не то, что хочет Центр, напротив – не происходит того, чего Центр не хочет»⁸⁵⁰.

Место партии Центра в политическом спектре империи и Пруссии до сих пор, как это ни странно, является дискуссионным вопросом. Подробный историографический анализ проблемы, проведенный российской исследовательницей О.В. Ольховской, написавшей диссертацию о партии Центра⁸⁵¹, показывает удивительную картину. В монографии У. Шмидт, рассматривавшей Центр как предшественника ХДС, она «давала однозначное политическое определение: «Центр» всегда был консервативной партией»⁸⁵². В то же время «другой исследователь Х.-П. Голдберг пришел к выводу, что по политической идеологии «Центр» был либеральной партией»⁸⁵³. То есть споры идут даже по такому, казалось бы, бесспорному поводу – к какому лагерю, консервативному или либеральному, причислить партию.

⁸⁵⁰ *Naumann F.* Die politische Parteien // Werke. Bd. 4. Berlin, 1910. S. 132.

⁸⁵¹ *Ольховская О.В.* Партия "Центр" в Германии 70 - х годов XIX века: организация, идеология, политическая практика. Автореферат дисс. на соискание степени канд. ист. наук. Брянск, 2014

⁸⁵² *Schmidt U.* Zentrum oder CDU: Politischer Katholizismus zwischen Tradition und Anpassung. - Opladen, 1987. - S. 74.

⁸⁵³ *Goldberg H.-P.* Bismarck und seine Gegner. Die politische Rhetorik im kaiserlichen Reichstag. Düsseldorf, 1998. S. 269.

Неоднозначность оценок, по нашему мнению, вытекает прежде всего из широчайшей социальной базы Центра – за нее голосовали как католики-магнаты из Верхней Силезии, так и шахтеры Рура. Даже свое название – католическая – с течением времени она перестала оправдывать полностью, так как была открыта для представителей всех христианских конфессий, прежде всего, конечно, протестантов. Безусловная защита традиционных христианских ценностей и сопротивление вмешательству государства в церковные дела были поводом для либералов причислить Центр к консервативному лагерю. Эту же консервативную ориентацию подтверждала и поддержка законопроектов, принимаемых в интересах аграриев, что даже обернулось для партии сокращением рабочего электората. В то же самое время, поддержка Центром торговых договоров 1891-1894 гг., принятых главным образом в интересах промышленников в ущерб аграриям, сближала католическую партию с либералами. В том же русле действовал Центр и при обсуждении любых исключительных законов, против кого бы они ни были направлены – т.е. не только против поляков (1908 г.), но и против социал-демократов, что также свидетельствовало о либеральном компоненте, не чуждом партии. Видимо, можно говорить об их «приспособляемости», о «центризме Центра», что особенно ярко проявилось в практически одновременной поддержке Центром законопроекта о строительстве флота и введения новых ввозных таможенных пошлин на зерно⁸⁵⁴. Итак, можно сказать, что Католический Центр был самой противоречивой партией Германской империи. Опираясь на самые разные социальные и политические силы и защищая подчас противоположные идеи, Центр смог стать партией национальной, на что и претендовали ее вожди. Предвыборная программа 1903 г. гласила: «Центр не был и не мог быть партией какого-либо одного социального слоя или класса. Нашей гордостью должно быть то, что мы

⁸⁵⁴ Подробнее см. *Матвеева А.Г.* Католическая партия Центра в политической системе Германии (1870-1914) // Европейский альманах. М., Наука, 2003. С. 31.

являемся истинной народной партией, которая объединяет все сословия и классы»⁸⁵⁵.

Левый политический фланг занимала Социал-демократическая партия Германии (СДПГ). Она строилась на иных основаниях, чем все остальные партии, о которых мы писали выше и которые принято называть традиционными или буржуазными. Для нее изначально главной задачей было создание организационной структуры, так как за ней не стояло никакой авторитетной политической силы, обладающей финансовыми и пропагандистскими возможностями. Необходимо было создать аппарат и механизм воздействия на массы, их просвещение и агитацию в социалистическом духе, вести большую образовательную работу и т.д. Ее электорат не обладал никакими ресурсами кроме массовости, все эти ресурсы необходимо было создавать с нуля. К тому же изначально ее целью было получить не «кусочек государственного пирога», не ограниченное влияние на политические процессы и не лоббистский потенциал – изначально целью социал-демократии было кардинальное переустройство государства и общества, причем помимо голой, слабо разработанной теории (собственно, теорию государства начал разрабатывать В.И. Ленин летом 1917 г.) за этими идеями, кроме многомиллионного рабочего класса, ничего не стояло. «Деятельность партии концентрировалась на себе самой, на своем росте и необходимой для этого агитации, а также на разъяснении и корректировке своих программных установок. В центре политических интересов партии находилась выработка партийной идеологии и создание соответствующей ей организации»⁸⁵⁶.

Партийная организация СДПГ в корне отличалась от других политических партий (ежегодно проходили съезды СДПГ, на которых определялась политическая линия партии на ближайший период, шла активная внутрипартийная дискуссия, находящая свое выражение в

⁸⁵⁵ Цит. по: Unterm Zentrumsbanner... S. 53.

⁸⁵⁶ Nipperdey T. Die Organisation der deutschen Parteien ... S. 293-294.

партийных программах и других партийных документах, которые четко отражают эволюцию партии и ее основных политических установок). Это позволяет говорить о том, что «СДПГ не только в социалистическом Интернационале, но и в немецкой партийной системе буржуазного парламентаризма стала образцовой»⁸⁵⁷. Т. Ниппердей выделяет три периода истории СДПГ – начальный; период действия Закона против социалистов; период после отмены Исключительного закона.

Созданию СДПГ предшествовала деятельность Союза коммунистов и Всеобщего германского рабочего союза, основанного в 1863 г. Ф. Лассалем. В 1869 г., то есть фактически одновременно с другими немецкими политическими партиями, на съезде в г. Эйзенах была конституирована Социал-демократическая рабочая партия Германии. Ее руководителями, российские дипломаты чаще употребляли слово «вожди», стали В. Либкнехт и А. Бебель. Последний бессменно руководил СДПГ вплоть до своей смерти в 1913 г., застав ее превращение в крупнейшую политическую силу в стране и эталонную организацию для всего международного социалистического и рабочего движения. В 1875 г. на съезде в Готе две партии были окончательно объединены, принята партийная программа, партия стала называться Социалистической рабочей партией. Рост влияния социалистов, открыто призывавших к свержению существующего строя, увеличение их фракции в рейхстаге, а также покушения на императора, использованные как предлог, привели к принятию в 1878 г. Исключительного закона против социалистов, по которому были запрещены все социал-демократические, социалистические и коммунистические союзы, собрания, печатные издания и пропагандистская деятельность. Нарушение этих запретов каралось для рядовых членов организаций штрафом в 500 марок или тюремным заключением на срок до 3 месяцев, а для их руководителей – заключением от месяца до года. Закон не распространялся на деятельность партии в рейхстаге и ландтагах и вводился

⁸⁵⁷ Ibid. S. 9

на 2,5 года, но неоднократно продлевался и просуществовал до 1890 г. За время его действия 332 организации были распущены, 1300 печатных изданий запрещены. Социал-демократы научились обходить запреты, так, например, вместо запрещённой газеты *Vorwärts* выходила нелегальная *Sozialdemokrat*, издаваемая за границей. Партия отказалась также от выборов единого главы партии, перейдя к коллективному руководству Центрального комитета. К моменту отставки О. фон Бисмарка властям стало понятно, что запретительные меры не работают, так, после некоторого сокращения электората (с 437 тыс. чел. в 1878 г. до 312 тыс. чел. в 1881 г.) в 1890 г. социалисты набрали 1 млн 427 тыс. голосов и получили 35 мест в парламенте. В 1891 г. партия получила современное название и приняла на съезде в Эрфурте новую программу, по которой марксизм стал официальной теоретической основой немецкой социал-демократии⁸⁵⁸. Эрфуртская программа была подготовлена К. Каутским и Э. Бернштейном, признанными ведущими теоретиками социал-демократии. Ее теоретическая часть основывалась на «Капитале» К. Маркса, а практическая содержала требования по демократизации общества и государства, а также по улучшению социального положения рабочих. При этом, как уже отмечалось выше, отсутствовали какие-либо принципиальные положения о государственном строе⁸⁵⁹.

Партия значительно изменилась после отмены Исключительного закона, ведущие позиции в ней постепенно завоевали т.н. ревизионисты или POSSIBILITISTY, которые ориентировались на постепенные изменения в государственной системе с учетом реальных возможностей. Это направление связано с именем Г. Фольмара и других видных деятелей фракции СДПГ в рейхстаге, которая еще с 1894 г., несмотря на декларируемый отказ от поддержки любых законов, предлагаемых правительством или другими

⁸⁵⁸ Поттхофф Х., Миллер С. Краткая история СДПГ 1848-2002. М., Памятники исторической мысли, 2003. С. 60.

⁸⁵⁹ Там же. С. 61.

фракциями, начала голосовать за правительственные законопроекты, что сразу же лишало ее полной эксклюзивности.

Партия росла чрезвычайно быстрыми темпами, если в 1905-1906 гг. она насчитывала 385,3 тыс. членов и уже была самой массовой политической организацией в Германии, то в 1913 г. в ее рядах состояло более 1,08 млн человек. Это естественно вело к бюрократизации ее структуры, все более укреплявшейся связи с профсоюзами, которые добивались и вполне успешно увеличения и расширения социальных программ. На них, в том числе на поддержку забастовщиков, с 1891 по 1914 гг. было потрачено почти 390 млн марок. Развитие связанного с СДПГ профсоюзного движения и его успехи усиливали реформистское крыло партии, что породило известную внутрипартийную дискуссию о ревизионизме Э. Бернштейна, о применимости теоретических идей Маркса к современной политической ситуации и необходимости социальной революции как единственно возможного пути завоевания власти рабочим классом и преобразования экономических и социальных структур. Реальная политическая практика СДПГ, прежде всего, деятельность в стенах рейхстага, свидетельствовала о ее неуклонном дрейфе с крайне левого фланга в сторону центра и конструктивном восприятии новых задач, встававших перед страной. Единственно, что осталось неизменным, это полное неприятие монархического режима и последовательная борьба с ним.

Так выглядел политический партийный спектр Германской империи без учета мелких и не очень политических и национальных групп, таких как антисемиты, поляки, вельфы или эльзасцы, которые в силу этой своей малочисленности не оказывали сколько-нибудь серьезного влияния на позицию рейхстага по правительственным законопроектам. При этом не следует упускать из виду их важность в тех случаях, когда они блокировались на постоянной или временной основе с крупными партиями, усиливая позиции последних. Так было, например, почти всегда с поляками, которые образовывали с партией Центра прочный союз. Антисемиты поддерживали

консерваторов, в идеологии которых, что отчетливо видно на примере ССХ, антисемитизм занимал не последнее место.

И еще одно, важное с нашей точки зрения замечание. Правительство практически никогда не имело дела с партиями как таковыми. Все они, за исключением социал-демократов, не были массовыми организациями с оформленным членством. О партиях можно говорить в основном в связи с публикациями по тем или иным вопросам в партийной прессе, но такие статьи имели достаточно ограниченное и опосредованное влияние на общественное мнение, и не оказывали прямого воздействия на непосредственную политику исполнительной власти. Для этой последней принципиальное значение имело взаимодействие с парламентом, т.е. с составлявшими его депутатскими партийными фракциями. Чаще всего, когда мы говорим о тех или иных партиях, мы имеем в виду как раз их фракции в палатах.

§2. Трансформация роли рейхстага и его становление как равноправного властного центра Германской империи.

«Вся политика Бисмарка исходила из того, чтобы не давать консолидироваться ни одной сильной и поэтому хоть как-то самостоятельной конституционной партии. Главными средствами, позволявшими ему осуществлять свои планы – наряду с в высшей степени умышленной и ловкой эксплуатацией таможенно-политических конфликтов интересов – были, прежде всего, военные проекты и закон о социалистах», - писал в 1918 г. М. Вебер в своем чрезвычайно подробном анализе политической системы Германской империи⁸⁶⁰. Вебер верно указал, что Бисмарк не давал политическим партиям возможности обрести какую-либо политическую самостоятельность, не позволял им почувствовать ответственность за последствия своих действий. Учиться этому им пришлось в новых условиях, после отстранения от власти «железного канцлера».

М. Вебер в своей переписке с Ф. Науманом рассуждал о германском политическом режиме, о непрофессионализме партий и, следовательно, парламента, и считал, что их нахождение «на заднем дворе германской политики» является ее главной проблемой, что без реформы правительственной системы (т.е. введения ответственности правительства перед парламентом - *А.М.*) «политическое воспитание общественности невозможно»⁸⁶¹. С этим несомненно можно согласиться, но нельзя спорить и с тем, что процессы политизации общества, демократизации системы управления, хоть и не сопровождаемые ее превращением в полной мере в парламентскую систему, шли чаще всего независимо от воли основных участников политического процесса, движение которых было слишком разнонаправленным, чтобы его в принципе можно было как-то

⁸⁶⁰ Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии. К политической критике чиновничества и партийной жизни // Власть и политика (сборник). Философия власти с Александром Филипповым. М., 2017 URL. <https://www.livelib.ru/book/180232/readpart-vlast-i-politika-maks-veber/~9?ysclid=lryok3n5bs766533128> (дата обращения 08.10.2023).

⁸⁶¹ Weber M. Gesamtausgabe (Abt. II: Briefe). Hrsg. von H. Baier, M. R. Lepsius u.a. 10 Bde. Tübingen, 1990-1998. Bd. 5. S. 697–698.

«канализировать». М. Вебер, находясь внутри процесса, смотрел на него с позиции жесткой либеральной догмы, не признавая того, что вариантов режимов, которые с той или иной степенью допущения можно назвать парламентским, может быть больше, чем один.

В предыдущих разделах диссертации уже не раз обращалось внимание на противоречивость системы распределения властных полномочий в Германии, характеризовавшейся сочетанием наследственной монархии, опирающейся на дворянскую властную элиту, с «безответственным» канцлером и правительством, состоящим из «технических сотрудников» и рейхстага, избираемого на основе широчайшего, практически всеобщего по меркам XIX – начала XX в. избирательного права. Эта противоречивость, дополненная сложносочиненным федеративным характером государства, считается в литературе со времен Вебера и Наумана главной причиной внутренней нестабильности, перманентного кризиса и как результат – быстрого завершения имперского периода германской истории.

2.1. «Новый курс» и политика «примирения»

Л. фон Каприви, о чем мы уже подробно писали выше, вступив на высшие государственные посты в стране, объявил «новый курс» во внутренней и внешней политике, одними из главных характеристик которого были отказ: от превентивной борьбы с теми силами, которые О. фон Бисмарк причислял к «врагам империи» – с социалистами и католиками; и от безусловной поддержки аграриев, что также было одной из основных характеристик предыдущего периода. Вместо этого им была сделана попытка выстроить конструктивные отношения со всеми политическими силами, стремящимися к упрочению государства и существовавшего в нем политического режима.

В мае 1890 г. в тронной речи при открытии рейхстага император заявил о новых приоритетах своей политики на ближайшее время и о задачах, стоящих, в связи с этим, перед законодателями. К таковым он отнес «дальнейшую разработку рабочего законодательства», т.е. системы социального страхования с участием работодателей и государства, а также увеличение «значения германской промышленности в мировой конкуренции»⁸⁶². Эти слова стали своеобразным сигналом к грядущему переносу внимания правительства с аграриев на промышленников и, соответственно, к его переориентации с консервативных на либеральные партии.

Такой поворот поставил партии перед необходимостью овладения новыми навыками парламентской деятельности, в первую очередь, умению находить партнеров для проведения в рейхстаге тех или иных законопроектов. Началом можно считать внесение в январе 1891 г. лидером свободомыслящих О. Рихтером на обсуждение рейхстага комплекса законов о снижении хлебных пошлин до нормы 1887 г., отмене сахарной премии и реформе закона о производстве и торговле спиртом. Эти предложения, направленные против

⁸⁶² АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1890 г. Д. 16. Л. 74.

аграриев, были отвергнуты парламентом 210 голосами против 106. Против выступили консерваторы, Центр, национал-либералы, поляки и эльзасцы. Российские дипломаты, анализируя результаты голосования, пришли к выводу, что законопроект провалился в силу того, что был составлен крайне неудачно (были смешаны воедино три совершенно разных вопроса), к тому же «правительство пустило в ход своё влияние, дабы провалить несвоевременное предложение господина Рихтера», но при этом, заметили они, оно оставило за собой «право под иным видом и в иное время вновь возбудить затронутые свободомыслящими представителями жгучие вопросы экономической будущности Германии»⁸⁶³. Шувалов также выразил убеждение, что свое предложение Рихтер внес главным образом в пропагандистских целях, чтобы привлечь к своей партии внимание избирателей из низших слоев. Не случайно это предложение свободомыслящих поддержали социал-демократы, ориентировавшиеся на эти же слои. В связи с этим Шувалов сделал еще одно наблюдение: «... политический манёвр свободомыслящих и социал-демократов был главным образом направлен против национал-либералов, как наиболее опасных для них соперников перед избирателями»⁸⁶⁴.

В связи с рассмотренным сюжетом стоит обратить внимание на несколько моментов. Во-первых, рейхстаг в данном случае стал площадкой для сближения нескольких партий по определенным вопросам. Во-вторых, эти партии руководствовались даже не сутью предложения, поскольку оно не грозило ухудшением экономического положения служивших их базой социальных групп, а тем, какое впечатление его поддержка/не поддержка произведет на их избирателей, какие выгоды она будет сулить в будущем. Важен здесь и третий момент, позиция правительства, которое владело ситуацией, имело достаточное поле для маневра и было уверено, что «в ту минуту, когда оно сочтёт удобным представить на утверждение парламента

⁸⁶³ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1891 г. Д. 16. Л. 21.

⁸⁶⁴ Там же. Л. 25.

торговый договор с Австро-Венгрией, оно будет иметь на своей стороне большинство голосов»⁸⁶⁵.

Одним из самых важных из всех перечисленных выше моментов для партий был вопрос о принципиальной возможности и пределах такого «ситуативного» сотрудничества, заранее ничем не predeterminedных «союзов». Особым разнообразием такие союзы отличались в периоды выборов в представительные органы. Так, в авторитетном исследовании немецкого либерализма Х. Й. Тобера приводится следующий рассказ Т. Барта, одного из лидеров левых либералов: «Во многих избирательных округах партийные группировки очень различны. Здесь национал-либерал борется с Союзом сельских хозяев и рад помощи свободомыслящих; а там другой национал-либерал полностью поддерживает Союз сельских хозяев, а против него выступают свободомыслящие и национал-либералы. Здесь Союз сельских хозяев вышвыривает заслуженного консерватора, чтобы заменить его на антисемита, а там антисемит разглагольствует против евреев и юнкеров. Здесь Центр поддерживает свободомыслящих, а там он не сделает этого ни в коем случае. Здесь социал-демократы готовы при перебаллотировке поддержать свободомыслящих, там они срывают их предвыборное собрание. Все это удивительный кавардак»⁸⁶⁶. Интересно, что приведенные выше слова относятся к 1898 г., то есть положение дел в этой сфере, по наблюдениям одного из вождей свободомыслящих, не изменилось и к рубежу веков. Так, по подсчетам М. Александера, количество депутатов рейхстага, избранных при поддержке других партий (т.е. в результате заключения предвыборных союзов), постоянно росло. Если в 1890 г. их было 33,8% палаты, то в 1912 – 45%. По некоторым партиям (прежде всего, консервативным и либеральным) – до 97%⁸⁶⁷.

⁸⁶⁵ Там же.

⁸⁶⁶ *Tober H.J. Deutscher Liberalismus und Sozialpolitik in der Ära des Wilhelminismus. Anschauungen des liberalen Parteien im parlamentarischen Entscheidungsprozeß und in der öffentlichen Diskussion. Husum : Matthiesen, 1999. S. 116.*

⁸⁶⁷ *Alexander M. Op. cit. S. 73.*

Вся история взаимоотношений правительства и канцлера с рейхстагом, а также внутри рейхстага – это постоянный поиск партнеров, попытки достичь единства, договориться и т.д. Насколько ситуативно формировалось сотрудничество властей с той или иной партией по тем или иным вопросам, настолько же непостоянными были союзы и коалиции партий, создаваемые всегда с одной и той же целью, – давления на правительство и получения выгод от этого сотрудничества или противостояния.

В подтверждение этого тезиса можно привести выдержки из депеши от января 1891 г. по поводу достигнутого Каприви соглашения с партией Центра. Из российского посольства писали, что за поддержку торгового договора с Австро-Венгрией («г. Виндхорст заявил, что он одобряет идею торгового договора с Австро-Венгрией и что, хотя этот договор принесёт, быть может, некоторый ущерб одной отрасли немецкой промышленности, но с другой стороны, он ещё крепче свяжет неразрывные узы монархий и во многом доставит значительные выгоды Германии») партия очевидно получила от правительства какие-то серьезные уступки («г. Гослер* внёс в ландтаг правительственное предложение о возвращении католическим епархиям того капитала, который под именем “Sperrgeld” образовался из конфискованного на основании закона от 22 апреля 1875 во время так называемой «культурной борьбы» жалованья католическим духовным лицам, капитала, до сих пор удерживаемого правительством») ⁸⁶⁸. Следует пояснить, что речь шла о 16 млн марок, чрезвычайно внушительной по тем временам сумме. В апреле 1890 г. предлагалось, не возвращая церкви всей суммы, ежегодно выплачивать ей проценты с нее – около 560 тыс. марок, против чего выступила прежде всего сама партия Центра, руководствуясь принципом «все или ничего». Сейчас же появилась прекрасная возможность вернуть эти, незаконно, с точки зрения

* Г. фон Госслер (1838-1902), немецкий политик, в 1881-1891 гг. прусский министр культов, в 1891-1902 гг. обер-президент провинции Западная Пруссия, активный сторонник политики Культуркампа и противник Л. Виндхорста, выступал против церковного, прежде всего католического, управления школьным делом в Пруссии, а также против сохранения уроков Закона божьего на польском языке в польских провинциях. Сближение Каприви с Католической партией Центра стало причиной отставки Госслера в марте 1891 г.

⁸⁶⁸ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1891 г. Д. 16. Л. 27 об. – 28.

церкви, конфискованные и удерживаемые правительством суммы. «После девятимесячных переговоров государство ещё раз уступило церкви и ныне внесён в ландтаг законопроект о передаче католическим архиепископствам и епископствам всего капитала в 16 с лишком миллионов, не обязывая их к предварительному соглашению с министром исповеданий в деле расходования означенной суммы. Если этот законопроект будет одобрен парламентом, в чем нет почти никакого сомнения, то немецкая католическая партия значительно усилится и, по всей вероятности, ещё с большим рвением вступит в борьбу с государством для приобретения новых уступок, особенно в школьном вопросе»⁸⁶⁹.

Характеризуя деятельность императора в этот период, посол Шувалов пишет о «суетливо нервной деятельности Вильгельма II», которая отражается на всей политической жизни страны, в том числе и на деятельности парламента, «состав которого хоть и остаётся по сие время один и тот же, но в котором правительство должно ежечасно изыскивать новые сочетания партий, для сохранения в своих руках государственного управления. В настоящую минуту правительство особенно силится укрепить своё положение приобретением поддержки партии Центра, играющего то более, то менее выдающуюся роль в этом законодательном собрании»⁸⁷⁰. И правительству, и российским наблюдателям было одинаково очевидно, что Центр, бывший долгие годы врагом режима, постоянно находившийся в оппозиции, страдающий от антикатолической политики первого имперского канцлера «с каждым днём приобретает больше веса, больше значения: в предстоящем обсуждении торгового договора с Австро-Венгрией нет сомнения, что цели правительства будут достигнуты лишь вследствие приобретения числа голосов этой партии»⁸⁷¹.

⁸⁶⁹ Там же. Л. 30 об. – 31.

⁸⁷⁰ Там же. Л. 52а.

⁸⁷¹ Там же. Л. 52б.

В связи с проектом австро-германского торгового договора и проблемой его поддержки Центром важно отметить, что укрепление связей с Австро-Венгрией, преимущественно католической страной, полностью отвечало подлинным интересам католической партии, но даже если бы это было бы и не совсем так, получение выгод в принципиальном для себя вопросе, например Sperrgeld, стоило, так сказать, мессы. «Во всех предстоящих к решению вопросах содействие партии Центра становится более-менее необходимым для успеха правительства, а отсюда ряд уступок ей, к которым уже отчасти приступили, а отчасти прибегнут по всему вероятно в будущем. Та самая партия, на которую правительство постоянно смотрело как на враждебный элемент, обратилась в силу, с которой оно до того считается, что возвращает католическому духовенству капитал в 16 млн, считавшийся до сих пор слишком опасным орудием пропаганды в его руках», - писал посол П.А. Шувалов, несколько даже озадаченный таким кардинальным поворотом во внутренней германской политике. В июне 1891 г. обе палаты прусского ландтага одобрили возвращение церкви всей суммы, что было всеми расценено как ее очевидная «победа над государством»⁸⁷².

Сближение с Центром, начало которому положил Бисмарк своим соглашением с Виндхорстом, было абсолютно закономерным и более того, единственно возможным путем получения поддержки внешнеторговым планам правительства. Консерваторы выступали против, а поддержки либералов, которые в общей сложности имели 108 голосов, было очевидно недостаточно для одобрения договоров палатой. 106 мест Центра принципиально меняли расстановку сил.

9 февраля 1891 г. в вечернем выпуске Norddeutsche Allgemeine Zeitung вышла редакционная статья, посвященная ситуации в рейхстаге. Важно, что газета эта еще при Бисмарке стала его главным рупором, «Лексикон Майера» употребляет даже название «Kanzlerblatt»⁸⁷³, она сохранила статус негласного

⁸⁷² Там же Л. 218.

⁸⁷³ <http://www.zeno.org/Meyers-1905/A/Norddeutsche+Allgemeine+Zeitung> (дата обращения 12.09.2023).

правительственного органа при Каприви и его преемниках. Газета, особенно ее первая полоса, как и в данном случае использовалась правительственными сферами для донесения до общества своей позиции по тому или иному вопросу. Российским дипломатам эта заметка показалась настолько важной, что они ознакомили с ней Петербург.

По сути, статья является квинтэссенцией отношения исполнительной власти в лице канцлера к существующему в стране режиму, парламенту и политическим партиям. «Ни в Германии, ни в Пруссии нет формы правления, которую можно было бы назвать парламентским режимом. Некоторые утверждают, что это недостаток, однако подавляющее большинство придерживается другого мнения, которое и мы разделяем, что ... в общем и целом мы вполне удовлетворены существующим положением вещей. Если бы игра парламентских сил стала бы значимым фактором нашей политики, тогда бы мы получили парламентский режим. Однако, поскольку у нас нет парламентского режима, у нас нет и другого, а именно партийного правительства (*Parteiregierung*). Нашему правительству всегда надо находиться на более высоком уровне, чем тот, на котором находится партийное правительство, которое заботится в основном о том, чтобы сохранить подходящую ему расстановку парламентских сил (*Konstellation*). Наше правительство стоит над партиями. Если же оно захочет обосновать своё надпартийное положение, тогда оно будет вынуждено искать пути для удовлетворения претензий ВСЕХ партий. А партии, несмотря на то что эта точка зрения все время оспаривается, являются ничем иным, как политическим представительством экономических интересов. Таким образом, правительство, стоящее над партиями, в первую очередь должно решить задачу учитывать все экономические интересы. Позиция нашего правительства состоит в том, что оно не может угождать отдельным группам

интересов то там, то тут, а должно заботиться о взаимном примирении различных интересов»⁸⁷⁴.

Итак, при такой системе, с одной стороны, правительство, т.е. канцлер, не несло никакой ответственности перед рейхстагом, назначалось и отправлялось в отставку одним только императором, а с другой стороны, без нахождения компромисса с большинством парламента принять ни один закон и одобрить бюджет было невозможно, что ставило перед канцлером постоянную задачу поиска партийной парламентской поддержки. Часто это ослабляло его позиции и мешало воплощению в жизнь избранного курса. В словах о надпартийном правительстве был очень большой смысл, так как партии образца 1880-1890-х гг. действительно были «представителями тех или иных экономических интересов», а собственные идеологически обоснованные партийные программы были только у социал-демократов и частично у партии Центра, но ни та, ни другая не отвечали и не могли в полной мере отвечать государственным интересам, по крайней мере в том виде как их понимали император и канцлер. Да, император мог распустить рейхстаг, что и происходило время от времени, но поскольку принципиально ничего в стране не менялось, то каждый следующий состав оставался примерно таким же или становился для правительства даже более сложным в работе. Исходя из этого, оставалось, по сути, два выхода – государственный переворот, о возможности которого в то время говорили много и часто, или путь постоянного поиска компромиссов, уступок и договоренностей, по которому и пошел Каприви, а вслед за ним и Гогенлоэ.

Изменения политического курса, которые начались после отставки Бисмарка, сопровождались постоянной турбулентностью, в которой находилась вся система. «В настоящее время политика немецкого правительства ... с минуты на минуту меняет своё направление»⁸⁷⁵, - писал в

⁸⁷⁴ Norddeutsche Allgemeine Zeitung. №66. 9.02.1891 Abend-Ausgabe. URL. https://www.deutsche-digitale-bibliothek.de/newspaper/item/HE55SKV2DBTDH2R4PIIFPMPISRMMHNYI5?zdb_id=2802868-5&query=Parteiregierung&hit=8&issuepage=1 (дата обращения 09.06.2023).

⁸⁷⁵ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1891 г. Д. 16. Л. 125.

начале марта того же 1891 г. Шувалов в Петербург. Сказано это было в связи с внезапно прозвучавшими в рейхстаге нападениями Каприви на Прогрессистскую партию, когда он вдруг заявил, «что он не ищет и не нуждается в поддержке либералов, что эта поддержка ему даже неприятна и, наконец, что он вовсе не такой антагонист своего великого предшественника, каким некоторые селятся его представить»⁸⁷⁶. Слова эти ожидаемо несколько успокоили консерваторов-аграриев, но совсем не напугали либералов, которые посчитали их не более чем политическим маневром, на который не стоит обращать внимание.

Весной 1891 г. развивалась чрезвычайно показательная коллизия. Опальный Бисмарк решил баллотироваться в депутаты рейхстага! Такая идея не могла бы еще недавно даже прийти кому-либо в голову. На протяжении всей своей карьеры он никогда не был сторонником парламентской формы правления и считал ее помехой государственной политике. В этой связи все авторы обычно возвращаются к конституционному прусскому конфликту 1862-1864 гг. и укрепившемуся тогда у прусского министра-президента убеждения, что «победителей не судят», и если политика будет последовательной, а Германия станет сильной и могучей, то депутаты одобряют все его решения. Прописывая права и полномочия депутатов рейхстага в конституции, он отводил им место «на заднем политическом дворе» и был абсолютно уверен, что ему хватит политической воли и влияния на императора, чтобы, сосуществуя с парламентом, почти единолично вершить судьбы страны.

Не учел он только одного, что новый император захочет править сам, а у опального бывшего канцлера не останется иной трибуны, помимо «карманной» газеты *Hamburger Nachrichten* и так нелюбимого им рейхстага. «Тот самый парламентский режим, против которого справедливо ратовал Великий Государственный муж в свою многолетнюю бытность у кормила

⁸⁷⁶ Там же. Л. 124 об.

правления, ныне становится единственным орудием, оставшемся в руках у опального канцлера для проявления той несомненной власти, которую он доселе сохранил на умы своих сограждан»⁸⁷⁷, - писал Шувалов. По точному наблюдению М. Вебера, все те силы, прежде всего либералы и консерваторы, которые были обязаны своим положением только Бисмарку, в момент отставки творца империи «ни словом не обмолвились об этом событии. Какие из крупных партий его свиты требовали хотя бы отчета о причинах его отставки? Ни одна из них даже не шевельнулась, но все повернулись к новому „солнцу“»⁸⁷⁸.

История избрания в рейхстаг Бисмарка, который, особенно в первое время после отставки, подвергался фактически ostracism со стороны большинства своих вчерашних сторонников и почитателей, чрезвычайно показательна во многих отношениях, и подтверждает приведенное выше высказывание М. Вебера. В начале апреля 1891 г. Бисмарк решил выдвинуть свою кандидатуру на освободившееся депутатское место. После получения этого известия все наблюдатели сразу же задались вопросом, какие же политические силы выступят в поддержку экс-канцлера, принимая во внимание его оппозиционность существующему режиму и враждебность к нему со стороны императора. Из Берлина доносили, что ситуация, в связи с этим сложилась прелюбопытнейшая, – Бисмарка поддерживали, «несмотря на внушения свыше, консерваторы и национал-либералы, т.е. две партии, считавшиеся донныне наиболее верноподданными. Поборниками же правительственных идей являются радикалы и социалисты»⁸⁷⁹. Интересно, что инициатива выдвижения Бисмарка исходила как раз от национал-либералов, а именно от одного из будущих организаторов ССХ Д. Хана. А это значит, что распавшийся «картель» не полностью отвернулся от своего организатора. Все конечно понимали, что голосование в любом случае будет носить протестный

⁸⁷⁷ Там же. Л. 131.

⁸⁷⁸ Вебер М. Указ. соч. URL. <https://www.livelib.ru/book/180232/readpart-vlast-i-politika-maks-veber/~10> (дата обращения 10.06.2023).

⁸⁷⁹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1891 г. Д. 16. Л. 131 об.

характер, но такой степени скандальности заранее предположить никто не мог. Создатель империи оказался «в перебаллотировке», т.е. во втором туре выборов, с социалистом-сапожником, а «монархическое правительство рукоплещет успеху этого социалиста»⁸⁸⁰.

Бисмарк представлял для властей и официальной прессы значительно большую опасность, чем любой социалист. Интереснее, что в поддержке ему отказал электорат. Можно предположить, что усталость от Бисмарка в широких общественных сферах была чрезвычайно велика, а примирительный курс, объявленный императором и Каприви, действительно подарил надежду на некие изменения в стране и обществе, поэтому многие не хотели допускать к трибуне Бисмарка, вечно критикующего и ненавидящего все происходящее после его отставки.

П.А. Шувалов, однако, был несколько иного мнения: «Ошибочно было бы думать, что причиной неудачи князя Бисмарка было строптивое положение, занятое им в последнее время по отношению к своему государю. Если бы это было так, то избиратели, недовольные оппозицией, оказываемой бывшим канцлером политике Вильгельма II, подали бы свои голоса за свободомыслящего кандидата, как наиболее сочувственного правительству человека. Но мы видим другое, непосредственно за князем Бисмарком, располагающим 7557 голосами, следует социал-демократический кандидат Шмальфельд с 3928 голосами, тогда как свободомыслящему Адлову удалось заручиться лишь 2619. Подобное число голосов получено социалистом в округе, почти не имеющем городского и фабричного населения, да ещё в такую минуту, когда Великий Государственный муж, как бы то ни было, но все же создавший величие немецкого государства, просил доверия своих сограждан. И сограждане ответили ему, поставив его на одну ногу с человеком, открыто проповедующим разрушение не только всего созданного князем Бисмарком, но и вообще всякого благоустроенного государства»⁸⁸¹.

⁸⁸⁰ Там же. Л. 146.

⁸⁸¹ Там же. Л. 147-148.

Конечно, ни у кого не было сомнений, что во втором туре, Бисмарк получит желаемый мандат, но сама ситуация сложилась унижительно для бывшего канцлера и унижил в этот раз его не император, от которого он это вполне мог ожидать и был в принципе готов, а избиратели, что было чрезвычайно неприятно для опального канцлера. Сам Бисмарк, ни словом не упомянув в своих воспоминаниях эпизод с выборами, написал в принципе об отношении к нему людей, которые с ним близко работали: «Я давно испытывал ощущение, что значительная часть моих коллег в Пруссии и моих подчиненных по имперской службе смотрели на меня как на бремя, тяжесть, давление которой мешает их собственному продвижению вперед»⁸⁸².

Во втором туре Бисмарк был избран в парламент, однако ни в своем избирательном округе в прусской провинции Ганновер, ни в стенах парламента он ни разу не появился, при том, что его участие в работе парламента всерьез обсуждалось во время его приезда в Берлин осенью 1891 г. Однако, на вопрос, к какой же фракции он сможет примкнуть, ответ оказался – ни к какой! «Две политические партии, консервативная и национал-либеральная, на союз которых опиралась некогда политика бывшего имперского канцлера, едва ли в настоящую минуту серьезно поддержали бы своего прежнего руководителя. Консерваторы в значительной мере поддались заискиваниям придворных кружков, а национал-либералы отчасти склоняются к новой группировке партий в парламенте»⁸⁸³.

Вся коллизия закончилась тем, что в 1893 г. его мандат по инициативе самого Бисмарка перешел к вышеупомянутому Д. Хану, ставшему самым молодым депутатом рейхстага.

По оценкам российских дипломатов, в Германии было две основные опасности, грозящие «государственному организму юной империи» – все те же старые «враги империи» – социал-демократы и католики. При этом российские наблюдатели полагали, что одновременно противостоять им

⁸⁸² Бисмарк О. Указ. соч. Т. 3. С. 94-95.

⁸⁸³ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1891 г. Д. 16. Л. 312.

обеим невозможно, как показал предыдущий крайне негативный опыт исключительных законов, поэтому придется выбрать одного врага, а из второго, т.е. католической церкви сделать союзника и использовать как мощную силу для противодействия социалистической пропаганде. «Католическая церковь могла бы оказать неоценимые услуги государству в борьбе его с разлагающими учениями отходящего века: его духовная дисциплина и монархическое начало могли бы, быть может, воспламенить потухающее пламя веры в сердцах романо-германских народов, призвать их к борьбе, не на жизнь, а на смерть против материалистического и революционного учения социализма»⁸⁸⁴. Тут российские дипломаты почти дословно повторяют папскую энциклику, выступая удивительно единодушно с Ватиканом. Можно с большой долей уверенности предположить, что аналогичными соображениями, помимо арифметических подсчетов голосов в рейхстаге, руководствовался Каприви, выбирая ориентацию на партию Центра.

Эта линия сохранялась все время канцлерства Каприви, посчитавшего, что договоренности с Центром в условиях поиска необходимой поддержки торговых договоров давали единственную возможность для их ратификации в рейхстаге. Голосов либералов для такой поддержки просто не хватило бы. Консерваторы же превратили борьбу с политическим курсом Каприви в собственное кредо и фактически в партийную программу. В этих условиях началось превращение недавно еще гонимого Центра в ведущую проправительственную силу в рейхстаге.

Центр резонно рассудил, что главным для него будет возвращение католикам всех прав, в том числе имущественных, отнятых майскими законами 1873 г. в рамках политики Культуркампфа. Для получения новых уступок, а теперь на первый план они выдвинули вопросы школьного образования, возвращения католических священников к преподаванию Закона

⁸⁸⁴ Там же. Л. 289.

божьего, а также «преобразование сельских школ в смысле, желательном для католической партии», стали требовать новых привилегий, возможности создания конфессиональных школ, другими словами, как писал П.А. Шувалов Н.К. Гирсу в декабре 1891 г., передачи «низшего народного образования в руки духовенства»⁸⁸⁵,

Именно школьный закон стал причиной описанного выше жесточайшего правительственного кризиса, закончившегося отставкой прусского министра народного просвещения графа Р. фон Цедлиц-Трючлера и разделением должностей имперского канцлера и прусского министра-президента.

Кризис разразился после слов императора, что пока желательно было бы отказаться от принятия школьного законопроекта. Партия Центра посчитала себя обманутой в своих ожиданиях. «Партия Центра, на которую главным образом доселе опиралось правительство для обеспечения себе большинства голосов в законодательных вопросах, крайне недовольная отменой законопроекта, считавшегося ее вознаграждением за свой образ действий в отношении к торговому договору, заключённому с Австро-Венгрией, теперь вероятно откажет в своей поддержке правительству, которому едва ли удастся опереться на какое-либо большинство в законодательном собрании»⁸⁸⁶.

События эти произошли в марте 1892 г., а летом советник посольства М.Н. Муравьев подробно информировал Петербург «о том большинстве, которым правительство в состоянии будет располагать в будущую сессию рейхстага». Российский дипломат, опираясь на данные прессы и свои наблюдения из личных переговоров с ведущими немецкими политиками, еще раз утвердился в убеждении, что проведение правительственного курса возможно только при поддержке Центра.

В августе 1892 г. в Майнце состоялся съезд католической партии, который продемонстрировал единство ее членов и определил основные

⁸⁸⁵ Там же. Л. 367.

⁸⁸⁶ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1892 г. Д. 16. Л. 20 об.

требования, с которыми партия идет в рейхстаг. Российские дипломаты обратили внимание на то, что социальные и экономические цели и задачи для католиков имели второстепенное значение. Главными оставались вопросы конфессиональные, прежде всего, связанные с преодолением последствий Kulturkampfа, т.е. исключительного законодательства, которое ограничивало права людей по религиозному принципу. Поэтому во главу угла ее предвыборной программы съездом поставлены были вопросы «школьной реформы, основанной на вероисповедных началах, возвращения иезуитов и прочих монашеских орденов, изгнанных из Германии и, наконец, восстановления светской власти папы»⁸⁸⁷. И вероятность решения этих вопросов велика, потому что без поддержки католической партии «правительство не будет в состоянии провести в парламенте ни одного закона»⁸⁸⁸.

В пользу обоснованности такого наблюдения свидетельствовала и оценка съезда в *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, выдержанная исключительно в положительном ключе, полная восхищения единством и сплоченностью партии⁸⁸⁹. Оценки эти, за которыми стояло очевидное желание правительства восстановить поколебленные отклонением школьного закона отношения с католиками, и тем самым получить искомую поддержку, вызвали яростные комментарии либералов и умеренных консерваторов. Однако, как писал в своей депеше в Петербург Муравьев, «с той минуты как национал-либералы перешли в лагерь опального князя Бисмарка для правительства графа Каприви явилось невозможностью образовать парламентское большинство вне партии Центра. Существующий же, хотя и негласный, союз этой партии с крайними

⁸⁸⁷ Там же. Л. 95.

⁸⁸⁸ Там же. Л. 95 об.

⁸⁸⁹ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*. 05.09.1892. Abend-Ausgabe. URL. https://www.deutsche-digitale-bibliothek.de/newspaper/item/HORXTET7JJ5U5NS6EKKEL36ZHLMHBUY7?zdb_id=2802868-5&query=Zentrum+Mainz+1892&hit=3&issuepage=1 (дата обращения 22.10.2023).

консервативно-пиетическими силами господ Гаммерштейна⁸⁹⁰ и Штеккера⁸⁹¹, обеспечивает за ними внушительное большинство как в имперском, так и в прусском сеймах»⁸⁹².

Важным представляется еще одно замечание Муравьева, которое характеризует отношения различных политических партий Германии друг с другом и с правительством. «Центр искони ... не гнушался никакими временными союзами для достижения своих вероисповедных целей. Как некогда католики шли в борьбе против князя Бисмарка рука об руку с социал-демократами и радикалами, так и теперь они готовы поддержать правительство вкупе с крайними протестантско-феодальными элементами в надежде добиться требуемой как теми, так и другими конфессиональной школы»⁸⁹³. Не только Центр готов был, хотя бы гипотетически, блокироваться с самыми разными силами – от крайних консерваторов до социал-демократов. Большинство политических партий, за исключением в это время, пожалуй, СДПГ были столь же последовательны в своей «беспринципности», отстаивая узкие партикуляристские интересы, а скорее даже стремясь к прямым выгодам – политическим, экономическим или финансовым.

Здесь можно повторить уже высказанный выше тезис, что ни одна из партий не была в полном смысле слова «государственной», ни одна сила не стремилась это государство укрепить и сохранить, все они время от времени в большей или меньшей степени были «партиями переворота», и это служило одной из главных причин политической нестабильности империи. Ту же мысль по отношению, правда, пока только к партии Центра, высказывали и российские дипломаты: «немецкие католики в известную минуту могут занять угрожающее положение государства в государстве и вступить в открытую

⁸⁹⁰ Барон В. И. фон Гаммерштейн (1838-1904), немецкий консервативный политик, главный редактор «Kreuzzeitung», в 1895 г. обвинен в финансовых преступлениях, бежал, был пойман и приговорен к тюремному заключению.

⁸⁹¹ А. Штёккер (1835—1909), немецкий политический деятель, протестантский богослов, консерватор и антисемит.

⁸⁹² АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1892 г. Д. 16. Л. 97.

⁸⁹³ Там же. Л. 97 об.

борьбу с протестантской монархией, выбрав такую минуту, когда эта последняя не будет достаточно мощной, дабы с успехом противиться их притязанием, сдерживать которые было под силу разве одному князю Бисмарку»⁸⁹⁴.

Следующим крупным законопроектом Каприви стал военный, направленный на увеличение численного состава армии мирного времени путем сокращения срока службы с трех до двух лет и увеличения ее финансирования. М. Вебер язвительно писал о коллизиях, связанных с этим законопроектом, о том, что национал-либеральные политики считали необходимым поддерживать численность армии на как можно более высоком уровне, и единственным средством осуществления этого было ежегодное принятие закона о бюджете. При этом все понимали, что это никак не увеличит армию, но «военные вопросы перерастали в политическую сенсацию, катастрофически потрясавшую устои империи, и в бурную предвыборную борьбу под лозунгом: «Войско кайзера или войско парламента!» В высшей степени неправдивый лозунг: ведь при ежегодном ассигновании средств армия не приближалась к парламентскому войску ни на волосок больше, чем при ассигновании на семь лет». Далее Вебер делает вывод, с которым мы не можем не согласиться: «давно забытые прусские военные распри перешли на уровень имперской политики, а военный вопрос сопрягался с партийно-политическими интересами»⁸⁹⁵.

Именно эти партийно-политические интересы и стояли во главе угла. Сразу же после внесения законопроекта в рейхстаг стало понятно, что ни одна из партий не поддерживает его целиком и полностью, а оппозиция, смотря по тому, с чьей стороны она исходит, имеет более или менее непримиримый характер. Из посольства в Берлине писали, что «консервативная партия стоит за увеличение германских военных сил, и ограничивается лишь критикой

⁸⁹⁴ Там же. Л. 98.

⁸⁹⁵ Вебер М. Указ. соч. URL. <https://www.livelib.ru/book/180232/readpart-vlast-i-politika-maks-veber/~10> (дата обращения 11.10.2023).

двухлетнего срока службы, впрочем, критика эта изо дня в день становится слабее. Из двух зол, т.е. меньшего количества войска с трехлетним сроком службы, или значительно большего числа солдат, служащих всего два года, консерваторы высказываются скорее в пользу последнего, хотя идеалом считают увеличение численного состава армии без уменьшения срока службы. Национал-либеральная партия требует лишь введения двухлетнего срока службы посредством имперского закона с изменением параграфа 59 германской конституции. Зато свободомыслящая партия решительно высказывается против всяких дальнейших вооружений»⁸⁹⁶.

Итак, изначальная расстановка сил в рейхстаге была для правительства чрезвычайно неблагоприятной. К приведенным выше словам следует добавить, что социал-демократы, конечно же, этот закон не поддержали вовсе, и только Центр всем своим поведением демонстрировал правительству принципиальную готовность поддержать проект реформы, но, естественно, при определенных условиях. Поскольку в течение практически полугода прийти к компромиссу партиям рейхстага и правительству не удалось, к марту 1893 г. проект был отклонен уже во втором чтении, а Центр, разочаровавшись в готовности властей отменить закон об изгнании иезуитов, перешел в оппозицию к предложению правительства. Поскольку кроме крайних консерваторов никто проект в правительственном виде не поддерживал, все ждали роспуска парламента и новых выборов. Однако перед тем, как рейхстаг был распущен, забрезжила надежда на благоприятный для правительства исход голосования. Каприви удалось переманить на свою сторону часть депутатов партии Центра во главе с Г. фон Гюне⁸⁹⁷, пойдя на определенные уступки и снижение своих требований по увеличению численного состава армии (53,5 тыс. рекрутов вместо 60 тыс. и т.п.). 3 мая 1893 г. эти предложения

⁸⁹⁶ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1892 г. Д. 16. Л. 120-121.

⁸⁹⁷ В современной транскрипции фон Хюне (von Huene) (1837-1900), с 1863 барон. Немецкий политик, прусский офицер, в 1890-1893 гг. депутат рейхстага от округа Бреслау-Ноймаркт, фракция Центра.

были вынесены фон Хюне на обсуждение рейхстага⁸⁹⁸, от имени правительства на этом заседании выступали канцлер Каприви и прусский военный министр Х. фон Кальтенборн-Штахау. Расчет правительства, как ему представлялось, был точным и верным – для принятия законопроекта ему было достаточно голосов консерваторов, национал-либералов, поляков и вельфов, почти трети свободомыслящих и наконец 12–15 голосов депутатов Центра, последовавших за Г. фон Гюне⁸⁹⁹. Но все пошло по неожиданному для Каприви сценарию. Началось с того, что руководство фракции Центра расценило действия части своих членов как измену и возбудило вопрос об исключении Гюне и его последователей из партии, что значительно сократило число депутатов, готовых поддержать правительство. А после этого председатель партии Центра Э. Либер провел закулисные переговоры с депутатами от Эльзас-Лотарингии, по словам российских наблюдателей, «не признающими присоединения их родины к Германии», которые «в виде протеста никогда не являлись на заседания сейма иначе, как для защиты своих местных интересов и систематически отказывались принять какое-либо участие в обсуждении общеимперских вопросов. ... этих депутатов забыли и голоса их не были приняты в расчёт имперским канцлером»⁹⁰⁰. Эта почти анекдотическая ситуация похоронила надежды правительства на одобрение парламентом военного законопроекта. 6 мая 1893 г. было проведено голосование: из 373 депутатов проголосовали за 162, против – 210⁹⁰¹. После обнародования этих результатов слово взял имперский канцлер и зачитал заранее заготовленный императорский указ о роспуске рейхстага.

Главным результатом роспуска парламента в 1893 г. стал раскол свободомыслящих. Исследователи отмечают, что кризис внутри партии

⁸⁹⁸ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 8. Legislatur-Periode 1892/93. Bd.3. 88. Sitzung. 3 Mai 1893.S. 2133-2143 URL.

https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt3_k8_bsb00018682_00651.html (дата обращения 12.08.2023)

⁸⁹⁹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1893 г. Д. 17. Л. 76.

⁹⁰⁰ Там же. Л. 77 об.

⁹⁰¹ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 8. Legislatur-Periode 1892/93. Bd.3. 91. Sitzung. 6 Mai 1893. S.2217. URL.

https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt3_k8_bsb00018682_00735.html (дата обращения 12.08.2023).

назревал давно и единство сохранялось настолько, насколько это позволял О. Рихтер⁹⁰². При этом его позиции в партии также во многом зависели от отношений с правительством – сближение с Каприви на почве заключения торговых договоров не способствовало росту влияния Рихтера в партии, в отличие от ситуации перехода в оппозицию во время обсуждения школьного закона в 1892 г. Рихтер был нужен как лидер, способный вести за собой партию, выступающую против правительственного курса. Коллизия вокруг военного законопроекта окончательно расколола свободомыслящих. Часть их выступала за соглашение с правительством, видя в этом возможность прервать доминирование Центра в парламенте. Рихтер, напротив, выступил против реформы, продолжив оппозиционный правительству курс. Несмотря на позицию руководства, 6 членов фракции свободомыслящих проголосовали за законопроект, что позволило Рихтеру, под угрозой собственного выхода из партии, поставить на голосование вопрос об исключении этой шестерки из партии. Результаты голосования были, однако, не в пользу О. Рихтера – 27-мью голосами против 22-х предложение Рихтера было отвергнуто, и раскол партии стал неизбежным⁹⁰³. Раскол этот ослабил не только само леволиберальное движение, но и сократил поддержку «новому курсу» Каприви в имперском парламенте и в обществе, что в некоторой степени осложнило немецкие либеральные перспективы в принципе. На месте Немецкой Свободомыслящей партии возникло две – Свободомыслящее объединение, в которое вошли бывшие «раскольники-сецессионисты» и Свободомыслящая народная партия во главе с О. Рихтером. Российские дипломаты даже предполагали, что Свободомыслящее объединение сможет объединиться с национал-либералами, однако, как показало будущее, этого не произошло.

В июне 1893 г. состоялись выборы в рейхстаг. Из проправительственных партий успех сопутствовал консерваторам и национал-либералам, из

⁹⁰² *Bergsträsser L. Op. cit. S. 186; Tormin W. Op. cit. S. 112.*

⁹⁰³ *Tober H.J. Op. cit. S. 119.*

оппозиционных — социал-демократам и антисемитам. Свободомыслящие потеряли более половины своих избирательных округов (23 депутата вместо 68). Партия Центра тоже потеряла несколько округов в Баварии и Силезии в пользу социал-демократов и поляков⁹⁰⁴. Эта новая расстановка сил теоретически позволяла принять, хоть и с минимальным перевесом, военный законопроект (198 голосов консерваторов, национал-либералов и Свободомыслящего объединения, а также поляков, антисемитов и двух членов партии Центра против 187). Но посол П.А. Шувалов не зря выражал серьезные сомнения относительно того, «найдутся ли в новом парламенте необходимые элементы для последовательной и плодотворной законодательной работы, согласной с преобладающими в здешних правительственных сферах течениями? Общее направление внутренней политики графа Каприви имело до сих пор либеральную окраску. За исключением вопроса о военной реформе, консерваторы постоянно находились в оппозиции. Правительство сокрушило партию прогрессистов и этим сильно затруднило возможность образования в новом сейме либерального большинства. Имперский канцлер очутится, помимо своей воли, в руках консервативной аграрной партии. Правда, вновь избранные 53 национал-либеральных депутата, составляющие вместе с консерваторами правительственное большинство, могли бы в известную минуту разойтись со своими временными союзниками и поддержать торгово-экономические проекты германского правительства, но тут является вопрос — не образуется ли в таком случае коалиция консервативно-аграрных элементов с известной частью партии Центра и не парализует ли эта коалиция совместные усилия либеральных элементов»⁹⁰⁵.

Итак, после выборов ситуация для правительства только осложнилась. Консерваторы готовы были пойти на все, чтобы сместить Каприви и попытаться изменить внешнеторговую политику, хотя самый большой удар по ним был нанесен русско-германским договором, который будет заключен уже

⁹⁰⁴ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1893 г. Д. 17. Л. 125.

⁹⁰⁵ Там же. Л. 126-127.

при новом составе парламента, а либералы оказались как никогда ослаблены. Позиции Центра хоть и поколеблены, но не разрушены, а СДПГ, вновь несколько увеличившая свое представительство, ни при каких условиях не могла оказать поддержки правительству, играя в этот период критически-дестабилизирующую роль.

Голосование по военному законопроекту выявило удивительное единодушие социал-демократов с партией Центра, казалось бы, совершенно непримиримых антагонистов. Российское посольство обратило внимание на своеобразие аргументов католиков: «Будучи в принципе явными противниками социал-демократии, в чем не может усомниться граф Каприви, - сказал оратор Центра Ф. Шедлер, - мы все-таки должны отдать полную справедливость выводам социал-демократа Бебеля касательно несообразности требования новых громадных затрат для покрытия расходов по военной реформе, между тем как внутри государства развитие многих благих правительственных учреждений заторможено недостаточностью нужных средств»⁹⁰⁶. Конечно, это солидарное голосование никоим образом нельзя рассматривать как даже намек на блок или сотрудничество, это был ситуативный союз против правительства, идя на который партии готовы были пользоваться аргументацией даже собственных противников. Главным оппонентом всегда было правительство, а не другие политические партии. Представляется, что это является еще одним свидетельством того, что инициатива, причем не только законодательная, но и политическая в целом находилась у императора и канцлера, партии только отвечали на нее, выступая за или против, роль они играли скорее подчиненную, чем самостоятельную. В подтверждение этого тезиса можно привести мысль М. Вебера, что «Бисмарк оставил после себя нацию без какого бы то ни было политического воспитания... нацию без какой бы то ни было политической воли,

⁹⁰⁶Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 9. Legislatur-Periode 1893. Bd.1. 8. Sitzung. 15 Juli 1893. S.135. URL https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt3_k9_bsb00018685_00151.html (дата обращения 13.08.2023).

привыкшую, что возглавляющий ее политический деятель уж как-нибудь позаботится за нее о политике. ... нацию, приучившуюся под вывеской «монархического правления» фаталистически сносить все, что за нее решают, без критики политической квалификации тех, кто отныне обосновался в оставшемся без хозяина кресле Бисмарка»⁹⁰⁷. Партии дискутировали и в принципе вступали в отношения друг с другом преимущественно в стенах парламента, вне его политическую инициативу они оставляли другим общественным объединениям, прежде всего возникшему как раз в это время ССХ. Коммуникация опять-таки строилась только вокруг предложений правительства и фактически ограничивалась их обсуждением.

Отношения правительства и партий рейхстага до отставки Каприви не претерпели принципиальных качественных изменений. Несмотря на ослабление либеральных сил, Каприви старался продолжать либеральную, по своей сути, политическую линию, основной составляющей которой были торговые договоры – с Румынией, Сербией, Испанией и как венец всего – с Россией. Как писали российские дипломаты, для их одобрения в парламенте канцлер вынужден был «прибегать к политике «*bascule*» [т.е. качелей – *A.M.*]. За неимением большинства, он ищет временные комбинации, могущие обеспечить принятие того или другого законопроекта. Таким образом канцлер делает уступки по мере того, как он нуждается в поддержке»⁹⁰⁸.

Каприви был вынужден создавать парламентское большинство без привлечения консервативной партии, и в принципе ему это удалось. Во внешнеторговых вопросах его правительство последовательно поддерживали Центр, поляки (представительство которых в это время достигло 19 человек) а также значительная часть национал-либералов и свободомыслящих,

Оппозиция консерваторов в рейхстаге, их сопротивление любым правительственным мероприятиям на имперском и прусском уровнях стали

⁹⁰⁷ Вебер М. Указ. соч. URL. <https://www.livelib.ru/book/180232/readpart-vlast-i-politika-maks-veber/~10> (дата обращения 13.08.2023).

⁹⁰⁸ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1893 г. Д. 17. Л. 304.

представлять серьезную угрозу системе управления, особенно в Пруссии. Причиной этого был состав прусского чиновничества, в частности высшего, состоящего преимущественно из консерваторов, в том числе крайних, близких к ССХ. Конфликт между имперскими властями и прусской бюрократией достиг таких масштабов, что вышел в публичное пространство, о чем мы подробно писали выше. В декабре 1893 г. прусский министр-президент Б. Эйленбург через официальную газету (его обращение было перепечатано фактически всеми печатными органами⁹⁰⁹), напомнил чиновникам, что член прусской администрации не может находиться в оппозиции к собственной и имперской власти.

Главным поводом к непримиримой ненависти аграриев стал торговый договор с Россией, который получил поддержку рейхстага с ничтожным перевесом в 5 голосов, а победу ему обеспечила поддержка Центра. Платой правительства католической партии, как всеми и ожидалось, стало возвращение в Германию изгнанных в период Культуркампфа монашеских орденов – иезуитов, редемптористов и лазаристов. Центр в этом вопросе получил поддержку с, казалось бы, неожиданной стороны. Его поддержали социал-демократы из-за неприятия любого исключительного законодательства. В. Либкнехт заявил: «Пусть все пользуются одинаковыми правами»⁹¹⁰. Эта поддержка, уже не первая, только на первый взгляд кажется такой уж противоестественной. Ведь именно эти две силы – католики и социалисты – были объектами запретительных мер со стороны Бисмарка, именно их объявили «врагами империи» и ограничили в правах. Какую-то роль в их отношениях играла взаимная жажда реванша. Кроме того, они были частями мощных международных структур, что, с одной стороны, делало их

⁹⁰⁹ Dortmunder Zeitung. Freitag, 22.12.1893. URL. <https://www.deutsche-digitale-bibliothek.de/newspaper/item/4Q6AAACKY2IGOOQ7YG6NALDGNQGQVLSY?query=Eulenburg+Beamten+1893+Reichsanzeiger&hit=2&issuepage=10> (дата обращения 14.08.2023).

⁹¹⁰ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 9. Legislatur-Periode 1893/94. Bd.3. 83. Sitzung. 16 April 1894.S.2150. URL. https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt3_k9_bsb00018717_00542.html (дата обращения 18.08.2023).

не до конца самостоятельными в своих действиях, а с другой, придавало дополнительный вес.

При этом не следует забывать, что сколько бы в различных политических сферах в Берлине и С.-Петербурге не говорилось о СДПГ как о партии мятежа, в 1890-е, а тем более в 1900-е гг. она все более и более превращалась в традиционную политическую партию, все прочнее интегрировалась в политическую систему, все активнее участвовала в парламентских дебатах, причем не только по важным для ее избирателей вопросам, и в коалиционных переговорах. Наличие же у нее внятных идеологии и программы делали ее не только максимально привлекательной для электората, но и предсказуемой для властей.

Законопроект о возвращении иезуитов, принятый рейхстагом и отправленный на утверждение в бундесрат, был отвергнут Союзным советом. Представители всех германских государств, за исключением князя Ройса старшей линии, отказались разрешить доступ в свои границы иезуитам, что не распространялось на другие ордена – редемптористов и Святого Духа, которые вернули себе право образовывать общины в Германской империи. Исключение это, комментировали дипломаты, видимо, было связано с тем, что «редемптористы действуют преимущественно в среде низших слоев населения и полезны государству как средство для борьбы с социализмом. Члены же Ордена Св. Духа являются миссионерами в германских владениях в Африке»⁹¹¹.

Эти решения были приняты в самом конце очередной сессии рейхстага, а после возвращения его с каникул начался правительственный кризис, закончившийся отставкой Каприви и назначением на высшие посты в Пруссии и империи князя Х. Гогенлоэ-Шиллингфюрста. Эта смена мало что изменила в отношениях рейхстага и исполнительной власти, которая по-прежнему

⁹¹¹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1894 г. Д. 17. Л. 147.

могла рассчитывать только на «политику качелей» и создание временных коалиций.

Вскоре после этого, по окончании весенней сессии 1895 г. российские дипломаты отправили в Петербург пространный документ, в котором представили свое видение парламентской системы в общем и немецкого ее варианта в частности, что было их реакцией на развернувшуюся в немецкой прессе дискуссию о «безродной, зачастую и вредной деятельности народного собрания». В качестве основных аргументов этой «вредности» были отклонение парламентом важных, с точки зрения составителей депеши, для развития страны законопроектов – «охранительного», т.е. очередного исключительного закона против социал-демократической пропаганды, и имперской финансовой реформы Й. фон Микеля, разработка которой началась после успешного реформирования прусской системы, о чем речь шла выше. Если отклонение первого было абсолютно закономерно при сложившейся расстановке сил – никогда жертвы «охранительной» политики Бисмарка не пошли бы на восстановление практики издания исключительных законов, то вторая реформа назрела давно. Но поскольку она затрагивала интересы практически всех германских государств, что давало повод говорить о том, что она нарушает федеративные основы Германии, понадобилось еще 10 лет и смена двух канцлеров, чтобы наконец, хоть и в очень урезанном виде, реформа была проведена. Прессой был сделан очень резкий и однозначный вывод, с которым согласились и российские дипломаты: «парламент на этот раз доказал всю свою несостоятельность и не был на высоте своего призвания. Этот строгий приговор высказывается на столбцах всех независимых органов печати и находит сочувственный отголосок в общественном мнении, возмущённом бесцельными разглагольствованиями парламентских корифеев слова, озабоченных их личными и партийными интересами в ущерб народному благу. Умы в Германии начинают задаваться вопросом о целесообразности парламентского режима и о необходимости заручиться мерами против растлевающего политическую совесть применения к выборам

в рейхстаг системы общего голосования. Вопрос трудноразрешимый законодательным порядком и на который существует лишь один ответ: государственный переворот, неосуществимый, однако же, в федеративной империи»⁹¹².

Пассаж этот показателен прежде всего потому, что впервые в дипломатической депеше прямо упоминается возможность «государственного переворота», который мог быть осуществлен «сверху». И хотя такая вероятность была признана неосуществимой, однако в это время она обсуждалась в правительственных сферах и в обществе достаточно широко. Поводом для обсуждения возможности кардинального изменения конституции, что позволило бы в обход парламента принять исключительные законы против социал-демократии, а соответственно и против любой иной силы, которую в какой-то момент власти посчитали бы общественно опасной и угрожающей государственному устройству, стал всплеск насилия в Европе в целом и в Германии в частности в 1893-1894 гг.

Идея изменения конституции приходила в голову имперским властям не в первый раз. Она была вполне ясным фоном, на котором разыгрывался конфликт Бисмарка и Вильгельма II зимой – в начале весны 1890 г.⁹¹³ Бисмарк такие планы впоследствии, конечно, отрицал, но как один из вариантов развития событий, очевидно рассматривал. Идея, видимо была в том, чтобы максимально накалить обстановку, рассорить императора с рейхстагом, чтобы Вильгельму не оставалось ничего иного, как обратиться за помощью к старому канцлеру. Свидетельства о разговорах на тему таких планов (или о готовности использовать сложившуюся ситуацию в своих целях) можно найти в разных источниках, в том числе в мемуарах Х. Гогенлоэ⁹¹⁴, однако убедительных доказательств реального существования конкретных планов нет, в том числе в документах, хранящихся в АВПРИ.

⁹¹² АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1895 г. Д. 17. Т. 1. Л. 184-186.

⁹¹³ Подробнее см. *Zeichlin E. Staatsstreichpläne Bismarcks und Wilhelms II. 1890 - 1894. Stuttgart, Berlin, 1929.*

⁹¹⁴ *Hohenlohe-Schillingsfürst H. Op. cit. Bd. II. S. 467ff.*

В 1894 г. эти идеи касались возможности принятия исключительных законов в обход рейхстага и отказа от всеобщего избирательного права, но они не только не были реализованы, но и не стали сколько-нибудь реальными планами, что подтверждает наш тезис об отсутствии в Германии признаков авторитарного личного режима.

В начале 1897 г. в условиях нарастания давления аграриев на правительственные круги, о чем речь шла выше, леволиберальные партии, расколовшиеся в 1893 г., пришли к необходимости восстановить если не институциональное единство, то по крайней мере единство действий. В январе 1897 г. посол Н.Д. Остен-Сакен сообщал в Петербург о призыве главы фракции Свободомыслящее объединение Г. Риккерта к лидеру Свободомыслящей народной партии О. Рихтеру «забыть вражду ввиду опасности и снова идти рука об руку на предстоящую борьбу за существование»⁹¹⁵. Российские дипломаты выражали сомнения в подлинной готовности обеих партий к сближению позиций, однако резонно полагали, что если бы такое объединение произошло, то «торжество аграриев на будущих выборах представляется сомнительным и шансы торговых и промышленных классов спастись от погрома значительно увеличиваются. Кроме того, это движение несколько уменьшает надежды социал-демократов, которые при разрозненности либеральных партий, с одной стороны, и необузданности аграриев, с другой, должны были рассчитывать на значительное увеличение числа голосов в будущем рейхстаге»⁹¹⁶. Надеждам этим, однако, сбыться не удалось, объединение левых либералов стало реальностью только в 1910 г., пока же партии готовились к выборам лета 1898 г. Выборы были очередными и поэтому у всех политических сил было достаточно времени и разнообразных ресурсов, чтобы максимально эффективно провести кампанию.

Первый период вильгельмизма прошел под лозунгом провозглашенной Л. фон Каприви «политики примирения». Период этот

⁹¹⁵ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1897 г. Д. 21. Л. 19.

⁹¹⁶ Там же. Л. 20.

можно назвать «подготовительным», когда политический курс менялся и начинала формироваться новая национальная стратегия. Для ее осуществления необходимо было преодолеть наследие Бисмарка в отношениях между правительством и политическими партиями, которые в значительной степени основывались на исключительном ограничительном законодательстве. Новый внешнеполитический курс, наиболее ярко проявившийся в новой внешнеторговой стратегии, вызвал активное сопротивление прусской земледельческой элиты, и находящихся под ее контролем консервативных партий. Политическую практику Каприви можно охарактеризовать как «ситуативную», при прохождении через рейхстаг каждого следующего законопроекта или договора ему приходилось заново искать поддержку у всех сил, которые эту поддержку были готовы оказать. Представляется, что связано это было прежде всего с отсутствием соответствующего опыта и практики, причем с обеих сторон – и со стороны правительства, которое недостаточно четко могло объяснить причины политического поворота и его цели, и со стороны партий, всю свою историю взаимодействовавших с Бисмарком и имевших «в анамнезе» крайне негативный опыт конституционного конфликта. Постепенно новые правила игры были выработаны и приняты обеими сторонами, сведясь, впрочем, к политике «качелей» и бесконечного торга за уступки, в чем наибольшего успеха удалось добиться католической партии.

Аграрии, которые не приняли новый курс, увидели в нем только наступление на их особые права и привилегии, превратившись в смертельных врагов Каприви в конце концов добились его отставки. Но тут очевидным стал совершенно новый момент. Смена канцлера не изменила политическую стратегию. Главной причиной этого стал монархический принцип, который в 1890 г. перестал быть только конституционной нормой, превратившись при Вильгельме II в основу политики. Невзирая на особенности характера императора, необдуманность и противоречивость его публичных выступлений, он был очень последователен, хоть и нетерпелив, в реализации

своего главного плана, который постепенно выкристаллизовывался в стратегию «мировой политики».

2.2. От попытки «политики единения» к превращению Центра в «правлящую партию»

В связи с выборами 1898 г. в нескольких выступлениях (15 июля 1897 г. в Золингене и 23 июля в палате депутатов прусского ландтага)⁹¹⁷ вице-президент прусского Государственного министерства и один из ведущих политических деятелей 1890-х гг. Й. фон Микель выдвинул выработанный правительством лозунг «политики единения» или «собирания» (“Sammlungspolitik”), определивший на некоторое время внутривнутриполитический курс и названный в его честь. Х.-У. Велер определял его как «отчетливо ориентированную на прусские властные отношения попытку воскрешения альянса крупных промышленников и крупных аграриев»⁹¹⁸. Если посмотреть на ситуацию под иным углом, Микель старался воспрепятствовать объединению консерваторов с католическим Центром.

В принципе, всю историю взаимоотношений власти и политических партий в Германской империи можно рассматривать как бесконечную попытку власти достичь «единения» с политическими партиями и группами политических элит, однако пока не была выработана объединяющая все эти силы идея, все сводилось к отношениям по принципу «do-ut-des», то есть «ты – мне, я – тебе». Каприви в 1890 г. провозгласил «политику примирения» со всеми здоровыми политическими силами. Призыв Микеля, прозвучавший в его речи в Золингене 15 июля 1897 г., был обращен только к части этих сил и стал попыткой преодолеть раскол между промышленниками и аграриями, возникший в результате изменения экономической политики. То, что призыв этот был им повторен через 8 дней в прусской палате, свидетельствует о его понимании, что договариваться с аграриями надо было прежде всего здесь⁹¹⁹. По сути, речь шла о возвращении к «картелю», который только и мог препятствовать усилению социал-демократического влияния. Исключение из

⁹¹⁷ Stegmann D. Die Erben Bismarcks... S. 66.

⁹¹⁸ Wehler H.-U. Bismarck und der Imperialismus. S. 102.

⁹¹⁹ Das deutsche Kaiserreich 1871-1914. Ein historisches Lesebuch. Hrsg. und eingeleitet von G.A. Ritter. Göttingen, 1994. S.294-295.

этой предполагаемой конструкции сильнейшей партии рейхстага – католического Центра – сразу же снижало шансы на успех. В него не верили и российские дипломаты: «до сих пор успехов это направление не сделало и лозунг этот эксплуатируется каждой из парламентских партий для личных целей и возможно большой вербовки членов. Единение проповедуется поочередно и аграриями, и либералами; в результате следует ожидать еще большее разъединение в составе будущего народного собрания. Не решаясь вдаваться в пророчества, не могу однако не высказать мнения, что *Politik der Sammlung*, рекомендуемой Микелем, вряд ли суждено осуществиться при предстоящих выборах»⁹²⁰.

Идея «нового картеля», который объединил бы общество с двумя основными целями – развития национальной экономики, причем в равной степени тяжелой промышленности и сельского, прежде всего, зернового хозяйства, а во-вторых, противодействия социал-демократии. Однако, практически сразу же после призывов к единству, прозвучавших со стороны трона и правительства, обе стороны – и крупные промышленники, и аграрии вначале стали упрекать друг друга в невнимании к общеэкономическим целям и готовности защищать только собственные партикуляристские интересы⁹²¹. Император считал такой союз желательным прежде всего потому, что он давал наибольшие шансы на принятие флотского закона. Министры, включая канцлера Гогенлоэ, не верили в успех предложения Микеля. Однако последний, выполняя, по сути, прямое распоряжение императора, заговорил о возможной ревизии торговых договоров, что способствовало некоторому колебанию со стороны аграриев и привлечению на сторону авторов идеи статс-секретаря внутренних дел Посадовского, слывшего главным защитником аграрных интересов⁹²².

⁹²⁰ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1898 г. Д. 17. Л. 50-51.

⁹²¹ *Stegmann D. Die Erben Bismarcks. ... S. 63-64.*

⁹²² Подробнее см. *Hohenlohe-Schillingsfürst H. Op. cit. Bd. III. S. 353-355.*

Однако, в этой связи следует обратить внимание на некоторое расхождение целей императора и Микеля в провозглашенном ими курсе на единение. Несмотря на существующее в литературе мнение, что если для Вильгельма очевиден был примат внешней политики (флотский закон и «мировая политика»), то для Микеля, да и для Гогенлоэ основным было внутреннее единство перед лицом социал-демократической угрозы и спасение «здоровых производительных сил» от социалистической пропаганды⁹²³, позволю себе предположить, что к этому моменту, то есть ко времени прихода Бюлова в Ведомство иностранных дел, эти две задачи были уже нераздельны. Начался процесс окончательного оформления идеи «мировой политики» как внешнеполитической стратегии и понимания того, что она не может быть реализована, если не станет национальной идеей. Для того, чтобы превратить ее в «национальную», необходимо было единение всех серьезных общественно-политических сил. Очевидно, что в авангарде этого движения находились уже многократно упомянутые нами промышленники-либералы, и Каприви своими торговыми договорами подготовил их к этой роли. Но без «старой прусской элиты», без аграриев-консерваторов становление идеи в качестве национальной было чрезвычайно затруднено. Поэтому «политика единения» стала только первым «пробным шаром» на этом пути.

Главным признаком реальной возможности создания партийного объединения стало, по мнению историков, специально занимающихся этими вопросами, образование т.н. Таможенного консультативного совета (Zollbeirat) для разработки таможенного тарифа и обсуждения условий продления торговых договоров, в который вошли представители организаций, связанных с банковским и промышленным секторами (Всегерманский союз промышленников и др.), а также крупные аграрии и прямо назначенные правительством лица (10 человек из 15), которые также поровну представляли эти две основные силы «производителей»⁹²⁴.

⁹²³ Herzfeld H. Johannes von Miquel. Detmold, 1938. Bd. II. S. 519.

⁹²⁴ Stegmann D. Op. cit. S.71-72.

На позицию аграриев по принципиальной возможности сотрудничества с либералами и с правительством повлияла поддержка этой идеи со стороны О. фон Бисмарка, высказавшегося за объединение «продуктивных сил», которые лучше, чем кто-либо другой, смогут защитить экономические интересы империи»⁹²⁵, но главным для него была антисоциалистическая направленность этого «нового картеля»⁹²⁶. Для правительства, а также для императора, как мне представляется, главным было все-таки нечто иное – создание прочной опоры режима, возможность проведения избранного курса, т.е. принципиальная возможность долгосрочного стратегического планирования. В этой новой системе социал-демократия должна была играть не роль врага, которому надо ставить заслон, а силы, которую следует постепенно привлечь на свою сторону, сделать ее частью общества, объединенного одной идеей. По сути, идея Микеля была продолжена готтентотским блоком Бюлова. Эти три примера («картель», «новый картель» и бюловский блок) свидетельствуют только об одном – единственным долгосрочным объединением партий, способным действовать в национальных интересах, был союз консерваторов и либералов, то есть самый противоречивый с точки зрения идеологии.

В русле той же политики единения, или концентрации сил следует рассматривать и отставки в июне-июле 1897 г. адмирала Хольмана, Маршалла фон Биберштейна и Бёттихера, как главных «фигурантов» событий, связанных с отставкой Бисмарка, и проводников ненавистного аграриям внешнеторгового «нового курса» Каприви. На этом фоне произошло не только потепление в отношениях аграриев и правительства, но и улучшение взаимоотношений Бисмарка и Вильгельма II.

Главными противниками «нового картеля», что противоречило изначальной сути проекта, стали те представители крупной индустрии, которые были связаны с экспортоориентированной промышленностью –

⁹²⁵ Rothfels H. Bismarck und der Staat. München, 1958. S. 296.

⁹²⁶ Сравн.: Hoffmann H. Fürst Bismarck 1890-1898. Bd. II, S. 406; Herzfeld H. Op. cit. Bd. II. S. 520 и др.

химической, машиностроением, электротехнической, табачной, военной, а также представители торговой буржуазии ганзейских городов, связанные с морскими портами Данцига и Кенигсберга, которых поддержали крупнейшие немецкие банкиры, а затем и фракции обеих партий свободомыслящих в рейхстаге и прусском ландтаге, а также Южнонемецкой Народной партии⁹²⁷. Они призывали к предвыборному объединению промышленников – «Мы хотим защиты всей национальной работы, а не предоставления преимуществ меньшинству за счет всех»⁹²⁸. Эти силы продолжали придерживаться антиаграрной позиции, оставаясь приверженцами «нового курса» Каприви, что сделало либерально-консервативный союз на данном этапе нереализуемым. Либералы отчетливо оценивали возможности и понимали, что аграрии будут требовать «все или ничего» и на реальное сотрудничество не пойдут.

Законопроект об увеличении флота был принят благодаря позиции католического Центра. Избранная Центром тактика делала партию фактически «правительственной», если не правящей, что вызывало опасения, отраженные в российских депешах, что в действиях Центра присутствует «рука Рима»⁹²⁹, и это чревато усилением иностранного влияния на вопросы обеспечения безопасности страны.

Весной – в начале лета 1898 г. вся политическая жизнь в Германии была сконцентрирована на предвыборной партийной борьбе, основные болевые точки которой были давно всем известны. Противоречия между аграриями-консерваторами и либералами были, казалось, важнее борьбы с социал-демократами, при этом для всех главным было попытаться ослабить влияние Центра.

В ходе предвыборной кампании многолетний лидер национал-либералов Р. фон Беннигсен заявил о своем отходе от политической

⁹²⁷ Stegmann D. Op. cit. S. 76

⁹²⁸ Die Zukunft von 19.3.1898.

⁹²⁹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1898 г. Д. 17. Л. 59-60

деятельности, что вызвало серьезные опасения в либеральном лагере, что партия может последовать за свободомыслящими и потерять свое единство. Свободомыслящие же, напротив, не только заявили о предвыборном объединении усилий, о чем я уже писала выше, но и начали реализовывать его на практике.

Одновременно в обществе и в печати вновь стали муссироваться слухи о «государственном перевороте», т.е. об отказе от всеобщих выборов в имперскую палату, что было выгодно прежде всего аграриям. «Представители последней [аграрной партии. – *А.М.*], действительно принялись поддерживать эти толки, для приобретения большего веса перед избирателями и в итоге, обвинение в антиконституционном образе действий посыпались на правительство из либерального лагеря. Это положение вещей на руку социалистам, которые, разумеется, принялись всячески эксплуатировать его в свою пользу»⁹³⁰. Правительство в лице статс-секретаря по внутренним делам гр. Посадовского энергично выступило с опровержением этих слухов, в поддержку его позиции появилась заметка в *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, озаглавленная «Социал-демократия и буржуазные партии»⁹³¹, в которой отчетливо звучало уверение, что предвыборная агитация не будет ничем ограничена и правительство будет «стараться заботиться об охране жизненных интересов всех и каждого, оставаясь однако, на почве торговых трактатов»⁹³². В этом публичном диалоге Посадовского и Бюлова, стоящего за статьей, наблюдатели усмотрели даже некий «антагонизм между статс-секретарями по внутренним и внешним делам, в котором первый является поборником аграрных требований, тогда как второй выступает заступником промышленно-торговых классов. Ежели верить слухам, то причину розни

⁹³⁰ Там же. Л. 108

⁹³¹ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* von 10.06.1898. №133 // https://www.deutsche-digitale-bibliothek.de/newspaper/item/6EHJLWQD6W6P4OAYXNOJNMAV5QEUGIGU?query=reichstagswahlen&zdb_id=2802868-5&fromDay=20&fromMonth=5&fromYear=1898&toDay=15&toMonth=6&toYear=1898&hit=2&issuepage=1 (дата обращения 18.08.2023)

⁹³² *Ibidem*.

между этими двумя государственными деятелями следует искать в претензии графа Посадовского считать себя назначенным преемником князя Гогенлоэ»⁹³³.

Политическое направление	Партии	Голоса			Места в рейхстаге ^[1]			
		млн.		равн. с 1893 в %	сего		равн. с 1893	
<i>Консерваторы</i>	Немецкая консервативная партия (НКП)	0,859	11,1	-2,4	56	14,1	-16▼	
	Немецкая имперская партия (НИП)	0,344	4,4	-1,3	22	5,5	-6▼	
	Независимые	—	—	—	1	0,3	+1▲	
<i>Либералы</i>	<i>правые</i>	Национал-либеральная партия (НЛП)	0,971	12,5	-0,5	48	12,1	-4▼
		Независимые	---	--	--	3	0,8	+1▲
	<i>умеренные</i>	Свободомыслящее объединение (СО)	0,196	2,5	-0,9	13	3,2	±0
		<i>левые</i>	Свободомыслящая народная партия (СНП)	0,558	7,2	-1,5	29	7,3
	Немецкая Народная партия (ННП)		0,109	1,4	-0,8	8	2,0	-3▼
<i>Католики</i>	партия Центра	1,455	18,8	-0,3	102	25,7	+6▲	
<i>Социалисты</i>	Социал-демократическая партия Германии (СДПГ)	2,107	27,2	+3,9	56	14,1	+12▲	
<i>Иные независимые</i>	<i>и</i>	Региональные партии, меньшинства ⁹³⁴	0,407	6,1	+0,1	35	8,8	±0
		Крестьянские партии /Союзы ⁹³⁵	0,251	3,2	+2,3	11	2,8	+7▲
		Антисемиты	0,284	3,7	+0,3	13	3,3	-3▼
		Прочие	0,148	1,9	+1,1	-	-	±0
Всего		7,752		100%	397	100%		

⁹³³ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1898 г. Д. 17. Л. 110.

⁹³⁴ Немецкая-Ганноверская партия (НГП, вельфы) 9 мест (+2), поляки 14 (-5), Датчане 1 (±0), Эльзас-Лотарингия 10 (+2), Литовцы 1 (+1)

⁹³⁵ Из них ССХ – 6 мест.

Итак, результаты⁹³⁶ были хоть и ожидаемыми, но в принципе малоутешительными для властей, призывавших к единению либералов и консерваторов, впрочем, такое единение действительно произошло перед вторым туром, когда в «перебаллотировке» оказался 101 кандидат от СДПГ, что теоретически могло закончиться катастрофой государственного масштаба. Тем более, что за социалистов проголосовало свыше 2,1 млн человек, тогда как за победителей – Центр – только 1,45 млн.

«Исключительно страх перед успехами партий насильственного переворота, заставил очнуться общественное мнение и повлекло за собой единение не только либералов всех направлений, но даже и поддержку со стороны консерваторов и Центра. По принятому решению, эти обе партии при баллотировках подали свои голоса за представителей либерального направления, там, где последнее господствовало над их собственным и обратно, либералы поддержали их кандидатов в округах, где они являлись единственными серьезными оппонентами социалистов. Вследствие сего, партии национал-либералов и свободомыслящих, которые, как казалось, были обречены на полное распадение, явились в новом рейхстаге чуть ли не в полном составе»⁹³⁷. Такое партийное единение вызывает удивление у каждого, кто знаком с историей политической системы Германии, однако реальная опасность превращения СДПГ в крупнейшую партию, что скорее всего привело бы к скорому, в случае первого же конфликта с властями, роспуску рейхстага и с большой вероятностью подтолкнуло бы императора на изменение конституции, заставило буржуазные партии услышать призыв Й. фон Микеля и «объединиться». «По мнению князя Гогенлоэ, правительство не имеет причин к опасениям. Центр остаётся господствующим, а партия эта доказала за прошлую сессию, что соглашение с нею всегда возможно и что в

⁹³⁶ Данные приведены по: Vierteljahreshefte zur Statistik des Deutschen Reichs – Ergänzungsheft 1898, VII. Hrsg. von Kaiserliches Statistisches Amt. Berlin, 1898.

⁹³⁷ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1898 г. Д. 17. Л. 126.

серьезных случаях на поддержку ее не без основания, может рассчитывать правительство»⁹³⁸.

Заслуживает некоторого внимания одно интересное наблюдение, касающееся не столько оценок политической ситуации российскими дипломатами, сколько изменения политической риторики в самой Германии. Говоря о выборах председателя рейхстага, победа на которых досталась депутату от партии Центра, посол Н.Д. Остен-Сакен впервые назвал католическую партию правящей. Раньше употреблялись слова – правительственная, проправительственная, господствующая, но никогда правящая по отношению ни к одной политической организации, теперь же это определение прозвучало впервые. Недовольными таким положением вещей были прежде всего либералы, предлагающие даже заменить надпись на фронте рейхстага – «Dem deutschen Volke»⁹³⁹ на «более соответствующую духу времени “Katholisch ist Triumph”»⁹⁴⁰»⁹⁴¹.

Итак, результаты выборов 1898 г. практически ничего не изменили в позициях политических партий и во взаимоотношениях с ними имперских властей. Приближающийся срок продления торговых договоров вновь обострил противостояние правительства и аграриев, но в этом тоже не было ничего нового.

Весной 1900 г. Центр потерпел ощутимое поражение при голосовании т. н. Lex Heinze. Законопроект предполагал внесение поправок в уголовный кодекс, призванных защитить «общественную нравственность». Наряду с признанием сутенерства уголовным преступлением, предполагался и возможный запрет любого произведения искусства, которое было бы признано аморальным. Против законопроекта Центра выступили не только либеральные фракции, социал-демократы и даже поляки, но и широкие общественные научные и художественные круги. Все они яростно выступали против цензуры

⁹³⁸ Там же. Л. 127 об.

⁹³⁹ Немецкому народу.

⁹⁴⁰ Католики торжествуют.

⁹⁴¹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1898 г. Д. 17. Л. 217.

такого рода и Центр вынужден был отступить – закон был принят, но в сильно урезанном виде. Из него был исключен параграф, касающийся театра и основным стала защита несовершеннолетних от любых действий, которые могли быть расценены как развратные⁹⁴².

Закон был сомнителен, как любой закон, касающийся вопросов общественной нравственности и морали, инициированный церковью. Выступление против его принятия со стороны либералов также абсолютно закономерно, а вот позиция польской фракции, практически всегда шедшей в фарватере Центра, вызывает скорее удивление, но не дает основания делать какие-то далеко идущие выводы о взаимоотношениях этих двух сил.

Национал-либералов российский посол расценивает как партию, давно потерявшую свое былое значение, цитируя слова О. фон Бисмарка, что «роль их сыграна в 1866 и 1870 гг.», той же позиции придерживался и М. Вебер⁹⁴³. Обе партии свободомыслящих по сути своей приблизились к ревизионистскому крылу СДПГ, преобладающему в партии. Консерваторов отличает узость взглядов, они заботятся «исключительно о своих личных выгодах и вполне оставляющих в стороне государственные интересы»⁹⁴⁴, а их требование повышения хлебных пошлин неминуемо приведет к подорожанию продуктов питания, что буквально заставит неимущие слои населения искать «защиты против них у тех же социалистов»⁹⁴⁵. Политика верховной власти также косвенно способствует успеху социалистов, к тому же она искусственно сужает и без того крайне слабую базу власти – «император Вильгельм исключительно поддерживая столь мало популярных в стране аграриев, в которых он видел единственно прочный оплот престола, своими зачастую абсолютистскими выходками подрывает значение тех народных

⁹⁴² Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 10. Legislatur-Periode 1898/1900. Bd.7. 197. Sitzung von 18. Mai 1900. S. 5589ff URL.

https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt_k10_bsb00002782_00180.html (дата обращения 18.08.2023)

⁹⁴³ Вебер М. Указ. соч. URL. <https://www.livelib.ru/book/180232/readpart-vlast-i-politika-maks-veber/~10> (дата обращения 15.08.2023).

⁹⁴⁴ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1900 г. Д. 17. Л. 163.

⁹⁴⁵ Там же. Л. 163 об.

представителей, которые по убеждениям вполне преданы монархическим принципам и ныне все чаще слышатся обвинения правительства в полном игнорировании конституционных начал»⁹⁴⁶. Остен пишет об отрицательных последствиях для государства и правительства превращения Центра в «правлящую партию»: «За отсутствием правительственной либеральной партии, а также вследствие чрезмерных и крайне опасных в политическом отношении притязаний аграриев, правительство принуждено прибегать к опоре Центра, партии далеко не национальной, и к тому же получающей свои инструкции из Рима. Только благодаря уступкам на почве религиозной и народного образования проведены были последние законы об увеличении армии и флота. Уже теперь вожаки этой партии объявляют себя противниками возобновления торговых договоров. Они убеждены, что в случае, если правительство признаёт необходимым далее следовать настоящей финансовой политике, решение в их руках. Они теперь уже напоминают о своём значении, верные заветам покойного Виндхорста и своему принципу “do ut des”, и как бы приглашают правительство заручиться их голосами в будущем, но какую ценою?»⁹⁴⁷.

Сближение властей с Центром после 1890 г. трудно рассматривать с точки зрения вреда или блага, ситуация в общем-то складывалась безальтернативно, а уступки, которые требовал Центр, не несли для страны больших негативных последствий. Собственно, речь шла о преодолении последствий Культуркампа и уравнивании католиков со всем остальным населением. Говорить о политике Центра как антинациональной также не приходится, он не был, как мы видим из всей его парламентской деятельности, ни более и ни менее национальным, чем и все остальные партии рейхстага. Влияние Рима также не стоит преувеличивать. В любом случае, Центр идти на сотрудничество с имперскими властями был готов, другие – нет или цена была слишком высокой. Бюлов в «Воспоминаниях» очень точно обрисовал суть

⁹⁴⁶ Там же. Л. 164.

⁹⁴⁷ Там же Л. 164-165 об.

своих взаимоотношений с политическими партиями: «я спорил и боролся поочередно со всеми партиями: с консерваторами в последнюю зиму моего пребывания на посту канцлера (1908/09 г.), с Центром в 1906 г., с свободомыслящими неоднократно, с социал-демократами постоянно»⁹⁴⁸.

Осенью 1902 г. в центре парламентского обсуждения оказался вопрос установления автономных таможенных тарифов, на повышении которых в части сельскохозяйственной продукции активно настаивали аграрии. Еще раз повторю, что в этот период шли активные переговоры с торговыми партнерами Германии, так как сроки двусторонних договоров, заключенных Каприви в 1892-1894 гг., истекали. Самым важным для аграриев был договор с Россией, так как именно оттуда поступал основной объем сельскохозяйственной продукции. Крупными поставщиками были также Румыния и Австро-Венгрия, переговоры шли и об американском зерне, но логистические проблемы с его доставкой делали цену на него не конкурентноспособной. Следует, впрочем, заметить, что именно в этот период Германия, столкнувшись с крайним протекционизмом США (в 1899 г. экспорт из Германии сократился на 200 млн долларов⁹⁴⁹), начинает довольно активные переговоры с американским правительством по торговым вопросам, но договор с США будет заключен только в 1907 г.

Правительство далеко не было единым в тарифном вопросе. Если Микель и Посадовский выступали в поддержку требований аграриев по крайней мере в части основных зерновых культур, то Бюлов и некоторые другие статс-секретари и прусские министры, например министр торговли Брефельд, были против⁹⁵⁰. Поэтому дискуссия, переходящая в противостояние, велась не только в парламенте, но и в правительственных сферах. С этим, в том числе, и связана та готовность к компромиссам, которую демонстрировали Бюлов и его сторонники. После значительных уступок

⁹⁴⁸ Бюлов Б. Указ. соч. С. 198.

⁹⁴⁹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1899 г. Д. 15. Л. 31.

⁹⁵⁰ Herzfeld H. Op. cit. S. 588

аграриям (речь шла о тарифах на ячмень), поддержать договор согласились консерваторы, Центр и часть национал-либералов, на что российские наблюдатели отреагировали достаточно жестко, так как повышение пошлин осложняло российско-германские переговоры и делало новый договор менее выгодным для Российской империи: «графу Бюлову все-таки удаётся, хотя и поступаясь данными им ранее заверениями о невозможности правительству пойти на малейшие уступки, провести законопроект, имеющий в виду угождение всесильной аграрной партии»⁹⁵¹.

Несмотря на заверения Бюлова, что все его действия всегда сбалансированы и идут на пользу всем слоям общества в данном случае вряд ли можно не согласиться с оценкой Н.Д. Остен-Сакена. Имперское правительство, нуждаясь в поддержке консерваторов, пошло на нарушение данных обещаний, что, впрочем, оно делало регулярно и без каких-либо внутренних колебаний, постаравшись лишь минимизировать уступки аграриям. В процессе обсуждения закона Бюлов заверил рейхстаг, что вопрос санитарно-полицейских мер для защиты скота от болезней, могущих проникнуть из-за границы, останется в ведении союзных правительств, то есть отдельных германских государств. Ни для кого не было секретом, что прусское правительство и ландтаг, а Пруссия имела самую протяженную границу, находятся под полным контролем аграриев и используют это уже и сейчас в каждом удобном случае, а вовсе не тогда, когда скоту угрожает какая-то реальная опасность. «Долголетний опыт достаточно указал произвол местных властей в этом вопросе, который привёл почти к полному закрытию границ для ввоза иностранного скота. Слова графа Бюлова к сожалению уничтожают всякую надежду на возможность урегулирования вопроса при предстоящих переговорах, так как право принятия стеснительных ветеринарных мер основывается на общем имперском законе»⁹⁵², - писал в декабре 1902 г. российский посол. Проблема ввоза мяса и «сертификата

⁹⁵¹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. Д. 14 за 1902 г. Л. 217

⁹⁵² Там же. Л. 228.

соответствия» еще неоднократно появлялась на страницах депеш, и всегда российская сторона трактовала ситуацию как невыгодную не только российской стороне, но и широкому немецкому потребителю.

Центр, сыгравший основную роль в принятии тарифного закона, который был особенно дорог и нужен императору, так как на него постоянно оказывало давление аграрное лобби, вскоре получил «вознаграждение» за свою проправительственную позицию. В феврале 1903 г. Бюлов заявил об упразднении в ближайшее время «стеснительных мер против иезуитов германской национальности», однако «преследование деятельности ордена остаётся пока ещё в прежней силе»⁹⁵³. Победа эта, впрочем, как и остальные «успехи» Центра имела скорее моральный, чем практический смысл, демонстрируя силу партии и ее влияние на власть. Российские наблюдатели обратили внимание на другую тенденцию, ставшую устойчивым трендом, – постепенное сближение Центра и аграриев, которые «все более обособляясь от чистых консерваторов, ищут в нем нового союзника для борьбы в пользу интересов среднего сословия и мелких сельских хозяев. Католическая партия относится ещё выжидательно к заискиваниям аграриев, но со временем это может привести к новой группировке парламентских фракций, из которой Центр несомненно сумеет извлечь существенные для себя выгоды»⁹⁵⁴. Такого союза создано не было, слишком велики были различия и цели, помешала ему и принципиальная позиция Центра – не создавать постоянных союзов и коалиций, а получать поддержку от любых сил, с которыми в данный момент находились общие точки соприкосновения. Собственно, здесь католики действовали ровно так же, как и правительство, торгуясь и получая выгоды везде, где только можно. Союз же, например, с аграриями, значительно осложнил бы возможности блокировки, к примеру, с социалистами, а такое ограничение совсем не отвечало интересам клиентелы Центра.

⁹⁵³ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1903 г. Д. 14. Л. 35.

⁹⁵⁴ Там же. Л. 36.

Здесь следует сделать, однако, небольшую ремарку – бундесрат отказался одобрить принятый рейхстагом закон о частичном возвращении иезуитов, что стало, во-первых, протестом союзных правительств против фактической зависимости имперских властей от католического меньшинства и его политической партии, а во-вторых, предотвратило некоторую угрозу внутренней стабильности государств с большой долей католического населения, например Баварии.

На 16 июня 1903 г. были назначены новые выборы в имперскую палату и партии стали готовиться к ним уже с зимы. В ходе этой предвыборной кампании был подготовлен законопроект, меняющий избирательный регламент 1870 г. Это было давнее требование либеральных партий, имевшее целью обеспечение большей защищенности избирательного процесса и тайны при подаче голосов. Регламент должен был оградить избирателей от воздействия на них и их выбор со стороны работодателей. Консервативные партии были против такого изменения, считая, что оно дает «более свободный доступ социалистической пропаганде в сферы сельского и фабричного населения, подчинявшегося до сих пор на выборах негласному контролю со стороны помещиков либо фабрикантов»⁹⁵⁵. Новые правила были приняты голосами либеральных фракций, «к которым примкнула в настоящем случае и всеильная партия Центра»⁹⁵⁶.

Интересен данный в этой связи несколько витиеватый комментарий автора депеши в Петербург, который ясно демонстрирует не столько властные и общественные отношения в Германии, сколько российские представления о них: «за последнее время все более и более обнаруживается заискивание графа Бюлова перед руководящими парламентскими фракциями в ущерб его обаянию как государственного деятеля перед судом общественного мнения и печати»⁹⁵⁷. Этот пассаж, мне кажется, дает пищу для размышлений – то есть

⁹⁵⁵ Там же. Л. 85.

⁹⁵⁶ Там же. Л. 85 об.

⁹⁵⁷ Там же.

общественное мнение и печать являются чрезвычайно значимыми силами во властном процессе, в то время как политические партии и парламент такой силой не обладают.

В июне 1903 г. прошли очередные выборы в имперский парламент. Промежуточные их итоги, еще до перебаллотировок продемонстрировали успех социал-демократов, за которых было подано около 3 млн голосов, «чего не было пока достигнуто ни одной политической партией в Германии, не исключая даже всесильного Центра, оставшегося по численности своих парламентских представителей по-прежнему, самой крупной партией в рейхстаге». Как видно из таблицы ниже, за СДПГ проголосовало 3,011 млн человек, а за Центр – 1,8 млн, хотя по-прежнему именно Центр оставался крупнейшей фракцией, получив 100 мест, в то время как социалистам достался 81 мандат. Только избирательная география не позволила социал-демократам в 1903 г. стать крупнейшей фракцией имперского парламента.

Причины такого успеха российские дипломаты, вслед за немецкой прессой и властными кругами, видят в следующем: «Почва для неудовольствия настоящим политическим направлением правительства, была достаточно подготовлена принятием, в угоду аграрно-реакционным фракциям, тарифного закона, грозящего вздорожанием жизненных припасов. Грубое обращение военных начальников с новобранцами, частые процессы за оскорбление Величества, злостные банкротства крупных финансовых учреждений, все это шло на руку социалистической агитации. Не менее содействовало порождению неудовольствия полное невнимание правительства к народным симпатиям в бурском вопросе. К тому же ярые протестантские сферы были раздражены заискиванием правительства перед Ватиканом. Данное графом Бюловым обещание изменить закон против иезуитов, недавнее посещение императором папы, обставленное с обсуждаемой театральной пышностью, послужили удобным поводом к

усугублению подобного настроения»⁹⁵⁸. Далее составитель депеши делает вывод, что вряд ли перебаллотировки изменят расстановку сил в рейхстаге, в котором «главными политическими факторами являются Центр и социалисты». Окончательные результаты выборов выглядят следующим образом⁹⁵⁹:

Политическое направление		Партии	Голоса			Места в рейхстаге ^[1]		
			млн.	%	Сравн. с 1898	всего	%	Сравн. с 1898
<i>Консерваторы</i>		Немецкая консервативная партия (НКП)	0,948	10,0	-1,1	54	13,6	-2 ▼
		Немецкая имперская партия (НИП)	0,333	3,5	-0,9	21	5,3	-1 ▼
<i>Либералы</i>	<i>правые</i>	Национал-либеральная партия (НЛП)	1,317	13,9	+1,4	51	12,8	+3 ▲
	<i>умеренные</i>	Свободомыслящее объединение (СО)	0,243	2,6	+0,1	9	2,3	-4 ▼
	<i>левые</i>	Свободомыслящая народная партия (СНП)	0,538	5,7	-1,5	21	5,3	-8 ▼
		Немецкая Народная партия (ННП)	0,091	1	-0,4	6	1,5	-2 ▼
<i>Католики</i>		партия Центра	1,875	29,7	+0,9	100	25,2	-2 ▼
<i>Социалисты</i>		Социал-демократическая партия Германии (СДПГ)	3,011	31,7	+4,5	81	20,4	+25 ▲
<i>Иные и независимые</i>		Региональные партии, меньшинства ⁹⁶⁰	0,559	5,9	-0,2	32	8,1	-3 ▼
		Крестьянские партии /Союзы ⁹⁶¹	0,230	2,4	-0,8	8	2,0	-2 ▼
		Антисемиты	0,245	2,6	-1,1	11	2,8	-2 ▼

⁹⁵⁸ Там же. Л. 127.

⁹⁵⁹ Данные взяты: Vierteljahreshefte zur Statistik des Deutschen Reichs – Ergänzungsheft 1903, IV. Hrsg. von Kaiserliches Statistisches Amt. Berlin, 1903. S. 2–60.

⁹⁶⁰ Немецкая-Ганноверская партия (НГП, вельфы) 9 мест (+2), поляки 14 (-5), Датчане 1 (±0), Эльзас-Лотарингия 10 (+2), Литовцы 1 (+1).

⁹⁶¹ Из них ССХ – 6 мест.

	Прочие	0,104	1,1	-0,8	3	0,6	-1 ▼
Всего		9,496	100 %		397		100 %

Первое, что бросается в глаза при анализе результатов, это сильное изменение (с 7,75 млн до 9,5 млн человек) в общем числе принявших участие в голосовании избирателей. Поскольку такое увеличение всего за 5 лет имело связь не только с общими демографическими изменениями в Германии, но и с ростом городского населения, урбанизацией, которая шла рука об руку с индустриализацией, то он обусловлен, прежде всего, хотя и не исключительно, ростом пролетариата, то есть прямого электората СДПГ. Такой вывод подтверждают и более подробные результаты выборов – из 6 округов Берлина в 5-ти победили социалисты, а в шестом – свободомыслящий (СНП), но только во втором туре, где он боролся опять-таки с представителем СДПГ. Аналогичная картина была и в других крупных городах, даже в католической Баварии, в которой большинство ожидаемо получил Центр, но в обоих округах Мюнхена – СДПГ. Социалисты завоевали все, кроме одного, мандаты в Саксонии (крупнейший промышленный район), и все – в портовых Гамбурге и Бремене. Но обращает на себя внимание и иной факт: «социал-демократическая партия завоевала себе сторонников не только в городах и промышленных областях, но и в чисто земледельческих округах, и с успехом борется против влияния всех прочих партий. Даже там, где социал-демократы не вышли победителями на выборах, они, однако, выступают в таком числе, что могут с торжеством указывать на успехи своей партии со времени последних выборов в 1898 году»⁹⁶². «Эта победа, - писал далее генеральный консул в Берлине, - не может не оказать влияния с одной стороны, на дальнейший рост социалистической партии в стране, а с другой, на отношение

⁹⁶² АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1903 г. Д. 14. Л. 130.

рейхстага к очередным законодательным вопросам и между прочим к вопросу о заключении торговых договоров»⁹⁶³.

Российское посольство увидело в этом успехе социалистов, действительно небывалом до сих пор, явные признаки протестного голосования: «возрастание в стране неудовольствия существующими порядками и критика правительственной политики за последние 5 лет. ... Социал-демократы умело собрали вокруг своего знамени и привели к избирательным урнам не одних лишь убежденных социалистов, а множество недовольных и протестующих против явлений политической и экономической жизни страны. Последние 5 лет германской истории дали немало случаев, в которых взгляды императора и действия его правительства шли вразрез со взглядами, чувствами и симпатиями масс. С другой стороны, промышленный кризис оставил свои следы на жизни последних. ... можно говорить об успехе социал-демократов на нынешних выборах, но не об успехе социализма в Германии»⁹⁶⁴. Интересно и наблюдение российского посла о готовности либералов при перебаллотировке поддержать социалистов, а не консерваторов. Даже, если такой образ действий не был повсеместным, то ситуация остается очень показательной. Относительный неуспех СДПГ во втором туре выборов 1898 г. связан с объединением против них политиков всех направлений. Как только такой союз, отвечающий принципам «политики единения» Й. фон Микеля, был разрушен, за СДПГ проголосовало около трети избирателей. Интересно привести здесь размышления Б. Бюлова об отношении императора к социал-демократам: «С одной стороны, он при отставке князя Бисмарка публично назвал социал-демократическое движение «преходящим явлением, с которым он берется справиться. С другой стороны, он видел в социал-демократах банду неистовых заговорщиков и

⁹⁶³ Там же.

⁹⁶⁴ Там же.

поджигателей»⁹⁶⁵. Сам же Бюлов, считал, что та нравственная основа, которая заключена в социал-демократии, «для нас опасна и гибельна»⁹⁶⁶.

Кроме успеха социалистов особого внимания заслуживает и другой результат выборов – в новый рейхстаг не были избраны 4 руководителя ССХ, что было свидетельством все более глубокого раскола не только между аграриями и всем остальным населением империи, но и между империей и Пруссией, в палате депутатов и палате господ которой по-прежнему аграрии доминировали. В новый рейхстаг также не вошел глава фракции Свободомыслящего объединения доктор Барт, а также известные правые деятели – антисемит Г. Альвардт и один из руководителей Пангерманского союза Э. Гассе.

При всей ошеломительности результатов выборов интересно, что по мнению российских дипломатов, «состав нового парламента представляет довольно удобную почву для правительства. Оно может рассчитывать на успешное проведение новых проектов по армии и флоту, равно как и найти сочувственную поддержку среди радикальных фракций для принятия новых торговых договоров»⁹⁶⁷. В принципе, того же мнения придерживался и Б. Бюлов, написавший в своих воспоминаниях, что Г. Фольмар, представлявший т.н. ревизионистское крыло социалистической партии, произвел на него впечатление «не только умного, но честного и стойкого человека, с которым можно заключать деловое соглашение, не нарушая обоюдных принципов»⁹⁶⁸. Очень быстро всем стало понятно, что основополагающие принципы сосуществования и совместной работы правительства и парламента останутся старыми – «постоянное заигрывание с Центром, сохранившем бесспорно и в новом рейхстаге своё решающее значение»⁹⁶⁹.

⁹⁶⁵ Бюлов Б. Указ. соч. С. 200.

⁹⁶⁶ Там же. С. 201.

⁹⁶⁷ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1903 г. Д. 14. Л. 138.

⁹⁶⁸ Бюлов Б. Указ. соч. С.241.

⁹⁶⁹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1903 г. Д. 14. Л. 138 об.

Как показали дальнейшие события, в общем и целом, курс действительно остался прежним. Основной задачей было продление и перезаключение торговых договоров, и мы постараемся обрисовать сложившуюся расстановку сил и определить тот коридор возможностей, в котором существовало правительство в 1904-1906 гг.

Отмена в самом начале 1904 г. §2 Закона об изгнании иезуитов, по которому иностранные члены ордена подлежали высылке с территории империи, а имперские подданные – могли жить только в определенных местах, носила знаковый для католиков и партии Центра характер и была прямой «расплатой» с ним за поддержку при голосовании тарифного закона. Шаг этот не мог не возмутить протестантское большинство империи, позиция канцлера была тем более двусмысленной, что реверансы в сторону Центра сопровождались аналогичными высказываниями в адрес аграриев, что особенно отчетливо проявилось во время чрезвычайно затянувшегося в 1904 г. обсуждения государственного бюджета, в том числе оклада имперского канцлера и бюджета его ведомства, во время которого СДПГ инициировала отчет Бюлова о проводимом им внутри- и внешнеполитическом курсе.

В принципе ничего нового во время нескольких выступлений канцлера в 20-х числах апреля сказано не было. Он подтвердил курс на заключение новых торговых трактатов, а также благополучность нынешней ситуации в Европе, несмотря на обвинения А. Бебеля в том, что некоторые правительственные шаги в отношении России могут быть истолкованы как нарушение Германией позиции нейтралитета в пользу Петербурга во время русско-японской войны. Нападки вождя СДПГ вновь подтвердили глубоко враждебную по отношению к России позицию немецких социал-демократов, которая осталась неизменной и в дальнейшем, несмотря на все реформы, которые в скором будущем будут проведены в Российской империи⁹⁷⁰.

⁹⁷⁰ Подробнее см. Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 11. Legislatur-Periode 1903/05 Bd.3. 66. Sitzung von 14. April 1904. S. 2058ff.URL. https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt_k11_bsb00002809_00296.html (дата обращения 10.08.2023).

Сложность принятия государственной росписи в 1904 г. была связана, прежде всего, с ростом колониальных расходов, что стало особенно обременительно в условиях затянувшегося восстания гереро, подавление которого требовало и новых средств, и увеличения германского военного контингента и совершенно иных затрат на вооружения.

На апрельских заседаниях неоднократно поднимался вопрос о введении жалованья депутатам рейхстага, которое до сих пор отсутствовало, причем если Б. Бюлов в принципе был не против этого, то император принципиально отстаивал «безвозмездность парламентского труда», о чем мы писали выше. Вопрос был вновь вынесен на повестку дня в конце января-начале февраля 1906 г., и к началу июня наконец был решен в желательном для депутатов смысле. Вознаграждение было определено в размере 3 тыс. марок в год, кроме того предоставлено «право дарового проезда по всем железным дорогам империи от места их жительства до Берлина и обратно за все время сессии, а равно в течение 8 дней до ее начала и 8 дней после ее закрытия»⁹⁷¹. Интересно, что главной целью правительства было таким образом простимулировать посещение депутатами парламентских заседаний, чему должен был способствовать и денежный штраф в случае отсутствия без уважительной причины на рабочем месте. Эта мера вызвала протесты со стороны СДПГ. Социалистические депутаты получали жалованье из партийной кассы, но посчитали систему вычетов из довольствия унижительными⁹⁷². Центр выдвинул принятие этого закона как неременное условие своей дальнейшей поддержки правительственных инициатив и Бюлову пришлось достаточно активно убеждать императора в необходимости этой меры.

Интересна позднейшая оценка Бюловым его отношений с партиями рейхстага в этот период. «Мои отношения с буржуазными партиями в целом были удовлетворительными. Ни одна из буржуазных партий не была вполне довольна мною, и это было хорошим признаком, так как в такой стране, как

⁹⁷¹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1906 г. Д. 26. Л. 128.

⁹⁷² Там же. Л. 129 об.

Германия, где, к сожалению, дух партийности так сильно преобладает над государственным разумом и вниманием к государственным интересам, всегда опасно, если какая-нибудь партия не находит в каком-нибудь министре никаких недостатков. Так как борьба против партийного эгоизма представлялась мне обязанностью сознающего свой долг министра, то я всегда стремился отвлечь императора от партийной склоки и удерживать его от всяких нападок и излишнего резонерства по поводу отдельных партий. Корона, по моему убеждению, должна стоять выше партий и не принимать по отношению к ним никаких обязательств. Добиться этого от императора было нелегко. Всего больше Вильгельм II негодовал на всякую оппозицию со стороны консерваторов, которая казалась ему столь же предательской, как если бы задумал бунтовать первый гвардейский полк»⁹⁷³.

Камнем преткновения в отношениях правительства и аграриев-консерваторов на этом этапе стал вопрос строительства Срединного канала, о котором подробно речь шла выше. Российское посольство в эти месяцы интересовала та поддержка, которую немецкие социалисты готовы были оказать и оказывали революционерам в России. Революционные события, начиная с восстания на броненосце «Потемкин», и правительственный ответ на них использовались немецкой социалистической прессой, прежде всего газетой *Vorwärts*, для начала широчайшей антироссийской кампании, которая чрезвычайно беспокоила посольство. Однако, желание Петербурга подать на социалистическую прессу в суд посольством поддержано не было, так как надежды на победу были невелики, а вреда такой процесс мог принести немало. «Не следует забывать, что пресса не только не боится судебных преследований, но видит в них, даже при неблагоприятном исходе, выгодную рекламу, а социалистические органы, кроме того, и агитационное средство»⁹⁷⁴, - писал в июле 1905 г. Н.Д. Остен-Сакен.

⁹⁷³ Бюлов Б. Указ. соч. С. 290.

⁹⁷⁴ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1905 г. Д. 18. Л. 187.

Против активных действий со стороны российских властей была также поддержка на словах императором Вильгельмом его «кузена Ники», хотя тот прекрасно осознавал открывающиеся, ввиду затруднений России, возможности для Германии как на Дальнем Востоке, так и на переговорах по торговому договору. Канцлер Бюлов, выступая в рейхстаге, заявил обращаясь к социал-демократам: «чем усиленнее вы будете агитировать против России, тем старательнее я буду заботиться о поддержании мирных и дружественных отношений с ней!»⁹⁷⁵

Осенью 1905 г. открылась очередная сессия рейхстага, главными вопросами повестки которой были: вновь проект имперской финансовой реформы и новое увеличение флота. Краткое описание этих двух реформ выглядит, в передаче российских дипломатов, следующим образом: «По величине и силе своего вооружения, предусматриваемые законом суда должны равняться новейшим и наиболее усовершенствованным типам иностранных флотов, особенно английского и американского, причём должен быть использован опыт последней войны. В печати начинается уже подготовительная работа в пользу нового морского проекта, которому придаётся значение важнейшей патриотической задачи». Что касается реформы финансовой системы, то она должны быть создана на основании вводимых «имперских налогов на наследство и на более высокое обложение табака и пива, и новых гербовых сборов». Новые налоги касались, главным образом, высших, как табачных, так и пивных сортов, а низшие сорта по возможности ими не затрагивались. Новые поступления предназначались частью для погашения имперских долгов, частью для более правильного урегулирования финансовых отношений между империей и отдельными Союзными правительствами, «дабы последние не подвергались более чрезмерному обременению матрикулярными взносами»⁹⁷⁶. Если с очередным проектом увеличения флота, что было для императора почти идеей фикс, а

⁹⁷⁵ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1904 г. Д. 16. Т. 1. Л. 232.

⁹⁷⁶ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1905 г. Д. 18. Л. 264-264 об.

восстание африканских племен и недостаточные возможности для быстрой переброски туда новых контингентов только укрепили его убеждение, что без современного большого флота Германия совершенно неконкурентоспособна на мировой арене, то насчет финансовой системы все было сложнее, и печальная участь предыдущего проекта реформы тому подтверждение.

Система формирования имперских финансов была создана вместе с самой Германской империей в 1871 г. и корректировалась лишь однажды – в 1879 г. К середине 1890-х гг. возникла настоятельная необходимость изменений. Постоянный рост расходов, связанный с увеличением армии и флота, а также активной колониальной политикой, не покрывался уже теми средствами, которые поступали в имперский бюджет от государств, входящих в империю (т.н. матрикулярные взносы, которые изначально были единственным источником имперских финансов, что ставило империю в жесткую зависимость от германских государств и бундесрата), а также таможенных сборов и табачного налога, введенных в 1879 г. В связи с ростом дефицита и ухищрениями правительства Каприви по пополнению казны и одновременному сокращению расходов, что делалось в том числе простой отсрочкой заказов военного и военного-морского ведомств, российское посольство еще в 1895 г. отправило в Петербург достаточно пространную аналитическую записку, в которой титулярный советник и тогдашний помощник секретаря посольства В.Я. Фан-дер-Флит проанализировал финансовые отношения империи и отдельных германских государств⁹⁷⁷.

Реформа 1879 г. принципиально повысила степень независимости империи и имперских властей, но мысль о росте этой экономической независимости вызвала сопротивление некоторых парламентских фракций: «Партия Центра усматривала в финансовой самостоятельности империи упадок федеративного начала, либералы же опасались за бюджетное право парламента ввиду того, что располагая самостоятельными средствами и

⁹⁷⁷ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1895 г. Д. 19. Л. 76-86.

обходясь без матрикулярных взносов, имперское правительство не нуждалось бы при составлении государственного бюджета в одобрении народного собрания, призванного блюсти экономические интересы отдельных союзных государств».

Это противоречие, как его понимали некоторые фракции рейхстага и члены бундесрата, было устранено т.н. Frankensteinischen Klausel (Оговорка Франкенштейна), которая как §8 вошла в измененный Таможенный закон от 9 июля 1879 г. По этой оговорке, названной в честь предложившего ее депутата от партии Центра Г.А. фон и цу Франкенштейна (1825-1890), годовой доход, добываемый из таможенных сборов, налога на табак, гербовых сборов (с 1881 г.) и акциза на спирт, превышающий 130 млн марок должен передаваться имперским правительством отдельным союзным государствам согласно численности их населения. Это вновь сократило имперские доходы и вернуло зависимость имперских властей, которые снова были вынуждены прибегнуть к матрикулярным взносам от союзных государств. Микель в свое время пытался «определить раз и навсегда цифру матрикулярных взносов и предоставляемых союзным государствам сумм и открыть для империи новые доходные источники». Добиться, однако, поддержки парламента ему, как мы видели, не удавалось, фракции отказались создавать условия, при которых вотирование новых имперских налогов было бы неминуемо, мотивируя это непомерным гнетом, под которым находится большинство населения империи. Ни у кого не вызывала сомнения необходимость уравновесить и преобразовать финансовую систему империи по отношению к союзным государствам. И любая такая попытка, за исключением введения новых сборов, встречала поддержку парламентских фракций.

В 1895 г. был принят т.н. *lex Liber*, по которому половина из возвращаемой союзным государствам части матрикулярных взносов (свыше 130 млн) должна была бы идти на погашение имперских долгов, а вторая половина по-прежнему идти в казну отдельных государств. Имперский долг к 1895 г. составлял 2115 млн марок и ежегодные проценты – 76 млн.

Итак, финансовые взаимоотношения империи и союзных государств были чрезвычайно сложны, федеративный ее характер здесь проявляется особенно отчетливо. Ситуация осложнялась год от года, круг задач, стоящих перед имперскими властями (все, связанное с мировой политикой и ростом расходов на вооружения – морские и сухопутные, т.е. собственные государственные задачи Германской империи) становился все шире, расходы, соответственно, все выше, а доходы оставались на прежнем уровне.

Сопrotивление попыткам финансовых реформ шло по двум направлениям – с одной стороны, крайне осторожными в этом вопросе были союзные правительства и, соответственно, бундесрат, которые как огня боялись даже намека на сокращение своих прерогатив или вмешательства в свои внутренние дела, а финансы были как раз одной из самых уязвимых сфер, а во-вторых, отдельные фракции рейхстага, которые в свою очередь, в любой попытке введения дополнительных прямых или косвенных налогов видели возможную угрозу экономическим интересам своей клиентелы.

Осенью 1905 г. прения в рейхстаге по финансовым вопросам шли вокруг вводимых имперских налогов на наследство, более высокого обложения табака и пива и новых гербовых сборов. Эти последние вполне в соответствии с *lex Liber* должны были пойти на погашение имперских долгов, а также «для более правильного урегулирования финансовых отношений между империей и отдельными Союзными правительствами, дабы последние не подвергались более чрезмерному обременению матрикулярными взносами»⁹⁷⁸.

Итак, главным вопросом на повестке дня в начале 1906 г. стал доработанный проект финансовой реформы. Признавая, в принципе, ее необходимость, наибольшую оппозицию вызвали «проекты штемпельного сбора / с пассажирских билетов и квитанций/ а также налога на табак»⁹⁷⁹, в то время как налог на наследство активно поддержали сразу несколько фракций, а именно, Центр, национал-либералы и социал-демократы. Правительство

⁹⁷⁸ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1905 г. Д. 18. Л. 264.

⁹⁷⁹ Там же. Л. 353.

внесло на рассмотрение парламента всю реформу целиком, депутаты не имели возможности одобрить введение одного налога и отклонить введение другого. Все наблюдатели, да и иницирующие реформу имперские власти прекрасно осознавали сложность обсуждения законопроекта, который, по сути, касался всех. В этой депеше еще нет указаний на грядущий главный конфликт – консерваторов с остальными фракциями по поводу налога на наследство, однако указание на то, что Центр, национал-либералы и СДПГ горячо его поддержали является косвенным свидетельством того, кого же он в первую очередь коснется, уж конечно не пролетариев, которым наследовать было особенно нечего. Платить его должны были крупные, преимущественно земельные собственники, которые и вступили, признав это вполне значительным поводом, в борьбу с правительством не на жизнь, а на смерть.

Предвидя все те сложности, с которыми неминуемо столкнется правительство в стремлении провести финансовую реформу, Центр решил ему напомнить, что без поддержки католиков финансовая реформа принята точно не будет.

В сопротивлении последним правительственным инициативам (вопрос о военных судах чести, пенсиях офицерам, введении оплаты труда депутатов и др.) Центр был абсолютно единодушен с социал-демократами, кстати, как мы уже отмечали, далеко не в первый раз. Их оппозиция выглядела как попытка давления, напоминание, что союз двух крупнейших фракций способен заблокировать принятие любого решения.

Кроме вопроса финансовой реформы еще одним, не уступающим ему по значимости, был вопрос изменения избирательного законодательства в отдельных германских государствах, прежде всего, в Пруссии. Поводом к возвращению этой проблемы в актуальную повестку стало расширение избирательных прав в Баварии и Вюртемберге и одновременно последовавшее ограничение оных в Гамбурге. Подробно остановившись на этом вопросе в предыдущей главе, здесь о нем необходимо упомянуть лишь в связи с влиянием этой проблемы на общеимперские дела.

В начале февраля 1906 г. в рейхстаге обсуждалось предложение, авторство которого ожидаемо принадлежало социалистам, «преобразования избирательных законов Союзных государств и Эльзас-Лотарингии в смысле предоставления всеобщего, равного, прямого и тайного права голоса всем германским гражданам, достигшим 20-летнего возраста, без различия пола, в месте их жительства, независимо от подданства тому или другому союзному государству»⁹⁸⁰. Это предложение А. Альбрехта и его коллег представлял на заседании рейхстага 7 февраля 1906 г. Э. Бернштейн, заявивший, что оно не ново, периодически возникает в публичном поле обсуждения с момента создания Германской империи в 1871 г.: «Это предложение такое же старое, как и немецкий рейхстаг»⁹⁸¹. Ссылаясь на запрос, сделанный еще в ноябре 1871 г. тогда депутатом от национал-либералов историком Г. Трейчке, который говорил о необходимости соответствия законов, принимаемых рейхстагом и подписанных императором, законам отдельных германских государств. Среди таких несоответствий, которых вначале было достаточно много во всех экономико-политических сферах, но с каждым годом становилось все меньше, противоречия в избирательных системах были самыми значительными и влекли за собой самые серьезные последствия для внутренней стабильности германского государства, о чем мы уже писали выше.

Интересно замечание, которое по поводу запроса социалистов сделали российские дипломаты: «предложение это было без сомнения внесено социал-демократами в надежде на поддержку со стороны партии Центра, которая, как известно, приняла за последнее время по отношению к правительству довольно недружелюбное положение»⁹⁸². Впрочем, в этот раз этим надеждам сбыться было не суждено, Центр, договорившись с правительством,

⁹⁸⁰ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1906 г. Д. 26. Л. 32 об.

⁹⁸¹ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 11. Legislatur-Periode 1905/06 Bd.2. 37. Sitzung von 7. Februar 1906. S. 1067ff URL. https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt_k11_bsb00002825_00168.html (дата обращения 10.08.2023).

⁹⁸² АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1906 г. Д. 26. Л. 32 об.

социалистов не поддержал. Однако, интересно само предположение, причем достаточно реальное и обоснованное, о возможности такой поддержки, так как в последнее время отношения католиков и социалистов в имперской палате все больше напоминали союз. Однако, не в этот раз: «По окончании двухчасовой речи социал-демократического оратора Бернштейна, вождь Центра граф фон Гомпеш^{*}, прочёл краткое заявление от имени своей партии, в коем признал желательность отождествления избирательных законов отдельных государств, но добавил, что подобная реформа может быть произведена лишь в спокойное время и не начертаниями, а по почину Союзного совета и правительства, которым его партия в этом случае готова оказать полное содействие»⁹⁸³.

Интересна и важна в этой связи практически единодушная оппозиция этому предложению остальных партий, мотивировки которых были различны – от невозможности и противозаконности вмешательства имперского парламента в дела союзных государств (консерваторы) до нежелания идти в этом вопросе «на буксире» революционной социал-демократии (либералы). Только небольшие группы свободомыслящих с оговорками поддержали проект. Тема эта была нами подробно рассмотрена выше, поэтому здесь мы ее упомянули только в связи с позицией по этому вопросу различных фракций рейхстага.

В этот период начали осложняться отношения правительства с Центром, с которым до поры до времени договариваться удавалось, так как существовала общая почва, на которой такой компромисс был возможен, но католики стали требовать таких уступок, на которые правительство пойти не могло, особенно в условиях, когда и консерваторы, и либералы занимали по отношению к Центру почти открыто враждебную позицию. Бюлов вспоминал

* Граф А. фон Хомпеш-Рурих (Hompesch-Rurich) (1826-1909), депутат от Ахена, член прусской Палаты господ, председатель фракции Центра в рейхстаге с 1894 г.

⁹⁸³ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1906 г. Д. 26. Л. 33.

разговор со своим другом, депутатом Центра принцем Ф. Аренбергом*, который сказал канцлеру летом 1906 г., что он не хочет выставлять свою кандидатуру на следующих выборах, так как «он предвидит, что в недалеком будущем возникнет конфликт между его партией и мной, и ему не хочется очутиться в таком неприятном положении»⁹⁸⁴.

Конфликт между правительством и Центром назревал постепенно и обострился в период т.н. болезни Бюлова после Альхесирасской конференции. За время его полугодового отсутствия в отношениях властей и рейхстага произошло несколько событий, но активным, с точки зрения парламентской жизни, этот период назвать было нельзя, так как почти все это время имперский парламент находился на длительных как никогда каникулах.

В весенней сессии рейхстаг утвердил в третьем чтении четыре новых налога «в пользу имперской казны: 1/ на наследство, 2/ на пиво, 3/ на папиросы, 4/ штемпельный сбор. Этот последний распался на четыре категории: а/ сбор с пассажирских билетов; б/ с накладных на товары, в/ с свидетельств на автомобили и г/ с части прибыли акционерных и иных торгово-промышленных компаний, приходящейся по разверстке на долю членов правления»⁹⁸⁵. Эти налоги должны были оздоровить имперские финансы и сделать финансовую ситуацию в Германии более благополучной, при этом не увеличивая матрикулярных взносов и имперскую задолженность, к чему привел бы выпуск новых займов. «Несмотря на признанную как правительством, так и большинством народных представителей безусловную необходимость изыскать источники для увеличения имперских средств, финансовая реформа; в настоящем ее виде обусловленная увеличением таких непопулярных в массе населения налогов, как повышение акциза на пиво и налога на передвижение, — встретила в рейхстаге горячую оппозицию и прошла исключительно благодаря тому, что правительству удалось

* Франц фон Ассизи Людвиг принц фон Аренберг (Arenberg) (1849-1907), дипломат, специалист по колониальным вопросам, депутат прусской палаты депутатов и германского рейхстага.

⁹⁸⁴ Бюлов Б. Указ. соч. С. 323.

⁹⁸⁵ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1906 г. Д. 26. Л. 152.

заручиться поддержкой Центра и Национал-либеральной партии»⁹⁸⁶. Консерваторы, вначале активно выступавшие против введения новых налогов, в конце концов поддержали законопроект по всей видимости из опасения, что правительство все равно добьется введения новых налогов, но следующая редакция законопроекта может быть более либеральной, чем эта.

Финансовый законопроект стал последним, при принятии которого канцлер Бюлов опирался на партию Центра. Начиная с осенней сессии рейхстага 1906 г. и вплоть до отставки канцлера в 1909 г. их союз, основанный на взаимной выгоде и казавшийся таким прочным, перестал существовать.

За время отсутствия канцлера империю потрясло несколько скандалов, связанных со злоупотреблениями в колониальной сфере и приведших к отставке начальника Колониального отдела принца Гогенлоэ-Лангенбурга, а также прусского министра земледелия фон Подбельского, связанных с фирмой Типпельскирх – главным поставщиком товаров для колоний. Масла в огонь общественного недовольства подлила публикация воспоминаний Х. фон Гогенлоэ-Шиллингсфюрста, в которой, как писал Н.Д. Остен-Сакен, «разоблачались многие темные стороны высшей германской администрации»⁹⁸⁷, а также достаточно серьезный продовольственный кризис, остроту которого, впрочем, российские дипломаты очевидно преувеличивали, так как он был связан с запретом ввоза в Германию недорогого мяса, прежде всего свинины, из соседних стран (России) в угоду позиции аграриев, требующих усиления протекционистских мер в этой области.

Важным в этой связи мне представляется, вслед за российскими дипломатами, еще один пункт. Впервые так отчетливо и яростно в сложившейся ситуации обвинялись не отдельные политические партии и группы, не имперские и даже не прусские чиновники, а сам император и сложившийся благодаря ему и его позиции «личный режим» во внутренней и внешней политике, приведший Германию к настоящему неустойчивому

⁹⁸⁶ Там же. Л. 152 об.

⁹⁸⁷ Там же. Л. 273.

положению. По мнению некоторых органов лишь введение ответственности министерства могло бы парализовать опасность»⁹⁸⁸. Делалось это на волне скандала Эйленбург-Гарден, хотя до дела Daily-Telegraph было еще два года.

Поводом к роспуску рейхстага в декабре 1906 г. стал его отказ от ассигнований дополнительных средств на содержание германских войск в африканских колониях в условиях все еще продолжавшегося восстания племен гереро и готтентотов. Все основные политические силы, по сути, выступили против внешнеполитической стратегии страны, отказавшись финансировать меры по реализации «мировой политики», что не могло остаться «безнаказанным». Канцлер в парламенте заявил следующее: «Речь не идет о внутреннем режиме страны, речь не идет о противоречиях между парламентской и личной волей. Речь идет о всем нашем колониальном положении Речь идет уже не об ассигновании миллионом больше, миллионом меньше, а о поддержании чести германского оружия, о том, хотим ли мы сохранить свои колонии или же все тяжелые жертвы, принесённые страной, должны пропасть даром. Осталось сделать последнее усилие, чтобы сломить сопротивление и отступить в такую минуту было бы малодушием и преступлением. Ни одно правительство, сознающее свой долг перед родиной, не может идти на уступки в этом вопросе. „Бывают положения, когда страх перед кризисом свидетельствует о недостаточном мужестве, о недостаточном чувстве долга. Если вы добиваетесь кризиса — он будет“»⁹⁸⁹.

Бюлов предвидел, что голосование пойдет во враждебном правительству духе. В своих воспоминаниях он цитирует письмо императору, в котором он предлагал последнему в случае такого развития событий распустить рейхстаг, так как «конфликт в империи по условиям внешней и внутренней политики сложнее и опаснее, чем прежние конфликты в Пруссии. Если мы хотим успешно провести такую политику, то мы должны маневрировать таким

⁹⁸⁸ Там же. Л. 273 об.

⁹⁸⁹ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 11. Legislatur-Periode. 1905/1906. Bd. 5. 140. Sitzung von 13. Dezember 1906. S. 4379. URL: https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt_k11_bsb00002828_00796.html (дата обращения 20.08.2023).

образом, чтобы союзные монархи и нация считали, что право и разум на нашей стороне»⁹⁹⁰. Император целиком и полностью поддержал своего канцлера.

В этих словах Бюлова «мировая политика» прямо объявляется главной задачей, целью нации, то есть той самой национальной идеей, о которой мы пишем. Никакого обратного хода здесь быть не может, здесь правительство не готово идти ни на какие компромиссы и действовать будет предельно жестко.

Как и опасался Бюлов, несмотря на все призывы и апелляции к национальным чувствам немцев, рейхстаг, разделившись фактически надвое, не поддержал правительство (177 голосов против 168)⁹⁹¹. Окончательно клин в отношении правительства и Центра вбило выступление нового начальника Колониального отдела Дернабурга о закулисных происках Центра, который поддерживал или не поддерживал правительство, добиваясь даже не каких-то принципиальных уступок, что ни для кого не было секретом, а просто действуя из мелких или даже корыстных целей отдельных депутатов⁹⁹², то есть фактически обвинил католическую фракцию в коррупции. В ответ на демарш Центра и выступившей с ним солидарно Социал-демократической партии, канцлер зачитал заранее заготовленный указ императора о роспуске палаты. Бюлов, по его словам, до последнего старался избежать кризиса, в котором впоследствии он обвинял прежде всего М. Эрцбергера, который спровоцировал Дернабурга на разоблачения. Канцлер подробно описывал свои переговоры с вождями Центра Шпаном и Грёбером, в ходе которых они заверяли Бюлова в том, что осуждают оппозицию внутри партии и «принимают все меры, для того чтобы избежать конфликта с правительством»⁹⁹³, однако избежать его не удалось.

⁹⁹⁰ Цит. по: Бюлов Б. Указ. соч. С. 325.

⁹⁹¹ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 11. Legislatur-Periode. 1905/1906. Bd. 5. 140. Sitzung von 13. Dezember 1906. S. 4381. URL. https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt_k11_bsb00002828_00798.html (дата обращения 20.08.2023).

⁹⁹² Ibid. 130. Sitzung von 30. November 1906. S. 4047. URL. https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt_k11_bsb00002828_00464.html (дата обращения 20.08.2023).

⁹⁹³ Бюлов Б. Указ. соч. С. 325.

Попытка создания в 1898 г. блока консервативных и либеральных партий, дав хорошие результаты в момент выборов, провалилась в дальнейшей работе парламента. Аграрии не сдавали своих позиций и активно выступали против любых законопроектов, которые они считали не выгодными для себя. Либеральное движение не было единым, политики либерального толка, которые, объективно говоря, должны были взять на себя функции новой элиты и поддержать реализацию стратегического курса, к такой роли готовы не были. Расхождение между национал-либералами и левыми либералами, а также внутри леволиберального движения не нивелировались, а только обострялись, и те, и другие не пытались начать мыслить общенациональными категориями и соответственно действовать, видя только свои партикуляристские задачи. В этой ситуации правительству пришлось вернуться к сложившейся при Каприви практике опоры на католическую партию, которая, благодаря своей широчайшей социальной базе, была способна к сближению с практически с любыми партиями как слева, так и справа. Сам Бюлов писал, что в рейхстаге «буржуазные левые расколоты на три, четыре группы; правые более-менее едины, но численно также слабы, как и левые в общей сложности, в середине находится сильнейшая партия, Центр, и раньше практически готовый к тому, чтобы составить большинство с поляками, вельфами и т.д., и с социал-демократами, или с консерваторами, или с правым крылом либералов. Другой возможности кроме как вести дела с Центром, особенно после выборов 1903 г., не существовало»⁹⁹⁴. Эти демонстрируемые Центром возможности широкой коалиции постепенно превратились в проблему Бюлова, так как блок все чаще формировался из Центра и социал-демократов, успех которых на выборах 1903 г. делал их практически равноправным партнером в этой коалиции. Красно-черный блок не мог стать опорой правительства в реализации тех задач, которые оно перед собой ставило. Ни те, ни другие не обладали потенциалом формирования

⁹⁹⁴ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1906 г. Д. 26. Л. 347.

национальной элиты, которая могла бы заменить прусскую земледельческую элиту, не воспринявшую новые задачи.

В тот момент, когда тенденция к превращению католической партии в новый центр власти стала очевидной, наблюдатели заговорили о *Nebenregierung*, т.е. закулисной власти, «оказывающей своё влияние на ход всей германской политики»⁹⁹⁵. Бюлов понял, что для удержания властных рычагов он должен предпринять ряд шагов, начать с роспуска рейхстага и постараться выдвинуть такой предвыборный лозунг, который стал бы основой нового широкого блока, адекватного национальным задачам, стоящим перед страной.

⁹⁹⁵ Там же. Л. 326.

2.3. Бюловский блок

Новые выборы должны были вывести ситуацию, которая уже не удовлетворяла никого, из тупика. Занятая Центром позиция не устраивала даже католических политиков, оказавшихся в оппозиции правительству, они тем самым потеряли рычаги влияния на него и на ситуацию в целом. Попытки же, с помощью СДПГ, стать реальным центром власти в этот период все-таки были малореализуемы, поскольку ни одна партия по конституции полноценным правом на законодательную, да и на любую властную инициативу, не обладала. Партии могли влиять на процессы только через взаимодействие с исполнительной властью. Конфликт с ними мог стать помехой и даже серьезным препятствием на пути реализации правительственных планов, но совершенно не мог заставить изменить курс. Оценки причин, побудивших Бюлова объявить новый виток «политики единения» у российских дипломатов и современных исследователей практически совпадали.

«Борьба с партиями Центра и социал-демократов одновременно настолько серьёзна, что лишь объединение всех остальных, как консервативных, так и либеральных политических партий на время выборной кампании с целью проведения своих кандидатов, может привести к потере Центром и социал-демократами большего или меньшего числа мест в парламенте»⁹⁹⁶, - писал в Петербург посол Остен-Сакен в депеше от 15(28) декабря 1906 г. Исследователь партийной политики Б. Бюлова И.П. Максимов практически вторит ему: «теперь канцлер вернулся к идее образования широкой коалиции консерваторов и либералов всех оттенков, основу которой должны были составить национал-либералы. По мысли Бюлова, такая коалиция могла более успешно противостоять СДПГ и в определенной мере ослабить позиции партии Центра. Вместо попытки приручить социал-демократов была выбрана тактика их политической изоляции путем создания

⁹⁹⁶ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1906 г. Д. 26. Л. 329 об.

проправительственного блока, что и было осуществлено в 1907 г.»⁹⁹⁷ С этими оценками нельзя не согласиться, добавив только, что эта тактика была единственно возможной.

Настрой правительства был так серьезен, что *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* пришлось давать официальное опровержение слухам, что в случае неудачи правительственного плана власти готовы пойти на повторный роспуск рейхстага. Причин такой жесткой позиции, как мне представляется, было две. Во-первых, отступить в колониальном вопросе канцлер и император не могли, так как активность в Африке отвечала их представлениям об обеспечении развития Германии и ее закреплении в статусе великой державы. Отступить сейчас значило отказаться от реализации стратегии «мировой политики». Никакой другой интегрирующей, объединяющей общество идеи не существовало, без нее Германия не смогла бы не только двигаться дальше, но даже сохранить то, что уже имела, и это прекрасно понимали в Берлине. Поэтому в случае угрозы колониальным планам и «мировой политике» в целом император мог решиться и на крайние меры – вплоть до так долго обсуждавшегося государственного переворота с лишением рейхстага значительной части его полномочий, а народа – широчайших избирательных прав при выборах в имперский парламент. Правительство должно было получить возможность долгосрочного или хотя бы среднесрочного планирования, что без поддержки в рейхстаге на данном этапе осуществить было уже невозможно.

После распада связки с Центром, а было понятно, что этому канцлеру восстановить прерванные связи и вновь превратить католиков в главную опору правительства уже не удастся, на повестке дня стоял основной вопрос – кто будет той силой (или теми силами), которые окажут правительству так необходимую ему поддержку.

⁹⁹⁷ Максимов И.П. Межпартийное маневрирование ... С. 160.

Эти силы вскоре были названы. «Второго января предано гласности знаменательное письмо, посланное канцлером накануне Нового года, председателю имперского Союза борьбы с социал-демократией, отставному генералу фон Либерту, в коем князь Бюлов высказывает свои политические взгляды и выставляет новый правительственный избирательный лозунг»⁹⁹⁸.

Проблемой Германии, по мысли Бюлова, является отсутствие единой либеральной партии, которая демонстрировала бы способность и желание вести созидательную политику. При этом он не тешит себя иллюзиями, что в результате текущей предвыборной кампании такая партия возникнет и займет место Центра в парламенте. Он не считает мировоззренческие противоречия между национал-либералами и свободомыслящими, а также между правыми (консерваторами) и буржуазными левыми в экономических вопросах непреодолимыми⁹⁹⁹. «Широким мостом», который может объединить эти силы является, по утверждению Бюлова, как раз колониальная политика, укрепление армии и строительство флота, то есть, заметим от себя, та самая национальная идея. На этой почве возможно сотрудничество и со здоровыми, национально ориентированными силами в католической партии, в отличие от его черно-красного большинства, которое из фракционного эгоизма вероломно выступило против правительства. Еще большие опасения канцлеру внушала готовность Центра из оппозиционных настроений блокироваться с социал-демократами, которые и без того в прошлом рейхстаге обладали огромным оппозиционным потенциалом. Это сближение является одной важнейшей причиной создания блока всех «национальных элементов». «Я работаю с каждой партией, которая признает все большие национальные задачи. Никто в Германии не хочет личного режима. Большинство немецкого народа не желает при этом и партийного режима. Это наша немецкая особенность, немецкая судьба, что мы занимаем нашу политическую позицию

⁹⁹⁸ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1906 г. Д. 26. Л. 243. Открытое письмо Бюлова было переслано в Петербург в виде газетной вырезки, приложенной к депеше, далее цитируется по ней.

⁹⁹⁹ Там же. Л. 347 об.

вплоть до часа смертельной опасности, исходя из чувств и общих условий, а не реальных интересов и национальных целей»¹⁰⁰⁰.

Далее Бюлов, вновь упрекая Центр в следовании узко конфессиональным и даже личным интересам, противопоставляет ему позицию императора и союзных князей, которые нацелены на решение национальных задач, а не творят политику, исходя из своей религиозной принадлежности.

Еще одним важным пунктом предвыборной программы правительства, коей и является это письмо, было утверждение, что ни одно государство в мире не делает для настоящего и будущего рабочих, их образования и благосостояния больше, чем Германская империя, поэтому они не должны поддерживать партию, которая стремится к разрушению этого государства. Немецкий народ должен освободиться от социалистического давления. И произойти это может при равных усилиях как консервативных, так и либеральных элементов. Главный лозунг правительства, который оно предложило всем консервативным и либеральным силам: «Борьба за честь и благо нации против социал-демократов, поляков, вельфов и Центра». Голосование за социалистов сделает страну слабее как изнутри, так и вовне, поэтому все, кто хочет славы и процветания Германии должны прислушаться к правительственному лозунгу и проголосовать за буржуазные партии, не важно, левого или правого толка.

Комментируя это письмо, посол Остен-Сакен пишет, что «порывая многолетний свой союз с католическим Центром, правительство делает это по-видимому не очень охотно: письмо канцлера подчеркивает равенство католиков с протестантами в империи, а кроме того, самый выбор адресата указывает, что главным противником правительственной политики является далеко не столько Центр, сколько социализм»¹⁰⁰¹. До сих пор в литературе обсуждается вопрос, против кого же было направлено острие готтентотского

¹⁰⁰⁰ Там же. Л. 348.

¹⁰⁰¹ Там же. Л. 344.

блока, то ли против католиков, то ли против социалистов, то ли против тех и других¹⁰⁰². Письмо Бюлова ясно демонстрирует, по крайней мере, изначальный посыл, исходный пункт, на котором правительство стояло в первых числах января 1907 г. – речь шла об объединении всех здоровых сил, которые не ставили себе задачу разрушения государственного строя, а готовы были воспринять цели и задачи, сформулированные властью. Воспрепятствовать этим здоровым силам мог не столько Центр, социал-демократы, поляки или вельфы, сколько их возможное объединение. Оно не было умозрительным, с его появлением правительство уже сталкивалось, причем не единожды, о чем речь шла выше.

Союз Центра и поляков имел давнюю традицию, еще со времен «нового курса» Каприви и даже ранее, единство подходов и солидарное голосование Центра и СДПГ проявилось только в последние годы, но стало фактически обыденным делом, солидарное же голосование всех трех сил давало подавляющее большинство (100 – Центра, 81 – СДПГ и 32 – национальных меньшинств), т.е. 213 голосов из 397.

Представляется, что планируемый блок не был направлен против какой-то одной силы, он должен был объединить всех, кто готов был поддерживать правительственный курс, позволить строить долгосрочные планы и иметь возможность проводить их в жизнь – к таким планам император и канцлер относили все составляющие «мировой политики» – активность в колониях, увеличение флота, а затем и армии, приведение в порядок финансовой системы империи, что давало имперским властям необходимые ресурсы для реализации этих целей. То есть, в первую очередь, блок был направлен не «против», а «за». Правительство не собиралось ни с кем специально бороться, не готовило никаких исключительных, чрезвычайных законов против Центра или социал-демократов. Не опираться – не значит бороться, не делать никаких уступок – это также не борьба. Представляется, что правительство прекрасно

¹⁰⁰² Подробнее см. *Максимов И.П.* Бюлов и «Готтентотский блок» 1907-1909 гг. ... С. 91.

отдавало себе в этом отчет, было заинтересовано в формировании максимально широкой базы поддержки, потому что в ином случае реализация глобальных целей и задач была просто невозможна.

Канцлер постоянно подчеркивал, что действует он, с момента своего вступления в должность, в очень узком коридоре возможностей, который диктуется результатами выборов, прямых, всеобщих и открытых, и формированием той или иной расстановки сил. Интересно, что то, что раньше было силой Центра в глазах правительства – его центристское положение и вытекающий из него широкий спектр возможных блоков и союзов, теперь стало приносить правительству максимум неудобств и опасностей.

Блок либералов и консерваторов или как о нем вначале предпочитал говорить Бюлов – всех здоровых буржуазных партий, ставящих во главу угла национальные интересы, – был не просто вынужденной мерой, а единственно возможным ответом на демарш Центра. Катализатором стал конечно же его переход в оппозицию к курсу Бюлова, социалисты своего курса не меняли и ничего нового правительству не демонстрировали. Каждая сила, решающая примкнуть к блоку, сама решала, кто его противники и оппоненты, поэтому, если консерваторы охотно встали «под знамя вновь объявленного, категорического и авторитетного похода против социализма», то либералы были довольны прекращением гегемонии Центра. Они задавались главным для них вопросом, «а именно полным отсутствием каких бы то ни было гарантий со стороны правительства взамен той поддержки, о которой он просит»¹⁰⁰³. То есть либералы действовали в понятной им парадигме «do ut des», которой долгое время придерживался Центр и получал таким образом преференции.

Н.Д. Остен-Сакен считал, что «лозунг, направленный одновременно против партии Центра, в своей основе наиболее охранительной и династической, и против социализма, несомненно страдает внутренним

¹⁰⁰³ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1906 г. Д. 26. Л. 345

противоречием»¹⁰⁰⁴. Конечно же, Центр не был опорой трона, император в свое время телеграфировал Бюлову, что «собачья свора Центра старается подорвать основы военной дисциплины и тем самым основы монархии Гогенцоллернов»¹⁰⁰⁵, но не был он и партией мятежа, каковой продолжала считаться СДПГ. Составление блока помимо Центра имеет, думается, две причины, поведение в 1906 г. самой партии, отказавшей правительству в поддержке в наиболее важном для него вопросе, а также опасения властей, что католическая партия в качестве главной опоры национального правительства в стране с преимущественно протестантским населением, станет препятствием для формирования максимально широкой поддержки правительственному курсу.

Причины создания бюловского блока и его основные контуры являются чрезвычайно важным моментом в выстраивании отношений власти и общества в судьбоносный для Германии момент трансформации внешнеполитической стратегии в национальную идею, а также последней осознанной попыткой сформировать отношения между партиями рейхстага и исполнительной властью, а не «работать с тем, что имеем». Конфигурация блока была абсолютно логичной, если сделать допущение, что и консерваторы, и либералы, имея различные экономические и мировоззренческие основы, все-таки основывались на сохранении существующего строя, а не его сломе, на защите конституции, а не ее кардинальных изменениях. Более того, только такой блок и мог существовать в немецких условиях, что следует из истории «картеля» Бисмарка и «нового картеля» Микеля. Вопрос прочности этого союза изначально волновал всех, насколько промышленники-либералы и консерваторы-аграрии готовы начать сотрудничать и где границы возможностей этого сотрудничества, было главным вопросом на втором этапе канцлерства Бюлова. То, что в 1907 г. начался новый этап сомнений не вызывало.

¹⁰⁰⁴ Там же. Л. 345 об.

¹⁰⁰⁵ Бюлов Б. Указ. соч. С. 290.

Прошедшие в январе 1907 г. выборы в рейхстаг показали, что избранный правительством курс оправдал себя, а выработанный перед выборами лозунг был востребован широкими слоями избирателей.

Политическое направление	Партии	Голоса			Места в рейхстаге ^[1]		
		млн.	%	Сравн. с 1903	всего	%	Сравн. с 1903
<i>Консерваторы</i>	Немецкая консервативная партия (НКП)	1,060	9,4	-0,6	60	15,1	+6 ▲
	Немецкая имперская партия (НИП)	0,472	4,2	+0,7	24	6,0	+3 ▲
<i>Либералы</i>	<i>Правые</i> Национал-либеральная партия (НЛП)	1,631	14,5	+0,6	55	13,9	+4 ▲
	<i>умеренные</i> Свободомыслящее объединение (СО)	0,359	3,2	+0,6	14	3,5	+5 ▲
	<i>Левые</i> Свободомыслящая народная партия (СНП)	0,736	6,5	+0,8	28	7,1	+7 ▲
	Немецкая Народная партия (ННП)	0,139	1,2	+0,2	7	1,8	+1 ▲
Католики	партия Центра	2,180	19,4	-0,3	105	26,4	+5 ▲
Социалисты	Социал-демократическая партия Германии (СДПГ)	3,259	28,9	-2,8	43	10,8	-38 ▼
Иные независимые	и Региональные партии, меньшинства	0,651	5,8	-0,1	29	7,3	-3 ▼
	Крестьянские партии /Союзы	0,195	1,7	-0,7	9	2,3	+1 ▲
	Антисемиты	0,353	3,1	+0,5	21	5,3	+10 ▲
	Прочие	0,228	2,0	+0,9	2	0,5	-1 ▼
Всего		11,263	100		397	100	

¹⁰⁰⁶

Социал-демократы потерпели настоящий разгром, они утратили 38 мест, хотя электорат сократился незначительно, всего на 2,8%, католический Центр, потеряв 0,3%, напротив, даже несколько увеличил свое представительство, вплотную приблизившись к историческому максимуму 1890 г. Пресловутая

¹⁰⁰⁶ Таблица основана на данных Reichstagshandbuch 1907. URL.

https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt4_h1_bsb00003459_00419.html (дата обращения 21.08.2023).

избирательных география вновь сыграла против социалистов – из 79 округов, в которых они победили в 1903 г., в 1907 г. они потеряли 36.

Успех, несомненно, достигнутый имперским правительством, можно было считать лишь частичным, так как сократилось только число социал-демократических, но не католических депутатов. При этом, нельзя не согласиться с послем Остен-Сакеном, что «лишь из деятельности рейхстага уяснится окончательно степень правительственной победы над оппозиционными элементами. В колониальной политике, давшей непосредственный повод к роспуску палаты, правительство может рассчитывать отныне на численный перевес Соединённых партий правого лагеря и умеренного левого. Но возможный союз Центра с теми же левыми партиями по другим вопросам составил бы также абсолютное большинство в новом парламенте. Правда, для создания большинства существует третья комбинация, союз правых с Центром. Но при такой конъюнктуре естественно было бы ожидать постоянной оппозиции всего левого лагеря, который признал бы себя обманутым в своих ожиданиях. ... социал-демократы потерпели численное и нравственное фиаско. Утраченные 30 с лишком мест пошли на пользу отчасти консерваторам, отчасти либералам. От будущей роли Центра, поход против которого остался бесплодным, будет зависеть в значительной степени деятельность будущего имперского парламента»¹⁰⁰⁷.

Уже в феврале 1907 г. при обсуждении бюджета появился первый повод разобраться, с каким же рейхстагом правительству теперь придется иметь дело. На первых же заседаниях нового рейхстага партии, против которых была направлена предвыборная кампания правительства, обвиняли его в давлении на избирателей и дали повод канцлеру в двух выступлениях подробно обрисовать основные контуры внутренней политики правительства.

В первой речи, сказанной в ответ на обвинения со стороны партии Центра, канцлер именно ее сделал ответственной за парламентский кризис 13

¹⁰⁰⁷ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1907 г. Д. 17. Л. 29-29 об.

декабря 1906 г. и за вынужденный роспуск рейхстага. Бюлов повторил, что он и сейчас не считает нужным оправдываться за то, что долгое время в своей политике опирался на эту партию, так как другой возможности вести плодотворную национальную политику у него просто не было. Канцлер повторил, что он готов сотрудничать с любой партией, которая «выполняет условия, без которых немецкий народ не может дышать, существовать и утверждать свои права в мире»¹⁰⁰⁸. Колониальный вопрос относится как раз к тем, где была затронута национальная честь Германии, и здесь правительство не может ни на йоту поступиться своей позицией.

Далее в той же речи канцлер коснулся тех принципов, на которых в дальнейшем будет основываться его взаимодействие с консервативно-либеральным блоком парламента. Из Берлина по этому поводу сообщали: «Это не должно означать, - говорит князь Бюлов, - что сегодня я буду управлять в консервативном, а завтра в либеральном духе», канцлер намерен оказывать, напротив, постоянное равномерное покровительство национальному труду, предложен ряд законопроектов, касающихся улучшения в этих отраслях и направленных к поднятию благосостояния не только низших, но и средних слоев немецкого населения»¹⁰⁰⁹.

Важным представляется в этой речи еще один пассаж, на который не обратили внимания российские дипломаты и который касается обвинений в том, что роспуск рейхстага стал проявлением «личного режима», то есть виновен в нем волюнтаризм императора. Канцлер возражал, что роспуск палаты целиком и полностью находился в правовом конституционном поле, что такие действия являются прерогативой монарха и он не отступил от буквы конституции ни на шаг. Гарантами соблюдения закона является бундесрат, а

¹⁰⁰⁸ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 12. Legislatur-Periode. 1907/19069 Bd. 1. 3. Sitzung von 25. Februar 1907. S. 33ff URL. https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt_k12_bsb00002837_00043.html (дата обращения 21.08.2023).

¹⁰⁰⁹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1907 г. Д. 17. Л. 46.

вот его изменение, слом конституционного порядка – цель как раз той партии, «которая занимает крайние левые скамьи»¹⁰¹⁰.

В своих речах канцлер проводил одну главную мысль – последние выборы, результатом которых стало поражение социал-демократов, являются победой немецкого народа, его национальных устремлений, победой над партиями, которые стремятся к разрушению государства и нации¹⁰¹¹.

Вопрос с социал-демократами был более-менее решен, хотя все прекрасно понимали, что это лишь одна победа в долгой войне. Остен-Сакен считал, что «нельзя ещё, победив врага, отдыхать на лаврах. Нельзя тешить себя надеждой на окончательное уничтожение социал-демократической партии. Нужно, напротив, подготавливать все новые и новые над ней победы, и канцлер верит, что настанет время, когда о социал-демократии можно будет говорить как о прошедшем тяжелом сновидении»¹⁰¹², поэтому перед правительством стоит задача налаживания отношений с Центром, поскольку католики остаются сильнейшей фракцией рейхстага.

Буквально через две недели, в начале марта 1907 г. после нескольких заседаний парламента, на которых продолжал обсуждаться бюджет, в том числе ассигнования на армию в африканских колониях, дипломаты вынуждены были констатировать, что «все более выясняется непримиримое отношение этой партии [Центра. – А.М.] к имперскому канцлеру, он относится к нему так же, как Центр относился к князю Бисмарку во время “Культуркампа”»¹⁰¹³.

Роспуск рейхстага на летние каникулы в середине мая 1907 г. позволил подвести некоторые итоги – из 28 законопроектов, внесенных правительством, было одобрено 19, в том числе ассигнования на колониальные нужды и торговый договор с США, а также ряд других важных законов, т.е. самые

¹⁰¹⁰ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 12. Legislatur-Periode. 1907/19069 Bd. 1. 3. Sitzung von 25. Februar 1907. S. 35 URL. https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt_k12_bsb00002837_00045.html (дата обращения 21.08.2023) S. 35.

¹⁰¹¹ Ibid. S. 37.

¹⁰¹² АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1907 г. Д. 17. Л. 46 об.

¹⁰¹³ Там же. Л. 60 об.

пессимистические ожидания не оправдались, либерально-консервативный блок в эту первую сессию показал свою работоспособность.

Накануне открытия осенней сессии рейхстага состоялись консультации руководства всех основных политических партий, за исключением Центра и СДПГ, с канцлером. Результатом этих встреч стала поддержка консервативно-либерального блока, высказанная на партийном съезде СНП, который выразил готовность поддержать правительство «для борьбы с общим врагом, то есть Центром»¹⁰¹⁴.

В осенней сессии 1907 г. рассматривалось несколько важных вопросов (новый бюджет, флотский закон, дальнейшее реформирование имперской финансовой системы), которые стали своего рода «проверочными» для прочности блока. Однако подлинным яблоком раздора стали не эти значимые законопроекты, а межпартийные противоречия, а также общественное возмущение в связи с публичными «скандалами». Российские дипломаты обращали внимание Петербурга на то, что ораторы Национал-либеральной партии открыто критикуют своих товарищей по блоку, причем не только по такому принципиальному вопросу, как новые источники имперских налогов, но и за то, что консервативные партии, в том числе состоящие в них чиновники, пытаются выгородить, вывести из-под удара и общественного разбирательства депутатов, замешанных в набирающем обороты скандале, известном как процесс Мольтке-Гардена, о котором подробно говорилось в предыдущей главе.

Противоречия между участниками блока достигли такой остроты, что, по свидетельству российских дипломатов, вынудили канцлера побудить руководителей всех фракций блока выступить в парламенте с заявлением о готовности поддержать политику правительства. В противном случае Бюлов грозился уйти в отставку. Как сообщали российские наблюдатели, на этот раз назревающий внутриблоковый конфликт удалось погасить, «на следующий

¹⁰¹⁴ Там же. Л. 216.

день все требования канцлера были удовлетворены в полной мере и кризис таким образом улажен. Однако сам инцидент показал, какая опасность грозит постоянно искусственному созданию князя Бюлова. Каждый отдельный законопроект может повести к раздору. К нему могут привести, между прочим, требования о реформе прусского избирательного закона, предъявляемые либеральными партиями, на которые правительство до сего времени под давлением консерваторов не даёт своего согласия. Как бы то ни было, успех князя Бюлова, хотя бы и временный, несомненен»¹⁰¹⁵.

От внимания российских дипломатов не ускользнула очень важная оценка конфликта, прозвучавшая в печатных органах партии Центра. Они «выискали между прочим в последних действиях князя Бюлова первый шаг к парламентаризму, так как, поставив сохранение за собой поста в зависимость от доверия большинства палаты, канцлер поступил, будто бы, как министр, ответственный перед парламентом»¹⁰¹⁶. Мы считаем это наблюдение очень важным, поскольку поведение канцлера в ходе кризиса конца 1907 г. являлось свидетельством двух параллельно идущих процессов – роста влияния и значимости рейхстага и парламентских партий, с одной стороны, и тенденции к превращению режима в парламентский, т.е. введения де факто ответственности канцлера и министров перед палатой без изменения конституции, с другой.

Именно в этом, как нам представляется на основе изученных документов, и заключается одна из главных внутренних тенденций развития вильгельмовской Германии – рост влияния и значения представительских властных институтов, прежде всего, парламентских партий и рейхстага в целом, который при Бисмарке играл однозначно второстепенную роль, не претендуя на первенство, принадлежащее императору, канцлеру, бундесрату, прусскому Государственному министерству и другим прусским властным структурам, армии, бюрократии и т.д.

¹⁰¹⁵ Там же. Л. 298 об.

¹⁰¹⁶ Там же. Л. 299.

Важно отметить, что Бюлов постепенно сам стал превращаться, в общем-то без особого внешнего давления, в «парламентского премьера», что происходило без правовой трансформации режима в подлинно парламентский. Связано это, как нам представляется, было и с поиском оснований для консолидации общества и с поиском канцлером, как это ни странно, легитимизации своей власти через парламентскую поддержку. Это прекрасно вписывается в настоятельное стремление создать прочное парламентское большинство, которое играло бы роль «правительственной коалиции». Бюлов начал выводить взаимоотношения рейхстага и исполнительной власти на новый уровень – консолидированного формирования национального политического курса, причем как внутри страны, так и за рубежом. Вполне вероятно, что к необходимости перестройки этих взаимоотношений он пришел в условиях относительной нестабильности позиции психологического состояния Вильгельма II, который не всегда мог быть устойчивой константой, будучи подчас крайне эксцентричным «фронтменом», замешанным в целую череду скандалов.

Одновременно росла и роль прессы и журналистов как непременных участников политического процесса, что, как мы писали выше, прекрасно иллюстрирует небольшой сюжет с забастовкой парламентских обозревателей в марте 1908 г. и реакция на нее.

В апреле 1908 г. палатой был принят законопроект о союзах¹⁰¹⁷, в котором спорными были параграфы, касающиеся допуска к участию в собраниях только подданных империи, использования исключительно немецкого языка и установления 18-летнего возрастного ценза для участников. Либеральные фракции, особенно свободомыслящие, выступали против этих ограничений. Достаточно быстро был найден компромисс – собрания, прежде всего предвыборные, могли проводиться и на иных языках кроме немецкого, если в данной местности доля ненемецкого населения

¹⁰¹⁷ Reichsanzeiger von 19.04.1908. URL. <https://www.deutscher-reichsanzeiger.de/vereinsgesetz-vom-19-april-1908/> (дата обращения 25.08.2023).

составляла более 60%, касалось это, в первую очередь, конечно, польских провинций, а также Эльзас-Лотарингии. Левые либералы поддержали законопроект после внесения небольших изменений по двум основным причинам. Во-первых, введение единого закона взамен противоречащих друг другу актов различных германских государств продолжало курс на унификацию имперского законодательства в этой важной области общественно-политической жизни. Во-вторых, говоря о германских подданных, закон никак не регулировал вопрос их пола – то есть к собраниям, в том числе предвыборным допускались и женщины, что было исполнением либеральной идеи эмансипации и рассматривалось ими как первый шаг к допуску женщин к пассивному избирательному праву. Еще один аргумент нашел свое отражение в депеше российского посольства – «ораторами свободомыслящих партий было высказано с парламентской трибуны соображение, что в случае неуспеха законопроекта о собраниях в рейхстаге, прусское правительство издаст новый закон о праве собраний на территории королевства и по этому закону поляки и другие иноязычные народности Пруссии будут лишены и тех льгот, которые удалось выговорить для них при заключении компромисса по §7»¹⁰¹⁸.

Принятие этого сложного и знакового для либералов законопроекта стало первым случаем преодоления блоком реальных трудностей, которые при меньшей готовности всех сторон к компромиссам могли бы привести к краху коалиции.

Одновременно с законом о собраниях в рейхстаг был внесен и еще один серьезный законопроект. Он касался биржевой реформы и содержал ряд положений, призванных улучшить состояние торговли хлебом и зерном на бирже, то есть был выгоден прежде всего аграриям-консерваторам. В новом законе, который вносил некоторые изменения и дополнения в закон 1896 г., правительство пошло на большие уступки в области сделок с зерновыми и

¹⁰¹⁸ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1908 г. Д. 13. Т. 1. Л. 86.

мельничными продуктами, но добилось, с некоторыми оговорками, принятия своего предложения о срочных сделках с горнопромышленными и фабричными паями. Под давлением немецких хлеботорговцев министр торговли Дельбрюк сделал в рейхстаге заявление, что правительство запрещает и будет преследовать лишь фиктивные срочные сделки с хлебом, т.е. биржевую игру¹⁰¹⁹.

При принятии этих двух законопроектов (о биржах и о собраниях) правительство постаралось соблюсти паритет интересов либералов и консерваторов. Это позволило не только реализовать правительственные предложения, но и даже несколько укрепить блок¹⁰²⁰.

Весенняя сессия 1908 г. показала жизнеспособность блока по крайней мере в условиях готовности правительства, либералов и консерваторов к компромиссам перед лицом сразу двух могущественных противников – католиков и социалистов. Выгоды, которые все три «правящие» в этот момент силы получали от этого сотрудничества, явно превосходили возможные потери. Насколько в этой кооперации преобладали прагматические мотивы и соображения, а насколько – искреннее желание выполнять национальные задачи сказать достаточно сложно. Можно с большим основанием предположить, что первое было важнее второго, тем более что эти «национальные задачи» все они трактовали по-разному, и встать под правительственные знамена были скорее вынуждены, чем сделали это по совсем уж доброй воле.

Но надежды на столь же благоприятное развитие политического процесса у правительства не было, тем более что на осенней сессии рейхстага предстояло вернуться к ряду законопроектов, «обнимающихся термином “государственной финансовой реформы”»¹⁰²¹, таивших в себе ряд труднопреодолимых противоречий.

¹⁰¹⁹ Там же. Л. 93.

¹⁰²⁰ Там же. Л. 94.

¹⁰²¹ Там же. Л. 122 об.

Летом 1908 г. во время парламентских каникул получил свое развитие процесс против Ф. Эйленбурга, в который император был вовлечен все-таки опосредованно, хотя обвинения его ближайшего друга и советника не только в гомосексуализме, но и в клятвopреступлении под судебной присягой, а также вмешательство в самые высокие сферы политики аморальных людей, не могла не сказаться на репутации монарха, что грозило основам государственного строя, главным столпом которого и был император. Его требование к князю вернуть знаки ордена Черного Орла породило волну слухов о вовлеченности монарха в инкриминируемые Эйленбургу преступления¹⁰²².

Не успел утихнуть скандал с Либенбергским кружком и гомосексуальным окружением императора, как разгорелся скандал с Daily Telegraph. Мы уже подробно описали его, но здесь необходимо остановиться на факторах, важных для анализа отношений канцлера и либерально-консервативного блока. На ноябрьских 1908 г. заседаниях рейхстага канцлер старался, по всеобщему мнению, не столько защитить императора, сколько сохранить от распада «с таким трудом и искусством созданное им консервативно-либеральное большинство»¹⁰²³. Эта задача была достаточно успешно выполнена, как информировали Петербург российские дипломаты, «не столько благодаря обычным приемам красноречия, сколько при посредстве предварительных закулисных переговоров с вожаками партий блока. Сторонники канцлера убедили влиятельных парламентских деятелей, что с уходом князя Бюлова возможно восстановление влияния партии Центра, что будущий канцлер быть может будет ещё менее независимым, и что в случае назначения на первую в империи должность какого-либо генерала, воинствующие стремления вокруг императора возобладают и Германия может быть втянута в тяжелую войну»¹⁰²⁴.

¹⁰²² Там же. Л. 184.

¹⁰²³ Там же. 274 об.

¹⁰²⁴ Там же.

Эти аргументы, главным из которых была угроза восстановления власти и влияния Центра, вполне убедили партии поддержать канцлера. Единственным исключением стали свободомыслящие, которые, по выражению российского посла, «заявили о полной невозможности выразить своё доверие канцлеру и откололись в этом вопросе от правительственного блока»¹⁰²⁵. В этом пассаже заслуживает внимания формулировка «выразить доверие». Встретилась она в дипломатической переписке впервые и относилась как будто к совершенно иной эпохе и другому конституционному строю, когда вынесение парламентом вотума недоверия премьеру должно вести к его отставке. Несмотря на отсутствие каких-либо правовых условий для такого развития событий, заседания 10-11 ноября выглядели именно таким образом. Палата обсуждала, по сути, соответствие канцлера занимаемой должности и даже соответствие императора его «занимаемой должности». Депутаты даже решили не останавливаться на критике политики и личности императора с трибуны, а представить ему свои «претензии» лично с помощью специально составленного адреса «с почтительным доведением до сведения его величества о высказанных рейхстагом на последних дебатах пожеланиях»¹⁰²⁶. Этим создавался невиданный ранее прецедент критики монарха и, по сути, попытки поставить его и его деятельность под контроль палаты, т.е. народа.

Ожидаемо против такого предложения выступили консерваторы и национал-либералы, к которым затем примкнули партия Центра, и все остальные, за исключением социал-демократов, свободомыслящих и поляков, что лишало такой адрес всякого смысла. В данном случае как никогда важным было единство палаты, которое должно было продемонстрировать монарху всеобщее негодование, для чего депутаты должны были выступать «единым фронтом».

¹⁰²⁵ Там же. Л. 275.

¹⁰²⁶ Там же. Л. 276.

Для нас важен настрой, овладевший парламентскими фракциями в момент впервые прозвучавшей в рейхстаге критики действий монарха, к тому же сопровождавшейся чуть ли не всеобщим требованием введения ответственности министров. Как писал российский посол, «империя сделала, быть может, новый шаг по пути к парламентаризму»¹⁰²⁷.

Аналогичным образом было настроено и общественное мнение. Главными требованиями были изменение имперской конституции в смысле установления ответственности министров перед парламентом, введение партийного кабинета и большего ограничения личного вмешательства императора в дело назначения канцлера и министров¹⁰²⁸. То есть, наделения рейхстага правом контроля над исполнительной и верховной властями. Осуществить эту фундаментальную реформу можно было только путем изменения конституции, на что требовалось одобрение Союзного совета, а это делало весь план неосуществимым. Многоступенчатая система сдержек и противовесов, коей собственно и являлось здание германской государственности, выстроенное Бисмарком в 1871 г., была прочной и удивительно стабильной, рейхстаг, формирующийся на основе всеобщих и прямых выборов, имел ограничитель в виде «верхней палаты» парламента (бундесрата), которая обладала правом заблокировать намерение «нижней» изменить основной закон.

О присвоении рейхстагом регулирующей функции в отношении верховной власти свидетельствовало и демонстративное соблюдение императором, пусть и недолго, рекомендации нижней палаты воздерживаться от «проявлений личной политики и действовать впредь во всех обстоятельствах в согласии с имперским канцлером»¹⁰²⁹.

Конечно, эта показная несамостоятельность, почти зависимость от имперского канцлера, который, как все прекрасно понимали, назначался и

¹⁰²⁷ Там же.

¹⁰²⁸ Там же. Л. 281.

¹⁰²⁹ Там же. Л. 292.

сместался с должности самим императором, могла успокоить только совсем уж непросвещенное общественное мнение. В ситуации, когда парламент стал политическим органом, в котором звучала прямая критика императора, теоретически там могло прозвучать и предложение о признании его недееспособности*. Но этого не случилось, рейхстаг, скорее всего, и сам не осознал в полной мере произошедшую явочным путем перемену в иерархии властных институтов. Поэтому депутаты не бросились развивать достигнутый успех, да и отсутствие в нем партии, занимающей абсолютное большинство депутатских мест, исключало в тот момент подобную возможность. Но процесс осознания рейхстагом и обществом новой ситуации тем не менее начался.

Что же касается слабоумия императора, то это явное преувеличение, скорее в это время он был под тягчайшим впечатлением от скандала с Дейли Телеграф. «Вильгельм удалился в Донауэшинген, улегся в постель, ни с кем не разговаривал и впал в «большую депрессию», утверждая, что во всем виновата еврейская пресса»¹⁰³⁰, - пишет Дж. Рёль. Императора можно понять, его мир рушился, канцлер «подставил его», разрешив публикацию интервью, а депутаты заговорили об ограничении власти монарха.

Рейхстаг тем временем продолжил рутинную работу. В палату был внесен ряд предложений, касавшихся конституционных реформ. Они исходили не только от партий оппозиции – Центра, социал-демократов и поляков, но также и от свободомыслящих, принадлежащих к правительственному блоку. Последние ещё в 1907 г. внесли предложение об урегулировании законодательным путём ответственности канцлера и министров, предоставляя выработку законопроекта Союзному совету. К этому

* По сути, на оптимальность такого выхода из кризиса намекает Дж. Рёль, постоянно подчеркивающий в своих работах «взбалмошность монарха, граничащую с психическим отклонением или слабоумием», Röhl J. C. G. Der Kaiser spricht // DIE ZEIT, 16.10.2008 №. 43; Рёль Джон К. Г. Вильгельм II. Германский император 1888–1918. URL. <https://litra.top/book/kayzery/page-25.html> (дата обращения 21.07.2023).

¹⁰³⁰ Рёль Дж. К. Г. Вильгельм II // Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия. Пер. с нем. Ростов-на-Дону, 1997. URL. <https://litlife.club/books/300842/read?page=122&ysclid=ls3cvgzuo3840120147> (дата обращения 21.07.2023).

давнишнему предложению прибавлены были все новейшие законопроекты вышеназванных партий, как то: подробное развитие §17 конституции, касающегося ответственности канцлера, законопроект социал-демократов о праве объявления войны лишь с согласия рейхстага, предложение поляков о созыве парламента во всех случаях, когда этого требует одна треть депутатов, а также менее важные предложения, касавшиеся внутреннего распорядка парламентской работы. «Наиболее усмирённое пожелание, - сообщали российские дипломаты, - высказано было в предложении Центра – чтобы рейхстаг постановил просить бундесрат о составлении законопроекта, касательно ответственности канцлера и его заместителей, а также касательно путей осуществления этой ответственности»¹⁰³¹. Б. Бюлов в рейхстаг не явился, от его имени говорил статс-секретарь по внутренним делам Т. фон Бетман-Гольвег, и дело в конце концов закончилось ничем, никакие изменения конституции не только не были приняты, но даже серьезно не разрабатывались.

Единственным «осязаемым» итогом ноябрьской сессии стало расширение рейхстагом его права интерпелляций (запросов). Законопроект, внесенный в палату национал-либералами, Центром, социал-демократами и свободомыслящими, требовал, во-первых, определенного в известный срок ответа канцлера или его заместителя, намерены ли они отвечать на представленный правительству 15-ю депутатами запрос, причём в случае отказа, требовалась мотивировка. Особенно важным нововведением в законопроект свободомыслящих является резолюция, вносимая не менее чем тридцатью членами рейхстага по окончании прений по запросам, и подлежащая голосованию палаты. До сего времени резолюций по запросам не допускалось даже в случае самых страстных прений, как, например, во время ноябрьских дебатов. Они просто оканчивались по исчерпанию списка ораторов. Российские наблюдатели отметили и то, что проект

¹⁰³¹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1908 г. Д. 13. Т. 1. Л. 302 об.

свободомыслящих «заключал и совершенно новое установление, вводимое по образцу английского, а именно краткие деловые «вопросы», делаемые правительству отдельными членами парламента с предупреждением за день о том председателя рейхстага. Прений по подобным вопросам не полагается, и имперский канцлер может отказаться от ответа на них без объяснения причин своего отказа»¹⁰³².

И все же ноябрь 1908 г. можно считать знаковым в истории Германии. Именно тогда был создан прецедент и определилась совершенно новая тенденция – тайные пружины власти ослабевали, закулисные интриги, конечно же, не исчезали совсем, но стали играть заметно меньшую роль в политике. В публичной области все большую роль играли конституционные властные постановления. Это особенно заметно, во-первых, в поведении канцлера Бюлова, который, без каких-либо изменений конституции, сам стал вести себя как премьер-министр, недоверие к которому парламента предполагает его отставку. Это ярко проявилось вскоре в событиях, приведших к его уходу со всех постов. Во-вторых, он стал считать более важным для себя сохранение парламентского большинства, чем защиту императора от нападков. Такая ситуация была бы немислима ни при одном предыдущем канцлере, которые всегда были прежде всего служителями трона. Изменился и характер власти в Германии. Если прежде она опиралась только на узкий круг прусской элиты, и перед ней была ответственна, то теперь она начинает переходить под контроль широких общественных слоев, и не только депутатов рейхстага, но и прессы, новой «четвертой власти». Вильгельм II, так же как и другие политические деятели, был совершенно к этому не готов. Понимание того, что с прессой и обществом надо работать и в чем-то их убеждать и привлекать на свою сторону, приходило постепенно, и Бюлов, очевидно, осознал это раньше, чем император. Именно этими новыми отношениями можно объяснить его стремление во что бы то ни стало

¹⁰³² АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1909 г. Д. 20. Л. 16.

сохранить с таким трудом составленное либерально-консервативное большинство.

На повестке дня рейхстага стоял давно обсуждавшийся проект имперской финансовой реформы, прохождение которого через рейхстаг вновь встретилось с серьезными затруднениями. Налоговая комиссия отвергла правительственное предложение об отмене налога на железнодорожные билеты и приняла предложение Центра о введении лишь некоторых изменений как в сам налог, так и в способы его взимания. Подобная же судьба постигла и правительственный законопроект о винокуренной монополии, причём в обоих случаях приняты были резолюции Центра, поддержанные всеми либеральными партиями. Внесённый правительством проект налога на наследство наталкивается на непреодолимые затруднения со стороны консерваторов, даже ставящих свою поддержку правительству в зависимость от его отказа от этого столь ненавистного аграриям налога¹⁰³³.

Все дальнейшие прения свелись к одному – какие налоги будут введены, и какая часть общества, и какая политическая партия посчитают себя максимально затронутыми новыми налогами. Между политическими партиями существовали разногласия, следует ли взимать пошлины «с оставшихся имуществ /Nachlaßsteuer/ или же с наследников /Erbsteuer/». Правый лагерь рейхстага не соглашался уступить в вопросе наследственных пошлин, если левые партии не пойдут ему навстречу, приняв предложение о косвенных налогах. Один за другим терпели неудачу проекты налогов на электричество, на газ, на вино и на объявления. Нерешенным оставался вопрос об обложении табака, неясна была судьба проекта спиртовой монополии в виду несогласия аграриев отказаться от уплачиваемой им премии за винокурение, так называемой *Liebesgabe*¹⁰³⁴. Совокупность всех трудностей грозила распадом правительственной коалиции и неминуемой в этом случае отставкой Б. Бюлова, который не был отставлен от должности «преданным

¹⁰³³ Там же. Л. 15.

¹⁰³⁴ Там же. Л. 114 об. – 115.

им» императором только потому, что новый канцлер точно не смог бы в обозримом будущем провести реформу имперских финансов.

Как уже говорилось выше, ее необходимость диктовалась увеличением общеимперских задач, прежде всего, внешнеполитических и военных, что требовало поступления в имперскую казну больших средств на постоянной основе. 30 марта 1909 г. канцлер Бюлов выступил в рейхстаге с пространной речью, которая должна была доказать неотложную необходимость создания новой системы пополнения имперской казны. Канцлер не дал никаких реальных указаний, в какой форме и путём каких компромиссов может быть достигнута цель правительства. Из Берлина доносили: «Оратор ограничился повторением общего принципа, что ввиду необходимости получения полу-миллиарда марок новых налогов, нельзя остановиться исключительно на системе косвенных пошлин, и поэтому должно быть проведено обложение имущества. Наиболее удобной формой для такового представляется именно налог на наследства, так как отдельные германские государства слишком пострадали бы от увеличения матрикулярных взносов, а также и от прямого налога на имущество или доходы, который отразился бы на отдельных федеральных бюджетах»¹⁰³⁵.

По сути, канцлер не сказал ничего, кроме очевидного утверждения, что новые налоги вводить надо и самым приемлемым для граждан и отдельных германских государств станет налог на наследство. Консерваторы, занявшие достаточно жесткую и непримиримую позицию, считали, что налог в предложенном правительством виде затрагивает интересы исключительно аграриев, причем преимущественно крупных, то есть консервативной клиентелы и прусской элиты. Они внесли в палату встречное предложение – о «замене налога на наследства другого рода обложением собственности, так называемым *Wertzuwachs-Steuer*». Налог этот должен взиматься с собственника при переходе собственности путём продажи в новые руки, в

¹⁰³⁵ Там же. Л. 115 об.

случае если стоимость владения увеличилась со времени приобретения ее продавцом. Процент должен возрастать в зависимости от роста цены облагаемого имущества. Главное же заключалось в том, что налог этот должен был распространяться не только на недвижимое, но и на движимое имущество, т.е. капитал в ценных бумагах, что сразу же расширяло число лиц, к которым этот налог мог применяться за счет финансовых и промышленных кругов, то есть электората либеральных партий. Предложение это было встречено с вниманием, обсуждалось на совещании высших финансовых кругов (директора имперского банка, министров финансов) с руководством всех парламентских фракций, кроме социал-демократов и мелких групп. Правительство выступило против, обосновав это следующим образом: «разработка и принятие нового законопроекта потребовали бы немало времени, финансовая же реформа должна быть проведена немедленно. Кроме того, распространение этого налога на ценные бумаги сопряжено, в виду постоянного колебания их ценности, не только с почти непреодолимыми техническими затруднениями, но и грозило бы отливом немецких капиталов за границу, где процентные бумаги не подлежат подобному налогу, и таким образом, могло бы нанести существенный вред немецкой бирже»¹⁰³⁶.

При обсуждении налога на наследство произошло то, чего так опасалось правительство, сближение консерваторов и партии Центра, объединение которых дало бы им абсолютное большинство в рейхстаге и позволило бы без проблем заблокировать любую неудобную им инициативу правительства. Из Берлина сообщали: «По мнению печати и политических кругов: кризис может разразиться тройким способом: 1) Уступкой правительства консерваторам и отказом от налога на наследство. Это решение сильно пошатнуло бы в глазах населения авторитет правительства и лишило бы его поддержки либеральных партий, то есть привело бы опять же к господству Центра, разрушенному князем Бюловым в декабре 1906 года;

¹⁰³⁶ Там же. Л. 127 об.

2) отставкой князя Бюлова, причём открылся бы вопрос, кто будет его преемником и какова будет его политика и наконец

3) роспуском рейхстага и новыми выборами, которые в настоящее время могли бы окончиться неблагоприятно для правительства, так как лозунг « $1/2$ миллиарда новых налогов в год» будет несомненно использован социал-демократами для усиления своей партии»¹⁰³⁷.

Надежда, что Бюлову удастся найти какой-то приемлемый выход из создавшегося положения, была призрачна и мало реализуема, так как она могла быть достигнута только путем дальнейших уступок аграриям, на которые ни в коем случае не согласились бы либералы.

Когда специальная финансовая комиссия рейхстага отклонила и предложение правительства, и контрпредложение консерваторов, ситуация стала патовой. Б. Бюлов вел переговоры, пытаясь склонить оппонентов к уступкам, в ходе которых консерваторы раз за разом демонстрировали единство мыслей и действий с Центром, а не с «партнерами по коалиции» – либералами. «Здесь общественное мнение считает, что распадение блока, начавшееся ещё три недели назад в вопросе о наследственном налоге, является отныне окончательным и что финансовая реформа оказалась не по плечу консервативно-либеральному объединению»¹⁰³⁸, - писал Н. Булатцель Н.В. Чарыкову в депеше от 1(14) мая 1909 г.

Роспуск рейхстага на каникулы в середине мая 1909 г. не прервал деятельность финансовой комиссии, которая, впрочем, только углубляла противоречия между консерваторами и либералами. Консерваторы выработали новые предложения по вариантам налогообложения (обложение ценных бумаг, пошлины при переходе недвижимости от одного владельца к другому и, наконец, пресловутый *Wertzuwachssteuer* на недвижимость), в ответ либералы обвинили своих недавних товарищей по блоку не только в эгоизме, но и в некомпетентности, «неумении разбираться среди сложных

¹⁰³⁷ Там же. Л. 128-128 об.

¹⁰³⁸ Там же. Л. 134.

финансовых вопросов»¹⁰³⁹. В дни, когда рейхстаг находился на каникулах, кризис, охвативший палату, стал очевиден всем наблюдателям. «На финансовых реформах произошло распада канцлерского блока: консервативно-либеральное соединение не устояло перед рознью материальных интересов тех слоев населения, которые представлены депутатами правого и левого лагерей, вследствие чего в финансовой комиссии произошла окончательная перегруппировка партий. Весь либерализм, начиная с умеренных национал-либералов и далее влево, обвиняет правую сторону в измене национальному делу. Имперской партии ставится в упрёк некоторая неустойчивость и двусмысленность роли. Консервативные фракции и Центр действуют решительно заодно»¹⁰⁴⁰.

Либеральные газеты подливали масла в огонь разгоравшегося конфликта, бесконечно обвиняя правительство в том, что оно действует исключительно в угоду консерваторам-аграриям и Центру, так как находится под их давлением¹⁰⁴¹. Постоянные обвинения партий в адрес правительства в его ангажированности противниками, несомненно, имели под собой основания, однако именно в 1907-1909 гг. Бюлов пытался как никогда ранее найти баланс между двумя противоречащими друг другу тенденциями. Это на протяжении двух с половиной лет ему удавалось, впрочем, в обстановке всеобщего ожидания скорого распада блока и гадания, какой правительственный законопроект окажется непреодолимым препятствием для сохранения его единства.

Было очевидно, что если проект финансовой реформы не будет принят целиком, то имперское правительство в долгосрочной перспективе не будет обеспечено постоянным источником средств, необходимых для военных, прежде всего, флотских программ, а также иных проектов, связанных с военными и колониальными задачами. Во время парламентских каникул в

¹⁰³⁹ Там же. Л. 147 об.

¹⁰⁴⁰ Там же. Л. 148 об.

¹⁰⁴¹ Там же. Л. 149.

Берлине прошла встреча министров финансов союзных государств, значительная часть которых, в том числе крупнейшие – Саксония и Бавария, несмотря на преобладание католического населения, оказались ближе к позиции либералов, а не возникшего консервативно-клерикального большинства¹⁰⁴².

Надежду на поддержку реформы со стороны большинства народных представителей высказал император в своей речи в Гамбурге 14 июня 1909 г.: «Я все еще надеюсь, что чувство единства возобладает у наших народных представителей над партийностью, я думаю, что никто из них не возьмет на себя ответственность за крах такой важной для нашего Отечества, его внутренней и внешней политики, реформы»¹⁰⁴³. Через несколько дней, в первом после каникул заседании рейхстага 16 июня выступил канцлер Бюлов¹⁰⁴⁴. Российские дипломаты обратили внимание Петербурга на несколько основных тезисов канцлера. Во-первых, он указал на отличительные особенности социал-демократов и Центра, либералов и консерваторов. Опроверг обвинение в том, что страдает предубеждением к какой-либо партии. Даже с социализмом он был бы готов работать рука об руку, если бы для этого представилась возможность. Канцлер отметил исторические заслуги либерализма, родившего идею германского единства, и консервативной партии, создавшей величие Пруссии и нынешней империи. Но он подчеркнул также доктринерство левых партий и неготовность на жертвы со стороны правых. Оратор подробно остановился на идее созданного им блока, предназначенного к устранению трений между этими двумя главными политическими течениями Германии. «“История, - заявил он, - скажет в будущем, что это была серьезная государственная идея, полезная как для левого, так и для правого лагеря“. Речь была воспринята как политическое

¹⁰⁴² АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1909 г. Д. 20. Л. 158 об.

¹⁰⁴³ Цит. по газетной вырезке: Там же. Л. 163.

¹⁰⁴⁴ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 12. Legislatur-Periode. 1907/1909 Bd. 12. 262. Sitzung von 16. Juni 1907. S. 8585-8589. URL. https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt_k12_bsb00002847_00012.html (дата обращения 25.07.2023).

завещание канцлера, ее главное значение состояло в искреннем указании на ошибки всех без различия политических партий»¹⁰⁴⁵.

Кризис в отношениях либералов и консерваторов имел интересные последствия в общественной жизни. Спустя 15 лет после создания аграрного ССХ 12 июня 1909 г., в дополнение к уже имеющимся промышленным союзам, упоминавшимся выше, был создан новый – Ремесленный, торговый и промышленный ганзейский союз. В президиум новой организации были избраны влиятельные предприниматели – директор Гамбургско-Американского общества Баллин, член ландтага банкир Дельбрюк, директор Deutsche Bank фон Кох, вице-президент Берлинской торговой палаты Ф. фон Мендельсон, а председательство принял на себя стоящий во главе центрального Союза германского банковского дела доктор Рисер¹⁰⁴⁶. На организационном собрании присутствовали представители 400 различных ассоциаций, были высланы приглашения присоединиться к союзу еще 200 тыс. фирм, промышленным и финансовым учреждениям. Сразу же после создания новый союз получил приветственную телеграмму императора. Все это стало свидетельством того, что существующие либеральные политические партии и организации перестали удовлетворять запрос крупного бизнеса на представительство и защиту их интересов в имперском масштабе. Катализатором этой неудовлетворенности стало наметившееся сближение католиков и консерваторов, которое давало им абсолютное большинство в рейхстаге. Столь позднее создание «новой Ганзы» объясняется достаточно просто – основы торгово-экономической политики империи, заложенные Л. фон Каприви, удовлетворяли до поры до времени финансово-промышленные круги, ориентированные на международные связи. Ситуация, сложившаяся вокруг обсуждения имперской финансовой реформы, ясно демонстрировала тенденцию к поступательному сближению позиций католиков и консерваторов, что грозило либералам утратой рычагов влияния на

¹⁰⁴⁵ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1909 г. Д. 20. Л. 165 об. – 166.

¹⁰⁴⁶ Там же. Л. 171 об. - 172.

правительственные сферы. Именно в этот момент им необходимо было усилить свои позиции, и для этого новая массовая организация, имеющая большой потенциал лоббирования, подходила как нельзя лучше. Однако, набрать силу только что созданное объединение просто не успевало, это был долгосрочный план, и он не мог помочь в ближайшей перспективе.

К концу июня только намечавшийся до ухода парламента на каникулы клерикально-консервативный блок стал реальностью. «Ни речь имперского канцлера, ни последовавшие за ней парламентские выступления министров различных Союзных государств, ни даже Гамбургская речь императора Вильгельма, не возмogli преодолеть партийного духа нового парламентского блока, упорствующего в своём противодействии либеральному направлению бундесрата и всех умеренных фракций парламента»¹⁰⁴⁷.

Б. Бюлов на совещании с руководством консервативной партии и палаты господ прусского ландтага в апреле 1909 г. заявил, что налог на наследство ему самому совершенно не нравится, но он является единственной возможностью набрать необходимые империи 500 млн марок ежегодно. «С точки зрения союзных правительств и в частности более крупных государств [Пруссии, Баварии, Вюртемберга, Саксонии, Бадена и Гессена], нет иного достаточного и отвечающего своей цели налога на собственность, который дал бы требующийся доход»¹⁰⁴⁸. Далее канцлер вполне определенно заявил, что считал бы провалом своей политики как проведение реформы без поддержки либеральных партий («с одними консерваторами, хозяйственным объединением, Центром и поляками он не может предпринять никакой реформы»¹⁰⁴⁹)), так и проведение реформы без поддержки консерваторов («если бы они остались при своей оппозиции, он считал бы себя не в состоянии вести дела страны»¹⁰⁵⁰)). То есть, единственной возможностью сохранить нынешнего канцлера и провести необходимую реформу, было восстановление

¹⁰⁴⁷ Там же. Л. 174.

¹⁰⁴⁸ Бюлов Б. Указ. соч. С. 369.

¹⁰⁴⁹ Там же. Л. 370.

¹⁰⁵⁰ Там же.

консервативно-либерального блока и его поддержка правительственного предложения. Якобы обращаясь к Э. Хайдебрандту*, Бюлов заявил следующее: «Вы думаете, что наши внутренние политические отношения вы знаете лучше меня. Я этого вовсе не намерен оспаривать. Но, поверьте мне, я дальновидней вас. Вы хотите ослабить связь между консерваторами и национал-либералами, не смущаясь тем, что Бисмарк всегда придавал величайшее значение солидарным действиям именно этих партий. Вы надеетесь больше преуспеть, если вы броситесь в объятия к Центру. Против Центра как такового я ничего не имею. Но это мое внимательное отношение, мое уважение и симпатия к великим сторонам католической церкви не могут оказывать влияния на мою политическую линию по отношению к партии Центра. Союз с Центром, к которому вы стремитесь, будет недолговечен. По существу, больше точек соприкосновения между Центром и либеральными фракциями, чем между Центром и консерваторами. Я хочу предсказать вам, куда приведет ваш разрыв с национал-либералами: к той коалиции Виндгорста - Рихтера - Грилленбергера [т.е. Центра, свободомыслящих и социал-демократов], которая представлялась Бисмарку кошмаром»¹⁰⁵¹. На это Хайдебрандт заявил, что он вернее оценивает ситуацию и убежден, что ближайшие выборы пройдут «очень удачно, более того, блестяще»¹⁰⁵² для консерваторов именно в том случае, если они порвут с либералами и сблизятся с Центром. Во время этих переговоров Бюлов ясно давал понять, что он готов идти до конца в деле сохранения блока и одобрения им финансовой реформы, и не допустит никакой дальнейшей корректировки правительственного проекта.

Далее ситуация развивалась, с одной стороны, неожиданно, а с другой, вполне в духе всей предыдущей истории взаимоотношений двух ветвей

* Э. Хайдебрандт (Ernst von Heydebrand und der Lasa) (1851-1924), немецкий политический деятель, в 1906-1918 гг. глава фракции Немецкой консервативной партии в прусской палате депутатов, с 1911 г. – председатель Немецкой консервативной партии, при нем произошло объединение партии с Пангерманским союзом.

¹⁰⁵¹ Бюлов Б. Указ. соч. С. 372.

¹⁰⁵² Там же.

власти. Несмотря на уверения, причем неоднократно повторенные, о том, что финансовая реформа должна быть принята парламентом полностью, обязательно включая наследственный налог, и что канцлер ни в коем случае не пойдет на поводу у клерикально-консервативных сил, события развивались по-другому. Наследственный налог был отклонен 195 голосами против 187, роспуск рейхстага не последовал. Бюлов подал прошение об отставке, но император ее не принял, сказав, что канцлер должен до ухода с должности во что бы то ни стало обеспечить принятие финансовой реформы в любом виде. Российские наблюдатели констатировали: «При настоящих условиях, это возможно лишь при поддержке консервативно-клерикально-польского большинства, и правительству пришлось уступить в наследственном налоге и добиваться проведения новым блоком остальных, главным образом, косвенных налогов. Таким образом, осуществление финансовой реформы можно считать обеспеченным»¹⁰⁵³.

Итак, уход Бюлова в отставку был решен окончательно. Основных причин для этого было две. Во-первых, император потерял к нему доверие во время скандала с английской газетой, и тут в общем-то нельзя говорить о необоснованности такой позиции монарха. Во-вторых, писали российские дипломаты, «трудно было бы ожидать, чтобы князь Бюлов после своих многократных и ещё столь недавних заявлений, решился бы остаться у власти и управлять страной вместе с непримиримым врагом своим - партией Центра, отстраненной им 2,5 года назад от участия в государственных делах. Он не мог бы также отречься от поддерживавших его до последнего времени либеральных партий и нарушить перед лицом всей империи свои торжественные обещания»¹⁰⁵⁴. То же писал и Бюлов: «При принципиальной оппозиции Центра и при сильной неприязни консерваторов и по отношению к намечавшейся мной избирательной реформе в Пруссии, и по отношению к предложенному мною налогу на наследства бороться против распада блока

¹⁰⁵³ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1909 г. Д. 20. Л. 182 об. - 183

¹⁰⁵⁴ Там же. Л. 183.

можно было бы лишь при том условии, если бы корона твердо стояла на моей стороне»¹⁰⁵⁵. Но это было не так.

К 20-м числам июня 1909 г. стало совершенно очевидно, что, во-первых, финансовая реформа в урезанном, желаемом консерваторами виде будет принята уже без каких-либо серьезных изменений, а во-вторых, что Бюлов уходит и на его место приходит новый канцлер, кандидатура которого еще находилась в стадии обсуждения. Эти события вызвали большое общественное волнение, основные параметры которого посол Н.Д. Остен-Сакен постарался довести до сведения Петербурга в пространной депеше от 26 июня (6 июля). Российские дипломаты отмечают разочарование общественного мнения канцлером, которого упрекают в слабости, отсутствии решимости и способности противостоять давлению, «приравнивая падение князя Бюлова к бегству с поля сражения». Именно этим объяснялся отказ от роспуска рейхстага, тогда как Остен-Сакену были очевидны иные причины этого «бездействия»: «правительство не решилось на эту меру, по-видимому, только потому, что роспуск парламента и новые выборы отсрочили бы ещё на долгое время осуществление финансовой реформы, уже свыше полутора лет стоящей на очереди. Кроме того, состав нового рейхстага мало чем отличался бы от теперешнего и лишь социал-демократы, побеждённые в 1907 году, выиграли бы в нем, вероятно, несколько лишних мест»¹⁰⁵⁶. Что касается истинных причин конфликта между правительством и консерваторами, приведшего к распаду блока, российские дипломаты полагают, что «князь Бюлов не считал движение против себя консерваторов настолько серьезным и опасным. Он, несомненно, упустил из виду, что причиной отклонения наследственного налога было не одно нежелание консерваторов платить наследственные пошлины. Это голосование было направлено лично против князя Бюлова как инициатора изменения выборного законодательства в Пруссии. Князь Бюлов заручился содействием либералов в рейхстаге, суля им

¹⁰⁵⁵ Бюлов Б. Указ. соч. С. 367

¹⁰⁵⁶ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1909 г. Д. 20. Л. 183 об.

в будущем прусскую избирательную реформу, но эти-то обещания и были причиной вражды к нему консервативных партий, видевших в нем, пока он канцлер, постоянную угрозу узким интересам прусского юнкерства»¹⁰⁵⁷.

В этой оценке верно указывается на одно из главных противоречий внутреннего устройства Германской империи, не просто несовпадение, а иногда даже противостояние имперских и прусских интересов, а позиция той самой консервативной элиты, юнкерства, изо всех сил сопротивлявшегося размыванию Пруссии и ее интересов в империи, чем собственно и была «мировая политика», для обеспечения которой требовалось финансовое обеспечение. Сопротивление прусской элиты не уменьшалось, а только росло по мере усиления процесса «империализации» Германской империи. Чем бóльшую роль в имперской политике, в том числе внутренней, играли структуры, условно находящиеся под контролем общества, демократические его составляющие, прежде всего политические партии и рейхстаг, тем сильнее сопротивлялись старые властные институты, лоббистские группы и камарилья, которые считали, что в 1871 г. Пруссия стала Германской империей, их историческая задача выполнена и ставить под угрозу созданное Бисмарком здание опасно и совершенно не нужно. К этому экзистенциальному противоречию старого и нового к тому же добавлялись собственные, прежде всего материальные, интересы различных групп.

«Фактор Пруссии» лежал в основе перманентного сопротивления аграриев правительству, он лежал и в основе кризиса 1909 г. Не столько наследственная часть нового налогообложения, сколько опасения, что обещанное, причем не только канцлером, но и самим императором в тронной речи изменение прусской избирательной системы, ее демократизация, которая угрожала не только позициям аграриев в ландтаге, но и как следствие, всей прусской политической и государственной системе, сделали консерваторов личными врагами Бюлова. А его роль в скандале Daily Telegraph довершила

¹⁰⁵⁷ Там же. Л. 184.

дело, лишив его поддержки императора. Среди причин, заставивших Центр выступить против налога на наследство, против которого в 1905 г., по свидетельству самого Бюлова, католики вовсе не возражали, главной было желание сместить канцлера. «Выдвинутый мною налог на наследства на хорошо продуманной деловой основе показался Центру хорошо подготовленной почвой, для того чтобы, переманив к себе консерваторов, совместными усилиями вызвать мое падение»¹⁰⁵⁸. Если в этом пассаже главную вину за свое падение он возлагает на католиков, то буквально следующая фраза обвиняет преимущественно консерваторов: «трудности в господствующей над внутренней политикой сфере государственных финансов создавались преимущественно консерваторами»¹⁰⁵⁹. Бюлов всячески подчеркивает разрушительную для блока позицию Э. Хайдебрандта, которого, якобы, не поддерживали другие видные консерваторы (Шверин-Левитц, Каниц-Поданген, Капгенгст, Гогенлоэ-Эринген, Паули и пр.), однако его линия победила. В объяснении Бюловым причин своего падения важно и то, что он фактически признал главной из них волю парламента, а не императора, хотя и не сказал об этом прямо.

Среди кандидатов на высший государственный пост российские дипломаты называли «графа Веделя и фон Бетман-Гольвега, к которым в последнее время прибавились имена бывшего посла в Риме графа Монтса, прусского министра финансов фон Рейнбабена и многих других»¹⁰⁶⁰.

Интересно свидетельство Бюлова по поводу кандидатуры Бетмана. «Я читал Гамлета и видел его на сцене, встречал также и в жизни немало колеблющихся фигур, но не видел никого, кто колебался бы более Бетман-Гольвега. Хотел он стать моим преемником или он этого не желал – относительно этого у меня и сегодня нет уверенности. Он ... настоятельно просил меня не предлагать его; тут же он отрицательно отозвался о

¹⁰⁵⁸ Бюлов Б. Указ. соч. С. 367-368.

¹⁰⁵⁹ Там же. С. 368.

¹⁰⁶⁰ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1909 г. Д. 20. Л. 184 об.

Шорлемере* – человеке в «католических шорах», и предостерег меня против Рейнбабена, которому с его беспокойным честолюбием просто якобы не терпится стать канцлером. Он был сплошным сомнением, заботой и страхом, но все это выступало на фоне карьеризма и высокого мнения о своем превосходстве»¹⁰⁶¹.

4 июля 1909 г. канцлерский кризис был разрешен, прусский министр внутренних дел Т. фон Бетман-Гольвег занял высшие государственные посты в империи и Пруссии. После того как Бюлов ушел, он, если верить большинству немецких периодических изданий, стал вызывать у общественности значительно большее уважение, чем в последние месяцы перед отставкой. Из Берлина информировали: «Официозная печать, а за ней и либеральные, независимые и отчасти консервативные органы называют князя Бюлова талантливейшим немецким канцлером после князя Бисмарка»¹⁰⁶². Отдавая должное внешнеполитическим успехам Германии, особенно в период Балканского кризиса 1908 г., пресса признает также позитивные изменения во внутренней политике, в том числе «попытку объединить путём взаимных уступок интересы консерваторов и либералов и тем сгладить все обостряющуюся рознь между земледельческой Восточной Пруссией и промышленным югом империи, и упорядочение имперских финансов. ... Удалить антинациональную католическую партию Центра от участия в государственном управлении и спасти консерваторов от неминуемого в будущем поражения со стороны все растущего могущества промышленных классов, и тем уберечь страну от тяжкой борьбы и внутренних потрясений, - вот те мысли, которые руководили канцлером при создании консервативно-либерального блока. Кроме того, либеральная печать приветствует в лице князя Бюлова первого германского канцлера, покинувшего свой пост

* К. барон фон Шорлемер-Лизер (С. А. Frh. von Schorlemer-Lieser) (1856-1922), немецкий политический деятель, с 1897 г. обер-президент провинции Силезия, с 1905 – Рейнской провинции. В 1910-1917 гг. прусский министр земледелия.

¹⁰⁶¹ Бюлов Б. Указ. соч. С. 381.

¹⁰⁶² АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1909 г. Д. 20. Л. 192 об.

вследствие неблагоприятного для правительства исхода голосования в рейхстаге и подчинившегося, таким образом, впервые в германской империи, требованиям парламентаризма»¹⁰⁶³.

Это последнее замечание представляется нам наиболее важным и заслуживающим внимания. Б. Бюлов, не пытаясь изменить конституционное устройство империи, привнес в ее политическую культуру совершенно новые элементы – постарался создать, путем целого ряда уступок и компромиссов, правительственную коалицию партий парламента, которая позволила ему на протяжении двух с половиной лет чувствовать себя достаточно уверенно, расширила его горизонты планирования и возможности реализации этих планов. То, что коалиция эта оказалась непрочной, связано с двумя основными причинами. Противоречиями между экономическими интересами аграриев и представителей промышленно-банковского капитала, которые экстраполировались на противоречия между консервативными и либеральными партиями. Во-вторых, и мы достаточно подробно писали об этом несколько выше, противоречиями интересов между общим и его частями, между империей и Пруссией, между Пруссией и государствами Юга и Юго-Запада Германии, что создавало постоянное напряжение и было источником перманентной нестабильности.

В период канцлерства Бюлова, когда была окончательно и четко сформулирована идея «мировой политики» в качестве всеобщей, национальной, на первый план вышла задача создания максимально широкой социально-политической базы, необходимой для ее реализации. Создать такую базу можно было только путем замены старой прусской консервативно-аграрной элиты новой имперской, объединяющей либералов и консерваторов, и желательно еще и социал-демократов с Центром. Именно в этой парадигме мыслил Бюлов, стремясь создать правительственный блок. Но выполнить эту задачу ему удалось лишь частично.

¹⁰⁶³ Там же. Л. 193- 193 об.

Мешали ему многие факторы, основным был консерватизм самого Бюлова, его связи с придворными кругами, приверженность старым прусским ценностям и максимальная поддержка требований аграриев, часто идущая во вред единству парламентского блока. Свою отрицательную роль играл и лежащий в основе политического строя империи монархический принцип, в сохранении которого в рейхстаге к этому моменту были заинтересованы только аграрии. В своих взаимоотношениях с рейхстагом Бюлов стал вести себя так, будто ответственность правительства перед парламентом уже введена. Это неоднократно подчеркивали и авторы депеш в Петербург, и немецкая пресса. Это противоречие, а противоречие было явным, не было следствием, как нам кажется, желания «понравиться либералам», особенно в момент освобождения канцлерского кресла. Это было как раз результатом смещения центра тяжести в политике с закулисных инструментов «личного режима» к методам, присущим парламентским демократическим режимам. Это было следствием эмансипации империи, ее постепенного освобождения от гегемонии Пруссии.

2.4. От консервативно-клерикального объединения к победе левых сил

Последний «мирный» имперский канцлер Т. фон Бетман-Гольвег был назначен на этот пост в переломный для Германии период. Национальная идея «мировой политики» требовала активных шагов по ее реализации. Бетман по своим личным качествам, казалось, не очень подходил на роль вождя в сложный период, когда требовались решительные действия. При этом ему удалось выстроить отношения с основными политическими силами так, чтобы к лету 1914 г. обеспечить полную поддержку правительственному курсу в рейхстаге и обществе.

В начальный период канцлерства Бетман-Гольвега российские дипломаты посчитали нужным сообщить в Петербург самые подробные сведения, касающиеся созданного еще в 1891 г. Пангерманского союза. Авторы депеши верно угадали изменение отношения к союзу и его деятельности со стороны не только общественных кругов, которые все активнее воспринимали идеи пангерманизма, «направленные на достижение Германией заветного идеала могучего мирового значения», и стремились «ограничить и сплотить свои усилия на более или менее реальной почве действительности, не вдаваясь в безбрежные планы идейного пангерманизма». Эти идеи «как сильный стимул народного настроения находят теперь известное отражение в действиях и решениях нынешнего правительства»¹⁰⁶⁴. Логика изменения отношения властей к крайней форме немецкого национализма, фактически экстремизма, легко объяснима поиском теории, которая могла бы стать идеологическим обоснованием «мировой политики». Объединение Германии в 1871 г. обосновывалось немецкой национальной идеей, немецким национализмом, который в своем классическом виде едва ли мог соответствовать новому политическому запросу. Необходима была новая идеология, которая начала вырабатываться примерно с выборов 1903 г., и

¹⁰⁶⁴ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1909 г. Д. 20. Л. 274.

пангерманцы были только одной и, пожалуй, самой правой группой, идеологический спектр защитников новой германской идеи был значительно шире. «Пангерманизм превратился к рубежу веков из романтического культурно-политического движения, нацеленного на создание единого германского государства, в мощное политическое движение. Пангерманисты выступали за агрессивную внешнюю и радикально националистическую внутреннюю политику, захват новых колоний и т. д. На схожих позициях стояли и другие массовые союзы (Немецкий флотский, Немецкий оборонительный, Немецкое колониальное общество и др.). Более либеральное течение, апеллирующее не столько к силе оружия, сколько к превосходству немецкой культуры, которое принято называть германским экспансионизмом, большее значение придавало внутреннему состоянию общества, созданию той национальной основы, на которую могла бы опереться будущая мировая держава (в отличие от пангерманистов и их сторонников, для которых главной была идея агрессивной внешней политики)»¹⁰⁶⁵. С этой характеристикой трудно не согласиться, пангерманизм как самая крайняя форма националистической немецкой идеологии, была и самой яркой, этот экстремизм, впрочем, не мог удовлетворить власти, которые мыслили и действовали в категориях реальной политики, отсюда и постоянно возникающие конфликты между руководством пангерманцев и имперскими ведомствами¹⁰⁶⁶. Согласно подробному анализу трансформации идеологии пангерманцев, в развитии союза можно выделить несколько этапов и если вначале организация носила достаточно рыхлый характер, к 1897 г. Союз сформулировал основные принципы в их относительно умеренной трактовке, к 1903 г. в пангерманскую риторику активно включаются антисемитизм и расизм, а в предвоенный период (1904–1914 гг.) побеждает пангерманская

¹⁰⁶⁵ Цимбаев К.Н. Славянский вопрос в немецкой политической мысли начала XX века. Геополитическая картина мира германской публицистики // Петербургские славянские и балканские исследования. №1. 2015. С. 43.

¹⁰⁶⁶ Подробнее см. *Hering R. Konstruierte Nation. Der Alldeutsche Verband 1890 bis 1939. Hamburg, 2003;* Турыгин А.А., Хабибова Л.В. Пангерманцы и монархия: критика и видение перспективы // Вестник КГУ. 2017. № 4. С. 36-40.

вариация радикального национализма, вытесняя умеренное течение на периферию. Как отмечает С.В. Солодовникова, «идеи пангерманцев в той или иной своей части были усвоены немецким обществом и время от времени эксплуатировались германским правительством»¹⁰⁶⁷.

Позиция руководства консервативных партий в период голосования по финансовой реформе и предпринимавшихся канцлером тщетных попыток сохранить правительственный блок, а затем уход Бюлова достаточно сильно ударили по единству консерваторов. До 30 тыс. человек покинули ряды Немецкой консервативной партии, не согласившись выступать единым фронтом с католиками. Эта потеря позиций, наряду с ростом недовольства широких слоев общества перекалыванием на них обязанности пополнения имперской казны вместо введения налога на наследство для аграриев способствовали увеличению влияния социал-демократов. Кандидаты СДПГ на дополнительных выборах раз за разом занимали все вакантные места в рейхстаге. К 1911 г. они получили 11 дополнительных мандатов, причем в пяти округах, которые ранее стабильно принадлежали национал-либералам¹⁰⁶⁸, а также добились значительных успехов в ландтагах Баварии, Саксонии и в Берлине. Так, в Саксонии представители СДПГ получили 25 мест (вместо 1) из 90. Эти успехи использовались консерваторами для агитации против любых попыток провести в Пруссии избирательную реформу. В сложившихся обстоятельствах, когда консерваторы, несмотря на все имеющиеся разногласия, были почти единственной верной опорой немецкой (т.е. прусской) монархии, удовлетворять требования либералов и социалистов и тем самым ослаблять прусское государство никто не собирался, несмотря на обещания, данные в тронной речи. В это же время в стране начинается постепенный рост антироссийских настроений, которые временами провоцировались и высказываниями российских политиков и прессы. Они

¹⁰⁶⁷ Солодовникова С.В. Эволюция политической программы Пангерманского союза на рубеже XIX – XX веков // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2014. №3. С. 45.

¹⁰⁶⁸ Stegmann D. Op. cit. S. 210.

были в принципе частью порождаемой обострявшейся ситуацией враждебного окружения атмосферы ксенофобии, которая, в свою очередь, стимулировала потребность в национальном единении.

Еще в начале зимы 1909/10 г. на выборах президиума рейхстага стало очевидно, что блок консерваторов и Центра не носил краткосрочного характера и возник не только как инструмент борьбы с Бюловым, ибо уход канцлера это сближение не нарушил. Национал-либералы, перешедшие во время голосования по финансовой реформе в оппозицию, заявили, что она не безусловна. Выводы, сделанные в конце 1909 г. российскими дипломатами по поводу взаимоотношений парламента и правительства заслуживают внимания. «Нельзя не признать, что положение имперского правительства по отношению к партиям рейхстага довольно затруднительно. Новому канцлеру придётся либо окончательно подчиниться влиянию католического и антинационального Центра, как-то было при князе Бюлове до 13 декабря 1906 года, либо опираться, в каждом отдельном вопросе на случайное большинство, что поставило бы правительство в зависимость от всевозможных неожиданностей и лишило его столь необходимой уверенности в крепости своего положения. Сознание подобной неуверенности и заставляет его, быть может, действовать с особой осторожностью и воздерживаться от изложения своей политической программы. Господин Бетман-Гольвег рассчитывает вероятно, таким образом, провести благополучно немногочисленные, но довольно сложные законопроекты и избежать конфликта во время остающихся ещё в течение двух лет в силе полномочий нынешнего рейхстага. От исхода новых выборов будет зависеть дальнейшее направление имперской политики»¹⁰⁶⁹.

С этими выводами согласиться достаточно сложно. Выждать два года, чтобы определиться с направлениями политики, было бы непозволительной роскошью. Новый курс в отношении партий рейхстага пришлось

¹⁰⁶⁹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1909 г. Д. 20. Л. 342 об. – 343.

вырабатывать незамедлительно, так как нерешительность Бетмана в первые месяцы заставила общественность и прессу постоянно муссировать слухи о возможном новом канцлерском кризисе и его скорой отставке. Масла в огонь подливали неудачные выступления нового канцлера в палате. Так, например, высказавшись в парламенте о неких «особых условиях», существующих в Пруссии и некоторых других германских государствах, Бетман дал повод социал-демократам увидеть в этом осуждение имперского избирательного строя¹⁰⁷⁰. На сделанный им запрос канцлер отвечал очень неудачно, речь его походила на самооправдание, а не на выверенное выступление трезвого государственного деятеля, который понимает, зачем и почему он выдвигает тот или иной тезис. Эти огрехи можно было отнести к неопытности бывшего статс-секретаря по внутренним делам, но они не оставались без реакции со стороны многочисленной оппозиции.

В марте 1910 г. произошло важное в политической жизни Германии событие – три свободомыслящие партии воссоединились в одну – Прогрессистскую – фракция которой в парламенте насчитывала теперь 50 депутатов. Неудача либерального проекта финансовой реформы и уход либералов в оппозицию после падения Бюлова сыграли роль катализатора процесса, о необходимости которого начали говорить сразу же после распада свободомыслящих в 1893 г. Лозунгом прогрессистов стало «Политическое и социальное развитие», а слабость новой партии, не имеющей за своими плечами собственной истории, заставляла ее, по мысли российских дипломатов, «искать поддержки своих соседей, как справа, так и слева, т.е. национал-либералов или социалистов»¹⁰⁷¹.

Во время летних парламентских каникул, в обстановке политического затишья (следует сказать, что после бурь 1908-1909 гг. 1910 год был в принципе спокойным, не отмеченным какими-то значимыми событиями),

¹⁰⁷⁰ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 12. Legislatur-Periode. 1909/10. Bd. 2. 40. Sitzung von 19. Februar 1910. S. 1405-1437 URL.

https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt_k12_bsb00002939_00650.html (дата обращения 18.09.2023).

¹⁰⁷¹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1910 г. Д. 18. Л. 111.

начался процесс «самоопределения» важнейших партий, проходивший в условиях, когда консервативно-клерикальный блок превратился из временного проекта в устойчивую реальность. В консервативных кругах, особенно среди так называемых свободных консерваторов, было немало противников нынешнего правительственного консервативно-клерикального блока, желающих порвать с Центром и объединиться вновь с либеральными партиями. С другой стороны, среди части национал-либералов появилось стремление к примирению с правительственным большинством. Российские дипломаты так комментировали ситуацию: «Движение это, вызванное уклонением влево свободомыслящих и сближением их с социал-демократами, а также и объединением по отдельным вопросам и самих национал-либералов в Бадене с местной социал-демократической фракцией, привело среди национал-либералов к серьезному разладу, грозящему самыми опасными осложнениями»¹⁰⁷². Итак, происходила поляризация политических сил, в первую очередь, либералов, левые (прогрессисты) дрейфовали влево, склоняясь к сближению с социалистами, а как национал-либералы искали точки соприкосновения с правыми. Консерваторы, в свою очередь, также теряли единство, и в значительной своей массе были готовы к восстановлению союза с либералами, в то время как правая часть консервативного спектра сближалась с крайними националистами из Пангерманского союза. То есть левые становились левее, а правые – правее.

В этих условиях на повестку дня имперскими властями был вновь выдвинут лозунг «объединения». Российские дипломаты доносили в сентябре в Петербург, что в немецкой прессе муссируется «слух об изданном, будто бы уже ныне имперским канцлером лозунге для предстоящих осенью 1911 года выборов в рейхстаг. Означенный лозунг гласит: «соединение всех производительных сословий для защиты национального труда»¹⁰⁷³. К этому же периоду относится призыв Свободных консерваторов к Ганзе и ССХ

¹⁰⁷² Там же. Л. 241 – 241 об.

¹⁰⁷³ Там же. Л. 284.

объединить усилия для борьбы со «смертельным врагом буржуазного общества – с социал-демократией»¹⁰⁷⁴. При этом сами крупнейшие объединения (Ганза, Союз немецких промышленников и ССХ) демонстрировали непримиримость своих позиций. Предложение Ганзы создать единый предвыборный фонд было отвергнуто представителями тяжелой промышленности, настаивавшими на антиаграрной агитации на следующих выборах¹⁰⁷⁵. Партии и связанные с ними организации промышленников и аграриев продолжали защищать и блюсти собственные узкие интересы. Правительство, выступив инициатором курса на единение, видело в нем единственный способ достижения так необходимого сплочения нации. Российские наблюдатели видели в этом стремлении прежде всего задачу борьбы с социализмом. «Все стремления правительства направлены в настоящее время к тому, чтобы сплотить, по возможности, воедино все партии консервативного оттенка, с привлечением к нынешнему клерикально-консервативному блоку и всех национал-либеральных фракций. Подобное соединение партий явилось бы единственным оплотом против все выше поднимающейся волны социализма»¹⁰⁷⁶.

Национал-либералы, в рядах которых существовала достаточно сильная тенденция к сближению с консервативно-клерикальным блоком, провели в начале октября 1910 г. партийный съезд в Касселе, на котором победила линия председателя партии Э. Бассермана. «Партия не намерена ни примкнуть к политике черно-синего блока, ни руководствоваться определённой заранее установленной программой. Бассерман подчеркнул враждебное отношение как к социал-демократам, так и к партии Центра. Относясь несколько сочувственно к свободомыслящей фракции, господин Бассерман все же указал на глубокую рознь между ней и национал-либералами. По отношению к правым партиям допускается мысль о сближении, но трудно допустить

¹⁰⁷⁴ Stegmann D. Op. cit. S. 208.

¹⁰⁷⁵ Ibid. S. 211.

¹⁰⁷⁶ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1910 г. Д. 18. Л. 284 об. – 285.

возможность соглашения. Слова Бассермана о желательности возвращения к политике старого блока, созданного князем Бюловым, не встретили сочувствия в виду определенно выраженной розни между партиями либерального оттенка и рассматривались как теоретическое пожелание, имеющее только академическое значение»¹⁰⁷⁷. При этом партия ясно дала понять правительству, что она готова поддержать его в деле финансирования военно-морских вооружений и колониальных проектов, но при этом «намерена самостоятельно, без помощи других политических фракций, добиваться своих целей и приложит все старания создать на почве национализма противовес все увеличивающемуся анти-государственному влиянию социал-демократической фракции»¹⁰⁷⁸. То есть, национал-либералы готовы были в ряде традиционных для себя проектов поддержать правительственный курс, но вступать в какие-то новые объединения, что открыло бы властям более широкий горизонт планирования, самая старая либеральная партия готова не была.

Следующий, 1911 год должен был стать значительно более бурным в отношениях правительства и рейхстага, а также отдельных партий, его составляющих. Основной причиной этого была подготовка к очередным парламентским выборам, как оказалось, последним в истории Германской империи. При этом, правительству необходимо было незамедлительно ускорить процессы внутренней консолидации общества. Ситуация в Европе, в частности, на Балканах, а также в других частях света складывалась таким образом, что если Германия всерьез претендовала на равные с Великобританией и Францией права на международной арене, то приближалось время, когда ей надо будет доказывать эти претензии на поле боя. В этом контексте следует рассматривать подготовленную и внесенную в рейхстаг реформу конституционного строя имперских провинций Эльзас-Лотарингия. Проект этот был достаточно спорным, однако, по общему

¹⁰⁷⁷ Там же. Л. 305 об. – 306.

¹⁰⁷⁸ Там же. Л. 306 об.

мнению, делал ситуацию на территориях, полученных от Франции по результатам войны 1870-1871 гг. более демократической, чем та, что была в «оплоте трона и государства» – в Пруссии.

Существующее до сих пор правовое положение этих территорий, не имело аналогов в Германской империи, так как единственной властью здесь были имперские органы или специально создаваемые особые ведомства, которые не имели аналогов в Германии, например, Государственный комитет, Государственный совет и Министерство Эльзас-Лотарингии. Особый статус был на этой территории у императора. Он осуществлял государственную власть «как орган империи и от имени империи», не свое право, как монарха, а право всех германских государств. Собственных «земельных», местных органов власти и управления, как это было во всех остальных германских государствах и провинциях здесь не существовало. Правовое положение имперских провинций было ближе к статусу оккупированной территории, чем к равной со всеми остальными германскими землями. Некоторым изменениям эта система за прошедшее после 1871 г. время все же подвергалась. Так, например, с 1879 г. исполнительную власть осуществлял здесь уже не непосредственно имперский канцлер, а имперский наместник (штатгальтер), которым, в том числе, долгое время был Х. Гогенлоэ-Шиллингсфюрст. Только в финансовой области Эльзас-Лотарингия была изначально уравнена с другими германскими государствами. У Эльзас-Лотарингии отсутствовало право голоса в бундесрате, а депутаты рейхстага, избранные от имперской провинции, фактически бойкотировали его работу. Кроме почти анекдотического случая 1892 г., имевшего тяжелые последствия, они не голосовали по вопросам, непосредственно не связанным с их собственной территорией.

В снятии всех этих противоречий и изменении положения Эльзас-Лотарингии были заинтересованы имперские власти и лояльное им местное население. То, что в их отношениях не все гладко, покажет разразившийся вскоре после проведения реформы Цабернский инцидент, о котором речь шла

выше. Правительственный проект содержал следующие нововведения: введение двухпалатного ландтага, без одобрения которого ни один местный закон не мог обрести силу, и предоставление Эльзас-Лотарингии трех мест в бундесрате, но с определенными ограничениями прав этих депутатов¹⁰⁷⁹. Российские дипломаты предсказывали, что проект будет поддержан большинством палаты¹⁰⁸⁰. Он был принят 211 голосами против 93.

Необходимость изменения внутреннего устройства Эльзас-Лотарингии была связана с настоятельной задачей умиротворения населения этих сложных пограничных территорий, которые в случае любого вооруженного конфликта с Францией оказывались на переднем крае. Поэтому германские власти и пошли навстречу жителям имперской провинции в вопросе демократизации ее внутреннего устройства. Однако, Конституция 1911 г. вызвала протесты не только консерваторов, но и всех левых сил, которые так долго требовали изменения прусского избирательного закона, справедливо обвиняя власти, что они предоставили жителям недавно присоединенных территорий, часто относящимся к немцам и Германии нелояльно, больше прав, чем жителям Пруссии, которые продолжали жить в средневековом, с точки зрения доступа широких слоев к политическому участию, государстве. Таким образом, проведенная реформа, поддержанная подавляющим большинством рейхстага, призванная повысить консолидацию населения империи и устранить очаг напряженности, этой цели достигла далеко не в полной мере.

Общую тенденцию постепенного роста значимости рейхстага подчеркивает еще одна коллизия, имевшая место в конце 1911 г. Германия заключила договор с Францией по разграничению в Конго, который большинство парламента посчитало невыгодным для страны. Но поскольку договоры о территориальных изменениях в колониях не имели статуса

¹⁰⁷⁹ Бодров А. В. Историческое значение «Конституции» Эльзас-Лотарингии 1911 года // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2014. № 13. С. 113–128. URL: https://novist.history.spbu.ru/trudy_kafedry/13_2014/Bodrov_A_V_-_Istoricheskoe_znachenie_«Konstitucii»_Jel'zas-Lotaringii_1911_goda.html (дата обращения 08.08.2023).

¹⁰⁸⁰ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1911 г. Д. 18. Л. 22.

имперских законов, то есть не утверждались рейхстагом, а только сообщались ему «для сведения», то прежде это недовольство вылилось бы в дебаты той или иной степени интенсивности, но ситуация осталась бы прежней. В 1911 г. рейхстаг добился изменения §1 закона о колониях, причем бундесрат был вынужден поддержать народных представителей. Теперь для приобретения или отчуждения колоний требовалось утверждение рейхстага, что ставило эти вопросы под контроль политических партий. Правительству удалось только добиться, чтобы закон не получил обратной силы, что позволило не возвращать соглашение с Францией на утверждение парламента¹⁰⁸¹.

В начале 1912 г. прошли выборы в рейхстаг. Накануне, проведя анализ предвыборной политической ситуации, Н.Д. Остен-Сакен сделал такой прогноз: «правительство опиралось главным образом на консерваторов и Центр. Либералы, даже умеренных оттенков, все более становились в оппозицию к правительству и теперь к новым выборам образовалось, хоть и не признаваемых, два враждебных лагеря — соединённых правых и соединённых левых партий»¹⁰⁸². И хотя это положение дел отрицалось обеими лагерями, все говорило за то, что «по духу настроения оно безусловно существует, хотя с одной стороны консерваторы во многих избирательных округах и являются даже конкурентами клерикалов, а с другой – в левых партиях единение достигнуто лишь между отдельными либеральными фракциями (национал-либералов, свободомыслящих и др.). Социалисты же по-прежнему остаются несколько в стороне. Правда, они всячески добиваются поддержки либерального лагеря, путём даже уступок в своих основных принципах. Конечно, на перебаллотировках они охотно пойдут на всякие компромиссы с любой партией».

Главной причиной роста влияния социалистов российский посол называет затрудненный доступ на германский рынок сельскохозяйственной продукции извне в результате высоких ввозных пошлин, принятых в угоду

¹⁰⁸¹ Там же. Л. 265 об.

¹⁰⁸² Там же. Л. 275-276.

аграриям. Этот аргумент представлялся российской стороне самым значимым, так как высокие протекционистские пошлины на продукцию сельского хозяйства ударили, прежде всего, именно по российским производителям. Поэтому он делает вполне обоснованное заключение из всего вышесказанного, что с точки зрения русских экономических интересов, рейхстаг несколько более левого направления был бы более желателен, тем более что приближаются переговоры по продлению русско-германского торгового договора. «Если же теперешнее большинство осталось за консерваторами, зазнавшиеся аграрии затруднили бы ещё более наш вывоз в Германию»¹⁰⁸³.

Как широко известно, «полевение» рейхстага превзошло все, даже самые смелые предположения, а продления русско-германского договора, срок действия которого истекал в 1914 г., по известным причинам не произошло вовсе. Интересно замечание российского посла, что «вопросы внешней политики не играют почти никакой роли в выборной кампании», несмотря на то что обстановка в мире все более обострялась.

Первый тур выборов прошел 12 января 1912 г. и принес большой успех социалистам, которые сразу же выиграли в 64 округах, имея в предыдущем рейхстаге всего 53 места, и вышли во второй тур еще в 121. Наблюдатели прогнозировали, что в результате они получают около 100 мандатов. Абсолютному разгрому подверглись либеральные силы, в том числе и национал-либералы. Избранными в первом туре оказались только четыре кандидата последних. Прогрессистско-народная партия (Fortschrittliche Volkspartei) на главных выборах не провела ни одного из своих кандидатов¹⁰⁸⁴.

Ситуация с консерваторами и Центром выглядела почти удовлетворительной, не внушая особых опасений. Интересно, что такой, правда еще очень предварительный, расклад сил, по свидетельству российского посла не очень беспокоил Бетман-Гольвега, который «не видит

¹⁰⁸³ Там же. Л. 276 об.

¹⁰⁸⁴ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1912 г. Д. 18. Л. 10 об.

причины быть серьезно озабоченным и полагает, что ему удастся справиться с новым рейхстагом, опираясь, сообразно с обстоятельствами, на случайное большинство». Перебаллотировки 22-25 января, однако, принесли неожиданные результаты¹⁰⁸⁵

Политическое направление		Партии	Голоса избирателей			Места в рейхстаге		
			млн	%	Сравн. с 1907 г.	всего	%	Сравн. с 1907 г.
Консервативное		Немецкая консервативная партия (НКП)	1,042	8,5 %	-0,9	43	10,8	-17▼
		Немецкая имперская партия (НИП)	0,367	3,0 %	-1,2	14	3,5	-10▼
Либералы	правые-	Национал-либеральная партия (НЛП)	1,663	13,6	-0,9	45	11,3	-10▼
	левые -	Прогрессистская народная партия (ПНП) ¹	1,497	12,3	+1,3	42	10,6	-7▼
Католики		партия Центра	1,997	16,4	-3,0	91	22,9	-14▼
Социалисты		Социал-демократическая партия Германии (СДПГ)	4,250	34,8	+5,9	110	27,7	+67▲
Национальные меньшинства / Региональные партии		Поляки	0,442	3,6	-0,4	18	4,5	-2▼
		Эльзас-Лотарингцы	0,162	1,3	+0,4	9	2,3	+2▲
		Немецко-Ганноверская партия (вельфы)	0,085	0,7	±0,0	5	1,3	+4▲
		Датчане	0,017	0,1	±0,0	1	0,3	0—
Иные		Крестьянские ²⁾	0,234	1,9	+0,2	7	1,8	-2▼
		Антисемитские ³⁾	0,300	2,5	-0,6	10	2,5	-11▼
		Прочие	0,152	1,2	-0,8	2	0,5	0—
Всего			12,208	100		397	100	±0

¹⁰⁸⁵ Таблица дается по данным: Reichstagshandbuch 1912 Nachtragsband. URL.

https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt4_h1_bsb00003461_00034.html (дата обращения 10.08.2023)

После подведения окончательных итогов выборов, посол Н.Д. Остен-Сакен отправил в Петербург подробный отчет, в котором подытожил основные результаты и представил свое видение дальнейших перспектив взаимодействия правительства с новым составом парламента. Естественно, главным результатом, вошедшим затем во все учебники, стал небывалый успех на выборах СДПГ, получившей 110 мест, что превзошло абсолютно все, самые смелые прогнозы. Во-вторых, потери либералов были далеко не столь катастрофичными, как обещал первый тур. Их представительство, хоть и сократилось, но осталось достаточно внушительным. Такого исхода второго тура удалось добиться, по мнению российских дипломатов, благодаря активной пропаганде либеральных сил под лозунгом „Der Front gegen Rechts“, впервые появившемся на страницах Berliner Tageblatt. Взаимная поддержка либералов и социалистов, проявленная на втором туре, не имела под собой долгосрочных договоренностей о совместных действиях в рейхстаге или тем паче создании из них постоянного блока. «Это обстоятельство представляет немаловажное значение для работоспособности будущего законодательного собрания, так как среди соединённых левых партий только в редких случаях будет полное единомыслие и правительству без особого труда удастся воспользоваться громадной разницей в программах левых фракций, чтобы во многих вопросах заставить их идти друг против друга»¹⁰⁸⁶. Неудача, постигшая сложившийся в 1909 г. черно-синий блок, была достаточно ощутимой и простой подсчет голосов показывал, что в случае соединения левых фракций они будут иметь более 200 голосов, в то время как сине-черный блок даже с учетом обычно примыкавших к нему (прежде всего к Центру) мелких фракций не наберет более 194 депутатов. Это создавало совершенно новую ситуацию, при том, что власти, как свидетельствует российский посол, не проявляли особого беспокойства: «Фон Бетман-Гольвег высказал полную уверенность, что новый рейхстаг не доставит ему особых хлопот. ... и считает

¹⁰⁸⁶ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. Д. 18 за 1912 г. Л. 23 об.

возможным иметь без затруднений большинство, по его выражению vom Fall zu Fall [т.е. от случая к случаю – *А.М.*]»¹⁰⁸⁷. Хотя Бетман-Гольвег по своим личным симпатиям принадлежал к консерваторам, но он всегда настаивал, что «не опирается на какую-либо партию и не ведёт партийной политики. Теперь эта тактика окажет ему, без сомнения, услугу и можно со значительной долей уверенности предсказать, что ему удастся провести все нужные правительству законопроекты»¹⁰⁸⁸.

Среди таких важнейших законопроектов, требовавших немедленного одобрения парламентом, были: новое увеличение военных и морских сил; получение средств для покрытия расходов на это, а также принятие нового уголовного законодательства. Задача поиска средств означала, что увеличенного имперского бюджета не хватало, чтобы продолжать в том же темпе гонку вооружений, а это ставило под вопрос реализацию всех других планов. Увеличение поступлений в бюджет планировалось достичь введением все того же налога на наследство, отклонение которого стало поводом к отставке Бюлова. Было понятно, что новый рейхстаг левым большинством с удовольствием одобрит этот проект, чтобы нанести урон не только консерваторам, но и прежде всего их ядру – прусским аграриям.

Интересна оценка послом влияния результатов выборов на международное положение Германии и ее внешнюю политику. «Ликование части заграничной печати, главным образом французской, видящей в этих выборах ослабление Германии, совершенно не оправдывается действительным положением вещей. Как я только что заметил, новый рейхстаг не будет тормозом для усиления военной мощи Германии; кроме того, нужно всегда иметь в виду, что немецкие социал-демократы только в теории последователи Маркса, на самом же деле не лишены патриотического

¹⁰⁸⁷ Там же.

¹⁰⁸⁸ Там же Л. 24.

чувства»¹⁰⁸⁹. Как показали дальнейшие события Н.Д. Остен-Сакен был глубоко прав.

Выборы президиума рейхстага и его председателя в 1912 г. сопровождалось удивительными для такого повода и ранее не виданными баталиями, но ясно очертили два противоборствующих лагеря, преобладающим из которых был либерально-социалистический. Но отрыв его от консерваторов-клерикалов был столь мал (несколько голосов), что считать его силу подавляющей ни в коем случае было нельзя. Скорее можно говорить о поляризации сил. Если до последних выборов рейхстаг чаще всего являлся конгломератом партий, каждая из которых преследовала свои, весьма узкие цели, то теперь парламент разделился на два практически равных по силе блока, ни один из которых не был полностью проправительственным.

При выборах председателя, когда в последнем туре осталось только два кандидата – представитель Центра П. Шпан и А. Бебель от СДПГ, за последнего проголосовали все левые партии за исключением нескольких национал-либералов и он проиграл Шпану 20 голосов. Ситуация эта была немыслима еще совсем недавно и давала социалистам ощущение собственной силы (тем более, что в случае избрания Бебель отказался бы от должности). Первым вице-председателем был избран социал-демократ Ф. Шейдеман, что положило начало его будущей блестящей карьере. Самой сложной в новом рейхстаге была позиция национал-либералов, которые, формально принадлежа к сложившемуся левому блоку, по сути были центристами, ранее по многим вопросам блокирующимися с консерваторами, а то обстоятельство, что их фракция была третьей по величине, делало именно их позицию ключевой. Выборы президиума продемонстрировали, что большинство членов национал-либеральной фракции поддержали социалистов Бебеля и Шейдемана, что было очевидным свидетельством дальнейшего «полевения» и самих национал-либералов, и большинства политических партий в целом.

¹⁰⁸⁹ Там же. Л. 25 об.

Интересно, что на этом эпопея с выборами не закончилась, католический депутат отказался в либерально-социалистическом окружении исполнять свои обязанности и через несколько дней состоялись перевыборы. Президентом был избран представитель Прогрессистской народной партии Й. Кэмпф, причем с перевесом в один голос, должности вице-президентов заняли национал-либерал Г. Пааше и прогрессист Г. Дове. В результате, представители двух крупнейших фракций не вошли в президиум, что случилось впервые.

Оценивая парламентские перспективы СДПГ и новой леволиберальной партии прогрессистов, следует привести слова российского посла, которые свидетельствуют, что не только он, но и властные элиты Германии не заблуждались относительно будущего образа действий социалистов образца 1912 г. и их политической позиции: «с одной стороны среди социалистов усиливается стремление к практической деятельности и из прежних фанатичных доктринёров мало по малу вырабатываются опытные политические деятели с явно республиканскими наклонностями, с другой стороны, прогрессисты все более становятся крайними радикалами, отличающимися от социалистов лишь официальным признанием ими монархического принципа. Тенденция к единению этих двух партий и приобретаемое ими все большее значение в политической жизни страны может оказаться со временем гораздо более опасной для современного строя Германии: чем чистый, преобладавший прежде социализм, воспитанный на теориях Маркса и Лассаля»¹⁰⁹⁰.

Хотя социалисты проголосовали против в соответствии с решениями Второго Интернационала по борьбе с милитаризмом, но все остальные партии выступили единым фронтом и новый военный законопроект был принят в мае 1912 г. практически без изменений и очень быстро. В этот раз он касался не столько флота, сколько увеличения численного мирного состава сухопутных

¹⁰⁹⁰ Там же. Л. 55 об.

сил (на 29 тыс. человек). В вопросе финансирования этого проекта народные представители не были столь же едины, сразу решив, что предложенных правительством бюджетных остатков и нормирования оборота спирта будет недостаточно. «После долгих обсуждений партии пришли к компромиссу, выразившемуся в проекте о введении налога на владения (Besitzsteuer). При этом комиссия предложила правительству выработать все подробности этого проекта»¹⁰⁹¹, что грозило достаточными сложностями, так как даже понимание того, что же из себя должен представлять этот налог, у разных партий было различным.

В мае того же 1912 г. сразу после закрытия сессии рейхстага в Петербург была отправлена депеша за подписью советника посольства Н.Н. Шебеко, содержащая анализ прошедшей сессии рейхстага и взаимоотношений между партиями и правительством. Наиболее характерными чертами настоящего рейхстага были названы, с одной стороны, увеличение в нем числа социалистических депутатов, с другой, потеря большинства консервативно-клерикальным блоком, после чего, казалось, хозяевами положения стали либеральные партии, в том числе враждебные правительству прогрессисты. Все эти обстоятельства могли возбудить сомнения в возможности для правительства поладить с таким составом народных избранников, а также поставить под вопрос долговечность самого парламента. Реальность оказалась иной. За три с половиной месяца новый рейхстаг успел рассмотреть и решить целый ряд вопросов первостепенной важности, доказав этим свою полную работоспособность¹⁰⁹².

Таким образом, полностью оправдались те оценки, которые несколькими месяцами ранее российский посол давал современным лидерам СДПГ. Их оппозиционность к существующему общественному строю была направлена только против фигуры императора и все чаще принимала форму позы – не вставать, например, приветствуя его в стенах парламента. В важных

¹⁰⁹¹ Там же. Л. 107.

¹⁰⁹² АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1912 г. Д. 18. Л. 108 об.

же вопросах они были на высоте государственных задач. Задачи вооружений, увеличение ассигнований на военные нужды при солидарном голосовании остальных депутатов принимались рейхстагом вне зависимости от позиции 110 социалистов.

Отмечая единение в рядах СДПГ, советник Шебеко пишет, что иные политические партии, наоборот, находятся в серьезном внутреннем кризисе. Так, по его мнению, национал-либералы стоят практически на грани распада вследствие «значительного передвижения влево большей части членов партии». Предвыборный блок против правых объединил все силы «von Bebel bis Bassermann», т.е. от СДПГ до национал-либералов. Причиной столь «противоестественного» союза стало разочарование всех без исключения левых и либералов принятием финансовой реформы без введения налога на наследство, т.е. сдачи правительством своих позиций под натиском аграриев, а также объединение консерваторов с ненавистными всем либералам клерикалами. Распад бюловского блока отвратил либеральные силы, прежде всего партию Бассермана, от попыток наладить сотрудничество с правыми, поэтому их дрейф влево был не только закономерен, но и единственно возможен. Партия провела в середине мая съезд, на котором была реорганизована, ее левое крыло (т.н. молодые либералы) получили представительство в центральном комитете и право на создание собственных региональных комитетов. Из сложившегося положения автор аналитической записки сделал вполне обоснованные выводы: «партия на самом деле высказала свою сплочённость лишь по отношению к другим политическим группировкам; внутри же самой себя она легализовала пока только фактически существовавшее разногласие, предоставив право как левому, так и правому крылу партии иметь совершенно самостоятельные местные комитеты. Таким образом возможно и даже вероятно, что эти местные комитеты, при известном стечении обстоятельств, силой вещей будут тяготеть, одни в сторону прогрессистов, другие в сторону консерваторов, и вся партия мало по малу

потеряет единство и вместе с тем то важное и благотворное влияние, которое она имела в парламентской жизни Германии»¹⁰⁹³.

Анализируя ситуацию в партии Центра, где также наметилось несколько течений, одно из которых выступало даже за прием в партию не католиков, прежде всего членов конфессиональных не католических рабочих союзов, Шебеко все же склонен был высоко оценивать внутреннее единство партии и не видел реальных предпосылок не только к ее возможному распаду, но даже и к серьезному кризису. «В вопросах, не связанных с религией, Центр готов, опять-таки из тактических целей, поддержать любое политическое направление и любую партию, и мы видим представителей Центра, одновременно голосующих в ландтаге с социалистами, а в рейхстаге с консерваторами, но это доказывает лишь их оппортунизм, но никак не разногласие, так как в вопросах, где хотя бы косвенно затронуты были интересы католичества, партия эта проявляет удивительное единодушие»¹⁰⁹⁴.

Эта депеша, отправленная в Петербург сразу же после начала парламентских каникул в рейхстаге и прусском ландтаге, стала последней, составленной «старым составом» российского посольства. В мае 1912 г. умер Н.Д. Остен-Сакен, Н.Н. Шебеко (1863-1953) уехал послом сначала в Румынию, а затем в Австро-Венгрию, новым послом стал С.Н. Свербеев, однокашник министра С.Д. Сазонова.

Первая депеша за его подписью, касающаяся взаимоотношений рейхстага и правительства, была отправлена в Петербург только в декабре 1912 г., после открытия новой сессии 26 ноября. По итогам первых недель работы стало очевидным возникновение серьезных противоречий внутри черно-синего блока. Консерваторы постепенно сближались с умеренной национал-либеральной фракцией, по крайней мере ее правым крылом, а Центр все больше и больше конфликтовал и становился в оппозицию к канцлеру и правительству. «Можно предположить, что, с одной стороны, возобновится

¹⁰⁹³ Там же. Л. 118.

¹⁰⁹⁴ Там же. Л. 119.

консервативно-либеральный блок, на который в своё время опирался князь Бюлов, с другой же, Центр пойдёт вновь вместе с социалистами. Теперь, однако, такая группировка была бы крайне неблагоприятна для Бетман-Гольвега, так как социалисты с Центром имели бы бесспорное большинство. Враждебная имперскому канцлеру часть прессы уже предсказывает его близкий уход, что, однако, вряд ли представляется вероятным»¹⁰⁹⁵.

Действительно, такой исход был маловероятен, а главной причиной очередного конфликта между Центром и правительством был вновь вернувшийся в повестку дня вопрос об отмене закона 1872 г. об изгнании иезуитов. Тот вариант частичного послабления для католического ордена и отдельных его членов, который был одобрен бундесратом (было разрешено чтение тихой мессы (*Lesen von stillen Messen*), некоторые строго ограниченные священнические обязанности в тесном семейном кругу, совершение таинства причастия, но не исповеди, и научные доклады, не затрагивающие религиозных вопросов) совершенно не удовлетворил католическую партию. Социалисты готовы были ее поддержать, так как видели в законе 1872 г. пример ненавистного им исключительного запретительного закона.

Автор дипломатической депеши делает чрезвычайно важный для нас вывод: оппозиция будет выступать против правительственных проектов, но только тех, которые будут касаться внутривнутриполитических вопросов, «в вопросах внешней политики они единодушно поддерживают Бетман-Гольвега и даже вряд ли решатся помешать, в союзе с социалистами, утверждению бюджета 1913 года»¹⁰⁹⁶.

В феврале 1913 г. Центру при содействии социалистов удалось провести через рейхстаг свое предложение, отменяющие действие закона 1872 г. Закон этот требовал одобрения бундесрата, поэтому окончательной силы не имел, но ясно показал Т. Бетман-Гольвегу всю силу союза католиков и социалистов, которые могут совместными усилиями блокировать любое предложение

¹⁰⁹⁵ Там же Л. 170.

¹⁰⁹⁶ Там же Л. 171.

правительства. Таким образом, к концу мирного существования Германской империи власть, по сути, оказалась в руках как раз тех двух сил, которые внушали Бисмарку на заре существования единой Германии наибольшие опасения и против которых были направлены две самые мощные кампании, ограничившие их деятельность и частично поставившие их вне закона.

Одним из главных событий 1913 г. для Германии стал уже неоднократно упоминавшийся и полно изложенный т.н. Цабернский инцидент. Одним из главных внутривластных его последствий стал своеобразный вотум недоверия, вынесенный официально имперскому канцлеру рейхстагом в следующей формулировке: «Рейхстаг констатирует, что ответ канцлера на поставленные ему запросы не соответствует взглядам парламента»¹⁰⁹⁷. Формулировка скорее напоминает выговор канцлеру за то, что его позиция не соответствует линии рейхстага, а не классическое недоверие парламента, за которым должна последовать отставка главы правительства. За вотум проголосовали 293 депутата, а против 54 правых консерватора-агрария, тесно связанных с прусской военной консервативной элитой. Если выше мы говорили, что Бюлов в 1909 г. повел себя как премьер-министр в условиях парламентской формы правления, то спустя четыре года рейхстаг начал действовать как парламент, имеющий право указывать премьеру на его промахи, хотя с законодательной точки зрения ничего не изменилось и канцлер все еще мог быть отправлен в отставку только решением императора.

Российское посольство в последней депеше, посвященной отношениям правительства и рейхстага и приуроченной к закрытию сессии в мае 1914 г. характеризует их как очень натянутые, но при этом замечает, что «в минувшем году канцлеру удалось под влиянием балканских событий (Балканские войны 1912-1913 гг. – А. М.) вызвать патриотическое настроение в рейхстаге и провести предложенное им усиление армии и введение особого налога на

¹⁰⁹⁷ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1913 г. Д. 36. Политический архив. Л. 33.

военные надобности. Тогда внутренняя безурядица ступшевалась и все партии рейхстага, за исключением социалистов, пошли заодно с рейхсканцлером».

В 1914 г. внутриполитические отношения были вполне прояснены и на первый план вышла пропагандистская подготовка большой войны. Все вопросы, которые обсуждались в парламенте, касались преимущественно внешней политики, взаимных обвинений немецкой, российской и французской прессы, попыток уверить то ли общественность, то ли иностранных контрагентов, что это только газетные войны и правительства не только не имеют к ним никакого отношения, но даже прямо стараются пресекать враждебные публикации. Однако и тон парламентских дебатов, и тон дипломатических депеш и писем прямо свидетельствуют о нагнетании истерии, атмосфера становилась все более накаленной. В этот же период чрезвычайно активизировался Пангерманский союз, который своими акциями также настраивал общественное мнение против Франции и России, представлявшихся потенциальными агрессорами, которые начнут войну «как только они найдут это для себя удобным»¹⁰⁹⁸.

Итак, летом 1914 г. закончилась мирная история Германской империи, внешнеполитическая стратегия, ставшая национальной идеей, смогла сплотить все партии рейхстага, которые в едином порыве поддержали государство. Все имеющиеся до сих пор противоречия и конфликты были временно забыты, чтобы вновь стать главной темой политической повестки, когда станет понятно, что стратегия «мировой политики» оказалась несостоятельной, а национальная идея – нереализуемой.

Последний период предвоенной истории Германской империи в отношениях исполнительной власти и рейхстага был достаточно благополучен, большинство партий готово было поддерживать правительственные проекты, направленные на реализацию «мировой политики» и наращивание военного потенциала. В ситуации, когда более

¹⁰⁹⁸ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1914 г. Д. 213. Л. 8.

четверти депутатов принадлежали к социал-демократической партии, которая еще недавно воспринималась только как партия мятежа, рейхстаг оказался удивительно работоспособен, приняв большинство вносимых законов. В это последнее пятилетие продолжился процесс дальнейшего размежевания партий – «правые становились правее, а левые – левее», левые либералы, восстановив организационное единство, все активнее сближались с социалистами, в среде национал-либералов, центристской по сути своей партии, происходило размежевание между левым крылом, тяготеющим к прогрессистам, и правым, которое все активнее поддерживало консерваторов. Центр после фактического распада черно-синего блока ушел в оппозицию к правительству и остальным партиям, которые все чаще говорили о его ненациональном характере.

В этот период межпартийные противоречия, которые продолжали сохраняться, потеряли свое былое значение. Главным было содействие правительству в одобрении важных для него законопроектов, большинство из которых так или иначе были связаны с реализацией проекта «мировой политики». И здесь была только одна сила, которая такие проекты не поддерживала, особенно если они противоречили ее непосредственным интересам. Такой силой были консерваторы-аграрии. Но те же аграрии были единственной партией, которая в 1913 г. не поддержала вотум недоверия канцлеру, оставшись верной монархическому принципу, лежащему в основе германской конституции.

В этой расстановке сил отражается все существо внутреннего конфликта – противостояние Пруссии и Германии. Пруссию в рейхстаге олицетворяли консерваторы, не воспринявшие новую национальную идею и призывающие остановиться на достигнутом, чтобы не потерять все. Остальные политические силы фактически консолидировались вокруг нового национального проекта, отодвинув в сторону все ранее казавшиеся столь важными идеологические и иные противоречия и разногласия.

§3 Иерархии: социал-демократия и рабочее движение в структуре политического пространства Германской империи

3.1. Государственная социальная политика и социальное законодательство как инструменты интеграции рабочего класса в общественно-политическую структуру империи

Проблема социал-демократического движения и тесно связанного с ним вопроса развития немецкого рабочего законодательства заслуживает специального рассмотрения по следующим причинам. Во-первых, социал-демократия и уже Социал-демократическая партия Германии стоят особняком в политической системе Германской империи, являясь весь рассматриваемый нами период главным жупелом для всех «системных» политических партий и шире – политических и общественных сил. Провозглашаемые ею, особенно в 1890-е годы революционные, антисистемные лозунги пугали, бросали вызов, ставили власти перед дилеммой – то ли запрещать, изгонять, репрессировать (по этому пути безуспешно шел Бисмарк, но негативные результаты этого подхода были уже известны к 1890 г.), то ли вступить в диалог, постараться выработать новые подходы, в конце концов, предложить идею, которая могла бы быть интересной и стать своей для рабочих масс. Именно этот путь, наряду с другими мероприятиями, прежде всего в сфере социального законодательства, был в конце концов избран властями и несомненно дал свои плоды. В этом отношении Германия не была чем-то исключительным. Все быстроразвивающиеся страны, примерно одновременно пройдя период первоначального накопления капитала, столкнулись с необходимостью выработки политики по отношению к пролетариату и к политическим силам, выражающим его интересы. И все они пошли схожими, но все же неодинаковыми путями. Причем, как верно отмечают исследователи, «в центре германских социальных реформ находились не столько соображения филантропически-гуманитарные, сколько политический расчет – сгладить политические конфликты, причина которых кроется в социальной сфере,

законодательным регулированием трудовых отношений и условий труда и жизни»¹⁰⁹⁹.

Для понимания германской ситуации и социалистического фактора во внутриполитических процессах вильгельмовской Германии важно подробно проследить ход и итоги долгого пути адаптации социалистов к обществу и политической системе, их постепенной интеграции в эту систему и соответственной трансформации самой системы без ее слома и даже конституционных изменений.

Наряду с политическим движением, идеологией которого были социалистические идеи, прежде всего марксистские, существовал и тесно связанный с ним вопрос рабочего движения, выдвигавшего почти исключительно экономические требования. Численность пролетариата в Германии за период 1887-1914 гг. удвоилась. В 1907 г. она достигала 17,8 млн человек, из них в промышленности было занято 8,6 млн¹¹⁰⁰, а электорат СДПГ вырос с 1893 г., когда за социалистов проголосовало 23,3% (1,783 млн человек), до 34,8% (4,259 млн избирателей) в 1912 г.¹¹⁰¹. Рабочие в этот период только начинали организовываться, в профсоюзах, тесно связанных с социалистическим движением в 1891 г. числилось 270 тыс. членов, в 1914 г. – 2,5 млн. Кроме того, существовали еще христианские профсоюзы (340 тыс. членов к 1913 г.) и союзы, близкие к либералам (105 тыс. человек к 1913 г.)¹¹⁰².

К 1890 г. стало понятно, что запретительные чрезвычайные меры в отношении рабочего и социалистического движений, введенные Бисмарком, не принесли ожидаемых результатов, скорее наоборот. Кроме роста численности и влияния СДПГ, законодательный запрет на профессиональные организации оставлял пролетариат фактически предоставленным самому себе, бесконтрольным, неорганизованным. Все осознавали, что проблема есть, а с

¹⁰⁹⁹ „Weder Kommunismus noch Kapitalismus“ : bürgerliche Sozialreform in Deutschland vom Vormärz bis zur Ära Adenauer- Hrsg. von R. vom Bruch; mit Beiträgen von R. vom Bruch, H. G. Hockerts, M. Prinz, J. Reulecke, G. Schulz. Verlag C.H. Beck. München, 1985. S. 111.

¹¹⁰⁰ Deutsche Geschichte in Quellen und Darstellung. Bd. 8. Stuttgart, 2000. S.45.

¹¹⁰¹ Поттхофф Х., Миллер С. Указ. соч. С. 65.

¹¹⁰² Там же. С. 64.

кем ее обсуждать и каким путем решать – не понятно. Создание необходимых каналов коммуникации стояло на повестке дня, но государство, переложив ответственность только на работодателей, не было при этом готово выпустить контроль над рабочими полностью из своих рук. Роль медиатора была предпочтительнее роли наблюдателя.

Именно в этом контексте следует рассматривать Международную конференцию по охране труда, состоявшуюся в Берлине в марте 1890 г. по инициативе Вильгельма II, которая стала поводом для широкого освещения в дипломатической переписке вопроса социального страхования рабочих промышленных предприятий и горнорабочих, а также насущных требований рабочих и планов властей разных стран, прежде всего Германии, по решению этих проблем.

Созыв конференции именно в это время, как нам представляется, имел несколько причин. Первой из них был, как ни странно, конфликт императора и Бисмарка, который выступал против созыва конференции, продолжая настаивать на запретительных мерах против стачек и их участников. Следует, впрочем, учитывать, что именно Бисмарк был инициатором принятия первых имперских законов по социальному страхованию по болезни (1883), расходы по которому делились между работодателем и рабочим в пропорции 1/3 к 2/3, несчастных случаев (1884), в последующие годы распространенный на другие категории рабочих, занятых в сельском хозяйстве, на море, в строительстве, по инвалидности и по старости (1889; вступил в силу в 1891), то есть первый канцлер являлся «отцом» социальной политики, проводимой при активном участии государства. Так, финансирование социальных программ, связанных со страхованием по старости и инвалидности, происходило по закону на паритетной основе – «за счет взносов работодателей, застрахованных и за счет субсидий из имперской казны»¹¹⁰³. Вильгельм II, понимая, что отношения с

¹¹⁰³ Иванчук Д.В., Моисеев А.В. Особенности возникновения и развития социального законодательства в Германии в 1880–1920 годы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. vol.10-2 (37), 2019. С. 109.

рабочим классом необходимо модифицировать, чтобы, во-первых, максимально интегрировать их в существующую социальную структуру, а во-вторых, оградить, насколько это возможно, от влияния социал-демократической пропаганды и привлечь в лоно традиционных партий, постарался перехватить инициативу у первого канцлера и сделать так, чтобы обсуждение мер социального страхования, причем в международном масштабе, ассоциировалось с его именем.

Благодаря предпринятым в течение 1880-х гг. мерам, ситуация в Германии была почти благополучной. Это давало стране-организатору некую фору, обсуждение должно было убедить лидеров профсоюзов, что в Германии сделано уже очень многое и будет делаться еще больше, чтобы удовлетворять мирные требования рабочих, которым не следует поэтому прибегать к стачкам и забастовкам. Посыл этот, впрочем, мало кого убедил, хотя наблюдатели отмечали главное – требования конференции, темы ее обсуждения уже и так были реализованы в Германии, например, женщинам и детям давно запрещено работать под землей, что касается в принципе детского труда, то уже также было сделано почти все то, о чем говорилось в пожеланиях конференции.

Главные требования – повышение заработной платы и сокращение рабочего дня даже не были вынесены на обсуждение. Выработать некие общие правила и нормы, создать международную регулирующую эту сферу систему также не удалось: «Вопрос, в высшей степени интересующий прусское правительство: не представляется ли возможности, в видах общей пользы, подчинить работу в каменноугольных копях международному уставу, дабы гарантировать правильную добычу угля, не получил никакого решения. В вопросе приведения в исполнение решений конференции все ограничилось обещаниями взаимной пересылки рапортов фабричных инспекторов и статистических таблиц. Даже предложение швейцарских делегатов приискать меры к введению законодательным путём тех постановлений, которые были приняты сообща делегатами всех участвовавших в конференции сторон, было отвергнуто вследствие нежелания Англии связать себя этим обязательством.

Такая же участь постигла и швейцарское предложение об учреждении центрального Бюро для всего, относящегося до фабричного законодательства, и о назначении сроков для созыва периодических конференций»¹¹⁰⁴.

Российская сторона, отказавшаяся принять участие в конференции, скептически оценивала вероятность проведения переговоров между рабочими и работодателями в горном деле и декларирование создания комитетов из тех и других для обсуждения возникающих проблем: «учреждение подобных комитетов, действительно, могло бы принести большую пользу, но, вероятно, оно натолкнётся снова на оппозицию со стороны горнозаводчиков, которые уже в пошлом году отказали в этом требовании рабочим, несмотря на то, что комиссары, которым было поручено следствие о причинах майских стачек, рекомендовали эту меру, как самую целесообразную для устранения стачек. По убеждению этих комиссаров, главная причина майских стачек заключалась в недостатке общения между работодателями и рабочими. И действительно, следствие показало, что горнозаводчики часто не знали о злоупотреблениях, которые вызывали справедливые жалобы рабочих»¹¹⁰⁵.

Российские представители, вслед за Бисмарком и поддерживающими его политическими группами, видели главную опасность в том, что данная конференция становится прецедентом – «теперь есть опасение, чтобы каждое нарушение общественного спокойствия не вело сразу же к победе нарушителей этого спокойствия». С одной стороны, выражалась тревога, что подобные конференции могут провоцировать рабочих на стачки с целью добиться улучшения своего положения, а с другой – говорилось о скромности ее результатов, о том, что в Германии и так уже все цели достигнуты и именно поэтому конференция бессмысленна: «мы видим, что Германии остаётся сделать немного, чтобы поставить своё фабричное законодательство на равное с пожеланиями конференции. Но удовлетворят ли эти облегчения германских рабочих и заставят ли их отказаться от своих требований? Ответом

¹¹⁰⁴ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1890 г. Д. 16. Л. 58 об. – 59.

¹¹⁰⁵ Там же. Л. 60.

на этот вопрос могут отчасти служить не прекращающиеся до сих пор стачки»¹¹⁰⁶. Российская сторона, стараясь объяснить собственный отказ от участия в конференции, высказывает опасения, что вопрос о том, как отзовутся «пожелания конференции в других странах, принимавших участие в решениях конференции» остается открытым. Император Александр III сделал на полях этой депеши следующую помету: «Жалкий результат конференции. — Впрочем, ничего другого и не ожидали!»¹¹⁰⁷.

Вильгельм II в определенной степени был согласен с российским императором, некоторое время, впрочем, он еще занимался этим вопросом, стараясь убедить рабочих в том, что вопрос социального законодательства является первоочередным, а государство готово играть роль посредника в отношениях между рабочими и работодателями. В тронной речи на открытии рейхстага 6 мая 1890 г. император сказал: «Я очень надеюсь на дальнейшую разработку рабочего законодательства. Стачное движение, которое в последние годы заявило о себе в различных частях страны, убедило меня в необходимости усовершенствовать наше законодательство в рамках существующего государственного порядка, чтобы удовлетворить пожелания нашего рабочего населения. В первую очередь речь идёт о соблюдении выходных дней и ограничении женского и детского труда. Соединенные правительства убеждены, что предложения, сделанные в этой связи последним рейхстагом, должны быть удовлетворены, если они не противоречат другим законодательным актам. С этим связан также ещё целый ряд постановлений, которые могут улучшить ситуацию. В первую очередь к ним относится защита рабочих от опасности для их жизни, здоровья и нравственности, а также создание рабочего законодательства»¹¹⁰⁸. Для создания каналов коммуникации предполагалась организация третейского суда, а для решения

¹¹⁰⁶ Там же. Л. 62.

¹¹⁰⁷ Там же. Л. 57.

¹¹⁰⁸ Там же. Л. 74. Сравни. Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 8. Legislatur-Periode. 1890/92 Bd. 1. 1. Sitzung von 6. Mai 1890. S.2. URL: https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt3_k8_bsb00018664_00109.html (дата обращения 12.05.2023).

проблемы в международном масштабе – координация усилий ведущих европейских государств.

Требования, практически полностью повторяющие темы, обсуждавшиеся на конференции, выдвинул съезд немецких горнорабочих в Галле (или «сходка германских рудокопов», как писали российские дипломаты), на котором присутствовали 43 делегата, избранные от 266 тыс. человек. «В течение заседаний не раз заявлялось полное сочувствие сходки к учению социализма, проглядывающее также в прошении, которое сходка от имени своих избирателей представит правительству и парламенту. Прощение это состоит из 14 параграфов, в которых рудокопы излагают не желания свои, а прямо требования; из них главные: восьмичасовая работа, заработок не ниже четырёх марок в день, установление третейских судов, выбранных исключительно рудокопами, противодействие правительства найму иностранных рабочих, допущение к работе отпущенных за участие в стачках рудокопов и запрещение капиталистам совместно принимать меры, противные интересам рабочих»¹¹⁰⁹. Кроме требований облегчения условий труда, важное значение для съезда имели требования защиты рынка, в том числе рынка труда от рабочих-мигрантов.

По окончании конференции вопрос социального законодательства в таком объеме и подробностях больше не возникал на страницах дипломатических донесений. Следует заметить, что и особого информационного повода для этого не было. Изменения в данной сфере затронули не законодательную базу – новых законов вплоть до 1911 г., когда было принято Имперское положение о страховании (Reichsversicherungsordnung), просуществовавшее с дополнениями вплоть до 1992 г., принято не было. Менялась «широта охвата» новых категорий рабочих и служащих уже имеющимися мерами социальной защиты. Если в 1885 г. страхованием по болезни было охвачено 4,7 млн трудящихся, то в 1913 г. уже

¹¹⁰⁹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1890 г. Д. 16. Л. 138 об. – 139.

14,6 млн. Число застрахованных от несчастного случая составляло в 1887 г. 269 тыс., в 1910 г. – 6,2 млн человек. Численность имеющих страховку по старости и инвалидности выросла с 1892 г. по 1915 г. с 11,7 млн до 16,8 млн человек. Началось вовлечение в эту систему и семей застрахованных¹¹¹⁰.

Все эти меры, несомненно важные и прогрессивные, не смогли полностью решить все вопросы и оградить Германию от рабочих стачек и забастовок, которые всегда создавали социальное напряжение и были поводом для начала обсуждения в прессе и рейхстаге очередного комплекса запретительных мер против рабочего движения. Основную опасность российские наблюдатели, вслед за германскими властными кругами, видели в стачке как канале проникновения социал-демократической пропаганды в рабочую среду. «Стачки на руку подпольным агитаторам, так как они усилили недовольство и вражду, не перестававшие существовать между рабочими и работодателями», - писал зимой 1893 г. посол П.А. Шувалов в Петербург по поводу стачек горняков в Сааре, в которых приняли участие до 23 тыс. человек¹¹¹¹.

Российские дипломаты с удовлетворением замечают, что германское правительство заняло более жесткую позицию – император отказался принять рабочую депутацию, и уголь, необходимый для снабжения флота, был закуплен за границей, то есть экономический шантаж не удался. «Тем не менее стачки имеют немаловажное влияние на настрой умов германского пролетариата. С каждым новым, хотя бы и безуспешным движением, недовольство в массах растёт, вражда классов усиливается, горячий материал накапливается, социал-демократические агитаторы находят почву для своей революционной пропаганды. Если, с одной стороны, рабочий класс в настоящую минуту не настолько силён, чтобы успешно бороться с капиталистами и правительственными властями, то с другой стороны, ежедневно усиливающееся среди германских рабочих сознание солидарности

¹¹¹⁰ Иванчук Д.В., Моисеев А.В. Указ. соч. С. 109.

¹¹¹¹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1893 г. Д. 17. Л. 7.

не только между собой, но и со всем европейским пролетариатом дает социал-демократам основание рассчитывать на успех своего учения в более или менее отдаленном будущем. Уже и теперь среди рабочих распространено убеждение, что в случае надобности им оказано будет содействие со стороны сельского населения и что на страже их интересов стоит пресловутый Интернационал»¹¹¹².

Итак, с точки зрения и немецких, и в еще большей степени российских властей главной опасностью был интернациональный характер рабочего движения, то есть опасались они ровно того же, что и Бисмарк, вводя свои запретительные меры против католиков и социалистов как представителей мощных международных организаций, обладающих достаточными ресурсами и находящихся вне прямого действия национальных законодательств. При этом, если российское правительство шло вплоть до революции 1905 г. только по пути запретов, немецкие власти старались не потерять поле для диалога, хоть и продолжали фактически на всем протяжении имперского периода немецкой истории видеть в социалистах главных врагов монархии и государства.

В 1894 г., комментируя состоявшийся в Берлине съезд горнорабочих, российский посол отмечает некоторое ослабление позиций социал-демократов и перевод дискуссии, под влиянием британских делегатов, в русло чисто экономическое, главную роль в котором должны играть тред-юнионы или иные их континентальные профсоюзные аналоги¹¹¹³. Несмотря на приведенные выше цифры доминирующего положения в немецком рабочем движении профсоюзов, связанных с СДПГ, имел место некоторый перенос центра тяжести с политической агитации и пропаганды идей переворота и смены государственного строя в экономическую плоскость выработки новых правил взаимодействия рабочих и работодателей, государственного контроля или по крайней мере некоторого участия государства в этом процессе. Эти

¹¹¹² Там же. Л. 10-11.

¹¹¹³ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1894 г. Д. 17. Л. 85-86.

тенденции к началу XX в. находили все больше сторонников как в немецком профсоюзном движении, так и в различных ветвях германской власти.

Несмотря предпринимаемые меры, стачки оставались основной формой борьбы рабочего класса, при этом требования были почти сугубо экономические – сокращение рабочего дня (к 1914 г. он сократился с 18 до 11-10 часов) и постепенное увеличение заработной платы. Действительно тяжелейшее в начальный период индустриализации положение рабочих менялось достаточно медленно. Периодически во властных кругах и прежде всего у самого императора возникали идеи жесткого подавления стачечного движения. Так, выступая в 1898 г. в Прирейнских провинциях, Вильгельм II, отметив пагубные последствия для благосостояния рабочего люда учащения стачек, торжественно обещал позаботиться об издании закона, «карающего каторжными работами подстрекательство к забастовке»¹¹¹⁴.

Естественно, эти слова вызвали бурю возмущения в либеральных кругах, однако в 1899 г. соответствующий меморандум, получивший название каторжного или тюремного, был внесен в рейхстаг. Приведя свидетельства «пагубности последствий подобных рабочих брожений на промышленность», а также разобрав «отношения рабочих между собой, куда отнесены случаи принуждения рабочих к стачкам со стороны товарищей, ограждение первых от последних, борьба с рабочим терроризмом и наблюдение, с этой целью, за рабочими центрами», авторы меморандума, инициированного императором, пишут о «наказуемости стачников, которая признаётся не соответствующей духу времени. Особенное внимание отведено вопросу о подстрекательстве и терроризации рабочих со стороны товарищей-стачников»¹¹¹⁵, причем именно этот случай, то есть агитация за стачечную борьбу, подпадает под суровые наказания.

Российские наблюдатели изначально оценивали перспективу принятия этого законопроекта рейхстагом чрезвычайно низко. За него в первом чтении

¹¹¹⁴ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1899 г. Д. 15. Л. 99.

¹¹¹⁵ Там же. Л. 101.

высказались лишь члены Имперской партии (т.е. свободные консерваторы), часть консерваторов и несколько национал-либералов, окончательно же он был отклонен в ноябре 1899 г. подавляющим большинством голосов. «Причина такого поражения, кроется в том обстоятельстве, что предлагаемый им новый порядок вещей никого не удовлетворяет. Социалисты и крайние либеральные фракции видели в нем насилие над свободой личности, а депутаты партий с оттенком более консервативным, относящиеся к нему сочувственно, в принципе находили его слишком слабым и потому не достигающим цели. Поэтому ни князь Гогенлоэ, лично вмешавшийся в прения, ни статс-секретарь по внутренним делам граф Посадовский не могли спасти уже в самом зачатке предназначенного к провалу правительственного предложения»¹¹¹⁶.

В 1905 г. под влиянием событий в России по Германии прокатилась волна выступлений и стачек. Одной из самых крупных была забастовка горняков Рура. Горнорабочие в принципе были одними из самых активных групп, к тому же к этому времени уже около 60% из них были объединены в различные профсоюзные организации. Эти цифры значили очень многое – рабочие, организовывавшееся по профессиональному признаку, идеологически были связаны не только с СДПГ, но и с христианскими, либеральными и даже националистическими партиями и организациями. Кроме профессиональных союзов большую социальную нагрузку несли другие союзы, объединяющие представителей различных социальных групп, в том числе и рабочих. В их числе были, например, Народный союз для католической Германии, Евангелическо-социальный конгресс и т.п., которые выполняли просветительские, образовательные и другие задачи, по меткому замечанию прусского министра земледелия и председателя самого авторитетного в этой области «Общества социальной реформы» барона Г.Г. Берлепша, с целью «мирного развития рабочего движения». Барон в

¹¹¹⁶ Там же. Л. 108.

программе своей организации в 1903 г. писал: «Не устранять социал-демократию должно быть задачей предусмотрительных политиков, а устранять препятствия на пути ее превращения из социал-демократии, которой она является сейчас, в рабочую партию, которая без классовой ненависти, без войны на уничтожение существующих порядков, будет бороться за место под солнцем для рабочих, на которое они имеют право так же как и другие граждане государства»¹¹¹⁷. Важно, что в этом программном документе Берлепш использовал то же выражение, которое стало девизом и символом «мировой политики» Бюлова, – призыв к занятию подобающего места под солнцем.

В январе 1905 г. в стачке приняли участие около 200 тыс. горняков из их общей численности в 268 тыс. Требования рабочих были традиционными – сокращение рабочего дня, повышение заработной платы, которая не росла с 1899 г., а также более специфические, касающиеся нюансов расчета рабочего времени. Профсоюзы, которые, разрастаясь, все больше бюрократизировались, а их руководство становилось частью общей системы управления, добились от прусского правительства обещания, а вопрос находился в их юрисдикции, внести изменения в горный закон и принять часть рабочих требований.

В мае 1905 г., то есть всего через несколько месяцев после зимней стачки, прусский ландтаг в третьем чтении принял поправки в горный закон. «Кроме статей, регулирующих некоторые технические вопросы, как-то условия нагрузки тачек и зачёт необходимого для спуска в шахты времени в счёт рабочих часов, главные требования горнорабочих касались тайного выбора депутатов в рабочие комитеты и предоставления оным более широких прав. Граф Бюлов сдержал своё обещание. Однако, внесённый им законопроект встретил оппозицию среди большинства консервативных фракций прусской палаты, и изменённая во втором чтении редакция

¹¹¹⁷ Цит. по: „Weder Kommunismus noch Kapitalismus“... S. 132.

законопроекта далеко не отвечала первоначальному его благоприятному для рабочих значению»¹¹¹⁸. Главное изменение, которое было принято вопреки серьезной консервативной оппозиции в ландтаге, предусматривало более широкое и не зависящее от внешнего влияния участие рабочих в выборных комитетах, которые должны «служить совещательными органами и посредниками между работодателями и рабочими»¹¹¹⁹. Закон встретил ожесточенное сопротивление в палате господ прусского ландтага, был вновь отправлен в комиссию и в конце концов все-таки принят, но из него исчезла статья о тайной подаче голосов при выборах комитетов.

Консервативные силы не решились выпустить из своих рук деятельность комитетов, даже при том, что эти организации имели только совещательные функции. Закон претерпел еще некоторые изменения в пользу интересов предпринимателей, но все-таки был принят обеими палатами прусского ландтага. Интересно, что правительство могло избежать многих осложнений, просто перенеся законопроект в рейхстаг, где социал-демократы и либералы обеспечили бы ему большинство, но оно решило не идти в этом вопросе против консерваторов. То есть ситуация складывалась до крайности противоречивая – правительство готово было не до конца выполнить данные рабочим-горнякам обещания (хотя именно они заставили тех прекратить стачку), реализация которых должна была уберечь стачечников от воздействия социалистической агитации, и делало это ради того, чтобы сохранить лояльность консерваторов, «в поддержке которых канцлер все более нуждался в своей борьбе с социал-демократией»¹¹²⁰. То есть, выбор стоял между двумя стратегиями – долгосрочной, не приносящей, возможно, быстрого успеха, каковой была социальная политика, или же продолжением традиционной опоры на консерваторов, не предлагающих ничего, кроме очередного комплекса запретительных мер, которые должны были поставить заслон

¹¹¹⁸ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1905 г. Д. 18. Л. 121.

¹¹¹⁹ Там же. Л.122.

¹¹²⁰ Там же. Л. 170.

деятельности социал-демократов. Выбор германскими властями в пользу одной или другой стратегии однозначно так и не был сделан. Всегда это было сочетание, но превалирование второй тенденции над первой было очевидно.

Никаких прорывных решений в области рабочего законодательства за весь период вильгельмизма принято не было. Уже разработанными мерами социального страхования охватывалось все большее число рабочих, заработная плата росла, а продолжительность рабочего дня сокращалась. Насколько эти изменения зависели от деятельности профсоюзов и советов, состоящих из рабочих и предпринимателей, а насколько стали результатом стачек, демонстраций и забастовок, сказать достаточно сложно. Как показала Рурская стачка 1905 г., иногда такие радикальные меры могли заставить правительство внести изменения даже в существующие законы. Именно поэтому российские дипломаты так однозначно считали подобные шаги властей проявлением слабости, неадекватной реакцией на шантаж, не желая при этом видеть реальность проблем.

За пределами нашего крайне краткого обзора остались важнейшие вопросы народного образования, задачей которого была воспитание, просвещение, и собственно образование, поскольку образованные люди уже не чувствуют себя изгоями и видят все возможности, которые предоставляют им существующие порядки. В этой сфере были достигнуты заметные успехи, например, в зимнем семестре 1903/04 гг. от 50 до 60% слушателей университетского курса в Берлине были выпускниками народных школ, то есть принадлежали к низшим социальным слоям¹¹²¹. Все те меры по защите интересов промышленности, по расширению рынков и увеличению числа рабочих мест, которые реализовал Каприви и его последователи, самым благотворным образом сказались на положении, в том числе материальном, пролетариев.

¹¹²¹ „Weder Kommunismus noch Kapitalismus“... S. 116.

Представляется, что задача интеграции рабочего класса в социальную структуру была к 1914 г. в общем и целом выполнена. Основную роль в этом сыграли различные общественные организации, союзы, в том числе и профессиональные, выполнявшие главную задачу – максимально оторвать рабочий класс от социалистической пропаганды и направить его энергию в конструктивное русло. Правительство и власти в целом свою задачу видели в том, чтобы не громоздить препятствия на этом пути. Так, идеей статс-секретаря Посадовского было превращение государственной социальной политики в общественную, предоставление рабочим прав и свобод для того, чтобы они помогали себе сами¹¹²², что было вполне продуктивной стратегией. Главное же, что удалось властям – это сформулировать такую национальную задачу, которая была воспринята практически всем обществом, в том числе и его крупнейшей социальной группой – пролетариатом. Колониальная политика открывала огромные возможности и перспективы и в идеальном своем варианте должны была принести рабочим огромные выгоды – за счет тех же рынков, рабочих мест и т.п. То есть рабочие в основной своей массе восприняли вместе со всем немецким обществом ту национальную идею, которая была им предложена в провозглашенной «мировой политике», были лояльны правительству и разделяли его цели, даже если их достижение предполагало военные методы. Поддержка курса со стороны СДПГ летом 1914 г. только подтвердила рабочим правильность избранного ими пути, хотя, конечно, нельзя говорить, что поддержка была абсолютной и антивоенного движения не существовало, но оно не достигало, причем ни в одной европейской стране, тех масштабов, чтобы помешать правительственным планам.

¹¹²² Gladen A. Geschichte der Sozialpolitik in Deutschland. Eine Analyse ihrer Bedingungen, Formen, Zielsetzungen und Auswirkungen (Wissenschaftliche Paperbacks, 5; Sozial- und Wirtschafts-geschichte.). Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH. 1974. S. 85.

3.2. Социал-демократическая партия Германии: от «партии мятежа» к поддержке правительственного курса

Среди крупных политических партий Германии особым вниманием со стороны иностранных дипломатов пользовались социалистическое движение и олицетворявшая его Социал-демократическая партия Германии. Причин для этого было несколько, но главной то, что только СДПГ последовательно ставила вопрос о необходимости замены существующей в стране социально-экономической системы на иную, социалистическую. Формально, СДПГ до 1914 г. была единственной, последовательно оппозиционной партией в рейхстаге, но при этом уже в 1890-е гг. начавшей демонстрировать оппортунистические наклонности, т.е. готовность в отдельные моменты и на определенных условиях конструктивно взаимодействовать с партиями, относящимися к защитникам существующего социально-экономического устройства. В период вильгельмизма эта двойственность не только дала о себе знать, но и приобрела устойчивый характер, и это не могло ускользнуть из поля зрения таких внимательных наблюдателей за внутривнутриполитическим развитием Германии, как российские дипломаты.

В переломный для истории Германской империи 1890 г. одним из поводов к обострению конфликта между Бисмарком и императором, о чем мы подробно писали выше, стал вопрос очередного продления «Исключительного закона против вредных и опасных стремлений социал-демократии», запрещавшего все социал-демократические, социалистические и коммунистические союзы, собрания, печатные издания и пропаганду насильственного свержения существующего государственного и общественного строя. Его действие не распространялось на партии, представленные в рейхстаге и ландтагах, т.е. на саму СДПГ, хотя он и ограничивал значительно возможности ведения ею пропаганды и агитации. К 1890 г. стало очевидно, что меры, действенные в момент принятия закона в 1878 г., были уже совершенно бесполезны в 1890 г., когда, как сказано выше, численность рабочих значительно выросла, а в некоторых отраслях удвоилась

и даже утроилась, например в машиностроении занятость выросла с 285 тыс. до 907 тыс. человек. Запрет на все организации кроме СДПГ имел и еще один «побочный эффект» - при отсутствии конкуренции в рабочем движении и иных возможностей выражения этим классом своих политических предпочтений, голоса, которые в ином случае распределялись бы между несколькими силами, отдавались на выборах за одну единственную партию - СДПГ. То есть правительство собственными руками способствовало консолидации движения вокруг СДПГ.

Главная опасность, которую немецкие власти, а вслед за ними и российские наблюдатели, видели в отказе от исключительного закона, состояла в том, что в этом случае усилится проникновение социалистической агитации в деревню и, главное, в армию. Именно такой пример проникновения социалистических идей в вооруженные силы приводит граф М.Н. Муравьев в сентябрьской депеше 1890 г., когда закон еще действовал: «на днях в 47-м пехотном полку, стоящем в окрестностях Гамбурга, 18 солдат отказались повиноваться офицеру и объявили на суде, что на службе они признают необходимость дисциплины, но вне службы, будучи социалистами, они себя считают вполне равноправными с офицерами и поэтому отказывают им в повиновении. Суд приговорил их к заключению в крепости на срок от двух до восьми лет»¹¹²³. Армия, бывшая всю историю Пруссии главной опорой Гогенцоллернов, была и наиболее уязвимым для социалистической пропаганды элементом государственной структуры. Солдаты рекрутировались из двух основных социальных групп – крестьянства и рабочего класса. Оторванные от привычной среды, порвавшие, пусть и временно, свои основные социальные связи, они были главной «целевой аудиторией» социалистических агитаторов. Именно в армии эта агитация была наиболее опасна, могла нанести и наносила наибольший вред государственному порядку.

¹¹²³ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1890 г. Д. 16. Л. 137.

В связи с расширением у СДПГ возможностей ведения агитационно-пропагандистской деятельности после отмены антисоциалистического закона, наметились противоречия в рядах самой партии. Противоречия эти концентрировались вокруг главного вопроса – методов борьбы. Что же касается ее цели, то она оставалась неизменной вплоть до 1914 г. Ею было построение социализма. Следует иметь ввиду, что на тот момент фактически отсутствовала марксистская теория социалистического государства. То есть, говоря о сломе буржуазного государственного устройства, деятели СДПГ совершенно не представляли себе, как будет выглядеть новое социалистическое государство. Да и по поводу «захвата» или «перехода власти в их руки» единства совершенно не было.

Авторы известной Краткой истории СДПГ Х. Поттхофф и С. Миллер применительно к началу 1890-гг. говорят о существовании в СДПГ трех течений: старого руководства партии, недолго существовавшего движения «молодых» с революционными, отчасти антипарламентскими и синдикалистскими лозунгами, и т. н. ревизионизма К. Каутского и Г. фон Фольмара, выступавших за политику реформ на почве существующего государственного и общественного строя. Уже тогда Фольмар считал, что «вместо того, чтобы своей непримиримой позицией и революционными речами отталкивать другие прогрессивные силы, не входящие в ряды социал-демократии, ей следовало бы сотрудничать с ними, чтобы легче было продвигать вперед решительную повестку социальных и демократических реформ»¹¹²⁴. Тем самым он уже в 1891 г. фактически сигнализировал властям, что социал-демократы готовы к конструктивному сотрудничеству с другими политическими силами, которые он в тот момент определял аморфной дефиницией «прогрессивные». Через 10 с лишним лет о том же будет говорить один из организаторов системы социального страхования и прусский министр

¹¹²⁴ *Vollmar G. Über die nächsten Aufgaben der deutschen Sozialdemokratie. München, 1891. S. 7.*

Г. фон Берлепш, то есть слова эти были услышаны, восприняты и работа в этом направлении шла с обеих сторон.

Для российских дипломатов в начале 1890-х гг. социал-демократы оставались враждебной силой, они слышали революционную риторику, но не придавали значения оппортунистическим проявлениям в руководстве СДПГ, хотя и замечали их. Так, в конце сентября 1890 г. Муравьев писал Н.К. Гирсу о новой тенденции в социал-демократической партии, связанной с т.н. «молодыми», которые, по его мнению, «с негодованием отвергают возможность бороться с правительством законным путём, упрекают своих бывших сотоварищей в податливости к интересам среднего сословия и почти открыто заявляют себя анархистами. Со временем разногласие это между обоими лагерями социализма должно ещё более обостриться, и представители крайнего социалистического учения, не сдержанные более общими интересами партии, примкнут всецело к учениям международного анархизма»¹¹²⁵.

Дипломаты уже в 1891 г. с одобрением заметили наметившиеся в политике властей в рамках «нового курса» изменения в отношении к СДПГ: «правительство кажется вполне право столь энергично взявшись за удовлетворение некоторых требований социал-демократов, в надежде обратить их рано или поздно в государственную партию и таким образом обезопасить себя: одним словом, применяется система как раз обратная той, которой придерживался князь Бисмарк»¹¹²⁶.

Столь же внимательно российские наблюдатели следили за развитием ситуации в СДПГ. В феврале 1891 г. в Петербург Муравьевым был отправлен подробный анализ расстановки сил в СДПГ, в котором было указано на существование в ней двух различных направлений. «Одно, выражающееся в образе мыслей значительного большинства, имеет исключительно социально-экономический характер и признает нужным до поры до времени, действовать

¹¹²⁵ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1890 г. Д. 16. Л. 145 об. – 146.

¹¹²⁶ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1891 г. Д. 16. Л. 97.

мирными способами, другое же — анархическое, имеет за собой незначительное меньшинство, одобряющее немедленный революционный образ действия и даже террористические приемы борьбы. Влияние этой фракции в последнее время сильно убавилось, так что до сих пор она подчиняется руководству умеренного большинства и его вожаков. Ослаблению анархической фракции в значительной мере способствовал почин правительства в деле преобразований по рабочему законодательству».

Очень интересным представляется наблюдение о связи рабочего законодательства и усиления в СДПГ оппортунистического течения. Причем оно имело не мимолетный, случайный характер, а было достаточно подробно обосновано: «Та научно-философская почва, на которой в былое время стоял немецкий социализм, даже те, более или менее невыполнимые планы преобразований общественного строя, бродившие в разгоряченном воображении Карла Маркса или Лассаля со дня на день все более и более исчезают из программы социал-демократической партии, которая хотя и не покидает надежды на конечное торжество своих вожделиний, но чувствуя свою неподготовленность для окончательной борьбы с существующим порядком, решилась покуда, хотя бы только для виду, удовольствоваться проектируемыми германским правительством реформами по рабочему законодательству».

Даже сделав это в целом верное наблюдение относительно происходящих в СДПГ программных перемен, сотрудники посольства продолжали пребывать в убеждении, что это временный поворот, тактическая уловка. Эту уверенность Муравьев обосновывал тем, что ещё около года тому назад вожаки социал-демократии протестовали против правительственного проекта преобразований, называя его полумерой и требуя более широких уступок. Но затем они вдруг повернули и стали ревностно защищать правительственные мероприятия в области рабочего вопроса. «Говорят, что Бебель произнёс речь по этому поводу, в которой он доказывал, что обыкновенно все революционные движения происходят в народных массах в

ту эпоху, когда материальное состояние этих масс несколько улучшается. „В самом деле, пока народ слишком отягчен бременем нужды и труда, то в нем нет той доли энергии, ни умственного развития и смелости, необходимых ему для того, чтобы отстаивать свои права. При улучшении же его быта у рабочего являются новые потребности, он лучше сознает разницу между его нищетой и роскошью капиталиста, он становится более озлобленным и разнузданным. Вот почему мы должны поддерживать предлагаемые правительством реформы по рабочему вопросу. Эти реформы, несомненно, отчасти улучшат положение рабочего тем самым, не удовлетворив его вполне, лишь более подготовят к восприятию нашего учения“».

Задался дипломат и вопросом, чем можно объяснить эти тактические изменения в социал-демократии, и пришел к выводу, что таким образом она стремится сделать социалистическую пропаганду более привлекательной для широких слоев общества, проникнуть «не только в городское и фабричное население, но также в войско и в крестьянские семьи».

Муравьев дал оценку и правительственной политике в отношении рабочего и социалистического движения. Он был убежден, что все правительственные начинания воспринимаются рабочим классом только как проявление слабости властей, они не могут никого удовлетворить, вредны для всех слоев общества как по форме, так и по сути. В борьбе с распространением социалистических идей нужно ориентироваться только на силовые методы: «ещё в настоящую минуту, быть может, самые строгие меры против революционных агитаторов, были бы в силах остановить развитие социалистических идей! Но очевидно, эти меры должны были бы быть несравненно суровее бисмарковского закона о социалистах, который только раздражал враждебную партию, не будучи в состоянии раздавить ее».

К примерам слабости закона Муравьев относил, например, то, что власти не могут выслать из страны или подвергнуть аресту кажущегося ей опасным любого социал-демократического деятеля, для этого требовалось судебное решение, и часто такое решение принималось в пользу обвиняемого,

так как судьи почему-то часто были «либерального направления». Такой агитатор отправлялся в деревню и «широко распространял заразу и вербовал новых приверженцев революционной партии»¹¹²⁷.

Целью социал-демократической агитации и пропаганды, по мнению российских информаторов Петербурга, было получение большинства мест в рейхстаге, что позволило бы СДПГ осуществить социальный переворот в Германии мирным путём. «Наши силы растут, - говорят они, - через 10 лет мы будем иметь за собой 30% населения Германии. Раз же большинство парламента окажется в наших руках, войско тоже будет на нашей стороне, поневоле правительству придётся нам уступить во всем, в противном же случае мы с крайней легкостью избавимся от него и заменим его по нашему усмотрению, так как правительство без поддержки войска для нас не опасно. Но большинство из них не верит, что правительство спокойно могло допустить усиление враждебных ему элементов. Они предвидят борьбу, борьбу серьезную и ревностно, с лихорадочной поспешностью готовятся к ней»¹¹²⁸.

Ликвидировать угрозу существующему в Германии общественному строю со стороны СДПГ, по мнению российских дипломатов, руководство страны могло только путем объединения «партий порядка» в деле противодействия «партии мятежа». «В Германии, - писали они, - наблюдается до сих пор постоянный раздор то между правительством и различными политическими партиями порядка, то между самими этими партиями, что постоянно служит в пользу социал-демократам, ослабляя силы ее противников». Сходным было и объяснение недостаточной эффективности борьбы Бисмарка с социал-демократией, канцлер не получил достаточной поддержки от либералов в условиях ограниченности своих возможностей «пресловутым парламентским режимом». «Одержимые какой-то непонятною слепотою, либеральные партии, во имя своих отвлеченных убеждений,

¹¹²⁷ Там же. Л. 103-103 об.

¹¹²⁸ Там же. Л. 109.

употребляли все усилия, чтобы тормозить антисоциалистическую деятельность правительства и, по возможности, смягчить действия и без того слишком мягкого закона о социалистах. Никогда парламент не соглашался дать правительству неограниченной свободы действий для борьбы с революцией. Буржуазные партии отказывались видеть угрожающую им же самим опасность!»¹¹²⁹.

Как мы уже писали выше, взаимоотношения канцлера и правительства с рейхстагом и входящими в него партиями при Каприви были ситуативными, выстраивались здесь и сейчас, и если и имели какое-то стратегическое направление (а вопрос взаимоотношений с социал-демократией, несомненно, относился к таким магистральным направлениям), то и оно всегда могло быть скорректировано. В какие-то моменты, например, когда на первый план выходили поиск баланса между либералами и консерваторами или сопротивление католическому Центру, правительство не останавливалось перед компромиссами и с социал-демократами. Кстати, такие случаи играли и определенную «образовательную» роль, формируя у социал-демократических депутатов и СДПГ в целом навык конструктивного участия в государственной жизни страны.

Формированию такого навыка помогало и то, что в период до 1914 г. политическая ситуация в Германии ни разу не стала не то, что критической, но даже просто опасной для государственного строя. Да и сама СДПГ, как мы уже отмечали выше, не имела ни планов насильственного захвата власти, ни даже такого намерения, и поэтому не стимулировала рост социальной напряженности. Ее собственной преобладающей идеей было встраивание в существующую систему и трансформация оной с учетом интересов основного социалистического электората – т.е. рабочего класса. Единственным властным институтом, подлежавшим несомненной ликвидации, по их мнению, была наследственная монархия Гогенцоллернов. Но даже в этом вопросе социал-

¹¹²⁹ Там же. Л. 114.

демократические вожди заняли выжидательную позицию – император сам делал достаточно много, чтобы стать последним представителем своего рода на троне. Интересно в этой связи замечание «одного немецкого собеседника» посла П.А. Шувалова: «социал-демократическая партия борется не столько против политического, сколько против социального строя современного государства, она, подкапывается не под монархов, а под престолы, на которых находятся эти монархи»¹¹³⁰.

Вопрос трансформации социал-демократии, восприятие ею и ее электоратом предложенной правительством в качестве национальной идеи «мировой политики» является одной из основных тем нашего исследования. В поддержку тезиса о том, что немецкие социал-демократы были прежде всего немцами, а потом уж социалистами, можно привести цитату из публичного выступления А. Бебеля в Берлине в октябре 1891 г. Вождь СДПГ, вначале остановившись на необходимости отказаться от аннексии Эльзаса и Лотарингии во имя европейского мира, далее сказал буквально следующее: «Когда настанет минута вступить в бой с русскими, то социалисты не могут оставаться в бездействии; они должны будут помочь тем самым классам, против которых они всегда враждовали, выйти победителями из борьбы, ибо победа России будет равносильна торжеству варварства и затормозит развитие социализма на долгие времена. Нужно отбросить Россию на восток и воскресить новую демократическую Польшу, тесно связав ее с Германией»¹¹³¹.

То есть уже с начала 1890-х годов власти Германии знали, и все дальнейшие высказывания лидеров СДПГ этому не противоречили, что в случае большой европейской войны, в которой будет участвовать Россия, социалисты не станут пятой колонной и поддержат правительство, даже если прикрыто это будет демократическими лозунгами. В принципе «борьба с варварством» в той или иной степени была содержанием и «мировой

¹¹³⁰ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1892 г. Д. 16. Л. 5 об.

¹¹³¹ Bebel vor der Berliner Arbeitern und die Entgegnung Bruno Wille // Materialien zum politischen Richtungsstreit in der deutschen Sozialdemokratie 1890-1917. Hrsg. von P. Friedemann. Mit einer Einleitung von H. Mommsen. Bd. 1. Frankfurt/M., 1978. S. 130.

политики» тоже, что и стало залогом восприимчивости рабочего класса к немецкой национальной идее. Защита интересов страны, противодействие варварству – вот та обертка, которая помогает «продавать товар», тем более если это служит делу получения Германией законного «места под солнцем».

Внимательное прочтение депеш российского посольства в Берлине дает возможность прийти к интересному наблюдению. Их авторы пытаются объяснить такое новое по своей сути движение как социализм, с его идеологией, международным характером, четкой организацией и совершенно новым электоратом с помощью старых и привычных причинно-следственных мыслительных конструкций. Так, более широкое, с точки зрения российских дипломатов, распространение социализма в германских государствах с преимущественно протестантским населением приводит к появлению на полях документа пометы министра Гирса – «Это все знаменательно и прямо следствие того раскола в церкви после Лютера»¹¹³². Это очевидная попытка игнорировать совершенно новый характер движения, пытаясь встроить его в привычную систему координат.

Весь период вильгельмовской Германии ее власти пытались приноровиться в своей деятельности к тому, что главной социальной силой стали широкие массы, классы, для которых характерна и особая идеология, и собственные средства коммуникации и т.д. и т.п. Вопрос о перспективах развития германской социал-демократии интересовал и сотрудников российского посольства. Они видели рост популярности СДПГ и, естественно, задумывались о его возможных последствиях для Германии. В 1892 г. они поставили этот вопрос следующим образом: «конечный успех социализма, логическая последовательность которого в развитии западно-европейской культуры не может подлежать сомнению, а потому является вопросом первостепенной важности – может ли социал-демократическая партия в Германии со временем стать партией государственной; может ли она,

¹¹³² АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1892 г. Д. 16. Л. 3.

отбросив свои чрезвычайные требования, удовольствоваться уступками по рабочему и иным вопросам, совместимыми с понятием о современном государстве, может ли она, в случае своего полного парламентского торжества, быть призвана к управлению государством, а не разрушению его, другими словами, может ли эта партия по существу своему обратиться постепенно и при известных обстоятельствах в партию умеренную. Само собой разумеется, что от решения этого вопроса зависит все будущее Германии». Помета Н.К. Гирса на полях посольской депеши «На этот вопрос в настоящее время и сама партия не ответит!»¹¹³³, свидетельствует, что для Петербурга СДПГ оставалась не понятным до конца явлением.

Анализируя возможность отмеченных в 1890 г. двух путей развития СДПГ и всего социалистического движения, российские дипломаты склонялись к тому, что партия не превратится в умеренную политическую силу, действующую легальными методами, «наоборот, партия эта есть и всегда будет партией революционной, если та личина умеренности, коей она до сих пор тщательно скрывает свои затаенные цели и стремления, есть лишь признак ее неподготовленности в настоящую минуту к успешному поединку с существующим общественным порядком, то в таком случае Германия стоит на вулкане и окончательная гибель империи становится вопросом нескольких десятков лет»¹¹³⁴. Этот пассаж министр Гирс прокомментировал следующим образом: «Почти нет сомнения, что это так».

Такие же тревожные нотки звучали в комментариях по поводу празднования в Германии 1 мая 1892 г., хотя оно прошло на удивление спокойно: «Из этой временной безопасности, однако, было бы ошибочным выводить заключение о стойкости общественного порядка в Германии. Ему грозит в будущем более серьезная и неизбежная опасность, нежели в каком-либо ином государстве. Социал-демократическая партия с постоянно возрастающим успехом без устали стремится к ниспровержению всего

¹¹³³ Там же. Л. 4 об. – 5.

¹¹³⁴ Там же. Л. 6.

политического и социального строя империи; в ту минуту, когда эта партия подымет знамя вооруженной борьбы с государством и со всеми имущими классами, тогда предстоит нам быть свидетелями более кровавых и более обильных последствиями событий, нежели единичные и бессмысленно-злодейские проделки анархистов»¹¹³⁵.

Следует признать, что содержание посольских депеш на Певческий мост было обусловлено не только свойственной российской дипломатии враждебностью к социализму, но такими же настроениями в правящих кругах Германии. В ноябре 1893 г. в органе СДПГ газете *Vorwärts* была опубликована секретная инструкция министра-президента Пруссии графа Б. Эйленбурга о борьбе с социал-демократией в связи с внеочередными выборами в рейхстаг, в которой выражалась тревога по поводу 25% прироста социал-демократической партии со времени выборов 1890 г. и приобретения ею голосов в таких округах, где она «до сих пор приверженцев социализма не имела, особенно в сёлах». Эйленбурга особенно тревожило последнее обстоятельство, в связи с чем он предписал ландратам принять целый ряд административных и экономических мер борьбы с этим «злом». Оценивая предлагавшиеся Эйленбургом меры, российский посол Шувалов не считал их до конца адекватными, ибо «не в экономике причина, нравственные причины главным образом порождают эту неизлечимую болезнь конца века»¹¹³⁶. При этом он не стал комментировать предлагавшиеся министром-президентом административные меры, считая их, видимо, оправданными и действенными. Именно поэтому ожидание новых, еще более жестких мер против социалистов, просматривается в получаемой из Берлина информации и в последующие годы.

В 1894 г. сенсацией мирового уровня и шоковым событием для властей европейских стран стало убийство анархистом президента Франции С. Карно. Не стала исключением здесь и Германия. Российские представители сообщали

¹¹³⁵ Там же. Л. 59 об. – 60.

¹¹³⁶ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1893 г. Д. 17. Л. 282-284.

в Петербург о зреющей в берлинских властных кабинетах идее «вооружиться новыми законодательными мерами». «Приведут ли они к возобновлению закона против социалистов, выразятся ли они в виде законов, ограничивающих свободу печати и собраний, или предоставят исключительно полиции на основании уже существующих правительственных распоряжений — вести борьбу с анархизмом — все это пока ещё не известно, чувствуется только напряженность ожиданий и необходимость отыскать исход. Насколько мне известно, прусское правительство намерено последовать примеру саксонского правительства, издавшего специальные законы, предоставляющие ему право закрывать общества и сходки, преследующие революционные цели»¹¹³⁷. То есть, предполагал П.А. Шувалов, антисоциалистическое законодательство будет формироваться на уровне отдельных германских государств, что будет значительно проще. Провести любые меры подобного характера через рейхстаг с сильными либеральными и социалистическими фракциями невозможно, в то время как через прусский ландтаг — просто и безболезненно.

В начале октября 1894 г., буквально за две недели до отставки канцлера Каприви, российские дипломаты вернулись к теме антианархистского и антисоциалистического законодательства. «Совету прусских министров предложено теперь на обсуждение 4 законопроекта, касающихся ограничения права собраний и изменения редакции некоторых параграфов Уложения о наказаниях, трактующих нарушения общественной безопасности. Довольствуется ли правительство таковыми мерами — предвидеть пока трудно. Либеральная пресса сравнивает настоящее стремление правительства заручиться необходимыми боевыми мерами против революционных элементов с настроением правительственных сфер в 1819 году. Проводимая ею параллель клонит к тому, чтобы предсказать тщетность новых репрессивных мер, каковыми в своё время оказались Карлсбадские постановления»¹¹³⁸. Речь шла о так называемом «Umsturzvorlage», т.е.

¹¹³⁷ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1894 г. Д. 17. Л. 164, 165.

¹¹³⁸ Там же. 207 об. — 208.

законопроекте, который должен был внести изменения в Положение о наказаниях – гражданское и военное, а также в закон о прессе (Gesetz, betreffend Änderungen und Ergänzungen des Strafgesetzbuchs, des Militärgesetzbuchs und des Gesetzes über die Presse)¹¹³⁹. Предполагаемые изменения были направлены на недопущение пропаганды «общественно-опасных тенденций», публичных призывов к свержению существующего строя, а также публичных оскорбительных высказываний в адрес религии, монархии, семьи, брака и собственности. За все эти нарушения предусматривался денежный штраф или тюремное заключение сроком на два года. Априори предполагалось, что такие призывы могут исходить только от социал-демократов и их радикального крыла – т. н. анархистов.

В декабре уже после отставки Каприви и назначения на высшие должности Х. Гогенлоэ, упомянутый законопроект был вынесен на обсуждение рейхстага. Он же стал предметом подробной депеши в Петербург. «Краеугольным камнем нового законопроекта является наказуемость попыток и действий, имеющих целью умышленное и насильственное ниспровержение существующего общественного и государственного строя. При этом правительство решило не идти путем введения новых чрезвычайных законов, а, оставаясь на почве действующего права, дополнить пояснениями смысл некоторых статей свода законов»¹¹⁴⁰.

В этот момент в Петербург была послана специальная аналитическая записка о состоянии социал-демократического движения и мер, к которым должно прибегнуть правительство, если хочет сохранить и упрочить контроль над общественно-политической ситуацией в стране. Ее авторы считали, что «законодательной власти необходимо призадуматься над отысканием мер, направленных против подстрекательства к неуважению закона и верховной власти, издевательства над нравственными основами современного строя и

¹¹³⁹ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 9. Legislatur-Periode. 1894/95. Bd. 4. Anlage №49 von 5. Dezember 1894. S. 224 URL: https://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt3_k9_bsb00018726_00218.html (дата обращения 11.06.2023).

¹¹⁴⁰ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1894 г. Д. 17. Л. 236.

подготовлении действий, имеющих целью ниспровержение существующего порядка; этими мерам не должны быть, однако, стеснены ни политические, ни гражданские свободы подданных»¹¹⁴¹.

К концу того же 1894 г. П.А. Шувалов направил министру Н.К. Гирсу еще одно важное сообщение, посвященное анализу внутреннего положения в СДПГ после ноябрьского съезда во Франкфурте. В ней сообщалось о проявлении на съезде двух основных течений, олицетворяемых именами А. Бебеля, отстаивавшего «всею силой своего блестящего красноречия принцип дальнейшего развития социального учения и его практического применения путём неизменно действовавших до сих пор приемов агитации и дисциплины» и Г. Фольмара, считавшего, что «средства социалистической агитации должны применяться сообразно данным условиям и обстоятельствам», то есть вербовать представителей сельского сословия нельзя тем же образом, «какой представляется удобным в отношении к рабочим классам»¹¹⁴².

Дискуссия велась по вопросам основных партийных постулатов, партийной организации и дисциплины, а также единых принципов работы. Хотя на съезде дало о себе знать начинающееся идейное размежевание в социалистическом движении, что стало заметным при обсуждении аграрного вопроса и отношения партии к крестьянству, СДПГ сохранила единство. В связи с этим Шувалов писал: «Прения, вроде вышеизложенной полемики Бебеля и Фольмара, указывают на живучесть и силу партии, покуда таким образом обновляется дух и энергия партии, недисциплинированные силы отпадают сами собой и не препятствуют расширению движения. Вся сила германской социал-демократии в ее организации и самосознании власти... Покуда социал-демократия остаётся в рамках строгой дисциплины, она трудно уязвима»¹¹⁴³.

¹¹⁴¹ Там же. Л. 240.

¹¹⁴² Там же. Л. 256.

¹¹⁴³ Там же. Л. 259 об.

В конце декабря 1894 г. канцлер попытался инициировать привлечение к суду В. Либкнехта по обвинению в оскорблении императора, а затем приступить к голосованию в первом чтении по внесенному законопроекту об изменении в Положении о наказаниях. Обе эти инициативы были провалены. Предложение лишить В. Либкнехта депутатской неприкосновенности вызвало смех в зале и даже не было вынесено на голосование, а обсуждение законопроекта провалилось, так как в зале заседаний не было необходимого кворума, причем даже вполне центристские фракции, например Центра, специально не присутствовали в зале, чтобы не голосовать.

Обсуждение законопроекта и его голосование во втором чтении показали, что единственным безусловным его поборником является консервативная фракция, в то время как все остальные с большей или меньшей уверенностью выступали против, «мотивируя свой образ действия недоверием к верховной власти, получающей в руки слишком сильное оружие, которым она могла бы при случае воспользоваться и для достижения иных целей помимо борьбы с социализмом»¹¹⁴⁴. Правительство, понимая небольшую вероятность принятия законопроекта, пыталось утвердить хотя бы параграф, касающийся недопущения агитации в армии, но и этот пункт принят не был. «Полная неудача задуманного правительством законопроекта объясняется разнузданностью партий, преследовавших в комиссии исключительно партийные интересы»¹¹⁴⁵, писал после его отклонения в мае 1895 г. Чарыков Шишкину.

Поражение правительства в этом вопросе, конечно же не означало, что оно полностью отказалось от планов борьбы с социалистической пропагандой и агитацией в будущем. Конфискация номеров социал-демократической прессы, аресты и даже тюремное заключение авторов статей и редакторов газет, не останавливало социал-демократов, поскольку этим, по меткому наблюдению российских дипломатов, они завоевывали «немало симпатий

¹¹⁴⁴ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. Д. 17, т. 1. за 1894 г. Л. 5.

¹¹⁴⁵ Там же. Л. 165.

среди низших классов населения, выступая перед своим выборщиками в фиктивной роли мучеников»¹¹⁴⁶.

В мае 1897 г. в С.-Петербург была отослана статья из *Kölnische Zeitung*, в которой речь шла о том, что правительство видит охват социал-демократическим движением все более широких слоев населения, но оно не решается этому жестко противодействовать опасаясь, что заодно нанесет удар по либеральному движению: «Внимание правительства неустанно обращено на социальное зло, но все его старания противиться ему остаются непосильными. Меры, которые могли бы успешно тормозить развитие социализма, неминуемо ограничили бы и политическую свободу умеренных либеральных партий, и в опасении восстановить тем самым против себя уже без того раздражённые народные массы — правительство не решается на подобный смелый шаг. Страх перед социальным движением, по её [газеты. — А.М.] словам, сильнее революционного зла, которое за последнее время представляется как бы утратившим свой первоначальный угрожающий характер. Одновременно, статья намекает на желательность удаления реакционных элементов от кормила правления, вызывающих вечные кризисы и препятствующих оздоровлению государственного организма в свойственном Германии либеральном духе»¹¹⁴⁷.

На основании анализа политических действий социал-демократов посол Н.Д. Остен-Сакен обратил внимание на то, что СДПГ, не отказываясь от своей стратегической линии, в повседневной практике демонстрирует склонность к взаимодействию со стоящими правее нее либеральными партиями. Заметил, но не прокомментировал, что за этой раздвоенностью кроется. Это хорошо видно из следующей его оценки СДПГ: «Социалистические деятели продолжают свою подпольную работу, и конечная цель их остаётся направленною на переворот существующего общественного строя. До сих пор социалисты принципиально воздерживались от подачи голосов при выборах

¹¹⁴⁶ Там же. Л. 353.

¹¹⁴⁷ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. Д. 21 1897 г. Л. 126-127.

депутатов в прусский ландтаг. Трехклассная выборная система, закрывающая социалистам двери прусского сейма, заставляла их не участвовать в выборах. Теперь же они намерены не брезговать и этим средством, и решили, при выборах в будущем году, выставить во что бы то ни стало, своих кандидатов и поддерживать представителей либеральных партий. Совершающееся сближение с либеральными фракциями — новейшая тактика демократов и страх правительства перед социальным движением тем более оправдывается, чем нагляднее слияние радикальной партии с интересами либералов и свободомыслящих»¹¹⁴⁸.

Не вдаваясь здесь в историю всяческих «уклонов» в СДПГ, а конец XIX – начало XX в. в истории германской социал-демократии традиционно характеризовался как период кризиса¹¹⁴⁹, можно лишь констатировать, что течение событий неминуемо вносило коррективы в теорию Маркса и Энгельса. Несмотря на то, что классики марксизма говорили о постоянном нарастании кризисов, в действительности в 1897 г. начался промышленный подъем, а вопреки теории о постоянном обнищании масс – заработная плата и уровень жизни росли. Поэтому требовалось применение более гибкой тактики при сохранении «несмотря на разногласие господствующих в недрах социалистической партии мнений, общей дисциплины, допускающей свободное изъяснение суждений, но примиряющей вместе с тем противоречия подчиняемыми конечным целям компромиссами»¹¹⁵⁰, что и стало одним из факторов ее превращения к 1912 г. в крупнейшую партию в стране.

В 1898 г. пришло время очередных выборов в рейхстаг. В начале избирательной кампании российские дипломаты оценивали шансы СДПГ на увеличение ее представительства в парламенте не очень высоко¹¹⁵¹, но их

¹¹⁴⁸ Там же. Л. 128.

¹¹⁴⁹ См., например, *Wachenheim H.* Die deutsche Arbeiterbewegung 1844 bis 1914. Fr. am Main, 1971. S. 307-314; *Kupfer T.* Geheime Zirkel und Parteivereine. Die Organisation der deutschen Sozialdemokratie zwischen Sozialistengesetz und Jahrhundertwende. Essen, 2003; *Овчаренко Н.Е.* Кризис в германской социал-демократии в начале XX в. (К вопросу о возникновении трех течений в СДПГ) // Ежегодник германской истории 1972. М., 1973. С. 96-104.

¹¹⁵⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1898 г. Д. 17. Л. 187

¹¹⁵¹ Там же. Л. 50

прогноз не подтвердился. Отправляя в Санкт-Петербург отчет о прошедших в июне выборах, посол Н.Д. Остен-Сакен обращал внимание своих адресатов на то, что либеральным партиям удалось договориться и при перебаллотировках выступить единым фронтом, что воспрепятствовало СДПГ еще больше увеличить свое представительство. Хотя это является и достаточно слабым утешением для правительства, так как СДПГ, сравнявшись по количеству мест с консерваторами, разделила с ними второе место по количеству мандатов.

В октябре 1898 г. Остен-Сакен направил товарищу министра В.Н. Ламздорфу большую аналитическую записку, касающуюся текущего положения дел в социал-демократическом движении. В ней он вновь зафиксировал переход партии к более гибкой тактике: «чувствуется умение германской социал-демократии, согласоваться с данными условиями, не теряя из виду преследуемых задач. Проповедуя умеренность, германская революционная партия смягчает теперь свою пропаганду и привлекает в свои сети все бóльшие массы интеллигенции. Но она далеко ещё не обезоружилась. Солидарность и дисциплина остаются опаснейшим оружием немецкой социал-демократии, даже при нынешнем, менее вызывающем ее виде»¹¹⁵². Этим, как и в предшествующие годы, российские дипломаты продемонстрировали неверие в принципиальные перемены в политике СДПГ. А ведь к этому времени она уже несколько раз демонстрировала готовность к компромиссу с правительством и другими партиями, если это, по ее мнению, служило интересам трудящихся. Так, в 1894 г. СДПГ впервые поддержала правительственный законопроект снижения пошлин на зерно, обосновывая это тем, что удешевление продуктов питания пойдет на пользу всему народу, в ландтагах она еще раньше перешла от глухой оппозиции к конструктивному взаимодействию с другими участниками политической жизни: в 1891 г. в Гессене и Бадене, в 1894 г. в Баварии социал-демократическая фракция

¹¹⁵² Там же. Л. 187-188

голосовала за бюджет, нарушив собственный принцип «ни одного человека и ни одного гроша системе»¹¹⁵³.

Спустя год, осенью 1899 г., сотрудники российского посольства доносили в Петербург подробные сведения о сложившейся в социал-демократической среде новой ситуации, связанной с «ревизионизмом» Э. Бернштейна. Для нашей работы важным является то, как Н.Д. Остен-Сакен и его сотрудники вслед за правящими сферами Германии, оценивали происходящее внутри СДПГ с точки зрения опасности, которую она несет существующему государственному строю. Прежде всего они полагали, и Ганноверский съезд СДПГ 1899 г. тому подтверждение, что в социал-демократическом движении оформились два течения – т.н. революционное (А. Бебель, К. Либкнехт и др.) и ревизионистское (Э. Бернштейн, Г. Фольмар и др.) и от того, за кем будет большинство, и будет зависеть развитие не только немецкой социал-демократии, но и, в определенной степени, внутриполитическое развитие всей страны. При этом Остен-Сакен вновь обратил внимание на то, какое важное значение руководство СДПГ придает сохранению внутреннего единства партии, что всегда было основой ее силы. Ради этого оно готово идти на компромиссы с другими политическими силами и даже поддерживать некоторые начинания правительства, идущие на пользу рабочим («кооперативные общества и социальные учреждения»)¹¹⁵⁴.

Несколько депеш за 1901-1903 гг. посвящены одной теме – неуклюжим попыткам императора силой своего авторитета убедить широкие рабочие массы отойти от поддержки социал-демократического движения. Российский посол пишет, что Вильгельм II «заклинает рабочее сословие посылать в рейхстаг своими представителями не социалистов, а настоящих рабочих из своей среды, с кем он сам и его правительство охотно будут совместно заботиться о всеобщем народном благе». Такие прямые обращения, даже по мнению посла российского императора, вызывали «опасение, как бы обаяние

¹¹⁵³ Поттхофф Х., Миллер С. Указ. соч. С. 71.

¹¹⁵⁴ Там же. Л. 168 об.

монарха, долженствующее стоять вне партийных раздоров, не было затронуто приемами, мыслимыми исключительно только в пылу избирательной борьбы»¹¹⁵⁵.

Как это часто бывало с Вильгельмом II, такие «выходы в народ» и обращение «к моим дорогим подданным», заканчивались большими или не очень скандалами. Так, в январе 1903 г. Н.Д. Остен-Сакен сообщает в Петербург, что рабочие завода «Вулкан» в количестве 4 тыс. человек некоторое время назад преподнесли императору «верноподданнический адрес», теперь же 1600 послали телеграмму на высочайшее имя и сообщили ее содержание прессе, «отрицая свою солидарность с высказанными в адресе чувствами, они объяснили его возникновение исключительно происками фабричного начальства, добывавшего будто бы подписи путём угрозы увольнения с завода в случае неисполнения его требований»¹¹⁵⁶. Вызывает совершенно неподдельное удивление реакция российского посла. Он не возмущается оскорблением престола, падением нравов и даже противоправными действиями (так как оскорбление величества было уголовным преступлением), нет! Пишет он буквально следующее: «полемика разгорается и это печальное обстоятельство подтверждает мысль, что слишком прямое и решительное вмешательство короны в партийные вопросы приводит лишь к обострению последних, порождая в социал-демократическом лагере ещё большее озлобление»¹¹⁵⁷. То есть, говоря прямо, не надо короне вмешиваться, причем столь «топорно» в сложные сюжеты межпартийных отношений и в рабочий вопрос, который может обостриться в любой момент. Цель же правительства – умиротворять, а не обострять, и путь этот, как выяснилось, был значительно более продуктивен.

В том же 1903 г. в Петербург вновь была послана аналитическая записка о развитии социалистического движения в Германии и правительственной

¹¹⁵⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 14 за 1902 г. Л. 233.

¹¹⁵⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1903 г. Д. 14. Л. 17.

¹¹⁵⁷ Там же. Л. 18.

политике по отношению к нему. Анализ этот был удивительно точен, поскольку верно излагал ревизионистскую концепцию перехода к социализму: «Цели социалистов остаются по-прежнему революционными, и разрушение монархического строя и современного общества преследуется ими настолько же сознательно, как и в былое время. Изменились только приемы борьбы. Раньше немецкий социализм думал осуществить свой идеал путём крутого государственного переворота. Но ныне, сознав, что для открытой революции он не обладает пока достаточной силой и что он может только потерять при столкновении с несовращённым им ещё войском, социализм создаёт благоприятные для себя условия неустанной агитацией, не сходя с законной парламентской почвы»¹¹⁵⁸.

Вполне естественными были соображения посла о специфике борьбы германских властей с этим непрекращающимся ростом влияния социал-демократов и ее оптимальных формах: «Никакие репрессивные меры, предлагаемые консерваторами, не в силах задержать рост социализма. Закон против социалистов, изданный князем Бисмарком в 1878 году, и не оправдавший в конце концов, возложенных на него надежд, служит сему лучшим доказательством. С другой стороны, возникшая на либеральных основаниях система поощрения правительством учреждений самопомощи для рабочих, не представляет уже более в Германии достаточного противовеса против обещаний социалистического лжеучения. Все эти благие начала искажаются социалистами. Они утрачивают все более в глазах рабочего класса своё первоначальное попечительное значение и вызывают лишь новые требования, предъявляемые к правительству якобы по неприемлемому праву. Невольно является мысль, что самым надежным средством для борьбы с социализмом было бы упразднение всеобщей тайной подачи голосов при парламентских выборах. Однако, всем ясно, что непростительная политическая ошибка князя Бисмарка более непоправима без опасного

¹¹⁵⁸ Там же. Л. 143-143 об.

сотрясения всего государственного строя Германии»¹¹⁵⁹. Как видно из приведенной выше цитаты, Остен-Сакен вполне ожидаемо назвал изначальной причиной проблем с социалистами демократическое избирательное право.

Через несколько месяцев, в сентябре 1903 г. по итогам ежегодного съезда СДПГ, прошедшего в Дрездене, в Петербург была отправлена новая депеша, касающаяся позиции социалистов в сложившихся условиях. Российские дипломаты сделали вывод о победе в партии радикального революционного крыла, которое олицетворял А. Бебель. В депеше от 25 сентября были процитированы слова многолетнего лидера социалистической фракции рейхстага, сказанные им на съезде: «Покуда я жив, я останусь смертельным врагом современного общественного строя и государственного порядка и буду подкапываться под них с тем, чтобы по возможности, их уничтожить»¹¹⁶⁰. Справедливости ради, следует признать, что Бебель не погрешил против истины, умер он в 1913 г., не дожив до полной поддержки, оказанной социал-демократической фракцией правительственному курсу в июле-августе 1914 г.

Съезд 1903 г. подтвердил декларируемый отказ от занятия административных должностей – «пример французского социалиста Мильерана, ставшего министром, является а глазах немецких социалистов не достойным подражания»¹¹⁶¹, писал автор депеши. Знаменательно, что за «революционную» резолюцию проголосовало подавляющее число делегатов (288, против – 11), в том числе и такие лидеры «ревизионистского течения» как Г. Фольмар. Но конструктивную линию поведения в рейхстаге съезд не запретил.

Начиная с 1903 г. СДПГ стала принимать участие в выборах в самый консервативный и при этом самый влиятельный ландтаг в Германии – в

¹¹⁵⁹ Там же. Л. 145-145 об.

¹¹⁶⁰ Там же. Л. 180 об.

¹¹⁶¹ Там же.

прусский, отменив тем самым принятое в 1893 г. на съезде в Кёльне решение игнорировать эти выборы. Причиной этого в то время было понимание, что трехклассное избирательное право фактически закрывает перед социалистами двери ландтага, а идти на репутационные издержки они не хотели. В 1903 г. возникла реальная возможность сближения позиций СДПГ и леволиберальных партий, прежде всего свободомыслящих, а такое сближение (хотя еще далеко не объединение усилий), давало реальную надежду на успех, что опять-таки имело значение только как «гол престижа», знаковый шаг проникновения в святая святых прусского сословного консерватизма: «если при настоящих выборах ни один социалист может быть и не проникнет в стены ландтага, то тем не менее нельзя упустить из виду успеха, достигнутого революционной партией в некоторых избирательных округах Пруссии, где она появилась ныне впервые и успела в сравнительно короткое время заручиться уже довольно значительным числом голосов», - писали в депеше от 20 ноября 1903 г. российские наблюдатели¹¹⁶². На этих выборах СДПГ не удалось провести своих кандидатов, но в 1908 и в 1913 гг. эта задача была выполнена. И хотя число депутатов было совсем незначительным (7 и 10 человек соответственно), забить «гол престижа» социалистам удалось. Как только избирательное законодательство (вместе с государственным строем страны) было изменено в 1919 г., СДПГ стала ведущей партией в прусском ландтаге и оставалась ею вплоть до 1933 г., когда были прекращены всяческие выборы, да и существование этого органа законодательной и представительной власти в принципе.

В 1904-1905 гг. социал-демократы интересовали российских дипломатов прежде всего как сила, постоянно выступающая против России и всячески демонстрирующая, в том числе и в рейхстаге, свои симпатии Японии во время русско-японской войны. Трудно предполагать, что в японской политической системе представители СДПГ видели какие-то элементы

¹¹⁶² Там же. Л. 197.

демократии, парламентаризма или чего-либо иного, привлекательного для социалистического движения. Выступления Бебеля и его товарищей, а также парламентские запросы по поводу мнимых нарушений Германией нейтралитета в пользу России, свидетельствуют только о ненависти к русскому самодержавию, переходящей в русофобию. Симпатии к «революционным элементам» во время революции в России 1905 г., вплоть до организации сбора средств в их поддержку, выглядят значительно более логичными в общем контексте стремления к слому существующего общественного строя, особенно в такой стране как Россия. Российская сторона даже размышляла над тем, чтобы инициировать официальную ноту с требованием судебного преследования, «дабы пресечь их преступную агитацию против дружественной соседней державы», но российское посольство предостерегло Петербург от этих шагов, «так как судебное преследование социалистических органов ... весьма вероятно окончится оправдательным приговором и даст лишь новый повод к целому ряду оскорбительных для нас газетных статей». Эти замечания, не связанные с темой нашей работы, только добавляют «штрихи к портрету» немецкой социал-демократии и проясняют ее готовность поддержать правительство в его войне с Россией летом 1914 г.

В 1905 г. в условиях революции в России и роста социалистического движения посольство обращает внимание своих адресатов еще на одну тему, связанную со взаимодействием российских и немецких социалистов. Успешность массовых демонстраций в Петербурге и Москве стала поводом к серьезному обсуждению проблемы перенесения борьбы за изменение прусского избирательного права на улицы. «Главарь социал-демократической партии вели в последнее время усиленную агитацию в целях устройства в Пруссии массовых уличных демонстраций против ныне существующего в королевстве выборного закона и в пользу всеобщего избирательного права. Перед лицом если не экспорта революции из России, но по крайней мере, опасности обострения социально-политической ситуации в стране, прежде

всего в Пруссии, власти ясно дали понять, «чтобы как полиция, так и войска, если бы они были вынуждены прибегнуть к оружию, действовали бы им с полной решительностью»¹¹⁶³.

Такая решимость, ясно продемонстрированная правительством, сразу же заставила руководство СДПГ опровергнуть ее готовность перенести борьбу за избирательную реформу на улицу. Не отрицая выводов, которые были сделаны авторами депеши, что эта перемена позиции была обусловлена, кроме страха перед вооруженной силой, отсутствием широкой поддержки таких методов в обществе, хотелось бы отметить еще один, достаточно очевидный факт. Немецким социал-демократам было что терять в отличие от их российских единомышленников. Практически без всяких демонстраций и баррикад, оставляя, впрочем, за скобками методы экономической борьбы, немецкие социал-демократы добились всего, о чем российские социалисты могли только мечтать. Для них, без всякого сомнения, было значительно важнее расширять и дальше свое присутствие в рейхстаге, который, как мы неоднократно писали выше, приобретал все большее и большее значение, чем путем сомнительных и очевидно противозаконных методов воздействовать на ситуацию в прусской законодательной сфере.

Несмотря на эти рассуждения, опасность выступления в годовщину январских событий 1905 г. в С.-Петербурге сохранялась. Войска берлинского гарнизона и полиция были приведены в состояние повышенной готовности. Однако никаких столкновений между ними и участниками действительно многочисленных митингов (93 в Берлине и пригородах) не произошло, после принятия резолюций, касающихся осуждения отказа властей от избирательной реформы в Пруссии и событий в России, их участники разошлись. Полиция вела себя в высшей степени корректно, что подтверждала и левая пресса. По поводу готовности армии к операции внутри страны против собственных граждан социал-демократы и консерваторы вступили в жесточайшую

¹¹⁶³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1905 г. Д. 18. Л. 362.

полемику. Первые «и даже многие либеральные органы резко осуждают принятие чрезвычайных военных мер, которые, по их словам, представлялись совершенно излишними в виду заранее объявленного рабочими решения не прибегать к уличным манифестациям. В свою очередь официозная пресса и консервативные газеты утверждают, что именно заблаговременное принятие энергичных военных мер предосторожности отрезвило вожаков движения и обеспечило мирный исход демонстрации»¹¹⁶⁴. Главный вывод, который был сделан российским послом, заключается в констатации факта удивительной дисциплины, царящей внутри социал-демократического движения, послушности масс «своим вожакам», которые в следующий раз «могли бы, пожалуй, столь же единодушно последовать и противоположному призыву своих руководителей и эта возможность без сомнения, внушает как правительству, так и благонамеренным общественным кругам самые серьезные опасения»¹¹⁶⁵. Кстати, партийная дисциплина была превыше всех идейных расхождений в партии, вовне партия выступала единым фронтом. «Фольмар совершенно обоснованно говорил на партийном съезде, что он не знает ни одного случая, когда в рейхстаге противостояли друг другу сплоченные фронты "радикальных" марксистов и ревизионистов»¹¹⁶⁶.

Многочисленные митинги беспокоили власти даже несмотря на то, что их участники не создали никакой прямой угрозы общественному спокойствию. Через несколько дней в прусской палате господ граф Б. Р. фон Эйленбург-Прассен сделал запрос, считает ли правительство меры, имеющиеся в его распоряжении для борьбы с социал-демократией, достаточными для того, чтобы обезопасить общество от ее влияния, или необходимо «издание особых ограничительных законов». В ответном выступлении Б. Бюлов заявил, что, с одной стороны, последние события доказали, «что мы не преклоняемся перед тиранией улицы, что

¹¹⁶⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1906 г. Д. 26. Л. 14.

¹¹⁶⁵ Там же.

¹¹⁶⁶ Поттхофф Х., Миллер С. Указ. соч. С. 74.

демонстрациями и угрозами от нас не добиться уступок и что мы не потерпим ни в Пруссии, ни в Германии революционных беспорядков со стороны черни», а с другой стороны, «правительство не признаёт нужным расширения своих полномочий и просит вообще не обнаруживать чрезмерной нервности, которая только усиливает самомнение социалистов»¹¹⁶⁷. И в данном случае сложно не согласиться с прусским министром-президентом, который считал лучшим средством борьбы с враждебными течениями «дружное единение между всеми партиями, не желающими насильственного ниспровержения существующего строя». В определенной степени эти слова были «камнем в огород» либералов, прежде всего левых, которые готовы были блокироваться на выборах с социалистами, чтобы не допустить победы Центра или консерваторов. В то же время и Центр, о чем мы уже писали выше, готов был выступать заодно с социалистами, как это было на выборах в 1905 г. в Баварии и Бадене, где партия Центра вступила в союз с социалистами против либеральных фракций¹¹⁶⁸.

Интересно, что эта речь Бюлова, по свидетельству российских дипломатов, была встречена местными средствами массовой информации «несочувственно»: «Консервативные органы указывают на то, что самый факт столь быстрого роста социал-демократии свидетельствует о необходимости принятия против неё чрезвычайных мер. Либеральные же газеты утверждают, что доколе в Германии и особенно в Пруссии, кроме «красной» опасности будет существовать еще и «чёрная», имеющая бесспорные связи с правительством, все призывы к единению партий порядка останутся громкими словами, лишенными реального содержания»¹¹⁶⁹.

Эта коллизия, столь подробно описанная в январской депеше 1906 г., прекрасно иллюстрирует те условия, в которых канцлер обдумывал, а затем прилагал максимум усилий для сколачивания правительственного

¹¹⁶⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1906 г. Д. 26. Л. 17 об.

¹¹⁶⁸ Там же. Л. 18.

¹¹⁶⁹ Там же. Л. 18 об.

консервативно-либерального блока. Ситуацию «все против всех» он попытался ввести в более «узкое» русло, оставив не множественность полюсов, а сократив их до двух-трех (блок–социалисты–Центр), что, впрочем, таило в себе другую опасность – спровоцировать дальнейшее сближение Центра с социалистами, что автоматически принесло бы им абсолютное большинство в палате. Эта вероятность и понимание того, что блок не сможет существовать достаточно долго, хотя бы до следующих очередных выборов, так как инерция мышления и образа действий двух основных его участников подталкивала их постоянно к конфликту друг с другом, не умаляют того факта, что блок, во-первых, был единственной реальной возможностью противопоставить правительственную стратегию «порядка» нарастанию влияния «партии беспорядка». Этот рост ее влияния особенно пугал во время революции в России, воздействие которой на окружающие страны и рабочее движение в целом трудно переоценить. Анализ имеющихся в нашем распоряжении материалов позволяет сделать именно такие выводы.

Осенью того же 1906 г. на съезде СДПГ в Маннгейме продолжилась дискуссия между руководством СДПГ и профсоюзами о всеобщей политической забастовке как методе борьбы, ставшая одной из самых серьезных в довоенной истории рабочего движения. До этого в Йене была принята резолюция, рекомендовавшая всеобщую забастовку как средство для достижения преследуемых социал-демократами политических целей. Против такого решения выступили профсоюзы, приняв на собственном съезде в Кёльне другую резолюцию, которая «осудила всеобщую забастовку как средство политической борьбы и предписала участникам синдикатов всячески от неё воздерживаться»¹¹⁷⁰. К. Легин, председатель созданной в 1890 г. Генеральной комиссии свободных профсоюзов, так же как его товарищи по профсоюзному движению «невысоко ценили речи о революционных теориях,

¹¹⁷⁰ Там же. Л. 242-242 об.

как и сами абстрактные теории вообще»¹¹⁷¹, боясь потерять все завоевания рабочего класса.

Российское посольство оценивало сложившуюся ситуацию даже как «раскол, который грозил серьезной опасностью дальнейшему развитию социал-демократической партии, находящейся в некоторой денежной зависимости от располагающих большими средствами синдикатов и пользовавшейся до сих пор на всех выборах голосами многочисленных рабочих, входящих в состав этих синдикатов»¹¹⁷². Новая резолюция, принятая осенью 1906 г., объявила две предыдущие не противоречащими друг другу. Главное, был подтвержден курс на единство партии и профсоюзов, для чего была даже рекомендована «совместная работа обоих центральных комитетов». При этом А. Бебель, обычно занимающий достаточно непримиримую и подчас крайнюю позицию, «признавая забастовку надежным и желательным орудием политической борьбы, заявил, что он стоит против применения этой меры, считая ее ныне практически неосуществимой»¹¹⁷³, то есть, по сути, поддержал позицию профсоюзов. Российские наблюдатели оценивали эти постановления как победу «экономических» социал-демократов над «политическими», признавая, что такая «умеренность» приведет к усилению партии, так как вернет в ряды ее сторонников тех, кто считал методы ее борьбы и намерения прибегать к крайним мерам грозящими не только обвинениями в нарушении законов и общественного спокойствия, но и реальным ухудшением экономического положения рабочего класса, которое чем дальше, тем больше выходило на первый план, отесняя иные, прежде всего политические требования. Предложение К. Либкнехта усилить антивоенную агитацию в народе и армии принято не было, что с нашей точки зрения, еще раз подтверждает, что «мировая политика», становясь национальной идеей, захватывала действительно все социальные слои и политические силы.

¹¹⁷¹ Поттхофф Х., Миллер С. Указ. соч. С. 72.

¹¹⁷² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1906 г. Д. 26. Л. 242 об.

¹¹⁷³ Там же. Л. 243 об.

Особое внимание, что совершенно закономерно, российское посольство уделило реакции съезда СДПГ на революционные события в России. Ожидаемо, немецкие социал-демократы полностью поддержали российские революционные силы и выразили готовность помогать им всеми средствами, в том числе финансовыми и материальными, чтобы дать возможность «террористической партии... организовать для борьбы с правительством широкие слои населения и вооружить армию»¹¹⁷⁴. Эта поддержка, которую СДПГ готова была оказать революционным силам в России, приводит к двум очевидным выводам. Во-первых, эти настроения были свидетельством близости идеологических платформ двух сил. Но напрашивается и другой вывод, ненависть к российскому общественному строю была столь велика, что участвовать в борьбе с ним немецкие социал-демократы готовы были самыми разными способами – и поддерживая милитаристский курс правительства, и вооружая революционные силы внутри России. При этом рефреном в дипломатических депешах звучит одна мысль – германское правительство в силу разных причин не готово начать более действенную борьбу с социалистами, оставаясь в рамках существующего правового поля.

Следующий раз тема социал-демократии возникла почти через год, в связи с Штутгартским конгрессом II Интернационала, проходившим в августе-сентябре 1907 г. Самой значительной дискуссией на нем было обсуждение темы милитаризма: «с французской стороны были высказаны самые преступные соображения, как-то относительно отказа от военной службы и поднятия восстания в случае объявления войны. Большинство съезда отвергло такие крайние меры, главным образом под влиянием немцев, не решающихся довести «Интернациональность» своих убеждений до «анти-национальности». По сравнению с французскими «товарищами» — Жоресом и в особенности Эрве, вожди немецкого социализма, — Бебель, баварец Фольмар и др. оказываются значительно более умеренными и разумными.

¹¹⁷⁴ Там же. Л. 244 об.

Русские участники голосовали вместе с немецкими»¹¹⁷⁵. И так, немецкие социалисты в очередной раз дали правительству основания для уверенности в том, что в случае войны они выступят с патриотических позиций. Что, собственно, и произошло через несколько лет. Французские социалисты, впрочем, также поддержали свое правительство летом 1914 г.

В конце сентября состоялся очередной ежегодный съезд СДПГ, первый после неудачных для партии выборов в рейхстаг и формирования бюловского блока. Важными для нашего исследования представляются несколько тем, поднятых на собрании. Во-первых, «военная», т.е. вопрос принципиального отношения социал-демократов к участию в войне, а тем самым и к поддержке правительственных проектов по строительству армии и флота. По этому поводу на съезде выступил Г. Носке, получивший в будущем известность в связи с пресловутым «ударом в спину» Ноябрьской революции и убийством Р. Люксембург и К. Либкнехта. В 1907 г. он заявлял, что «обязанность социал-демократов наряду с прочими гражданами защищать отечество от неприятеля», но его позиция не получила поддержки у большинства съезда. То есть встать на открыто патриотические позиции, не просто защиты Отечества, а поддержки существующего в нем режима, социалисты не решились, хотя такие настроения в партии, как видно, уже существовали. Еще более интересным было обсуждение вопроса о колониализме и колониальной политике. Съезд вслед за Штутгартским конгрессом признал «возможность ведения колониальной политики, но “социалистической”, а не “капиталистической”»¹¹⁷⁶. То, что за этими словами никакой идеи, кроме колониальной, не кроется, было понятно абсолютно всем. Примерно такого же мнения придерживался и Н.Д. Остен-Сакен, написав, что «различие это весьма неопределенно». Можно лишь утверждать, что данная оговорка открывала СДПГ возможность голосовать при определенных условиях за колониальные правительственные проекты и их финансирование. Совершенно очевидна

¹¹⁷⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1907 г. Д. 17. Л. 208.

¹¹⁷⁶ Там же. Л. 222.

постепенная трансформация партии из революционной в либерально-реформистскую. Многие решения ее съездов по этим вопросам трактовались двояко, что и делали социалистические деятели. После Штутгартского конгресса они постоянно говорили и писали о «социалистической колониальной политике, а некоторые даже были сторонниками наступательных и оборонительных войн»¹¹⁷⁷.

Буквально через месяц после общегерманского съезда социал-демократической партии состоялся форум ее прусской организации, который ожидаемо назвал прусский цензовый избирательный закон «позором для прусского народа». Кроме этого, его участники подтвердили единство партии, ее централизм и отсутствие у них намерения добиваться предоставления местным организациям больших полномочий. Основной темой следующего, Нюрнбергского съезда 1908 г. стала возможность голосования социал-демократических депутатов всех ландтагов по бюджетным вопросам, что давно уже практиковалось в южно-германских государствах. Коллизия заключается в том, что на Любекском съезде в 1901 г. была принята резолюция, запрещающая социал-демократам в ландтагах голосовать за принятие бюджетов своих государств. Поводом к новому обсуждению вопроса стала поддержка фракциями СДПГ бюджетов в ландтагах Баварии, Вюртемберга, Бадена и Гессена. Прения были чрезвычайно бурными, по оценке российских дипломатов, «доходя порой до взаимных личных оскорблений словами и даже действиями между сторонниками двух противоположных течений»¹¹⁷⁸. Принятая резолюция 258 голосами против 119 «в весьма резких выражениях признавала обязательность всех членов германской социал-демократической партии отказывать правительству в кредитах и обновлялось полное несоответствие поведения баварских и т.д.

¹¹⁷⁷ Юршин А.А. Колониальный вопрос и милитаризм в оценках германской социал-демократии: 1890 – 1914 гг. Автореферат ... кандидата исторических наук. Воронеж, 2012. URL: <https://www.disserscat.com/content/kolonialnyi-vopros-i-militarizm-v-otsenkakh-germanskoj-sotsial-demokratii?ysclid=ls8xbkjbgu781722262/read/read/pdf/read/read/read/read/read> (дата обращения 28.06.2023).

¹¹⁷⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1908 г. Д. 13. Т. 1. Л. 245 об.

социалистов с Любекским постановлением. В свою очередь, депутат Сегиц от имени 66 южногерманцев, участников съезда, заявил протест, согласно которому южно-германские социалисты признают авторитет съезда в общеимперских делах, отказываясь, однако, повиноваться ему во внутренних вопросах Союзных государств империи»¹¹⁷⁹.

Эта дискуссия, несмотря на победу, одержанную радикальными сторонниками А. Бебеля, по-прежнему выступавшими за «неподдержку» правительства, которую, впрочем, российские наблюдатели охарактеризовали как «пиррову», выявила тенденцию, становящуюся ведущей. Ее можно охарактеризовать как «огосударствление» немецкой социал-демократии. Не имея собственной, проработанной теории государства, под значительным влиянием профсоюзного движения и усилий государства по интеграции рабочего класса в социальную структуру, а СДПГ – в существующую политическую систему, партия все больше и больше переходила на позиции государственные, не оставляя, впрочем, революционной риторики, вызывающей нервозность в общественно-политической сфере.

Съезд СДПГ в 1909 г., прошедший уже после фактического распада бюловского блока в условиях укрепления надежд на успех социалистов на следующих выборах, был показателен с точки зрения иллюстрации этой тенденции. В этот раз были приняты совсем другие по своей сути резолюции. «Во время двух голосований – по вопросу о поведении парламентской фракции социал-демократов, голосовавшей, вопреки принципам партии, за наследственные налоги, и по вопросу об осуждении либеральных партий, принимавших участие в правительственном блоке, приняты были умеренные резолюции; поведение фракции было признано правильным и осуждение либералов отклонено»¹¹⁸⁰. То есть партия, по сути, отошла от Любекского постановления, признав собственные фракции полноправными участниками законотворческого процесса, а не враждебными наблюдателями,

¹¹⁷⁹ Там же.

¹¹⁸⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 20 за 1909 г. Л. 230 об.

отклоняющими любые инициативы. Более того, можно говорить о появлении у социал-демократических фракций чувства ответственности, государственного подхода к происходящему в стенах парламента, который к этому времени из малозначимого атрибута системы превратился в важнейший институт власти в стране.

Новый конфликт внутри партии возник в 1910 г. опять по тому же поводу – голосованию фракции СДПГ в баденском ландтаге по одобрению бюджета герцогства на следующий год. Обсуждение велось вокруг внесенной депутатом рейхстага от Шарлоттенбурга Ф. Цубейлем резолюции, требовавшей исключения баденских депутатов из партии. Вначале съезд поддержал предложение А. Бебеля со значительно более мягкой формулировкой о «строжайшем порицании» ослушников. Но затем, воспользовавшись отсутствием Бебеля, Цубейль внес новую резолюцию, за которую демонстративно отказалась голосовать та часть южно- и даже северогерманских депутатов, которую российские дипломаты называли «ревизионистами»¹¹⁸¹. Это проявление внутреннего конфликта в СДПГ бросалось в глаза всем наблюдателям прежде всего потому, что долгие годы партия демонстрировала удивительную сплоченность и внутреннюю дисциплину. Демонстрация разномыслия, конфликтов и споров, к тому же выплеснувшихся в публичное пространство, свидетельствовала, с нашей точки зрения, о двух новых моментах. Во-первых, об утрате партией своего «полуподпольного», крайне закрытого, почти сектантского характера¹¹⁸², когда вовне она выступала как консолидированная, сплоченная сила. СДПГ, осознав свое влияние, перестала бояться выносить на публику внутренние споры, впрочем, всегда в ней существовавшие. Во-вторых, это стало и свидетельством изменения общественно-политической ситуации в стране в целом. Почти ничто, общественно важное и значимое, не могло больше оставаться скрытым от глаз и ушей широких общественных слоев. Как

¹¹⁸¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1910 г. Д. 18. Л. 299 об.

¹¹⁸² *Nipperdey T. Die Organisation der deutschen Parteien... S. 293.*

император не мог скрыть сказанные им в запальчивости слова или необдуманные поступки, так и социал-демократическая партия не могла не предать гласности имеющиеся в ее рядах разногласия.

В 1911 г. социал-демократы если и упоминались в депешах российского посольства, то только в связи с возможностью поддержки СДПГ всеобщей забастовки, в том числе на случай войны, а также предстоящими в 1912 г. выборами в рейхстаг. Совершенно очевидно, и анализ депеш это подтверждает, что тема социалистов как врагов государства, чья деятельность угрожает существующему государству, российскими дипломатами больше не поднимается. О СДПГ говорят как о партии, претендующей на большую роль в будущем составе рейхстага (впрочем, масштаб ее успеха 1912 г. все-таки не прогнозировался). «В нескончаемом количестве газетных статей, речей кандидатов и избирательных воззваний отдельных партий пока довольно трудно разобраться, чтобы предсказать результаты новых выборов. Все партии полны надежд на успех; тем не менее можно предвидеть, что состав будущего парламента несомненно будет более левым, чем только что окончивший свои полномочия», - писал в середине декабря 1911 г. Н.Д. Остен-Сакен министру С.Д. Сазонову. В той же депеше, анализируя расклад политических сил, посол пишет, что хотя социалисты и остаются несколько в стороне, «они всячески добиваются поддержки либерального лагеря, путём даже уступок в своих основных принципах»¹¹⁸³.

Единственно, против кого социалисты выступают почти с тем же рвением, что и раньше, был император. Ни на какие, даже внешние уступки, например, все того же вставания в рейхстаге при появлении Вильгельма II, они идти не собираются, но по большому счету, это уже и мало кого волнует. Особенно в свете того, что и А. Бебель «подтверждает ещё раз сделанное им в своё время на конгрессе в Штутгарте заявление об отрицательном отношении немецких социал-демократов к мысли о всеобщей забастовке в случае

¹¹⁸³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 18-19 за 1911 г. Л. 275 об.

войны»¹¹⁸⁴. Удивительно другое, во-первых, российский посол называет Бебеля «талантливым оратором» и считает нужным послать в Петербург полный текст его речи. Во-вторых, удивляет сам А. Бебель, который «отзывается весьма сочувственно о примирительном образе действий императора Вильгельма в Мароккском вопросе и строго осуждает пангерманистов за их нападки по этому вопросу на своего монарха»¹¹⁸⁵. Оба эти момента свидетельствовали о государственном подходе лидера фракции СДПГ в рейхстаге к внешнеполитическому курсу правительства.

Январские и февральские депеши 1912 г. свидетельствуют, что результаты выборов в рейхстаг практически не напугали и даже особенно не взволновали правительство. Требовавшееся ему увеличение доходной части бюджета предполагалось обеспечить введением все того же налога на наследство, за который социалисты голосовали и в прошлый раз. Парламент, по сути, разделился на две, почти равные части: «правую - клерикально-консервативную и левую – либерально-социалистическую. Большинство, бывшее в старом рейхстаге за первой группой, было ею потеряно, но и левые не приобрели достаточного преобладания, имея перевес лишь в несколько голосов»¹¹⁸⁶. Что касается социалистов, то их сближение с либералами (или либералов с социалистами) было очевидным. Ни тех, ни других уже ни в коей мере нельзя было причислить к «партиям мятежа».

Речь теперь по отношению к СДПГ шла как о партии, которая поддерживала или не поддерживала те или иные начинания правительства в зависимости от выгод, которые она могла от них получить. Это ставило ее на одну доску со всеми остальными политическими силами, представленными в рейхстаге. «Необходимо иметь ввиду, что немецкие социалисты с общегосударственной точки зрения пока не представляют особенной опасности для Германии, так как в них ещё вполне живо патриотическое

¹¹⁸⁴ Там же. Л. 192.

¹¹⁸⁵ Там же.

¹¹⁸⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 18 за 1912 г. Л. 31 об.

чувство и любовь к родине. Однако, преследуя главным образом цели экономического характера, здешние социал-демократы держатся крайне непримиримо по отношению к династии»¹¹⁸⁷. Здесь я позволю не согласиться с акцентами, которые расставил российский посол. Патриотическое чувство в них «не еще вполне живо», наоборот, они все больше и больше этим патриотическим чувством проникаются, максимально восприняв и разделив национальную идею «мировой политики». Неприятие монархического строя и дома Гогенцоллернов, в частности, было той единственной деструктивной целью, от которой СДПГ отказываться не собиралось. Хотя и тут произошли существенные изменения, замеченные российскими наблюдателями: «деятельность социал-демократической партии носит скорее более спокойный и уравновешенный характер. За исключением нескольких непристойных выражений и обычного ухода из зала заседаний во время провозглашения Носч в честь императора, представители этой партии держались в рейхстаге вполне корректно и ограничивались деловой и обоснованной оппозицией. В социалистической литературе можно даже отметить признаки стремления к примирению. Так, например проводится идея, что, преследуя цели исключительно социальные, социал-демократия может ужиться с любым правлением — монархическим или республиканским и любой религией. Конечно, такие мысли не встречают единодушного одобрения всех адептов этой партии, но они не вызывают и особенно резких протестов»¹¹⁸⁸.

То есть задачей теоретиков социал-демократии было примирить стремление к установлению республики (хотя в этом, как говорится, возможны варианты) и фактическое одобрение не только защиты отечества, но и колониальных захватов. Здесь в помощь им была ситуация на международной арене. Республиканская Франция, имевшая в составе своего правительства министров-социалистов, обладала колониями и готова была не только их защищать, но и расширять подконтрольные территории.

¹¹⁸⁷ Там же. Л. 34.

¹¹⁸⁸ Там же. Л. 116.

Великобритания, оставаясь монархией и крупнейшей колониальной державой, при этом была общеевропейским образцом парламентаризма и сильнейшего профсоюзного движения (тред-юнионизма). То есть, одно явно не противоречило другому. Россия была особой статьей для немецких политических кругов. Самыми непримиримыми ее врагами были как раз социал-демократы, которые обосновывали принципиальную допустимость и даже вероятность войны с ней именно высокими целями победы над самодержавием, которое чрезвычайно мешало германской социал-демократии. Все эти резоны, которые руководители СДПГ и ее фракции в рейхстаге вовсе не скрывали, были залогом спокойствия правительства Т. Бетман-Гольвега за будущее всех его стратегических планов, реализация которых должна была быть обеспечена поддержкой рейхстага.

При всем при том нельзя сбрасывать со счетов традиционный отказ социалистов голосовать за законопроекты, связанные с увеличением вооруженных сил. Но готовность разделить цели предполагала в перспективе и готовность поддержать выделение средств для их достижения, что, собственно, и произошло через два года. «Хотя социалисты, по своим политическим принципам являющиеся антимилитаристами, и приобрели столь большое значение своей численностью в парламентской жизни Германии, и во многих случаях получают поддержку радикальных элементов, тем не менее они не чувствуют под собой достаточно почвы, чтобы выступить более энергично, хотя бы путём обструкции, против законов об армии и флоте. Все же другие, так называемые «буржуазные партии», так же, как и общественное мнение широких кругов населения, интересующихся политической жизнью, всецело ещё находятся под впечатлением событий, связанных с Марокканским кризисом. Таким образом, правительству удалось получить от рейхстага, в котором почти треть состоит из социалистов, увеличение боевых

сил с небывалой до сих пор легкостью»¹¹⁸⁹, – писал в мае 1912 г. советник посольства Н.Н. Шебеко в Петербург.

В тот момент, когда идея «мировой политики» стала национальной идеей, свернуть с этого пути Германия уже не могла. А как мы уже писали выше, социалисты в полной мере эту идею восприняли, сделав ее своей. В связи с этим так любимые в историографии ссылки на то, что СДПГ стала в 1912 г. крупнейшей партией рейхстага, что в корне меняло, якобы, политическую ситуацию в стране, с нашей точки зрения, опять-таки в корне неверны. Большинство СДПГ оказалось полностью на стороне правительства летом 1914 г., что, собственно, и требовалось. «Имперский канцлер был прав, сейчас же после выборов предсказав полную возможность работать и при наличии в парламенте 110 социалистов и при почувствовавших свою силу враждебных ему либерально-радикальных элементах. Практический дух немецкого характера не допускает ненужной оппозиции даже по отношению к правительству, не пользующемуся симпатией большинства; социалисты же одни не могли оказать существенного влияния на исход важных законопроектов»¹¹⁹⁰.

В первых заседаниях нового состава парламента, после скандальных выборов президиума, в палате выступил имперский канцлер, который, заявив, что, во-первых, отсутствие единства «партий порядка» и главное, поведение либералов, не позволили реализовать его план по противодействию социалистам и сокращению их представительства в рейхстаге, во-вторых, «эта неудача не изменит политики правительства, которое останется непоколебимо на принятых им устоях»¹¹⁹¹.

В той же речи канцлер четко заявил позицию властей по самому животрепещущему вопросу, на решении которого настаивали социалисты – изменении конституции и введении ответственности канцлера перед

¹¹⁸⁹ Там же. Л. 106.

¹¹⁹⁰ Там же. Л. 109.

¹¹⁹¹ Там же. Л. 47.

рейхстагом. «Канцлер самым определенным образом заявил, что, даже, признавая некоторые несовершенства в распределении избирательных округов, он не согласится на еще большую демократизацию избирательного закона и не допустит посягательств на основы имперской конституции. Затем он категорически отверг требования ответственности канцлера перед рейхстагом. Зависимость имперского канцлера только от императора – есть необходимый противовес столь широкому избирательному праву, установленному в Германии. Мировое же ее положение требует стройной организации и мир всегда нарушался лишь тогда, когда она находилась во внутренней дезорганизации. В заключение канцлер заявил, что правительство не будет колебаться вправо и влево, так как Германия не может быть управляема ни реакционно, ни радикально»¹¹⁹².

Эти слова Бетман-Гольвега говорят о многом кроме страха перед еще большим усилением роли парламента и зависимости всей политики страны от его левого, преимущественно социалистического большинства. Эта речь главы правительства, который мыслит уже фактически категориями военного времени и почти чрезвычайного положения. Категорический отказ от обсуждения вопроса об изменении статей конституции и ссылки на необходимость консолидации свидетельствуют, что власти Германии видели себя уже в состоянии внешнего конфликта, в условиях фактического моратория на какие-либо внутренние реформы, если они не касались усиления армии, флота и военной промышленности. По сути, после Марокканского кризиса, а тем более Балканских войн никакие внутренние модернизации уже не стояли на повестке дня, даже гипотетически. Укрепление единства, консолидация общества вокруг одной идеи – вот задача властей, на решение которой они направили свои основные усилия. Что же касается самих социалистов, то, по оценкам российских дипломатов, как мы уже писали выше, среди них «усиливается стремление к практической деятельности и из

¹¹⁹² Там же. Л. 48.

прежних фанатичных доктринёров мало по малу вырабатываются опытные политические деятели с явно республиканскими наклонностями»¹¹⁹³.

В том же ряду следует рассматривать реакцию властей на крупную забастовку горняков, случившуюся в первой половине марта 1912 г., к которой примкнуло более 200 тыс. человек. Стачку, требования которой были сугубо экономическими, поддержали крупнейшие профсоюзы, связанные с СДПГ, но не поддержали христианские синдикаты, поэтому примерно половина рабочих готовы были выйти на работу. Власти не предпринимали никаких, как выразились российские дипломаты, энергичных мер для ее подавления, хоть и послали некоторое количество войск, призванных обеспечить доступ к рабочим местам тем, кто работать хотел. Правительству важно было договориться с профсоюзами, обеспечить бесперебойные поставки топлива, не допустить выхода оппозиции на улицы и появления у забастовщиков политических лозунгов и требований. Со всеми этими задачами они в эти предвоенные годы вполне удачно справлялись.

В августе 1913 г. крупная забастовка под экономическими лозунгами прошла на верфях в Гамбурге, к ней примкнуло 45 тыс. рабочих, которые были уволены руководством предприятий как разорвавшие действующие контракты. Эту забастовку рабочие будто бы объявили сами, без санкции руководства профсоюзов и рабочих советов, тем самым они нарушили дисциплину. Рабочие советы осудили эти действия, и забастовщики были вынуждены вернуться на производство на старых условиях, предоставив профсоюзам самим вести переговоры с руководством верфями. «Своим своеволием рабочие немало повредили общим своим интересам, подорвав значение советов, которые сами же с большим трудом навязали своим работодателям для улажения возникающих трений»¹¹⁹⁴, писал министру С.Д. Сазонову российский посланник в Гамбурге Н. Америк.

¹¹⁹³ Там же. Л. 55.

¹¹⁹⁴ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1913 г. Д. 36. Политический архив. Л. 19

В сентябре 1913 г. умер А. Бебель. Это событие стало рубежным, ушел не только самый авторитетный деятель немецкой социал-демократической партии после смерти Ф. Энгельса, не только одна из самых значительных фигур в германском рейхстаге, но и человек, до конца остававшийся верным своим принципам, сражающийся за единство партии. Революционной, сохраняющей не только революционную риторику, но и не отказывающейся открыто и публично от целей, провозглашенных Марксом и Энгельсом несколько десятилетий назад. Сначала долгая болезнь и фактическое отсутствие Бебеля на заседаниях рейхстага, а потом его смерть изменили ситуацию в партии. Революционный фактор окончательно отошел на второй план, члены партии все больше воспринимали национальную идею, и демонстрировали готовность поддерживать правительство. Конечно, не все и не всегда, но мы говорим о большинстве, о позиции партии в целом, и она претерпела кардинальные изменения.

В последние месяцы перед началом войны социалисты если и упоминались в депешах российских дипломатов, то в основном в связи с дебатами в рейхстаге по вопросу о наращивании вооружений, которое они не поддерживали из-за опасения, что это приведет к снижению жизненного уровня населения, а также по Цабернскому инциденту. Здесь же хотелось бы только уточнить, что весь пафос социалистических запросов по этому вопросу был направлен против двух сил – императорской семьи и армии. «Прения прошли весьма спокойно, и возбуждение появилось лишь в тот момент, когда социалист, обосновавший социалистический запрос, резко заговорил о кронпринце. Рейхсканцлер ответил довольно резко и, сильно взволнованный, заявил, при шумных одобрениях правых, что в выпаде социалистов «обнаружилась воочию вся ненависть последних к солдатскому духу» (gegen jeden soldatischen Geist)»¹¹⁹⁵.

¹¹⁹⁵ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1914 г. Д. 216. Эльзас-Лотарингия. Л. 6.

Демонстративный отказ в стенах рейхстага от знаков уважения императору получил новое продолжение при закрытии сессии весной 1914 г.: «социал-демократы не ограничились своей обычной анти-монархической демонстрацией; они не покинули зал заседаний и остались сидеть, когда во время провозглашения президентом hoch все прочие депутаты встали со своих мест. Президент сейчас же, при единодушном сочувствии представителей всех партий, выразил своё порицание социалистическим депутатам, не пожелавшим воздать должный знак уважения монарху»¹¹⁹⁶. Инцидент этот как нельзя лучше демонстрирует сложившиеся к этому времени взаимоотношения между правительством и сильнейшей фракцией рейхстага. Между ними установилось вполне устойчивое взаимопонимание при том, что ни те, ни другие не испытывали друг другу ни малейшего уважения, но их мирное сосуществование в политическом поле не сулило стране на данном этапе никаких серьезных потрясений. Отказ СДПГ от поддержки всеобщей политической забастовки в случае начала войны и в принципе как средства давления на правительство, а также фактический перенос основной деятельности социал-демократов в экономическую сферу и в стены парламента, лишил партию статуса «партии мятежа». Ни к какому мятежу партия уже не призывала, став в ряд других парламентских сил, в каких-то вопросах поддерживающих правительство, а в каких-то занимающих оппозиционную позицию.

По понятным причинам последние депеши, хранящиеся в АВПРИ уже в достаточно разрозненном виде, прерываются в конце июня 1914 г. Поэтому сюжет с фактической поддержкой вступления Германии в войну остается за пределами нашего исследования. Но хорошо известно, что уже 29 июля 1914 г., за 3 дня до начала войны, руководство СДПГ уведомило канцлера Бетмана-Гольвега о том, что партия не планирует никаких антивоенных акций и ее

¹¹⁹⁶ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1914 г. Д. 208. Л. 10 об.

печати дано указание избегать «способных вызвать недоразумения высказываний»¹¹⁹⁷.

Суммируя сделанные нами в данном параграфе наблюдения, можно сделать несколько основных выводов. Социал-демократическая партия Германии без всякого сомнения являлась одной из важнейших политических сил в стране, действовавшей прежде всего и практически исключительно от имени пролетариата. С ростом этого общественного класса пропорционально росла численность ее членов, а также количество депутатов в рейхстаге, что обеспечивалось всеобщим избирательным правом, а затем и в ландтагах отдельных германских государств. Чем более демократичным было избирательное законодательство в том или ином государстве, тем раньше социалистическая фракция в нем появлялась и тем быстрее она интегрировалась в политическую жизнь на земельном уровне. Это особенно ярко проявилось в поддержке бюджетов в южногерманских государствах, где СДПГ голосовала за их одобрение даже вопреки прямым запретам съездов партии на имперском уровне (Баден, Гессен, Бавария). Дольше всего от присутствия социалистов был защищен трехклассным избирательным правом прусский ландтаг, что полностью укладывается в схему несовпадения и противостояния прусских и имперских процессов.

Процесс трансформации партии и включения ее в общеимперскую социально-политическую систему был «улицей с двусторонним движением». Правительство, работодатели, общество в целом предпринимали значительные усилия в этом направлении. Интеграция шла через расширение сферы социального страхования, деятельность профессиональных и иных союзов, которые способствовали улучшению материального положения, облегчению условий труда и быта рабочих и их семей, а также через

¹¹⁹⁷ Костяев Э.В. Выделение военных кредитов кайзеровскому правительству в период Первой мировой войны: лидеры Российской социал-демократии о позиции фракции СДПГ в рейхстаге // Промышленность: экономика, управление, технологии. Вестник 2009. №2 (26). С. 152. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vydelenie-voennyh-kreditov-kayzerovskomu-pravitelstvu-v-period-pervoy-mirovoy-voyny-lidery-rossiyskoy-sotsial-demokratii-o-pozitsii/viewer> (дата обращения 10.01.2024).

демонстрируемую готовность к диалогу, основной площадкой которого были хоть и несовершенные, но все же вполне действенные парламентские институты.

Власти, отказавшись в 1890 г. от применения чрезвычайных, запретительных мер открыли новую главу не только в истории своих отношений с рабочим движением, но и в истории самого движения и социалистической партии. Меры, предпринимаемые властями и общественными организациями, а также объективное развитие экономических и социальных процессов, которые на деле опровергали, по крайней мере частично, марксово учение, не могли пройти незамеченными в партии. В южногерманских государствах, где ее представители раньше, чем в других частях страны, получили доступ к органам управления на земельном и коммунальном уровнях, не могло не возникнуть реформистское движение, стремящееся к диалогу, тактике малых дел и постепенному включению социалистов в политический процесс. Появление таких деятелей как Г. Фольмар, а затем Э. Бернштейн и другие вызвало сопротивление привыкших к противостоянию и борьбе времен Искключительного закона «старых членов партии», а также привело к неминуемому появлению «молодых левых», которые крайними экстремистскими методами хотели попробовать решить все задачи разом и незамедлительно. Эта внутренняя борьба течений сопровождалась серьезной теоретической работой, направленной на идеологическое обоснование того или иного пути развития социал-демократии.

Главным условием успеха, который был достигнут в деле интеграции движения и партии в общество, была выработка властями внешнеполитической стратегии, которая в качестве цели, удовлетворила основные социальные слои, в том числе и пролетариат. Колониальная политика, не отягощенная идеями гуманизма и прав человека, которые ни в коей мере не распространялись на «дикие» народы, несла очевидные плюсы и выгоды всем жителям метрополии. Она давала возможность развития,

получения новых рынков и создания новых рабочих мест, решала вопросы перенаселения и нехватки продовольствия, которые так волновали европейское общество на рубеже веков.

Колониальные идеи обосновывались националистическими требованиями «места под солнцем», чувством национальной обиды, а также убеждением в правомочности этих требований с точки зрения экономического потенциала страны. Такие события, как Альхесирасская конференция 1906 г. усиливали позиции «ястребов», требующих военного пути решения всех возникающих вопросов, и пролетариат, также как и остальные широкие общественные круги оказался восприимчив к националистической пропаганде. Участие рабочих в различных общественных, в том числе и националистических организациях (например, Флотском союзе), способствовало восприятию ими и иной идеологии, в корне отличной от социалистической. Через этот канал росло не просто их участие в общественной жизни, но и их институциональное включение в различные не социалистические структуры.

Все эти факторы способствовали интеграции немецкого пролетариата в буржуазное общество, а СДПГ - в политическую систему и в систему управления Германской империи. Лучшим подтверждением тому служит поддержка, оказанная социалистами действиям правительства летом 1914 г. и сохранявшаяся в полном объеме почти до самого конца мировой войны.

Анализ партийно-политической системы Германии и взаимоотношений исполнительной (канцлер), верховной (император) и представительной (рейхстаг) властей позволяет сделать несколько выводов.

Партийная система Германии состояла из четырех основных сил – консерваторов, либералов, социалистов и католиков. Консерваторы были относительно едины, но находились под подавляющим влиянием т.н. прусских аграриев, которые требовали продолжения политики постоянных преференций сельскому хозяйству, прежде всего зерновому производству, сконцентрированному в крупных помещичьих хозяйствах Пруссии. Новый тренд, заданный целым рядом торговых договоров, заключенных в период канцлерства Каприви, вбил клин в отношения консерваторов не только с правительством, но и с императором. Главными аргументами консерваторов было то, что только они и никто другой служат опорой трона и что именно процветание сельского хозяйства является основой не только продовольственной безопасности страны, но и единственной действенной защитой сельского населения от социалистической пропаганды. Главным противовесом консерваторам составляли находящиеся в состоянии перманентного кризиса либералы, которые, в общем и целом, выражали интересы промышленного и финансового капитала, связанного с международной торговлей. Партии и того, и другого направления достаточно поздно обзавелись собственными партийными программами, а свои действия сообразовывали с действиями правительств, то есть не формулировали собственной повестки и не инициировали собственных политических программ.

Правительство, в свою очередь, не без серьезных трудностей адаптировалось к постоянно меняющимся общественным условиям, никакой долгосрочной программы вначале не существовало, она разрабатывалась постепенно. Ради справедливости следует отметить, что все действия в конце

концов оказались достаточно последовательными. Отношения с партиями рейхстага строились ситуативно, до Бюлова воздействовать на результаты выборов в период предвыборной кампании властям не удавалось. Поэтому исход каждого выбора был по большому счету непредсказуем, в связи с этим канцлеру приходилось договариваться по каждому законопроекту, постоянно балансируя между противоположными интересами «промышленников» и «аграриев». При этом за позицией и консерваторов, и либералов почти всегда стояли исключительно экономические интересы, идеология в чистом виде играла подчиненную роль, хотя иногда давала о себе знать. Например, либералы, также как социалисты и католики были против введения любых исключительных законов, во всех остальных случаях они руководствовались или узкими интересами своей экономической (промышленной или аграрной) группы, или текущей конъюнктурой, решая, что будет более выгодно в ближайшем, вполне обозримом, будущем – вступить во временный альянс с какими-то партиями, чтобы поддержать правительство, или, что случалось чаще, угрожая провалом нужного ему законопроекта вынудить пойти на уступки, которые, кстати, далеко не всегда носили принципиальный характер, а подчас были скорее символическими, должны были показать исполнительной власти ее зависимость от той или иной группы интересов, чем партии и являлись по своей сути.

Взаимоотношения между правительством и рейхстагом весь вильгельмовский период чаще всего строились по принципу «ты мне, я – тебе», что лишало правительство возможности долгосрочного планирования, а партии не подталкивало к скорейшей выработке реальной политической программы, связанной не только с поддержкой экономических интересов основной части клиентелы, но и более широкой общественно-значимой позитивной программы. Временные парламентские объединения различных сил в самых разнообразных комбинациях (консерваторы – католики, левые либералы – социалисты, консерваторы – либералы, социалисты – католики) свидетельствуют, что они могли быть «какими угодно», главной

объединяющей силой всегда было одно – сопротивление правительственным проектам или сопротивление до того момента, когда правительство будет «загнано в угол». И тогда, как они знали, оно, чтобы добиться поддержки своей программы, пойдет на максимальные уступки. И только после этого преисполненные чувством собственной значимости, они соглашались отдать свои голоса за тот или иной проект.

Самые последовательные позиции занимали две партии – Католического Центра и СДПГ, хотя эта последняя, как мы видели выше, эволюционировала больше других. Католиков и социалистов объединяло не только отрицательное отношение к любым чрезвычайным законам, предусматривавшим запрет или ограничение деятельности групп людей по религиозному, социальному, профессиональному или любому другому признаку. Это было следствием как их пребывания в положении «врагов империи» при Бисмарке, так и их эволюции из организаций, обладающих изначально достаточно узкой, но при этом сплоченной и четко очерченной базой, в общенациональные партии, к 1914 г. давно преодолевшие ранее существующие рамки.

СДПГ эволюционировала под влиянием многих факторов из «партии мятежа», выражающей интересы пролетариата, стремящегося получить допуск к властным институтам, и при этом нацеленной на слом существующего строя и революцию, в партию, к середине 1914 г. обладающую широчайшей социальной базой, пополнившейся за счет среднего класса и сельских низов, а также в одну из опор государства. Даже свое вполне последовательное требование реформы государственного устройства за счет ограничения прав монарха, социалисты готовы были корректировать в зависимости от текущей политической обстановки. Это ярко проявилось годы Первой мировой войны, особенно в ее первый период, когда СДПГ выступала защитником провозглашенного императором гражданского мира и социально-политического единства. Не ломая системы, они смогли стать одним из ее краеугольных камней, что потребовало не только эволюции системы, но и

приспособления основной массы социал-демократов к своей новой роли в рейхстаге и в стране. Эта задача была выполнена вполне успешно.

Схожий эволюционный путь прошла и партия Католического центра, которая из силы, находящейся под большим влиянием Ватикана и реализующей в основном его политическую и социальную повестку, превратилась в национальную силу, в поддержку которой выступали самые разные социальные слои и которая накануне войны была близка к трансформации из католической конфессиональной в общехристианскую, о чем шла активная публичная и внутривнутрипартийная дискуссия.

Попытки властей опереться на прочные парламентские объединения предпринимались весь вильгельмовский период, на это были направлены и политика «примирения», и политика «сплочения», но единственным удачным примером иных отношений между правительством и парламентом был период «бюловского блока» 1907-1909 годов. Построен он был как долговременный прочный союз, почти правящая парламентская коалиция. Либерально-консервативный блок позволил правительству, впрочем, на достаточно ограниченном временной отрезке, чувствовать себя уверенно и не вступать в постоянный «торг» по поводу любого законопроекта со всеми партиями, способными обеспечить ему поддержку рейхстага. Деятельность блока имела позитивный результат для создания условий и подготовки к реализации национально-государственной стратегии «мировой политики». Главной слабостью блока, по нашему мнению, являлось то, что он создавался и функционировал не «за», а «против». То есть, он не смог стать проправительственной коалицией, которая не только способствовала реализации предложенной монархом и властями стратегии, но и как сила, готовая эту стратегию формировать. Он же до конца видел себя как объединение для противодействия то ли католикам, то ли социалистам, то ли и тем и другим вместе.

Политические партии не смогли подняться над привычной им практикой взаимоотношений с исполнительной властью и предложить собственный план

развития страны, возможно в несколько ином духе, чем тот, что был впервые сформулирован в 1897 г. и стал в полной мере реализовываться в 1914 г.

Но самым существенным, значимым, не сопровождавшимся какими-либо новыми правовыми нормами и законодательными актами, был переход к фактической ответственности канцлера перед парламентом в конце 1900-х гг. Процесс этот был обоюдным, но инициатива скорее исходила от Бюлова, который готов был подать в отставку, потеряв доверие рейхстага, и который в конце концов воплотил в жизнь эту свою угрозу и в условиях распада правительственного блока действительно покинул свой пост. Более того, одновременно рейхстаг помимо канцлера фактически «вынес вотум недоверия» и императору, что еще совсем недавно было немислимым. И несмотря на то, что последнее слово все равно оставалось за монархом, и подлинной причиной отставки Бюлова была потеря им доверия Вильгельма II во время осеннего скандала 1908 г., тенденция прослеживалась достаточно уверенная. Однако наличие других властных факторов, прежде всего прусского, не позволило этой тенденции институционализироваться и изменить политическую систему Германии с монархо-конституционной на конституционно-монархическую, а тем более парламентскую. Имея ввиду личную присягу армии императору, т.е. королю Пруссии, изменение системы могло произойти только путем государственного переворота, о котором достаточно много со всех сторон говорилось, но при этом ни одна из сил всерьез этот путь не рассматривала.

Таким образом, взаимоотношения между тремя ветвями власти в период вильгельминизма значительно трансформировались, что и было, по нашему мнению, одной из главных тенденций политического развития Германии – росло влияние и значение публичных властных институций, прежде всего парламентских партий и рейхстага как такового, который при Бисмарке играл однозначно второстепенную роль, не претендовал на первенство, принадлежащее императору, канцлеру, бундесрату, прусскому Государственному министерству и другим прусским структурам, армии,

бюрократии и т.д. Тенденция, вначале не очень заметная даже для участников процесса, зародилась вскоре после ухода в отставку Бисмарка, то есть при Каприви, укрепилась при Гогенлоэ и стала значимым фактором политики при Бюлове. Это был процесс, в развитии которого огромную роль играли пресса, постепенно превращавшаяся в средство массовой информации, и, как бы нелогично это ни выглядело, сама исполнительная власть.

Рейхстаг с момента своего создания имел в своем распоряжении главный властный рычаг – утверждение государственного бюджета, но при Бисмарке власть безраздельно находилась в руках канцлера и императора. Почему же после Бисмарка ситуация стала меняться в пользу нижней палаты парламента. По нашему мнению, потому что возросло значение этого бюджета вследствие выдвижения на первый план задач и целей имперской политики при одновременном сокращении роли отдельных союзных государств. Поэтому так важна была реформа финансовой системы, созданной в тот период, когда основные финансовые тяготы лежали на них, а не на имперском центре. Чем больше имперские власти зависели от имперских финансов, тем выше была роль рейхстага.

И второе обстоятельство. Власти империи, включая императора и канцлеров, внимательно отслеживали все мировые тенденции, анализировали процессы, идущие в Париже и Лондоне, в этих двух главных в тот период мировых столицах. Отсюда и выбор «мировой политики» как национальной цели, чтобы стать в ряд мировых держав следовало выйти за пределы прусских границ, и сделать это можно только таким путем. Для того, чтобы вести «мировую политику», ее нужно было превратить в национальную задачу и идею, и для этого более всего был пригоден рейхстаг как представительный орган, избираемый на основе широчайшего избирательного права. То есть рейхстаг уже являлся готовой площадкой для «завоевания общества» в нужном правительству направлении. Думается, что именно эти аргументы, пусть и не всегда так четко артикулированные и даже осознанные полностью,

лежали в основе кардинальных изменений взаимоотношений исполнительной власти и рейхстага.

Заключение

Вопреки названию, которое Германия получила в 1871 г., а именно Германская империя, таковой она, по сути, в тот момент не была. По своей властной и административной структурам, финансовой и даже правовой системам она оставалась федерацией государств, то есть расширенным за счет юга Германии Северогерманским союзом. В пользу этого утверждения говорит множество обстоятельств, в том числе:

1. В исторической литературе общепринято, что конституция Германской империи осталась неизменной с 1867 г., став тем самым фактическим повторением конституции Северогерманского союза. Этот факт вызывает тем большее удивление, что над ее составлением работали лучшие юристы. Из этого можно сделать вывод, что перед ними не было поставлено иной задачи, чем та, что стояла за три года до этого – законодательно оформить существование союза германских государств.

На это можно возразить, что в 1867 г. Бисмарк уже точно знал, что союз будет расширен за счет государств юга Германии и заранее предусмотрел все параметры нового государства. Этот тезис вызывает сомнение, так как при всей провидческой гениальности «творца германского единства» все-таки за это время мог произойти и произошел целый ряд событий, которые потребовали бы определенных корректив, но они внесены не были. Новое государство, вне всякого сомнения, требовало новой конституционной базы, но таковая создана не была, даже столь критикуемое и неловкое определение как «президиум» для обозначения главенства в империи частично было сохранено. Представляется, что именно с этим связаны вся противоречивость, «особость» политической системы страны, то, что вот уже 150 лет специалисты – историки и правоведы – пытаются объяснить, с нашей точки зрения, достаточно безуспешно.

2. Конституции отдельных германских государств, в том числе Пруссии, изменениям подвергнуты не были, при этом их проработанность и

подробность значительно превосходили имперский основной закон. За отдельными государствами были оставлены такие важнейшие элементы современных конституций как каталог гражданских прав, судебная ветвь власти, наличие собственных органов исполнительной власти, иностранных дипломатических представительств и т. д. Они просто продолжали существовать в некотором роде независимо от Германии, что нелогично в случае, если Германия становится полноценной империей, но совершенно нормально в случае союза, в котором земельные законы и установления имеют приоритет над общими, аналогично тому, как это имеет место, например, в Швейцарском союзе.

3. В пользу нашего утверждения говорит и сохранение широчайших прерогатив отдельных государств, которые, кстати, даже называются союзными. Империя практически не имела собственных властных институтов (прежде всего, правительства, основной закон определил лишь наличие «должностных лиц», права и обязанности которых никак не прописаны в законодательстве). Почти единственной, особенной, собственно имперской структурой был рейхстаг, но и он находился под контролем бундесрата или «союзного сейма», как называли его российские дипломаты, который выполнял по отношению к нему функции высшей палаты, то есть «союзного контроля».

4. Большинство специалистов, пишущих о федеративной форме объединенной Германии, отмечают ее уникальный характер. В этой федерации не стоял национальный вопрос, кроме долгой традиции Священной Римской империи в принципе ничего не говорило о том, что избранная форма каким-то образом присуща немецкому государству. Этот «странный федерализм», часто больше напоминавший конфедератизм, был необходим только в одном случае, и эта идея является достаточно распространенной в специальной и не только литературе – малогерманский путь объединения страны был ничем иным как «империализацией Пруссии. По нашему убеждению, это утверждение

нуждается в одной корректировке – не империей, а союзом государств с Пруссией, которая выполняла гегемонистскую унификаторскую роль.

При таком взгляде на Германскую империю образца 1871 г. совершенно объяснимы и закономерны все особенности и «странности» системы власти нового государства. Сторонники традиционного взгляда на характер германской государственности как расширившейся Пруссии чаще всего ссылаются не столько на ее численное (с точки зрения населения и территории) преобладание, сколько на ее преобладание в бундесрате и знаменитый «дуализм», то есть совмещение одними и теми же лицами (императором и канцлером) главных постов в Пруссии и империи.

Этот «великопрусский тезис» является самым логичным, но не объясняет главного – изначальной противоречивости, даже противоположности земельного, прежде всего прусского, и имперского законодательства, что особенно показательно на примере их избирательных систем. Нет смысла здесь вновь возвращаться ко всем этим противоречиям, но ни одного удовлетворяющего нас объяснения их «сосуществования» обнаружить не удалось. Если империя – это расширенная Пруссия, то зачем под столь стройное, долго строящееся здание была заложена «бомба замедленного действия» в виде всеобщего избирательного права в рейхстаг.

Объяснение, думается, здесь может быть только одно – с одной стороны, такой орган должен был быть привлекательным для населения Германии, стать для него воплощением «национальной мечты» немцев о единой стране, которая достаточно четко была сформулирована в романтический революционный период 1848 года и даже ранее, на волне патриотического подъема 1813. С другой стороны, общеимперским, т.е. союзным органам отводилась изначальна второстепенная роль, прерогативы рейхстага по утверждению, например, бюджета, складывавшегося из матрикулярных взносов, то есть почти всецело зависящего все от тех же союзных государств и их ландтагов, не имели большого значения для функционирования государства. Тем более, что Бисмарк имел опыт конституционного конфликта

и считал, что «парламент не стоит всего того шума, который вокруг него поднимают», если перефразировать английского писателя С. Моэма.

Еще одним фактором, как нельзя лучше доказывающим тезис о том, что «провозглашение империи» и «создание империи» – это не одно и то же. Образование нового государства потребовало бы и создания новой политической элиты. Но элитой этого «расширенного Северогерманского союза», «германской федерации» или даже «конфедерации» с гегемонистской прусской ролью оставалась старая прусская элита, не претерпевшая практически никаких изменений. Она реализовала свой созидательный потенциал, свои цели в 1871 г., дальнейшая ее история является воплощением только одной идеи – стремления к консервации, сохранению существующих порядков и всех завоеваний – территориальных, экономических и внешнеполитических.

Пока Вильгельм I и канцлер Бисмарк оставались на своих постах, это положение вещей не менялось, что позволяет говорить о Германии 1870-1890 гг. как о «номинальной империи». Бисмарк, с одной стороны, стремился к созданию внутреннего единства, а с другой, во главе угла всегда были прусские интересы, что было очевидным препятствием на этом пути. Не случайно, практически все его мероприятия, казалось бы, направленные на внутреннюю консолидацию, закончились неудачей (самыми очевидными в этом ряду являются Культуркампф и Исключительный закон против социалистов). Его реальной задачей было обеспечение главенства Пруссии, интересов ее элиты и этой цели он вполне достиг. Внешнеполитическая стратегия до 1890 г. также не претерпела никаких принципиальных изменений, оставшись прусской стратегией обеспечения безопасности ее границам, которая вполне успешно реализовывалась с начала XVIII века.

В 1890 г. с отставкой Бисмарка начался новый этап, что признается всеми, но название, дефиниция и содержание этого периода не являются столь однозначными.

Принятый в литературе термин «вильгельмовский период» или «вильгельминизм» возник по аналогии с «бисмарковским» и однозначно ставил в центр системы власти императора. Отсюда, под влиянием выступлений депутатов рейхстага и публикаций прессы, на которые были вынуждены отвечать «ответственные должностные лица», появился термин «личный». Термин «личный режим» предполагает определенную узурпацию власти, лишение иных властных институтов их прерогатив, отмену, полностью или частично, действия конституции, ее корректировку и т.д., то есть «личный» сродни режиму авторитарному. Ни одного из этих «новшеств» в истории Германии 1890-1914 или 1890-1909 гг. нами обнаружено не было. Конституции империи и Пруссии не нарушались, все прописанные в них органы власти продолжали функционировать и реализовывать свои права в полном объеме. Император ни на йоту не превысил своих полномочий, например, право самостоятельного назначения на те или иные государственные должности, право роспуска рейхстага и т.д. являлись его конституционными не только правами, но и обязанностями. И он исполнял их не более, но и не менее эффективно, чем это происходило при Бисмарке, который, кстати, в отличие от Вильгельма концентрировал в своих и своих ближайших родственников и свойственников руках ведущие государственные посты, что давало основания советской и восточногерманской историографии рассматривать его режим как «бонапартистский».

Запальчивость в речах – не преступление и не узурпация власти, а события 1908 г. фактически поставили именно императора под действие исключительного закона – он в отличие от своих подданных был лишен права слова, права на публичное высказывание. При нем не было введено в действие ни одного серьезного исключительного закона. Даже дискриминационный закон об экспроприациях на польских землях, принятый в 1908 г., был применен лишь однажды, что сразу же вызвало широчайшее движение протеста.

Наиболее обсуждаемым, вызывавшим самую серьезную критику был вопрос т.н. камарильи. Как известно, любой глава государства, в любой системе и при любом режиме имеет рядом с собой необходимых ему как в численном, так и качественном отношении ближайших советников. И далеко не всегда они занимают соответствующие государственные должности даже в современных государствах, поэтому эти обвинения также можно оставить за скобками. Таким образом, по сути, ни одно из доказательств, на которых строились обвинения императора в создании недемократичной системы, не представляется нам состоятельным.

Термин «вильгельминизм» мы считаем значительно более нейтральным и отвечающим реальному положению дел. Император, в отличие от предыдущего периода, действительно являлся властным центром системы, именно он определял основное направление политики, обеспечивал ее преемственность, а также принципиальное единство политического процесса.

Итак, содержанием периода вильгельминизма является консолидация Германской империи, которая, начавшись в 1890 г., в основных чертах была завершена к 1914 г. За эти 25 лет империя из «номинальной» стала реальной. В этом и заключалась эволюция системы власти, именно эволюция, а не модернизация, так как процессы происходили чаще всего независимо от целенаправленных действий государственных деятелей, общественных сил или властных институтов.

В 1870-1880-е гг. изменилась экономическая и социальная структура общества, буржуазия, связанная с промышленным и финансовым секторами, стала играть ведущую роль в хозяйстве страны. Но при этом протекционистская экономическая политика государства по-прежнему была ориентирована на преимущественную поддержку аграрного сектора, в котором ведущую роль продолжали играть прусские крупные сельхозпроизводители. Главной социально-политической проблемой являлись пролетариат и рабочее движение, бывшие совершенно новыми структурами и силами, к тому же вооруженными марксистской идеологией. Их политические

интересы представляла Социал-демократическая партия Германии, которая из небольшой, почти сектантской группы за каких-то 15 лет, да еще и действуя почти в подполье, превратилась в самую многочисленную и влиятельную политическую организацию в стране.

После отставки Бисмарка в Германии был провозглашен «новый курс», основной целью которого во внутренней политике было «примирение», то есть не запреты и борьба, а консолидация всех общественных сил на благо страны. Торговые договоры, заключенные в этот период преимущественно в интересах экспортоориентированного промышленного производства, к тому же по большей части не прусского, а имевшего центры на юге и юго-западе страны, заложили основу возможной консолидации вокруг Германии ряда европейских государств, что создавала основу для реализации в будущем проекта Срединной Европы. Эти же договоры настроили против нового правительственного курса прусскую аграрную элиту, увидевшую в них отказ от исключительной поддержки сельскохозяйственных производителей. Следствием этого стал глубокий конфликт между имперским руководством и юнкерами, принявший перманентный характер и превратившийся в основную линию напряжения и противоречий в системе власти в Германии. В это же время в стране предпринимался ряд дальнейших шагов по укреплению собственных имперских институтов. Кодифицировались отрасли права, началась постепенная подготовка к реформированию финансовой системы империи с целью сделать ее максимально независимой от отдельных германских государств. Расширялся охват мерами социальной поддержки все новых категорий трудящихся и их семей, постепенно расло благосостояние, улучшались условия труда и жизни, что в совокупности способствовало постепенному включению пролетариата в социальную систему государства. В значительной степени вследствие этого в СДПГ появилось влиятельное реформистское течение, заинтересованное в сотрудничестве вначале с иными социальными слоями, а впоследствии – и с властью, если это шло «на пользу» рабочему классу.

Постепенно власть начинает вырабатывать, а затем и формулировать свою новую внешнеполитическую стратегию. «Мировая политика» была заявкой Германии на превращение страны в мировую державу первого ряда, одну из пяти великих держав, выход ее из европейских рамок, по сути, отказ от прежней прусской политики на международной арене. Эта стратегия отвечала национальным притязаниям немцев, их экономическому и военному потенциалу, должна была удовлетворить их амбиции, которые столь долго оставались нереализованными, и превратиться в консолидирующую национальную идею. То есть, можно говорить о том, что процесс имперского нацистроительства вступил в эти годы в завершающую стадию.

Процесс имперского строительства сопровождался двумя основными тенденциями – постепенным снижением веса и значения старых сил и институтов, как то, прусских органов власти, придворного окружения и даже старой элиты, хотя как раз с ней вопрос оставался крайне сложным, ибо она еще долгое время сохраняла свои позиции. Второй важнейшей тенденцией стал рост значения и силы политических партий и рейхстага, чья роль коммуникативной площадки постепенно трансформировалась в роль важнейшего, равноправного с другими властного института. Эта тенденция была обусловлена ростом политического опыта партий, которые из лоббистских группировок постепенно превращались в современные политические организации, воспринявшие национальные цели и адекватно оценивающие свою роль в процессе их реализации. И хотя почти весь период вильгельминизма партии, заинтересованные в расширении влияния на избирателей, не отказывались от политики постоянного «торга с правительством» из своих узких, чаще всего экономических интересов, однако тенденция к росту их влияния и ответственности была очевидна.

Лишь одно оставалось неизменным, партии поддерживали или не поддерживали те или иные правительственные инициативы, но ни одна из них не формулировала собственной общенациональной программы, оставив это дело в руках исполнительной власти. И это обстоятельство представляется нам

более важным, чем так возжеленное всеми либералами, в том числе современными исследователями, введение ответственности канцлера перед рейхстагом и создание «партийного правительства».

Второй составляющей процесса превращения рейхстага в один из основных центров власти было увеличение количества и качества задач, которые перед ним стояли, то есть имперских целей. К таковым без всякого сомнения относится и активная внешняя, прежде всего колониальная политика, ее военное и военно-техническое обеспечение, а также ее идеологическая подготовка. Именно поэтому так важна была имперская финансовая реформа.

Сформулированная вначале как внешнеполитическая, имперская стратегия «мировой политики» в течение последующего периода превратилась в национальную идею, объединившую все общественные и политические силы. Самым показательным в этом отношении является пример социал-демократов, которые из «партии мятежа» стали социал-реформистской силой, в августе 1914 г. полностью поддержавшей правительство. Единственной реальной силой, оставшейся глухой к новым национальным задачам, были юнкеры, та самая прусская элита, составлявшая основу не только консервативной партии, но и главную опору трона.

В этом состоит, как представляется, главное противоречие этого периода, несомненно сыгравшее роковую роль в истории Германской империи. Император предложил Германии идею «мировой политики» (понятно, что ее формулировал не он один, но его роль «локомотива» этого процесса признается всеми), которая выводила ее за пределы европейских, уже узких для нее рамок, и должна была поставить ее в один ряд с двумя крупнейшими колониальными державами – Великобританией, к которой император испытывал сложный комплекс «любви-ненависти», и Францией, 20 лет назад быстро уступившей военной мощи Пруссии, а теперь, и это ясно показала Альхесирасская конференция, отказывавшейся признавать равенство Германии в колониальных вопросах. Вполне резонно в этой связи было

предположение, что если Германия не сможет заявить о себе как о мировой империи, то и ее границы в Европе, как на западе в Лотарингии и Эльзасе, как и на востоке, в Польше, в любой момент обострения межимперского соперничества могут перестать быть прочными. Для того, чтобы стать равной трем европейским державам, Германия должна была стать не номинальной, а подлинной империей. Единственный путь, который у нее для этого был, это развиваться как империя колониальная, так как на континенте пространства для расширения у нее не было.

Сформулированная таким образом идея, вследствие массивной, грамотно организованной идеологической подготовки постепенно завоевала сторонников во всех социальных и политических слоях, так как выгодна была абсолютно всем. Промышленники и финансисты получали новые рынки, пролетариат – новые рабочие места как в метрополии, так и в колониях, крестьяне – землю в колониях, либералы – реализацию идеи о цивилизующей роли «белого человека», социалисты изобрели для обоснования своего участия «социалистическую колониальную политику», в основе которой лежала та же прогрессивно-созидательная идея и т.д. и т.п. Повторюсь, что единственной политической силой, которая осталась почти глуха к этим планам, были прусские консерваторы-аграрии. Почти, потому как их кровь от крови и плоть от плоти, а именно верхушка прусской, читай имперской армии, была заинтересована в активной политике на международной арене более, чем кто-либо другой.

Можно было бы употребить все силы, чтобы подавить сопротивление аграриев, но власти раз за разом шли им на уступки и пытались договориться, хотя они мешали таким важным мероприятиям, как все та же финансовая реформа и др. Причина этого, как нам представляется, только в одном. Никто, кроме них не был заинтересован в сохранении института монархии как конституционной основы империи, то есть императора и династии во главе страны. Только для юнкерского класса они являлись залогом сохранения их социальной, экономической и политической позиции, их привилегий,

гарантом их будущего. Все остальные легко могли отказаться, и отказались в очень скором будущем, от «монархического принципа». Этот фактор как ни что иное способствовал сохранению юнкеров в качестве политической элиты страны не только после 1870, но и после 1890 г. Поэтому кардинальная трансформация системы была невозможна, сокращение прерогатив императора, запустило бы необратимый процесс «демократизации» системы, самым мягким вариантом которого был бы переход к «британской форме» государственного устройства, но путь этот был совершенно неприемлем в тот момент, когда страна находилась на подъеме, а император, будучи главнокомандующим, имел в своих руках и в своем распоряжении всю военную машину Германии.

Впрочем, в конце концов требования и претензии юнкеров перестали так заботить власти, чтобы постоянно идти им на уступки. Случилось это только после победы СДПГ на выборах 1912 г. и всеобщего понимания, что страна быстро идет к большой войне, в связи с чем режиму нужны иные опоры для ее победоносного завершения. Есть и еще одна возможность – война в определенной степени должна была освободить Германскую империю от многих заложенных в ее основание противоречий, стать тем модернизационным импульсом, которого не хватало в условиях мирного развития.

Результатом вильгельмовского периода стало превращение Германии из «номинальной» империи в подлинно единое государство, сформулировавшее имперские задачи и готовое приступить к реализации своих глобальных планов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

Неопубликованные источники

*1. Архив внешней политики Российской империи МИД РФ
(Москва)
(АВПРИ)*

Фонд 167 Посольство в Берлине

Опись 509/1 (1784–1914) переписка посольства с МИД

1890 г. Дела 3904, 3905, 3906, 3910, 3911, 3915, 3917, 3922, 3926, 3935, 3940, 3941, 3942, 3910, 3911, 3917, 3922, 3930, 3935, 3937, 3938, 3940, 3945;

1891 г. Дела 3946, 3947, 3950, 3958, 3960, 3967, 3968, 3969, 3974, 3975, 3979, 3980, 3988;

1892 г. Дела 3990, 3991, 4003, 4012, 4021, 4027, 4032;

1893 г. Дела 4034, 4035, 4047, 4047, 4055, 4055а, 4055б, 4057, 4062, 4066, 4067, 4069, 4074, 4080;

1894 г. Дела 4082, 4083, 4088, 4090, 4092, 4095, 4096, 4107, 4110, 4112, 4117;

1895 г. Дела 4119, 4120, 4126, 4128, 4130, 4134, 4139, 4143, 4144, 4145, 4147, 4148, 4150, 4155;

1896 г. Дела 4157, 4158, 4163, 4165, 4168, 4172, 4177, 4184, 4185, 4189, 4190, 4192, 4197;

1897 Дела 4199, 4200, 4202, 4208, 4213, 4217, 4219, 4223, 4224 а, б, в, г, 4226, 4233, 4232;

1898 г. Дела 4235, 4240, 4248, 4255, 4259, 4260, 4261, 4262, 4265, 4266, 4269, 4271, 4276;

1899 г. Дела 4278, 4279, 4280, 4284, 4287, 4295, 4302, 4307, 4308, 4310, 4315;

1900 г. Дела 4317, 4318, 4319, 4330, 4334, 4341, 4343, 4346, 4347, 4350, 4351, 4358;

1901 г. Дела 4360, 4361, 4362, 4377, 4385, 4390, 4391, 4392, 4404;

1902 г. Дела 4406, 4408, 4422, 4428, 4439, 4453, 4460;

1903 г. Дела 4461, 4463, 4464, 4485, 4490, 4493, 4496, 4501, 4503;

1904 г. Дела 4505, 4507, 4543, 4546, 4555, 4555а;

1905 г. Дела 4558, 4561, 4565, 4566, 4584, 4585, 4588, 4611, 4615, 4621, 4624, 4627, 4645;

1906 г. Дела 4648, 4650, 4654, 4659, 4675, 4676, 4685, 4692, 4697, 4703, 4708, 4714, 4721;

1907 г. Дела 4729, 4734, 4741, 4745, 4772, 4787, 4788

1908 г. Дела 4796, 4800, 4805, 4814, 4844,

1909 г. Дела 4862, 4866, 4869, 4870, 4875, 4876, 4877, 4897, 4909;

1910 г. Дела 4916, 4932, 4941;

1911 г. Дела 4943, 4944, 4982;

1912 г. Дела 5017, 5024, 5025;

1913 г. Дела 5027, 5028, 5029, 5045;

1914 г. Дела 5046, 5047, 5048, 5049, 5068, 5069, 5072, 5073, 5074, 5074б, 5075, 5075а, 5187 (вырезки за 1908), 5201, 5202, 5203, 5204, 5206, 5208.

Опись 509/4 (1839–1913) царские манифесты, переписка посольства с МИД и российскими представителями за границей, русско–прусские и русско-германские отношения, Анатолийская железная дорога (1899—1901), о международных отношениях, личные дела.

1889 г. Дело 12;

1889—1890 гг. Дело 62;

1890 г. Дело 63;

1894—1901 гг. Дела 15, 15а;

1877-1890 г. Дело 83;

1895 г. Дела 16, 17, 18а, 18б, 18в, 18е, 18ж, 18д, 18г, 19, 10б;

1896 г. Дела 63, 64;

1907 г. Дело 114;

1907–1910 гг. Дела 20, 21, 21а, 21б, 21в, 21г, 21д, 21е, 21ж, 22, 22а, 23, 24, 24а, 25, 26а, 26б, 26в, 34, 35, 35а, 37, 46, 54.

Фонд 133 Канцелярия

Опись 470

1890 г. Дела 2; 16; 54; 82;

1891 г. Дела 2, 16, 103;

1892 г. Дела 2, 74, 95, 96, 98;
1893 г. Дела 2, 17, 67;
1894 г. Дела 1, 17, 18, 18а, 33, 63, 92
1895 г. Дела 3, 17, 18, 19, 58, 79;
1896 г. Дела 2, 19, 20, 32, 52, 53, 138, 148;
1897 г. Дела 3, 21, 22, 23, 64, 94, 110
1898 г. Дела 2, 17, 18, 37, 43;
1899 г. Дела 15, 16, 37, 43;
1900 г. Дела 3, 17, 18, 39, 45;
1901 г. Дела 2, 14, 15
1902 г. Дела 14, 15
1903 г. Дела 14, 15
1904 г. Дела 16 Т. 1-2,
1905 г. Дела 18, 19
1906 г. Дела 3, 26, 27
1907 г. Дела 2, 17, 18
1908 г. Дела 13 Т. 1-2, 14, 15;
1909 г. Дела 20, 21;
1910 г. Дела 2, 18, 19
1911 г. Дела 2, 18, 19
1912 г. Дела 2, 18, 19
1913 г. Дела 17 не политический архив,
36 политический архив,
37 политический архив,
38 Т.1 политический архив,
40,
41 политический архив,
42 политический архив,

43,
48 политический архив,
55,
57 неполитический архив,
140.
1914 г. Дела 21 неполитический архив,
22 неполитический архив,
207,
210 политический архив,
211 политический архив,
212 политический архив,
213 политический архив,
216 Эльзас-Лотарингия,
137 политический архив,
208.

Фонд 171

Опись 513 миссия в Веймаре
Дела 308, 309, 311, 312.

Фонд 138 Секретный архив министра

Опись 467
Дело 115/122 отставка Бисмарка
Дело 129 германские дела 1893–1894
Дело 137 направления германской политики
Дело 140 беседы с Вильгельмом II 1895 г.
Дело 150 об отношениях с Германией 1896 г.
Дело 155 об отношениях с Германией 1897-1898 гг.
Дело 201 русско–германские отношения 1902 г.

Дело 223 о русско–германском договоре 1904 г.

Дело 228 беседа с Вильгельмом II российского военного агента по политическим вопросам

Дело 234 секретный протокол о международных мерах против анархистов

Дело 236 переписка по свиданию в Бьёрке 1905 г.

Дело 255 Багдадская железная дорога 1907 г.

Дело 262 Записка Извольского о беседах с канцлером Бюловым 1907 г.

Дело 280 записки о состоянии Германии 1909 г.

Дело 315 русско–польские отношения 1914

Дело 352 записка германского агента о мерах по борьбе с Россией

Дело 713 доклады Сазонова 1913–1916 гг.

Дело 714 о переговорах с германским послом 1910–1911 гг.

Дело 715 о переговорах с немцами 1912 г.

Дело 756 политическое обозрение МИД 1896—1902 гг.

Фонд 139 2-я газетная экспедиция Канцелярии

опись 476

Дело 77 вырезки 1860—1899 гг.

1894 г. Дело 419

1898 г. Дело 423

1905 г. Дела 438, 439, 440

1906 г. Дела 441-451 Обзоры печати.

1907 г. Дела 452-471 Обзоры печати

1908 г. Дела 473-486

1909 г. Дела 487–508

1910 г. Дела 514–538

1911г. Дела 538-572

1912 г. Дела 574—579

1912-1914 гг. Дело 580 польская печать

1914 г. Дела 587, 588.

Фонд 140 Отдел печати и осведомлений

опись 477

Дела 404–429 Обзоры по Германии;

Дела 430, 431, 432, 433, 434 Колонии Германии,

Дела 435, 436, 437, 438, 439 германские политические партии,

Дела 440, 441, 442, 443 рабочий вопрос в Германии,

Дела 444–458 экономическое положение Германии

Дела 472–477 общие по Германии.

Фонд 159 Департамент личного состава и хозяйственных дел

Опись 749/1 1895 г. Дело 1081 Шебеко Н.Н.

Опись 726. 1912 г. Дело 66 О смерти императорского посла в Берлине
Н.Д. Остен-Сакена

Опись 464 Дело 3713а Шувалов П.А.

Опись 464/2 Дело 2043 1824-1896 князь А.Б. Лобанов-Ростовский

Опись 464 Дело 492 Н.И. Булацель

2. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, GStA (Берлин)

Rep. 76 VII Подготовка школьной реформы

Rep. 77 Ministerium des Innern (Министерство внутренних дел)

Rep. 89 Geheimes Zivilkabinet (Тайный гражданский кабинет)

Rep. 90. Staatsministerium (Прусское государственное министерство)

Rep. 90a B. III Kronrat (Коронный совет)

3. Bundesarchiv (Берлин)

R. 43 Reichskanzlei
Vd. 6 1/2826 Каприви и Бисмарк
Vd.7 1/2828 Бисмарк
 1/2829 Смерть Бисмарка
 1/2898 Каприви
Gr. 28 Политические партии
Gr. 38 Рейхсканцлер
Gr. 39 Рейхстаг. Выборы

Пресса (отдельные номера газет)

Вестник Европы 1900-1905
Norddeutsche Allgemeine Zeitung 1890-1914
Berliner Tageblatt 1890-1914
Vorwärts 1890-1914
Hamburger Nachrichten 1890-1898
Vossische Zeitung 1890-1914
Germania 1890-1914
National Zeitung 1890-1914
Reichsanzeiger 1890-1914
Reichsgesetzblatt 1890-1914
Kölnische Zeitung 1890-1914
Die Hilfe №45 1908 г.

Опубликованные источники

1. *Бетман-Гольвег Т.* Мысли о войне. М.: Госиздат, 1925.
2. *Бисмарк О. фон* Мысли и воспоминания. Пер с нем под ред. А.С. Ерусалимского. М.: ОГИЗ, 1940. Т. 1-3.

3. *Бюлов Б.* Воспоминания / Пер. с нем. под ред. и с предисл. В. М. Хвостова. — М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935.
4. *Вебер М.* Избранные произведения / Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко; коммент. А. Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1990.
5. *Гогенлоэ Х.* фон. Мемуары кн. Гогенлоэ: (с портр. кн. Гогенлоэ). Москва: Буря, 1907.
6. 9 лет при дворе Вильгельма II. Из мемуаров графини Эппингховен. Извлечено Н.А. Темировой. Петроград : 1-я Жен. тип., 1915.
7. *Ламздорф В.Н.* Дневник (1886-1890). Под ред. и с предисловием Ф.А. Ротштейна. М.-Л., 1926.
8. *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894-1896. Под общей редакцией и с предисловием В. И. Бовыкина, пер. и составл. И.А. Дьяконовой. М., 1991.
9. Переписка Вильгельма II с Николаем II, 1894–1914. Москва, 2007.
10. *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991.
11. *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989
12. Собрание конституционных актов. Вып. 1. М. : издание В. М. Саблина, 1905.
13. *Фикельмон Д.* Дневник 1829–1837. Весь пушкинский Петербург. М., 2009.
14. Acta Borussica. Neue Folge. 1. Reihe. Die Protokolle des Preußischen Staatsministerium. 1817-1934/38. Hrsg. von der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften unter der Leitung von J.

Kocka, W. Neugebauer. Nildesheim, Zürich, New York: Olms-Weidmann, 1999-2003. Bd. 8/1-10.

15. Akten zur staatlichen Sozialpolitik in Deutschland 1890-1914. Hrsg. von P. Rassow, K.E. Born. Wiesbaden: F. Steiner Verlag, 1959.

16. Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte der Neuzeit. Bd. 25. Quellen zur deutschen Innenpolitik 1890-1914. Hrsg. von H. Fenske. Darmstadt, 1991.

17. *Bethmann Hollweg Th.* Betrachtungen zum Weltkrieg. Bd.1-2. Berlin 1919–1921.

18. *Bergsträsser L.* Das alte System über sich selbst. Aus den Erinnerungen von Ludendorf, Helfferich u.a. Berlin, 1920.

19. *Berlepsch H. Frh. v.* Sozial-politische Erfahrungen und Erinnerungen. München, 1936.

20. *Bismarck O. v.* Die politischen Reden des Fürsten Bismarck. Historisch-kritische Gesamtausgabe besorgt von H. Kohl. Bd. 1-14. Stuttgart: Cotta, 1892–1905.

21. *Bismarck O. v.* Gedanken und Erinnerungen. München, 2007 Bd. 1-3.

22. *Bismarck O. v.* Gesammelte Werke – Neue Friedrichsruher Ausgabe. Bd. 1-9. Paderborn [u. a.], 2004-2021.

23. *Bülow B.* Deutsche Politik. Berlin, 1916.

24. *Bülow B.* Deutschland und die Mächte. Dresden 1929.

25. *Bülow B. Fürst v.* Denkwürdigkeiten. Hrsg. v. F. von Stockhammern. Berlin: Ullstein, 1930/31. Bd. 1-4.

26. *Bülow B.* Weg zur politischen Reife. Berlin, 1917.

27. Das deutsche Kaiserreich 1871-1914. Ein historisches Lesebuch. Hrsg. und eingeleitet von G.A. Ritter. Göttingen, 1994.
28. Das Wilhelminische Deutschland. Stimmen der Zeitgenossen. Hrsg. und kommentiert von G. Kotowski, W. Pöls, G.A. Ritter. Frankfurt am Main: Fischer, 1965.
29. Der neue Kurs. Erinnerungen von O. Hamman. Berlin, 1918.
30. Die politischen Reden Kaiser Wilhelms II. Eine Auswahl. Hrsg. von M. A. Obst. Paderborn, 2011.
31. Die Reden des Grafen von Caprivi im deutschen Reichstage, preußischen Landtage und bei besonderen Anlässen. 1883-1893. Hrsg. von R. Arndt. Berlin: E. Hofmann & Company, 1894.
32. Dokumente der Deutschen Politik und Geschichte von 1848 bis zur Gegenwart. Ein Quellenwerk für die politische Bildung und staatsbürgerliche Erziehung. Hrsg. J. Hohlfeld. II. Bd. Das Zeitalter Wilhelms II. 1890-1918. Berlin, München, 1951.
33. Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte. Hrsg. von E.R. Huber. Bd. 2: Deutsche Verfassungsdokumente, 1851-1900; Bd. 3: Deutsche Verfassungsdokumente, 1900-1918. Stuttgart, Berlin, Köln: Kohlhammer, 1961-1964.
34. *Eckardt J. v.* Aus den Tagen von Bismarcks Kampf gegen Caprivi. Leipzig, 1920.
35. Fürst von Bülow's Reden. Hrsg. von W. von Massow. Bd. 1-5. Leipzig, 1910.
36. *Hamman O.* Um den Kaiser. Berlin, 1919.

37. Handbuch der Reichstagswahlen 1890-1918. Bündnisse, Ergebnisse, Kandidaten. Bearb. von C.-W. Reibel. Düsseldorf: Droste Verlag, 2007.
38. *Hohenlohe-Schillingsfürst Ch. zu*. Denkwürdigkeiten des Fürsten Chlodwig zu Hohenlohe-Schillingsfürst. Hrsg. von F. Curtius. Stuttgart, 1906. Bd. 1-2.
39. *Holstein Fr. A. v.* Die geheimen Papiere Friedrich von Holsteins. Gottingen, 1956. Bd.1-4.
40. *Hutten-Czapski B.* Sechzig Jahre Politik und Gesellschaft. Berlin, 1936. Bd. 1.
41. *Kardorff S.* Wilhelm von Kardorff. Ein nationaler Parlamentarier im Zeitalter Bismarcks und Wilhelm II. 1828-1907. Berlin, 1936.
42. *Kühne Th.* Handbuch der Wahlen zum preußischen Abgeordnetenhaus, 1867-1918: Wahlergebnisse, Wahlbündnisse und Wahlkandidaten. Düsseldorf: Droste Verlag, 1994.
43. Materialien zum politischen Richtungsstreit in der deutsche Sozialdemokratie 1890-1917. Hrsg. P. Friedemann. Mit einer Einleitung von H. Mommsen. Frankfurt am Main, Berlin, 1978. Bd. 1-2.
44. *Naumann F.* Werke. Bd.1-4. Berlin, 1910.
45. Philipp Eulenburgs Politische Korrespondenz. Hrsg. v. J. Röhl. 3 Bde. Boppard/Rhein, 1976-83.
46. *Puttkamer A.* Staatsminister von Puttkamer. Ein Stück preußischer Vergangenheit 1828-1900. Leipzig, 1928.
47. *Raschdau L.* Unter Bismarck und Caprivi: Erinnerungen eines deutschen Diplomaten aus den Jahren 1885-1894. Berlin, 1939.

48. Quellen zum politischen Denken der Deutschen im 19. und 20. Jahrhundert. Freiherr vom Stein - Gedächtnisausgabe Vormärz und Revolution, 1840-1849. Bd. VII. Unter Wilhelm II. 1890-1918. Hrsg. von H. Fenske. Darmstadt, 1982.

49. Quellensammlung zur Geschichte der deutschen Sozialpolitik 1867 bis 1914. Begründet von P. Rassow, K. E. Born. Im Auftrag der Historischen Kommission der Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Mainz. 1993-2016.

50. Quellenkunde zur deutschen Geschichte der Neuzeit von 1500 bis zur Gegenwart. Hrsg. von W. Baumgart. Bd. 5. Teil 2. Das Zeitalter des Imperialismus und des Ersten Weltkrieg. Darmstadt, 1977.

51. Reden des Kaisers. Ansprachen, Predigten und Trinksprüche Wilhelms II. Hrsg. von E. Johann. Berlin: Deutscher Taschenbuch-Verlag, 1977.

52. Reich und Länder. Texte zur deutschen Verfassungsgeschichte im 19. und 20. Jahrhundert. Hrsg. von H. Boldt. Berlin, dtv, 1987.

53. Reichskanzler Theobald von Bethmann Hollweg 1909–1921. Rekonstruktion seines verlorenen Nachlasses. Herausgegeben und bearbeitet von W. Baumgart. Berlin: Duncker & Humblot, 2021. 2 Teilbände.

54. *Salomon F.* Die deutschen Parteiprogramme. B. G. Teubner, 1931.

55. Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reiche. Berlin: Duncker & Humblot, 1877-1912.

56. Schulthess' Europäischer Geschichtskalender. Neue Folge. Hrsg. von H. Delbrück, G. Roloff. München: C.H. Beck, 1890-1914.

57. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Berlin, 1891-1914.
58. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags 1890-1914.
59. Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Preußischen Landtags. Haus der Abgeordneten. 1890-1914.
60. Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Preußischen Landtags. Herrenhaus. 1890-1914.
61. Sturm läutet das Gewissen. Nichtproletarische Demokraten auf der Seite des Fortschritts. Berlin: Verlag der Nation, 1980.
62. Unterm Zentrumsbanner. Werden, und Wilken der Zentrumspartei. Dokumente zur Zeitgeschichte. Hrsg. von H. Broermann, K. Grobbel. Berlin, 1926.
63. Volk, Kirche und Vaterland. Wahlaufrufe, Aufrufe, Satzungen und Statuten des Zentrums 1870-1933: eine Quellensammlung zur Geschichte insbesondere der Rheinischen und Westfälischen Zentrumspartei. Bearbeitet von H. Lepper. Düsseldorf: Droste, 1998.
64. *Waldersee A. Graf v.* Aus dem Briefwechsel. Stuttgart, Berlin, 1928.
65. *Waldersee A. Graf v.* Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschals Alfred Grafen von Waldersee. Hrsg. von H.O. Meisner. Bd. II. Stuttgart, Berlin, 1925.
66. *Westarp A. Graf v.* Konservative Politik im letzten Jahrzehnt des Kaiserreiches. Bd. 1. Berlin, 1934.

Список использованной литературы

1. *Айзин Б.А.* Марокканский кризис 1911 г. и германская социал-демократия // Ежегодник германской истории. 1973. М., 1973. С. 137-181.
2. *Айзин Б.А.* Альтернативы германской истории в конце XIX - начале XX века // Новая и новейшая история. №4 1992. С. 15-26.
3. *Айзин Б.А.* Борьба Карла Либкнехта против милитаризма в начале XX в. (1903-1907 гг.) // Империализм и борьба рабочего класса. М., 1960. С. 208-234.
4. *Айзин Б.А.* В. И. Ленин против ревизионизма и оппортунизма в германском рабочем движении (1898-1914 гг.) // Рабочее движение в новое время. М., 1964. С. 470-543.
5. *Айзин Б.А.* Обсуждение проблем германского империализма историками СССР и ГДР // Новая и новейшая история. №6 1987. С. 218-220.
6. *Айзин Б.А.* Стачка горняков Рура в марте 1912 г. // Из истории Германии нового и новейшего времени. М., 1958. С. 108-116.
7. *Андреев А.А.* Социальный вопрос в «Культуркампфе» в Германии (1871-1878 гг.). Диссертация на соискание ... кандидата исторических наук. М., 1951.
8. *Арапов Д.Ю.* Русский посол в Турции Н. В. Чарыков и его «заключение» по «мусульманскому вопросу» // Вестник Евразии: Независимый научный журнал. 2002. №. 2. С. 148–163.
9. *Аррен Ж.* Вильгельм II. Что он говорит, что он думает. Предисловие П. Адама. Пер. с франц. М.М. Тверского. М., 1914.
10. *Баев В.Г.* Генезис и развитие германского конституционализма в начале XIX - первой трети XX вв. Автореф. ... доктора юридических наук. Тамбов, 2008.
11. *Баев В.Г.* Германский конституционализм (конец XVIII - первая треть XX в.). Историко-правовое исследование. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2007.
12. *Баев В.Г.* Европейский конституционализм после Наполеона (на примере Германии) // Журнал российского права. 2005. № 7 (103). С. 113-123.

13. *Баев В.Г.* Парламентаризм в России и Германии: эпоха становления (последняя треть XIX - начало XX в.) // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 3. С. 175-182.
14. *Бальфур М.* Кайзер Вильгельм и его время. ЗАО «Центрполиграф» М., 2024.
15. *Баранов Н.Н.* «Гуннская речь» кайзера Вильгельма II в интеллектуальном контексте эпохи // Imagines Mundi. Альманах исследований всеобщей истории XVI – XX вв. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 3. Екатеринбург, 2008. С. 264-266.
16. *Басенко Ю.В.* Министр иностранных дел Алексей Борисович Лобанов-Ростовский (1895–1896 гг.) // Международная жизнь: проблемы внешней политики, дипломатии, национальной безопасности: ежемесячный журнал. М., 2002. №. 6. С. 10 –115.
17. *Бодров А. В.* Историческое значение «Конституции» Эльзас-Лотарингии 1911 года // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2014. № 13. С. 113–128.
18. *Бодров А. В.* Историческое значение «Конституции» Эльзас-Лотарингии 1911 года // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2014. № 13. С. 113–128.
19. *Боков Ю.А.* Прусская трёхклассная избирательная система (1849 1918 гг.) // Власть. №10. 2009; Зарождение избирательных прав пруссаков (19 ноября 1808 года – 30 мая 1849 года) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5, Юриспруденция. 2012. №2 (17). С. 99-105.
20. *Боков Ю.А.* Указ короля Пруссии "о проведении выборов депутатов второй палаты" от 30 мая 1849 Г.: нормативное содержание и практика реализации // Legal Concept. Правовая парадигма. -2021. - Т. 20, № 1. - С. 79-85.
21. *Боков Ю.А.* Этимологические, правовые и культурологические аспекты употребления терминов "подданство" и "гражданство" в Германской империи // Вопросы истории. 2021. № 1. С.94-102.
22. *Борозняк А. И., Павленко Г. В.* История германской социал-демократии в правореформистской интерпретации // Вопросы истории. 1976. №6. С. 180-187.

23. *Борозняк А. И., Павленко Г. В.* Радикально-демократическая историография ФРГ о проблемах германского рабочего движения // Вопросы истории. 1981. №6. С.64-75.
24. *Ватлин А.Ю., Невский С.И., Турыгин А.А.* Вильгельм II и система власти в Германии в конце XIX - начале XX века. Новая и новейшая история. № 3 2023. С. 7-27.
25. *Виноградова О.П.* Германское гражданское уложение 1896 г. как образец буржуазной кодификации права // Вестник Уральского юридического института МВД России. Екатеринбург. №4. 2015. С. 77-83.
26. *Власов Н.А.* Политические партии Германской империи в начале 70-х годов XIX в. // Вестник СПбГУ 2004. Серия 2. История. Вып. 1-2. С. 68-73.
27. *Власов Н.А.* Политические партии Германской империи в начале 70-х годов XIX в. // Вестник СПбГУ. Сер. 2 История. Вып. 1-2. СПб, 2004. С. 70.
28. *Гринин Л.Е., Крадин Н.Н. Кортаев А.В.* О методах исторического исследования // Вестник КИГИТ. №6 2013. С. 4-29.
29. *Данилевич Н.В.* Князь Лобанов-Ростовский: Судьба и Россия // Культурное наследие Российского государства. Вып. 4: Ученые, политики, журналисты об историческом и культурном достоянии. СПб., 2003. С. 533–551.
30. *Дударев В.С.* Отто фон Бисмарк: дружба "честного маклера": Уравновешивающая сила в отношениях России и Германии в XIX веке // Родина. № 3 2016. С. 98-101.
31. *Дударев В.С.* Спор об императорском титуле: традиционализм Вильгельма I и политика государственных интересов Отто фон Бисмарка // Новая и новейшая история, № 1 2022. С. 30-43 и др.
32. *Ерин М.Е.* Кайзер Вильгельм II и крушение Германской империи //Франция – Россия, 1914-1918 гг.: от альянса к сотрудничеству. Материалы франко-российского коллоквиума. М.: Росспэн, 2015. С. 86-95.
33. *Жильцова Ю.В., Жильцова А.В.* Русско-германская таможенная война и торговые договоры 1893 и 1904 годов. Часть I //

Международный бухгалтерский учет. – 2018. – Т. 21, № 7. – С. 852 – 866.

34. *Зорилэ Д.В.* Особенности развития коммунального налогообложения в Германии в XIX веке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. №2. 2021. С. 18-27.

35. *Калиничева Е.Ю.* Из истории развития сахарной промышленности // Всероссийский экономический журнал ЭКО. Новосибирск, 2010. №8 (434) С. 176-184.

36. *Кессельбреннер Г.Л.* Известные дипломаты России. Министры Иностранных Дел Российской Империи / отв. ред. А.В. Торкунов. М., 2007.

37. *Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в 1875–1914 гг.: очерки правительственной политики. СПб: Наука, 1978.

38. *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 2003.

39. *Ковригина С.И.* Дипломат и библиофил Алексей Борисович Лобанов-Ростовский // Книга в пространстве культуры. М., 2010. Вып. 1 (6). С. 29–32.

40. *Котов Б.С.* «Германия или Пруссия?» Цабернский инцидент 1913 года в отражении русской прессы // Новая и новейшая история. 2010. № 4. С. 191-200.

41. *Кретинин С.В.* Карл Каутский, 1854-1914 гг. Воронеж, 2007.

42. *Лаптев Б. Н.* Германский консерватизм эпохи Бисмарка. Уфа, 1999.

43. *Ливен Д.* Аристократия в Европе. 1815—1914. СПб., 2000.

44. *Лоскутова В.Н.* Немецкие консерваторы в зеркале отечественной историографии // Вестник Брянского университета №1 2015. С. 126-129.

45. *Любин В.П.* О неготовности постимперского общества к демократии.. Политика, №4 (71). 2013 С. 179-190.

46. *Людвиг Э.* Последний Гогенцоллерн (Вильгельм II). М.: Московский рабочий, 1991.

47. *Макдоно Дж.* Последний кайзер: Вильгельм Неистовый. Пер. с англ. А. Филитова. М.: АСТ, Люкс, 2004.
48. *Максимов И.П.* Бернгард фон Бюлов и социал-демократическое движение в Германии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2007. С. 53-56.
49. *Максимов И.П.* Внутренняя политика канцлера Германской империи Б. фон Бюлова (1900-1909). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Калининград, 2008.
50. *Максимов И.П.* Изменение партийной тактики Бернгарда фон Бюлова в 1905—1906 годах и создание «Бюловского блока» // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей. Калининград, 2012. С. 31-40.
51. *Максимов И.П.* Межпартийное маневрирование канцлера Германской империи Б. Фон Бюлова в 1900-1906 гг. // Власть. №9, 2014. С. 157-161.
52. *Максимов И.П.* Отношение Бернгарда фон Бюлова к Рурской стачке горняков и принятие новой поправки к горному закону // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей. Калининград, 2011. С. 28-33.
53. *Матвеева А.Г.* Германия: воплощение национальной мечты // Всемирная история в 6 томах. Том 5. Институт всеобщей истории РАН. Москва, 2019. С. 617-642.
54. *Матвеева А.Г.* Германская империя 1870-1914. М.: ИВИ РАН, 2002.
55. *Матвеева А.Г.* Канцлер Каприви и поляки. «Новый курс» в политике Германии в 1890-1894. М.: ИВИ РАН, 2008.
56. *Матвеева А.Г.* Канцлерство Бернхарда фон Бюлова (1900—1909). Попытка политической модернизации? // Новое в новой истории. Отв. ред. Г.А. Шатохина-Мордвинцева. М.: ИВИ РАН, 2023. С. 81-124.
57. *Матвеева А.Г.* Католическая партия Центра в политической системе Германии (1870-1914) // Европейский альманах 2003. М., 2003 С. 19-32.
58. *Матвеева А.Г.* Конституционное развитие Германии в XIX в. (на примере имперских конституций 1849 и 1871 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал История. Т. 9. Вып. 8 (72). М., 2018

59. *Матвеева А.Г.* Польское меньшинство в Германской империи — аграрный аспект правительственной политики и противодействие польского населения в конце XIX — начале XX в. // ЭНОЖ История. Том 12 Выпуск 6 (104) 2021.
60. *Матвеева А.Г.* Польское меньшинство в Германской империи — аграрный аспект правительственной политики и противодействие польского населения в конце XIX — начале XX в. // ЭНОЖ История. Том 12 Выпуск 6 (104) 2021.
61. *Матвеева А.Г.* Русско-германский торговый договор 1894 г. в контексте «нового курса» германского канцлера Л. фон Каприви // ЭНОЖ История. Вып. Том 10 Выпуск 11 (85). М., 2019. DOI 10.18254/S207987840008076-2
62. *Медяков А.С.* "Там, на Востоке стоит наш единственный враг": Август Бебель о России // Родина. № 5 Май. 2012. С. 86-91.
63. *Медяков А.С.* "На память о великом человеке". Бисмарк на немецкой почтовой открытке рубежа XIX - XX веков // Новая и новейшая история. N. 1 2017. С. 218-228.
64. *Миллер А.И.* Модерные империи: проблемы классификации, механизмы консолидации и распада // Политическая наука. №3 2013. С. 30-42.
65. *Новикова И.Н.* Дискуссии о "Срединной Европе" в кругах немецкой правящей элиты (1914 - 1915) // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. Вып. 5: Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, Мінск, 12 мая 2006 г. С. 191-197.
66. *Оболенская С. В.* Политика Бисмарка и борьба партий в Германии в конце 70-х годов XIX в. М., 1992.
67. *Овчаренко Н.Е.* Борьба марксизма против реформизма в германской социал-демократии в 1890-1892 годах // Из истории революционной борьбы. М., 1960. С. 181-242.
68. *Овчаренко Н.Е.* Германская социал-демократия на рубеже двух веков. М.: Мысль, 1975.
69. *Овчаренко Н.Е.* Две жизни Эдуарда Бернштейна // Новая и новейшая история, №№ 3-5. 1994.
70. *Овчаренко Н.Е.* Кризис германской социал-демократии в начале XX в. // Ежегодник германской истории. 1972. С. 96-122.

71. *Ольховская О.В.* «Партия «Центр» в Германии 70-х годов XIX века: организация, идеология, политическая практика. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Брянск, 2014.
72. *Павленко Г. В.* Теория и практика германской социал-демократии в крестьянском вопросе (1890-1895) / Ежегодник германской истории 1968. М.: Наука, 1969. С. 96-124
73. *Патрушев А.И.* Германские канцлеры от Бисмарка до Меркель. М., 2009.
74. *Патрушев А.И.* Расколдованный мир Макса Вебера. М.: Издательство Московского университета, 1992.
75. *Побываев Н.* Вильгельм II и Россия // Историк. 2021. URL. <https://историк.рф/posts/2021/04/02/vilgelm-ii-i-rossiya.html> (дата обращения 20.11.2023).
76. *Рагозин Г.С.* «Социалистическая Пруссия»? Разрушение и реабилитация «Прусского мифа» в ГДР (1945-1990 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. №61 2019. С. 85-88.
77. *Рель Дж. К. Г.* Вильгельм II. Германский император 1888–1918 // Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры. Ростов-на-Дону, 1997. URL. <https://litra.top/book/kayzery/page-25.html?ysclid=lssmmhj018164817470> (дата обращения 10.01.2024).
78. *Руге В.* Гинденбург. Портрет германского милитариста. М., 1982.
79. *Садовая Г. М.* "Диагональ" Бетман – Гольвега // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М.: Наука, 1994. С. 192-201.
80. *Семенова А.О.* Возникновение и развитие ревизионизма в германской социал-демократии: конец XIX - начало XX вв. Воронеж, 2006.
81. *Синегубов С.Н.* Военно-морская политика Германии при рейхсканцлерах Б. Бюлове и Т. Бетман-Гольвеге: общее и особенное // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. №. 11/1 /2014. Краснодар, 2014. С. 208-212.
82. *Синегубов С.Н.* Начало канцлерства Бетман-Гольвега и попытка заключения германо-английского флотского соглашения (июль

- ноябрь 1909 г.) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки, №11 (66) /2008. С. 246-252.

83. *Соколов В.К.* Католическая церковь и государство в Германии во второй половине XIX столетия (историко-критический очерк немецкого культуркампа). Казань, 1912.

84. *Субботин Ю.Ф.* Россия и Германия: партнеры и противники (торговые отношения в конце XIX века – 1914). М.: ИРИ, 1996.

85. *Устинова Ю.Н.* Национал-либеральная партия в политической жизни Германии: 1871-1878 годы». Брянск, 2013.

86. *Филитов А.М.* Бисмарк - Вильгельм - Гитлер: континуитет или разрыв традиции?. Новая и новейшая история, № 3 2022. С. 82-90.

87. *Фишер Ф.* Рывок к мировому господству: политика военных целей кайзеровской Германии в 1914-1918 гг. [пер.: Л.В. Ланник]; М.: Герм. ист. ин-т в Москве, 2017.

88. *Ходорковский Л.Д.* Католицизм и рабочий класс Германии 1871-1933. М., 1978.

89. *Цфасман А.Б.* Католическая партия Центра и рабочий класс накануне первой мировой войны // Ежегодник германской истории. 1973. М., 1974. С. 87-104;

90. *Чернов О.А. Н.В.* Чарыков в период Боснийского кризиса 1908–1909 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара, 2016. Т. 18. №. 3. С. 66–70 и др.

91. *Чернов О.А. Н.В.* Чарыков и подготовка Второй Гаагской конференции мира // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. Пенза, 2012. №. 27 (Ч. 4). С. 1089–1093;

92. *Чернов О.А. Н.В.* Чарыков и русско-германские отношения конца XIX века. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3. Ч. 2. С. 377.

93. *Чернявский С.И.* Российские дипломаты в Первой мировой войне. Сер. Книги и брошюры ИМИ. Т. 26. М.: МГИМО-университет, 2014.

94. *Чубинский В.В.* Название: Бисмарк. Политическая биография. М.: Мысль, 1988.

95. *Шановалов М.С.* Путешествие кайзера Вильгельма в Палестину в 1898 г. По материалам Архива внешней политики Российской империи // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. № 2. С. 75–90.
96. *Шмидт Т.З.* Неудачливый «Наследник»: штрихи к портрету рейхканцлера Бетман-Гольвега. Вестник Пермского университета. Сер. История. 2008. Вып. 23 (7). С. 11-16.
97. *Эслен И.* Политика внешней торговли. М., 1927. С. 181.
98. *Юршин А.А.* Колониальный вопрос и милитаризм в оценках германской социал-демократии: 1890 - 1914 гг. Воронеж, 2012.
99. *Adel und Bürgertum in Deutschland I: Entwicklungslinien und Wendepunkte im 19. Jahrhundert (Elitenwandel in der Moderne / Elites and Modernity, Berlin: Akademie Verlag, 2000.*
100. *Alexander M.* Die Freikonservative Partei 1890–1918. Gemäßigter Konservatismus in der konstitutionellen Monarchie. Düsseldorf: Droste, 2000.
101. *Auf dem Weg zur Parteidemokratie. Beiträge zum deutschen Parteisystem 1848-1989. Hrsg. von A. Schild., B. Vogel. Hamburg, 2002.*
102. *Bachem K.* Vorgeschichte, Geschichte und Politik der Deutschen Zentrumpartei. Bd. I – IX. Berlin, 1927-1932.
103. *Balfour M.* The Kaiser and His Times. London, 1972.
104. *Bartel W.* Die Linken in der deutschen Sozialdemokratie im Kampf gegen Militarismus und Krieg. Berlin, 1958.
105. *Bartel W.* Unbekannte Briefe an Karl Liebknecht anlässlich seiner Ablehnung der Kriegskredite im Deutschen Reichstag am 2. Dezember 1914. // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. H. 3. 1959. S. 597-629.
106. *Baumgart W.* Chlodwig zu Hohenlohe-Schillingsfürst (1819 - 1901) // Die deutschen Kanzler : von Bismarck bis Schmidt. Hrsg. von W. Sternburg. 2. Aufl. Königstein/Ts. : Athenäum. S. 55 – 67.
107. *Belgart M.* Parzellierung und innere Kolonisation in den 6 östlichen Provinzen Preußens. 1875-1906. Leipzig, 1907.
108. *Bergsträsser L.* Geschichte der politischen Parteien in Deutschland, München, 1921.

109. *Bergsträsser L.* Geschichte der politischen Parteien in Deutschland. München, Wien, 1965.
110. *Bernhard L.* Die Polenfrage. Nationalitätenkampf der Polen in Preußen. München-Leipzig, 1920.
111. *Biefang A.* Der Reichstag als Symbol der politischen Nation. Parlament und Öffentlichkeit 1867-1890 // Regierung. Parlament und Öffentlichkeit im Zeitalter Bismarcks. Politikstile im Wandel. Hrsg. von L. Gall. Paderborn, München, Wien, Zürich : Ferdinand Schöning. 2003. S. 23-42.
112. *Biefang A.* Die andere Seite der Macht. Reichstag und Öffentlichkeit im «System Bismarck» 1871-1890. Droste Verlag. Düsseldorf, 2009. S. 19.
113. Bilder aus der Kaiserzeit 1897 bis 1917. Historische Streiflichter 1897 bis 1917. Leipzig, Jena, Berlin : Urania Verlag, 1985.
114. *Blackbourn D.* Landschaften der deutschen Geschichte. Aufsätze zum 19. und 20. Jahrhundert. (Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft, Bd. 217.) Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2016.
115. *Bohlmann J.* Die Deutschkonservative Partei am Ende des Kaiserreichs: Stillstand und Wandel einer untergehenden Organisation. Saarbrücken: Südwestdeutscher Verlag für Hochschulschriften, 2012.
116. *Boldt H.* Der Föderalismus im deutschen Kaiserreich als Verfassungsproblem // Innere Staatsbildung und gesellschaftliche Modernisierung in Österreich und Deutschland 1867/71 bis 1914: Historikergespräch Österreich – Bundesrepublik Deutschland 1989. 1991, Oldenbourg-München: Verlag für Geschichte und Politik, 1991. S. 32.
117. *Boldt H.* Deutsche Verfassungsgeschichte, Bd. 1: Von den Anfängen bis zum Ende des älteren deutschen Reiches 1806. dtv, München 1984; Bd. 2: Von 1806 bis zur Gegenwart. München: dtv, 1984.
118. *Booms H.* Die Deutschkonservative Partei. Preußischer Charakter, Reichsauffassung, Nationalbegriff. Düsseldorf: Droste Verlag, 1954.
119. *Bösch F.* Öffentliche Geheimnisse. Skandale, Politik und Medien in Deutschland und Großbritannien 1880-1914. München, 2009.

120. *Brandt H.* Der lange Weg in die demokratische Moderne. Deutsche Verfassungsgeschichte von 1800 bis 1945. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998.
121. *Canis K.* Bismarck und Waldersee. Die außenpolitischen Krisenerscheinungen und das Verhalten des Generalstabes 1882 bis 1890 (= Schriften des Zentralinstituts für Geschichte, 60). Berlin: Akademie-Verlag, 1980.
122. *Canis K.* Bismarcks Außenpolitik 1870–1890. Aufstieg und Gefährdung (= Otto-von-Bismarck-Stiftung. Wissenschaftliche Reihe. 6). Paderborn u. a.: Schöningh, 2004.
123. *Canis K.* Der Weg in den Abgrund. Deutsche Außenpolitik 1902–1914. Paderborn u. a.: Schöningh, 2011.
124. *Canis K.* Von Bismarck zur Weltpolitik. Deutsche Außenpolitik 1890 bis 1902 (= Studien zur internationalen Geschichte. 3). Berlin: Akademie-Verlag, 1997.
125. *Carsten F. L.* Geschichte der preußischen Junker. Frankfurt am Main, 1988;
126. Cecil L. Wilhelm II. Vol. 1. Prince and Emperor, 1859-1900, Vol. 2. Emperor and Exile, 1900-1941. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1989;
127. *Clarck Ch. M.* Kaiser Wilhelm II. Harlow, England; New York: Longman, 2000.
128. *Clarck K.* Kaiser Wilhelm II. London: Penguin UK, 2009.
129. *Conze W.* Die Deutsche Nation. Ergebnis der Geschichte. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1963;
130. *Conze W.* Gesellschaft – Staat – Nation. Gesammelte Aufsätze. Hrsg. v. U. Engelhardt. Stuttgart: Klett-Cotta, 1992.
131. Das „lange“ 19. Jahrhundert. Alte Fragen und neue Perspektiven. Hrsg. von N. Freytag, D. Petzold. München: Herbert Utz Verlag, 2007.
132. Das Deutsche Kaiserreich 1871-1914. Ein historisches Lesebuch. Hrsg. von G.A. Ritter. Göttingen, 1992.
133. Das Ende der Kaiserherrlichkeit. Die Skandalprozesse um die homosexuellen Berater Wilhelms II. 1907-1909. Köln: Böhlau Verlag, 2010.

134. Das Kaiserreich am Abgrund. Die Daily-Telegraph-Affäre und das Hale-Interview von 1908. Darstellung und Dokumentation. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2002.
135. Das Kaiserreich. Portrait einer Epoche in Biographien. Hrsg. M. Fröhlich. Primus, 2001.
136. Der Boden und die landwirtschaftlichen Verhältnisse des preussischen Staates. Dargest. von A. Meitzen. Frankfurt am Main: Keip, 1868–1908Bd. 1-8.
137. Die bürgerlichen Parteien in Deutschland 1830-1945. Handbuch der Geschichte der bürgerlichen Parteien und anderer bürgerlicher Interessenorganisationen vom Vormärz bis zum Jahre 1945. Bd. 1-2. Leipzig, 1968-1970.
138. *Domeier N.* Der Eulenburg-Skandal. Eine politische Kulturgeschichte des Kaiserreichs. Frankfurt am Main, 2010.
139. *Domeier N.* The Eulenburg Affair. A Cultural History of Politics in the German Empire, Boydell & Brewer, 2015.
140. *Eckart K.* Agrargeographie Deutschlands. Agrarraum und Agrarwirtschaft Deutschlands im 20. Jahrhundert. Gotha, 1998.
141. *Egelhaaf G.* Theobald von Bethmann Hollweg der fünfte Reichskanzler. Hamburg: SEVERUS Verlag, 2011.
142. *Elias N.* Die höfische Gesellschaft: Untersuchungen zur Soziologie des Königtums und der höfischen Aristokratie. Suhrkamp Verlag, 1983.
143. *Engelberg E.* Bismarck. Das Reich in der Mitte Europa. Berlin, 1990.
144. *Engelberg E.* Deutschland von 1871 bis 1897 (Deutschland in der Übergangsperiode zum Imperialismus). Berlin, 1965.
145. *Eyck E.* Das persönliche Regiment Wilhelms II Politische Geschichte des Deutschen Kaiserreiches von 1890 bis 1914. Erlenbach, Zürich: E. Rentsch Verlag, 1948.
146. *Fesser G.* Bernhard von Bülow (1849-1929) // Das Kaiserreich. Portrait einer Epoche in Biographien. Hrsg. M. Fröhlich. Primus, 2001. S. 218.
147. *Fesser G.* Reichskanzler von Bülow – Architekt der deutschen Weltpolitik. Leipzig: Militzke Verlag, 2003;

148. *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht /Düsseldorf, 1984/
149. *Franz G.* Kulturkampf: Staat und katholische Kirche in Mitteleuropa von der Säkularisation bis zum Abschluss des preußischen Kulturkampfes. München, 1954;
150. *Fricke D.* Die deutsche Arbeiterbewegung 1869-1914: ein Handbuch über ihre Organisation und Tätigkeit im Klassenkampf. Berlin: Dietz Verlag, 1976;
151. *Fricke D.* Zum Bündnis des preußisch-deutschen Militarismus mit dem Klerus gegen die sozialistische Arbeiterbewegung am Ende des 19. Jahrhunderts // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. № 6. 1960. S. 1378-1395.
152. *Frölich J.* „Rechts steht Rom und Ostelbien, links steht Königsberg und Weimar“. Friedrich Naumann, die Gegner und die potentielle Verbündeten des Liberalismus // Liberalismus als Feindbild. Hrsg. E. Grothe, U. Sieg. Göttingen, 2014S. 113-133.
153. Front wider Bülow. Hrsg. Von F. Thimme. München, 1931.
154. *Gagel W.* Die Wahlrechtsfrage in der Geschichte der deutschen liberalen Parteien. 1848-1918. Düsseldorf, 1958.
155. *Gall L.* Krupp. Der Aufstieg eines Industrieimperiums." Berlin: Siedler, 2000;
156. *Gall L.* Bismarck. Der weiße Revolutionär. Frankfurt am Main u. a.: Propyläen-Verlag, 1980.
157. *Gall L.* Bürgertum in Deutschland. Berlin: Siedler, 1989;
158. *Gall L.* Bürgertum, liberale Bewegung und Nation. Ausgewählte Aufsätze. Hrsg. von D. Hein, A. Schulz, E. Treichel. München: Oldenbourg, 1996;
159. *Gall L.* Der Bankier Hermann Josef Abs. Eine Biographie. München: C. H. Beck, 2004;
160. *Gall L.* Der Liberalismus als regierende Partei. Das Großherzogtum Baden zwischen und Restauration Reichsgründung" Wiesbaden: Steiner, 1968;
161. *Gall L.* Von der ständischen zur bürgerlichen Gesellschaft". München: Oldenbourg, 1993;

162. *Gall L.* Walther Rathenau. Portrait einer Epoche. München: C. H. Beck, 2009.
163. *Goldschmidt H.* Das Reich und Preußen im Kampf um die Führung. Von Bismarck bis 1918. Berlin, 1931.
164. *Güntter Th.* Warum Kaiser Wilhelm II. am 2. Januar 1908 bei Eiseskälte nach Bielefeld reiste // Neue Westfälische. 02.01.2017. URL. https://www.nw.de/lokal/bielefeld/mitte/21531077_Warum-Kaiser-Wilhelm-II.-am-2.-Januar-1908-bei-Eiseskaelte-nach-Bielefeld-reiste.html (дата обращения 21.11.2023).
165. *Halder W.* Innenpolitik im Kaiserreich 1871–1914. Darmstadt, 2003.
166. *Hamre M.* Erich Ludendorff und die Frage nach der Verantwortung. Ein Paradigma der wilhelminischen Generation für den Umgang mit der Niederlage im Ersten Weltkrieg. München, 2014.
167. *Harnisch H.* Agrarstaat oder Industriestaat. Die Debatte um die Bedeutung der Landwirtschaft in Wirtschaft und Gesellschaft Deutschlands an der Wende vom 19. zum 20. Jahrhundert // Ostelbische Agrargesellschaft im Kaiserreich und in der Weimarer Republik. Agrarkrise - junkerliche Interessenpolitik – Modernisierungsstrategien. Hrsg. von H. Reif. Berlin, 1994. S. 33-50.
168. *Held W.* Caprivi und Bismarck. Leipzig, 1931.
169. *Henle A.* Fürst Bülow und der Kaiser: mit e. Wiedergabe aus ihrem geheimen Briefwechsel, Reissner Verlag Dresden 1930.
170. *Henning F.-W.* Landwirtschaft und ländliche Gesellschaft in Deutschland. Paderborn, 1988;
171. *Herwig H.H.* «Luxury» Fleet: The Imperial German Navy, 1888–1918. London, 1987.
172. *Höfer M.* Die Kaiser und Könige der Deutschen. 6. Aufl. München, 2003.
173. *Hopp A.* Zum Antiliberalismus adeliger Frauen: Familienalltag bei Otto von Bismarck // Liberalismus als Feindbild. Hrsg. E. Grothe, U. Sieg. Göttingen, 2014 S. 73-92.
174. *Horn H.* Der Kampf um den Bau des Mittellandkanals. Eine politologische Untersuchung über die Rolle eines wirtschaftlichen Interessenverbandes im Preußen Wilhelms II. Köln, Opladen, 1964.

175. *Huber E. R.* Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789. Bd. 1-8. Stuttgart: Kohlhammer Verlag, 1981-1990. Bd. 3: Bismarck und das Reich, 3. Aufl., Stuttgart 1988; Bd. 4: Struktur und Krisen des Kaiserreichs, 2. Aufl., Stuttgart, 1982.
176. *Huber E. R.* Nationalstaat und Verfassungsstaat; Studien zur Geschichte der modernen Staatsidee. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1965.
177. *Hull I.V.* The Entourage of Kaiser Wilhelm II 1888-1918. Cambridge University Press, 1982.
178. *John M.* Antisemitismus im Kaiserreich: Inwieweit trug die Deutschkonservative Partei zur Propaganda des Antijudaismus und eines Rassendenkens in der Gesellschaft bei? München: GRIN Verlag, 2022.
179. *Kaehler S. A.* Das preußisch-deutsche Problem seit der Reichsgründung// Preußen in der deutschen Geschichte. Hrsg. D. Blasius. Königstein/Ts., 1980. S. 57-71.
180. *Keller K.* Deutschlands auswärtige Politik von Caprivi bis Bethmann Hollweg: ein kritischer Überblick. Leipzig; Frankfurt am Main: Deutsche Nationalbibliothek, 2017.
181. *Kiesewetter H.* Industrialisierung und Landwirtschaft. Sachsens Stellung im regionalen Industrialisierungsprozess Deutschlands im 19. Jahrhundert. Köln, 1988.
182. *Kirsch M.* Monarch und Parlament im 19. Jahrhundert: Der monarchische Konstitutionalismus als europäischer Verfassungstyp - Frankreich im Vergleich. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 1999..
183. *Kluge U.* Agrarwirtschaft und ländliche Gesellschaft im 20. Jahrhundert. Hrsg. v. L. Gall. München, 2005.
184. *Kocka J.* Unternehmensverwaltung und Angestelltenschaft am Beispiel Siemens 1847 - 1914. Berlin, 1969;
185. *Kocka J.* Unternehmer in der deutschen Industrialisierung. Berlin, 1975.
186. *Kocka J.* Arbeiten an der Geschichte: gesellschaftlicher Wandel im 19. und 20. Jahrhundert. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011.
187. *Kocka J.* Das lange 19. Jahrhundert. Arbeit, Nation und bürgerliche Gesellschaft. Stuttgart: Klett-Cotta, 2001.
188. *Kocka J.* Historische Sozialwissenschaft: Auslaufmodell oder Zukunftsvision? München: Oldenburg, 1999.

189. *Kocka J.* Kampf um die Moderne: das lange 19. Jahrhundert in Deutschland. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2022.
190. *Kocka J.* Kampf um die Moderne. Das lange 19. Jahrhundert in Deutschland. Stuttgart: Klett-Cotta, 2021.
191. *Kocka J.* Sozialgeschichte. Begriff – Entwicklung – Probleme. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1986.
192. *Kohlrausch M.* Der Monarch in Skandal. Die Logik der Massenmedien und die Transformation der wilhelminischen Monarchie. Berlin, 2005.
193. *König W.* Wilhelm II. und die Moderne. Der Kaiser und die technisch-industrielle Welt. Paderborn, 2007.
194. *Kotulla M.* Deutsche Verfassungsgeschichte: vom Alten Reich bis Weimar (1495 - 1934). Berlin, Heidelberg: Springer Verlag, 2008.
195. *Kraus H.-Ch.* Geleitwort // Reichskanzler Theobald von Bethmann Hollweg 1909-1921. Rekonstruktion seines verlorenen Nachlasses. Hrsg. und bearb. von W. Baumgart. Berlin: Duncker&Humblot, 2021.
196. *Kühne Th.* Dreiklassenwahlrecht und Wahlkultur in Preussen 1867-1914. Landtagswahlen zwischen korporativer Tradition und politischem Massenmarkt. Droste Verlag. Düsseldorf, 1994.
197. *Lamar C.* Wilhelm II: Prince and Emperor, 1859-1900. The University of North Carolina Press, 1989.
198. *Langewische D.* Liberalismus in Deutschland. Frankfurt am Main: Suhkamp Verlag. 1988.
199. *Langewische D.* Reich, Nation, Föderation. Deutschland und Europa. München: C. H. Beck Verlag. 2008.
200. *Laschitza A.* Deutsche Sozialdemokraten im Kampf für Frieden und Abrüstung 1910/11 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. №. 6. 1988. S. 498-514.
201. *Leibenguth P.* Modernisierungskrisis des Kaiserreiches an der Schwelle zum Wilhelminischen Imperialismus. He Probleme der Ära Caprivi (1890-1894). Köln, 1975.
202. Liberalismus als Feindbild. Hrsg. E. Grothe, Göttingen: U. Sieg, 2014.

203. *Lieven D.* Abschied von Macht und Würden. Der Europäische Adel 1815-1914. Frankfurt am Main, 1995.
204. *Meinecke F.* Die deutsche Katastrophe. Betrachtungen und Erinnerungen. 4. Aufl. Wiesbaden, 1949.
205. *Meinecke F.* Preußen und Deutschland im 19. Jahrhundert // Preußen in der deutschen Geschichte. Hrsg. D. Blasius. Königstein/Ts., 1980. S. 49-56.
206. *Meisner H.O.* Der Reichskanzler Caprivi. Eine biographische Skizze // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft // Journal of Institutional and Theoretical Economics. Bd. 111, H. 4. (1955). P. 669-752.
207. *Menning D.* Standesgemäße Ordnung in der Moderne. Adlige Familienstrategien und Gesellschaftsentwürfe in Deutschland 1840–1945. München: Oldenbourg Verlag, 2014.
208. Moderne Preußische Geschichte 1648-1947. Eine Anthologie. Bearb. und hrsg. von O. Büsch, W. Neugebauer. Bd. 1-3. Walter de Gruyter. Berlin, New York, 1981.
209. *Mombert P.* Geschichte der Nationalökonomie. Jena, 1927.
210. *Mommsen W. J.* Der autoritäre Nationalstaat. Verfassung, Kultur und Gesellschaft im Deutschen Kaiserreich. Frankfurt am Main, 1992.
211. *Mommsen W. J.* Die italienische Frage in der Politik des Reichskanzlers von Bethmann Hollweg 1914–1915. Rome, 2016.
212. *Mommsen W. J.* Imperialismustheorien. Göttingen, 1987.
213. *Mommsen W. J.* Max Weber und die deutsche Politik 1890–1920, Tübingen: Mohr, 1959.
214. *Mommsen W. J.* Das Zeitalter des Imperialismus. Frankfurt am Main, 1969.
215. *Mommsen W. J.* Nation und Geschichte. Über die Deutschen und die deutsche Frage. München, 1990.
216. *Morsey R.* Die Deutschen Katholiken und der Nationalstaat zwischen Kulturkampf und Erstem Weltkrieg // Deutsche Parteien vor 1918. Hrsg. von G.A. Ritter. Köln: Kiepenheuer&Wirtsch. 1972.
217. *Nipperdey Th.* Deutsche Geschichte 1800–1866. Bürgerwelt und starker Staat. München: C. H. Beck, 1983.

218. *Nipperdey Th.* Deutsche Geschichte 1866–1918. Bd. 1. Arbeitswelt und Bürgergeist. Bd. 2: Machtstaat vor der Demokratie. München: C. H. Beck, 1990–1992.
219. *Nipperdey Th.* Die Organisation der deutschen Parteien vor 1918 (= Beiträge zur Geschichte des Parlamentarismus und der politischen Parteien. Band 18). Düsseldorf: Droste, 1961.
220. *Nipperdey Th.* Religion im Umbruch: Deutschland 1870-1918. München, 1988.
221. *Nipperdey Th.* Wie modern war das Kaiserreich?: Das Beispiel der Schule. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 1986.
222. *Nonn Ch.* Das Deutsche Kaiserreich. Von der Gründung bis zum Untergang. München: C.H. Beck Verlag. 2017.
223. *Obermann K.* Der Ruhrbergarbeiterstreik 1889. Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. H. 2. 1956. Berlin, 1956.
224. Ostelbische Agrargesellschaft im Kaiserreich und in der Weimarer Republik. Agrarkrise - junkerliche Interessenpolitik – Modernisierungsstrategien. Hrsg. von H. Reif. Berlin, 1994.
225. *Osterhammel J.* Europamodelle und imperiale kontexte // Journal of modern European history. München, 2004. №2. P. 157-181.
226. *Osterhammel J.* 1880 bis 1914 // Informationen zur politischen Bildung №315. 2012.
227. *Osterhammel J.* Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München: C. H. Beck, 2009.
228. *Preradovich N. v.* Die Führungsschichten in Österreich Und Preußen (1804-1918). Wiesbaden, 1955.
229. Preußen in der deutschen Geschichte. Hrsg. D. Blasius. Königstein/Ts.: Verlagsgruppe Athenäum-Hain-Scriptor-Hanstein, 1980.
230. Preußen. Porträt einer politischen Kultur. Hrsg. von H.-J. Netzer. München: Paul List Verlag, 1968.
231. *Puhle H.-J.* Agrarische Interessenpolitik und preußischer Konservatismus im wilhelminischen Reich (1893-1914). Ein Beitrag zur Analyse des Nationalismus in Deutschland am Beispiel des Bundes der Landwirte und der Deutsch-Konservativen Partei. Hannover: Verlag für Literatur u. Zeitgeschehen, 1967.

232. *Puhle H.-J.* Der Bund der Landwirte im Wilhelminischen Reich. Struktur, Ideologie und politische Wirksamkeit eines Interessenverbandes in der konstitutionellen Monarchie 1893–1914 // Zur soziologischen Theorie und Analyse des 19. Jahrhunderts. Hrsg. von W. Ruegg & O. Neuloh, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1971.
233. *Rauh M.* Föderalismus und Parlamentarismus im Wilhelminischen Reich. Droste Verlag. Düsseldorf, 1973.
234. *Reif H.* Adel im 19. und 20. Jahrhundert. München, 1999.
235. *Ritter G. A.* Arbeiter, Arbeiterbewegung und soziale Ideen in Deutschland. Beiträge zur Geschichte des 19. Und 20. Jahrhunderts. München: C. H. Beck, 1996.
236. *Ritter G. A.* Der Sozialstaat: Entstehung und Entwicklung im internationalen Vergleich. Berlin: De Gruyter Oldenbourg, 2015.
237. *Ritter G. A.* Die Entwicklung der Sozialdemokratischen Partei und der Freien Gewerkschaften von 1890-1900. Berlin, 1952.
238. *Rohe K.* Wahlen und Wählertraditionen in Deutschland: Kulturelle Grundlagen deutscher Parteien und Parteiensysteme im 19. und 20. Jahrhundert. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 1992.
239. *Röhl J. Ch. G.* From Bismarck to Hitler. The problem of continuity in German history. London: Longmann, 1970.
240. *Röhl J. Ch. G.* Germany without Bismarck. The crisis of government in the Second Reich, 1890–1900. London: Batsford, 1967.
241. *Röhl J. Ch. G.* Kaiser Wilhelm II. Eine Studie über Cäsarenwahnsinn (= Schriften des Historischen Kollegs. Vorträge, Bd. 19). München, 1989.
242. *Röhl J. Ch. G.* Kaiser, Hof und Staat. Wilhelm II und die deutsche Politik. München, 1995.
243. *Röhl J. Ch. G.* Wilhelm II. Bd. 1-3. München: C. H. Beck, 1993–2008: Bd. 1: Die Jugend des Kaisers, 1859–1888. 1993; Bd. 2: Der Aufbau der Persönlichen Monarchie, 1888–1900. 2001; Bd. 3: Der Weg in den Abgrund, 1900–1941. 2008.
244. *Röhl J. G.C.* Wilhelm II. Der Aufbau der Persönlichen Monarchie 1888-1900. München: C.H.Beck. 2001.
245. *Rühlmann P., Haintz O.* Das deutsche Kaiserreich 1871-1914. Leipzig : B. G. Teubner, 1925;

246. *Rühlmann P.* Das deutsche Kaiserreich in seinen außenpolitischen Beziehungen (1871-1914). 4. Aufl. Leipzig: B. G. Teubner, 1928.
247. *Salmonowisz S.* Preußen. Geschichte von Staat und Gesellschaft. Stiftung Martin-Opitz-Bibliothek, 1995.
248. *Schäfer J.W.* Kanzlerbild und Kanzlermythos in der Zeit des „Neuen Kurses“. Paderborn, 1973.
249. *Scheel H.* Deutscher Jakobinismus und Deutsche Nation. Ein Beitrag zur nationalen Frage im Zeitalter der Großen Französischen Revolution. Berlin: Akademie-Verlag, 1966.
250. *Scheel H.* Die Mainzer Republik: Die erste bürgerlich-demokratische Republik auf deutschem Boden. Berlin: De Gruyter Oldenbourg, 1989.
251. *Schieder Th.* Das deutsche Kaiserreich von 1871 als Nationalstaat. Köln, 1961.
252. *Schieder Th.* Staat und Gesellschaft im Wandel unserer Zeit. München: Oldenbourg, 1958.
253. *Schildt A.* Konservatismus in Deutschland – von den Anfängen im 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart. München: C. H. Beck, 1998.
254. *Schmidt-Volkmar E.* Der Kulturkampf in Deutschland 1871-1890. Berlin, Frankfurt, 1962;
255. *Schmoller G.* Die preußische Wahlrechtsreform von 1910 auf dem Hintergrunde des Kampfes zwischen Königtum und Feudalismus // Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reiche. 34. Band, 3. Heft, S. 1261-1279.
256. *Schneidewin M.* Das politische System des Reichskanzlers Grafen v. Caprivi. Danzig, 1894;
257. *Schorm L.* Die deutsche Landwirtschaft in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts. Zwischen Protektionismus, Marktöffnung und Kriegsbewirtschaftung, München: GRIN Verlag, 2013.
258. *Schulze H.* Preußen als Stabilitätsfaktor der deutschen Republik // Preußen in der deutschen Geschichte. Hrsg. D. Blasius. Königstein/Ts., 1980. S. 311-333.
259. *Seeber G. u.a.* Bismarcks Sturz. Zur Rolle der Klassen in der Endphase der preußisch-deutschen Bonapartismus. Berlin, 1977.

260. *Sell F.C.* Die Tragödie des deutschen Liberalismus. Stuttgart, 1953.
261. *Sering M.* Agrar- und Industriestaat // Wörterbuch der Volkswirtschaft. Hrsg. v. L. Elster. Bd. 1. Jena, 1911
262. *Sieg U.* Antisemitismus und Antiliberalismus im Kaiserreich // Liberalismus als Feindbild. Hrsg. E. Grothe, U. Sieg. Göttingen, 2014. S.93-112.
263. *Sombart N.* Wilhelm II. Sündenbock und Herr der Mitte. Berlin: Volk und Welt, 1996.
264. *Stalman V.* Die Partei Bismarcks. Die Deutsche Reichs- und Freikonservative Partei 1866 bis 1890. Düsseldorf: Droste Verlag, 2000.
265. *Stegmann D.* Die Erben Bismarcks. Parteien und Verbände in der Spätphase des Wilhelminischen Deutschlands. Sammlungspolitik 1897-1918. Köln, 1970.
266. *Stern F.* Das Scheitern illiberaler Politik. Studien zur politischen Kultur Deutschlands im 19. und 20. Jahrhundert. Frankfurt am Main: Propyläen Verlag, 1972.
267. *Stöcker G.* Agrarideologie und Sozialreform im Deutschen Kaiserreich. Heinrich Sohnrey und der Deutsche Verein für ländliche Wohlfahrts- und Heimatpflege 1896–1914. Göttingen, 2011.
268. *Stürmer M.* Preußen als Problem der Forschung // Moderne Preußische Geschichte. Eine Anthologie. Bearb. und herausgeb. von O. Büsch, W. Neugebauer. Bd. 1-3. Berlin, New York, 1981.
269. *Tormin W.* Geschichte der deutschen Parteien seit 1848. 2. Aufl. Stuttgart u.a.: Kohlhammer, 1966.
270. *Torp C., Müller S.O.* Das Bild des deutschen Kaiserreichs im Wandel // Das deutsche Kaiserreich in der Kontroverse. Hrsg. C. Torp, S. O. Müller. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2008. S. 9-30.
271. *Ullmann H.-P.* Das Deutsche Kaiserreich 1871–1918. Darmstadt 1997.
272. *Ulrich B.* Außenpolitik und Imperialismus. URL: <https://www.bpb.de/themen/kolonialismus-imperialismus/kaiserreich/139653/aussenpolitik-und-imperialismus/> (дата обращения 25.11.2022).

273. *Ullrich V.* Die nervöse Großmacht: Aufstieg und Untergang des deutschen Kaiserreichs 1871-1918. Frankfurt am Main: S. Fischer, 1997.

274. *Vietsch E. v.* Bethmann Hollweg: Staatsmann zwischen Macht u. Ethos. Boppard a. Rh.: Boldt, 1969.

275. *Wehler H.-U.* Bismarck und der Imperialismus. Kiepenheuer & Witsch, Köln u. a. 1969;

276. *Wehler H.-U.* Das Deutsche Kaiserreich 1871–1918 (= Deutsche Geschichte. Bd. 9 = Kleine Vandenhoeck-Reihe. 1380). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1973.

277. *Wehler H.-U.* Der Fall Zabern von 1913/14 als Verfassungskrise des Wilhelminischen Kaiserreichs // Krisenherde des Kaiserreichs 1871-1918. Studien zur deutschen Sozial- und Verfassungsgeschichte, Göttingen, 1979. S. 70-88.

278. *Wehler H.-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte Bd. 2-3. München: Beck, 1989, 1995.

279. *Wehler H.-U.* Krisenherde des Kaiserreichs 1871-1918. Studien zur Sozial- und Verfassungsgeschichte. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1979.

280. *Wehler H.-U.* Sozialdemokratie und Nationalstaat: die deutsche Sozialdemokratie und die Nationalitätenfragen in Deutschland von Karl Marx bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges. Würzburg: Holzner-Verlag, 1962.

281. *Weitowitz R.* Deutsche Politik und Handelspolitik unter Reichskanzler L. v. Caprivi. Düsseldorf, 1978; *Lahme R.* Deutsche Außenpolitik 1890-1894. Von der Gleichgewichtspolitik Bismarcks zur Allianzstrategie Caprivi. Göttingen, 1990.

282. *Winzen P.* Bernhard Fürst von Bülow. Weltmachtstrategie ohne Fortune. Wegbereiter der großen Katastrophe. Göttingen: Muster-Schmidt, 2003.

283. *Winzen P.* Bernhard Fürst von Bülow: Deutsche Politik. Bonn: Bouvier Verlag, 1992;

284. *Winzen P.* Das Ende der Kaiserherrlichkeit. Die Skandalprozesse um die homosexuellen Berater Wilhelms II. 1907-1909. Köln, Weimar, Wien, 2010.

285. *Wollstein G.* Ein deutsches Jahrhundert 1848-1945. Hoffnung und Hybris. Franz Steiner Verlag, 2010.

286. *Wollstein G.* Theobald von Bethmann Hollweg (1856-1921) // Das Kaiserreich. Portrait einer Epoche in Biographien. Hrsg. M. Fröhlich. Primus, 2001. S. 250-261.

287. *Wollstein G.* Theobald von Bethmann Hollweg. Göttingen: Muster-Schmidt, 1995.

288. *Zachau O.* Die Kanzlerschaft des Fürsten Hohenlohe: 1894 - 1900 ; Politik unter dem "Stempel der Beruhigung" im Zeitalter der Nervosität. Hamburg, 2007.

289. *Zmarzlik H. -G.* Bethmann Hollweg als Reichskanzler 1909-1914. Düsseldorf, 1957.